Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Коростелев Станислав Валентинович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ АКТОВ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Научная специальность: 23.00.04 - Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук
В.В. Пыж

Санкт-Петербург
2021

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 37
1.1. Сила и национальная безопасность в международных отношениях 39
1.2. Эволюция взглядов на обоснование справедливого характера применения силы до становления современной системы международной безопасности 69
1.3. Анализ практики применения силы Организацией Объединенных Наций для поддержания и восстановления международного мира и безопасности, противодействия транснациональным угрозам 99
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1 119
ГЛАВА 2. ОБОСНОВАНИЕ АКТОВ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ 121
2.1. Генезис и сущностные трансформации дефиниций процесса легитимации политических решений по применению силы в интересах обеспечения национальной безопасности 122
2.2. Политический механизм легитимации актов применения силы в международных отношениях. 155
2.3. Влияние международных правовых ограничений на обоснование силовых ответных мер государств по применению военной мощи для защиты национальных интересов 189
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2 220
Глава 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ «РАЗУМНО-НЕОБХОДИМОГО» ТОЛКОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 221
3.1. Общая характеристика метода стратегического легализма в международных отношениях 222
3.2. Анализ обращения к концепции стратегического легализма в случае обоснования вмешательства в конфликты на территории третьих государств для предотвращения гуманитарных катастроф 247
3.3. Анализ обращения к концепции стратегического легализма в случае обоснования необходимости вмешательства в конфликты на территории третьих государств для защиты общих интересов. 272
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3 290
Глава 4. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ СИЛЫ В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 292
4.1. Проблема выявления объекта применения силы как основа устранения неопределённостей в процессе политико-правового обоснования акта противодействия террористической угрозе 294
4.2. Обоснование нормативности необходимости применения силы при обращении к упреждающим действиям 331
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4 385
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 387
ВЫВОДЫ 389

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....400
Приложение 1.....427
Приложение 2.....429
Приложение 3.....430
Приложение 4.....431
Приложение 5.....433
Приложение 6.....434
Приложение 7.....435

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время происходят серьезные трансформации форм и методов конкуренции, используемых различными политическими акторами для изменения status quo в международной системе.

Международное сообщество не гомогенно — оно состоит из конфликтующих акторов, обладающих разным весом и влиянием, ставящих перед собою различные цели и обладающих несовпадающими интересами. Так же, международное сообщество — это абстрактная категория и оно не может править как объект управления ввиду своей анархичной природы; но оно обладает иерархичной структурой, в которой место государства определяется его совокупной национальной мощью. В борьбе за место в такой иерархии государства не могут не испытывать потребности в существовании механизмов легитимации своих действий, сущность которых состоит в обосновании и оправдании права на применение силы, в том числе вооруженного насилия, на пути движения к своим национальным целям.

Ряд проблем политической мобилизации[1] как национального, так и международных сообществ, порождены неопределенностью ряда базовых понятий, оформляющих взаимодействие государств. Даже существующая интеграция государств в рамках международных институтов в ряде случаев не предоставляет им достаточных ресурсов для обеспечения движения к национальным целям, например, ввиду отсутствия единой воли. Определение

[1] «Политическую мобилизацию можно определить как постепенное сосредоточение и использование государственным или негосударственным актером политики различных материальных и человеческих ресурсов с целью достижения своей цели. Цель достигается, прежде всего, путем создания массовой поддержки со стороны граждан, установления контроля над финансовыми и другими источниками, создания нового выгодного информационного дискурса». См.: Кремень Т. В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 146-149.

и заявление, например, общего интереса позволяет вовлечь в процесс обеспечения международной безопасности ресурсы других акторов. С данной точки зрения немаловажное значение приобретает такая трактовка основополагающих понятий и категорий политической науки, которая наиболее соответствует современным общественно-историческим реальностям. Так, например, содержание понятия «справедливое применение силы» должно быть приемлемым для разнообразных политических режимов, и соответствовать национально-культурным, религиозным и иным традициям различных народов.

Современные свойства среды безопасности наполнили новым содержанием проблему применения силы, и, соответственно, одна из самых сложных для толкования и применения статья 51 Устава ООН о неотъемлемом праве государств на самооборону стала вызывать гораздо более серьёзные разногласия относительно возможности обращения к ней. Основным аспектом проблемы по-прежнему является момент возникновения у государства права на самооборону, но уже относительно акторов-«не государств».

Исторический опыт международных отношений показывает, что любое государство, обращаясь к применению вооруженной силы, всегда заявляет о существовании у него справедливых причин для этого, что нашло своё отражение в положениях т. н. «доктрины справедливой войны».

В исследовании рассматриваются исторические аспекты формирования подходов к проблеме легитимации актов применения силы для разрешения международных конфликтов и сделана попытка разработки наиболее эффективных способов обоснования силовых действий государств в современном внешнеполитическом контексте.

В современном несовершенно организованном мире государства не возражают против справедливого применения силы – они возражают только против чрезмерного её применения. Также, с особой осторожностью они оценивают заявления о правомерности применения силы в случаях отличных

от отражения непосредственных вооружённых посягательств на атрибуты суверенитета. Так, например, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» устанавливает: «В области международной безопасности Россия сохраняет приверженность использованию прежде всего политических и правовых инструментов, механизмов дипломатии и миротворчества. Применение военной силы для защиты национальных интересов возможно только в том случае, если все принятые меры ненасильственного характера оказались неэффективными»[2].

Краеугольным камнем системы принципов Устава ООН является положение о том, что любая угроза или применение силы для обеспечения справедливости является бóльшим злом для международной системы, чем сосуществование государств при конкретной несправедливости. То есть, применение силы против существующего политического и территориального порядка, несмотря на его кажущуюся несправедливость, определяется как противоправное: при необходимости выбора между миром и справедливостью в случае недейственности мирных средств предпочтение следует отдавать миру.

Такая парадигма Устава ООН означает, что в споре ценностей предпочтение всегда должно отдаваться в пользу поддержания международного мира и вопреки стремлению к «справедливости», которая очевидным образом всегда понимается государствами по-разному. Но очень часто утверждение, что справедливость должна иметь приоритет перед состоянием мира вопреки запретам на применение силы, установленных Уставом ООН, поддерживается государствами ввиду явного несоответствия содержания нормы пункта 4 статьи 2 Устава ООН о запрете угрозы применения силы, либо её применения, современным потребностям защиты национальных интересов государств (особенно в понимании сверхдержав) в

[2] Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». П. 29.
URL: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html.

условиях меняющейся организации мирового сообщества. И как следствие, в экспертном сообществе отсутствует консенсус относительно содержания механизма определения легитимности обращения к силе и в отношении того, какие меры следует предпринимать, чтобы не только избежать «двойных стандартов», но и, на основе схожего толкования фактов международной жизни, радикально переломить ситуацию в пользу мирных средств разрешения международных споров.

Осмысление проблемы легитимации политических решений по применению силы в международных отношениях в условиях современной геополитической парадигмы в научном дискурсе неразрывно связано с проблемой признания основными международными акторами акта обращения государства к силе справедливым, необходимым и соразмерным угрозе. Решение задачи поиска и заявления приемлемого для них обоснования акта обращения к силе является едва ли не самым приоритетным направлением деятельности органов государственной власти во внешнем мире. Каким же образом она решается? Что представляет из себя механизм обоснования необходимости обращения к вооруженному насилию в межгосударственных отношениях и его место в обеспечении обороноспособности государства, особенно в условиях становления новой геополитической модели мира?

Заявления государств о справедливом характере одностороннего обращения к силе (заявление о необходимости следования определенной концепции применения силы) совершаются в процессе политико-правового обоснования данного акта перед участниками международного общения, а именно, доказывается необходимость и соразмерность:

- самообороны, в том числе, интерпретируемой в широком смысле, в том числе для противодействия трансграничному терроризму;
- борьбы за самоопределение и деколонизацию;
- гуманитарного вмешательства;

- вмешательства с применением военных средств для замены элит в другом государстве;
- вмешательства с применением военных средств в сферах влияния и критичных для обеспечения обороны зонах;
- военного вмешательства на территорию другого государства для исполнения договорных обязательств;
- вмешательства с применением военных средств для обеспечения сбора доказательств в ходе международных расследований;
- вмешательства с применением военных средств для обеспечения исполнения решений международных судов;
- ответных меры: реторсий и репрессалий[3].

Также, вооруженные формирования могут применяться, например, для:

- поддержания политического баланса сил в межгосударственных отношениях путём демонстрации намерений и возможностей защищать национальные интересы;
- противодействия незаконному обороту наркотиков и проявлениям терроризма и насильственного экстремизма;
- защиты своих граждан и их эвакуации из зон чрезвычайных ситуаций на территории зарубежных государств, и др.

Проблема признания права государств предпринимать действия вне пределов национальной территории для противодействия трансграничному терроризму и насильственному экстремизму вызвала необходимость развития новых толкований норм института самообороны, поскольку ранее предполагалось, что обращение к самообороне возможно лишь при агрессии другого государства.

[3] Данная классификация основных способов одностороннего обращения к силе приведена: Reisman, W. Michael, “Criteria for the Lawful Use of Force in International Law” (1985). Faculty Scholarship Series. Paper 739. URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/739 (дата обращения: 21.01.2016).

Всякий акт обращения государств к силе сопровождается обсуждением вопроса на заседании Совета Безопасности ООН, причём в ходе дискуссий обязательно обсуждаются критерии «необходимости» и «соразмерности» такого акта. Считаем необходимым отметить, что эта современная обязанность государств берет свое начало в разрешении инцидента *Каролина*[4] в первой половине XIX в., о чем будет рассказано ниже.

В отличие от критерия «соразмерности», достаточно полно регламентированного в настоящее время в международном гуманитарном праве, «необходимость» акта применения силы, является по своей сути политической, т. е. внеправовой оценкой, опирающейся главным образом на характерную для конкретной эпохи морально-этическую аргументацию, хотя и она также заявляется в терминах права.

Также считаем необходимым отметить, что в данной работе силовые средства, находящиеся в арсенале международных акторов, разграничены на «*применение силы*» (*принуждение* с использованием средств и методов ведения военных действий) и «*понуждение*» - воздействие на акторов с использованием экономических, дипломатических и иных «невоенных» средств. И исследование осуществляется в отношении обоснования необходимости и соразмерности применения именно силовых - «военных» - средств разрешения конфликтов.

Необходимость обращения к угрозе применения силы, либо её применению, оценивается государствами в контексте международной обстановки и собственных внешнеполитических целей. При неэффективно работающих международных институтах, при поиске способов защиты национальных интересов, государства вынуждены самостоятельно оценивать ситуацию, искать доступные средства принуждения и понуждения,

[4]Letter from Daniel Webster to Lord Ashburton (Aug. 6, 1842). Treaties and Other International Acts of the United States of America. Edited by Hunter Miller. Volume 4. Documents 80-121: 1836-1846. Washington : Government Printing Office, 1934.

принимать решение о готовности нести международную ответственность за тяжесть последствий своего поведения.

Проблема обеспечения национальных интересов теснейшим образом связана с вопросом об источниках национальной мощи и ограничениях для их применения при проведении самостоятельной политики. Устойчивость международной системы зависит: во-первых, от готовности ее субъектов действовать в соответствии с правовыми предписаниями, которые по своей природе являются не чем иным как коллективным опытом, т. е. от признания ими легитимности самой системы международных отношений; во-вторых, от согласия с возможностью присвоения им международной ответственности за нарушения status quo. К.С. Гаджиев предлагает достаточно ёмкое определение данного процесса: «Обеспечение легитимности, или легитимизация[5] — это форма обоснования, которая призвана интегрировать разрозненные институты, отношения, процессы, подсистемы и т. д., тем самым придавая смысл всему социальному порядку»[6]. Конечно же, изменить анархичную природу международной системы данный процесс не может. Осуществляя легитимацию действий, мы, всего лишь, определяем стратегию своего поведения в рамках текущего состояния международной системы, опираясь на доступные нам элементы национальной мощи государства и их качество.

Можно также определить, опираясь на идею А.И. Соловьева[7], что процесс легитимации актов применения силы является функциональной[8]

---

[5] В научной литературе для описания одного феномена встречаются два сходных термина «легитимизация» и «легитимация». В данной работе будет использоваться термин «легитимация».

[6] Гаджиев К. С. Политология. Глава «Легитимность». М.: Логос, 2001. URL: http://bibliotekar.ru/politologia-2/29.htm (дата обращения: 12.11.2014).

[7] Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов /А. И. Соловьев. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 559 с. Раздел VII. Политические технологии. Глава 20. Роль технологий в политическом процессе. С. 414-429.

[8] Соловьев А. И. Политология. С. 423.

нормативной[9] политической технологией, предполагающей рационализацию и алгоритмизацию принятия решений по защите национальных интересов в военной и дипломатической сферах, которые слабо подвержены какой-либо технологизации, например, в процессе неформального согласования явных и неявных действий международных акторов.

Всякий политический механизм в широком смысле можно определить как «совокупность различных видов деятельности социальных субъектов по достижению своих политических целей, а также способов реализации их взаимоотношений, формальных и неформальных правил и процедур, ограниченных нормами права, отражающих общие ценности общества»[10]. Существование таких ограничений обусловлено в первую очередь тем, что взаимодействия осуществляются в системе государств, которая сама по себе является результатом многовекового политического процесса.

Вследствие этого технология политической легитимации актов применения силы неизбежно должна включать в себя международные нормы, в том числе правовые, как специфическое знание, и приемы и методы их толкования и заявления международными акторами, решающими задачи достижения своих политических целей и оказания влияния на поведение конкурентов.

Совершенствование «языка», на котором основные международные акторы ведут дискурс в сфере обеспечения международной безопасности, является объективной необходимостью в связи с тем, что система видов взаимодействий акторов современного негомогенного международного

---

[9] Нормативные технологии — это способы деятельности, жестко обусловленные существующими в обществе (организации) законами, нормами, традициями или обычаями. Девиантные технологии противоположны им, это отклоняющиеся от такого рода требований и стандартов способы деятельности. См.: Соловьев А. И. Политология. С. 425-426.

[10] Малинина С А. Правовые ограничения средств массовой информации и характеристика методов агитации в избирательном процессе // Диалог. Международный научно-аналитический журнал Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ №1 (12) 2018.

сообщества - стратегический континуум – может быть описана несколькими моделями организации (многополярностью, многосторонностью, фрагментированностью и сетевой организацией[11] - в зависимости от распределения баланса сил и состояния государственного управления). Для этих моделей организации международного сообщества присущи свои уникальные способы взаимодействия, в том числе, в сфере применения силы.

В этом контексте всегда поднимается вопрос об использовании силового вмешательства как крайнего средства воздействия и, соответственно, необходимости легитимации актов применения силы в международных конфликтах.

Этими обстоятельствами объясняется **актуальность исследования** проблемы легитимации политических решений по применению силы для обеспечения безопасности государства.

Степень научной разработанности проблемы.

Функционирование политического механизма легитимации актов применения силы служит своеобразным индикатором теории и практики реализации решений по применению силы в международных отношениях. Проблемы обращения к силе для разрешения конфликтов социальных групп, в том числе зарождавшихся государств, находили свое отражения в писаниях античных авторов, например Фукидида[12], Аристотеля[13], Цицерона[14]; идеологов раннего христианства Оригена[15], Тертуллиана[16];

---

[11] См.: Global Strategic Trends. The Future Starts Today. Sixth Edition. Commonwealth of Australia. Vice Chief of Defence Force (15 November 2016), Future Operating Environment: 2035. P. 20.

[12] Thycydides. History of the Peloponnesian War. Chapter XVII. The Milan Dialogue. URL: http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/melian.htm.

[13] Аристотель. Политика. Книга седьмая. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php.

[14] Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах. – М., 1994. URL: http://grachev62.narod.ru/ciceron/Ogl.html.

[15] Ориген. Против Цельса. Книга третья. VIII. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Origen/protiv_celsa/3.

[16] Тертуллиан. Апологетик. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/.

средневековья - Блаженного Августина[17], Фомы Аквинского[18] и др. А наивысший расцвет т. н. «доктрины справедливой войны» пришёлся на эпоху Возрождения, поскольку она развивалась одновременно с формированием принципов построения системы современных государств. Следующий же наиболее значительный этап развития доктрины приходится на XX в., когда развитые государства, едва не уничтожившие друг друга в ходе двух мировых войн и ядерного противостояния «холодной» войны, начали создаваться институты обеспечения международной безопасности.

Политический вес государства, по-прежнему, как фактор международных отношений, определяется степенью и интенсивностью воздействия всех слагаемых элементов совокупной мощи данного государства на систему международных отношений или ее субъектов[19].

Все заметные события в мировой политике и международных отношениях оцениваются через призму критерия легитимности, который базируется на языке правовых норм, формирующихся синхронно с развитием цивилизации и определяемых относительно присущих эпохе ценностей. В любую эпоху к проблемам регулирования применения силы для защиты групповых интересов (в новое время – государственных) обращались существенное число специалистов в разнообразных сферах деятельности – теологи, правоведы, социологи, политологи, собственно специалисты в сферах военного дела и международных отношений. Так, например Ф. Гизо заявлял: «Политическая легитимность есть очевидным образом право,

[17] Блаженный Августин. Творения. Том 3–4. – СПб.: Алетейя, 1998.
[18] Фома Аквинский. Сумма теологии. Том VII. Вопрос 40 «О войне». Раздел 1. Всегда ли греховно вести войну? URL: http://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40.
[19] Более подробно См.: Пыж В.В., Фролов А.Е. Политическая безопасность государства и политическая стабильность общества как объект политологического анализа// Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 3 (31). С. 16-27.

основанное на древности, на длительности; на первенство во времени ссылаются как на источник права, доказательство легитимности власти»[20].

Основные изыскания исследователей в данной сфере являются, по сути, попытками создания некой универсальной модели обоснования принятого органами государственной власти решения о применении силы, предназначенной для обеспечения признания основными международными акторами такого акта справедливым, необходимым и соразмерным угрозе.

Следует отметить, что представители современной отечественной политологической школы в своих исследованиях достаточно часто затрагивали вопросы обоснования политических решений во внешнем мире, в том числе связанных с применением вооруженной силы. В значительной части работ отечественных и зарубежных философов, историков, социологов, политологов затронуты достаточно узкие специальные аспекты, на которые мы ссылаемся при рассмотрении отдельных фрагментов темы диссертации.

Анализ современных теоретико-методологических подходов позволяет заключить, что проблема корректного использования специального аппарата для обеспечения политических взаимодействий при обосновании актов применения силы в международных отношениях является ключевой для обеспечения как международной безопасности в целом, так и национальной безопасности в частности. В настоящее время феномен безопасности государства является объектом исследования не только военной элиты - военной наукой, как это было, например, в начале XIX в., но также исследуется в рамках политологии, права, социологии, философии, экономики, и др., т. е. приобрел междисциплинарный характер.

Так, например, социологический подход позволяет рассматривать специфику безопасности в контексте изменения социально-политического

---

[20] См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. Изд. 3-е без перемен. СПб., 1905. URL: http://az.lib.ru/g/gizo_f/text_1828_histoire_de_la_civilisation_en_europe.shtml. (дата обращения: 19.12.2020).

содержания войны, её современного военно-технического облика и воздействия этих и многих других, например, демографических факторов.

Безопасность, как правовая категория, рассматривается через призму конституционно-правовых обязанностей субъектов обеспечения национальной безопасности. В рамках такого подхода основой безопасности выступает, прежде всего, качественное национальное законодательство и его эффективная реализация в международных отношениях властными субъектами – органами государственной власти.

В рамках философского подхода специфика обеспечения национальной и глобальной безопасности рассматривается в контексте борьбы идеологий и духовно-мировоззренческих приоритетов современного мира.

Специфика философского осмысления проблемы безопасности современного мира связана с включением в исследование системы мер обеспечения стабильности мироустройства фактора учёта соотношения объективной действительности и субъективного мира. Осознание содержания такого фактора достаточно узкой категорией лиц, принимающих решения о применении силы, в значительной степени способно создавать условия для безопасного сосуществования государств и народов. Данный подход представляется достаточно валидным для исследования проблем обращения к силе в условиях новой информационной реальности.

В рамках политологического подхода специфика военной безопасности государства рассматривается в контексте новых вызовов современного мира и появления новых средств и методов вооруженной борьбы.

В комплексе взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, финансовых, информационных и иных мер, к которым обращаются государства для защиты национальных интересов, особая роль отводится политико-правовым средствам обоснования заявлений государств на признание акта применения силы справедливым. В данной работе не исследуются сущность и закономерности развития международных правовых норм, источники, в которых они зафиксированы, причины их

возникновения, их цели, особенности, эффективность действия, характер взаимосвязи с иными международными нормами, с внутригосударственным правом, что, несомненно, является предметом науки международного права. В тоже время, в связи с отношениями, складывающимися в международном сообществе в сфере применения силы, нормы международного права в работе рассматриваются, но как «готовый» целостный инструмент, имеющийся в распоряжении органов государственной власти, и используемый лицами, принимающими решения, для обеспечения легитимации актов применения силы.

Содержание процесса легитимации актов применения силы определяется историческим процессом возникновения и институционализации современного международного сообщества, основными единицами которого по-прежнему до настоящего времени являются светские национальные государства, а также созданные ими институты, со всеми присущими им атрибутами и сущностными характеристиками.

В общем случае оценка легитимности какого-либо акта применения силы должна исходить из определения того, соответствует ли он ожиданиям основных акторов, т. е. нарушает ли он международные обязательства государства, либо является или нет несправедливым / неправомерным применением силы, либо угрозой её применения. Признание конкретного акта применения силы легитимным чаще всего осуществляется в ходе политического процесса, формализуемого в дискуссиях Совете Безопасности ООН.

Большой интерес с данной точки зрения представляют этапы легитимации, а именно, выделение в процессе исследования:

- предыдущего опыта системы государств (выраженного в нормах международного права);

- свойств современной системы (оценка рациональности организации международного сообщества и выявление «неэффективности» его нормативного регулирования);

- желаемого идеального состояния международной системы (создание «справедливых» рациональных правил – «нового» толкования международного права).

После распада СССР и прекращения двухполярного противостояния перед международной системой остро встал вопрос сохранения такого состояния стратегического континуума, который бы обеспечивал её стабильность. Однако изменившаяся геополитическая картина мира не позволила решить такую задачу обеспечения безопасности на базе прежних концептуальных и доктринальных подходов. Соответствующий процесс поиска новых форм нормативного обеспечения функционирования политических механизмов нашел отражение в научных трудах, публицистике, материалах международных форумов.

Значительное количество нормативного, в том числе правового материала, регламентирующего сферу обеспечения международной и национальной безопасности, накопленного к настоящему времени, не подвергалось должному изучению и системному анализу с позиции поиска методики обоснования и применения способов легитимации действий государства во внешнем мире. Комплексный анализ системы исходов современных международных конфликтов, отраженных в соответствующих сопровождающих их актах международных институтов (в том числе, решения международных судебных органов и арбитражей), позволяет достаточно рационально определять соразмерность действий государств по противодействию проблемам в сфере безопасности. В то же время необходимо оценивать возможность интерполяции полученного политического опыта на урегулирование возникающих проблем для международной и национальной безопасности, т. е. в условиях новых конфликтов, появление которых является неизбежным, как минимум по

причине постоянно идущих изменений в технологическом укладе. Выявление в этом процессе нормативных пробелов позволяет формулировать предложения по совершенствованию механизма обоснования политических решений по применению силы для обеспечения национальной безопасности.

Для анализа генезиса проблемы автор обратился к научно-исследовательским трудам, содержащим концептуально-доктринальные положения обеспечения международной и национальной безопасности, общетеоретические и методологические подходы по вопросам безопасности, войны и мира, геополитики, внешней политики, национальной обороны.

Так, концептуальные основы обеспечения международной безопасности и национальной безопасности в частности нашли отражение в трудах А.Г. Арбатова[21], Г.А. Атаманова[22] , В.А. Ачкасова[23], О.А. Белькова[24], А.Д. Богатурова[25], И.В. Бочарникова[26], О.Н. Быкова[27], А.И. Владимирова[28], М.Ф. Гацко[29], В.А. Золотарева[30], С.В. Кортунова[31], А.И. Коровянского[32],

[21] Арбатов А.Г. Уравнение безопасности. М.: РОДП «Яблоко», 2010. 296 с.
[22] Атаманов Г.А. Методология безопасности // Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI». 2011. URL: http//naukaxxi.ru/materials/302/ (дата обращения 12.10.2014).
[23] Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: изд. дом Санкт-Петербургского ун-та, 2012. 232 с.
[24] Бельков О.А. Политология военного управления. М.: Военный университет МО РФ, 2008. 220 с.
[25] Богатуров А.Д. Россия в формировании международной системы профилактики распространения оружия массового поражения. М.: изд-во «КомКнига», 2008. 208 с.
[26] Бочарников И.В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013.
144 с.; Россия-2014: безопасность и развитие: Аналитический проект / Под общ.ред. И.В. Бочарникова. М.: Эконинформ, 2014. 327 с
[27] Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 274 с
[28] Владимиров А.И. Основы общей теории войны. В 2 частях. Часть 2. Теория национальной стратегии. Основы теории, практики и искусства управления государством. М.: изд-во «Синергия», 2013. 976 с
[29] Гацко М.Ф. Правовое обеспечение военной безопасности России (теоретико-правовое исследование). М.: издво МГУ, 2006. 344 с.
[30] Золотарев В.А. Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001. 540 с.

В.С. Пирумова[33], А.А. Прохожева[34], В.В. Пыжа[35], И.В. Радикова[36], Н.Н. Рыбалкина[37], В.Л. Шульца[38] и других авторов. Международные и геополитические аспекты национальной и военной безопасности представлены в работах И.И. Афанасьевой[39], В.Г. Барановского[40], Д.Г. Евстафьева[41], С.М. Виноградовой[42], Н.Н. Долбунова[43], И.С. Иванова[44], И.Ф. Кефели[45], Ю.В. Косова[46], А.А. Ковалева[47], В.Н. Конышева[48],

---

[31] Кортунов С.В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: Наука, 2003. 611 с.

[32] Коровянский А.И. Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях. М.: изд-во РАГС, 2009. 218 с.

[33] Пирумов В.Ф. Стратегия выживания социума. Системный подход в исследовании проблем геополитики и безопасности. М.: Дружба народов, 2003. 544 с.

[34] Прохожев А.А. Основы военной политики и обеспечения военной безопасности Российской Федерации. М.: изд-во РАГС, 2009. 182 с., Новые подходы к безопасности в связи с современными концепциями развития. / Среднерусский вестник общественных наук, 2007. N1(2)/ с.

[35] Пыж В. В. Геополитическая обусловленность военной политики России : дис. ...д-ра полит. наук: 23.00.04. СПб., 2004. 437 с.

[36] Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: дис. ...д-ра полит. наук: 23.00.01. СПб., 2000. 408 с.

[37] Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности: дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2003. 407 с.

[38] Шульц В.Л. Информационное противоборство в условиях активного противоборства: модели и методы. М.: Наука, 2011. 186 с.

[39] Афанасьева А.А. Глобализация и регионализация как факторы мирового развития. / Вестник Академии знаний. 2019, N33 (4). С.30-41.

[40] Барановский В.Г. Евро-атлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа.М.: ИМЭМО РАН, 2010. 41 с.

[41] Евстафьев Д.Г. Вызовы развитию России: от гибридности рисков к комплексности ответа. / Среднерусский вестник общественных наук. 2019, N4. С.160-181.

[42] Виноградова С.М. Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях: коллективная монография. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. 407 с.

[43] Долбунов Н.Н., Пыж В.В.Право как фактор обеспечения национальной безопасности в современных геополитических реалиях Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 7 (47). С. 1516-1532.

[44] Иванов И.С. Внешняя политика в эпоху глобализации: дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 2005. 379 с.

[45] Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: изд-во Северная Звезда, 2004. 286 с.; Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография.-СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2020.-226 с.

[46] Косов Ю.В. Политическая регионалистика. СПб.: изд-во Питер, 2009. 192 с.

[47] Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: … дис. ...к-та полит. наук: 23.00.02. СПб., 2014. 196 с.

В.В. Круглов[49], С.А. Ланцова[50], Р.С. Нехай[51], А.А. Сергунина[52], П.А Цыганкова[53], В.В. Штоля[54] и др.

Среди зарубежных источников научный интерес представляют: во-первых, исследования широкого круга вопросов геополитики, международных отношений, национальной и военной безопасности, социологии войн и вооруженных конфликтов, заложенные в трудах С. Амина[55], Р. Арона[56], Д. Беста[57], З. Бжезинского[58], И. Валлерстайна[59], Д. Голдгейра[60], М. Калдор[61], Д. Кеннана[62], Г. Киссинджера[63], Р. Кларк[64],

---

[48] Конышев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. СПб.: Наука, 2009. 178 с.

[49] Круглов В.В. Военная сила в международных отношениях. М.: изд-во Восток-Запад, 2009. 463 с.

[50] Ланцов С.А. Безопасность государства-общества-человека в контексте противодействия терроризму // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 4. С. 58-62.

[51] Нехай Р.Ш. Система обеспечения военной безопасности региона Российской Федерации: проблема функционирования и совершенствования: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.01. СПб., 2006. 202 с.

[52] Сергунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль: национальная и международная безопасность. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А.Добролюбова, 2003. 94 с.

[53] Цыганков П.А. “Гибридная война”: политический дискурс и международная практика. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. С.1-6.

[54] Штоль В.В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. 384 с.

[55] Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и глобализация мира / пер. Ш.Нагиб, С.Костальский. М.: изд-во «Европа», 2007. 161 с.

[56] Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations. N.Y.: Transaction Publisher, 2003. 820 p.

[57] Бест Д. Война и право после 1945 г. М.: Мысль, 2010. 676 с.

[58] Бжезинский З.К Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. 256 с

[59] Валлерстайн И.М. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

[60] Голдгейр Д.М., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009. 519 с.

[61]Kaldor M. Global Security Cultures. Cambridge, UK: Polity Press, 2018; Калдор М. Культура новых войн.//Философско-литературный журнал «Логос».-2019, N3. Т.29. С.1-21.

[62] Кеннан Д.Ф. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002. 480 с

[63] Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.

[64] Кларк Р.А.Третья мировая война: какой она будет? Высокие технологии на службе милитаризма. СПб.: Питер, 2011. 337 с.

У. Кларка[65], М. Кревельда[66], Э. Люттвака[67], Л. Мизес[68], Д.Э. Тикнер[69], Э. и Х. Тоффлер[70], Г.Р. Уэсселера[71], С. Хантингтона[72], М. Хардта[73], Х. Хофмайстера[74], К. Шмитта[75]; во-вторых исследования проблемы легитимации актов применения силы в международных отношениях. Среди них можно выделить, например: Anthony Clark Arend и Robert J. Beck[76], Corneliu Bjola[77], Elaine M. Bunn[78], Michael J. Butler[79], Craig L. Carr и David Kinsella[80], Anthony Carty[81], Yoram Dinstein[82], George and Meredith Friedman[83],

---

[65] Кларк У.К. Как победить в современной войне. М.: Альпина бизнес букс, 2004. 240 с.
[66] Кревельд М.В Трансформация войны. М.: Альпина бизнес букс, 2005. 344 с.
[67] Люттвак Э.Н. Стратегия. Логика войны и мира. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 392 с.
[68] Мизес Л. Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006.466 с.
[69] Тикнер Д.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. Е.Бакалова, Н.Воробьева. М.: «Культурная революция», 2006. 328 с.
[70] Alvin and Heidi Toeffler. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. Little Brown & Co; 1993. 302 P.
[71] Уэсселер Р. Война как услуга / пер. с нем. Г.Сахацкого. М.: Столица-принт, 2007. 320 с
[72] Хантингтон С.М. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю.Новикова. М.: изд-во «АСТ», 2003. 603 с.
[73] Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: «Культурная революция», 2006. 508 с.
[74] Хофмайстер Х. Воля к войне, или бессилие политики. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2006. 290 с
[75] Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.
[76] Anthony Clark and Robert J. Beck. International Law and the Use of Force: Beyond the UN Charter Paradigm. New York: Routledge, 1993.
[77] Bjola, Corneliu. Legitimating the Use of Force in International Politics: A Communicative Action Perspective. European Journal of International Relations; June 2005; 11, 2; ABI/INFORM Global, pg. 266-303.
[78] Bunn, Elaine M. Preemptive Action: When, How, and to What Effect? Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Strategic Forum No. 200, July 2003.
[79] Butler, Michael J. Just Causes or False Premises? Just War Theory and Western Military Intervention, 1945-1995. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy at the University of Connecticut. UMI Number: 3144572. University of Connecticut, 2004.
[80] Carr, Craig L., Kinsella, David. Preemption, Prevention, and Ius ad bellum. Hatfield School of Government, Portland State University. Paper prepared for presentation at the annual meeting of the International Studies Association, March 2006, San Diego.
URL: http://web.pdx.edu/~kinsella/papers.html.
[81] Carty, Anthony. The Decay of International Law? A Reappraisal of the Limits of Legal Imagination in International Affairs. Manchester, UK: Manchester University Press, 1986. -138 pp.

John Lewis Gaddis[84], Paul Kennedy[85], Jack S. Levy[86], B.H. Liddel Hart[87], Halford J. Mackinder[88], Jackson Nyamuya Maogoto[89], Joseph S. Nye[90], Michael N. Schmitt[91], Alvin and Heidi Toeffler[92], Walter G. Sharp[93], Michael Walzer[94], Joel H. Westra[95] и др.

Труды названных теоретиков и практиков оказали неоценимую помощь в изучении поставленной проблемы.

Российское политико-правовое сообщество также не оставляет без внимания эти проблемы. В дискуссиях по различным аспектам обоснования актов применения силы, например, в области изучения стратегии, военно-политических концепций, политологии, регламентации использования средств и методов ведения военных действий, существует обширная

---

[82] Dinstein, Yoram. War, Aggression and Self-Defense. Cambridge University Press, Fourth edition. 2005. 349 pp.
[83] George and Meredith Friedman. The Future of War: Power, Technology and American World Dominance in the 21st Century. St.Martin's Griffin. New York. 1998.
[84] Gaddis, John Lewis. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. Oxford University Press. 1982. 432 P.
[85] Kennedy Paul. The Rise and Fall of the Great Powers. Knopf Doubleday Publishing Group. 2010,704 PP.
[86] Levy, Jack S. "Declining Power and the Preventive Motivation for War," World Politics, Vol. 40, No. 1, October 1987.
[87] Liddel Hart, Basil Henry. Strategy. – 2nd rev.ed. First Meridian Printing. 1991.
[88] Mackinder, Halford J. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction. National Defense University Press. 1996.
[89] Maogoto, Jackson Nyamuya. New Frontiers, Old Problems: The War on Terror and the Notion of Anticipating the Enemy. Netherlands International Law Review. Cambridge: Apr 2004. Vol. 51, Iss. 1; p. 1 (39 pages).
[90] Nye, Joseph S., Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000, 158 PP.
[91] Schmitt, Michael N. Counter-Terrorism and the Use of Force in International Law. The Marshall Center Papers, No. 5. http://www.marshallcenter.org/mcpublicweb/MCDocs/files/College/F_Publications/mcPapers/mc-paper_5-en.pdf.
[92] Alvin and Heidi Toeffler. War and Anti-War. Warner Books, 1993.
[93] Sharp, W. G. Ius Paciarii: Emergent Legal Paradigms for U.N. Peace Operations in the 21st Century. Paciarii International, LLC, 1999. 392 PP.
[94] Walzer, Michael. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. New York: Basic Books, 1977. 361 PP., etc.
[95] Westra, Joel H. Law, Power, and Argumentation: The UN Charter and Uses of Armed Force by Major Powers since 1945. Volume One. A Dissertation submitted to the Faculty of the Division of the Social Sciences in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Department of Political Science. Chicago, Illinois. June 2004. 748 pp.

современная библиография, в которой можно выделить работы таких отечественных учёных как К.С. Гаджиев[96], М.А. Гареев[97], С.Д. Гольцов[98], Ю.С. Горбунов[99], В.С. Котляр[100], И.И. Лукашук[101], Ю.Н. Малеев[102], С.Н. Михалев[103], В.А. Мищенко[104], Е.М. Примаков[105], А.А Свечин[106], Л.А. Скотников[107], Б.Р. Тузмухамедов[108], Н.А. Ушаков[109], В.Н. Хонин[110], П.В. Чиков[111], и др.

Проведенный анализ доктринальных источников свидетельствует об актуальности проблемы и, в тоже время, об отсутствии фундаментальных теоретико-методологических исследований, раскрывающих особенности

---

[96] Гаджиев К. С. Политология. М.: Логос, 2001.
[97] Гареев М. А. «Если завтра война». - М.: Изд-во «Владар», 1995. - С. 239.
[98] Гольцов С.Д., Малеев Ю.Н. Применение вооруженной силы государствами как мера превентивной самозащиты ad hoc от внешней угрозы // Московский журнал международного права. 2004. № 4.
[99] Горбунов Ю.С. Упреждающие меры в свете современного международного права // Журнал российского права, №3, март 2008 г. С. 94-105.
[100] Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. – 2-е изд.. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008.- 480 с.
[101] Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.
[102] Малеев Ю.Н. Силовая составляющая международного права // Российский ежегодник международного права, 2005. – СПб, 2006. – С.97-115.
[103] Михалев С.Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. — М.: Жуковский: Кучково поле, 2003.
[104] Мищенко В.А. Международно-правовые аспекты принятия упреждающих индивидуальных внешних вооруженных акций государствами: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право /В. А. Мищенко; Науч. рук. Н. А. Чичулин. -М.,2007. -24 с.
[105] Примаков Е.М. Минное поле политики. Молодая гвардия, 2006 -360 С.
[106] Свечин А.А. Стратегия. — М.: Военный вестник, 1927. http://militera.lib.ru/science/svechin1/index.html.
[107] Скотников Л.А. Право на самооборону и новые императивы безопасности // Международная жизнь. № 9. Сентябрь 2004 г.
[108] Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: хрестоматия / Б. Р. Тузмухамедов. - М.: Юристъ, 2006. - 463 с.
[109] Ушаков Н.А. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях / Ин-т государства и права РАН. - М., 1997. – 96 с.
[110] Хонин В.Н. Об определении международно-правового регулирования / Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982.
[111] Чиков П.В. Военные санкции в международном праве: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право. - Казань, 2003. – 27 с.

методологии процесса легитимации решений на применение силы для защиты национальных интересов в современных геополитических реалиях.

В то же время в философской, политологической, социологической, военной и иной научно-исследовательской литературе теоретико-методологического характера находится немало идей и аргументированных положений, которые должны изучаться и которые были использованы автором в процессе анализа и раскрытия настоящей проблемы.

Несмотря на существование значительного числа политико-правовых и междисциплинарных исследований, посвященных проблемам легитимации политических решений по обеспечению безопасности государств в современной архитектуре международного сообщества, а также результатам деятельности международных институтов, остаются вопросы, на которые до сих пор нет четких, исчерпывающих ответов и по которым продолжается научная полемика.

Прежде всего, речь идет о концептуальных аспектах признания легитимности актов применения силы, т. е. определения таких способов обоснования справедливого характера применения государством военной мощи для защиты национальных интересов, которые должны: во-первых, не выходить за переделы нормативной парадигмы Устава ООН; и, во-вторых, соответствовать воззрениям основных акторов международной системы на соответствие заявленного обоснования общим интересам международного сообщества в изменяющемся мире.

Политическая наука в области международных отношений занимается главным образом проблемой оценки рациональности сотрудничества международных акторов. Политические исследователи чаще всего создают описательные гипотезы поведения международных акторов и проверяют предложенные ими гипотезы статистической информацией, отражающей практику государств.

В этом процессе происходит также обращение к тем постулатам школ реализма, конструктивизма и т. д., которые наиболее точно методически обеспечивают предложенную гипотезу.

Такая оценка невозможна без обращения к международному праву. Но эта сфера чаще всего находится вне интереса правоведов-международников, которые ориентированы на поиск нормативных свойств общности у международных норм[112].

Таким образом, актуальность темы, ее недостаточная научная разработанность позволяют сформулировать **научную задачу**, которая заключается в разрешении противоречия между необходимостью проведения эффективной государственной политики по легитимации решений на применение силы для защиты национальных интересов в современных геополитических условиях и недостаточным уровнем научно-методического обеспечения такого рода деятельности.

Цель исследования состоит, с одной стороны, комплексном теоретическом анализе:

- современных тенденций, влияющих на действие механизма политико-правового обоснования необходимости применения силы в международных отношениях;
- состояния нормативной базы, регулирующей вопросы легитимации политических решений на применение силы государствами для обеспечения национальной безопасности.

С другой - в обосновании соответствующих современным реалиям развития международных отношений практических рекомендаций органам государственной власти по политико-правовому обоснованию актов

[112] **Нормативность**— основополагающая черта права, означающая, что правовому регулированию подлежат те отношения и действия, которые в данных условиях типичны, наиболее устойчивы, характеризуются повторяемостью и обладают свойством общности (универсальностью).

обращения к силе, которые могли бы снизить возможности присвоения государству международной ответственности.

На основе изучения:

- особенностей нормативного регулирования применения силы в международных (межгосударственных) отношениях в различные исторические периоды;
- практики государств по применению вооружённой силы для защиты национальных интересов;
- влияния уровня развития средств и методов вооружённой борьбы на обращение государств к актам упреждающей самообороны;
- влияния географических, экономических, политических, демографических, военных и иных факторов на обращение государств к актам упреждающей самообороны,

автор посчитал необходимым для достижения поставленной цели решить следующие исследовательские **задачи:**

1. Выявить и охарактеризовать концептуальные основы политики легитимации решений на применение силы для защиты национальных интересов в современных геополитических реалиях.

2. Раскрыть роль фактора силы в обеспечении национальной безопасности.

3. Провести политологический анализ эволюции взглядов на обоснование справедливого характера применения силы до становления современной системы международной безопасности.

4. Проанализировать практику применения силы Организацией Объединенных Наций для поддержания и восстановления международного мира и безопасности и рассмотреть политический механизм легитимации актов применения силы в международных отношениях.

6. Проследить динамику, выявить закономерности и содержание процесса политико-правового обоснования актов применения силы, выявить основные качественные характеристики государства, определяющие

возможность его обращения к актам упреждающей самообороны, обосновать критерии оценки правомерности обращения государства к упреждающей самообороне в конкретных исторических условиях.

7. Рассмотреть нормативные ограничения для принятия органами государственной власти решений на применение силы для защиты национальных интересов и выработать практические рекомендации для органов государственной власти и военного управления, действующих в сфере осуществления военной политики по применению актов упреждающей самообороны при защите национальных интересов государства, в том числе для противодействия трансграничному терроризму.

В качестве **основной рабочей гипотезы** исследования выступает предположение, что в новых геополитических условиях государства очень часто применяют силу для защиты национальных интересов против акторов, которые не обязательно аффилированы с органами власти какого-либо государства, но в тоже время неизбежно связаны с какой-либо национальной территорией, которую используют как базу для своих действий. В этом случае действия органов государственной власти по защите национальных интересов, обязательно затрагивают как интересы государства-объекта применения силы, так и общие интересы мирового сообщества. Для снижения политических издержек государство должно показать, что его действия не противоречат интересам международной системы и не выходят за пределы парадигмы ООН. Таким образом, практика органов государственной власти свидетельствует о потребности систематизации научных знаний в сфере обоснования и заявления необходимости и соразмерности актов применения силы (их легитимации), в том числе упреждающего угрозу, в ходе деятельности по обеспечению национальной безопасности в условиях новой геополитической модели мира.

Объектом исследования является фактор силы как инструмент внешней политики государства в современных геополитических условиях.

Предметная область исследования – политический механизм легитимации актов применения силы в международных отношениях органами государственной власти для защиты национальных интересов.

Научная новизна диссертации заключается в политологическом анализе концептуальных основ политики легитимации решений на применение силы для защиты национальных интересов государства в современных геополитических условиях.

Существенными результатами исследования, имеющими научную новизну, являются:

-- общая характеристика метода стратегического легализма в международных отношениях;

- анализ обращения к концепции стратегического легализма в случае обоснования вмешательства в конфликты на территории третьих государств для предотвращения гуманитарных катастроф, а также в случае обоснования необходимости вмешательства в конфликты на территории третьих государств для защиты общих интересов.

- практические аспекты легитимации политических решений о применении силы в интересах обеспечения национальной безопасности в современных условиях.

Научная новизна конкретизируется **в положениях, выносимых на защиту:**

Авторское понимание фактора силы для обеспечения безопасности государства в международных отношениях.

Анализ содержательных аспектов работ признанных теоретиков, политиков и экспертов позволяет сделать вывод о том, что отношение к понятию «сила» во многом было связано с характером международной среды безопасности в конкретные периоды времени.

Наличие во внешнем мире различных форм силы, усиливающиеся процессы глобализации и информационной революции ведут к возникновению различных способов её использования. Поэтому изучение

«фактора силы» в современных межгосударственных отношениях как одного из основных инструментов внешней политики государств продолжает оставаться актуальным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Теоретико-методологическое исследование механизма легитимации политических решений по применению силы в международных отношениях.

Авторское понимание политического инструментария обоснования обращения к силе в современных международных отношениях для защиты национальных и общих интересов. При этом формулирование и заявление национальных интересов и постановка внешнеполитических задач во многом зависят от доступного государствам инструментария военной мощи.

Военная безопасность – важнейшая и неотъемлемая составляющая деятельности государства по обеспечению национальной безопасности в сфере обороны. Главные цели обеспечения военной безопасности – предотвращение, парирование и нейтрализация военных угроз нации.

Теоретическое исследование эволюции взглядов на обоснование справедливого характера применения силы от «зарождения» до становления современной системы международной безопасности. Разъяснение основным международным акторам рациональности своих действий по продвижению национальных интересов (реализация стратегии национальной безопасности) в терминах парадигмы ООН составляет сущность процесса «стратегического легализма».

Исследование влияния изменения свойств современной среды безопасности, ведущих к переформатированию сложившихся военно-политических международных отношений, основанных на конкуренции военного, экономического, демографического и др. потенциалов. На основе такого исследования, желательность которого исходит из необходимости предотвращения и эффективного парирования новых вызовов и угроз, а также избегания вхождения в новую «холодную» войну, предложен методологический аппарат, включающий в себя способы политико-правового

обоснования актов применения силы в новой геополитической обстановке (способы / приёмы обоснования: «ответственность по защите»; «обоснование легитимности ввиду необходимости» (или «гуманитарная необходимость»); «разумно-необходимое (или прагматическое) толкование норм международного права»). Данные способы при их использовании в политологическом дискурсе устраняют неопределённости в установлении объекта применения силы как основы процесса политико-правового обоснования акта применения силы в международных отношениях и снижают вероятность присвоения государствам международной ответственности.

Позиция автора по обоснованию практических аспектов приоритетных направлений деятельности органов государственной власти в сфере обоснования актов применения силы для упреждения угроз национальной безопасности в связи с особенностью геополитического положения и баланса сил, обусловливающих непосредственное или косвенное участие государства международных конфликтах.

Теоретическое обоснование практических аспектов выбора объекта применения силы при противодействии террористическим угрозам и угрозам национальной безопасности в информационной сфере.

Методология и методы исследования.

Исследование сложных проблем легитимации политических решений по применению силы в интересах обеспечения международной и национальной безопасности в современных условиях обуславливает комплексность анализа, основанного на сочетании различных научных методов.

Методологическую основу составляют современные общенаучные и специальные методы познания. В частности к общенаучным относятся: аналитический, метод логических обобщений, структурно-функциональный, исторический и компаративистский; к специальным методам исследования – системно-деятельностный подход, задачей которого является исследование

взаимосвязей и детерминант стратегии национальной безопасности, контент-анализ документов, регламентирующих применение государственных вооруженных формирований, основополагающих национальных нормативных правовых актов государств в сфере обороны. В диссертации применялся политологический анализ факторов угроз национальной безопасности государств.

Теоретические суждения в данной работе систематизированы и организованы относительно истории развития доктрины справедливой войны и оформления такого исторического опыта в терминах современного международного права, регламентирующего применения силы.

Главной основой методологии диссертации выступает принцип историзма, который предполагает изучения общественно-политического явления через его происхождение, эволюцию, изменения, а также всестороннее выявление связей и взаимодействия каждого из явлений с другими. Опираясь на этот принцип, диссертант стремился изучить генезис института «обоснования актов применения силы», проследить влияние на него различных форм организации международного сообщества в процессе стремления к обеспечению мирного сосуществования. В исследовании использован многофакторный подход, который предполагает учет обширного множества детерминант, влияющих на развитие изучаемого явления.

В связи с этим автор исследовал воздействие идеологических, религиозных, культурных, этнических, экономических факторов, и политических институтов на эволюцию содержания института политико-правового обоснования актов применения силы и понимания функционирования современного механизма легитимации актов применения силы.

При подготовке диссертации были использованы собственно политологические методы: сравнительно-сопоставительный метод (компаративистика); метод анализа процесса принятия решений;

симулятивные (имитационные) методы; методики «кейс-стадиз» и «ивент-анализ».

Поскольку автор рассматривал явления в их исторической динамике, он применял также традиционные политологические методы: сравнительно-исторический, хронологический, периодизации и метод исторической индукции.

В диссертации использовались также методы из других общественных наук, такие как: структурный метод, правовой, статистический методы. Диссертант полагает, что такое сочетание методов позволяет добиться аргументированных и обоснованных научных результатов.

Эмпирическую базу исследования составили несколько групп источников, которые подвергнуты политологическому анализу.

Прежде всего, автор использовал резолюции и стенограммы заседаний Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, международные нормативные правовые акты, решения международных судебных органов и арбитражей, материалы Комиссии международного права ООН, документы ряда международных организаций, таких как, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Международный Комитет Красного Креста, и др., посвящённые вопросам обеспечения международного мира и безопасности, присвоения международной ответственности государствам за противоправную деятельность, и документы в сфере защиты прав человека в ходе вооружённых конфликтов.

Вторую группу источников составляют нормативные правовые акты, постановления высших судебных органов Российской Федерации и других государств, регламентирующие деятельность органов государственной власти и применение государственных вооруженных формирований для защиты национальных интересов.

Третью группу источников составили доктринальные источники – работы видных отечественных и зарубежных учёных в сфере применения

силы и правового регулирования применения силы в международных отношениях.

Четвёртую группу источников составили издания политической публицистики.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что в ней сформулированы положения, которые позволяют получить целостное представление о политическом механизме легитимации решений по применению силы в международных отношениях в условиях смены парадигмы международной архитектуры.

Таким образом, **научно-теоретическая значимость** результатов исследования заключается в:

развитии и конкретизации существующих представлений о теории и практике политической мобилизации элементов национальной мощи членов мирового сообщества для обеспечения их совместных действий по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности, в том числе, для противодействия терроризму и другим формам трансграничной преступности;

предложении стройной концепции места и роли политического механизма политико-правового обоснования актов применения силы в современных международных отношениях;

развитии и дополнении методологических основ процесса политико-правового обоснования решения органов государственной власти о применении силы для защиты национальных интересов и легитимации принятого решения в мировом сообществе в нормативных рамках современного международного права.

Практическая значимость результатов исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть применимы в аналитической работе: во-первых, для уточнения целей процесса обоснования применения силы для защиты национальных интересов; во-вторых, легитимации принятого решения в межгосударственном сообществе. То есть, результаты

исследования могут послужить методологической основой для ведения международной информационной политики государства с использованием новых, выявленных, описанных и предложенных автором способов политико-правового основания актов применения силы.

Также результаты исследования могут быть применены в следующих отраслях гуманитарных знаний:

Политология - в процессе преподавания дисциплин, посвященных генезису и современным тенденциям в сфере регулирования применения силы в межгосударственных отношениях; имеющих отношение к процессу выработки и принятия решений в области внешней политики и национальной безопасности, особенностям функционирования институтов, призванных обеспечить военную безопасность государства;

Международные отношения - в процессе преподавания дисциплин по проблемам истории и теории международных отношений, дипломатической службы, процесса формирования внешней политики государств, истории развития институтов, регулирующих применение силы в международных отношениях.

Международное право – в деятельности, связанной с изучением проблем ius ad bellum и ius in bello, функционированием институтов мирного разрешения споров, правового обеспечения внешней политики.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования военно-политической деятельности государства по обеспечению военной безопасности, обороне и защите национальных интересов государства, а именно:

1) в военно-политической деятельности органов государственной власти и военного управления при оценке военно-политической обстановки и принятии военно-политических решений в процессе обоснования необходимости применения силы для обеспечения безопасности Российской Федерации, а также в деятельности по уточнению содержания «Военной

доктрины Российской Федерации» и подготовке иных доктринальных документов;

2) в деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Апробация работы.

Основные положения диссертации и результаты исследования были представлены, обоснованы, апробированы на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях и семинарах, в ходе подготовки и проведения международных военно-морских учений.

Автор выступал с докладами по теме исследования в различных учреждениях:

- Институт национальной безопасности Республики Беларусь (2019 г.);

- Секция по проблемам нейтрализации внутренних угроз национальной безопасности научного совета при Совете безопасности Российской Федерации (2019);

- Научно-консультативный совет при Антитеррористическом центре Содружества Независимых Государств (2020, 2021);

- Российская Ассоциация международного права (2019 г., 2020 г.);

- Северо-Западная Академия государственной службы (Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) (2009 – 2016 гг.);

- Санкт-Петербургский государственный университет (2006 г., 2015 г.);

- Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова (2001-2003, 2009-2013 гг.);

- Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (2020 г.);

- Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере по гармонизации законодательства в

сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам; а также иные мероприятия Секретариата Совета МПА СНГ (2014-2020 гг., и др.

Ряд положений исследования, опубликованных в журнале «Военная мысль», отмечены Поощрительной Премией Министра обороны Российской Федерации (приказ Министра обороны РФ № 1888 от 17 июля 2012 г.).

Отдельные положения исследования, относящихся к оценке соразмерности применяемой силы, были использованы автором при разработке «Модельного Наставления по международному гуманитарному праву для Содружества Независимых Государств», принятого в 2018 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств, и отмечены Благодарностью заместителя председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (2018 г.).

Автором в 2009-2014 гг. в Северо-Западном институте управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» и в 2015-2020 гг. в ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» разработан и преподавался авторский курс «Правовое регулирование применения силы в международных отношениях».

Положения и выводы диссертации нашли отражения в 19 публикациях в научных журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы научные результаты на соискание ученой степени доктора наук.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка использованных источников, 11 приложений.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Категория «силы» является одной из важнейших в дискурсе теории и практики международных отношений, в размышлениях философов и политологов. Классическим определением категории «сила» в политологии является данное Р. Далем определение, согласно которому «сила является способностью одного актора заставить действовать другого актора так, как в любом другом случае он бы не действовал»[113].

Конкуренция за власть во внешнем мире осуществляется с использованием различных форм силы, роль которых определяется во многом изменением технологического уклада и развитием процессов глобализации. В этом плане, например, говорят о существовании в современной системе международных отношений «жёсткой силы» (hard power) и «мягкой силы» (soft power)[114]. В общем случае такие проявления силы могут быть разграничены на «применение силы» (принуждение с использованием средств и методов ведения военных действий) и «понуждение» - воздействие на акторов с использованием экономических, дипломатических и иных «невоенных» средств»[115]. Так же представляется возможным предположить, что как «военные» средства, так и все иные средства достижения национальных целей, в широком смысле, могут быть названы средствами ведения «политической войны».

---

[113] См.: Dahl Robert A. The Concept of Power // Behavioral Science, 2:3, July, 1957. P.201

[114] По мнению Ю. Давыдова «мягкий» и «жёсткий» варианты выступают сложно-структурированными формами воздействия посредством различных наборов средств, ресурсов и технологий. На практике они могут дополнять друг друга или являться следствием друг друга. См. Давыдов Ю. Н. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений. - Международные процессы. 2004. N1(4), Т.2. с. 69-80.

[115] U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy. 2nd Edition. Ed. J. Boone Bartholomees, Jr. June 2006. ISBN 1-58487-244-6.

К исследованию сущности феномена силы практики и теоретики в сфере внешней политики стали значительно чаще обращаться в ходе изучения опыта первой международной организации в сфере безопасности – Лиги Наций, и после появления Организации Объединённых Наций и её первых шагов в сфере обеспечения и поддержания мира. Также одним из толчков к расширению дискурса стало введение в политический оборот термина «национальная безопасность» принятием в 1947 г. Соединёнными Штатами Америки закона «О национальной безопасности». Для нашего же государства данный термин, естественно, является достаточно новым[116].

Принятые в настоящее время в Российской Федерации нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность в области обеспечения национальной безопасности (в том числе регулярно обновляемая Военная доктрина), на наш взгляд, содержат ряд пробелов в трактовке современных сущности вооруженных конфликтов, выборе их объектов и субъектов, что соответственно, приводит к расхождениям в толковании проблем обеспечения национальной и международной безопасности с основными международными акторами. В дискурсе используется «традиционный» терминологический аппарат, понимание войны по-прежнему сводится лишь к вооруженному конфликту, что исключает из анализа стратегические проблемы обеспечения национальной безопасности, ставка делается на военные силовые методы обеспечения безопасности[117].

На наш взгляд, именно поэтому проблема легитимации политических решений по применению силы в интересах обеспечения национальной безопасности заслуживает серьезного научного исследования.

---

[116] См.: Пыж В.В. Геополитическая обусловленность военной политики России…дис. д. полит.наук.-СПб, 2004.

[117] Автор солидарен с выводами Ковалева А.А. о том, что «несмотря на то, что в Военной доктрине 2014 г. (в отличие от Военной доктрины 2010 года) учтены особенности современных войн, а также стратегии государств-участников НАТО и других военно-политических организаций в отношении России, тем не менее, в ней сохранены все недостатки методологического характера, присущие её предшественнице». См.: Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации…дис. канд. полит. наук.- СПб. 2014. с.6.

Это связано в первую очередь с тем, что в процессе движения к национальным целям государство оказывает воздействие на систему международных отношений (включая международные институты, отдельные государства и других акторов) своей совокупной мощью. При этом степень и интенсивность использования совокупной мощи зависят не только от масштаба противоречий и готовности решительно действовать в достижении цели, но и обеспеченности процесса эффективным политологическим инструментарием.

Именно в этой сфере крайне важным является умелое применение сторонами адаптивных политических стратегий, позволяющих не допустить перехода конфликтных ситуаций в «горячую» фазу.

Современный политический процесс предопределяет существование особых требований к качеству государственного управления системой обеспечения национальной безопасности. Это требует пересмотра политики обеспечения национальной безопасности, повышения качества осуществляемых мероприятий в сфере организации обороны государства, в создании механизма предотвращения военных угроз, сохранения суверенитета государства.

На наш взгляд, лицам, принимающим решения в сфере обеспечения национальной безопасности, необходимо осознать особую роль политического механизма легитимации актов применения силы в международных отношениях. В этой связи исследование ставит перед собой задачу выявить и проанализировать механизм политико-правового обеспечения силовых действий в сфере международных отношений необходимым и достаточным политологическим инструментарием.

1.1. Сила и национальная безопасность в международных отношениях

На протяжении тысячелетий основным способом влияния социальных групп на внешний мир была жесткая сила. Обращение к ней было неизбежным образом обусловлено тем, что она являлась, во-первых, наиболее доступным и эффективным (радикальным и быстрым) инструментом достижения целей вовне группы, во-вторых - объективным состоянием самого внешнего мира, т. е. содержанием межгрупповых отношений. Такое состояние межгрупповых взаимодействий находило теоретическое обоснование в трудах современных идеологов. Иногда сила объявлялась чуть ли не единственным средством, обеспечивающим развитие государств, основой международного правопорядка. Вполне приемлемым считалось обеспечение своих интересов за счет других народов. В результате этого всемирная история была не столько историей народов, сколько историей войн.

Позднее человечество пришло к осознанию того, что использование «несиловых» методов разрешения противоречий, в том числе при борьбе за власть, способствует не только достижению целей, но даже может гарантировать группе самосохранение. Опыт человечества показал, что полагание исключительно на вооруженное противостояние в борьбе за ресурсы неизбежно приводит к стратегическому перенапряжению государства, истощению народа, и, как результат – к проигрышу. Так, например, Дж. Стоссинджер отмечал в отношении войн XX в.: «… те нации (или лидеры), которые начинают войну, вряд ли когда-либо проявятся как победители»[118]. Так подтверждается действенность парадигмы конструктивизма - появлялось осознание необходимости институтов разрешения конфликтов.

[118] Stoessinger, John G. Why Nations Go To War. Wadsworth Cengage Learning, Boston, USA. 11th edition, 2011, 432 pp.

В современной политике «сила» - многовекторная, комбинирующая категория, проявляющаяся во всех сферах взаимодействий человечества. Так, например, один из основателей школы «политического реализма» американский исследователь и внешнеполитический практик Г. Моргентау определял силу как рычаг мирового регулирования, власть над умами и действиями людей[119]; а другой известный американский теоретик и политик Г. Киссинджер - как средство влияния[120]. На таких же позициях базируются и некоторые другие авторы[121].

Другой влиятельный представитель школы политического реализма — А. Уолферс — проводил различие между силой (power - властью, мощью) и влиянием (influence) международных акторов. Его дихотомия предполагала, что «сила» — это способность актора изменить поведение других международных акторов путем принуждения. А «влияние» же — это его способность изменить указанное поведение посредством убеждения[122].

Известный французский философ, политолог, социолог и публицист, один из основоположников критической философии истории Р. Арон в своем анализе проводил различия не только между силой и влиянием, но также между силой и мощью, мощью и властью, соотношением сил и властными отношениями[123].

Общее между ними он усматривает в том, что сила и мощь в международных отношениях, как и власть во внутриобщественных отношениях, зависят от доступных государству ресурсов и связаны с насилием. По его мнению, власть тесно связана с мощью и силой

---

[119] См.: Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. Fourth Edition. Alfred A. Knopf Inc., New York. Forth Printing, May 1968. P. 97.
[120] См.: Kissinger, H. American Foreign Policy. 3-d ed. N.-Y. : Norton, 1977. P 57.
[121] См.: Давыдов, Ю. П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 7.
[122] Wolfers, Arnold. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962, Chapter Seven. "Power and Influence: The Means of Foreign Policy". pp. 108-116. URL: https://archive.org/details/discordandcollab012923mbp.
123 Aron R. Paix et Guerre entre les nations. — Paris, 1984, p. 82—87.

государства. Однако их нельзя смешивать. Власть — понятие внутриполитическое, тогда как мощь относится к внешнеполитической характеристике государства.

В структуре мощи государства Р. Арон выделяет три основных элемента:

1) среда (пространство, занимаемое политическими единицами);

2) ресурсы и познания, находящиеся в их распоряжении (очевидным образом, он так определял мобилизационный потенциал нации);

3) способность к коллективному действию (организация военной структуры государства, качество гражданского и военного управления в военное и в мирное время, солидарность общества).

Сходный подход продвигался сторонниками теории взаимозависимости, получившей широкое распространение в 1970-е годы. Р. Коохейн[124] и другие представители этой теории увязывали обращение к силе с характером и природой комплекса связей и взаимодействий между государствами. Такие структуралисты рассматривают международные режимы как механизмы, способствующие децентрализованному сотрудничеству между эгоистичными акторами.

На основании этого можно сделать вывод о том, что проявление «силы» государства во внешнем мире - это, прежде всего, способность его влияния на поведение других международных акторов в желаемом для него направлении, а также установление желательных форм взаимозависимости политических субъектов. Соответственно, внешнеполитическую силу государства можно определить, как производную от его совокупной мощи, которая проявляется через масштаб и интенсивность воздействия на систему международных отношений в целом или ее отдельные элементы; и,

[124] Keohane, Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. International Affairs 61(2), January 1984. DOI: 10.2307/2617490.

соответственно, позитивной или негативной оценки такого воздействия другими политическими субъектами[125].

На наш взгляд, вооруженные конфликты конца XX - начала XXI вв., сопровождавшие окончание противостояния двух систем в «холодной» войне, в том числе, конфликты на территории бывшего Советского Союза - показывают, что нельзя не учитывать изменения в международной организации, во многом обусловленной изменением технологического уклада и глобализацией, в анализе содержания норм института силы. Следование какой-либо отдельной модели изучения межгосударственных взаимодействий – например, политического реализма, так и структурализма - не представляется возможным для политического анализа и выработки рекомендаций для органов государственной власти. В настоящее не существует ни одного международного актора, который обладал бы достаточной мощью и влиянием для самостоятельного обеспечения национальной безопасности. И тем более, для доминирования в международных отношениях. В такой ситуации обращение к международным институтам является неизбежным. И именно по этой причине согласование воль основных международных акторов относительно актов применения силы или угрозы силой для защиты национальных интересов было и остается одной из самых сложных и дискуссионных проблем политической практики разрешения международных конфликтов, оформляемой в нормах международного права.

---

[125] Политическая сила в широком смысле по утверждению Г. Моргентау, «это психологические отношения между теми, кто ею обладает, и теми, по отношению к кому она применяется. Это дает первым возможность контролировать действия последних с помощью того влияния, которое они оказывают на их умы. Это влияние проистекает из трех источников: ожидания выгоды, боязни проигрыша, уважения или склонности к людям и институтам. Политическая сила может реализовываться приказами, угрозой, убеждением, харизмой человека или института либо сочетанием любых этих факторов... Международная политика, как и любая политика, — это борьба за силу (влияние)». См. выше: Morgenthau, H. Politics among Nations, P. 95.

Условия или обстоятельства, достижение которых в значительной степени содействует поддержанию благополучия народа, и для достижения которых, собственно, и было создано данное государство, могут быть определены в общем случае как «национальные интересы».

Так, например, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» определяла национальные интересы как «... совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении законности и устойчивого развития личности, общества и государства»[126].

Очевидным образом, некоторые интересы являются общими для всех государств, а именно: безопасность от вторжения извне и экономическая безопасность, сохранение государственных институтов и национальной идентичности[127].

Другие интересы могут носить временный характер, определяемый как внутренними возможностями государства, так и давлением обстоятельств внешнего мира.

То есть, национальные интересы, как категория и качественная характеристика, являются абстракцией, которая определяется совокупностью ценностей какого-либо данного сообщества людей на определённом

---

[126] Пункт 6 Раздела I «Общие положения» Указа Президента РФ №537 от 12 мая 2009 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» //Российская газета №88 (4912) от 19 мая 2009, стр.15-16.

[127] Ранее Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. №24 «О концепции национальной безопасности» определял национальные интересы как «... совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах... Национальные интересы России в международной сфере заключаются в обеспечении суверенитета ... Национальные интересы России в военной сфере заключаются в защите её независимости, суверенитета, государственной и территориальной целостности, в предотвращении военной агрессии против России и её союзников, в обеспечении условий для мирного, демократического развития государства». Указ Президента РФ от 17.12.1997 N 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации». Российская газета, N 247, 26.12.1997.

историческом отрезке времени. И, поэтому, всегда существуют разногласия в определении того, что же является «национальным интересом».

Национальные цели – это фундаментальные количественные ориентиры, на которые направлены государственные политика и усилия, и на достижение которых в приоритетном порядке направляются ресурсы народа. Если усилия всех ветвей власти государства сконцентрированы на достижение таких целей, то есть вероятность, что таким образом будут соблюдены национальные интересы[128].

По сути, национальные цели представляют собой то, чего народ хочет достичь. Национальные интересы, выводимые из постоянно определяемых целей в контексте переменчивого внешнего мира, являются ответом на вопрос «почему государства ведут себя так?» И, тогда, стратегия национальной безопасности – это план реализации замыслов государства по достижению национальных целей.

В соответствии с официальным определением «Стратегия национальной безопасности России» — это «официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу»[129].

---

[128] Считаем необходимым обратить внимание на позицию М.А. Гареева в отношении соразмерности провозглашения национальных целей и интересов государства: «... России требуется определённая умеренность в определении и отстаивании национальных интересов, чтобы жёстко отстаивать только действительно жизненно важные из них. Национальные интересы не должны принижаться, иначе ограничиваются возможности экономического развития. Вместе с тем опыт 1930-х годов и послевоенных лет показал, что излишний максимализм и нереальность провозглашённых целей и интересов, стремление жёстко и любой ценой осуществить их порождали конфронтационную внешнюю политику, военную доктрину, приводя к подрыву и крушению ложно понятых национальных идей и целей…». См.: Гареев М.А. Отвлеченные призывы и декларации не нужны. Опубликовано в НГ-НВО от 25.01.2008. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2008-01-25/5_prizyvy.html (дата обращения: 31.01.2008).

[129] Пункт 3 Раздела I «Общие положения». Указ Президента РФ №537 от 12 мая 2009 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» //Российская газета №88 (4912) от 19 мая 2009, с. 15-16.

Достижение национальных целей в соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» обеспечивается следованием «стратегическим национальным приоритетам» - важнейшим направлениям «обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, её независимости и территориальной целостности ...»[130].

Продвижение в жизнь национальных интересов всегда составляет основу международных отношений, так как каждое государство стремится к обеспечению физической, социальной и экономической безопасности собственного народа. Но ввиду неравного распределения естественных ресурсов и объективного роста человеческих потребностей, продвижение национальных интересов всегда принимает форму либо мирного соревнования, либо конфликта. Соревнование, как форма, признаётся и регулируется мировым сообществом.

Однако когда соревнование выходит за пределы эффективного регулирования, оно переходит в состояние конфликта и применения силы. Поэтому состояние мира, как состояние международных отношений, является, очевидно, понятием относительным, и никогда постоянным, поскольку можно утверждать, что в любой момент времени, на Земле всегда существует место, где государства или иные субъекты международного общения используют силу для достижения своих целей.

Следует отметить, что среди огромного арсенала средств обеспечения национальной безопасности приоритет должен отдаваться политическим средствам, позволяющим применять совокупную мощь государства для достижения мира и спокойствия. Однако политический инструментарий не

---

[130] Пункт 6 Раздела I «Общие положения». Указ Президента РФ №537 от 12 мая 2009 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» //Российская газета №88 (4912) от 19 мая 2009, с. 15-16.

безграничен. Национальная безопасность обеспечивается не только предупреждением и в, необходимых случаях, отражением угроз, и местом государства в мировой иерархии военной мощи, но и конкурентными преимуществами развитой экономики.

Взгляды государств на возможность применения вооружённых сил, их цели и задачи, определяются в доктринальных документах, которые в свою очередь, основываются на оценке эффективности функционирования всех элементов системы национальной безопасности.

Например, ранее «Концепция национальной безопасности РФ» 2000 г. определяла, что: «Национальные интересы России в военной сфере заключаются в защите её независимости, суверенитета, государственной и территориальной целостности, в предотвращении военной агрессии против России и ее союзников, в обеспечении условий для мирного, демократического развития государства».[131]

Данное заявленное толкование национальных интересов определялось ограниченностью ресурсов, доступных в тот исторический период для обеспечения вовлечения России в события глобального масштаба, и соответственно, ограничивала задачи вооружённых сил, главным образом, обеспечением предотвращения агрессии.

По прошествии ряда лет, когда России начала выходить из системного политического и социально-экономического кризиса конца XX в., сохранить суверенитет и территориальную целостность, когда были решены первоочередные задачи в экономической сфере, руководством страны были сформулированы иные, более широкие задачи в сфере национальной обороны:

- предотвращение глобальных и региональных конфликтов;

[131] См. Раздел II «Национальные интересы России». Указ Президента РФ №24 от 10 января 2000 г. «О концепции национальной безопасности Российской Федерации».

- осуществление стратегического сдерживания в интересах обеспечения военной безопасности страны[132].

Стратегическое сдерживание, в свою очередь, «предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на *упреждение* (выделено автором) или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора»[133].

Законодательство Российской Федерации об обороне в настоящее время содержит положение, предусматривающее возможность оперативного использования формирований вооружённых сил «... для решения следующих задач:

1) отражение вооруженного нападения на формирования Вооруженных Сил Российской Федерации, другие войска или органы, дислоцированные за пределами территории Российской Федерации;

2) отражение или *предотвращение* (выделено автором) вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой;

3) защита граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооруженного нападения на них;

4) борьба с пиратством и обеспечение безопасности судоходства» ...[134]

Современная «Концепция внешней политики Российской Федерации»[135] определяет, что в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов

---

[132] См. пункт 26 Раздела IV «Обеспечение национальной безопасности». Указ Президента РФ №537 от 12 мая 2009 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» //Российская газета №88 (4912) от 19 мая 2009, с. 15-16.
[133] Там же.
[134] Пункт 1 Федерального закона от 9 ноября 2009 г. №252-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне». www.garant.ru/hotlaw/federal/211046/.
[135] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640.
URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045 (дата обращения: 01.12.2016).

внешнеполитическая деятельность государства должна быть направлена на выполнение ряда основных задач, среди которых:

«(а) обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности, укрепление правового государства и демократических институтов; …

(д) дальнейшего продвижения курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего, на положениях Устава Организации Объединенных Наций, а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций как основной организации, регулирующей международные отношения;…

(е) формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействию устранению имеющихся очагов напряженности и конфликтов на их территориях и предотвращению возникновения таких очагов и конфликтов;

(ж) развитие двусторонних и многосторонних отношений … с иностранными государствами … на основе … неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов; … содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России;

(з) всесторонняя эффективная защита прав и законных интересов российских граждан и проживающих за рубежом соотечественников ….».[136]

Представляется очевидным, что уточнение интересов государств и регулирование конфликта их интересов происходит в политическом процессе, имеющем как национальное, так и международное измерения, когда органам государственной власти в каждый момент времени

[136] Там же, раздел I «Общие положения».

необходимо искать ответы на вопросы: «кто», «где», «что», «когда» и «какими средствами», - в отношении действий своих противников, также стремящихся к достижению своих национальных целей; находить средства и способы противодействия, обеспечивать их ресурсами, а также оценивать масштаб возможных потерь и риски присвоения международной ответственности за свои действия.

Очевидным образом, что одним из средств достижения национальных целей (вопрос «какими средствами»), может быть применение военной силы.

В ходе поиска ответов на эти вопросы осуществляется:

- установление характера взаимоотношений с государствами-соперниками;
- уточнение национальных целей, методов и способов достижения этих целей;
- определение объема ресурсов, которые могут быть направлены на достижение национальных целей и их распределение, оценка допустимых потерь;
- распределение ответственности, в том числе моральной, между индивидами, правительствами, неправительственными группами.

Сходным образом, как процесс, в Российской Федерации определена «военная политика»: «деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников...»[137].

Всегда, когда государствами применяется вооруженное насилие, возникает вопрос, насколько справедливым[138], либо правомерным, было

---

[137] Указ Президента Российской Федерации «О Военной доктрине Российской Федерации» от 5 февраля 2010 г. № 146 // Российская газета, N 27, 10.02.2010. Раздел I. Общие положения, п. 6 п.п. «И».

[138] Например, п.2 раздела II «Военно-стратегические основы» одной из предыдущих версий Военной доктрины России устанавливал, что: «Характер современных войн (вооружённых конфликтов) определяется их военно-политическими целями, средствами достижения этих целей и масштабами военных действий. В соответствии с этим современная война (вооружённый конфликт) может быть: по военно-политическим целям

обращение конфликтующих сторон к такой форме разрешения противоречий.

При этом необходимо отметить, что только в сфере политики и международных отношений может быть найден ответ на вопрос «почему применялась сила?»; ответ на вопрос «как применялась сила?» находится в области военного искусства; а ответ на вопрос «правомерно ли применялась сила?» находится в предметной сфере науки международного права.

Стремясь максимально реализовать свои интересы, нация усиливает воздействие совокупной мощи на систему международных отношений или отдельные входящие в нее элементы и связи. Степень и интенсивность этого воздействия определяется, с одной стороны, национальными интересами, а с другой, объективным состоянием системы международных отношений.

В рамках реализации национальных стратегий применение силы в межгосударственных отношениях является своего рода неизбежным «управленческим циклом»[139], поскольку в достаточно большом числе ситуаций единственным эффективным средством защиты национальных

– справедливой (не противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущейся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии); несправедливой (противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающей под определение агрессии и ведущейся стороной, предпринявшей вооружённое нападение)...» См. Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. №706 «Об утверждении военной доктрины Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 2000 г., N 17, ст. 1852.
В Военной доктрине Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976 (см.:
URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/18/129.html)), справедливость характера акта обращения к силе через установление соответствия нормам Устава ООН уже не определяется.

[139] По справедливому замечанию В.Н. Хонина: «Система международных отношений регулируется посредством множества контуров, отличающихся друг от друга по составу субъектов и составляющих их основу нормам права, их управленческим циклам. Все частные управленческие циклы представляют лишь части всеобщего целостного цикла – правового регулирования международных отношений…». См.: Хонин, В.Н. Об определении международно-правового регулирования / Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982, стр. 17.

интересов может быть только военная мощь государств, несмотря на то, что в процессе предотвращения войн и вооружённых конфликтов государства в общем случае должны отдавать предпочтение политическим, дипломатическим, экономическим и другим невоенным средствам[140]. Однако необходимость защиты национальных интересов в большинстве ситуаций может требовать достаточной военной мощи.

Мощь государства (либо влияние государства) во внешнем мире, определяется как его собственными возможностями, так и совокупными характеристиками союзов, которые данное государство образует с теми государствами, с которыми оно имеет совпадающие интересы.

Возможности государства зависят от его географических особенностей (размеров территории, её конфигурации и характеристик, расположения); численности населения и его характеристик; наличия естественных ресурсов и сельскохозяйственного потенциала; эффективности и гибкости промышленности; состояния транспортной и телекоммуникационной инфраструктур; общего экономического потенциала и жизнеспособности экономики; национальных особенностей населения и его вероисповедания, вовлеченности в мировые события, наличия у населения воли к совместному продвижению к общим целям, доверия к правительству; эффективности правительства и пр. разрешения пограничных споров

Данные источники мощи государства работают опосредованно, они являются лишь мобилизационным потенциалом. Основными источниками мощи государства в мире полном неопределённостей являются благоприятные географические условия, производительное и созидательное

[140] См. Раздел IV «Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации». Указ Президента РФ от 1 0 января 2000 г. №24 «О концепции национальной безопасности Российской Федерации».

население, сильная и гибкая экономика, умелое руководство государством, воля народа[141].

Первое определяется физико-географическими условиями, остальное – может быть создано самим народом. Вопрос о том, какие усилия должны быть затрачены на применение определённого механизма в кратчайшие сроки, и как много ресурсов необходимо вложить в создание будущей мощи государства в настоящее время – является постоянным фактором, определяющим деятельность по разработке и реализации национальной стратегии.

Понятие национальной мощи включает в себя как её источники, так и инструменты реализации национальных интересов.

Инструменты национальной мощи взаимодополняют друг друга, они никогда не могут быть рассматриваться, и, тем более, применяться самостоятельно. Как это часто происходит под воздействием СМИ, устанавливающими моду на термины, совместное использование инструментов национальной мощи в настоящее время определяется как «гибридные» действия[142]: в любой конфликтной ситуации поведение государств при движении к своим национальным целям может быть объяснено через то, как они *комбинированно и синхронизированно* применяют доступные им средства (источники национальной мощи). В общем случае, данная парадигма описывается аббревиатурой «MIDFIELD»:

- военные (military);

---

[141] Концепция внешней политики Российской Федерации в качестве главных факторов влияния на международную политику, наряду с военной мощью выдвигает экономические, научно-технические, экологические, демографические и информационные. См.: «Концепция внешней политики Российской Федерации», Раздел II «Современный мир и внешняя политика».

[142] Концептуально «гибридную войну» можно описать как «синхронизированное использование множественных инструментов [национальной] мощи, специально подбираемых для получения взаимоусиливающих эффектов в отношении конкретных уязвимостей во всем спектре общественных процессов. См.: Patrick J. Cullen, Erik Reichborn-Kjennerud. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

- информационные (informational);
- дипломатические (diplomatic);
- финансовые (financial);
- разведывательные (intelligence);
- экономические (economic);
- правовые (legal);
- предоставление поддержки (development)[143].

По своей сути, данные источники национальной мощи и являются структурными элементами внешнеполитической силы государства, и в совокупности составляют основу национальной мощи.

Относительная новизна дискурса о гибридном характере войны заключается в трансформациях организации общественной жизни, которые соответственно привели к изменению содержания понятия «объект применения силы». Новым объектам применения силы, в свою очередь должны соответствовать средства и способы, которые могут использоваться конкурирующими за власть акторами.

Также к необходимости использования «гибридности» в борьбе власть акторы (государства – для достижения национальных целей) пришли в связи с возрастающей сложностью организации среды безопасности. С развитием глобализации и усилением экономической взаимозависимости, конкурирующие акторы получили доступ к информации о действительной мощи противника и у них появилось осознание того, что существование у противника с сильной военной организацией уязвимостей в «невоенных» сферах при синхронном использовании против него широкого спектра ненасильственных средств может изменить статус-кво даже без обращения к вооруженному насилию. Причем, одна из уязвимостей сильных держав заключается в том, что они связаны режимом международного права,

[143] Joint Doctrine Note 1-18. Strategy. II-8. 25 April 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Docu-ments/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540.

установленного после Второй мировой войны. Данный режим налагает на государства обязанность проявлять сдержанность и вести политический диалог в сфере ограничения применения силы. Акторы – «не государства» такими обязательствами не связаны.

В качестве примера можно привести известный подход к оценке военной мощи государств с помощью индекса Global Firepower (GFP), который базируется на оценке национального военного сухопутного, военно-морского и авиационного потенциалов, и опирается на анализ более 50 различных показателей. Кроме численности персонала, количества бронетехники, кораблей, самолетов и т. д., он также учитывает уровень финансирования военной сферы, транспортную инфраструктуру страны, доступ к нефтепродуктам и прочие факторы, которые могут повлиять на боеспособность военной организации государства. При этом в индексе не учитывается фактор ядерного оружия[144].

В зависимости от международной обстановки и национальных целей больше ресурсов выделяется именно на тот инструмент, который даёт наибольший выигрыш для выбранной стратегии национальной безопасности. Но, в любой ситуации защиты национальных интересов провести четкие границы между областями применения данных инструментов не представляется возможным.

Военная мощь обладает важной особенностью, заключающейся в необходимости постоянного масштабного качественного обновления средств ведения военных действий, военной доктрины, развития инфраструктуры государства, совершенствования подготовки единой системы обеспечения национальной безопасности.

В целях укрепления военной мощи государство обращается ко всем доступным возможностям, которые могут быть предоставлены всеми без

[144]См.: Рейтинг военной мощи стран мира.
URL https://nonews.co/directory/lists/countries/global-firepower (дата обращения: 20.01.2021).

исключения сферами общественной жизни, а не только исключительно военной организацией государства: осуществляется поиск наиболее эффективных механизмов в экономике, прорывных научных исследований, ищутся способы укрепления морального потенциала нации.

Адаптация военной организации государства к динамичному изменению состояния среды безопасности и обеспечение ее эффективными военно-политическими решениями на международной арене, являются необходимыми действиями для эффективного парирования как существующих, так и потенциальных угроз.

План реализации замыслов по достижению национальных целей оформляется в стратегии национальной безопасности, которая может быть определена как наука и искусство развития и применения инструментов национальной мощи, как во время мира, так и во время войны, с целью обеспечения гарантий достижения национальных целей, на основе выявления и использования преимуществ доступных государству источников национальной мощи.

С этой точки зрения международные отношения должны рассматриваться как процесс взаимодействия национальных стратегий различных государств, который проявляется либо в форме конфликта, либо в состоянии совпадения интересов. Данное взаимодействие осуществляется через применение государствами и другими участниками международного общения доступных и эффективных в каждый конкретный момент инструментов своей мощи.

Если, например, экономические и дипломатические меры показывают свою недостаточность и неэффективность – тогда может происходить обращение к военной силе или угрозе её применения, как в одностороннем порядке, так и в союзе с кем-либо. Но, военные, дипломатические, экономические, и иные действия ведут к успеху, только если они обеспечены ресурсами и скоординированы для достижения единой политической цели.

Применение вооруженного насилия (или угроза его применения) является одним из средств, к которым обращаются государства в межгосударственных отношениях, и возможность обращения к ним всегда учитывается на высшем уровне национальной стратегии и политики.

Целью современных актов применения военной силы в парадигме ООН является возобновление состояния мира. Данное утверждение имеет, конечно же, обобщающий характер, поскольку конкретные причины обращения к силе для каждого народа определяются совокупностью только ему присущих особенностей, его национальным характером, условиями его существования, историей, религией, демографией, международными обязательствами и т. д.

Для этих условий, как, впрочем, и тех, которые не были перечислены, не существует всеобще согласованных на межгосударственном уровне определений для их содержания.

В общем случае, например, термин «война» может быть определен как масштабное и организованное применение военной силы государствами, либо какими-либо группами с целью получения политических преимуществ[145].

Такое определение наиболее широко распространено как в военной среде, так и общественном сознании, поскольку классическое понимание отличия войны от иных случаев обращения к вооруженному насилию, например, внутренних вооружённых конфликтов или иных ситуаций насилия, заключается только лишь в её особом оформлении в нормах международного и национального права.

С момента возникновения современной системы государств войны велись преимущественно государствами, и их ведение регулировалось

---

[145] Например, в руководящих документах ВС США дано следующее определение: «Война – это насилие, санкционированное обществом, для достижения какой-либо политической цели». См.: Joint Publication 1, Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. Chapter I “FOUNDATIONS”, I-1 (b).
URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp1.pdf.

обыкновениями, а затем скорее описывалось, чем регулировалось, обычным и договорным международным правом.

Гражданские войны и повстанческие действия в настоящее время также в какой-то мере «регулируются» международными соглашениями, но лишь настолько, насколько это соответствует интересам противоборствующих сторон: если воюющий стремиться получить в будущем признание, как полноправный субъект международных отношений, он делает заявления о приверженности нормам международного права и несет ответственность за их выполнение лицами из состава своих вооруженных формирований. Но, на уровне обыденного восприятия, равно как и военно-профессионального, любое значительное по масштабам и последствиям применение силы чаще всего расценивается как «война», к которой нужно быть готовым вне зависимости от того, каковым на национальном уровне, является стратегическое, предназначение такого действия.

В ряде случаев «война» получала определение как «тотальная (абсолютная)», когда объем привлекаемых для достижения победы ресурсов, как человеческих, так и материальных, таков, что он должен обеспечить победу любой ценой, либо, когда для достижения даже ограниченных задач применяемые средства являются по своим свойствам «абсолютными» (например, ядерными). Однако термин «победа любой ценой» не должна отождествляться с термином «абсолютная победа», который может в некоторых случаях определять полное уничтожение государственности противника.

В большинстве случаев ведения военных действий государства в полной мере мобилизуют свои ресурсы только в случае, когда перед ними стоит цель «победы любой ценой», а иногда даже для достижения целей ограниченных, но имеющих для нации судьбоносное смысловое, идеологическое значение, например, для окончательного разрешения пограничных споров.

С точки зрения военных профессионалов возможность обращения к военным средствам разрешения конфликтов война является стержнем и смыслом бытия; с точки зрения политиков – одним из средств сдерживания противника; а в случае невозможности сдерживания - средством приобретения количественно и качественно иных политических преимуществ.

Вне зависимости от политического контекста содержание искусства ведения войны определяется выработанным практикой государств основными принципами её ведения[146], которые не являются застывшей конструкцией – они гибко реагируют на изменения в технологиях, состоянии международных отношений, стратегических намерениях государств и других социальных групп.

Для обеспечения контекста, необходимого для развития доктрины применения вооружённой силы, и, следовательно, определения направления развития и подготовки вооружённых сил, военные планировщики, в общем случае, производят структурирование вероятных военных действий в соответствии с поставленными им задачами и имеемыми ресурсами, например, разделяют конфликты на:

- широкомасштабную войну, локальные, региональные конфликты;
- конфликты низкой, либо высокой интенсивности;

---

[146] «К общим, устойчивым принципам военного искусства, действующим во всех войнах, относятся: соответствие способов военных действий политическим целям, экономическим и военным возможностям государств; массирование сил и средств, решительное сосредоточение основных усилий на важнейших направлениях, а в решающий момент, создание подавляющего превосходства над противником на избранных направлениях ударов; внезапность действий; гибкий маневр войсками, силами и средствами; своевременное наращивание усилий для развития достигнутого успеха и его закрепление; умелое использование резервов; тщательная подготовка и всестороннее обеспечение военных действий; твердое и непрерывное управление войсками и силами. Война и мир в терминах и определениях». См.: Военно-политический словарь. Ред. Д. О. Рогозин. Вече 2011. 640 С.; «War historically involves nine principles, collectively and classically known as the principles of war (objective, offensive, mass, economy of force, maneuver, unity of command, security, surprise, and simplicity)». Joint Publication 1, Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. Chapter I “FOUNDATIONS”, I-1 (b). URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp1.pdf (дата обращения: 21.01.2016).

- затяжные по времени, либо непродолжительные боевые действия;

- конфликты с применением ядерного (либо других видов оружия массового поражения) (далее – ОМУ)), или только обычного вооружения;

- либо производят классификацию по каким-либо другим основаниям[147].

В контексте внутриполитических и международных отношений все действия с применением вооруженного насилия чаще всего могут быть разделены на две группы: собственно на «войну» и «не войну» (или «вооружённые действия *невоенного* характера» (далее - ВДНВХ)).

---

[147] В частности, современная редакция Военной доктрины России определяет:
«… а) военная безопасность Российской Федерации … - состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять;
б) военная опасность - состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы;
в) военная угроза - состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию);
г) военный конфликт - форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы…;
д) вооруженный конфликт - вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт);
е) локальная война - война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие);
ж) региональная война - война с участием нескольких государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами, в ходе которой стороны преследуют важные военно-политические цели;
з) крупномасштабная война - война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны преследуют радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война … потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников…». См. распоряжение Президента Российской Федерации «О Военной доктрине Российской Федерации», см. выше.

В договорном международном праве определения для феномена «война» не существует. В классической доктрине международного права предполагается, что война – это спор между двумя или более государствами с применением вооружённых сил с целью победы над противником и установления таких условий мира, которые удовлетворяют победителя[148].

В данном определении, данном Л. Оппенгеймом, можно выделить четыре существенных элемента:

1. существование спора между двумя и более государствами; в ходе которого:

2. применяются вооружённые силы;

3. цель войны заключается в достижении победы над противником;

4. предполагается, что обе стороны имеют симметричные, но, возможно, совершенно противоположные цели.

Однако может ли конфликт с участием государств быть назван войной, если противник – не государство? Современное международное право «регулирует» ведение двух видов вооружённой борьбы, не давая им нормативного определения: межгосударственные конфликты (ведутся двумя и более противоборствующими сторонами) и внутригосударственные (гражданские войны, которые ведутся двумя и более противоборствующими сторонами в пределах какого-либо государства).

В формально-юридическом смысле война начинается с объявления войны и прекращается мирным договором, либо какими иными действиями, показывающими, что война закончена. Таким образом, в классическом международном праве существовала возможность разделения режимов мирного времени и военного времени.

В фактическом же смысле война может существовать в отсутствие какого-либо формального юридического оформления. Её связывают с

[148] Oppenheim, L. International Law: A Treatise. Vol. II. War and Neutrality. Second edition. Longmans, Green and Co. 1912. §58, pp. 67-68.

фактическим ведением военных действий, а не юридической процедурой, сопоставляемой с декларацией об объявлении войны. Более того, военные действия не обязательно должны быть непрерывными в течение всего хода войны, они могут, например, прерываться периодами, когда стороны заключают соглашения о прекращении огня.

Ранее правовой режим войны характеризовался намерением создать состояние войны с избранным конкретным противником (animus belligerendi), что обычно заявлялось в декларации об объявлении войны, но в настоящее время это условие государства не считают обязательным при определении нахождения себя в состоянии войны.

Например, если государство вторглось на территорию другого для решения ограниченных задач, и жертва нападения расценила это вторжение не как ВДНВХ, а как войну, то государство-агрессор вынуждено будет согласиться с состоянием войны. Так же, если оба государства ведут продолжительные и масштабные военные действия, но при этом отрицают состояние войны, она, тем не менее, будет существовать в отношениях между ними фактически.

В некоторых обстоятельствах, даже в случае широкомасштабных военных действий со значительным числом потерь и в течение длительного периода времени, могут существовать ситуации, когда стороны ведут себя таким образом, что ничего не происходит. Например, такая ситуация существовала в 1939 г., когда СССР и Япония поддерживали нормальные дипломатические и торговые отношения на фоне конфликта в районе реки Халхин-Гол. Военные действия происходили в отсутствие юридического состояния войны.

В настоящее время в парадигме Устава ООН возможно говорить о лишь существовании т. н. status mixtus - состояния промежуточного между войной и миром, когда одновременно в различных целях применяются как законы и обычаи войны, так и нормы мирного времени.

В мирное время status mixtus существует, когда государство в ограниченном масштабе применяет силу для ведения ВДНВХ. Поскольку состояние мира является преобладающим, отношения между участниками конфликта продолжают регулироваться нормами мирного времени, нормы нейтралитета не вводятся в действие для третьих сторон конфликта. В то же время ведение боевых действий регулируется международным гуманитарным (далее - МГП) и обычным правом, нормы которых в основном воплощены в двух Дополнительных протоколах 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Вне зависимости от того, признают ли государства состояние войны между ними, они обязаны применять эти нормы.

Очевидно, что достаточно часто между государствами происходят конфликты с участием вооружённых формирований, которые не перерастают в войну. Столкновения формирований на границах государств[149], инциденты с оружием, например, торпедирование корабля под флагом другого государства[150], сбитие летательного аппарата, принадлежащего другому государству[151]. Подобного рода инциденты происходят довольно часто случайно, либо как следствие существования напряженности между государствами по какому-либо поводу.

Категория ВДНВХ может включать в себя различного рода принудительные действия, а также действия, проводимые третьими сторонами с согласия конфликтующих сторон (действия по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности в соответствии с

---

[149] Ошибка в Google Maps чуть не привела к началу войны в Центральной Америке. URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2010/11/05/n_1567954.shtml# (дата обращения: 05.11.2010).

[150] S. Korea: "Obvious" North Torpedoed Our Ship: Foreign Minister Says Investigators Have Enough Evidence to Prove North Korean Attack Killed 46 Sailors.
URL: http://www.cbsnews.com/stories/2010/05/19/world/main6498333.shtml;
URL: http://www.nytimes.com/2010/05/20/world/asia/20korea.html?_r=1 (дата обращения: 01.03.2011).

[151] Timothy W. Maier. KAL 007 Mystery.
URL: http://web.archive.org/web/20010919141246/www.insightmag.com/archive/200104171.shtml. (дата обращения: 01.03.2011).

мандатами международных организаций), осуществляемые государствами, как в пределах национальной территории, так и вне её, когда с соответствии с существующими нормами национального и международного права и практикой, от государств не соблюдаются формальные процедуры объявления войны. Различие между этими двумя категориями является существенным, поскольку в совершенном ином объёме меняются по форме и содержанию политические, экономические и юридические отношения между воюющими и нейтральными в данном конфликте государствами.

Кроме того, эти категории отражают степень сплочённости общества и демонстрируют его готовность использовать для разрешения конфликта военным способом национальные ресурсы. Также, применение вооружённой силы можно называть войной, либо ВДНВХ, в зависимости от определения в данный конкретный момент содержания национальных интересов и политических обстоятельств – например, стоит ли перед народом проблема обеспечения его выживания, либо просто удержания существующего уровня благосостояния.

Таким образом, квалификация военных действий как «войны», либо ВДНВХ, зависит лишь от того, как противники оценивают ситуацию. До того момента, пока стороны предполагают инцидент как ВДНВХ, который должен вскоре прекратиться, то до этого момента не происходит мобилизация всех элементов национальной мощи государства. Но в тот момент, когда одна из сторон сделает формальное заявление о переходе к «войне», давая, таким образом, начало войне в формально-юридическом смысле, противник уже не сможет изменить ход событий. Так же, государство может увеличить уровень применения вооружённого насилия с тем, чтобы фактически ведущаяся война получила формальное оформление, но со стороны противника.

В этом как раз и проявляется основным отличие между войной и миром: для заключения и сохранения мира необходима воля двух государств, а для развязывания войны необходимо лишь желание одного государства.

Например, когда государство ведет фактические боевые действия против другого, оно не может предъявлять ему претензии в связи с, как ему представляется, неадекватными по масштабу, продолжительности и интенсивности ответными действиями. Даже в том случае, когда государство-жертва нападения не оказывает какого-либо сопротивления, война фактически имеет место в связи лишь с вооружённым насилием со стороны нападающего государства.

Например, война в Персидском заливе началась фактически в августе 1990 г., когда в течение нескольких часов Ирак оккупировал Кувейт практически без сопротивления, а не в 1991 г. когда силы коалиции начали активные боевые действия по освобождению Кувейта.

Сходным образом, нападение Грузии на Южную Осетию в августе 2008 г. не является самостоятельным актом военных действий – это продолжение событий начала 1990-х, но в этом случае оказались серьёзно затронуты национальные интересы Российской Федерации, и поэтому формированиям Южной Осетии была оказана помощь в отражении нападения.

Поскольку факт войны может быть выведен не из формально-юридических, а фактических действий, то позиция третьих государств в отношении определения момента начала данной войны, устанавливается ими самостоятельно.

Военные руководители должны понимать политическую подоплёку военных действий, а политическое руководство, ответственное за создание и развитие военных возможностей государства, обязано разбираться в сущности войны.

Данное условие является одной из основных парадигм военно-стратегического процесса:

- война является инструментом политики. Политическое руководство может наиболее эффективно управлять ведением войны, если оно чётко определяет цели её ведения.

- война является одним из средств обеспечения свободы действий государства. Также, необходимыми условиями для её ведения являются наличие поддержки населения, сильной и гибкой экономики и, эффективной и гибкой военной организации, эффективной системы разведки, и наличие способных мыслить стратегически руководителей.
- война, как соревнование, обладает присущей только ей особой динамикой. Продолжительность войны всегда является фактором неопределённым, равно как и исход войны. Неопределённости, разногласия, хаос – всё это также явления, обязательно сопутствующие войне.
- война несёт разрушения, стоимость ведения войны всегда является величиной непредсказуемой. Как политический средство, война может быть инструментом, решающим исход конфликта государств, но очень часто она является инструментом очень неточным и её исход почти всегда является отличным от планировавшегося результата.

Стремление к обеспечению качества жизни населения и стабильного мира является сущностью стратегии национальной безопасности, как во время мира, так и в военное время. Когда ввиду сложившейся обстановки народу приходиться обращаться к войне, либо ВДНВХ, на правительство государства возлагается обязанность гарантировать, что для достижения политически приемлемого разрешения конфликта оно будет разумно распределять ресурсы.

Органы государственной власти всегда должны заглядывать на шаг вперёд за горизонты военных действий – конечные цели политики обеспечения национальной безопасности должны предусматривать условия желаемого мира после окончания боевых действий. В ряду других аспектов они должны оценивать глобальные и региональные балансы сил, которые подлежат восстановлению, либо должны быть вновь созданы для обеспечения стабильного и продолжительного мира. Это, в свою очередь, должно учитывать природу послевоенных союзов, делимитацию

национальных границ, социальную и экономическую политику, которые необходимо проводить для устранения проблем, приведших к конфликту с одной стороны, и необходимость осуществления политической, экономической и социальной поддержки государств, переживающих последствия конфликта с другой стороны.

В рамках реализации национальной стратегии военная мощь может использоваться как непосредственно для подавления противника, так и опосредованно, как инструмент давления политического[152].

Анализ каждого акта применения военной силы – в том числе непосредственно военных действий – должен осуществляться в контексте национальных целей, путей их достижения (способов действий), и средств (доступных ресурсов). И сильному, и слабому приходится рассчитывать, во что ему обойдётся нарушение чужого или защита своего суверенитета при возникновении конфликтной ситуации[153].

Применение силы может быть очень дорогим способом решения проблем государства не только в смысле затраты ресурсов, но и в терминах потери международной репутации и снижения возможностей по влиянию на международные процессы. Именно вследствие этого сила должна использоваться избирательно, в течение непродолжительного времени, и при этом демонстрировать свою эффективность, в том числе и экономическую.

Любой акт применения силы должен быть приемлемым (т. е. последствия не должны вступать в противоречие с ожиданиями международного сообщества), целесообразным (т. е. приводить к желаемому

---

[152] Основные задачи Вооружённых Сил, других войск и органов Российской Федерации по обеспечению военной безопасности определены в п.32 (в мирное время), п.33 (в период непосредственной угрозы агрессии), п.34 (в военное время) раздела «Применение Вооруженных Сил, других войск и органов, их основные задачи в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время» Военной доктрины РФ. См.: URL: http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (дата обращения: 20.01.2015).

[153] Как отмечалось, в ранее действовавшей редакции Военной доктрины России: «Военная безопасность Российской Федерации обеспечивается всей совокупностью имеющихся в её распоряжении сил, средств и ресурсов...» См. п.8 Указа Президента РФ от 21 апреля 2000 г. №706 «Об утверждении военной доктрины Российской Федерации».

для государства состоянию международных отношений), и эффективным (в терминах затрат ресурсов).

Обращение к силе является возможным только при наличии у государства достаточной мощи. Эта относительная характеристика определяется разностью в потенциальной и действительной, либо предполагаемой и осязаемой, мощи противников. Данная разница не обязательно характеризует количественное либо качественное преимущество, скорее всего, она наиболее полно характеризует способность государства генерировать возможности для достижения желаемого эффекта.

Способность государства создавать решающее преимущество в каком-либо элементе национальной мощи может быть названо «способностью сосредоточения усилий», и данное свойство является наиболее важным как для военного искусства, так и всех иных сфер деятельности государства по обеспечению национальной безопасности.

Представляется очевидным, что «сосредоточение усилий» в каком-ибо элементе национальной мощи, особенно в современных геополитических условиях, не должно выходить за рамки, установленные проверенной парадигмой стратегического искусства: «Боевые действия имеют три главных предназначения:

a) Превозмочь и уничтожить вооружённую силу противника;

b) Завладеть его материальными и иными источниками мощи, и

c) *Завоевать общественное мнение»*[154] (выделено автором).

[154] Principles of War by Carl von Clausewitz. “III. Strategy. 1. General Principles”. Translated and edited by Hans W. Gatzke. September 1942. The Military Service Publishing Company. URL: http://www.clausewitz.com/readings/Principles/index.htm (дата обращения 12.04.2014).

1.2. Эволюция взглядов на обоснование справедливого характера применения силы до становления современной системы международной безопасности

Уже в древних религиозных писаниях можно выделить некоторые нормативные ограничения для применения силы, чаще всего отражающие определение «священной войны»: единственным элементом, определявшим справедливость обращения к вооруженному насилию, было получение необходимого благословения духовной власти, и даже завоевательные войны полагались священными, если они проводились с такой «санкции» всевышнего.

Со временем понятие священных войн было заменено понятием справедливых войн. В данном случае применение властями военной силы считалось разрешенным при наличии общепризнаваемой справедливой причины, а санкции духовных властей уже не рассматривались как обязательное условие легитимации актов применения силы.

Первая существенная и задокументированная в европейской истории попытка развития доктрины справедливой войны была предпринята во времена развития античной классической мысли Греции и Рима. Одним из первых авторов, утверждавших, что применение силы обязательно должно быть справедливо обоснованным, был Аристотель.

В своей «Политике»[155] он критиковал Лакедемон и Крит за их ориентацию на ведение войн как основу существования государства. Для Аристотеля война представлялась не самоцелью, а только средством достижения «благой жизни» для граждан политического сообщества и как

[155] Аристотель. Политика. Книга седьмая.
URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php (дата обращения: 02.02.2015).

способ достижения мира. Основываясь на таком общем заключении, Аристотель считал, что боевая подготовка должна быть направлена на достижение трех целей, которые, в свою очередь, служат объяснениями справедливости ведения войны.

Первой целью обращения к войне было «недопущение порабощения». В сравнении с современностью это может быть соотнесено с неотъемлемым правом государства на самооборону. Второй законной целью подготовки к войне по Аристотелю являлось достижение гегемонии «на пользу подвластным», и здесь он предполагал возможность использования силы для установления политического правления над людьми в интересах этих же людей. И, наконец, в качестве третьей цели подготовки к войне им полагалась возможность разрешить людям стать господами тех, кто заслуживает участи рабов, и, являясь рабами по своей природе, могли реализовать весь свой потенциал как человеческие существа только в состоянии рабов. Поэтому, для реализации такой цели использование силы предполагалось справедливым. Но, в отношении других, кто не являются рабами по своей природе, применение силы государством для их порабощения предполагается несправедливым.

Теория Аристотеля, по сути, была моральной, не юридической и он стремился определить не законность войны, а её моральную справедливость, и, как справедливо отметил, «конечной целью войны служит миф»[156].

Еще одним классическим мыслителем, работавшим над обоснованием справедливости обращения к войне, был римский государственный деятель и философ Цицерон, для которого, также, как и для Аристотеля, конечной целью войны является установление мира. В своей работе *DE LEGIBUS*[157] он утверждает, что есть две справедливые причины для начала войны: «(XXII, 35) ... Несправедливы те войны, которые были начаты без оснований.

---

[156] Там же, XII (15).

[157]Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах. – М., 1994. URL: http://grachev62.narod.ru/ciceron/Ogl.html (дата обращения: 14.09.2014).

Ибо, если нет основания в виде отмщения или в силу необходимости отразить нападение врагов, то вести войну справедливую не возможно … Ни одна война не считается справедливой, если она не возвещена, не объявлена, не начата из-за неисполненного требования возместить нанесенный ущерб …»[158].Он также соглашается с тем, что «всякая война, которая не была возвещена и объявлена, признавалась несправедливой и нечестивой» (XVII, 31)[159]. Более того, Цицерон определил, что «(XXIII, 34) что наилучшее государство никогда само не начинает войны, кроме тех случаев, когда это делается в силу данного им слова или в защиту своего благополучия»[160].

Таким образом, Цицерон, в отличие от Аристотеля, сделал акцент на аргументировании легитимности, в соответствии с которым война может считаться законной при существовании справедливой причины и при выполнении необходимых процедурных условий.

В начальном периоде развития христианской церкви большинство её последователями были по своей сущности абсолютными пацифистами[161]. Однако, внешнее давление на Римскую империю и участие все бóльшего количества христиан в государственном и военном управлении, привели к тому, что раннехристианский пацифизм стал размываться. Именно тогда христиане стали обращаться к созданной ведущими античными классическими мыслителями доктрине справедливой войны и толковать её

---

[158] Там же. Книга Третья.
[159] Там же. Книга Вторая.
[160] Там же. Книга Третья.
[161] Например, Тертуллиан: «... нам раз навсегда запрещено человекоубийство …». См.: Тертуллиан. Апологетик. Глава 9 (8). URL: http://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/ (дата обращения: 01.02.2015);
Ориген: «Что же касается христиан, то они получили заповедь не мстить врагам, и, руководясь (этим) умеренным и человечным законоположением, они действительно не совершают мщения, даже при существовании у них возможности вести борьбу и при наличности у них необходимых к тому средств. Такое (законоположение) они получили от Бога, Который Сам за них всегда воинствует и в нужные моменты усмиряет тех, которые восстают против христиан и желают истребить их». См.: Ориген. Против Цельса. Книга третья. VIII. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Origen/protiv_celsa/3 (дата обращения: 01.02.2015).

для создания идеологических основ функционирования системы обеспечения военной безопасности христианского государства.

Блаженный Августин первым из известных христианских мыслителей начал формулировать постулаты теории справедливой войны, определяющей обстоятельства, при которых обращение к силе должно признаваться справедливым[162]. Его идея не была выражена в виде системной доктрины справедливых войн, поскольку с религиозной точки зрения истинная справедливость возможна только при божьем царствовании, т. е. определяемая им «справедливость» не имела высокого божественного смысла, а являлась таковой относительно земного существования.

Первой ставшей известной систематизацией принципов определения справедливого характера применения силы стала работа Фомы Аквинского «Сумма Теологии»[163]. Развивая учение Августина, Фома Аквинский выработал системные рамки христианской доктрины справедливой войны, в общих чертах представляющей то, что позднее будет названо «теорией справедливой войны». Он рассматривает не только вопросы справедливости обращения к силе, но также и допустимые способы её использования, т. е. определяет начала ius in bello.

Ведя своего рода диалог с Блаженным Августином, Ф. Аквинский определил три условия применения силы для того, чтобы война была признана справедливой. Во-первых, полномочность правителя, по приказу

---

[162] См., например: «Об умерщвлении людей, которое не относится к преступлению человекоубийства»: «… тот же самый божественный авторитет допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека. Но это относится к тем случаям, когда повелевает убивать сам Бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевшему, как и меч служит орудием тому, кто им пользуется. И поэтому заповеди «не убивай» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию…». Блаженный Августин. Творения. Глава 21. – Том 3–4. – СПб.: Алетейя, 1998. Подготовка текста к печати С. И. Еремеева (оцифровка с издания: М.: Харвест, М.: АСТ, 2000). О Граде Божием. URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem=1_2 (дата обращения: 12.07.2010).

[163] Фома Аквинский. Сумма теологии. Том VII. Вопрос 40 «О войне». Раздел 1. Всегда ли греховно вести войну? URL: http://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40 (дата обращения: 12.12.2015).

которого ведется война[164]…. Во-вторых, необходимо наличие справедливой причины, а именно чтобы атакованные были атакованы потому, что заслужили это некоторым своим проступком[165]. В-третьих, необходимо, чтобы воюющая сторона имела справедливое намерение, то есть чтобы ее намерением было утверждение добра или предотвращение зла, поскольку «истинная религия полагает мирными те войны, которые ведутся не ради превозношения или жестокости, но ради укрепления мира, наказания злодеев и утверждения добра»[166].

Эти три условия для определения справедливого характера войны получили широкое признание и стали отправной точкой в исследованиях характера войн для ученых-теологов и юристов более позднего времени, таких как: Франсиско де Витория[167], Франсиско Суарез[168], Джон Локк[169], Гуго Гроций[170], Жан Боден[171], Томас Гоббс[172], Сэмюэль Пуфендорф[173], Эмерик де Ваттель[174]и др.

---

[164] «… согласно служащему поддержанию мира среди смертных естественному порядку необходимо, чтобы право задумывать и объявлять войну принадлежало тем, кто обладает наивысшей властью». Там же.

[165] «… война представляется справедливой тогда, когда она является возмездием за несправедливость, когда должно покарать народ или государство за отказ возместить причиненное зло или вернуть то, что несправедливо захвачено». Там же.

[166] «… подчас случается так, что война объявляется законной властью и по справедливой причине, но тем не менее является несправедливой в силу злого намерения, в связи с чем читаем у Августина: «Страсть к нанесению ущерба, жестокая жажда мести, безжалостность и неумолимость, лихорадочное отвращение, вожделение власти и тому подобное — все это по праву считается проклятием войны». Там же.

[167] Franciscus De Victoria. De Indis Et De Ivre Belli Being Parts of Relectiones Theologicae XII. In the Classics of International Law (Edited by James Brown Scott), Reprinted 1964. Oceana Publications Inc., Wildy & Sons Ltd. New York, U. S. A., London.

[168] Francisco Suárez. De Legibus. URL: http://www.sydneypenner.ca/su/DL_1_13.pdf (дата обращения: 30.08.2012).

[169] John Locke. Two Treatises of Government, ed. Thomas Hollis (London: A. Millar et al., 1764). The Online Library of Liberty. Classics in the History of Liberty. URL: http://oll.libertyfund.org/titles/locke-the-two-treatises-of-civil-government-hollis-ed (дата обращения: 27.10.2015); Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 262–405; пер. Ю. В. Семенова.

[170] Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

[171] Jean Bodin. Six Books of the Commonwealth. Abridged and translated by M. J. Tooley, Basil Blackwell Oxford. Printed in Great Britain in the City of Oxford at the Alden Press Bound by the

К ранее сформулированному базовому критерию справедливой войны - необходимости обращения к силе, данные мыслители добавили идею соразмерности, объясняя, что не каждая причина достаточна для оправдания войны, а лишь те, которые действительно являются серьезными и соразмерны с потерями от самой войны. Иными словами, зарождающееся право на ведение войны взяло в свою основу неправовой принцип взаимности lex talionis: для оправдания причин обращения к силе потери государства должны быть примерно сопоставимы потерям от необращения к войне при неоказании сопротивления противнику. При несоответствии таким морально-религиозным ограничениям война предполагалась не только аморальной, но также становилась юридически запрещенной. То есть, уже в то время, предполагалось, что объектом применения силы не должны быть безвинные[175].

Как позднее отметил русский дипломат профессор Ф. Мартенс: «Война въ древности объявлялась не только непріятельскому государству и его вооруженнымъ защитникамъ, но вообще всѣмъ лицам, которыя находились

Kemp Hall Bindery, Oxford. URL: http://www.constitution.org/bodin/bodin_htm (дата обращения: 11.12.2011).

[172] Гоббс, Томас. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: http://www.philosophy.ru/library/hobbes/ogl.html (дата обращения: 16.09.2012).

[173] On the Law of Nations. Eight Books. Written in Latin by the Baron Pufendorf, Counsellor to His Late Swedish Majesty, and to the Present King of Prussia. Translated into English, from the best edition. Oxford. Printed by Lithfeld, et al. MDCC III.

[174] Emer de Vattel. The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature, applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns, With Three Early Essays on the Origin and Nature of Natural Law and on Luxury/edited and with an introduction by Bela Kapossy and Richard Whatmore; translated by Thomas Nugent. Liberty Fund, Inc. 2008. URL: http://lf-oll.s3.amazonaws.com/titles/2246/Vattel_1519_LFeBk.pdf (дата обращения: 12.12.2015).

[175] «Состязание в мужестве с оружием в руках запрещается не всегда, а только тогда, когда оно неупорядочено, сопряжено с риском [для жизни] и завершается убийством или грабежом». Ф. Аквинский. Там же.

на непріятельской территоріи … Во всякомъ случаѣ, религія смягчала жестокости, обычныя въ войнахъ древнихъ народовъ»[176].

К началу эпохи возрождения меньший упор стал делаться на религиозное обоснование справедливости обращения к силе, но, по-прежнему, для мыслителей того времени война всё также предполагалась справедливой только при следовании ряду теологических ограничений.

Но уже в шестнадцатом-семнадцатом веках теоретики стали увязывать развитие ius ad bellum с человеческой природой, а не с трансцендентным миром. Как отметил уже упоминавшийся Ф. Мартенс: «Въ средніе вѣка впервые вырабатывается общественный порядокъ, основанный на уваженіи къ человѣку и его правамъ. Съ этого времени война начинаетъ подчиняться опредѣленнымъ правиламъ и порядку, который все болѣе развивается, по мѣрѣ того какъ въ новыхъ государствахъ законъ и правильно организованная государственная власть постепенно ставятъ преграды необузданной волѣ лица»[177].

Одним из самых именитых публицистов того времени был Гуго Гроций, сформулировавший в новых секулярных терминах нормы естественного права в вопросах обращения к войне, которые дистанцировали её от божественной воли.

В своей работе «De Jure Belli ac Pacts» (О праве войны и мира)[178] Г. Гроций дал свое определение справедливому характеру войны. Во-первых, он поддерживал раннехристианское положение о легитимности войны при ее ведении законной властью. Во-вторых, он определил, что справедливой причиной для ведения может быть защита людей и имущества.

Также, Г. Гроций заявил, что применение силы законно в ответ на нереализованное намерение противника, содержащее опасность для жизни

---

[176] Мартенсъ Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Томъ II. Санктъ-Петербургъ. 1883. С. 463.
[177] Мартенсъ Ф. Там же.
[178] Гроций. Книга I. Глава II. Может ли война когда-либо быть справедливой? URL: http://grachev62.narod.ru/huig_de_groot/chapt102.html (дата обращения: 30.08.2014).

или имущества, т. е. сформулировал начала концепции упреждающей самообороны, для ситуаций, когда «опасность должна быть непосредственная и неминуемая по времени». Другой справедливой причиной для начала войны было наказание государства, нанесшего ущерб, т. е. было положено начало формулированию концепции репрессалий.

В этом же труде Г. Гроций определил несколько характеристик «несправедливого» применения силы, включающих стремление овладеть лучшими землями, предоставление свободы какому-либо народу, а также установление правления другими народами вопреки их воле под предлогом того, что это делается для их же блага, и др.

А другой теоретик той эпохи Томас Гоббс расширил критерий справедливости возможностью ведения войны для обеспечения населения товарами.

Существенный вклад в определение справедливой причины для обращения к войне относительно христианского толкования сущности ius ad bellum, т. е. формирование секуляризованной версии доктрины справедливой войны, внесли также Джон Локк, который предположил, что «... и право на войну, свобода убийства агрессора [возникает], потому, что агрессор не даёт времени обратиться ни к нашему общему судье, ни к судебному решению…»[179]; и Эмерик де Ваттель, определивший, что «... в отличие от случая, когда не стоит вопрос о наказании противника, все может быть суммировано в следующем правиле: всякий ущерб, причиненный противнику без необходимости, каждый акт военных действий, который не нацелен на достижение победы и приведение к окончанию войны, являются аморальными, и, как таковые, осуждаются естественным правом»[180].

Регулирование применения силы в позитивистский период (середина XVII века – рубеж XIX/XX веков) характеризуется, прежде всего, тем, что в

179 John Locke. Book II. Chapter III. Of the State of War. § 19.
[180] Emer de Vattel. Book III. Chapter IX, § 172, P. 573.

международные отношения включились большее число участников, увеличилось количество областей взаимодействия, прежде всего уже на межгосударственном уровне. Как следствие, это привело, к перераспределению полномочий на применение вооруженного насилия между участниками межгосударственных и, позднее, международных отношений, и соответственно, к изменению ролей традиционных элементов мощи государств в достижении военного успеха и политической победы.

Понимание того, какие факторы обусловили процесс такого перераспределения ролей внутри социального устройства участников международных отношений, является ключевым моментом в понимании механизма легитимации актов применения силы в данном историческом периоде: произошла замена феодальной системы организации власти, и территориальное государство окончательно стало доминирующей политической частью европейского общества.

В отличие от религиозно-иерархичной системы ценностей, преобладавшей в эпоху феодализма, новая международная система концентрировалась вокруг отдельных, относительно автономных государств под управлением, главным образом, монархов, формально состоявших под управлением религиозных властей, но фактически им уже не подчинявшимся. На это развитие повлияли многие факторы, и не последним из них было развитие международной торговли и сопутствующий ей рост новых профессиональных сообществ, и соответственно, снижение роли церкви в распределении ресурсов.

С появлением государственной системы развивалась и теория статуса государства - доктрина суверенности, развитие которой связано с такими именами, как Жан Боден[181] и Т. Гоббс[182], сформулировавшими фундаментальные принципы построения государственных систем, которые

[181] Jean Bodin. Book I. Chapter VIII. URL: http://www.constitution.org/bodin/bodin_.htm (дата обращения: 11.12.2011).
[182]См. выше.

сильными мира сего не признавались до XVII в., т е. до полного истощения собственных ресурсов в войнах и вынужденных перемирий, оформленных в системе т. н. Вестфальского договора в 1648 г.[183]

Эти принципы послужили основой для понимания необходимой организации современной системы государств, и создали исходные условия для реализации, тогда ещё не сформулированных положений современного международного права и международных отношений. В соглашениях об окончании войн подписавшиеся стороны взяли на себя обязательства не вмешиваться в определение господствующей религии местными правителями на подвластных им территориях.

Так был подтверждён принцип cuius regio eius religio - тот, кто правит, выбирает религию. А право правителя на определение религии (т. е., системы ценностей) явным образом подтверждало его независимость и существенную самостоятельность. В своей основе суверенитет подразумевал наличие трех основных положений: во-первых, он означал, что правители конкретного государства - суверены безраздельно господствовали над своей территорией. Ни церковь, ни император не могли даже в течение короткого периода времени осуществлять в их отношении каких-либо контрольных функций, даже при заявленной приверженности той же конфессии; во-вторых, государства рассматривались как юридически равные по отношению друг к другу; в-третьих, исходя из двух предыдущих положений, суверенитет означал, что a priori над государствами нет верховенствующего над ними закона без их на то согласия.

Эти сущностные характеристики государства возникли вследствие необходимости концентрации ресурсов посредством формирования единства населения, проживающего на территории государства и стоящей над ним власти как условия обеспечения экономической деятельности, роста населения и его защиты. Вестфальская система не только концентрировала

[183] Peace Treaty between the Holy Roman Emperor and the King of France and their respective Allies. http://avalon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp (дата посещения: 29.11.2014).

власть внутри самих государств, она также и распространяла её и во внешнюю сферу, поскольку государства стали субъектами международной ответственности.

Заключенный между правителями Нидерландов и Испании Мюнстерский договор[184], как часть Вестфальского договорной системы, обязал конфликтующие стороны обращаться к арбитражу и посредничеству как формам мирного урегулирования конфликтов, установил период продолжительностью три года для «охлаждения» прежде обращения к военным действиям. Также была установлена возможность обращения к санкциям в случае неисполнения данных условий.

Данные перемены явились предшественниками современной практики в сфере обеспечения международной безопасности. Вообще говоря, все современные согласованные процедуры урегулирования конфликтов происходят из условий Вестфальского мира, который также ознаменовал конец той иерархии международных отношений, которая основывалась на авторитете католической церкви и обязанности следования её предписаниям.

Также вестфальские договоры определили ответственность государств-победителей, - Франции и Швеции за обеспечение привилегий и иммунитетов, дарованных принцам и свободным городам Германии Данное решение явилось существенным вкладом в развитие доктрин международной ответственности и признания государств, определяющих возможность легитимного участия в международных отношениях только тех государств, которые не только желают обладать правами, но и могут исполнять обязанности[185].

Институциональные свойства системы сосуществования политически равных сообществ в вестфальской системе государств были обязательно

---

[184] The Treaty of Münster, 1648. URL: http://www1.umassd.edu/euro/resources/dutchrep/14.pdf (дата посещения: 28.10.2015).

[185] См.: Ku, Charlotte, “Catholicism, the Peace of Westphalia, and the Origins of Modern International law,” 1 The European Legacy (1996), pp. 734-9.

связаны с территорией безотносительно формы правления и государственного устройства, или следования какой-либо религии. Нормы взаимодействия легитимных акторов, позднее определенные как «международное право», стали сфокусироваться на развитии ценностей, общих для всех государств.

Данная система также способствовала развитию принципа свободы поведения государств, основанного на согласовании их воль, и развитию принципа соблюдения баланса сил, который обеспечивал им самосохранение. Правовые нормы стали действовать как регулятор в отношениях между государствами, но уже не господствовали над ними, как ранее религия.

Институциональные свойства системы сосуществования политически равных сообществ в вестфальской системе государств были обязательно связаны с территорией безотносительно формы правления и государственного устройства, или следования какой-либо религии. Нормы взаимодействия легитимных акторов, позднее определенные как «международное право», стали сфокусироваться на развитии ценностей, общих для всех государств, независимо от формы правления.

Практика данного периода также свидетельствует о вынужденности изменений в поведении государств: существенные потери в ходе религиозных войн заставили их формально заявлять о своей приверженности принципам добровольного следования общим ценностям, поскольку формализованные нормы, регулирующие поведение сторон и гарантирующие их суверенные иммунитеты, регламентирующие процедуры заключения и обеспечения договоров, служили их самосохранению[186].

Причиной добровольного следования нормам, ограничивающим произвольное обращение к силе также может быть то, что государства

[186] См.: Коростелев С.В. Эволюция взглядов на обоснование актов применения силы до начала становления современных институтов. Управленческое консультирование. 2016. № 10 (94).

обладали ограниченным потенциалом по изменению status quo – они находились на одном уровне развития средств и методов ведения военных действий и основным источником военной мощи было население, а при значительной феодальной раздробленности Европы достичь решающего превосходства над противником массированным применением живой силы не представлялось возможным.

То есть государство, как институт, не обладало возможностями, как самостоятельного сохранения правопорядка, так и разрушения его, поскольку промышленная революция в данный период ещё не в полной мере обеспечивала потребности государств в сфере применения вооружённого насилия. И, конечно же, эти нормы не предполагали существования у суверенных государств технологических возможностей для полного уничтожения государств-противников с их населением и институтами, поскольку, в случае победы, именно население побежденного государства дополняло основные источники национальной мощи победителя.

И только в XX в. у государств появились возможности для абсолютного уничтожения своих конкурентов. Реализация же таких возможностей в международной системе ограничивалась, в первую очередь, только лишь возможностями по уничтожению фактической военной мощи государства - потенциальной жертвы нападения, и, только во вторую очередь, концепцией суверенитета, т. е. морально-правовыми ограничениями.

Более того, сама концепция суверенитета создавалась для определения степени автономии государств и предполагала необходимость процедур согласования их воль для обеспечения выживания международной системы, но, как следствие, поспособствовала созданию мифа о том, что национальное государство способно самостоятельно решить все проблемы обеспечения безопасности.

Концепция суверенитета, как базис существования современной международной системы, была оформлена в доктрине позитивизма, в

соответствии с которой государства не могут быть ограничены каким-либо высшим законом, а единственно действующим правом может быть только то, которое создано с их согласия и может иметь вид, как договора, так и обычая и общих принципов, в том числе, регламентирующих применение силы.

Основным последствием развития доктрины позитивизма было окончательное вытеснение религиозной концепции справедливой войны в качестве основополагающего подхода к ius ad bellum: в отсутствие высшего ограничивающего закона или власти государства получили «суверенное» право вступать в войну для отстаивания своих прав в любое время даже при существовании каких-либо моральных ограничений.

Единственным жестко ограничивающим моральным ограничением по переходу к войне, принятым в тот период правящими элитами, было требование обязательности объявления войны: государство попросту объявляло войну, и это считалось правомерным[187].

Как заметил в 1926 г. Е.А. Коровин: «Проблема оправдания войны … не входит в рамки международного права, для которого исторические и социальные причины и следствия войны не имеют сами по себе нормативного значения. Оценка войны («справедливые» и несправедливые войны), как и всякого другого явления социального порядка, зависит исключительно от идеологии оценивающего класса»[188].

Хотя вступление государств в войну было практически ничем не ограничено, ими признавалось существование обусловленных различий

---

[187] Статья 1 III Конвенции «Об открытии военных действий» (Гаага, 18 октября 1907 г.) определила, что: «Договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны».
URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_b85 (дата обращения: 25.01.2012).
В то же время доктрина предполагала, что: «… ко времени Гаагской конференции ни писаное право, ни единодушное убеждение (communis opinio) учёных не знали правовой нормы – предварительного объявления». См.: Коровин Е. А. Современное международное публичное право. Государственное издательство. Москва. 1926. Ленинград. Глава XIII. «Право войны». С. 144.

[188] Коровин Е. А., см. сноску выше, С. 142.

между полномасштабной войной и справедливым использованием силы, «но не войны». Такое «разрешенное» использование силы ограниченного масштаба признавалось за быстротечной операцией, не влекшей участия основных военных сил государства. Все, что это происходило без объявления войны, регулировалось «международным правом» мирного времени. Типичное использование силы в ограниченных масштабах включало репрессалии[189], действия с целью самообороны, действия по обеспечению свободы судоходства, и др.

С течением времени доктрина сформулировала некоторые ограничения для оценки справедливости репрессалий. Классическим перечислением этих критериев может считаться арбитражное решение дела Наулилаа[190].

Оно относится к репрессалиям со стороны Германии в 1914 г. в отношении Португалии, не находившейся с ней в состоянии войны. По заключению суда правомерность репрессалий определялась при соблюдении трех условий.

Во-первых, должно было иметь место нарушение международного права, поскольку репрессалии могут быть применены в ответ на нарушение права.

Во-вторых, репрессалии должны следовать после требования не допускать подобные незаконные действия, и только в случае, когда эти требования не удовлетворены. Другими словами, потерпевшая сторона обязана добиваться исправления положения мирными средствами перед тем, как использовать силу.

---

[189] Репрессалиями было принято считать ответные силовые действия государства, направленные на отмщение за нанесенный ущерб. Они проводились, чаще всего, в мирное время. Но в ходе войны репрессалии проводились и в ответ на существенные нарушения прав государства, защищенных международным правом, в ходе каких-либо конкретных эпизодов боевых действий. Репрессалия практически всегда является нарушением международного права, но не рассматривалась как таковая, когда предпринималась в ответ на неправомерные действия.

[190] См. Коломбос, Д. Международное морское право. – Москва: Прогресс, 1975, §492; Bishop, William W., Jr. International Law: Cases and Materials. Third edition. Little, Brown and Company. Boston. 1971, pp. 56, 903-904.

В-третьих, репрессалии должны быть соразмерными по отношению к понесенному ущербу. Это не означает, что масштаб соответствующих ответных действий и наносимый противнику ущерб должны соотноситься с предельной точностью с изначально понесенным ущербом.

Так же в позитивистский период справедливым признавалось обращение к силе для самообороны, которая всегда уважалась как приемлемый вид обращения к силе, отличающийся от репрессалий тем, что она предназначена не для возмездия.

В это же время в межгосударственных отношениях получило признание существования ограничений для обращения государств к силе для возврата долгов по обязательствам граждан других государств. Во Второй Гаагской конвенции 1907 г. стороны объявили «о неприменении вооруженной силы с целью возврата долгов по обязательствам, потребованным от правительства одного государства правительством другого государства как долг его гражданам»[191].

В Конвенции было определено, что такое ограничение для обращения к силе не относилось к тем случаям, когда «государство-должник отказывается или пренебрегает предложением рассмотреть дело в арбитражном суде или после принятия такого предложения не дает возможности достичь взаимоприемлемого компромисса, или не выполняет решение арбитражного суда о выплате долга». Таким образом, включенное в Гаагскую конвенцию запрещение было несовершенным, поскольку все-таки допускало применение силы, но в рамках процедур, приемлемых для того времени.

В целом, во время позитивистского периода существовало не так много правил, ограничивающих свободу государств на обращение к силе, если государство просто объявляло войну.

---

[191] II Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам (Гаага, 18 октября 1907 года).
URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_444?test=4/UMfPEGznhh8RF.ZivokrLwHI4lMs80msh8Ie6 (дата обращения: 25.01.2012).

Последовавшее развитие технологий, увеличивших возможности государств по уничтожению потенциала противника, продвижение имперских интересов в XIX-XX вв. показали, как неспособность отдельного территориально организованного государства самостоятельно защищать потребности своего населения, так и необходимость развития межгосударственного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности. А, существовавшие тогда морально-правовые ограничения, закреплённые в международных договорах, уже не могли служить международной системе в качестве регулятора отношений в сфере применения силы. Как отмечал Е. А. Коровин: «Весь комплекс ныне действующего права войны сложился в эпоху с совершенно иным государственно-экономическим строем»[192].

Объективным условием необходимости создания новой системы обеспечения международной безопасности стало увеличение числа субъектов международных отношений и появление у государств оружия массового уничтожения. Субъективной основой создания такой системы послужило общее понимание возрастания сложности возникающих проблем, как в сфере обеспечения национальной безопасности, так и потребности в мобилизации ресурсов для защиты общих ценностей.

Всё это привело к появлению системы обеспечения международной безопасности, которая первоначально была воплощена после Первой мировой в 1919 г. в Лиге Наций, а впоследствии в 1945 г. – в Организации Объединённых Наций. Данные организации не предназначались для того, чтобы стать традиционным межгосударственным альянсом, ориентированным на поддержание баланса сил и достижение военного преимущества перед противниками: они были созданы для концентрации политических, военных, экономических и иных ресурсов государств-членов для защиты общих ценностей, обеспечения механизмов предотвращения конфликтов и их мирного разрешения.

---

[192] Коровин Е. А. См. сноску выше, С. 143.

Участие в Статуте Лиги Наций[193] ограничивало свободу государств применять силу по своему усмотрению; и кроме того, впервые в истории, межгосударственному образованию, уже как самостоятельному субъекту международных отношений, было предоставлено правомочие обращаться к государствам с требованиями.

В Статуте Лиги Наций был создан детальный набор процедур для ограничения применения силы.

Во-первых, в соответствии со ст. 12 подписавшиеся стороны при наличии любого спора, способного серьезно осложнить международные отношения, обязались обращаться в арбитраж, искать правовое разрешение спора или представить дело на рассмотрение Совета Лиги Наций. Спор, способный серьезно осложнить международные отношения, считался составляющим угрозу международному миру и ведущим к войне.

Затем, согласно ст. 15, при рассмотрении спора Советом Лиги и при единогласном принятии доклада членами Совета, не являющимися сторонами спора, государства-участники спора не должны вступать в войну в соответствии с рекомендациями доклада. Статья 13 накладывала такие же обязанности в случае решения арбитража или суда. К тому же государство не могло начать войну против другого государства, если это государство выполняет решения органа по разрешению спора.

И, наконец, согласно ст. 12 стороны соглашались не приступать к войне в течение трех месяцев после решения арбитража, суда или доклада Совета Лиги.

Это означало, что даже если одна сторона не выполняет положения доклада Совета Лиги или решения арбитражного трибунала или суда, другая

[193] Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор) (Вместе со «Статутом Лиги Наций», «Уставом Международной организации труда» и «Протоколом»). Версальский мирный договор. - М.: Литиздат НКИД, 1925.

сторона не должна приступать к войне менее чем через три месяца. Другими словами, устанавливался период «успокаивания» сторон.

Такая процедура, налагающая значительные ограничения по сравнению с периодом до создания Лиги Наций, тем не менее, оставляла за сторонами значительные возможности для обращения к силе.

При отсутствии решения арбитражного органа, суда или Совета Лиги Наций государства не были обязаны воздерживаться от применения силы. Статья 15 чётко устанавливает такую возможность: «если Совет не может выработать доклад, с которым были бы согласны все члены Совета кроме представителей одной или нескольких сторон спора, члены Лиги оставляют за собой право предпринять такие действия, которые они сочтут необходимыми для обеспечения права и справедливости».

А при выработке Советом решения государства могли начинать войну против государства, не выполняющего решения органа по урегулированию ситуации. В случае невыполнения решения одной стороной, другая сторона имела право начать войну через три месяца.

Процедурный контроль легитимности обращения к силе в соответствии со Статутом Лиги ее органом управления – Советом, являлся единственным сдерживающим фактором для начала войны[194]. Вместе с тем эти требования Статута расценивались государствами как значительное ограничение на выбор ими способов применения силы для защиты своих суверенных прав.

Статья 10 Статута гласила: «Члены Лиги обязуются уважать территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги и воздерживаться от внешней агрессии. В случае такой агрессии или угрозы или опасности такой агрессии Совет выдаст рекомендации относительно способов выполнения таких обязательств».

---

[194]См.: Arend, Anthony Clark and Robert J. Beck. International Law and the Use of Force: Beyond the UN Charter Paradigm. New York: Routledge, 1993. Figure 2.1.

Это означало, что защищать от агрессии территориальную целостность и политическую независимость государств должна была Лига Наций. Очевидно, что одновременно данное положение запрещало агрессию. Однако если ст. 10 запрещала агрессию, то это выглядело как противоречие приведенным выше положениям Статута, разрешающим начинать войну при определенных обстоятельствах: ст. 10 находилась в зависимом положении от ст. 15 п. 7, разрешающего войну при неспособности Совета выработать решение.

При таком толковании представляется, что создатели Статута имели в виду разрешение на такое применение силы, которое в соответствии с другими положениями Статута (ст. ст. 12 и 15), не будет являться актом агрессии. При дальнейшем рассмотрении можно прийти к подтверждению такого вывода, но само наличие ст. 10 в Статуте и отсутствие определения содержания агрессии, указывает на некоторую неопределенность подхода Лиги Наций к вопросу оценки правомерности начала войны.

Статья 16 Статута устанавливала, что ведение войны не в соответствии с процедурами Лиги Наций будет расцениваться как ведение войны против всех членов Лиги. И любое начавшее войну государство должно было подпадать под действие экономических санкций, а Совет Лиги наделялся полномочиями принять решение об осуществлении военных мер против нарушителя права.

Предполагалось, что все члены Лиги Наций должны согласиться с идеей коллективной безопасности поскольку каждое государство, подписавшее договор, обладало правом вето, и соглашалось тем самым со ст. 16. Однако так как данный вопрос на практике не регулировался каким-либо четким предписанием, каждое из этих государств самостоятельно решало, как, когда и какие санкции применять к нарушителю его прав.

Следует отметить, что ограничения, установленные Статутом Лиги Наций, относились исключительно к оценке правомерности начала войны, а

какие-либо ограничения на применение силы после начала военных действий Статутом уже не регулировались.

Можно утверждать, что даже после создания Лиги Наций использование силы не для ведения войны, а для решения ограниченных задач, определялось таким же порядком, как и во времена позитивистского периода, когда решение на применение силы принималось монархами.

Статут Лиги Наций был не единственным документом этого периода, определяющим условия начала войны: были предприняты некоторые другие попытки для определения и дополнения содержания ius ad bellum. Они включали Женевский Протокол по мирному разрешению международных споров 1924 г.[195], Локарнский мирный Пакт 1925 г.[196] Эти соглашения определили агрессию как «международное преступление», но за пределы

---

[195] Одной из проблем, сопутствовавших применению Статута Лиги Наций по предотвращению войн, было то, что в нём не было определено содержание термина «акт агрессии». В результате Ассамблея Лиги, либо совет Лиги должен был рассматривать каждый инцидент между государствами и затем принимать решение о существовании, либо отсутствии такого «акта». И только после этого, рекомендовать членам Лиги какие-либо действия в отношении таких государств. Такие неопределённости и привели к принятию Протокола 1924 г., в соответствии с которым каждое государство обязывалось предоставлять все противоречия на рассмотрение арбитража и не начинать войну до тех пор, пока спор находиться на рассмотрении арбитров. Согласно акту, агрессором считалось любое государство, которое отказывалось от арбитражного рассмотрения спора, либо не согласившееся с арбитражным вердиктом. Также, каждый член Лиги наций обязывался принять участие в конференции по ограничению вооружений.
Протокол предложил простое определение агрессора, но не получил международного признания. Во-первых, потому что государства не верили в существование справедливых арбитражных процедур. Во-вторых, государства вовсе не хотели быть втянутыми в войну даже против определённого Лигой Наций агрессора в целях защиты какого-либо государства, если не было угрозы их собственным национальным интересам. Государства еще не были готовы к воплощению в жизнь идеи коллективной/региональной безопасности, основанной на общей ответственности за мир.

[196] Данный мирный договор касался конкретного региона - Европы. Его гарантами являлись Франция, Германия, Италия, Великобритания. Государства признавали нерушимость границ, и обязывались передавать все споры на рассмотрение арбитров, и не начинать войну до тех пор, пока вопиющим образом не нарушены условия договора, или не существует указания Лиги Наций на действия против агрессора. К подписанию Локарнского договора в отличие от Версальского договора была допущена Германия, и она впервые после Первой мировой войны была признана европейскими государствами как равная сторона в переговорах.

парадигмы Статута Лиги Наций в ограничении обращения к силе они не выходили.

В то же время рассмотрение положений ст. 2 Женевского протокола 1924 г. показывает, что стороны обязались не приступать к войне «кроме случаев сопротивления актам агрессии или в случаях действий с разрешения Совета или Ассамблеи Лиги Наций в соответствии с положениями Статута и настоящего протокола». Другими словами, в Протоколе впервые в истории проявилось стремление ограничить условия для начала войны случаями сопротивления агрессии или с разрешения компетентного органа Лиги. Однако ратификация протокола не смогла набрать необходимого количества голосов.

В период между Первой и Второй мировыми войнами был предпринят важный шаг по ограничению права государств начинать войну: был заключен Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, известный как Парижский пакт или Пакт Бриана-Келлога[197].

Стороны договора объявили «от имени собственных народов, что они осуждают разрешение международных противоречий путем войны и войну, как инструмент государственной политики в отношениях между государствами». Они также согласились с тем, что «разрешение всех споров или конфликтов любой природы и любого происхождения, которые могут возникать, будут решаться исключительно мирными средствами».

Таким образом, в отличие от разрешающего в некоторых обстоятельствах войну Статута Лиги Наций, Пакт Бриана-Келлога поставил войну полностью вне рамок международного права. Текст договора не содержит никаких исключений из этого общего правила. Он был полностью

[197] Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. (Пакт Бриана - Келлога). Договор вступил в силу 24.07.1929. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. V.- М., 1930. С. 5-8. Технически Договор до настоящего времени остается в силе для его участников, включая Россию, как государства-продолжателя СССР.

признан подписавшимися сторонами, причем война разрешалась в случае самообороны.

Кроме того, ряд государств представил дипломатические ноты до ратификации Пакта с заявлением своей позиции в отношении войн, начатых с целью самообороны, как правомерных. Было бы правильным также полагать, что сформировавшемся в тот период режиме регулирования обращения к силе война разрешалась только с согласия Совета Лиги в соответствии со Статутом Лиги Наций, за исключением случаев самообороны.

Пакт Бриана-Келлога стал довольно значимым этапом в эволюции режимов обоснования актов применения силы. Как и в Женевском протоколе 1924 г., в Пакте было установлено различие между агрессией с одной стороны, и самообороной и использованием силы, разрешенным универсальной международной организацией, с другой стороны. В отличие от Женевского протокола 1924 г. Пакт Бриана-Келлога сразу же вошел в силу и получил широкое признание государств.

Несмотря на положительный вклад Пакта Бриана-Келлога, его применение сопровождалось рядом существенных проблем. Пакт поставил войну вне закона вообще, но не наложил никаких ограничений на использование силы для решения иных задач обеспечения национальной безопасности. Таким образом, вновь получил подтверждение обычный режим регулирования применения силы, существовавший до создания Лиги Наций. Также, поскольку Пакт Бриана-Келлога не дал определения для самообороны как исключения из обязательства неприменения силы, понимание того, какие средства и методы самообороны являются допустимыми, оставалось неясным. Государствам были необходимы детальные разъяснения того, что составляло суть действий противника, которые могли служить основанием для обращения к самообороне. Также, использование в Пакте конструкции «государственная политика» оставляло

возможность интерпретаций для легализации перехода к войне, например, для защиты конфессиональных ценностей.

Пакт Бриана-Келлога не сыграл существенной роли в ограничении агрессивного поведения держав, приведших мир ко Второй Мировой войне; но, в последующих нормативных актах были сделаны попытки уточнить содержание обязательств государств в отношении свободы применять силу, и были даны новые оценки относительно установленного Пактом «порога» обращения к войне как «орудию государственной политики».

Так, в период между мировыми войнами был заключён ряд договоров, снова и снова подтверждавших обязанность государств воздерживаться от агрессивных войн. Такими соглашениями являлись несколько договоров о ненападении[198] и нейтралитете[199] и ряд Конвенций 1933 г. «Об определении агрессии»[200].

Данные конвенции определили, что подписавшие договоры стороны обязуются руководствоваться в своих взаимоотношениях согласованным определением агрессии, в соответствии с которым будет признано нападающим в международном конфликте Государство, которое первое совершит одно из следующих действий (Статья II Конвенций):

1. Объявление войны другому государству;
2. Вторжение своих вооружённых сил, хотя бы без объявления войны, на территорию, другого Государства;

---

[198] Например, Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. URL: http://xn--d1aml.xn--h1aaridg8g.xn--p1ai/20/dogovor-o-nenapadenii-mezhdu-germaniey-i-sovetskim-soyuzom/ (дата обращения: 13.11.2015).

[199]Например, Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1941.html (дата обращения: 13.11.2015).

[200] Конвенция об определении агрессии (Вместе с «Протоколом подписания»). Заключены в Лондоне между СССР, Югославией, Турцией, Чехословакией, Румынией, Персией, Афганистаном, Латвией, Польшей, Эстонией 03.07.1933. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VIII.- М., 1935. С. 27 - 31.

3. Нападение своими сухопутными морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, суда, или воздушные суда другого Государства;
4. Морскую блокаду берегов или портов другого Государства;
5. Поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого Государства, или отказ, несмотря на требование Государства, подвергшегося вторжению принять, на своей собственной территории, все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства.

Участники конвенции также определили, что никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить извинением или оправданием агрессии, и не может быть оправдано ни внутренним положением Государства[201], ни его международным поведением[202].

Политическое руководство государств стали рассматривать Пакту Бриана-Келлога как источник правовых обязательств. Даже после начала Второй мировой войны Германия, Италия и Япония были обвинены в нарушении Пакта. Несмотря на то, что Пакт не смог предотвратить войну, идея запрещения агрессивной войны закрепилась уже после войны в ст. 2 п. 4 Устава ООН.

---

[201] К «внутреннему положению» Конвенции 1933 г. относят, «например», политический, экономический или социальный строй; недостатки, приписываемые его управлению; беспорядки, проистекающие из забастовок, революций, контрреволюций или гражданской войны.

[202] К «международному поведению» Конвенции 1933 г. относят, «например», нарушение или опасность нарушения материальных или моральных прав или интересов иностранного Государства или его граждан; разрыв дипломатических или экономических отношений; меры экономического или финансового бойкота; споры относящиеся к экономическим, финансовым или другим обязательствам перед иностранными Государствами; пограничные инциденты, не подходящие ни под один из случаев агрессии, указанных в Статье II Конвенций.

События, приведшие ко Второй мировой войне, показали неспособность Лиги Наций противодействовать агрессивным намерениям государств, в том числе тех, кто покинули организацию, либо был исключён из неё. Полагание на право, как средство предотвращения конфликтов оказалось далёким от реальности и чрезвычайно утопичным – право не имеет такой силы, и не может выступать абсолютным регулятором международных отношений.

Дело в том, что национальное право поддерживается институтами государства, поэтому применение подходов, характерных для национальных систем обеспечения справедливости, к международным отношениям, всегда оканчивалось крахом – ни одна из предлагаемых конструкций мирного разрешения противоречий не может работать в системе государств, ряд из которых полагается на применение военной силы для обеспечения своих интересов.

Сердцевиной системы безопасности созданной Лигой Наций, как было показано выше, являлась ст. 10 Статута Лиги Наций. Как следует из теста данной Статьи, Совет Лиги имел право, но не обязывался предпринимать соответствующие угрозе меры. Сдерживающий угрозу механизм действия статьи должен был реализовываться в автоматически реализуемых коллективных мерах в ответ на нарушение права. Однако, как показал дальнейший ход истории, идеалистическое предположение о том, что государства будут добровольно следовать предписаниям международного права, было замещено институциональным подходом к правовому регулированию международных отношений.

Вне связи с положениями связывавшего их Статута Лиги Наций, государства желали вести себя именно так, как требовали их национальные интересы, не считаясь с общими интересами международного сообщества, следовательно, Лига Наций была неспособна действовать как единое целое. Более того, строгое следование принципам Статута заведомо ставило государства в невыгодное положение относительно акторов, политически

определившихся в самостоятельном обеспечении своих интересов, и сильных в военном отношении – Италии, Японии, Германии и Советского Союза.

После нападения Германии в сентябре 1939 г., Польша попыталась найти спасение в военном союзе с Францией и Великобританией, но не в обращении к предписанным Статутом процедурам разрешения споров путём арбитража, в том числе передачей дела на рассмотрение Постоянной Палаты Международного правосудия, либо рассмотрения на Совете Лиги Наций.

Статут предполагал использование санкций против агрессора, отказавшегося следовать процедурам, однако именно данное положение международного права, не обеспеченное механизмами реализации санкций, дискредитировало как саму идею использования института международного права, как регулятора международных отношений, так и Лигу Наций, как международный институт, не способный предоставить гарантий безопасности своим членам.

Поборники примата международного права попытались формализовать веру в справедливое устройство мирового сообщества в содержании ст. 19 Статута, которая гласила, что: «Собрание может от времени до времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир». Такое содержание статьи предполагало наличие у участников системы коллективной безопасности доброй воли к признанию своих ошибок и согласия для изменения тех положений договоров, которые не обеспечивают поддержание мира в изменяющихся условиях.

Однако предвоенные политические условия и существовавшее соотношение сил не позволяли реализовать такое идеалистичное условие. Общеизвестно, что для реализации международной нормы необходимо, прежде всего, соблюдение трёх условий:

- текст нормы должен исключать двоякое толкование;

- должны существовать структуры, обеспечивающие имплементацию нормы;
- должны существовать политический консенсус в необходимости разрешения конфликта и политическая воля реализовать данную норму, даже через вооружённое насилие.

Главным достоинством Лиги Наций несмотря на то, что она не смогла остановить начало мировой войны, является то, что она явилась первым и достаточно удачным модельным опытом сотрудничества государств по обеспечению международной безопасности в рамках международных институтов.

Этот опыт впоследствии был переосмыслен в конструкции Организации Объединённых Наций [203], которая во избежание повторения слабых черт Лиги Наций, в механизмах управления международной безопасностью фактически устранила (без декларативного объявления об этом) принцип суверенного равенства государств: Устав ООН возложил особую ответственность за поддержание мира на ведущие мировые державы того времени, составившие постоянное ядро Совета Безопасности ООН (далее - СБ ООН).

Таким образом, в международном договоре была признана реальная модель организации мирового сообщества, когда в противовес идеалистичной вестфальской модели мира, основанной на суверенном равенстве государств, Уставом ООН было определено, что реальный баланс интересов и относительное обеспечение мирного сосуществования обеспечиваются противостоянием интересов только ведущих держав.

Тяжелый опыт двух мировых войн, сопровождённый появлением оружия массового уничтожения, показал, что правопорядок, основанный на принципе самостоятельного и добровольного определения государствами

[203] Некоторое время Лига Наций и ООН совместно координировали процессы миростроительства, а Постоянную Палату Международного правосудия сменил Международный Суд ООН.

доли ограничения своего суверенитета, должен быть заменён на правопорядок, основанный на передаче существенной части своих суверенных прав межгосударственным институтам, главным из которых стала ООН, построенная на постулате, определяющем, что применение силы в межгосударственных отношениях должно разрешаться только при совпадении интересов основных держав, но при этом она не могла ограничивать их.

Идеалистичные попытки создать нормы права и применять их в рамках Лиги Наций безотносительно интересов государств и учёта их относительной мощи, свидетельствовали о господствовавшем в то время утопичном представлении об организации взаимодействий в мировом сообществе. Данная ошибка была устранена в Уставе ООН, который признал существование неравенства государств, и наделил постоянных членов Совета Безопасности особыми правами и обязанностями по поддержанию мира.

Но и ООН уже в самом начале своего существования столкнулась с тем, что пока она выстраивала систему безопасности, построенную на вынесенных из Второй мировой войны уроках, система международных отношений успела значительно измениться: соотношение сил в мировом сообществе существенным образом стало отличным не только от предвоенного миропорядка, но даже и от того положения, которое сложилось к моменту окончания войны. Однако система продолжила работать (и действует до настоящего времени) ввиду того, что государства осознанного соглашались с ограничением своей относительной мощи для осуществления институциональных преобразований мирового сообщества в общих интересах.

«Цивилизованные нации» в момент созыва Первой конференции мира в Гааге в 1899 г. были представлены всего 26 государствами. На второй конференции мира в 1907 г. число наций, допущенных к участию в определении правил поведения государств, было уже 44.

Сегодня уже почти 200 государств ведут дискуссии в рамках Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН), выражая в них «веления общественной совести», оказывая, таким образом, влияние на развитие общего международного регулирования. Другим органом, помимо СБ ООН, выполняющим самую существенную роль в формировании права применения силы, является Международный Суд ООН.

Все эти многонациональные форумы служат местом и средством формализации содержания международного права в сфере применения силы, чего не смогла сделать Лига Наций, авторитетность которой не была поддержана ни совокупной мощью, ни общими интересами великих держав.

.

1.3. Анализ практики применения силы Организацией Объединенных Наций для поддержания и восстановления международного мира и безопасности, противодействия транснациональным угрозам

Применение силы всегда было и остается одной из самых сложных и дискуссионных проблем в международных отношениях и оформляющих их нормах международного права. С одной стороны, очевидно, что сила использовалась и продолжает использоваться для решения широкого круга задач, с другой стороны, вся система ООН нацелена на то, чтобы случаев обращения к силе в международных отношениях было можно меньше.

Обязанность по обоснованию актов обращения к силе в собственной деятельности ООН по подержанию и восстановлению международного мира, индивидуальных актов государств по обращению к силе для решения гуманитарных задач и в других международных и внутренних вооруженных конфликтах, сохраняется, несмотря на динамичные изменения, происходящие в международной системе. Проблемы процесса доведения до участников международного общения политической целесообразности, возможности, а главное, необходимости и соразмерности актов применения силы не уходят из международной повестки.

В парадигме ООН нормативная оценка любого акта вооруженного насилия в международном сообществе исходит из определения того, во-первых, является или нет данное действие применением силы, либо угрозой её применения в нарушение положений современного международного права; во-вторых, является ли данное действие «несправедливым» с точки зрения постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Существование справедливой причины для обращения к вооруженному насилию является первым и возможно наиболее важным условием системы правил обращения к силе ius ad bellum, которые определяют законность или

незаконность такого обращения, регулируют институты коллективной, кооперативной и региональной безопасности. А, поскольку современные этические воззрения на возможность применения силы закреплены в Уставе ООН, то нормативный анализ каждого конкретного случая применения силы обязательно должен основываться на регламентации, установленной данным документом.

В современном несовершенном мире государства не возражают против справедливого применения силы – они возражают только против чрезмерного её применения. Также, с особым вниманием и осторожностью они оценивают любые заявления о правомерности применения силы в случаях отличных от отражения непосредственных вооружённых посягательств на свои атрибуты суверенитета.

Предусмотренный Уставом механизм коллективного принуждения под руководством СБ ООН не смог заработать в полную силу с момента создания организации, поскольку является неэффективным и медленным ввиду сложности обеспечения единогласия Постоянных членов СБ ООН. В большинстве ситуаций механизмы ООН по урегулированию конфликтов стали восприниматься как виртуальные, особенно в случае полагания на буквальное ограничивающее толкование положений Устава.

Основной причиной этого является то, что установленный Уставом ООН режим безопасности, если понимать его буквально, разрешает исключительно лишь коллективные меры в ответ на вооружённое нападение, либо самооборону в ответ на свершившееся нападение. Негибкое толкование и применение норм Устава ООН приводило очень часто к тому, не получив от СБ ООН приемлемого решения по разрешению очередного конфликта, мировое сообщество попросту отворачивалось от его разрешения.

Таким образом, сложилась ситуация, что до настоящего времени у Совета Безопасности так и нет собственной практики по быстрому и эффективному разрешению ситуаций, которые действительно составляли и составляют в условиях изменившейся геополитической обстановки угрозу

миру. Хотя правовые основания действий по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности, а также формы их осуществления, определены Уставом ООН и документами «Повестка дня для мира»[204] и «Дополнение к повестке дня для мира».[205]

Наиболее важное положение Устава ООН в отношении применения силы содержится в параграфе 4 Статьи 2, содержащейся в Главе I Устава ООН, которая определяет предназначение организации и принципы её функционирования. Ядром современного ius ad bellum являются ст. ст. 2 п.4 и п. 7, ст. ст. 39, 42 и 51 Устава ООН[206].

---

[204] An Agenda for Peace Preventive diplomacy, peacemaking and peacekeeping. Un Document A/47/277 - S/24111 https://www.un.org/ruleoflaw/files/A_47_277.pdf

[205] Supplement to an Agenda for Peace: Position Paper of the Secretary-General on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Nations. UN Document A/50/60, S/1995/1. https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/UNRO%20S1995%201.pdf

[206]Статья 2 п. 4:
Все Члены Организации Объединённых Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями Объединённых Наций.
Статья 2 п. 7:
Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII.
Статья 39:
Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.
Статья 51:
Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдёт вооружённое нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые Членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтёт необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности

До появления ст. 2 ius ad bellum извиняло право государств на обращение к войне как инструменту решения своих политических задач.

Современный методологический аппарат теории применения силы в рамках Устава ООН формировался, когда мир только выходил из войны, разрушившей существовавший политический и территориальный status quo. Понесённые цивилизацией потери показали, к каким последствиям приводит обращение к вооружённому насилию для овладения территориями и смены правительства какого-либо другого государства, или для исправления имевшихся «ошибок» прошлого.

Такое применение силы создателями ООН определялось как агрессия или применение силы для «продвижения ценностей», и признавалось противоправным. Было определено, что применение силы должно иметь место только для «сохранения ценностей», то есть, для сохранения существующего политического и территориального status quo или путем использования права на самооборону, либо с санкции СБ ООН.

Такие ограничивающие рамки Устава ООН означают, что в споре ценностей предпочтение всегда должно отдаваться в пользу поддержания международного мира и вопреки стремлению к «справедливости», которая всегда понимается государствами по-разному. Очевидно, что проблема «справедливости» всегда увязывается с защитой прав человека, поддержкой права на самоопределение, решением экономических проблем, исправлением ошибок прошлого и необходимостью разрешения других проблем – т. е. всего того, к чему следует стремиться, но не за счет нарушения мира.

То есть, краеугольным камнем системы принципов Устава ООН является положение о том, что применение силы для обеспечения справедливости является бóльшим злом для международной системы, чем сосуществование государств при конкретной несправедливости; а, в случае недейственности мирных средств достижения справедливости, и неизбежности выбора между миром и справедливостью, предпочтение следует отдавать миру. Любая угроза или применение силы против

существующего политического и территориального порядка, несмотря на всю справедливость такого порядка, должны считаться незаконными.

На протяжении многих лет казалось, что международное сообщество согласно подтверждать своими действиями положения Устава ООН относительно условий применения силы. Совет Безопасности ООН рассматривал случаи потенциальных и реальных вооруженных конфликтов и достаточно редко принимал резолюции на основе принципов ст. 2 п. 4 Устава ООН. Многие резолюции ГА ООН также содержат текст данной статьи. Одним из наиболее известных документов является Декларация 1970 г. «О принципах международного права касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Объединенных Наций» (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625)[207]. Первым принципом этой декларации является почти дословное цитирование ст. 2 п. 4 Устава ООН. Далее в декларации говорится, что: «Каждое государство в международных отношениях должно воздерживаться от угрозы или применения силы против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом несовместимым с целями Организации Объединенных Наций. Такая угроза силой или её применение является нарушением международного права и Устава Организации Объединенных Наций; они никогда не должны применяться в качестве средств урегулирования международных споров». Затем в декларации говорится о конкретных действиях, которые могут составлять такую незаконную угрозу или применение силы.

Международный Суд ООН также неоднократно подтверждал авторитетность запрещающих положений, содержащихся в ст. 2 п. 4 Устава ООН. Однако серьёзные расхождения в позициях государств в их толковании

[207] Сборник «ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН на XXV сессии». - Нью-Йорк: 1970г., стр.151-155.

до настоящего времени по-прежнему существуют. Самым существенным из них является понимание значения ст. 2 п. 4 Устава ООН. При всей её кажущейся ясности она порождает много специфических вопросов.

Например, что конкретно означает термин «угроза или применение силы»? Следует ли понимать силу как демонстрацию военной силы (военных возможностей государства) или действительное обращение к вооруженному насилию, или это относится к более широкому спектру действий? Если, к примеру, одно государство наложило на другое жесткие экономические санкции с целью подчинить эту страну, будет ли это считаться «применением силы»?

Также, что является применением силы против «территориальной целостности» или «политической независимости» другого государства, или силы, несовместимой с целями Организации Объединенных Наций? Является ли выражение «любое применение силы» строгим ограничивающим обязательством, либо эти слова допускают иное толкование? Представляется очевидным, что в некоторых ситуациях государствам можно применять силу на территории другого государства таким образом, чтобы не влиять на территориальную целостность или политическую независимость этого государства и при этом не нарушать цели Организации Объединенных Наций.

Интересен также и другой аспект оценки правомерности силовых действий. Поскольку право народов, находящихся под оккупацией, либо колониальным гнётом, бороться и получать поддержку в борьбе за самоопределение получило своё подтверждение не только в практике государств, но и в таких источниках права как Резолюции ГА ООН, то граница, разделяющая борцов за национальное освобождение и террористов, является достаточно неопределённой[208].

[208] См., например: Резолюция принятая Генеральной Ассамблеей ООН «Деятельность иностранных экономических и других кругов, которая препятствует осуществлению

Такая условность согласуется с изменениями в сущности ООН: организация была создана сильными государствами, участниками коалиции, победившими во Второй мировой войне, но впоследствии в организацию вошли развивающиеся, в основном бедные государства, которые хотели, чтобы международное право соответствовало их ожиданиям.

Генеральная Ассамблея ООН начала процесс переопределения «незаконного применения силы» таким образом, что те, кого ГА ООН определяла как борцов «за свободу и независимость», могли «правомерно» нападать на собственное правительство, а иные государства могли «правомерно» предоставлять базы для нападения. В таком правовом режиме, если государство-жертва нападения осуществляло действия против таких баз, его действия квалифицировались «как неправомерные».

Как справедливо отметил Р. Борк: «Ассамблея стала действовать на основании предположения, что всё, что там произносится, является международным правом, либо свидетельством его существования»[209]. «В результате ... имеем инверсию многих устоявшихся правил в отношении применения силы...»[210].

Сходные проблемы возникают относительно толкования ст. 51 Устава ООН.

Во-первых, что может быть определено как вооруженное нападение? Отличается ли вооруженное нападение от «акта агрессии», упомянутого в Главе VII Устава?

Очевидно, что за исключением случаев очевидного и значительного причинения физического ущерба какому-либо государству, либо его гражданам, именно на заявляющих о справедливом характере войны

Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам в территориях, находящихся под колониальным господством. Документ ООН A/RES/49/40.

[209] Bork, Robert H. A Time to Speak: Selected Writings and Arguments – 1st ed.-Wilmington, Del: ISI Books, p 554.

[210] Там же.

возлагается бремя поиска правовых обоснований для соответствующих и соразмерных действий.

В настоящее время существует лишь относительный консенсус в определении того, что является справедливой причиной – это применение физической силы против территориальной неприкосновенности государства первым. Все иные способы применения силы до настоящего времени не получали международно-правовой оценки как агрессия, как это будет показано ниже, и, таким образом, не являются справедливой формой проведения силовых ответных мер. Поэтому самооборона против физической агрессии, предполагается единственной достаточной причиной для справедливой войны. Однако государства всегда пытаются экстраполировать принцип правомерности самообороны на все вероятные агрессивные действия, а также на предоставление помощи другим государствам от внешней угрозы, населению против репрессивного правительства, и т. д.

На международных форумах чаще всего делаются заявления о том, что война является справедливо допустимой и не агрессивной, поскольку ее цель состоит в том, чтобы принять ответные меры против неправомерного и уже совершенного действия (например, для преследования и наказания агрессора), либо упреждения ожидаемого нападения.

Создатели Устава ООН преднамеренно не дали ясных юридических определений для терминов «война», «мир», «угроза миру», «нарушение мира», «акт агрессии», хотя применение этих терминов в практике Совета Безопасности ООН имеет очень существенное значение.

Поэтому приблизительное их содержание может быть выведено только из самой практики СБ ООН. Так, например, при исследовании его резолюций и стенограмм дискуссий, сопровождавших обсуждение ряда значимых конфликтов, можно получить представление, какие из них были определены как «угроза миру и международной безопасности» (см. Приложение 1, с. 427).

Также не существует и общего определения для содержания термина «нарушение мира». Так, например, вторжение Ирака в Кувейт в августе 1990 г. было оценено СБ ООН именно как нарушение мира[211].

И гораздо более редким событием является решение СБ ООН о факте агрессии. Чаще всего такие решению принимались в отношении конфликтов на периферии интересов великих держав: например, принятые единогласно резолюции СБ ООН 567 от 20 июня и 574 от 7 октября 1985 г. осудили акты агрессии Южной Африки в отношении Анголы[212]. Исключением является, например, резолюция СБ ООН 573 от 4 октября 1985 г., осудившая «акт агрессии» Израиля на территории Туниса в отношении штаб-квартиры Организации освобождения Палестины (далее ООП), как это будет показано ниже, когда действия проходили в зоне особых интересов великих держав - на Ближнем Востоке.

Так же, резолюция ГА ООН 41/12[213] от 29 октября 1986 г. определила бомбардировки Израилем ядерных объектов в Ираке 7 июня 1981 г. как «вооружённую агрессию», а резолюция 41/38[214] от 20 ноября 1986 г. осудила «вооруженное нападение» США на Ливию, состоявшееся 15 апреля и призвала государства воздержаться от предоставления какой-либо помощи тем, кто осуществляет акты агрессии против Ливии. Однако ГА ООН в отношении поддержания международного мира и безопасности на основании Главы IV Устава ООН может лишь делать рекомендации СБ ООН.

При оценке важности ряда проблем такие понятия как «угроза миру», «нарушение мира» представляются менее острыми в отличие от понятия «акт агрессии», которое представляется самым опасным. Генеральная Ассамблея

---

[211] Документ ООН S/RES/0660.
[212] См.: Официальные отчёты Совета Безопасности, сороковой год. 2617 и 2597 заседания. URL: http://www.un.org/ru/sc/repertoire/85-88/85-88_c.pdf (дата обращения: 12.10.2008).
[213] Документ ООН A/RES/41/12.
[214] Документ ООН A/RES/41/38.

ООН в 1974 г. приняла резолюцию «Определение агрессии»[215], применение которой, конечно же, не является обязательной как для Совета, так и для государств[216]. Например, СБ ООН за исключением редких ситуаций, не объявлял о наличии «акта агрессии», даже в случае явного вторжения Ирака в Кувейт в 1990 г. Такая практика СБ ООН свидетельствует о том, что данная Резолюция вовсе не является провозглашением принципов обычного права, в явном виде не вошедших в Устав ООН; она является всего лишь интерпретацией ГА ООН положений Устава относительно применения силы; и является такой интерпретацией, которая не подтверждена современной практикой государств, и не приводит государства к практическому решению проблем обеспечения своей безопасности в рамках универсальной системы коллективной безопасности.

Материалы подготовительной комиссии для Международного уголовного суда[217] достаточно ярко демонстрируют различие подходов государств к характеристике преступления агрессии. Например, предложение, представленное Россией, содержит определение преступления агрессии как любого «…из следующих актов: планирование, подготовку, начало и ведение агрессивной войны»[218], при условии предварительного определения Советом Безопасности ООН акта агрессии со стороны соответствующего государства.

Особенно интересным представляется изучение позиции Германии как государства, дважды развязывавшего мировые войны в XX в., которая

---

[215] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» (Принята 14.12.1974 на 29-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Действующее международное право. Т. 2.- М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 199 - 202.

[216] На основании п. 2 ст. 18 Устава ООН, Генеральная Ассамблея может лишь делать рекомендации Совету безопасности ООН в отношении поддержания международного мира и безопасности.

[217] Акты агрессии совершаются государствами; преступления агрессии совершаются лицами, которые осуществляют контроль или обладают возможностью руководить политическим или военными действиями государства. См.: Документ ООН PCNICC/1999/L.5/Rev.1 (Приложение IV. Сводный текст предложений по определению агрессии).

[218] Документ ООН PCNICC/1999//DP.12.

предполагает, что «…агрессивное, крупномасштабное вооруженное нападение в явное нарушение Устава Организации Объединенных Наций, направленное против территориальной целостности другого государства и явно не имеющее оправдания согласно международному праву, составляет саму суть этого преступления… [Н]еобходимо прежде всего рассмотреть те случаи, когда одно государство в буквальном смысле слова пытается «захватить» или уничтожить другое государство или по крайней мере его части с помощью сконцентрированной и хорошо подготовленной мощи всего своего военного аппарата. …[П]редставляется, что такие случаи агрессивных, крупномасштабных вооруженных нападений, направленных против территориальной целостности другого государства и явно не имеющих оправдания согласно международному праву, имеют следующие общие характеристики:

такие нападения имеют определенный размах и определенные масштабы и являются ужасными по своей тяжести и интенсивности;

такие нападения обычно приводят к самым серьезным последствиям, таким, как большие потери среди людей, обширные разрушения, порабощение и эксплуатация населения в течение продолжительного периода времени;

такие нападения обычно преследуют цели, неприемлемые для международного сообщества в целом, такие, как аннексия, массовые разрушения, уничтожение, депортация или насильственное перемещение населения государства, подвергшегося нападению, или его частей либо разграбление государства, подвергшегося нападению, включая разграбление его природных ресурсов»[219] (эти цели необязательно должны открыто признаваться нападающим государством, но могут быть выведены из соответствующих фактов и обстоятельств)».

[219] Документ ООН PCNICC/2000/WGCA/DP.4, стр. 3.

Ряд насильственных действий, в соответствии с заявленным в данном случае официальным мнением Германии, должны, в принципе, оставаться за пределами преступления агрессии: «… во многих регионах мира по-прежнему существуют многочисленные конфликтные ситуации, территориальные споры или другие опасные ситуации, влекущие за собой угрозу военных действий между различными государствами. Очень часто эти неурегулированные конфликты и полные напряженности, вражды и постоянной опасности ситуации характеризуются целым рядом насильственных действий и контрдействий.

В таких ситуациях спровоцированные или неспровоцированные боевые действия продолжают время от времени вспыхивать то там, то здесь. К сожалению, многие из этих ситуаций по-прежнему связаны с угрозой применения вооруженной силы или ее применением, причем порой это происходит довольно часто.

Это может принимать форму пограничных стычек, артиллерийских перестрелок и воздушных налетов через границу, вооруженных вторжений, блокад и других аналогичных действий, влекущих за собой применение вооруженной силы… [Т]акое использование вооруженной силы, даже если оно является весьма предосудительным и должно быть подвергнуто самому решительному осуждению, не обладает теми крайне серьезными характеристиками, которыми отличаются подлинные агрессивные войны, о которых шла речь выше. Кроме того, во многих из этих конфликтов бывает довольно трудно, а может даже и невозможно точно определить, кто прав, и кто виноват в той или иной конкретной ситуации»[220].

Представляется очевидным продемонстрировать целесообразность данной позиции следующим прецедентом. Появление новых средств и методов воздействия на инфраструктурные элементы противника не может

[220] Там же, стр.4.

быть должным образом квалифицировано с помощью классического аппарата международного права.

Например, заявление представителей Эстонии об акте военной агрессии в связи с хакерскими атаками, спровоцированными скандалом с переносом памятника советским воинам, на серверы президента Эстонии, парламента, госканцелярии, МИДа, минобороны, крупнейших банков и газет – увязывало нападение с российскими правительственными ресурсами[221], и это в ряду других причин привело к тому, что НАТО открыло в Эстонии центр альянса по киберзащите.

Информационные действия с использованием кибернетических средств до настоящего времени редко приводили к физическому уничтожению объектов, особенно если они проводились для введения противника в заблуждение, маскировки, для психологического воздействия, и проведения каких-либо специальных информационных воздействий. Информационные действия могут входить в содержательную часть любого вида военных действий[222].

Исторически термин «нападение» у многих продолжает ассоциироваться прежде всего кинетическим воздействием на объекты. Поэтому, применение терминов «информационная атака», «кибератака» в ситуациях, не являющихся вооружённым конфликтом в обыденном понимании, выглядит довольно неопасным, а, следовательно, привлекательным с политической точки зрения средством ведения боевых действий.

Обычное международное право даёт немало примеров того, как государствами трактуются понятия «вооружённое нападение», когда они используют традиционные способы и методы ведения боевых действий,

---

[221] Солдатов А. Кибер-сюрприз // Новая газета №40 (1260) 31.05-03.06.2007, С.12.
[222] См.: Коростелев С.В. Проблема классификации объектов применения силы в информационных конфликтах // Управленческое консультирование. 2020. № 8(140). С.55-56.

характеризуемые масштабом, интенсивностью и продолжительностью. Обычным международным правом для государств «установлены» ограничения, при превышении которых возникает неотъемлемое право государств на самооборону.

По информационным боевым действиям с использованием кибернетических средств такой практики не существует, и поэтому представляется затруднительным установить, насколько превышены при применении информационных методов ведения боевых действий такие ограничения; настолько же трудным представляется избежать возможности отнесения ответных действий государства-жертвы компьютерного нападения к «агрессивным», «чрезмерным», «неоправданным» и т. п.

Посчитает ли государство, например, психологическое давление, приведшее к падению биржевых котировок и снижению, соответственно, экономического роста, вторжение в систему управления движением транспорта, нарушение работы информационных (невоенного назначения) каналов, затруднение работы системы прохождения платежей, электроэнергетической системы и т. д., эквивалентным по последствиям вооруженному нападению и примет «справедливое» решение о проведении ответных действий?

Неопределенность в получении ответа на данный вопрос кроется в том, что информационные боевые действия до настоящего времени практически не велись в широком масштабе и не сопровождали реальных продолжительных боевых действий. Хотя, некоторые аспекты информационных операций (информационных действий) уже могут быть оценены с правовой точки зрения по результатам действий против Ирака и Югославии в 1990-х, против России в ходе отражения нападения грузинских формирований на Южную Осетию в августе 2008 г.

Это происходило, во-первых, потому что государства очень осторожно подходят к вмешательству во внутренние дела других государств, поскольку любое вмешательство в работу критичных систем инфраструктуры

государства-объекта нападения может быть приравнено по последствиям к физическому нападению, и спровоцировать его на ответные меры. То есть, если нападения с применением кибернетических средств ведения войны, и проводились, то до настоящего времени они практически никогда не идентифицировались как нападения государств, и в пропагандистских целях связываются с частными лицами. И, во-вторых, главная трудность квалификации информационных действий в парадигме принципов ООН как нападения со стороны государства, заключается в сложности установлении связи участников такого нападения с официальными структурами государства-оппонента.

Здесь представляется необходимым отметить, что впервые неизбежность такой оценки стала признаваться после того, как в январе 1999 г. правительство Индонезии организовало силами частных хакеров с территории Ирландии[223] действия по дезорганизации инфраструктуры Восточного Тимора.

Всё это делает информационные методы ведения военных действий существенным оружием в противостоянии сильных в экономическом и военном отношении государств и государств слабых. Чем более сильным является государство, и чем более развитой является его инфраструктура, тем более удобной целью является такое государство для компьютерных атак.

Следует отметить, что и понятие «законной» военной цели также изменяет своё содержание в случае ведения кибернетических военных действий. Кроме того, цели, предназначенные для нападения в ситуации, когда нападающий не стремиться перевести конфликт в широкомасштабные действия, будут иными, нежели те, которые предназначены для воздействия при ведении обычных военных действий.

---

[223] Sharp, W.G. Cyber Space and the Use of Force. Aegis Research Corporation. Falls Church, Virginia. 1999. P. 87.

То есть, выбор объектов для нападения будет определяться уровнем развития самой информационной инфраструктуры государства. Парадоксальность ситуации современных боевых действий заключается в том, что чем более развита информационная инфраструктура государства, тем более она подвержена риску разрушения, причём противник совсем не обязательно должен иметь сопоставимого уровня технологического развития, как этого требовалось при оценке эффективности ведения боевых действий, например, с обменом ядерными ударами.

Именно применение кибернетических средств ведения войны становится тем неортодоксальным средством, которое может дать преимущество более слабым в военном и ресурсном смысле сторонам конфликта над более технологически развитым противником. Тем более что даже число индивидов, способных самостоятельно, без привлечения каких-либо средств государственных институтов, проводить такого рода нападения, постоянно растёт.

Очевидно, что инициирование агрессивных действий является несправедливым действием, что даёт жертве нападения справедливое основание для защитных мер. Но, поскольку приемлемого определения «агрессии» для современной организации мира до настоящего времени не создано, такое положение может трактоваться очень широко. Например, государства могут *индивидуально* установить справедливые причины для применения силы в ответ на такие акты «агрессии», как:

- физический ущерб (например, нарушение территориальной неприкосновенности);
- оскорбление (агрессия против национальной чести);
- торговое эмбарго (агрессия против экономической независимости); или
- рост экономики соседа («социальная» несправедливость).

Например, в ст 3 Федерального конституционного закона РФ «О военном положении»[224] «… в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права агрессией против Российской Федерации признается применение вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН».

Данная статья практически полностью повторяет положения вышеупомянутой Резолюции ГА ООН, поскольку в ней актами агрессии против Российской Федерации «… признаются:

1) вторжение или нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на территорию Российской Федерации, любая военная оккупация территории Российской Федерации, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, либо любая аннексия территории Российской Федерации или ее части с применением вооруженной силы;

2) бомбардировка вооруженными силами иностранного государства (группы государств) территории Российской Федерации или применение любого оружия иностранным государством (группой государств) против Российской Федерации;

3) блокада портов или берегов Российской Федерации вооруженными силами иностранного государства (группы государств);

4) нападение вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на Вооруженные Силы Российской Федерации или другие войска независимо от места их дислокации;

5) действия иностранного государства (группы государств), позволяющего (позволяющих) использовать свою территорию другому

---

[224] Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ "О военном положении" (одобрен СФ ФС РФ 16.01.2002). Собрание законодательства РФ", 04.02.2002, N 5, ст. 375.

государству (группе государств) для совершения акта агрессии против Российской Федерации;

6) засылка иностранным государством (группой государств) или от имени иностранного государства (группы государств) вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против Российской Федерации, равносильные указанным в настоящем пункте актам агрессии».

Актами агрессии против Российской Федерации могут признаваться также другие акты применения вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН, равносильные указанным в настоящем пункте актам агрессии»[225].

Также, данная статья закона обращается к определению «угрозы агрессии»: «… непосредственной угрозой агрессии против Российской Федерации могут признаваться действия иностранного государства (группы государств), совершенные в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывающие на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации»[226]. Таким образом, законодательство России увязывает агрессию лишь с актами применения военной силы.

Устав ООН в ст. 51 содержит исключение ограничивающего правила ст. 2 п. 4, которое сводится к следующему: если государство подверглось вооруженному нападению, государство использует «неотъемлемое» право защищаться, применяя силу против напавшего на него государства до тех пор, пока Совет Безопасности не сможет принять меры. Это право можно использовать самостоятельно или коллективно. Государство, подвергшееся

[225] Там же, часть 2 Статьи 3.
[226] Там же, часть 3 Статьи 3.

нападению, для отражения агрессора может получить помощь от другого государства. Государства - Члены ООН, предпринимающие такие действия с целями самообороны, также должны немедленно доложить об этом Совету Безопасности.

Таким образом, при формальном толковании положений Устава ООН элементы права на самооборону начинают действовать, если акт обращения к силе:

1) действительно является вооружённым нападением;

2) произошло и продолжается;

3) находится на рассмотрении СБ ООН,

4) не противоречит обычной практике.

Второе исключение для запрета на применение силы из ст. 2 п. 4 содержится в Главе VII Устава ООН[227], относящейся к действиям, составляющим угрозу миру, нарушениям мира и актам агрессии. Согласно ст. 39 Устава Совет Безопасности ООН уполномочен определить наличие любой угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. При определении таких нарушений ему ст. 42 предоставлены полномочия давать указания странам-членам ООН на использование силы против государства-нарушителя.

В дополнение к вышеприведённым двум основным исключениям для принципа неприменения силы и угрозы силой в Уставе ООН имеются еще два исключения. Одно из них содержится в ст. 106 Главы XVII Устава ООН, которая определяет, что «…впредь до вступления в силу … упомянутых в Статье 43 особых соглашений, какие, по мнению Совета Безопасности, дают ему возможность начать осуществление своих обязанностей, согласно Статье 42, … [пять постоянных членов Совета Безопасности] будут консультироваться друг с другом и, в случае необходимости, с другими Членами Организации с целью таких совместных действий от имени

[227] Данная Глава включает в себя Статьи 39-51.

Организации, какие могут оказаться необходимыми для поддержания международного мира и безопасности».

Статья 43, в свою очередь, требует от Членов Организации «… предоставлять в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и в соответствии с особыми соглашениями необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооружённые силы, помощь и соответствующие средства, включая право прохода». Но, в рамках ст. 43 до настоящего времени так и не было заключено каких-либо специальных соглашений.

Таким образом, ст. 106 Устава ООН позволяет пяти постоянным членам СБ ООН предпринять совместные военные действия в случае, когда формальная процедура для действий Совета Безопасности еще не установлена. Однако, как и в случае со ст. 43, ООН еще ни разу не предпринимала совместных действий в соответствии со ст. 106.

Следовательно, Устав ООН допускает существование только двух ситуаций, когда государствам-членам ООН разрешается использовать силу – санкционированные Советом Безопасности действия в соответствии с Главой VII Устава и самооборона согласно ст. 51 Устава ООН. Положения ст. 51, содержащие исключение из системы правил ст. 2 п. 4, являются одним из самых сложных для толкования элементов Устава ООН.

Концепция справедливого применения силы, появившаяся в эпоху античных мыслителей и развивавшаяся в трудах теоретиков более позднего времени, нашла воплощение в ст. 1 п. 1 Устава ООН, который определил, что «поддержание международного мира и безопасности и с этой целью принятие эффективных коллективных мер … должны проводиться в согласии с принципами справедливости и международного права»[228].

Наибольшие дискуссии в данном ракурсе вызывает проблема обоснования правомерного (или справедливого) применения силы, так как

[228] Устав Организации Объединённых Наций.
URL: http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml (дата обращения: 20.11.2015).

применение вооруженных сил непосредственно ООН, либо группой государств или отдельными государствами вне рамок, определенных ООН - все это, так или иначе, является применением вооруженной силы одними государствами против других государств.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Общим свойством ранних доктрин обоснования применения силы было то, что они объявляли разрешённым всё, что не было запрещено, например, всевышней волей, или правом. Они провозглашали, например, некоторые войны справедливыми на основании религиозных категорий, а позднее, с развитием системы государств и, соответственно, международного права, извиняли их каким-либо особым шаблонным юридическим обоснованием, то есть находили, что ведение «справедливой войны» соответствует «праву».

Однако еще ни одна война не была ни предотвращена, ни прекращена определением того, что она является несправедливой. Также, по ряду причин нельзя делать вывод из того, что если доктрина дает возможность признать какое-либо применение силы между государствами законным, то вооруженные столкновения между другими - «нелегитимными» - акторами по другой, какой-либо отличной причине должны определяться как незаконные.

Во-первых, дискуссии о возможном «справедливом» характере войны не должны приводить к признанию рациональности любого акта применения вооруженного насилия – всякий случай применения силы является уникальным (sui generis).

Во-вторых, все дискуссии о «справедливом» характере войны строятся на в одинаковой мере тенденциозных и сложно проверяемых аргументах конфликтующих сторон, следовательно, оценка справедливости обращения к силе должна даваться третьими сторонами.

ГЛАВА 2. ОБОСНОВАНИЕ АКТОВ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ

Трансформации современной системы международных отношений, происходящие вследствие преодоления одних и возникновения других поляризующих глобальных конфликтов, появление новых влиятельных акторов, равно как и изменения в технологическом укладе, и другие вызовы и угрозы, свидетельствуют о том, что мировое сообщество не является единым пространством равной и справедливой безопасности. Наряду с проявлениями старых, часто в своей основе архаичных, конфликтов, рождаются конфликты «нового поколения» в которых государства сталкиваются с акторами-«не государствами», которые используют не традиционные средства и методы ведения боевых действий для изменения status quo.

Любой из таких акторов, не обладая потенциалом государств, но используя современные технологии, способен навязать свою волю другим участникам международного общения, и тем самым повлиять на состояние международной безопасности. Как государства должны реагировать на такие нарушения своих суверенных прав? Не разрушает ли сама по себе реакция государств на действия акторов-«не государств» status quo? Что может ограничивать силовые взаимодействия акторов, которые имеют различные свойства? В чем выражается ответственность акторов?

Эти и другие подобные им вопросы до сих пор остаются предметом полемики в теории и источником многих недоразумений в практике международных отношений. Изменчивость среды безопасности, неопределенность и сложность проходящих в ней процессов, неоднозначность исходов противостояний акторов в быстро меняющемся под воздействием глобализации и информационной революции внешнем мире, приводят к необходимости развития гибкого методологического аппарата оправдания актов обращения к силе.

2.1. Генезис и сущностные трансформации дефиниций процесса легитимации политических решений по применению силы в интересах обеспечения национальной безопасности

Современная геополитическая ситуация предъявляет особые требования к системе государственного управления обеспечением национальной безопасности, в том числе и потому, что в ходе международных взаимодействий государству неизбежно присваивается международная ответственность.

В настоящее время в политике широко используются термины «легитимность» и «легитимация» в отношении принимаемых политических решений. Несмотря на то, что эти термины достаточно давно известны в политической науке, их применение является достаточно сложным для определения явлением в очень чувствительной сфере обеспечения национальных интересов силовыми средствами.

При продвижении своих интересов государства апеллируют к различным международным институтам, в том числе к международному праву. И, что интересно, стороны конфликта всегда находят юридические аргументы в свою поддержку, ссылаясь на одни и те же источники права.

Данное явление определяется как «стратегический легализм»: использование норм права, либо юридической аргументации для обеспечения достижения масштабных политических целей, вне зависимости от фактических обстоятельств, или содержания норм права[229].(Более подробно применение метода стратегического легализма в международных

[229] См., например: Maguire, P. Law and War: an American Story. New York: Columbia University Press, 2000, p.9. Там же отмечается, что: «Принуждение к соблюдению норм морали не является функцией права».

отношениях изложены автором в научных публикациях.)[230]

Здесь считаем необходимым отметить, что в ходе дискуссий о правомерности каких-либо действий государств используются два близких термина – «легитимность» и «легальность» - обозначающие два различных явления.

Легальность – это строгое соответствие официально существующему закону. Если сопоставить какой-то конкретный политический или юридический случай с нормами закона – мы можем однозначно решить, легально это, или нелегально. Правовая оценка полностью относиться к корпусу оформленного права.

Термин «легитимность» относится к совершенной иной, гораздо менее однозначной и оформленной политической реальности. То есть политологическое понятие «легитимность» определяется соответствием того или иного действия ожиданиям общества в целом: «Легитимность, в отличие от легальности, - это не формальный закон, не чётко сформулированная юридическая норма. Это совпадение фигуры правителя или какого-либо его действия с тем, что требуют от него общество, история, традиция, иногда чрезвычайные обстоятельства»[231].

Очевидным образом, легитимность всякого политического явления не означает его законченной оформленности в правовых нормах.

Под влиянием актов Великой французской революции, прежде всего Декларации прав человека и гражданина 1789 г., Декларации независимости США 1776 г., и др., понятие «легитимность» получило политико-правовое

---

[230] См.: Коростелев С.В. Действие метода стратегического легализма в международных отношениях / Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления. Сборник научных статей, Вып. 7 / Под общей редакцией проф. В.В. Тумалёва. – СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2009.; Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы. Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78). С. 50-57.; Коростелев С.В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87). С. 24-35. и др.

[231] Дугин, А. Изъяны формальной демократии // Московские новости. http://mn.ru/print.php?2006-46-22.

наполнение, а позднее приобрело и международно-правовую значимость[232]. Также термин широко применялся в начале XIX в. для характеристики политического движения во Франции, ставившего целью восстановить власть короля как единственно законную, в отличие от власти узурпатора Наполеона. А во время Июльской монархии (1830–1847 гг.) «легитимистами» называли сторонников реставрации Бурбонов – «законной (легитимной) монархии», которые были в оппозиции к королю Луи-Филиппу, которого считали «узурпатором». По определению К. Маркса, легитимистский принцип воспринимался его немногочисленными сторонниками как «последний талисман, предохраняющий от анархии»[233].

Соответственно, теоретико-методологический анализ такого понятия как «легитимация решений по применению силы» дает возможность более эффективно определять сущность политических механизмов парирования угроз национальной безопасности, что является особенно важным в условиях трансформации современной среды безопасности.

Так, по мнению Ю.А. Иванченко: «… легитимация предполагает процесс оценивания власти сообществом…». «Легитимация – это, прежде всего, социально-психологическое явление. Легитимность существует в сознании граждан в виде положительной установки на политические институты данной власти»[234].

Такое политологическое понимание легитимности близко к понятию «общесоциальной легитимности», которое даёт В. С. Нерсесянц: «Этот принцип требует, чтобы правоустановительная деятельность государства опиралась на широкую базу социального ожидания, согласия и поддержки правоустановительных преобразований и решений, на активное участие

---

[232] Более подробно см.: Тарасова Л.Н. О легитимности в международном праве // Современное право №11 2012. С. 119-124.
[233] Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1957. С.188.
[234] Иванченко Ю. А. Интерпретация понятия правовой легитимации в юридической теории / История государства и права №4 2010, стр. 26.

членов общества и различных общественных объединений в обсуждении, подготовке и принятии таких решений, на либерально-демократические формы и процедуры опроса, выявления и учета общественного мнения по вопросам права, на открытый, общедоступный, публичный характер всего правоустановительного процесса.

Социальная легитимация правоустановительных решений — это одно из существенных требований суверенитета народа и вместе с тем необходимое условие социально-политического и правового согласия и единства в обществе, существенная предпосылка и важный фактор эффективности устанавливаемых правовых новелл и всего действующего права»[235].

Также В. С. Нерсесянц проводит отличие между «общесоциальной» и «правовой» легитимностью: «... правоустановительная деятельность должна соответствовать основным требованиям права, протекать в надлежащих правовых формах и процедурах, в строгом соответствии с законодательно установленными правомочиями (компетенцией) субъектов правоустановительной деятельности»[236].

Анализ различных подходов к соотношению понятия легальность и легитимность позволяет нам сделать вывод, что легальность выступает как мера объективного (позитивного) права, это соответствие поведения субъекта права норме права. А легитимность — мера субъективного права — вытекает из правоотношений между субъектами права[237].

Важные для данного исследования политические характеристики государства во внешнем мире, в отличие от внутренней легитимности,

---

[235] Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА. – М., 1999. – С. 420.

236 Там же.

[237] См. напр.: Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. — М., 2004. Т. I: Заключение международных договоров. ; Лившиц Р.З. О легитимности закона // Теория права: новые идеи. — М., 1995.; Тарасова Л.Н. О легитимности в международном праве.// Современное право. 2012, №11. С.119-124 и др.

основанной на общественном договоре – чаще всего это национальные конституционные нормы, известны – они установлены в международном праве. Субъектность государства с точки зрения возможности вступать в отношения с другими акторами определяется в Конвенции Монтевидео 1933 г.[238] следующим образом: государство легитимно, если оно имеет постоянное население; определённую территорию; собственное правительство; способность к вступлению в отношения с другими государствами. Причем способность к вступлению в отношения является ни чем иным как его международным признанием. Статья 2 Конвенции Монтевидео устанавливает, что: «Политическое существование государства не зависит от признания другими государствами. Даже до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость для обеспечения его сохранения и процветания, и, следовательно, формировать себя, таким образом, каким оно считает нужным, законодательствовать в соответствии с его интересами, управлять его услугами, а также определять юрисдикции и компетенции его судов. Осуществление этих прав не имеет иных ограничений кроме осуществления прав других государств в соответствии с нормами международного права».

Статья 6 той же Конвенции устанавливает: «Признание государства всего лишь означает, что государство, которое его признает, принимает правосубъектность другого государства со всеми правами и обязанностями, установленными международным правом. Признание является безусловным и бесповоротным».

Таким образом, политическое решение о вступлении в отношения с каким-либо государством, даже путем применения против него силы, является признанием его легитимности.

На наш взгляд такое понятие легитимности достаточно убедительно

[238] Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств. https://docplayer.ru/151742324-Konvenciya-montevideo-o-pravah-i-obyazannostyah-gosudarstv.html.

демонстрирует, почему в международных отношениях государства заявляют о своей приверженности международному праву – именно его нормы устанавливают общие критерии их легитимности в международной системе.

Соответственно, признание государств и иные виды взаимодействий в международных отношениях осуществляются через существующие политические механизмы.

Термин «политические механизмы» часто используется в публицистической, политической и научной литературе и нельзя сказать, что его научная разработанность остается недостаточной. Данный термин имеет определенную смысловую нагрузку и применяется широко ко многим видам политической деятельности. Но представляется очевидным, что данное понятие может быть наполнено различными смыслами, которые можно понять лишь в контексте его применения[239].

Именно контекст обращения к политическому механизму позволяет сформулировать его структуру, и понятийный аппарат, возможность использования для «легитимации» действий акторов в определённой политической среде, равно как и определить необходимые для его эффективного функционирования требования к методологическому инструментарию.

Следовательно, для исследования проблем легитимации политических решений на применение силы в современных условиях необходимо уточнить смысловое содержание таких категорий, как «политические механизмы», «легитимация».

Так в словаре-справочнике «Политическая наука» дано следующее определение: «Механизм политический - система действий политических институтов и организаций, предназначенная для преобразования свойств, характеристик, др. параметров общественного (социального,

[239] См. напр.: Козлова А.В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере…дис. д-ра полит. наук.-М, 2009. 357 с.

экономического, собственно политического) развития в требуемом направлении»[240]. С.А. Малинина расширяет данное понятие: «[П]олитические механизмы в широком смысле можно определить как совокупность различных видов деятельности социальных субъектов по достижению своих политических целей, а также способов реализации их взаимоотношений, формальных и неформальных правил и процедур, ограниченных нормами права, отражающих общие ценности общества»[241].

Исходя из этого определения, политический механизм может функционировать, опираясь как на государственную власть, так и на иные институты общества. То есть, можно определить, что структурными элементами политического механизма выступают различные политические акторы, их ценности и процедуры согласования ценностей. Очевидным образом также можно заявить, что основным политическим институтом, обеспечивающим реализацию целей социальных субъектов, является такой способ социальной организации как государство.

В числе функций государства, как внутренних, так и внешних, наиболее важной является обеспечение национальной безопасности, т. е. защита народа, территории и социальных и властных институтов от внешних угроз. Данная функция включает в себя осуществление мер, во-первых, по достаточному обеспечению обороны государства и, во-вторых, по установлению такого состояния международных отношений, которое способствует решению задач обороны.

Таким образом, рассматривая политический механизм применительно к обеспечению национальной безопасности, отметим, что наиболее эффективными средствами выступают именно те, которые находятся под контролем государства, хотя нельзя не учитывать экономические,

---

[240] См.: Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф д. пол наук Санжаревский И.И.. 2010.

[241] См.: Малинина С.А. Правовые ограничения средств массовой информации и характеристика методов агитации в избирательном процессе // Диалог: политика, право, экономика» № 1. (12)'19,. С.23-34.

общественные и иные составляющие политической сферы, в том числе существующие вовне, и оказывающие влияющие на обороноспособность нации. То есть, механизмы обеспечения национальной безопасности неизбежно включают в себя и использование негосударственных акторов.

Предполагается, что суверенное государство самостоятельно решает задачи обеспечения своей безопасности, выбирая собственные способы их решения, сверяя их с позициями других участников международных отношений в рамках международных институтов, в том числе международного права, т. е. реализует всю необходимые меры, направленные на защиту национальных интересов от существующих и потенциальных вызовов и угроз.

Реализуя стратегию национальной безопасности, государство вынуждено согласовывать желаемые пути разрешения противоречий с другими участниками международного сообщества на основе сходно определяемых понятий для основных категорий анализа в сфере безопасности – определения содержания для терминов «война» и «мир» для каждой уникальной ситуации.

Вызовы и угрозы, связанные с противоречивым характером глобализации современного мира, переводят в новую плоскость вопрос о содержании понятия «суверенитет» государства, о методологии и способах противодействии попыткам вмешательства извне в любую из компетенций государства. Политическая ситуация и особенности функционирования сферы государственного управления зачастую ставят должностное лицо, принимающее решение, в специфические условия: важно действовать в рамках намеченной стратегии, отдельные шаги которой не всегда положительно воспринимаются как самой нацией, так и основными международными акторами.

В процессе движения к национальным целям государство усиливает воздействие своей совокупной мощи на систему международных отношений, на отдельных международных акторов. При этом степень и интенсивность

использования совокупной мощи зависят от уровня противоречий и готовности решительно действовать в достижении цели. Именно в этой сфере крайне важным является умелое адаптирование сторонами своих политических стратегий, позволяющих достигать поставленных целей и при этом не допустить перехода конфликта в «горячую» фазу.

Государства часто создают международные политические, экономические и военные союзы и соглашения - глобальные, либо региональные. Это происходит вследствие того, что они ищут способы обеспечения собственной безопасности, создания условий для процветания своих народов, и делают это они на основе заключения соглашений с государствами, имеющими в данный момент схожие интересы.

Результатом согласования интересов является создание и поддержания такого состояния международной безопасности и соотношения сил в международных отношениях, которое позволяет государствам с наименьшими потерями обеспечивать национальные интересы.

Государства выигрывают, если их усилия направлены на поддержание стабильности в мировой политической, экономической системах (даже, если данная стабильность закрепляет несправедливый status quo), а не на достижение превосходства в военном конфликте, который, как очевидно, всегда обходится дороже, если его оценивать в человеческих страданиях. Как государства, так и не связанные с государствами акторы участники международных отношений в общем случае никогда не выигрывают от масштабного разрушения существующего миропорядка.

Суверенные государства являются основными, но не единственными, действующими лицами мировой политической системы. Транснациональные политические, коммерческие, идеологические организации проводят в жизнь собственные интересы, и оказывают значительное влияние на международный правопорядок, формируют общественное мнение в национальных государствах, оказывают влияние на эскалацию конфликтов, тем самым, расширяя, либо ограничивая арсенал средств, доступных

государствам для защиты интересов военными средствами.

Освещение средствами массовой информации (далее – СМИ) событий в реальном режиме времени оказывает серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю поддержку проводимой государством политики. Отражение в деятельности СМИ действий, которые в данный исторический период не воспринимаются как «ценности» населением государств основных международных акторов, также может ограничить возможности государств по достижению национальных целей. Как известно, согласованные «ценности» в настоящий момент закреплены в основных источниках международного права: Уставе ООН, Пактах о правах человека 1966 г. и др.

Следовательно, поведение государств по защите национальных интересов получает оценку относительно содержания ряда международных правовых норм, что тем самым подтверждает существование системы международных правовых ограничений для принятия политического решения на обращение к силе.

В отношении процесса регулирования международных отношений и роли в нем международных правовых средств С. Ю. Марочкин отмечает, что они «... регулируются в основном политическими либо правовыми средствами. Политическое регулирование является основополагающим... Каждое [государство] на основе своей политики и интересов определяет отношение к мировому сообществу и действующим в нём правилам. При прочих равных условиях эффективность международного права выше, если оно отвечает политической воле государств и доверию между ними. Безусловно, несмотря на формально-юридическое равенство всех, «удельный вес» политической воли разных государств, её влияние на функционирование международного права различен»[242].

Международное право в процессе его применения является лишь

[242] Марочкин С. Ю. Международное право: 60 лет после создания ООН // Журнал российского права, № 3, март 2006 г. Система ГАРАНТ Платформа F1.

основой для субъективного определения критериев «справедливого» поведения государств, которые являются политическими по своей сути. За редкими исключениями данные критерии не определены в жестких нормативных рамках международных договоров. Тот эпифеномен, который обыкновенно определяется как «международное право», выводится из событий политической деятельности и, чаще всего является ориентированным на толкование результата такой деятельности, т. е. имеет ретроактивный характер, но практически никогда не предопределяет её.

Поэтому, первоначально, для повышения эффективности такого толкования, необходимо определить общие принципы анализа политической действительности в сфере обоснования актов применения силы. В ином случае любая попытка применения различных методологий для анализа какого-либо отдельного инцидента может приводить к результатам оправдывающим, либо осуждающим его, но не приведёт к определению правила, которое может быть использовано в неограниченном числе случаев исследования практики государств. Именно поэтому международное сообщество на основе собственной практики постоянно находится в поиске норм, обладающих каким-либо свойством общности, и, определив такую норму, определяет ее как «норму международного права».

Если исходить из того, что международные отношения регулируются не политическим процессом (как это происходит в реальной действительности), основанным на соотношении сил государств, а международным правом (идеалистичное заявление о примате международного права), то тогда можно определить, что международное правовое регулирование (воздействие на международные отношения при помощи норм права и других правовых средств с целью их упорядочения) непосредственно направляется на достижение поставленных субъектами международного общения целей, существующих в виде каких-либо абстрактных моделей.

В ходе взаимодействия в рамках универсальной модели субъекты

правоотношения обязаны руководствоваться запретами, дозволениями, в том числе позитивными обязываниями, заключёнными в юридических нормах, совокупность которых, по своей сути и представляет собою данную модель.

Пример использования такой модели в отношении упреждающих (превентивных) действий приводит Кр. Браун: «Давайте представим, что мы живем в мире с хорошо развитыми юридическими рамками правового регулирования применения силы в международных отношениях, запрещающими её применение как инструмента внешней политики, и в котором есть международный орган, наделенный ответственностью за поддержание мира и безопасности, который обладает легитимной и эффективной процедурой принятия решений и возможностью проведения данных решений в жизнь. В таком мире различие между упреждением и предупреждением будет четкие очертания и критично важным. Превентивная война будет полностью незаконной …»[243].

Но почему тогда такие войны ведутся? Возможно ли вообще говорить о примате права в международных отношениях и возможности следования позиции буквального и идеалистичного толкования права, если это не подтверждается практикой государств?

Модели поведения, закрепленные в известных нам международных нормах, выведены из предшествовавшей международной практики.[244] Обычно к соблюдению модели поведения, описанной в какой-либо норме права, государства понуждаются не военной силой, а с помощью менее ресурсно-затратных средств:

1. естественной или просчитанной готовности к признанию прав других субъектов;
2. угрозы применения силы:

[243] См.: Brown, Cris. Self-Defense in Imperfect World. Ethics & International Affairs. Annual Journal of the Carnegie Council on Ethics and International Affairs, Volume 17, No. 1, 2003.
[244]См.: Коростелев С.В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80). С. 26-31.

a. *понуждения*, с помощью процедур и компенсаций, предусмотренных в иных («невоенных») сферах межгосударственного общения (например, осуществлением политических, дипломатических, торговых санкций, …);

b. и только в ситуациях, когда иные «невоенные» средства оказываются неэффективными, государства обращаются к *принуждению* с применением вооруженного насилия.

Создаваемые государствами нормы по прошествии некоторого времени перестают соответствовать их потребностям – теряют регулирующие и авторитетные свойства, поскольку отношения становятся шире, многообразнее, изменяются состав и свойства самих субъектов.

Расширяющиеся противоречия между нормативной системой международных отношений и потребностями государств приводят к тому, что государства чаще начинают применять силу, как инструмент регулирования отношений, но, тем не менее, они вынуждены соотносить свое поведение со «старой», и «неэффективной» нормой, поскольку методология оценки справедливого/несправедливого обращения государств к вооружённому насилию сформулирована в международных правовых нормах, как особой форме, в которой выражаются идеи об общих ценностях международного сообщества, и которая является своего рода международным правосознанием[245].

Представляется очевидным, что государства в связи с принятием на себя обязательств «… обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и объединить … силы для поддержания международного мира и

[245]О международном правосознании см.: Гаврилов В. В. Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права, № 11, ноябрь 2004 г. Гарант Платформа F1.

безопасности…»[246], обязаны согласовывать с другими членами мирового сообщества акты применения своих вооружённых сил.

«Общие интересы» мирового сообщества в данном случае определяются и реализуются через достижение целей, также определённых Уставом ООН: «Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира…»[247].

Таким образом, установленное Уставом ООН предписание по «предотвращению», «устранению», «подавлению», очевидно, может потребовать применения силы, а, следовательно, осуществления мероприятий по планированию, подготовке, организации и ведению военных действий.

Поскольку национальные интересы всегда первичны, то чаще всего можно наблюдать, что международное право, как эпифеномен, не изменяет поведения участников международных отношений и не решает каких-либо частных проблем, однако, при этом оно создаёт основу для взаимодействия участников международных отношений.

В конечном счёте взаимодействие приводит к политическому консенсусу (хотя не гарантирует его), и к практическому решению, так как международное право (обязательное учитываемое в национальных правовых системах) является как бы контекстом для обоснования актов применения силы, и, следовательно, оказывает влияние на применение инструментов

---

[246]Устав Организации Объединённых Наций, Преамбула.
URL: http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/charter.htm#intro (дата обращения: 11.03.2011).
[247] Там же, Статья 1.

национальной мощи, поскольку «…воплощает волю государства, определяемую его интересами»[248].

Эпифеномен[249] «международное право» позволяет государствам «переводить» разрешение различного рода конфликтов из политической сферы, например, в правоохранительную, уменьшая, таким образом, политическую напряжённость[250].

Существует значительная формальная неопределённость в установлении того, что считается существенными (или жизненно важными) интересами государств в любой конкретный момент. Государства прибегают к урегулированию конфликтов своих несущественных в данный момент интересов нормами международного права, например, переводя в область регулирования частного права конфликты, которые в ряде случаев могут быть объявлены политическими, и осложняющими межгосударственные отношения.

Так, например, дело швейцарской фирмы «Нога»[251]; отдельные нарушения правил лова морепродуктов (дело траулера «Электрон»)[252]; нарушения прав туристов; несоблюдение авторских прав, и т. д. – очевидным образом не являются существенной угрозой национальным интересам. В то же время, в связи с масштабом таких нарушений, либо местом, временем их совершения, они могут быть признаны угрожающими национальным интересам, и, соответственно, выведены из-под регулирования нормами международного частного права в сферу публичного права, а затем, в сферу

---

[248] Кашинская Л. Ф., Саидов А. Х. Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // Журнал российского права №12, декабрь 2005 г. ГАРАНТ Платформа F1.

249 Эпифеномен — от греч. epi - на, над, сверх, при, после и phainome - появляющееся. Побочное явление, сопровождающее другие более существенные явления, но не оказывающее на них какого-либо существенного влияния.

[250] См.: Коростелев С.В. Об эпифеноменальном характере международного права // Управленческое консультирование. 2013. № 12 (60). С. 29-34.

[251]Судебные процессы по иску швейцарской фирмы "Нога" к России. Справка. URL: http://ria.ru/spravka/20051116/42107336.html (дата обращения: 14.10.2015).

[252] Скандал с российским траулером "Электрон". URL: http://www.rg.ru/sujet/2227/ (дата обращения: 14.10.2015).

применения силы.

Именно поэтому государства заинтересованы как в признании эпифеномена международного права, так и международных организаций и соглашений, созданных на его основе для обеспечения международной безопасности, в рамках которых ведется диалог по выявлению притязаний участников международного общения, и осуществляется концептуальное определение общих обязательств.

Как отмечал В. Н. Хонин: «Общие объективные цели для всей системы международно-правового регулирования заключаются в поддержании нормального, а значит и целесообразного функционирования и прогрессивного развития системы международных отношений»[253].

Особенно ярко это проявляется в сфере политико-правового обоснования актов применения силы. Во-первых, исследование практики государств в сфере вооружённого противоборства приводит к уточнению круга задач, для решения которых могут привлекаться вооруженные силы; во-вторых, оно оказывает влияние на способы их применения, используемые средства поражения, обучение личного состава, и т. д.

Таким образом, при исполнении роли инструментария межгосударственного и международного диалога, международное право выполняет две различные функции.

Первая — это предоставление основ для межгосударственного взаимодействия, которые облечены в форму норм права; вторая – уточнение тех целей и ценностей, которые обеспечиваются такими взаимодействиями – т. е., совершенствование нормативной системы международных отношений.

А, эта нормативная система, в свою очередь, развивается в процессе выяснения позиций субъектов международных отношений относительно оценки справедливости применения мер понуждения и принуждения, т. е.

---

[253] Хонин В.Н. Об определении международно-правового регулирования / Вестник киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982, стр. 20.

легитимации политических решений по применению силы в интересах обеспечения своей безопасности.

Исходя из этого можно сделать вывод, что современная международная политика является не только борьбой за физическое превосходство над противником, но также и борьбой за признание легитимности действий. Мощь государства и международное признание легитимности его действий являются понятиями взаимодополняющими.

Политическим фактом является то, что вера в правое/неправое дело помогает вовлечь народы в действие, и таким образом, легитимность становится источником национальной мощи. Если действия государства считаются нелегитимными, то его затраты на осуществления своей политики по обеспечению национальных интересов возрастают.

По нашему мнению, легитимность – это результат, которого политическая власть, политическое управление могут достичь в процессе легитимации. Степень легитимности – это результат сложного многоаспектного процесса – легитимации[254].

В современной политологической науке еще нет всеобще согласованного понимания того, что собой представляет процесс легитимации, особенно в области применения силы в международных отношениях. Это определяется тем, что международное сообщество находится в процессе постоянной трансформации, а изменения среды, естественным образом, требуют развития, как известных подходов, так и разработки новых технологий.

Сам процесс легитимации многоуровневый: его определяют политический, правовой, организационный, институциональный,

---

[254] В широком смысле под «легитимацией» (от лат. lex, legis, legitimus, legitima, legitimum — закон, законный, правомерный, должный, пристойный, правильный, действительный) следует понимать признание или подтверждение законности - какого-либо права или полномочия, а также документ, подтверждающий это право или полномочие. См.: Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

технологический и культурологический и другие аспекты. Он предполагает использование адекватных механизмов регулирования общественных отношений в соответствующих сферах общественной жизни. Также очень важным является осознание того, насколько легитимация является управляемым процессом, что собственно определяет выбор форм и методов (в совокупности – технологию) легитимации.

В самом общем виде процессы принятия решений и легитимации иллюстрирует кибернетическая модель Д. Истона. Она представляет собой систему, где внутренняя связь обозначена «вводом» − требованиями общества или формой поддержки власти, и «выводом» − решениями или действиями правительства. То есть запросы граждан отражаются в реальных шагах власти[255].

Государства апеллируют к международному праву и организациям для легитимации собственной политики или делегитимации политики других государств, и это определяет их поведение, и сказывается на результатах действий[256].

Как отметил Р. Каган: «Легитимность является неосязаемым фактором в зарубежной политике, но, как и многие неосязаемые вещи, она может иметь огромное практическое значение... Ощущение нелегитимности поведения может ограничить возможности сотрудничества с государствами, которое те могли бы предложить...»[257].

Для международных отношений всегда был характерен дуализм - расхождение между риторикой и фактически проводимой внешней политикой. Мировому сообществу всегда предлагается два набора правил –

---

[255] См.: Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II: Зарубежная политическая мысль. XX в. / Рук. проекта Г.Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997. С. 629-642.

[256] См.: Joseph S. Nye, Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000, P. 158.

[257] Kagan, R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report. URL: https://www.ceip.org/files/about/Staff.asp?r=16.

более гибкий для себя и, более ограничивающий - для внешнего мира.

Проблемы прав человека, вопросы войны и мира, становятся проблемой публичных международных отношений только в том случае, когда они соответствуют собственным существенным политическим целям государств, то есть, когда они могут быть использованы для политического обоснования действий по обеспечению национальных интересов[258].

Теоретическое осмысление легитимности происходит совместно с разработкой теории принятия решения. Многие работы отечественных и зарубежных исследователей посвящены поиску универсальной схемы разработки и принятия политического решения. Однако большинство авторов сходятся во мнении, что это практически невозможно[259].

На наш взгляд ни одна из схем не сможет достоверно описать коммуникационные, психологические и управленческие особенности участников данного процесса: в каждом случае они индивидуальны, как и изменчивые условия внешней среды. Помимо этого, любая проблема носит комплексный, многоуровневый характер и имеет множество аспектов, в том числе связанных с легитимностью[260].

---

[258] Основные работы автора по тематике содержания процесса легитимации актов применения силы, выполненные самостоятельно и в соавторстве: Коростелев С. В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87); Коростелев С. В. Действие метода стратегического легализма в международных отношениях / Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления. Сборник научных статей, Вып. 7 / Под общей редакцией проф. В.В. Тумалёва. – СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2009; Коростелев С. В., Качук В. Н. Проблема легитимации применения силы резолюциями Совета безопасности ООН / Проблемы права в современной России : сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции. Т.2. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та.

[259] См. напр.: Трохинова О.И. Легитимация непопулярных политических решений: коммуникационный аспект…дис. кан. полит. наук.- СПб, 2019; Быков И. А. Коммуникативная агрессия в политическом дискурсе современной России // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 33-40; Косов Ю. В., Трохинова О. И. Политическая мобилизация: перспективы развития теории принятия политических решений //Управленческое консультирование. №11. 2017. С. 170 – 173.

[260] Позиция автора в этом вопросе солидаризируется с выводами Л. Брока. См.: Брок Л. Легитимация и критика насилия в международном праве. Политологическая перспектива. Кантовский сборник. 2013 Выпуск №4(46).

На наш взгляд неутихающие конфликты в различных уголках земного шара лишний раз подтверждают слова К. Шмитта о том, что «политический мир — это плюриверсум, а не универсум». По его мнению, политический мир представляет собой совокупность государств, каждое из которых обладает суверенным правом на определение друзей и врагов, на политические отношения. И каким бы маленьким ни было государство, оно дорожит своим суверенитетом, своей политической самостоятельностью.

Главным принципом философии права К. Шмитта была идея о безусловном главенстве политических принципов надо всеми критериями общественного существования. Именно политика организовывала и предопределяла стратегию внутреннего и все большее усиление давления экономических факторов в современном мире[261].

В настоящее время «плюриверсум» К. Шмитта существует как в системе государств, воплощенной в ООН, которая является «идеальной» институциональной оболочкой, позволяющей лишь в некоторых несущественных для национальных интересов случаях легитимировать присвоение международной ответственности, так и вне этой системы[262].

В реальной жизни система видов взаимодействий акторов современного негомогенного международного сообщества - стратегический континуум - представляет собой сочетание многополярности, многосторонности, фрагментированности и сетевой организации[263] - в зависимости от распределения баланса сил и состояния государственного

URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2c1/Brock_30-41.pdf.; Коростелев С.В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87). С. 24-35.

[261] Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.

[262] Более подробно позиция автора см.: Коростелев С.В., Качук В.Н. Проблема легитимации применения силы резолюциями Совета безопасности ООН / Проблемы права в современной России: сб. статей междунар. межвузов. научно-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. Т.2. С.73-81.

[263] См.: Global Strategic Trends. The Future Starts Today. Sixth Edition. Commonwealth of Australia. Vice Chief of Defence Force (15 November 2016), Future Operating Environment: 2035. P. 20.

управления.

Первые две парадигмы взаимодействия более характерны для описания поведения сильных государств, в то время как две последние характерны для территорий со слабым государственным управлением.

Отношения в такой системе по определению являются конкурентными и акторы в борьбе за власть для обеспечения свой безопасности используют следующие моды взаимодействия:

- мирное сотрудничество[264];

- конкуренцию, не переходящую порога вооруженного конфликта[265];

- применение силы (вооруженный конфликт)[266].

В парадигме многополярности главными международными акторами являются наиболее мощные державы, которые образуют с другими государствами блоки либо на основе признания общих ценностей, либо по принципу географической близости. Сотрудничество членов блока осуществляется под руководством основной державы, а сами блоки конкурируют за власть и влияние.

В парадигме многосторонности государства продолжают находиться в числе наиболее влиятельных акторов мирового порядка. Характеристикой такого мира предполагается следование ответственному и добросовестному управлению, когда все государства должны полагаться на многосторонние институты для решения глобальных вызовов, определения правовых

---

[264] Сотрудничество (кооперация) включает взаимовыгодные отношения между стратегическими игроками со схожими или совместимыми интересами. Хотя интересы акторов редко полностью согласуются, отношения сотрудничества поддерживают международный порядок, укрепляют коллективную безопасность и сдерживают конфликт.

[265] Не переходящая порога вооруженного конфликта конкуренция существует, когда стратегические игроки рассматривают друг друга как конкурентов, но не как противников, имеющих несовместимые интересы. Конкуренты могут сотрудничать друг с другом или вести себя так, чтобы нанести ущерб интересам других стратегических игроков.

[266] Вооруженный конфликт предполагает использование насилия в качестве основного средства, с помощью которого стратегический субъект стремится удовлетворить свои интересы или отреагировать на провокацию.

ограничений и разрешения споров.

В парадигме сетевой организации власть распределена между различными государствами и не связанными с ними акторами. Основными негосударственными акторами являются корпорации и руководители мега-городов, но при этом предполагается, что эти акторы заинтересованы в сотрудничестве для эффективного реагирования на глобальные вызовы и обеспечения результативного управления в общих интересах.

В парадигме фрагментированности государства, корпорации, мега-города и не связанные с государствами акторы, включая оппозиционные движения и организованные преступные группы, конкурируют за власть.

Сотрудничество в данной парадигме является редким явлением и к нему обращаются только в тех случаях, когда оно предоставляет актору преимущества для продвижения лишь его собственных, но не общих, интересов.[267]

Признается существование трех ключевых факторов[268], которые объясняют возникновение такой среды безопасности:

- изменился баланс между глобальной и региональной мощью, означающий, что все больше участников могут бросить вызов статус-кво;

- сформировались сложные взаимозависимости в рамках глобальной политической экономии, что означает, что государства в большей степени становятся более уязвимыми;

- технологическая конвергенция привела к тому, что у бо̀льшего числа

---

[267] Позиция автора по данному аспекту изложена в ряде публикаций. См. напр.: Коростелев С.В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80). С. 26-31.; Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы. Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78). С. 50-57.; Коростелев С.В. Внешнее вмешательство путем информационного воздействия: проблема нормативной оценки // Пути к миру и безопасности. 2019. Т. 57. № 2. С. 88-103. и др.

[268] См.: Sean Monaghan. Countering Hybrid Warfare: So What for the Joint Force? PRISM Vol. 8, No. 2, Oct. 4, 2019.URL: https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/1979787/countering-hybrid-warfare-so-what-for-the-joint-force/ (дата обращения: 13.12.2020).

акторов появились средства для причинения значительного ущерба противнику.

В такой реальности балансирование и доминирование супердержав, подобное тому, что существовало в биполярном мире СССР-США во времена Холодной войны, в настоящее время становится невозможным. Не только в связи с появлением новой супердержавы – Китая, но и с возникновением глобальных акторов-«не государств», чьи возможности зачастую соизмеримы с мощью национальных государств и их объединений. И поведение таких акторов уже не может быть предписано державами-победительницами по итогу войны.

Они, напротив, могут самостоятельно определять себе цели и искать свое место в мировой организации, используя и комбинируя доступные им инструменты, в том числе саму среду системы национальных государств, глобальные институты, глобальную инфраструктуру. В каждый конкретный момент времени участниками взаимодействий могут оказаться акторы, существующие и действующие одномоментно как в одной, так и в нескольких вышеперечисленных парадигмах.

При этом поведение государств является достаточно хорошо предсказуемым ввиду институциональных ограничений, которые были ими же сформированы в течение нескольких столетий развития современной системы государств.

Государства признают такие ограничения как обязывающие и принуждают к их исполнению тех участников международных взаимодействий, которые допускают чрезмерные отклонения от ожидаемых стандартов поведения. А поскольку политическая цель ответственного правительства в любом случае должна заключаться в непрерывном обеспечении безопасности, с сохранением при этом высокого уровня жизни своих граждан и поддержки основных ценностей общества в условиях конкуренции за ресурсы с другими акторами, то обращение к вооруженному насилию, является хотя и нежелательным, но неизбежным элементом

обеспечения стабильности международной системы и сохранения status quo.

В любой конфликтной ситуации поведение государств при движении к своим национальным целям может быть объяснено через то, как они комбинированно и синхронизированно (как часто определяется в настоящее время – «гибридно»[269]) применяют доступные им средства достижения национальных целей.

Относительная новизна дискурса о гибридном характере войны заключается в трансформации организации общественной жизни, которая соответственно привела изменению содержания понятия «объект применения силы».

Новым объектам применения силы, в свою очередь должны соответствовать средства и способы, которые могут использоваться акторами, конкурирующими за власть в четырех вышеприведенных парадигмах взаимодействия.

Данный режим налагает на государства обязанность проявлять сдержанность и вести политический диалог в сфере ограничения применения силы. Акторы-«не государства» такими обязательствами не связаны.

В политическом дискурсе необходимо учитывать, что использование термина «война» является по своей сути исторической традицией и может быть применимо только к ситуациям вооруженного насилия прошлого, когда сторонами конфликта являлись государства, которые руководствовались нормами права войны и нейтралитета.[270]

---

[269] Концептуально «гибридную войну» можно описать как ее как синхронизированное использование множественных инструментов [национальной] мощи, специально подбираемых для получения взаимоусиливающих эффектов в отношении конкретных уязвимостей во всем спектре общественных процессов». См.: Patrick J. Cullen, Erik Reichborn-Kjennerud. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

[270] См.: Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу правовой квалификации силовых действий государств в практике Совета Безопасности ООН // Ученые записки юридического факультета. Вып. 19 (29) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург:

С принятием Пакта Бриана-Келлога в 1928 г., Устава ООН в 1945 г., Женевских конвенций в 1949 г. войны были поставлены вне закона, и в обиход вошли понятия «применение силы» и «вооруженный конфликт», хотя по факту государства могут находиться в состоянии «войны», переход в которое требует особого юридического оформления в национальном законодательстве и политического обоснования во внешнем мире. Если с правовым обеспечением на национальном уровне проблем не возникает – разрабатываются процедуры перехода государства к состоянию войны и принимаются соответствующие нормативные акты о военном положении, то деятельность государства во внешнем мире сталкивается со сложной проблемой признания таких действий справедливыми и соответствующими общим интересам.

В этом отношении заслуживает внимания позиция профессора Радикова И.В., изложенная в научной статье «Войны-"хамелеоны": изменение характера вооруженной борьбы в XXI веке» в которой достаточно аргументированно рассматриваются политологические подходы к современным войнам и военным конфликтам.[271]

С нашей точки зрения, война никуда не исчезла, но формы и методы применения силы видоизменились соответственно новым объектам применения силы. Но в любом случае, изучение политики государств по обращению к силе следует начинать с исследования того, как эта практика описывается в терминах т. н. «триады» теоретика войны К. фон Клаузевица.

К. фон Каузевиц определял «войну» как хамелеона[272], в каждом конкретном случае меняющем свою природу. В соответствии с его определением предмет войны по своему общему облику (в отношении

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2010.

[271] См.: Радиков В.И. Войны-«хамелеоны»: изменение характера вооруженной борьбы в XXI веке // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под. ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета. 2015.С.33-50.

[272] Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934. Часть первая «Природа войны». Глава первая «Что такое война?» §28 «Вывод для теории».

господствующих и сохраняющих в ней равновесие тенденций) представляет триаду, составленную из:

- насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт (свойства, присущие самой природе человека);

- игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену свободной духовной деятельности (сфера приложения талантов военачальников и качеств вооруженных сил);

- подчиненности политике, благодаря чему она подчиняется чистому рассудку (сфера деятельности правительства).

Поскольку каждый из этих взаимозависимых и составляющих единое целое элементов триады имеет изменчивую природу, связанную со свойствами организации общественной жизни, то свойства предмета войны, очевидным образом, также динамичны. Поэтому поиск ответа на вопрос «какую войну мы ведем» является одним из важнейших действий органов государственной власти в процессе выбора и следования какой-либо модели поведения.

Современное международное сообщество не гомогенно — оно состоит из конфликтующих акторов, обладающих разным весом и влиянием, ставящих перед собою различные цели и обладающих несовпадающими интересами.

Так же, международное сообщество — это абстрактная категория и оно не может править как объект управления ввиду его анархичной природы; но оно обладает иерархичной структурой, в которой место государства определяется его совокупной национальной мощью.

Поэтому в борьбе за место в такой иерархии государства не могут не испытывать потребности в существовании механизмов легитимации своих действий, сущность которых состоит в обосновании и оправдании права на применение силы на пути движения к своим национальным целям.

В этих условиях основой военной политики стран мирового

сообщества остается стремление к укреплению своей безопасности в связи с появлением широкого спектра новых вызовов и угроз, ставших очевидным следствием общественного развития.

Понятно, что изменение характера среды безопасности влечет за собой и необходимость переосмысления принципов и механизмов обеспечения безопасности государств военными средствами, осознания необходимости создания системы правил – стратегии – системы приоритетов, целей, мер по организации и координации деятельности органов государственной власти для достижения национальных целей[273].

Представляется очевидным, что любая стратегия противостояния предопределяется существующими и вероятными условиями, является продуктом целей актора, сильных и слабых сторон его противников и характера среды стратегических взаимодействий. Она должна быть нацелена на те конкретные компоненты мощи противника, где победа ожидается наиболее вероятной[274].

Для акторов-государств ведение боевых действия в современном мире находится под сильным влиянием двух основных факторов: информационной прозрачности и ранее недоступного противникам разнообразия используемых средств и методов ведения противоборства. С точки зрения прозрачности сетевые технологии, средства коммуникации и социальные сети значительно увеличили поток информации и ограничили возможности государственного аппарата по ее контролю. Сообщения о ходе конфликтов проходят практически в режиме реального времени различными сторонами.

В недалеком прошлом достижения на поле боя формировали, во-первых, стратегическое преимущество, во-вторых, информация об этом

[273] Более подробно см.: Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы. Ч. I, II // Военная мысль. №8-9 2011.
[274] Более подробно см.: Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук. – М., - Дипломатическая академия МИД РФ: 2007.

естественным образом оказывала влияние первоначально на органы государственной власти противоборствующих сторон и лишь потом на население.

Поскольку не связанные с государствами субъекты, как правило, в военном отношении уступают государствам с их регулярными формированиями вооруженных сил, они стараются извлекать выгоду из информационной прозрачности современного общества, которая может как усиливать заведомо более слабую сторону конфликта, таки и наоборот, ослаблять её. Однако, необходимо заметить, что когнитивное пространство в военном искусстве учитывалось всегда, да и само информационное противоборство не является чем-то новым.

Так, например, Сунь-Цзы отмечал, что «самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости»[275].

Если противостояние государства и актора-«не государства» осуществляется не в общих интересах системы государств, и особенно если конфликт не разрешен военным путем быстро и с минимальными затратами ресурсов, он неизбежно получит негативную политическую оценку в двух измерениях: международном, в котором успех измеряется легитимностью, и «домашнем», где он измеряется состоянием социальной устойчивости.

Применение силы, чтобы быть легитимным, должно осуществляться в общих интересах системы государств (обоснована необходимость акта применения силы) и при строгом следовании принципу проведения различия между комбатантами и гражданским населением (показана соразмерность применяемой силы)[276]. А социальная устойчивость, или способность

[275] Сунь-Цзы. Искусство войны. Глава III «Стратегическое нападение», п. 2.
[276] О статусе комбатанта см.: Коростелев С.В., Солодченко В.С. Проблемы установления статуса комбатанта в современных боевых действиях/ Российский ежегодник международного права 2004. Специальный выпуск. – СПб.: Россия-Нева, 2005.

общества эффективно функционировать во время кризиса и сохранять свои основные ценности, поддерживает моральных дух населения и его доверие к органам государственной власти, и, соответственно, позволяет государству направлять дополнительные ресурсы на вооруженное противостояние. И, как можно предположить, политической целью акторов-«не государств» является разрушение социальной устойчивости противника.

На языке парадигмы К. фон Клаузевица, современная «гибридность» действий акторов-«не государств» в основном нацелена на подавление воли народа и, соответственно, способность его правительства принимать своевременные и адекватные политические решения либо до обращения к военному противостоянию, либо вообще без перехода к серьезной военной эскалации.

То есть, например, вмешательство во внутренние дела государства с применением информационных средств имеет своей целью не те объекты, защита которых эффективно регламентирована нормами МГП, а социальную устойчивость, которая в свою очередь, базируется на ценностях народа. В такой ситуации можно предположить, что актор-«не государство» будет следовать ограничениям МГП только в том случае, если он имеет своей политической целью получение признания в системе государств.

Принятие этой новой парадигмы требует изменений в походах к политическому руководству применением силы, и, что очень важно, легитимации актов применения силы, поскольку каких-либо критериев оценки последствий ведения борьбы в когнитивном компоненте информационной среды до настоящего времени не существует.

В современных условиях важнейшим фактором эффективного функционирования общества и обеспечения стабильности его развития выступают применяемые субъектами политического руководства технологий, основными составляющими которых являются подготовка, принятие и реализация политических решений.

Исследование истории актов применения военной силы государствами

показывает, что международное право ещё никогда в истории не ограничивало правительства государств на обращение к военной силе для обеспечения интересов государства в силу стратегической необходимости; а юридические аргументы в пользу войны лишь оформляли рациональные основания.

Различные аспекты применения вооруженной силы (например, использование вооруженных сил за пределами территории государства для борьбы с антиправительственными силами, с террористическими группами, для спасения собственных граждан, в качестве гуманитарной интервенции, применение вооруженных сил в качестве упреждающей или превентивной самообороны и др.) неоднократно обсуждались после принятия Устава ООН на различных уровнях[277].

На основании главы VII своего Устава ООН обладает развитым механизмом принудительных мер, действующих в защиту международного правопорядка и прав человека, от мер экономического воздействия до использования военной силы. Система принципов Устава ООН, регламентирующих обращение к силе, основана на предположении, что «состояние мира» является более важным условием, нежели соблюдение справедливости. Данное предположение подтверждается современной практикой государств, которая показывает, что члены международной системы отвергают в основе философию буквального толкования положений Устава ООН.

В самых разнообразных сферах международной системы то и дело поднимается вопрос о том, что применение силы против существующего политического и территориального устройства в некоторых случаях может

[277] См.напр.: Израиль обратился к праву самооборону для осуществления операции в аэропорту Энтеббе в Уганде именно в момент обсуждения ситуации в Совете Безопасности ООН; Международный Суд рассматривал возможность ссылки США на право на коллективную самооборону в деле о военных и полувоенных действиях на территории и против Никарагуа (Никарагуа против США) для оправдания собственных действий и др.

быть оправданным; что, в определённые моменты, выгоднее нарушить мир во имя справедливости, чем жить в условиях несправедливости, и это принесёт мировому сообществу значительно меньше вреда, чем, когда сила будет применена для того, чтобы обеспечить сохранение существующего мирового правопорядка[278].

Государства, ограниченные в своём поведении парадигмой ООН и давлением великих держав, обязаны добиваться своих целей и решать поставленные задачи исключительно в рамках и средствами существующего правопорядка, т. е. признавать право в качестве основного, но не единственного источника мотивации действий. Но при этом они обязаны следовать формальному, но узконормативному представлению права, поскольку нормативные ограничения устанавливаются согласованием воль великих держав. Именно такова сущность феномена, определяемого как легализм.

В то же время государства обязаны двигаться к некоторым целям, определяемым в результате внутреннего общественного консенсуса, взаимодействуя с другими акторами. Влияние извне естественным образом оказывает влияние на траекторию движения нации к своим целям, затрачиваемые ею ресурсы, что, в свою очередь, требует соотносить избранный курс и средства достижения целей с рисками и неизбежными потерями (этот процесс, по сути, является ядром стратегии национальной безопасности).

Снижение рисков и уменьшение потерь может быть достигнуто в процессе разъяснения своих целей другим участникам международного общения на основе того, что действия государства не выходят за рамки парадигмы Устава ООН и осуществляются в общих интересах

[278] См.: Коростелев С.В., Кириленко В.П. Правовые аспекты правомерной деятельности государств по использованию по использованию вооружённых сил для защиты своих граждан на территории зарубежных государств // Время и право: Научно-практический журнал Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» №2/2011.

международной системы.

Таким образом, разъяснение основным международным акторам рациональности своих действий по продвижению национальных интересов (реализация стратегии национальной безопасности) в терминах парадигмы ООН составляет сущность процесса, определяемого в данной работе **как «стратегический легализм»**[279]**.**

Всякое обращение к силе влечет использование метода стратегического легализма для доведения до мирового сообщества своей стратегии достижения национальных целей. Лицо, принимающее решение о применении силы, должно осознавать, что международное сообщество будет оценивать такое решение через постановку следующих неправовых вопросов:

1. являются ли заявления о легитимности лишь моральным оформлением постфактум решения о применении силы?
2. являются ли заявления о необходимости обеспечения справедливости подтверждением действительности принципов международного права?
3. являются ли принципы международного права материально-правовой основой для подтверждения факта справедливости применения силы?
4. существуют ли какие-либо методы правовой оценки моральности поведения государств при обеспечении ими своих интересов?

По своей сути метод не является правовым: в рамках политической дискуссии лишь используется правовая аргументация; непосредственно правовые последствия оцениваются в рамках иного метода – метода

[279] Более подробно обращение к методу «стратегического легализма» для политического обоснования действий государств по применению силы в интересах обеспечения своей безопасности будет рассмотрен в Главе 3.

политико-правового обоснования применения силы[280].

Объектом метода стратегического легализма, как одного из методов международного права, в ходе политико-правового обоснования действий государств, является процесс обеспечения органов государственной власти юридической аргументацией для политического обоснования справедливого характера обращения своего государства к силе, и доказательства того, что противник не имеет ни правовых, ни моральных оснований для применения силы. В этом случае международное право, в первую очередь, служит целям обеспечения коммуникации государств.

С нашей точки зрения, феномен легитимации политических решений по применению силы в интересах обеспечения национальной безопасности представляет собой процесс, в результате которого происходит признание большинством сообщества (основными акторами международного сообщества) справедливого (легитимного) характера действий по обеспечению национальных интересов

.

[280] См.: Коростелев С.В., Качук В.Н. Характеристика метода правового обоснования применения силы в международных отношениях и его использование для обоснования упреждающих действий // Журнал правовых и экономических исследований № 1 2010; Коростелев С.В. Особенности политико-правового обоснования применения силы во внутренних вооруженных конфликтах при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма // Управленческое консультирование. 2018. № 4 (112).

2.2. Политический механизм легитимации актов применения силы в международных отношениях.

История политико-правого обоснования актов применения силы в современных международных отношениях демонстрирует, что государства никогда не отрицали возможности действий в обход процедур Устава ООН, например проведения упреждающих и превентивных действий.

Однако каждое такое применение силы всегда обречено носить ярлык «неправомерного», и на государстве всегда будет лежать бремя доказывания того, что его действия осуществляются во благо мирового сообщества. При этом государства в своей официальной аргументации продолжают использовать буквальное толкование статьи 2 Устава ООН, тем самым заявляя, что они не признают чьего-либо права на обращение к силе вне парадигмы Устава. То есть, обоснование необходимости обращения к военной мощи в рамках ограничений, установленных международным правом, является политическим обязательством всякого государства. А непосредственно военные цели такого акта устанавливаются в ходе политического процесса по подготовке государства к защите своих интересов.

Как отмечал А. А. Свечин: «Первой обязанностью политического искусства по отношению к стратегии является выдвижение политической цели войны. Всякая цель должна быть строго согласована с имеющимися для достижения ее средствами. Политическая цель должна отвечать возможностям ведения военных действий»[281].

Установленные в международных нормах ограничения для применения вооружённой силы должны учитываться в процессе обоснования военной стратегии государства. Без учёта международных правовых ограничений не

[281] Свечин А. А. Стратегия. — М.: Военный вестник, 1927. С. 37.

может быть полноценной военной стратегии, и как следствие, стратегии более высокого уровня - стратегии национальной безопасности.

Считаем возможным предположить, что вышеприведенные меры обеспечения военного успеха государства, применяемые в совокупности, могут обеспечить реализацию стратегии национальной безопасности только в том случае, если руководством государства будут успешно определены и учтены по возможности все существующие ограничения для применения всех составных частей военной стратегии государства.

Дело в том, что применение военной силы является наиболее ресурсно-затратным способом обеспечения национальной безопасности, и обращение к военным средствам должно быть обоснованным, и, в некотором роде, даже «согласованным» с другими участниками международного общения.

Парадигма общения, как было показано выше, уже сформулирована в нормах Устава ООН. Следовательно, исследование взаимного влияния военного искусства и международно-правовых ограничений при решении задач обеспечения национальной безопасности может быть осуществлено в рамках объекта обоснования необходимости применения силы, которое обязательно должно быть базисной частью национальной военной стратегии.

Создание такого обоснования должно быть одним из основных приоритетов развития военной организации государства, поскольку оно может стать одним из тех средств, которые позволят определить более чётко контуры нормативной базы её строительства, развития и применения.

Считаем необходимым отметить, что ни в одном из государств не существует установленного в какой-либо конституционной правовой норме общего определения ни для стратегии национальной безопасности, ни для её военного компонента.

В частных случаях, в программных документах органов государственной власти стратегия определяется как «официально признанная

система стратегических приоритетов, целей и мер»[282], либо как «официально принятые основные направления государственной политики, определяющие меры, организацию и координацию деятельности федеральных органов государственной власти...»[283] в какой-либо области.

Каждый исследователь использует удобное для себя определение, исходя из стоящих перед ним задач, и доступных ему для анализа источников информации.

Так, например, А. А. Свечин определил стратегию как «... искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций для достижения цели, выдвигаемую войной для вооружённых сил. Стратегия решает вопросы, связанные как с использованием вооружённых сил, так и всех ресурсов страны для достижения конечной военной цели»[284].

Военный энциклопедический словарь даёт следующее определение военной стратегии: «... составная часть военного искусства, его высшая область, охватывающая теорию и практику подготовки страны и вооруженных сил к войне, планирование и ведение стратегических операций и войны в целом.

Теория военной стратегии изучает закономерности и характер войны, способы её ведения; разрабатывает теоретические основы планирования, подготовки и ведения стратегических операций и войны в целом.

Как область практической деятельности, военная стратегия занимается определением стратегических задач вооруженных сил и необходимых для их выполнения сил и средств; разработкой и осуществлением мероприятий по подготовке вооруженных сил, театра военных действий, экономики и населения страны к войне; планированием стратегических операций;

---

[282] См.: Раздел I п.3 «Общие положения» Указа Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.».
[283] См.: Раздел II «Общие положения» п.7.Указа Президента РФ от 09.06.2010 N 690 «Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г.».
[284] Свечин А. А., С. 15.

организацией развёртывания вооруженных сил и руководства ими в ходе войны, а так же изучением возможностей вероятного противника по ведению войны и стратегических операций.

Военная стратегия вытекает из политики и обслуживает её. В свою очередь военная стратегия оказывает обратное воздействие на политику... Военная стратегия тесно связана с военной доктриной государства и руководствуется её положениями в решении практических задач. Теория военной стратегии опирается на данные военной науки, а также на выводы и положения военной проблематики общественных, естественных и технических наук ...»[285].

Так, например, С. Н. Михалев дает обширную подборку определений военной стратегии, предложенных когда-либо военными мыслителями[286], но количество определений не даёт ключа к определению того, как эта стратегия может быть реализована.

Следует отметить, что все выдвигаемые определения определяются условиями соответствующей эпохи: существующими средствами вооружённой борьбы, политической и экономической организацией мирового сообщества, и т. д. Положения стратегий являются по своей сути набором правил для принятия решений, и предназначаются для использования при подготовке концептуальных, доктринальных и иных документов, определяющих принципы и направления действий органов государственной власти и военного управления по решению проблем применения вооружённых сил.

По нашему мнению, под «обоснованием необходимости применения силы государством» следует понимать систему правил обоснования

---

[285] Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. комиссии С.Ф. Ахромеев. - М.: Воениздат, 1986.-863с.

[286] Михалев С. Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн нового и новейшего времени / Вступ. ст. и ред. В. А. Золотарева. М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. С.22-23.

применения вооруженных сил государства, обеспечивающих реализацию его намерений при защите своих национальных интересов.

В общем случае стратегия национальной безопасности государства, включающая как необходимый компонент, необходимые и достаточные пороговые значения для применения силы, ориентируется на следование какой-либо модели обеспечения его взаимодействия с другими участниками международного общения.

Такая модель должна находиться в каком-либо положении относительно следующих крайних воззрений на способ обеспечения существования государства в сообществе других государств: во-первых, стратегии коллективной безопасности, которая требует существования постоянных международных организаций с признаваемой легитимностью, как на национальном, так и на международном уровне; во-вторых, стратегии верховенства, которая отрицает возможность подчинения национальных интересов какому-либо международному органу[287].

Все остальные стратегии являются вариантами сочетаний положений двух этих крайних стратегий. Практика разрешения конфликтов, то есть реализация государствами своих стратегий, свидетельствует о том, что, что мировой порядок, основанный на добровольном подчинении нациями своих интересов общим интересам мирового сообщества, может быть достижим только в рамках идеальной академической модели.

Например, история реализации соглашений в сфере контроля над вооружениями и соглашении по нераспространению ОМУ свидетельствует о том, что положительного результата человечество никогда не добивалось – данные соглашения не исполнялись[288].

---

[287] Наиболее яркие работы, по нашему мнению, в области пояснения поведения государств на международной арене в период холодной войны: Barry R. Posen and Andrew L. Ross, “Competing Visions for U.S. Grand Strategy,” International Security, Vol. 21, No. 3, Winter 1996/1997, p. 5-53; Gaddis, John Lewis. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. Oxford University Press. 1982. 432 P.

[288] Например: Договор об обычных вооружённых силах в Европе, подписанный в 1990

Стратегии СССР и США в ходе холодной войны опирались на механизм сдерживания – ориентировались на существовавшие у них возможности ресурсного обеспечения длительного соревнования, используя в зависимости от обстоятельств те или иные средства, которые могли бы привести к стратегическому перенапряжению противника и его истощению. Их международная политика была направлена на поддержание баланса между устремлениями наций и их национальной мощью, на поддержание достаточности резервов для обеспечения компонентов национальной мощи.

В то же время военная деятельность была ограничена строгими рамками нормативных документов, которые ограничивали самостоятельность воинских начальников в отношении принятия решения на применение силы, поскольку возникновение каких-либо инцидентов в ходе правомерной военной деятельности не должно было привести к разрастанию конфликта, и вывести из равновесия сбалансированные отношения противоборствующих государств.

Считаем необходимым привести краткое содержание воззрений на основные модели поведения государств, обеспечивавших реализацию сдерживания, а именно, стратегий: верховенства, кооперативной безопасности (безопасности во взаимодействии), избирательного участия (либо избирательного выполнения обязательств, либо избирательного вступления в борьбу), коллективной безопасности, и неоизоляционизма[289].

Стратегия верховенства рассматривает появление равного себе соперника как наибольшую угрозу международной безопасности, и таким

году, до настоящего времени государствами НАТО не был ратифицирован, и впоследствии, вообще был прекращен. См.: Сокор В. Никаких скидок на безопасность в Прибалтике ("The Wall Street Journal", США). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru 27 февраля 2004. URL: http://www.inosmi.ru/translation/208129.html (дата обращения: 16.06.2006).; Трубников В. Россия не уступит никому свое место в СНГ. Время Новостей, N°44, 17 марта 2004. URL: http://vremya.ru/2004/44/5/94017.html (дата обращения: 16.06.2006).

[289] Более подробно см.: Коростелев С.В. Стратегии регулирования коллективной безопасности в нормативных рамках Устава ООН // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. 13. Вып. 1 (61-62).

образом, как значительную угрозу вовлечения государства в войну. Следовательно, только превосходство одного государства обеспечивает поддержание состояния мира.

Теория верховенства довольно критично оценивает возможности международных институтов по урегулированию конфликтов, поскольку согласно данной теории возможности международных учреждений могут быть использованы исключительно для защиты своих несущественных интересов.

Следование стратегии неоизоляционизма предполагает, что государство, имеющее выгодное географическое положение, значительный экономический потенциал, и ядерные средства сдерживания, является существенно защищённым.

Система принципов стратегии неоизоляционизма включает в себя посылку, которая утверждает, что продвижение каких-либо ценностей на территориях других участников международного общения может вызвать их недовольство, что, в свою очередь, повлечёт соответственное возрастание рисков использования против данного государства оружия массового уничтожения. Аналогичным образом, участие в международных организациях и соглашениях делают государство заложником конфликтов всех участников данных организаций и соглашений.

Таким образом, государство должно выйти из обременяющих союзов и ограничить своё участие в конфликтах за исключением тех, что угрожают его жизненным интересам. Также, государства не должны использовать военную силу для установления мирового порядка, распространения демократии, или даже общечеловеческих ценностей, либо продвижения национальных экономических интересов.

В стратегии избирательного участия есть две основные цели. Первая – предотвращение войны между великими державами. Вторая - предотвращение распространения ОМУ, причём особое внимание уделяется

предотвращению его попадания в руки несостоятельных государств и негосударственных формирований.

Согласно заявлениям сторонников стратегии избирательного участия, государства должны быть готовы действовать самостоятельно для разрешения конфликта, и брать на себя ведущую роль в каком-либо альянсе ad hoc, когда великие державы не могут договориться между собой о путях преодоления кризиса, и, только если под угрозой находятся его жизненно важные интересы. Участие традиционных альянсов, например НАТО, в таких совместных действиях считается возможным, если угрозы являются для членов союза, во-первых, общими, а, во-вторых, не выходят за рамки системы целей Устава ООН.

Стратегия коллективной безопасности[290], предписанная Главой VIII Устава ООН («Региональные соглашения»), исходит из постулата, что международные организации, например НАТО, так и сама ООН, могут предпринимать вооружённые действия против агрессора, поддерживать режим контроля над вооружениями, осуществлять меры доверия, и предотвращать распространение ОМУ, либо направлять многонациональные силы для обеспечения санкций ООН по поддержанию, либо принуждению к миру. В то же время ООН не имеет собственных вооружённых сил для обеспечения своих уставных целей.

---

[290] Данная концепция по своей институционализации может быть разделена на две модели, которые называются «гроцианской» и «кантианской». Первая соответствует институтам, оформленным в международных соглашениях (организациях в сфере коллективной обороны и безопасности), вторая – соответствует организации акторов вокруг общих для них ценностей и интересов без создания постоянных действующих структур.
Гроцианская концепция больше апеллирует к международным институтам и правовым нормам, в то время как «кантианская» настаивает на универсальности моральных норм и соблюдении прав личности как основном критерии безопасности. Различия между этими концепциями настолько велики, что их можно расценить как две независимые концепции. Кантианская концепция кооперативной безопасности, основные положения которой отражены Ричардом Коехейном, отличается от гроцианской тем, что сторонники этой концепции придерживаются мнения о неэффективности ООН и убеждены в том, что в условиях изменившейся среды безопасности необходимо действовать не на основе действующих международно-правовых норм и принципов, а исходя из защиты гуманитарных ценностей и идеалов.

Однако необходимость постоянного учёта внешнеполитических разногласий государств-участников многонациональных формирований, и обязательность получения их единогласного одобрения для каждого акта применения силы, привели к тому, что государства стали чаще обращаться к концепции кооперативной[291] безопасности, правовое обоснование для которой также находится в рамках вышеуказанной Главы Устава ООН.

По мнению П.А. Цыганкова понятие «кооперативная безопасность», появившееся относительно недавно, отразило попытки науки и практики ответить на вопросы, возникшие перед участниками международных отношений после холодной войны. Большинство этих проблем связано с увеличением взаимозависимости государств, перерастающей в глобализацию, а также числа и многообразия акторов, претендующих на включенность в мировые дела, и с появившимися, в связи с этим новыми угрозами и вызовами международной безопасности[292].

Идея кооперативной безопасности отличается от традиционной идеи коллективной безопасности в том, что стратегия коллективной безопасности осуществляется путём участия в многонациональных коалициях ad hoc, создаваемых для разгрома агрессора, который применяет силу для нарушения суверенных прав какого-либо государства.

Государства реализуют задачи обеспечения своей безопасности в рамках соглашений без создания постоянных структур: «новая задача - новые партнёры - новые соглашения».

---

[291] Так, например С. Лавров заявил в отношении взаимодействия со странами-транзитерами российских энергетических ресурсов: «… Россия не делит страны на друзей и врагов… Я ... за то, чтобы действовать через систему гибких союзов, конфигурация которых будет определяться в зависимости от того, в какой конкретной ситуации наши интересы диктуют ту или иную кампанию». См. Россия будет наказывать. // Взгляд. Деловая газета. URL: http://www.vz.ru/politics/2007/2/5/67213.html (дата посещения: 06.06.2007).

[292] См.: Цыганков П.А. Безопасность: кооперативная или корпоративная. Критический анализ международно-политической концепции. - ПОЛИС. Политические исследования. 2000, N3. с.128-139.

Сторонники кооперативной безопасности не считают вероятный конфликт великих держав с применением обычных вооружённых сил доминирующей проблемой обеспечения международной безопасности, которая требует концентрации ресурсов, и которая может быть достигнута только в рамках постоянных международных организаций.

По их мнению, усилия государств должны фокусироваться на предотвращении ситуации, когда более слабые государства смогут аккумулировать средства для осуществления агрессии с использованием ОМУ. Важнейшей посылкой теории является то, что обязательства по поддержанию мира являются едиными для всех государств, и их верховным интересом является сохранение глобального мира.

Версии вариантов идеи кооперативной безопасности даны Р. Кохейном. Он представляет кооперативную безопасность в виде синтеза коллективной безопасности, коллективной обороны и нового подхода, связанного с сотрудничеством в решении конфликтов нового поколения[293].

Любая национальная стратегия обеспечения безопасности всегда базируется на одной из вышеприведённых моделей. В каждый конкретный исторический период государства на основе анализа состояния источников национальной мощи, и образованных на их основе инструментов реализации национальной мощи, осуществляют оценку ограничений на возможность применения вооружённых сил.

На основании такой оценки вырабатывается национальная военная стратегия, и её соответствующие компоненты. Представляется очевидным, что действия военных компонентов национальной мощи государств по реализации любой из вышеприведённых моделей поведения - стратегий, должны обеспечиваться правовой доктриной, регулирующей применение вооруженных сил.

---

[293] См.: Keohane, Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1984. (дата обращения: 19.01. 2021). doi:10.2307/j.ctt7sq9s.

Положения современной «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» достаточно явно свидетельствуют о приверженности нашего государства в современных геополитических условиях концепции кооперативной безопасности[294]. Сходным образом, например, из Разделов II - «Стратегический подход», и III – «Продвижение наших интересов» новой Стратегии национальной безопасности США[295] следует, что данное государство так же делает упор на следование концепции кооперативной безопасности - очевиден отход США от концепции верховенства.

Наши государства вынуждены менять свои стратегии, основываясь на оценке своей относительной мощи в сообществе государств. Отсюда следует, что на основании понимания необходимости объединения усилий государств для решения общих проблем международной безопасности, Россия и США имеют значительно больше шансов, чем прежде, договориться о более терпимом отношении друг к другу в случае применения вооружённой силы для защиты своих национальных интересов в своих традиционных сферах влияния, не подвергая обструкции друг друга в ходе дискуссий в СБ ООН.

Представляется очевидным, что такое содержание согласованной военной деятельности было предопределено направленностью внешней политики, военных доктрин, экономических возможностей государств и их отношением к механизму разрешения споров, конфликтов (политического, экономического, идеологического и правового характера), возникавших между ними.

---

[294] См., например, Раздел II п. 18 Указа Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.»: «Россия будет стремиться к выстраиванию равноправного и полноценного стратегического партнерства с Соединенными Штатами Америки НА ОСНОВЕ СОВПАДАЮЩИХ ИНТЕРЕСОВ (выделено автором) и с учетом ключевого влияния российско-американских отношений на состояние международной обстановки в целом...».

[295] National Security Strategy of the United States of America. May 2010. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf. (дата обращения: 01.04.2010).

Двухполярный мир времен холодной войны, основанный на сдерживании, разрушился, и многополярный мир при чрезмерном полагании на фактор военной силы в международных делах создал совершенно иную обстановку для применения вооружённых сил. Также были отодвинуты идеологические основания для ядерного столкновения США и России, но при этом возникли иные угрозы, общие для всех государств, в частности терроризм и распространение ОМУ, возможность его применения негосударственными формированиями.

Бывшие соперники осуществляют совместные мероприятия в мировом океане в рамках различных соглашений, например, т. н. «ИПР» – инициативы по предотвращению распространения ОМУ, действия по защите судоходства, миротворческие и гуманитарные акции. Очевидным является следование государств модели стратегии кооперативной безопасности.

Новая международная обстановка не отрицает обоснованность результатов предыдущей деятельности относящихся к пониманию задач, стоящих перед вооруженными силами государств.

Однако изменившийся перечень задач требует пересмотра некоторых положений основ теории применения силы, её расширения, во-первых, как было сказано выше, ввиду сокращения идеологической составляющей государственной внешней политики и заявления в доктринах и национальных нормативных актах о существовании не абстрактных классовых, а определённых национальных интересов. Во-вторых, ввиду изменений в характере мирового разделения труда, формирования новой мировой экономики, меняется сам характер применения вооружённых сил - появляются новые объекты применения силы, появляются новые ограничения по её применению.

В опубликованном в декабре 2004 г. докладе Генеральному Секретарю ООН Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам[296], были

[296] См.: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более

обозначены пять критериев легитимности, которые Совет Безопасности должен учитывать при рассмотрении вопроса о санкционировании применения военной силы.

На первом месте среди критериев, которые позволяли бы говорить о правомерном применении силы, стоит серьезность, острота ситуации. По общему мнению, например, внутренняя угроза будет признана серьезной и посягающей на международную безопасность в случае наличия фактов «грубых, серьезных, широкомасштабных и длительных» нарушений «основных и фундаментальных» прав человека, вызвавших «массовые и систематические страдания» населения и совершенных «путем жестоких, варварских актов», представляющих собой преступления против человечности (например, геноцид, так называемые этнические чистки).

Следующим важным критерием легитимности использования военной силы, является цель военной операции. Главной целью применения силы должно быть пресечение угрозы миру и предотвращение крупномасштабных серьезных нарушений прав человека (например, убийства гражданского населения).

Далее, учитывая то обстоятельство, что на практике любые военные действия чреваты самыми разрушительными последствиями, человеческими жертвами, применение силы может быть оправдано только при безуспешности попыток обращения к мирным средствам воздействия на государство, нарушающее права человека.

Традиционно в качестве условия легитимности применения вооруженной силы в международных отношениях рассматривается соразмерность военных действий и применяемых в ходе силовой операции средств масштабам угрозы.

безопасный мир: наша общая ответственность». Документ ООН A/59/565.

Очевидно, что только одновременное соблюдение условий законности и легитимности позволит обеспечить максимальную международную поддержку решения о применении силы в международных отношениях.

Представляется очевидным, что принципами наивысшего порядка для разработки и обоснования применения вооружённых сил государств должны признаваться и использоваться, как и прежде, основные принципы международного права[297].

Данные принципы, реализованные в различных международных соглашениях, в отдельных случаях - в практике государств, решениях международных судебных органов, определяют правовой режим применения вооружённых формирований государств.

А специальными принципами правового обоснования военной стратегии могут быть определены принципы необходимости и соразмерности применения силы. В настоящее время международное право запрещает использование силы для возмездия и наказания. Действия оправдываются как необходимые и, одновременно, как соразмерные, если обеспечивается соответствие целей применения силы понятиям правомерности.

Зачастую принцип соразмерности неверно понимается как ограничивающий применение силы, которая может быть использована для уничтожения военной цели средствами поражения обязательно

---

[297] Основные принципы международного права: I. Суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; II. Неприменение силы или угрозы силой; III. Нерушимость границ; IV. Территориальная целостность государств; V. Мирное урегулирование споров; VI. Невмешательство во внутренние дела; VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений; VIII. Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; IX. Сотрудничество между государствами; X. Добросовестное выполнение обязательств по международному праву. См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи 2625 (XXV). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
А также, Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Подписан в г. Хельсинки 01.08.1975). Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI.- М., 1977. С. 544 - 589.

соразмерными огневой мощи данного объекта, - или каким-либо иным образом ограничивающий применение силы между воюющими.

На самом деле речь не идёт о каком-либо равенстве силы. Соразмерность является единственно лишь ограничением применения силы против военной цели в таких масштабах, когда её применение вызывает побочный ущерб гражданской собственности и приводит к излишним страданиям гражданских лиц.

Принцип соразмерности устанавливает соотношение между необходимостью нанесения удара по военным объектам с сопутствующим ущербом и человеческими страданиям, которые могут быть причинены гражданской собственности и гражданским лицам. Соразмерность ни в коем случае не накладывает каких-либо ограничений на применение силы между комбатантами при отсутствии вероятности воздействия на гражданские объекты и лица.

Обоснование необходимости применения силы должно использовать в качестве исходных положений: во-первых, существующие международно-правовые ограничения на применение формирований вооружённых сил как теоретические основы исследования проблем применения вооружённого насилия; во-вторых, современную практику государств.

Обоснование применения силы должно иметь также свой объект для обеспечения реализации стратегий высшего порядка – отношения, складывающиеся в процессе применения вооруженных сил для обеспечения национальной безопасности: всякий процесс оценки возможности решения задач национальной безопасности в парадигме Устава ООН должен начинаться с определения объекта применения силы, и, следовательно, с поиска возможных к применению принципов и норм.

Для обоснования объекта политико-правового обоснования применения силы необходимо определить[298]:

[298] В качестве базовой теории выявления объекта правоотношения представляется

- объект норм права (предмет правового регулирования) - общественные отношения, их волевую, и, в конечном счёте, объективную сторону;

- объект правоотношения – фактические действия его участников, но не меру их возможного поведения. Объект отвечает на вопрос, почему сложилось и действует данное правоотношение (например, в результате использования оружия и средств);

- объект субъективного права – благо, результаты действий. Объектная категория – «... блага «накрывают» собой широчайший спектр интересов - от индивидуальных до классовых (групповых), общесоциальных, межгосударственных, цивилизационных...»[299].

В нашем случае – это национальные интересы. При этом необходимо учитывать, что уточнение содержания категории «национальные интересы» происходит при их нарушении противоборствующими субъектами права.

Определение объекта правового регулирования является процессом чрезвычайно сложным, поскольку определение применимого права является всегда основным этапом деятельности любого субъекта правоприменения, в том числе, когда для определения объекта обоснования применения силы необходимо установить связь между объектами применения силы и правоотношениями, складывающимися в ходе применения силы против таких объектов.

Представляется полезным обратить внимание на следующие выводы Комиссии международного права:

целесообразным применить схему анализа, объединяющую позиции двух выдающихся теоретиков права – С. С. Алексеева и О. С. Иоффе, изложенную в рецензии на сборник статей «Вопросы общей теории советского права» под ред. С. Н. Братуся. М., Госюриздат, 1960, 405 с.

[299] Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика (§2. Объекты прав и объекты правоотношений), 2004г., С. 2.
URL: http://allpravo.ru/library/doc99p0/instrum2232/print2235.html (дата обращения: 14.02.2006).

«Прежде чем начать применять право, необходимо определить объект применения. Сюда относится, среди прочего, первоначальная оценка возможных применимых норм и принципов. В результате такой оценки зачастую оказывается, что целый ряд стандартов могут быть *prima facie* юридически значимыми. Необходим выбор, а также обоснование применения одного вместо другого. Переходя от первоначальной оценки к выводу, правовое обоснование либо попытается согласовать, по-видимому, коллизионные стандарты путем толкования или же, если это представляется невозможным, установить определенные приоритетные взаимоотношения между ними. В таком случае становятся полезными толковательные максимы и средства разрешения конфликтов, такие, как, нормы *lex specialis*, *lex posterior* или *lex superior*. Они дают возможность видеть системную связь между двумя или более нормами, а это может таким образом служить обоснованием конкретного выбора применимых стандартов и соответствующего вывода.

Вместе с тем они не делают это механически, а, скорее, в качестве представления «руководящих принципов», предлагающих подходящую взаимосвязь между соответствующими нормами ввиду необходимости обеспечения согласованности между выводом и задуманными целями или функциями правовой системы в целом. Тот факт, что все это происходит в неопределенной обстановке, не умаляет его значения. Через него юриспруденция ясно выражает, придает форму и указывает направление праву. Вместо произвольного сбора директив право начинает приобретать форму целенаправленной (правовой) системы»[300].

Таким образом, по нашему мнению, основные цели обоснования необходимости применения силы государством могут быть достигнуты при решении следующих задач:

---

[300] Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права. 13 April 2006. A/CN.4/L.682, para. 36.

выявление существующего правового режима применения силы в межгосударственных отношениях (выявление правовых неопределённостей);

предоставление рекомендаций для политико-правового обоснования принятия решения на применение вооружённых сил; и

создание благоприятного политико-правового режима для применения вооружённых сил.

Способом реализации политико-правового обоснования необходимости применения силы – совокупностью её методов[301] - могут быть:

собственно метод политико-правового обоснования применения силы в межгосударственных отношениях;

метод заявления правовой обоснованности применения силы (обоснование необходимости и соразмерности акта применения вооруженного насилия в ответ на угрозу) – метод стратегического легализма;

непосредственное применение вооруженных сил.

Данные методы обоснования необходимости применения силы являются также частью инструментария внешней и внутренней политики государства, устанавливающей приоритеты его деятельности, и, в том числе, определяющей его поведение на международной арене, и создающей необходимые условия для эффективного применения элемента национальной мощи - вооруженных сил.

Обоснование необходимости применения формирований вооруженных сил, заявляемое в военной доктрине государства, как частный и публичный элемент военной стратегии, «передаёт» политике в качестве инструмента согласованную в терминах международного права модель поведения для государства в существующем правовом режиме (публично заявляемая

[301] Метод – это совокупность взаимосвязанных операций, ведущих к намеченной цели; в данном случае – к постижению правовой реальности. Виды и количество методов, как и способ их применения, зависит от изучаемого предмета. Более того, способ формирования проблемы определяет способ её решения, т.е. выбор конкретных методов и приемов разрешения. Способ дает ответ на вопрос, «каким образом происходит, например, политико-правовое воздействие».

стратегия)[302]. Содержание данной модели доводится до других участников международного общения, обсуждается на международных форумах, таких как СБ ООН, ГА ООН, изучается в ходе слушаний в Международном суде ООН, в специальных трибуналах.

В общем случае стратегии могут быть намечаемыми (заранее планируемыми), и осуществляемыми ввиду необходимости (последняя состоит из двух компонентов - публично заявляемого и реализуемого).

Стратегия, на публично заявляемом уровне должна обеспечивать, во-первых, убеждение противника в высокой цене его действий против государства, заявляющего стратегию, и, во-вторых, поддержку союзников; а на реализуемом уровне – обеспечить разгром сил противника и политическую победу в случае вооруженного конфликта. Представляется также очевидным, что обе данные цели очень сложно реализовать одновременно с высокой вероятностью успеха в обоих компонентах.

Очевидным образом проблема политико-правового обоснования применения силы в значительной степени зависит от политической поддержки других государств – от существования единых подходов к пониманию справедливого характера применения силы.

При практическом обращении к силе без предварительного вынесения вопроса на рассмотрение СБ ООН государство равным образом получает правовую оценку своего поведения, как и при предварительно-публичном доведении до мирового сообщества своей желаемой модели поведения. Но в данном случае неизбежно увеличивается вероятность присвоения ему международной ответственности ввиду нарушения обязанности разрешать спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения,

[302] Понятие «стратегия» обладает более узким, но более фундаментальным характером, чем понятие «политика». Дело в том, что политика, в той своей части, что носит публичный характер, и гораздо более часто доводится до других членов международного сообщества, в том числе через опубликование доктринальных документов, не раскрывает истинных намерений государства, не раскрывает объем ресурсов, находящихся в его распоряжении для обеспечения достижения национальных целей.

арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами, а также вынесения спора или ситуации на рассмотрение СБ ООН, как это предписано Уставом ООН.

Представляется очевидным, что при следовании стратегиям коллективной безопасности и кооперативной безопасности, государства в вопросах применения силы в более значительной степени связаны своими публично заявляемыми стратегиями и соответствующими заявлениями о следовании общепризнанным принципам и нормам международного права, а также о безусловной приверженности международным договорами в области обороны, контроля над вооружениями и разоружения[303], чем при следовании стратегии верховенства.

Политическое руководство государства обязано создавать благоприятную международную политическую обстановку для обеспечения применения своих вооруженных сил.

Это обеспечивается, во-первых, проведением такой внешней политики, которая должна продемонстрировать мировому сообществу, что применение силы осуществляется исключительно для защиты существенных национальных интересов (обеспечения выживания нации) в рамках процедур установленным международным правом, и для сохранения мира и обеспечения международной безопасности, т. е. в общих интересах мирового сообщества.

Военно-политические цели применения вооружённых сил, которые доводятся до мирового сообщества, в том числе, путём принятия нормативных актов, должны быть понятны мировому сообществу и не вызывать у него отторжения. Во-вторых, вооружённые силы, реализуя данные военно-политические цели, должны использовать имеемые у них средства и методы ведения войны соразмерно поставленным политическим

[303] См.: Указ Президента Российской Федерации «Военной доктрине Российской Федерации» от 5 февраля 2010 г. № 146 // Российская газета, N 27, 10.02.2010. Раздел I. Общие положения, п. 3.

целям, избирательно, и без нарушения правил поведения военнослужащих, установленных МГП.

Одним из способов создания благоприятной международной политической обстановки является участие государства в международном правотворческом процессе. Основным средством создания и развития норм международного права в сфере применения военной силы является практика государств, которая может быть выражена в двух основных формах: во-первых, фактическим применением вооруженных сил, и, во-вторых, заявлением военных доктрин.

В свою очередь, «заявление военной доктрины» нельзя сводить только лишь к процедуре доведения до мирового сообщества взглядов государственного руководства на применение вооружённого насилия в форме нормативных актов. Выявление государственной военной доктрины может быть осуществлено также через участие данного государства в дискуссиях по вопросам применения военной силы другими государствами в рамках органов и конференция ООН, региональных организаций, в заявлениях общественных деятелей и учёных. Поэтому любая военная доктрина, в свою очередь, обеспечивается юридической доктриной.

Процесс заявления стратегии, а, тем более, её реализации, требует от государства установления относительной мощи участников международного общения. Методики оценки противника[304] для принятия решения на применение силы для реализации положений стратегии в современных условиях геополитической обстановки являются достаточно сложными, поскольку требуют учёта существенного числа факторов, в том числе международно-правых ограничений[305].

---

[304] Пример такой методики может быть найден в: Г. А. Судаков. Диссертация на соискание учёной степени канд. юрид. наук. «Применение группировок вооруженных сил зарубежных государств в локальных и региональных конфликтах на закрытых морских театрах военных действий (международно-правовые аспекты). – СПб.: ВМА им. Н. Г. Кузнецова, 2002 г. – 229 с.

[305] Пример такой методики может быть найден в: В. С. Солодченко, А. С. Скаридов.

Данные правовые ограничения, учтённые в концепции обоснования необходимости применения вооружённых сил, могут послужить как средством усиления, так и ослабления некоторых элементов мощи государства. Правовые ограничения даже могут затруднить реализацию избранной государством стратегии обеспечения своих национальных интересов, если в ней не будут учтены изменения в организации мирового сообщества и тенденции изменений в существующих правовых механизмах разрешения противоречий участников международного общения.

В новых геополитических условиях представляется необходимым создание современной системы правил, регулирующих применение вооружённого насилия на более высоком уровне, когда органы государственной власти и военного управления гораздо чаще сталкиваются с необходимостью применять вооруженное насилие для защиты национальных интересов.

Существование такой системы правил может упростить международное правовое обеспечение применения военной организации государства на более низших уровнях военного управления, поскольку перед формированиями вооружённых сил будут поставлены более конкретные задачи, и станет возможным дополнение существующих методик правилами «военного времени», например, по объектам, которые должны быть определены для поражения.

Определение объектов позволит, в свою очередь, выявить совокупность правоотношений, которые будут возникать между государствами при решении задач по их поражению, определить правовые ограничения на применение силы, и как следствие, выявить контуры обоснования необходимости применения силы.

Таким образом, объектом обоснования необходимости применения силы является правовое регулирование применения силы в международных

Методика оценки международно-правовой обстановки в операционной зоне флота. Учебное пособие - СПб.: ВМА им. Кузнецова, 1993, 140 с.

отношениях; объектом правоотношения – акт применения силы; объектом субъективного права применившего силу государства – национальные интересы.

Представляется очевидным, что выбор объектов для поражения их вооружёнными силами определяется реальным соотношением сил в международных отношениях. Именно вследствие этого, объект обоснования необходимости применения силы не может быть константой.

Исследование истории актов применения военной силы государствами показывает, что международное право ещё никогда в истории не ограничивало правительства государств на обращение к военной силе для обеспечения национальных интересов в силу стратегической необходимости; а юридические аргументы в защиту акта применения силы служили всего лишь «оформлением» для политического решения.

Как справедливо отметил М. Райзман: «…даже в эффективно организованной правовой системе, которая характеризуется в общем случае взаимопроникновением правомочий и обязываний, ключевые компоненты «книжного права» могут не соответствовать действительным нормативным ожиданиям элит. Это может происходить по двум основным причинам, присущим самому характеру права: расхождением между системой мифов и правилами поведения, и различающимися уровнями соответствия текста контексту»[306].

Любое обращение к войне опирается на моральные аргументы, даже если эти моральные аргументы являются на деле аргументами не государства, а лишь аргументами аппарата государственной власти. Моральным оправданием действий государства заявляется необходимость обеспечивать интересы своих граждан во внешнем мире.

---

[306] Reisman, W. Michael, "International Incidents: Introduction to a New Genre in the Study of International Law" (1984). Faculty Scholarship Series. Paper 740.
URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/740 (дата обращения: 03.12.2019).

Обоснование необходимости обращения к войне, заявленное государством, может быть лишь предметом для дискуссии о том, почему правительства начинают войны, но не может служить основой для объяснения причин действительного обращения государства к насилию, поскольку такое обоснование связано с процессом принятия решения на применение силы лишь на кратком временном интервале, когда оно позволяет государству получить моральные преимущества при признании мировым сообществом соответствия его поведения нормам международного права (парадигма Устава ООН).

Моральные же основания используются при принятии действительных решений, но они заявляются публично лишь только в том случае, если они могут служить идеологическим сопровождением принимаемых стратегических решений. В этом случае интерпретация существующего в данной сфере международного права осуществляется в соответствии с моральными установками.

Таким образом, вопрос всегда состоит в том, насколько точно данные обоснования, моральные и юридические, соответствуют действительным стратегическим интересам государства, а не насколько красиво они заявляются на международных конференциях, в концепциях и доктринах.

Так, например, в 2008 г. Президент России Д. Медведев заявил в отношении возможности вступления России в ОПЕК: «... это вопрос доходной базы нашей страны, вопрос её развития, и мы не должны руководствоваться здесь никакими абстрактными критериями, рекомендациями международных организаций другого порядка и т. д. Это наши национальные интересы. Будем поступать так как считаем нужным»[307].

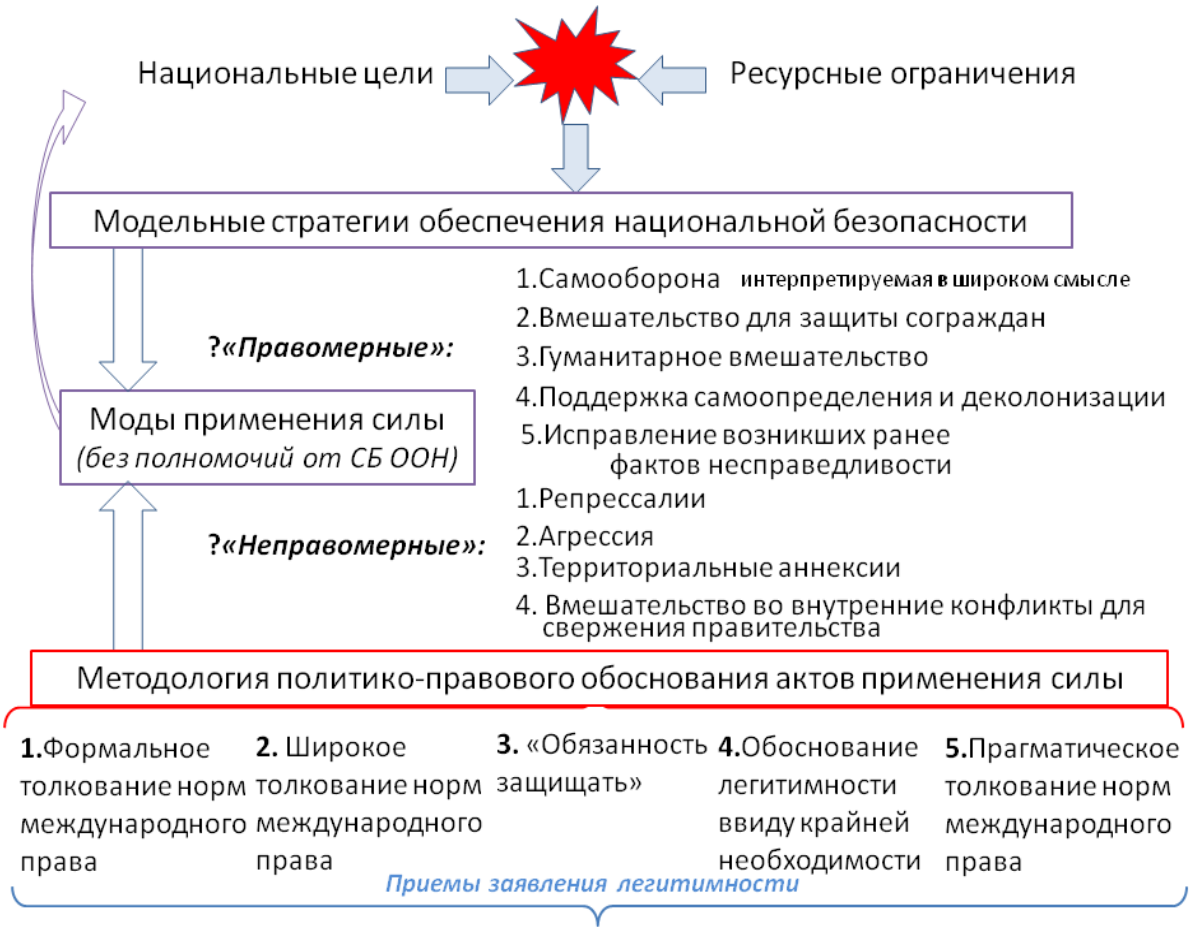
В процессе легитимации своей внешней политики или делигитимации поведения других участников международного взаимодействия, особенно в сфере оценки справедливости и правомерности актов применения силы,

[307] URL: http://news.mail.ru/politics/2236121/print/ (дата обращения: 11.12.2008).

государства неизбежным образом апеллируют к международному праву, которое является языком международного общения, и именно тем единственным средством, с помощью которого государства могут доводить до мирового сообщества свое видение способов решения задач защиты национальных интересов.

В общем виде модель процесса политико-правового обоснования действий государств при заявлении притязаний на легитимность акта применения силы показана на рисунке 1.

Рисунок 1.



В процессе столкновения национальных интересов органы государственной власти государств обязаны продемонстрировать мировому сообществу, что они увязывают свои решения с формализованными в международном праве предпочтениями и ожиданиями мирового сообщества, и получить от международной системы соответствующий отклик -

политическую оценку своего поведения, которая, в свою очередь, также будет сформулирована в терминах международного права.

Притязание государства на признание его обращения к силе, доведенное до других участников международного общения в терминах международного права, может быть определено как «обоснование (либо политико-правовое обоснование) актов применения силы». То есть, в основе системы правил политико-правового обоснования актов применения силы государствами при реализации своих намерений по защите национальных интересов находится публичное толкование органами государственной власти норм международного права. И, соответственно, под «политико-правовым обоснованием» применения силы государством следует понимать политическое обязательство государств объяснять своё обращение к силе другим участникам международного общения в терминах международного права. Иначе говоря, *политическая оценка поведения государств при столкновении национальных интересов производится исключительно на основе терминологического и методологического аппарата международного права.*

Обязанность публичного толкования международного права органами государственной власти, лежащая в основе системы правил политико-правового обоснования актов применения силы государствами при защите своих национальных интересов, достаточно серьезно обусловливает их поведение и сказывается на результатах проводимой ими политики, поскольку уже само по себе следование международно-правовым процедурам требует, как минимум, временных затрат.

Правовые ограничения могут даже затруднить реализацию избранной государством стратегии обеспечения своих национальных интересов, если в ней не учитываются тенденции изменений в организации мирового сообщества, и как следствие, непрерывно трансформирующихся механизмах разрешения противоречий участников международного общения.

Более того, в большей своей части международное право в сфере применения силы имеет обычный характер, а, следовательно, планируемый или уже состоявшийся акт применения силы должен быть квалифицирован относительно уже известной обычной практики: всякое действие государства, получающее со стороны мирового сообщества политическую оценку, должно либо соответствовать устоявшейся практике, либо быть оценено как обязательное поведение ввиду необходимости, но только в интересах всего сообщества[308].

В процессе политико-правового обоснования актов применения силы в ходе обсуждения ситуации в Совете Безопасности ООН[309] государство обязано доказать в терминах международного права не только необходимость своего обращения к силе, но и соразмерность[310] её применения относительно угрозы национальным интересам[311].

Необходимость применения силы — это обстоятельства, на которые обязаны ссылаться органы государственной власти, претендуя на признание акта применения силы легитимным во время дискуссий в СБ ООН, и от того, насколько логично и полно они определены, в дальнейшем зависит, будет ли присвоена государству международная ответственность. Предмет процесса обоснования необходимости могут составлять события и действия, как правомерные, так и неправомерные: факты причинения вреда и неисполнения обязательств, а также факты, лежащие в основании

[308] Так формируется субъективный элемент норм международного обычного права opinio juris sive necessitatis.
[309] Обязанность СБ ООН расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности установлена Главой VI «Мирное разрешение споров» Устава ООН.
[310] Требование соразмерности является дополнительным по отношению к необходимости.
[311] Коростелев, С. В. Проблемы обоснования актов применения силы во внешней политике государства. Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82). С.15-20.

возражений против заявляемой необходимости, как положительные, так и отрицательные[312].

В общем случае модель поведения всякого государства в его взаимодействиях с другими участниками международного общения - стратегия национальной безопасности включает, как обязательный компонент, необходимые и достаточные[313] пороговые значения для применения силы.

Существование состояния «необходимости» является наиболее важным условием, предпосылкой к заявлению и признанию правомерности акта применения силы. Её первоначальное определение осуществляется, например, государством-объектом применения силы на основе анализа совокупности неправовых по своему характеру, но важных с точки зрения оценки готовности военной организации государства к обороне, факторов, например:

- характера ожидаемого понуждения/принуждения со стороны государства-агрессора;
- относительной мощи государства-агрессора;
- целей государства-агрессора;

---

[312] Документ ООН A/56/10 and Corr.1 Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Статья 2:
Международно-противоправное деяние государства имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии:
a) присваивается государству по международному праву; и
b) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства.
См. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения 15.08.2015).

[313] Критерий «достаточности» для возможности применения вооруженных сил определяется в процессе установления относительной мощи участников международного общения. Очевидным образом проблема политико-правового обоснования актов применения силы в значительной степени зависит, во-первых, от политической поддержки других государств, которая возможна лишь при существовании единых подходов к пониманию справедливого характера применения силы; и, во-вторых, от поддержки населения государства, которая служит определяющим фактором для определения объема ресурсов, которое государство может выделить на проведение внешней политики с использованием вооруженной силы.

- последствий реализации государством-агрессором своих целей.

В тоже время, обычная практика государств признаёт возможность ссылки на состояние необходимости только лишь в тех ситуациях, когда «деяние: a) является единственным для государства путем защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности; и b) не наносит серьезного ущерба существенному интересу государства или государств, в отношении которых существует данное обязательство, или международного сообщества в целом»[314].

Следовательно, в процессе политико-правового обоснования актов применения силы органы государственной власти должны обращать на точное формулирование и доведение до мирового сообщества допустимых для себя пороговых значений ущерба существенным национальным интересам, превышение которых неизбежно повлечет обращение государства к силе.

Проблема оценки «соразмерности» применяемой государством силы для решения задач своей обороны заключается в том, что желаемое для него состоянии безопасности всегда соразмерно находящимся в его распоряжении и используемым средствами и методами ведения вооружённой борьбы.

В тоже время политико-правовое содержание критерия «соразмерности» вооружённого принуждения ограничивает применение силы масштабами, интенсивностью и объектами поражения до таких рамок, в которых обеспечивается лишь безотлагательное достижение целей самообороны, и запрещается использование средств и методов ведения вооружённой борьбы для возмездия и наказания[315].

В общем случае, вооружённые действия оправдываются как необходимые и, одновременно, как соразмерные, если обеспечивается

---

[314] См. Ответственность государств за международно-противоправные деяния, выше. Ст. 25.

[315] Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы. Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78).

соответствие целей применения силы понятиям справедливости, т. е. международным сообществом оцениваются как «неагрессивность» обращения государства к силе по политическим критериям необходимости и соразмерности для ius ad bellum, так и соблюдение комбатантами принципов и норм МГП по правовому критерию соразмерности для ius in bello.

Таким образом, в практическом приложении, политико-правовое обоснование актов применения силы — это обеспечение лица, принимающего решение необходимыми средствами (информационными ресурсами) для принятия решений на подготовку, планирование и непосредственное применение силы, в том числе формирований вооруженных сил, с минимальными международными последствиями, главным образом, для ослабления негативного влияния результатов разрушения текущего состояния международной безопасности на достижение своих стратегических целей.

Следовательно, можно определить, что главной целью политико-правового обоснования актов применения силы является обеспечение легитимации актов применения силы государством (в сфере ius ad bellum), в особенности формирований вооружённых сил, для защиты национальных интересов. А другой важной целью политико-правового обоснования актов применения силы является формирование у лиц из состава вооруженных сил государства целостного представления о взаимосвязанности международных обязательств государства и их прав и обязанностей для уменьшения вероятности наступления для государства неблагоприятных международных последствий вследствие практически неизбежного нарушения международных обязательств государства в сфере ius in bello при использовании средств и методов ведения вооруженной борьбы[316].

[316] Обязательства в данной сфере определяются как «серьёзные», как вытекающие из императивных норм общего международного права. См. Ответственность государств за международно-противоправные деяния, выше, ст. ст. 40-41. Также поведение лиц из состава вооруженных сил рассматривается как деяние государства по международному

На наш взгляд процесс политико-правового обоснования актов применения силы должен, как минимум, включать следующие необходимые этапы[317]:

- поиск необходимого правого обоснования применения силы для парирования выявленной угрозы (определение правового режима применения силы, выявление правовых лакун);

- своевременное заявление найденного правового обоснования и допустимых пороговых значений ущерба своим существенным национальным интересам, превышение которых неизбежно повлечет обращение государства к силе, другим участникам международного общения;

- определение ограничений для применения силы (планирование «разумного» применения) и предоставление органам государственной власти рекомендаций и предложений по планированию, подготовке, организации и непосредственному применению вооруженных сил, а также для реагирования на нарушения международных обязательств лицами из состава вооруженных сил:

а) обоснование компонента необходимости применения (установление масштаба, продолжительности, интенсивности использования средств и методов ведения вооруженной борьбы соразмерно существующей угрозе);

б) обоснование компонента соразмерности применения (установление ограничений на использование средств и методов ведения вооруженной борьбы в соответствии с нормами МГП);

в) оценка последствий применения силы государством (исследование возможностей присвоения и реализации (имплементации) международной

праву, если это лицо или группа лиц фактически действует по указаниям либо под руководством или контролем этого государства при осуществлении такого поведения. Там же, ст. 8.

[317] Коростелев С.В. Проблемы обоснования актов применения силы во внешней политике государства // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82).

ответственности в отношении государства другими участниками международного общения).

Обязанность заявления политико-правового обоснования актов применения силы является неотъемлемой частью участия государства в международном правотворческом процессе, поскольку основным средством создания и развития норм международного права в сфере применения военной силы является практика государств, которая может быть выражена в двух основных формах: во-первых, фактическим применением вооруженных сил, и, соответственно, реакцией на него других государств, и, во-вторых, заявлением военных доктрин.

В свою очередь, «заявление военной доктрины» нельзя сводить только лишь к процедуре доведения до мирового сообщества взглядов органов государственной власти на применение вооружённого насилия в оформленных нормативных актах. Выявление реального содержания государственной военной доктрины может быть осуществлено также через участие данного государства в дискуссиях по вопросам правомерности применения военной силы другими государствами, в его оценке функционирования глобальных, региональных организаций и соглашений, в заявлениях общественных деятелей и учёных[318].

В вопросах применения силы государства в значительной степени ограничены своими публично заявляемыми военными доктринами и соответствующими заявлениями об обязанности следования общепризнанным принципам и нормам международного права и безусловной приверженности международным договорами в области обороны, контроля над вооружениями и разоружения[319].

---

[318] То есть, можно сделать вывод, что любая военная доктрина неизбежно обеспечивается политико-правовой доктриной.

[319] См.: Указ Президента Российской Федерации «Военной доктрине Российской Федерации» от 5 февраля 2010 г. № 146 // Российская газета, N 27, 10.02.2010. Раздел I. Общие положения, п.3.

Как следствие, обоснование необходимости применения формирований вооруженных сил, заявляемое в военной доктрине государства, как частный и публичный элемент военной стратегии, «передаёт» внешней политике в качестве инструмента ограниченную нормами международного права модель поведения в существующей парадигме Устава ООН (публично заявляемая стратегия), которая должна быть доведена, желательно до непосредственного применения силы, до других участников международного общения.

Заявляемые политические цели применения вооружённых сил при реализации внешней политики государства должны быть понятны мировому сообществу и не должны вызывать у него отторжения.

Сопутствующее политико-правовое обоснование актов применения силы должно продемонстрировать мировому сообществу, что применение силы осуществляется не только исключительно для защиты существенных национальных интересов (обеспечения выживания нации) в рамках установленных международным правом процедур, но и для сохранения мира и обеспечения международной безопасности, т. е., в общих интересах мирового сообщества. В силу природы международного права политические заявления государства о справедливом (т. е. правомерном) характере акта применения силы получают оценку третьей стороны, не являющейся непосредственно участником конфликта.

Именно третьи стороны (в том числе, международные институты), а не участники конфликта, наделены правом давать оценку заявлениям конфликтующих сторон о правомерности, либо неправомерности факта, интерпретировать нормы международного права, и делать заключения о существовании и возможности применения нормы обычного права к квалификации конфликта, а также о появлении новой нормы международного обычного права. И в идеальном случае, стороны конфликта обязаны соглашаться с таким решением третьих сторон.

Заявленное государством политико-правовое обоснование актов применения силы является лишь необходимой, но недостаточной основой

для начала процесса согласования воль участников международного общения в рамках международных форумов, таких как Совет Безопасности ООН, Генеральная Ассамблея ООН, Международный суд ООН, специальные трибуналы, и его результат воплощается чаще всего в признании или непризнании результатов попыток государства внести изменения в существующее состояние режима международной безопасности.

Представляется также целесообразным прокомментировать данное положение историческим примером. В написанной более 2500 лет назад «Истории пелопонесской войны», и поныне являющейся наиболее ярким трудом в области теории международных отношений, военачальник Фукидид заявляет: «Стандарт справедливости зависит от равенства оспариваемой силе; является фактом, что сильные делают то, что им позволяет делать их мощь, а слабые принимают то, что и должны принимать»[320].

[320] Thycydides. History of the Peloponnesian War. Chapter XVII. The Milan Dialogue. URL: http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/melian.htm (дата обращения: 16.06.2008).

2.3. Влияние международных правовых ограничений на обоснование силовых ответных мер государств по применению военной мощи для защиты национальных интересов

До создания Устава ООН в соответствии с обычным международным правом государство могло обращаться к силе не только в случае действительного вооруженного нападения, но и в случае ожидания неминуемого вооруженного нападения.

Основатель современной науки международного права Гуго Гроций в 1625 г в своём труде признавал, что государства имеют право отвечать на «непосредственную опасность». Самооборона допускается не только после имевшего места нападения, но для упреждения такого нападения, или, как он говорил: «законным является убийство того, кто приготовляется убить тебя...»[321].

Такая позиция была принята и подтверждена учёными юристами более позднего времени, такими, например, как Э. Де Ваттель, который отметил в 1758 г., что: «Наиболее безопасным замыслом является предотвращение бедствий там, где это только возможно. Государство имеет право оказывать сопротивление ущербу, который другое государство стремиться причинить ему, и использовать силу ... против агрессора. Оно даже может упреждать чужие замыслы, однако, соблюдая осторожность, не действовать на основании нечётких и сомнительных предположений, или, в таком случае, оно само рискует стать агрессором»[322].

Американский юрист-международник Э. Руут утверждал в 1914 г., что международное право не требует от государства, на интересы которого

[321] Гуго Гроций, см. выше. Книга II. URL: http://humanities.edu.ru/db/msg/17110 (дата обращения: 14.06.2012).
[322] Vattel, E. de. The Law of Nations IV, in Classics of International Law Vol. 3. James Brown Scott ed. 1916.

посягают, откладывать применение силы для самообороны до того момента «когда будет уже поздно защищать себя».[323]

Действительно, не сопряжено ли право государства на ответные действия в целях самообороны «в случае вооруженного нападения» с необходимостью ждать, пока другая сторона нанесет удар первой, и только потом предпринимать ответные действия? А что, если войска одного государства концентрируются на границе и делают воинственные заявления при очевидной подготовке к массированному нападению? Может ли государство, которое в ближайшее время станет объектом нападения, провести ответные действия до того, как войска противника пересекут границу и начнут падать бомбы?

Устав ООН явно признаёт право на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со ст. 51. Однако текст ст. 51 не даёт ответа на вопрос, может ли это право реализоваться до момента действительного вооруженного нападения. Статья 51 отмечает, что «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдёт вооруженное нападение на Члена Организации...».

Понятно, что этот текст допускает две различные интерпретации. С одной стороны, он может означать, что в соответствии с Уставом, государства могут обращаться к силе только тогда, когда совершено действительное нападение. В случае такой интерпретации, ст. 51 имела бы целью ограничение права на самооборону по международному обычному праву. Государство должно было ждать нанесения первого удара, после чего получало право на ответные действия.

С другой стороны, если сконцентрироваться на слове «неотъемлемого», ст. 51 могла бы быть интерпретирована совершенно иным способом. Так как слово «неотъемлемое» используется для описания

[323] Root, Elihu, The Real Monroe Doctrine, 35 American Journal of International Law: 427 (1914).

самообороны, оно могло бы быть понято таким образом, что составители Устава не имели намерения ограничивать уже существующее обычное право, а хотели очевидным образом определить ту единственную ситуацию, в которой государство может осуществлять своё право на самооборону.

Таким образом, буквальное толкование положений Устава ООН о праве самообороны ограничено ответными мерами на нарушение мира, либо ответом на неправомерные действия одних государств против других. Однако в этом случае заключение о неправомерности действий должно исходить СБ ООН. В то же время длительный процесс согласования воль великих держав в СБ ООН не может приниматься государствами-жертвами (либо потенциальными жертвами) агрессии, и такое состояние обязательного механизма Устава ООН не признается государствами как справедливое, поскольку: «... международное право вовсе не является договором о совершении самоубийства»[324].

Исследование позиций учёных, политиков показывает, что их можно разделить на два течения: на сторонников «ограничительного» и, соответственно, «расширительного» (либо «широкого») толкования понятия самообороны[325].

«Сторонники ограничения» принимают изложенную выше первую точку зрения. Они утверждают, что ст. 51 является единственным современным источником права самообороны и, правильное толкование ст. 51 запрещает упреждающую самооборону. «Противники ограничения» исходят из гибкого толкования ст. 51, а также настаивают на совместном учёте гибкого толкования Устава и практики государств после 1945 г.,

---

[324] Roberts, Guy B. The Counterproliferation Self-Help Paradigm: A Legal Regime for Enforcing the Norm Prohibiting the Proliferation of Weapons of Mass Destruction, 27 Denver Journal of International Law and Policy, Summer, 1999: 483-485.

[325] В данной работе не ставилась задача исследования различий точек зрения толкователей международного права этих двух основных течений. Достаточно полное исследование данной проблемы может быть найдено в: Загайнов Е. Т. Упреждающая самооборона в западной доктрине международного права //Московский журнал международного права. 2006. –№2. С. 29-45.

которая свидетельствует о неэффективности модели концепции коллективной безопасности, установленной Уставом ООН.

Практика государств свидетельствует, что они придерживаются позиции «расширительного» толкования положений Устава ООН, то есть поддерживают ту точку зрения, которая говорит о том, что в определённых обстоятельствах при необходимости защиты национальных интересов самостоятельное использование силы является правомерным даже до события вооруженного нападения.

Кроме того, действительно ли событие вооруженного нападения является единственным условием для осуществления права государства на самооборону? Можно предположить, что если ст. 51 определяет самооборону как «неотъемлемое право», то ее целью не может быть ограничение ранее существовавшей нормы обычного права и сведение такой нормы только к случаю явного вооруженного нападения.

Очевидно, что ст. 51 поясняет, что эта обычная норма, несомненно, применима в случае вооруженного нападения. Таким образом, сторонники «расширительного» толкования предлагают считать, что вооруженное нападение может быть лишь одним из нескольких обстоятельств, при которых можно правомерно предпринимать действия по самообороне.

Здесь представляется уместным обратить внимание на утверждение Е. Т. Загайнова о том, что в Уставе ООН осуществлено «... установление пределов самообороны не для всех случаев, а только для тех ситуаций, когда возникает необходимость разграничения прав и полномочий стран-членов ... и органов ООН (прежде всего Совета Безопасности ООН)»[326], когда акт применения силы, во-первых, соответствует целям ООН; во-вторых, Совет безопасности по каким-либо причинам не задействован – в этой ситуации государства сохраняют возможность прибегать к самообороне.

[326] Загайнов Е. Т., см. сноску выше, С. 32.

Индивидуальная практика государств показывает, что мировое сообщество не перестало с принятием Устава ООН обращаться к мерам самозащиты, как индивидуальным, так и коллективным. Исследование обращения к силе в этих ситуациях позволяет определить правила поведения, следование которым обеспечивает соблюдение общих интересов. И такого рода правила, действующие в среде государств, чьи возможности, как военные, так и политические (либо даже исключительно политические), позволяют обеспечивать свои национальные интересы, провозглашаются ими как правомерные.

Однако практически любое из таких односторонних обращений к вооружённому насилию как:[327]

1) самооборона;

2) борьба за самоопределение и деколонизацию;

3) гуманитарное вмешательство;[328]

4) вмешательства с применением военных средств для замены элит в другом государстве;

5) вмешательства с применением военных средств в сферах влияния и критичных для обеспечения обороны зонах;

6) военного вмешательства на территорию другого государства для исполнения договорных обязательств;

7) вмешательства с применением военных средств для обеспечения исполнения решений международных судов;

8) вмешательства с применением военных средств для обеспечения сбора доказательств в ходе международных расследований;

---

[327] Reisman, W.. Michael, “Criteria for the Lawful Use of Force in International Law” (1985). Faculty Scholarship Series. Paper 739. URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/739 (дата посещения: 21.01.2016).

[328] Считаем возможным предположить, что сюда могла бы быть включена «ответственность по защите».

9) ответные меры: реторсии и репрессалии, - с трудом может быть оправдано с позиции буквального (ограничительного) толкования Устава ООН.

Впервые современные основные положения доктрины упреждающей самообороны были сформулированы в переписке органов внешних сношений США и Великобритании в 30-40-х гг. XIX в. по поводу конфликта на границе между этими государствами. Принадлежавшее гражданам США судно «*Каролина*» использовалось для оказания поддержки повстанцам на территории Канады. 29 декабря 1837 г. Великобритания предприняла ответные действия – подразделение высадилось на территорию США и уничтожило судно, не допустив тем самым поставок боеприпасов и снаряжения на территорию Канады. В ответ на протест США Великобритания сообщила, что ее силы действовали законно и использовали право на самооборону.

Необходимость действий была обоснована угрозой причинения ущерба безопасности государства настолько серьёзной, что применение военной силы было оправдано «срочностью, силой обстоятельств, отсутствием других способов и момента преднамеренности» и не явилось «беспричинным и чрезмерным»[329].

В ходе дипломатической переписки государством-жертвой нападения, то есть американской стороной, было подтверждено существование у британской стороны права на упреждение, и было заявлено о том, что «право самообороны должно быть ограничено теми случаями, когда необходимость самообороны является немедленной, неодолимой и не оставляющей времени для выбора»[330].

---

[329] Letter from Daniel Webster to Lord Ashburton (Aug. 6, 1842). Treaties and Other International Acts of the United States of America. Edited by Hunter Miller. Volume 4. Documents 80-121: 1836-1846. Washington : Government Printing Office, 1934.
[330] Там же.

Существующий со времени инцидента Каролина стандарт обязанности доказывания существования «неизбежности нападения» является довольно сложным в определении его содержания. Очевидно, что данное требование определяет временной интервал, в течение которого должны быть выполнены оборонительные мероприятия таким образом, чтобы упредить непосредственное исполнение нападения.

Очевидно, что совместное рассмотрение данного требования с принципом неприменения силы устанавливает очень жёсткие требования к «ширине» такого интервала. Если ширина интервала недостаточна для использования всего имеющегося арсенала мирных средств разрешения межгосударственных противоречий, то, очевидно, только тогда может быть запущен механизм упреждения.

Данный принцип уравновешивает стремление избежать боевых действий на своей территории (в операционной зоне) со стремлением избежать столкновения между государствами. То есть «неизбежность» является понятием относительным. Очевидно, что каждое государство-жертва нападения имеет только ему присущие оборонительные возможности, определяемые его географическими, ресурсными, демографическими, экономическими, политическими особенностями.

Например, если оборонительные возможности государства являются недостаточными, тогда предпочтение должно отдаваться упреждающим действиям. Чем слабее государство, тем предпочтительнее для него, чем для более сильного государства, встретившего такую же угрозу, начинать действия раньше, а не ждать. Чем значительнее относительная угроза, тем вероятнее, что упреждающие действия будут более эффективными, и тем весомее будет оправдание, предоставляемое в пользу проведения упреждающих действий до того момента, когда противник осуществил все подготовительные мероприятия и реализовал агрессивное намерение.

Например, отсутствие у государства возможности построить глубоко эшелонированную оборону, или недостаточность мобилизационных

ресурсов, недостаточность времени для их развертывания, или переброски из других районов страны – могут служить основанием для проведения упреждающих действий.

Таким образом, в основе обоснования необходимости упреждающей самообороны является политическая оценка достаточности времени на принятие решения и проведение действий, нежели неизбежность самого нападения противника. Дело в том, что, так как буквальное толкование положений международного договорного права требует, чтобы государство-жертва нападения до проведения ответных мер приняло на себя удар, приемлемое решение на проведение упреждающих действий должно быть основано на исследовании недостаточности каждой из вышеприведённых особенностей.

Однако свойства государства-жертвы ожидаемого нападения и характеристики способа его осуществления, равно как и набор соразмерных угрозе и действиям ответных мер, находятся вне предмета международного права. Следовательно, характеристика «необходимости» обращения к упреждающей самообороне не имеет правового содержания.

Международный Суд ООН указал в деле Никарагуа в отношении толкования обычного права самообороны и ст. 51 Устава ООН, что: «она не содержит какого-либо существует специального правила, согласно которому самооборона может оправдывать только те меры, которые соразмерны вооружённому нападению и необходимы для ответа на него, и это правило хорошо определено в обычном международном праве»[331].

В Консультативном заключении «Относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения» Международный Суд ООН подтвердил свою позицию, указав, что: «Право прибегать к самообороне в соответствии со статьей 51 обусловлено определёнными ограничениями

[331] Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Merits), [1986] ICJ Rep. 14, p. 94, para. 176. URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6503.pdf.

(*необходимость и соразмерность* – прим. автора) … независимо от используемых силовых средств» [332].

К вопросу исследования критериев самообороны – необходимости и соразмерности - Международный Суд также обращался в деле о нефтяных платформах[333].

Сложность применения критериев необходимости и соразмерности ответных мер самообороны возрастает многократно, если есть необходимость объединения оборонительных возможностей ряда государств для отражения ожидаемого нападения. Может ли в таких неопределенных правовых рамках осуществляться «коллективная упреждающая самооборона»? Может ли государство оказать такого рода помощь другому государству? Должна ли просьба быть выражена публично? Должно ли это делаться только при существовании договора о коллективной самообороне?

Основные положения Устава ООН относительно коллективного применения силы содержатся в Главе VII Устава «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». В широком понимании в этой Главе предусмотрены лишь два аспекта коллективного применения силы: полномочия Совета Безопасности и механизм наложения коллективных санкций.

Основные положения Устава относительно полномочий Совета Безопасности в случае вооруженного конфликта содержатся в ст. 39 Устава ООН: «Совет Безопасности определяет существование угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со ст. ст. 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

---

[332] Консультативное заключение Международного Суда ООН «Относительно законности ядерным оружием или его применения. Документ ООН A/51/218, стр. 21, парагр. 40-41.
[333] International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. Case Concerning Oil Platforms (Islamic Republic of Iran V. United States of America). Judgment of 6 November 2003. I.C.J. Reports 2003.

Таким образом, ст. 39 Устава ООН наделяет Совет Безопасности двумя функциями.

Во-первых, она дает право определить наличие угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии.

Во-вторых, она уполномочивает Совет Безопасности делать «рекомендации» или решать, какие «меры» следует предпринять для исправления ситуации.

Очевидно, что за исключением случаев очевидного причинения значительного физического ущерба какому-либо государству, либо его гражданам, на теоретиков справедливой войны возлагается бремя поиска обоснований для необходимых и соразмерных действий, которые могут быть определены как справедливая причина для начала применения силы.

В настоящее время существует лишь относительный консенсус в определении того, что является справедливой причиной – это применение физической силы против территориальной неприкосновенности государства первым. Все иные способы применения силы до настоящего времени не получали оценки как агрессия и, таким образом, не являются справедливой причиной для проведения силовых ответных мер. Самооборона против физической агрессии, поэтому, предполагается единственной достаточной причиной для справедливой войны.

Тем не менее, практика государств показывает, что принцип самообороны можно экстраполировать на все вероятные агрессивные действия, или даже на предоставление помощи народам других государств против их собственного правительства или от другой внешней угрозы. Поэтому, возможно предположить, что агрессивная война является справедливо допустимой, если ее цель состоит в том, чтобы принять ответные меры против неправомерного и уже совершенного действия (например, преследование и наказание агрессора), или упреждения ожидаемого нападения.

Еще одним полномочием Совета Безопасности в соответствии со ст. 39 является выдача рекомендаций или определение необходимых действий. Создатели Устава, очевидно, предполагали, что Совет Безопасности может давать рекомендации в рамках Главы VI (Мирное разрешение споров) сторонам спора для его мирного разрешения. Такие рекомендации не являются обязательными для выполнения и не влекут за собой никаких других действий со стороны Совета Безопасности против государства, не выполняющего эти рекомендации.

Полномочия Совета Безопасности относительно угрозы миру, нарушения мира или актов агрессии определены в Главе VII Устава, ст. ст. 41 и 42. В соответствии со ст. 41: «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооружённых сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер.

Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений».

Данная статья позволяет СБ ООН наложить санкции невоенного характера на государство-нарушителя. Возможные санкции не ограничиваются мерами, перечисленными в статье.

Санкции, установленные СБ ООН, являются обязательными для исполнения всеми членами Организации Объединенных Наций или некоторыми из них по решению Совета Безопасности. Данные действия проводятся в соответствии со ст. 48, требующей выполнения «решений … в целях поддержания международного мира и безопасности».

Если санкции, принятые в соответствии со ст. 41 окажутся неэффективными, ст. 42 предусматривает введение санкций с применением военной силы: «…которые могут включать демонстрации, блокаду, и другие операции воздушных морских или сухопутных сил Членов Организации».

Такие действия в соответствии со ст. 42 обычно рассматриваются как «принудительные меры» и предпринимаются против государства, представляющего угрозу миру, нарушившего мир или совершившего акт агрессии. Как и меры в соответствии со ст. 41, действия, предусмотренные ст. 42, обязательны для государств-членов ООН на основании ст. 48. Эти положения отличаются от положений Статута Лиги Наций, в соответствии с которыми Совет Лиги мог только рекомендовать государствам предпринять действия военного характера против государства-нарушителя Договора.[334]

В дополнение к таким полномочиям, исходящих из ст. ст. 41 и 42, Совет Безопасности также может принять «временные меры» согласно ст. 40: «которые он найдёт необходимыми и желательными».

Другими словами, до принятия решения об осуществлении долгосрочных мер Совет Безопасности может предпринять «временные меры». Такие меры в Уставе не перечислены и определяются уникальным решением СБ ООН. Положение о том, что такие меры не должны «… наносить ущерба правам, притязаниям или положению заинтересованных сторон» …, возможно, показывает, что они предназначены не для окончательного разрешения всех вопросов конкретного спора, а только для текущего этапа конфликта. Можно привести примерное сравнение с национальным законодательством, когда суд постановляет, чтобы одна из сторон воздержалась от конкретных действий до принятия решения по всему делу и без ущемления прав сторон конфликта.

Правовой статус действий, предпринимаемых Советом в соответствии со ст. 40, является неопределенным, так как положение, когда конкретные стороны будут обязаны выполнять решения, принятые на основании ст. 40, (и) что другие члены будут обязаны помогать в выполнении этих решений,

---

[334] Коростелев С.В. Правовое регулирование применения силы в международных отношениях в период действия Статута Лиги Наций // Управленческое консультирование: Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы. 2010. №3.

было бы значительным достижением, но в мировом сообществе существует лишь незначительное согласие на следование этим обязательствам, особенно если Совет Безопасности не ссылается на ст. 40 и (или) не приводит положения ст. 39, то есть не указывает на существование угрозы миру, нарушения мира или совершение акта агрессии».

В дополнение к полномочиям, предоставленным Совету Безопасности на применение военных санкций, Глава VII также устанавливает для Совета механизм наложения таких санкций. С этой целью Глава VII обращается к двум основным условиям: наличию вооруженных сил и способам управления ими.

Поскольку Совет Безопасности не имеет своих «полицейских сил», то при необходимости решения задач обеспечения, либо поддержания мира, у него возникает потребность в получении необходимых сил и средств у государств. С этой целью ст. 43 предписывает всем Членам Объединенных Наций заключить с Советом Безопасности специальные соглашения, на основании которых они обязаны предоставить контингенты своих вооруженных сил. В период конфликта СБ ООН сможет призвать эти войска без необходимости заключения каких-либо дополнительных соглашений с государствами.

Соглашения должны быть достаточно подробными и «определять количество и виды войск, степень их готовности и общего местоположения». Они также должны содержать положения по предоставлению государствами в распоряжение СБ ООН других видов поддержки и средств.

Нормативная оценка любого акта применения вооруженного насилия должна исходить из того, является или нет данное действие неправомерным/несправедливым применением силы, либо угрозой её применения в нарушение положений современного международного права.

Поскольку формулировка ст. 2 п. 4 допускает широкое толкование, поэтому для объявления каких-либо видов применения силы незаконными необходимо, прежде всего, исследовать сферу применения данной статьи.

Для этого необходимо определить, существуют ли какие-либо способы применения силы, не подпадающие под определение ст. 2 п. 4, если они не нарушают территориальную целостность, либо политическую независимость государства, но при этом нарушают какое-либо другое положение Устава ООН?

Поскольку буквальное толкование статьи порождает много разночтений, многие специалисты-международники сходятся в том, что фраза «в иной другой ...» распространяется на все виды обращения к силе, напрямую не упомянутые Уставом. То есть данный, используемый в настоящее время подход буквального толкования при необходимости осуждения действий геополитического соперника, происходит из посылки, что право на обращение к силе может исходить только из положений Устава ООН, и ни в коем случае не из постулата, что обращение к силе является допустимым, если в Уставе не существует запрета на конкретное действие.

В случае, например, террористического нападения такое толкование может ограничить даже сферу исследования возможности определения того, может ли террористическое нападение быть приравнено к применению силы.

Следовательно, поскольку само содержания понятия «применение силы» является спорным и неопределённым, так же, как и положения Устава о силовых ответных мерах ООН, то, если всё-таки террористическое нападение будет определено как применение силы, то тогда, при использовании буквального толкования, противодействие терроризму заведомо будет являться неправомерным применением силы.

Вследствие этого обращение к силовым мерам самопомощи вовсе не является аномалией в условиях системы коллективной безопасности, когда государства, участвуя в Уставе ООН, взяли на себя обязательство разрешать все споры только мирными способами.

Представляется очевидным, что подход буквального толкования не отражает реалий, существующих в сфере реализации неотъемлемого права государств на применение силы. Он свидетельствует, прежде всего, о том,

что Устав ООН всё-таки неспособен разрешить современных противоречий и государства в одностороннем порядке обращаются к силе, и не только в бесспорном случае необходимой самообороны.

Однако, несмотря на это государства в своей официальной аргументации продолжают придерживаться буквального толкования ст. 2 п. 4, тем самым, не подтверждая своего права на обращение к силе вне системы правил Устава ООН.

Таким образом, в мировом сообществе сформировалась особая правовая среда, которая нацелена на создание гарантий того, что действия, осуществляемые в обход процедур ООН, всё-таки будут проводиться в соответствии с целями и принципами Организации Объединённых Наций. Однако каждое такое применение силы всегда обречено носить ярлык «неправомерного»[335], и на государстве всегда будет лежать бремя доказывания (обязательное заявление о легитимном характере применения силы) того, что его действия осуществляются во благо мирового сообщества.

Представляется очевидным, что последовательность действий в методике доказывания легитимности акта применения силы определяется Статьёй 38 статута Международного суда ООН.

В процессе доказывания необходимо применять: «a) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами; b) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы; c) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями; d) ... судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм».

---

[335] См.: Michael N. Schmitt. Computer Network Attack and the Use of Force in International Law: Thoughts on a Normative Framework, 37 Columbia Journal of Transnational Law, 885: 905.

Все что, ассоциируется в обыденном сознании с военной мощью государства (большая численность вооруженных сил, наличие больших запасов разнообразных и современных средств поражения, возможность ведения боевых действий на протяжении длительного времени и в удалённых районах, и т. д.), не может обеспечить само собой достижение военного успеха: эти количественные и качественные характеристики не имеют какой-либо ценности, если только не используются в совокупности со всеми другими возможными мерами, которые должны осуществляться органами государственной власти и военного управления в сфере обеспечения военной безопасности.

К таким мерам можно отнести, главным образом:

- уяснение целей применения военной силы в системе задач обеспечения национальной безопасности;

- вскрытие замыслов противника и его возможностей по нарушению планов органов государственной власти и военного управления;

- разрушение возможностей противника по возможности влиять на достижение национальных целей, а затем, использование достигнутого в результате согласованных действий всех элементов национальной мощи ослабления противника;

- применение военной силы в мирное время, в том числе угроза военным действием, для формирования благоприятной международной обстановки;

- создание действительно боеспособной военной организации государства;

- организация человеческой составляющей военной мощи, в том числе, мобилизация воли народа;

- определение пространственного предела досягаемости военной силы;

- определение возможной продолжительности применения военной силы;

- определение возможности применения сил в конкретных условиях;

- определение временных рамок для применения сил;

- установление общественного контроля над процессами принятия решений на военные действия;

- определение сопутствующих применению военной силы последствий;

- учёт международных правовых ограничений, в том числе, ограничений для принятия решения на обращение к силе, мер контроля над вооружениями, и т. д.

Для понимания механизмов принятия политических решений\ на применение военной мощи государства рассмотрим кратко содержание этих мер.

Уяснение целей войны. Осознание обществом предназначения конкретных военных действий в общей системе обеспечения национальной безопасности государства, т. е. в совокупности действий органов государственной власти и военного управления, других войск, воинских формирований и органов, составляющих основу военной организации и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также части производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту государства;

Вскрытие замыслов противника и его возможностей по нарушению его возможностей по нарушению планов органов государственной власти и военного управления. Действия противника всегда основаны на его собственном наборе национальных целей и доступных ему средств. Цели противника также довольно быстро меняются с изменением международной и внутренней обстановки.

Следовательно, необходимо соблюдать особую осторожность в оценке того, что противник считает особенно важным для себя в какой-либо определённый момент. Очевидно, что всегда необходимо иметь как можно более полное представление, какими средствами обладает противник для разрушения наших планов.

Разрушение возможностей противника по влиянию на достижение нами национальных целей, а затем, использование достигнутого в результате согласованных действий всех элементов национальной мощи ослабления противника. Наилучшим способом избежать давления со стороны доступных противнику средств является уклонение от них; либо проведение действий там, где противник не может их применить в полной мере. Нападение на противника должно проводиться там, где он наименее силён. Необходимо использовать присущие ему сильные стороны, слабые стороны, обыкновения и инертность. Необходимо выявить, либо создать и затем развить внутренние противоречия противника, обострить внутреннюю и внешнюю конкуренцию и конфликтные ситуации.

Усилия должны быть направлены на разрушение сил противника, его системы обеспечения, стратегии, политических процессов, затруднение работы управленческого аппарата, разрушение союзов, и лишение правительства поддержки населения.

Разрушение намерений противника может достигаться физическим уничтожением, маскировкой, дезинформацией, внедрением в систему управления силами противника избыточной информации, перегруппировкой сил, неожиданностью действий, непосредственно огневым и радиоэлектронным подавлением, проведением психологических операций, точной координацией действий во времени, манёвром силами, и т. д. Скорость решения задач также является существенным фактором ведения военных действий – ускорение, или, наоборот, снижение темпа действий также может разрушать планы противника.

Именно, использование соотношения «достигнутый уровень разрушения возможностей противника/использование достигнутых результатов» составляет сущность применения военного компонента национальной мощи государства через военную стратегию, оперативное искусство и тактику.

Число сочетаний различных способов действий может быть бесконечным, но оно всегда должно быть неизбыточным, достаточным, так как чрезмерное усложнение замысла всегда создаёт (даже при успешном применении военной силы) дополнительные трудности по реализации поставленных целей. Необходимо, прежде всего, использовать те процессы, где противник наиболее уязвим, и имеет наименьшие возможности по противодействию. Поскольку разрушение намерений противника имеет эффективность в незначительном временном интервале, т. е. успех очень быстро может обернуться неуспехом, именно время является критичным элементом для любых действий.

Поэтому обладание достаточной разведывательной информацией, и существование эффективного аппарата по оценке сил и средств противника являются ключами к успеху для достижения конечных целей во времени. В стратегическом смысле, в этом состоит смысл временно́го соответствия решаемых военных задач политическим целям государства.

Применение военной силы в мирное время для формирования благоприятной международной обстановки. Государства часто обращаются к применению военной силы с целью достижения своих национальных целей различными способами, в том числе без её непосредственного применения против своих оппонентов, и даже не угрожая её применить.

Примерами таких действий могут быть предоставление гуманитарной помощи и поддержки в формировании гражданских институтов (то есть помощь в создании институтов государства, разрушенных в результате конфликтов), предоставление помощи в создании, обучении и вооружении национальных вооружённых сил и полицейских сил, обмены военными делегациями, и т. д.

Также, к таким действиям могут быть отнесены: размещение своих сил на территории каких-либо иностранных государств или вблизи их границ; заходы военных кораблей, демонстрация флага, цель которых – демонстрация намерений, либо заявление о наличии стратегических

интересов в данном регионе, либо вклад государства в обеспечение его стабильности через поддержание необходимого баланса сил в интересах всего мирового сообщества.

Кроме того, как члены ООН и региональных организаций и соглашений, государства предоставляют свои формирования и отдельных военнослужащих для обеспечения выполнения соответствующих мандатов СБ ООН. Также, к мерам, способствующим формированию благоприятной международной обстановки для обеспечения национальной безопасности, могут быть отнесены не запрещаемые международным правом способы использования военных ресурсов государства, таких как разведывательная деятельность и проведение военных учений на своей территории и в международных пространствах.

Угрожающее применение военной силы может варьироваться от военной хитрости и демонстрации намерений в ходе военной деятельности до размещения и намеренного показа возможностей вооружённых сил во время развития каких-либо кризисов с целью политического и военного сдерживания предполагаемого противника от действий, угрожающих национальным интересам.

Известно выражение: «Готовность к войне является одним из наиболее эффективных средств сохранения мира». Сдерживание можно определить как предотвращение каких-либо действий противника созданием у него опасения наступления нежелательных последствий. В данном контексте военные возможности государства, только в силу существования вероятности применения, препятствуют осуществлению нежелательной политики и деятельности других государств и их союзов.

Цель создания и поддержания на необходимом и достаточном уровне военных возможностей государства может состоять, например, в стремлении избежать войны, либо, уже в ходе войны (вооружённого конфликта), в удержании противника от использования определённых средств и методов ведения войны.

Сдерживание является средством весьма специфичного действия, поскольку оно может быть применено только к тем государствам, которые находятся в пределах досягаемости сил сдерживания и только в случае выявления тех событий, которые определены как пороговые, когда собственно сам механизм сдерживания должен быть применён. Более того, вооружённые силы должны быть способны причинить ущерб, который должен быть расценен руководством противника как неприемлемый. Соответственно, сдерживание может быть оценено, как совокупность военных возможностей и воли руководства эти возможности использовать.

Для определения надёжности сдерживания необходимо исходить не из своих ожиданий, а из результатов оценки системы ценностей противника, его возможностей и уязвимости. Сдерживание также достигается в некоторых случаях проведением ограниченных по масштабу, продолжительности и интенсивности предупреждающих действий.

Например, можно объявить мобилизацию сил, либо провести учения в определённом районе – целью таких действий будет упреждение ожидаемого враждебного действия со стороны другого государства. Однако энергичное реагирование противника на данные действия может обусловить переход конфликта в нежелательную военную фазу.

Возможность такого перехода должна всегда приниматься во внимание как на этапе разработке стратегии, так и при проведении самих действий. Разработчик стратегии разрешения конфликта всегда должен помнить о том, что не всякое сдерживание предполагает применение, либо угрозу применения военной силы.

Некоторые средства ведения вооружённой борьбы, признаваемые как эффективное средство сдерживания в мирное время, не могут быть и не должны быть применены во время вооруженного конфликта, так как в таком случае будут нарушены нормы международной морали и/или международные обязательства.

Создание боеспособной военной организации государства. Основными средствами формирования военной мощи считаются:

1) наличие действительной военной силы (боеготовые силы и оперативные запасы);

2) наличие резервов (резервные компоненты вооружённых сил, добровольные формирования и военные резервы);

3) состояние потенциальной мощи (число лиц, которые могут быть поставлены под ружьё, состояние промышленности, уровень развития технологии и инфраструктуры, доступные мобилизационные материальные ресурсы);

4) прочность военно-политических союзов (при оценке военных возможностей государства необходимо принимать во внимание возможности и его союзников).

Все эти средства должны оцениваться на наличие слабых и сильных сторон. Каждое государство в процессе развития своих военных возможностей стоит перед фактом определения разумного объема и сочетания вышеприведённых средств в зависимости от своих географических особенностей, уровня развития экономики, национальных особенностей и предпочтений; и предполагаемых потребностей в наращивании военных возможностей для ведения войны или в каких-либо иных конфликтных ситуациях[336].

---

[336] Аристотель рассуждал о необходимости учёта элементов национальной мощи в определении стратегии военных действий. Например, в своём труде «Политика» он отметил: «Необходимо, следовательно, чтобы в государственном устройстве учитывалась военная мощь, ... равно как и материальные средства [государства]. Между тем нужно, чтобы этих последних было достаточно не только для внутренних потребностей государства, но также и на случай опасности извне. Поэтому материальные средства государства не должны быть такими, чтобы они возбуждали алчность со стороны более сильных соседей, а обладатели средств не были в состоянии отразить вторгающихся врагов; с другой стороны, этих средств не должно быть настолько мало, чтобы нельзя было выдержать войну с государствами, обладающими равными по количеству и качеству средствами.... [М]ежду тем, не следует упускать из виду и того, в каком количестве обладание имуществом бывает полезно. Быть может, лучшим пределом был бы такой, при котором более сильные не находили бы выгоды в том, чтобы воевать ради приобретения

Организация человеческой составляющей военной мощи, в том числе, мобилизация воли народа. Эта категория также имеет относительный характер, поскольку её состояние определяется всегда путём сравнения с военными возможностями оппонента.

У неё много граней: физические, интеллектуальные, организационные, и моральные аспекты являются лишь некоторыми из множества факторов, подлежащих оценке, когда говорится о военной силе или слабости государства. Вообще говоря, человеческая составляющая военной силы государства является его неотъемлемым свойством, практически постоянным.

Когда стоит вопрос о необходимости обеспечить выживание государства в чрезвычайных обстоятельствах, данный компонент национальной мощи может быть изменён, наращен путём мобилизации населения, перенацеливания людских ресурсов на решение других задач, а также использования ресурсов военно-политических союзов.

Он может быть действительным (т. е. существующим в реальности), либо оцениваемым (т. е. планируемым к развёртыванию, предполагаемым; при этом он имеет вторичный характер по отношению к действительным ресурсам государства).

Человеческая составляющая военной силы имеет ряд весьма важных свойств.

излишка, но теряли бы от войны столько, как если бы они не приобрели таких средств. Например, Евбул предложил Автофрадату, когда последний собирался осадить Атарней, поразмыслить, в течение какого времени он сможет взять это укрепление, и в соответствии с этим рассчитать связанные с осадой расходы и согласиться покинуть Атарней за меньшую сумму. Такое предложение побудило Автофрадата после размышления отказаться от осады». См.: Аристотель. Политика. // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644. Разбор проектов Фалея и Гипподама. Книга Вторая, IV 9, 10.
URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/02.php (дата обращения: 15.02.2012).

Во-первых, она становится менее доступной в зависимости от удаления от своего источника, т. е. территории государства, определяя тем самым пространственный предел досягаемости военной силы.

Во-вторых, она истощается в связи с потерями, определяя тем самым возможную продолжительность достижения национальных целей военными средствами.

Наконец, данный компонент не может быть применим во всех возможных ситуациях военного противостояния, что говорит о его следующем свойстве – возможности применения.

Таким образом, можно говорить о существовании только лишь относительного и вероятного преимущества в человеческом компоненте военной силы. Даже отсутствие такого компонента само по себе не может свидетельствовать о неминуемом поражении; например, оно может лишь говорить о существовании иной стратегии – существуют стратегии для слабых, и существуют стратегии для сильных.

Наличие воли народа является тем самым средством, которое лежит в основе каждого военного действия/бездействия. Воля народа – это коллективное восприятие, либо отторжение народом какого-либо государства сформулированных и предложенных государственным аппаратом целей национальной политики, выраженное в готовности народа идти на ограничения и лишения для достижения таких целей.

Ответственность за доведение до народа информации о положении дел в государстве, его возможностях и последствиях проводимой им политики, лежит на правительстве этого государства. Если в государстве существует свободный доступ к информации, то ответственность за информирование населения несёт также и пресса. Наличие у народа ресурсов позволяющих заплатить высокую цену за решение политических задач государства военными средствами, и наличие воли поступить действительно так – являются двумя совершенно отличными аспектами проявления данного элемента мощи государства.

Определение пространственного предела досягаемости военной силы. Пространственный предел, на котором военная мощь может быть сконцентрирована и решительно применена, может быть определён как предел досягаемости военной силы.

В зависимости от масштаба, продолжительности и интенсивности конфликта могут определяться тактический, оперативный и стратегический пределы досягаемости.

Способность наносить удары на какой-либо дистанции совсем не определяет досягаемости; напротив, досягаемость характеризуется способностью концентрации (массирования) сил и нанесения не столько решительных, сколько решающих, ударов на каком-либо расстоянии. Досягаемость напрямую зависит от географических особенностей региона, которые могут, как сближать, так и разделять противников.

Досягаемость может быть увеличена путём эшелонирования сил, резервов, создания баз, передовых пунктов обеспечения, увеличением дальности действия оружия и возможностей транспортных средств, повышением эффективности систем связи и управления.

Поскольку данный компонент также имеет относительный характер, то увеличение досягаемости может быть достигнуто проведением действий по снижению аналогичных возможностей противника. Но, необходимо помнить, что всегда существует такой пространственный предел, за которым силы никогда не будут действовать эффективно и так, как для них спланировано.

Определение возможной продолжительности применения военной силы. Способность продержаться дольше противника, сохранить силы, которые смогут использовать преимущества нанесённого противнику ущерба, можно определить как продолжительность применения человеческого компонента военной силы.

В стратегическом понимании продолжительность применения военной силы является функцией от совместного учёта имеемых сил, резервов, технологического характера конфликта, его интенсивности, живучести и

способности национальных возможностей по генерированию военных возможностей поглощать удары, воли к победе. Продолжительность должна оцениваться не только в отношении к противнику, но и относительно других государств, которые могут получить преимущества от обескровливания противоборствующих сторон.

Для каждого государства существует такой порог, после которого дальнейшее вложение ресурсов в ведение войны может причинить ему самому гораздо больше вреда, чем пользы.

Определение возможности применения сил в конкретных условиях. Подготовка сил, возможности должностных лиц по принятию решений и исполнителей этих решений, ориентирование на определённые виды действий, готовность промышленности к войне, общее состояние оборонительных возможностей государства, должны быть сопоставлены определённым реальным угрозам.

Например, силы могут быть не подготовлены к ведению боевых действий в определённых географических условиях, либо с другим противником. Всё это и составляет основу уязвимости военной силы. При всех иных равных условиях победу одерживает тот, кто наиболее быстро приспосабливается к меняющейся ситуации.

Данное положение требует существования гибких стратегических резервов и промышленной базы. Также для приспособления к изменившейся ситуации необходимо время и способность к генерации новых возможностей, либо приспособлению имеемых к вновь открывшимся обстоятельствам в ходе войны.

Определение временных рамок для применения сил. Ввиду постоянных изменений в балансе сил в мире применение силы должно быть всегда своевременным – только тогда, когда её применение является политически оправданным. Поэтому государства всегда ограничены во времени на производство оценок, принятие решений, и непосредственное проведение военных действий.

Установление общественного контроля над процессами принятия решений на военные действия. Наличие развитой и эффективной системы выявления средств, доступных государствам для ведения войны, является одним из основных факторов, влияющих на применение силы государствами. Например, освещение средствами массовой информации событий в реальном режиме времени, и оценка их влияния на внутреннюю и внешнюю поддержку проводимой государством политики, является также не менее значимым фактором, который может ограничить возможности государств по проведению стратегически неожиданных для противника действий, концентрации сил, рационального распределения ресурсов по решаемым задачам.

Определение эффектов, сопутствующих применению военной силы. В глобальной сети политических и экономических взаимосвязей и взаимозависимостей, военные действия могут серьёзно задевать интересы даже невоюющих государств. Необходимо предпринимать все возможные усилия для выяснения таких зависимостей и связей до начала военных действий.

Одним из соображений, подлежащих оценке, является необходимость финансирования ведения военных действий, и выявление последствий такого перераспределения ресурсов для национальной экономики, а также оценка общественного мнения в отношении данного перераспределения. Так же обязательно должен производиться учёт мирового общественного мнения, и его воздействие на мировые экономические процессы, и влияние последних на развитие международных отношений, на эскалацию конфликта.

Учёт международных правовых ограничений, в том числе, мер контроля над вооружениями. Международное право и практика государств регулируют права и обязанности государств, в том числе, вопросы торговли, мореплавания, использования воздушного и космического пространств, применения средств телекоммуникации, и т. д.

Соглашения, регламентирующие использование морей и воздушного пространства, защиту прав человека, сохранение окружающей среды и др., оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения по оценке необходимости применения военной силы в мирное время, и тем самым могут затруднять осуществление внутренней и внешней политической мобилизации элементов национальной мощи государства.

Применение силы в межгосударственных отношениях регулируется нормами двух взаимосвязанных институтов права: права обращения к силе «ius ad bellum» (иногда называемого после 1945 г. ius contra bellum)[337] и права вооружённых конфликтов – («ius in bello» [338]).

Устав ООН накладывает серьезные ограничения на использование права государств применять силу и угрожать её применением в межгосударственных отношениях. В ходе длительного исторического процесса государства пришли к консенсусу в отношении того, что применение силы является справедливым, если акты обращения к вооружённому насилию не противоречат целям Устава ООН, основополагающим нормам и принципам международного права[339].

---

[337] С созданием Устава ООН jus ad bellum перешло в новую фазу своего развития - jus contra bellum, то есть стало правом, запрещающим агрессивное применение силы. Агрессивное применение силы в настоящее время является уголовным преступлением – преступлением против мира. Соответственно, международное право устанавливает индивидуальную уголовную ответственность для тех, кто принимает решение на агрессивное применение силы.

[338] Для обозначения jus in bello в терминологии ООН используется термин «Право вооружённых конфликтов». Международный Комитет Красного Креста предпочитает использовать термин «Международное гуманитарное право».

[339] Например, п.2 раздела II «Военно-стратегические основы» ранее действовавшей Военной доктрины России устанавливал, что: «Характер современных войн (вооружённых конфликтов) определяется их военно-политическими целями, средствами достижения этих целей и масштабами военных действий. В соответствии с этим современная война (вооружённый конфликт) может быть: по военно-политическим целям – справедливой (не противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущейся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии); несправедливой (противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающей под определение агрессии и ведущейся стороной, предпринявшей вооружённое нападение)...»

Также в рамках международного права (нормы ius in bello) получили развитие нормы, определяющие, что убийство некомбатантов, геноцид, пытки и некоторые другие формы поведения во время боевых действий, нарушающие человеческое достоинство, являются неприемлемыми и абсолютно запрещёнными для членов мирового сообщества. Ius in bello требует, чтобы участники военных действий, вне зависимости от справедливого или несправедливого характера войны, несли ответственность за свои действия. Такие положения являются серьёзным этическим ограничением по выбору средств и методов ведения войны.

В настоящее время невозможно представить себе такой ситуации, когда государство будет полностью отрицать существование для него правовых ограничений на применение силы даже в условиях военной опасности. Эти ограничения существуют и закреплены как в международных договорах, так и в практике государств, но их применение не может быть детерминированным, поскольку государства по-разному подходят к оценке того, что является справедливым/правомерным/неправомерным поведением.

Именно вследствие того, что Россия признаёт существование таких международных ограничений, в качестве правовой основы её новой Военной доктрины положены, помимо Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законов, федеральных законов, а также нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, «...общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в области обороны, контроля над вооружениями и разоружения ...»[340]. Также не существует сомнений в том, что обеспечение

См. Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. №706 «Об утверждении военной доктрины Российской Федерации».

[340] Указ Президента Российской Федерации «О Военной доктрине Российской Федерации» от 5 февраля 2010 г. № 146 // Российская газета, N 27, 10.02.2010. Раздел I. Общие положения, п. 3.

безопасности государств должно обеспечиваться не только военной мощью, но и нормами права[341].

В международном сообществе не существует противоречий в том, что государства признают существование неотъемлемого права на самооборону, при условии, что справедливость самостоятельных, либо коллективных действий государств должна оцениваться в терминах международного права какой-либо сторонней правомочной структурой.

Государства заявляют притязания на то, что обеспечение их собственной безопасности не может быть ограничено каким-либо правом, и в то же время вынуждены соглашаться с тем, что и другие государства обладают правом давать оценку необходимости и соразмерности их обращения к силе.

В свою очередь, требования «соразмерности» и «необходимости» должны быть основаны на всестороннем учёте всех возможных к применению принципов и норм права в данных конкретных обстоятельствах применения военной силы.

«Соразмерность» заключается в том, что получение политически признаваемого результата обращения к использованию военной силы всегда будет соразмерно использованным средствам и методам ведения войны. Во-первых, требование «соразмерности» с точки зрения обеспечения национальной безопасности (политологическое содержание), предъявляемое к вооружённому принуждению, устанавливает, что применение силы должно быть ограничено в масштабах и интенсивности до таких рамок, в которых обеспечивается безотлагательное достижение целей самообороны в допустимых «международным правом» пределах.

---

[341] См. например, п. 6 Раздела I «Общие положения» Указа Президента РФ №537 от 12 мая 2009 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.»: «... средства обеспечения национальной безопасности» - технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства ...».

Принуждение с применением военной силы в данном случае соразмерно угрозе, если она применяется:

- в необходимом пространственном масштабе;
- в течение необходимого периода времени;
- с необходимым количеством применяемых сил и средств поражения;
- с необходимым качеством поражения противника.

Во-вторых, современное требование «соразмерности» имеет также правовое содержание, определяемое обязательствами государств в сфере МГП. В этом случае понятие соразмерности выявляется через последствия использования средств и методов ведения военных действий против военных объектов, когда их использование непреднамеренно привело к сопутствующему ущербу гражданским лицам и собственности[342].

Таким образом, разработка и уточнение содержания нормативных документов, регламентирующих необходимое и соразмерное применение вооруженного насилия с учётом существующих международных правовых ограничений, является необходимой мерой политико-правовой поддержки реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

[342] Необходимо отметить, что зачастую в научной литературе происходит смешение двух пониманий «соразмерности»: «применяемой», так как сила в определении Устава ООН «применяется»; и «используемой», поскольку средства и методы вооружённой борьбы (оружие и технические средства) «используются». Пример такого смешения см.: Синицына Ю. В. Критерии необходимости и соразмерности (пропорциональности) при реализации права на самооборону // Журнал международного права и международных отношений. 2010. N 1. С. 10-15.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Для акторов-государств ведение боевых действия в современном мире находится под сильным влиянием двух основных факторов: информационной прозрачности и ранее недоступного противникам разнообразия используемых средств и методов ведения противоборства. Сетевые технологии, средства коммуникации и социальные сети значительно увеличили поток информации и ограничили возможности государственного аппарата по ее контролю.

Государства объединены в международные институты на основании следования общим ценностям (например, общего интереса в обеспечении международной безопасности – ООН; ОБСЕ; общего интереса в верховенстве прав человека – Совет Европы, и т. д.), а не связанные с государствами акторы могут быть объединены вокруг значимых для них ценностей, религиозных постулатов и пр.

Поэтому отличной чертой современных вооруженных конфликтов является то, что акторы – «не государства» организованы и действуют не в соответствии с единым планом ведения вооруженной борьбы, что характерно для государств, а опираясь лишь на идеологические установки, ценности и нормы; и, соответственно, имеют структуры управления, которые разительно отличаются от тех, которые существуют в централизованных структурах национальных государств.

Таким образом, возможности применения военной мощи государства для защиты национальных интересов становятся в настоящее время ограниченными, если они не обеспечены современной и гибкой военно-политической доктриной, и соответствующей актуальной научно-обоснованной внешнеполитической аргументацией.

Глава 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ «РАЗУМНО-НЕОБХОДИМОГО» ТОЛКОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Основной трудностью в применении международного права является то, что оно преобразует то, что по существу является проблемами международной морали, в аргументы о существовании права.[343]

Учебники по международному праву обычно начинаются с определения содержания объекта для того, чтобы создать возможность назвать это сложное явление «правом».

В отношении объекта феномена «международного права» сформулировано достаточно много принципов, которые претендуют на то, чтобы быть его методологической основой. Эти принципы можно найти, например, в Уставе ООН, в значительном числе двухсторонних и многосторонних договоров, и в тех правилах обычного права, предположительным образом выводимых из реальной практики государств, которые предполагаются имеющими такой же обязывающий характер, как и договоры.

В реальной жизни государства регулярно действуют таким образом, что их действия, по уверениям политиков и учёных, являются явными нарушениями «принципов международного права». И ничего не происходит! Более того, Международный суд ООН в своей практике применяет те же «принципы международного права», которые известны тем, что они чаще нарушаются государствами, нежели исполняются. Может ли это быть

---

[343] См.: Коростелев С.В. К вопросу о соотношении международной морали и международного права в процессе правового обоснования упреждающих действий // Вестник Чувашского государственного университета 2011. №2. Серия: Гуманитарные науки.

основанием для утверждения, что правила такого рода в некотором смысле, или в каком-либо вообще смысле, являются «правом»? Чем на самом деле является международное право, является ли оно правом вообще? Каким целям оно служит?

Для того чтобы стать действительным регулятором отношений между государствами, правила должны быть приемлемыми для режимов, которые действуют на основании различных – часто противоречивых – моральных посылок. Но, до тех пор государства не обретут единую политическую мораль, либо не объединятся под единой верховной властью, они не получат для регулирования своих отношений аутентичной нормы международного права.

Исследование истории актов применения военной силы государствами показывает, что международное право ещё никогда в истории не ограничивало правительства государств на обращение к военной силе для обеспечения интересов государства в силу стратегической необходимости; а юридические аргументы в пользу войны лишь оформляли рациональные основания.

Многочисленные неэффективные попытки гуманитарных вмешательств и допущенные в их ходе нарушения суверенитета и прав человека поставили вопрос о выработке правового механизма беспристрастного и контролируемого международного вмешательства.

3.1. Общая характеристика метода стратегического легализма в международных отношениях

На наш взгляд сценарии дальнейшего развития международных отношений будут зависеть от того, какую модель поведения выберут органы государственной власти ведущих мировых держав. Таких основных моделей может быть всего две — модель кооперации с другими акторами (гроцианская модель) или модель конфронтации, направленная на подчинение соперников своим интересам (кантианская модель).

В случае выбора «гроцианской» модели центры силы будут идти по пути сотрудничества в деле переустройства мировой системы на основе многополярности и многосторонности.

«Кантианская модель» модель будет означать, что центры силы избрали путь противоборства для обеспечения своего доминирования.

Ход истории показывает, что конфронтационная модель явным образом преобладает при разрешении международных конфликтов. А это означает, что противоборство систем с различными базовыми ценностями, продолжится, как это и определяет концепция политического реализма.

Как мы отмечали ранее, в ходе дискуссий о правомерности каких-либо действий государств используются два близких термина – «легитимность» и «легальность» - обозначающие два различных явления.

Легитимностью в политологии называют соответствие того или иного действия, той или иной политической фигуры, ожиданиям всего народа, всего общества в целом.

При продвижении своих интересов государства апеллируют к различным международным институтам, в том числе к международному праву. И, что интересно, стороны конфликта всегда находят юридические аргументы в свою поддержку, ссылаясь на одни и те же источники права.

Дело в том, что политическая легитимация действий органов государственной власти, по своей сущности, заключается в основном в обеспечении их международной правовой аргументацией для обоснования

того, что государство справедливо применяет силу, а противник не имеет ни правовых, ни моральных оснований для ее применения; и этот процесс осуществляется через избегание обобщений, свойственных нормам права.

Каждая из сторон конфликта стремится сформулировать такое узкое толкование нормы, чтобы оно могло быть применено для обоснования справедливого характера обращения государства к силе только в данной ситуации, и, ни в коем случае, не могло бы быть использовано уже для ее осуждения в иных сходных ситуациях[344].

Для международных отношений всегда был характерен дуализм - расхождение между риторикой и фактически проводимой внешней политикой. Мировому сообществу всегда предлагается два набора правил – более гибкий для себя и, более ограничивающий - для внешнего мира.

Проблемы прав человека, вопросы войны и мира, становятся проблемой публичных международных отношений только в том случае, когда они соответствуют собственным существенным политическим целям государств, то есть, когда они могут быть использованы для политического обоснования действий по обеспечению национальных интересов[345].

Данное явление П. Магуайр определил как «стратегический легализм»- т. е. использование норм права, либо юридической аргументации для обеспечения достижения масштабных политических целей, вне зависимости от фактических обстоятельств, или содержания норм права[346].

---

[344] Более подробно см.: Коростелев С. В. Действие метода стратегического легализма в международных отношениях / Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления. Сб. научных статей. Вып. 7 / под общ. ред. проф. В. В. Тумалева. СПб. : Институт бизнеса и права, 2009.

[345] Основные работы автора по тематике содержания процесса легитимации актов применения силы, выполненные самостоятельно и в соавторстве: Коростелев С. В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). С. 24-35; Коростелев С. В., Качук В. Н. Проблема легитимации применения силы резолюциями Совета безопасности ООН / Проблемы права в современной России : сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции. Т.2. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та.

[346] См.: Peter Maguire. Law and War: An American Story. New York: Columbia University Press, 2000. P.9.

Раскрывая определение П. Макгуайра, покажем, что государства, ограниченные в своём поведении парадигмой ООН и давлением великих держав, обязаны добиваться своих целей и решать поставленные задачи исключительно в рамках и средствами существующего правопорядка, т. е. признавать право в качестве основного, но не единственного источника мотивации действий. Но при этом они обязаны следовать формальному, но узконормативному представлению права, поскольку нормативные (по сути, не правовые) ограничения устанавливаются согласованием воль великих держав. Именно такова сущность феномена, определяемого как легализм.

В то же время государства обязаны двигаться к своим стратегическим целям, определяемым в результате внутреннего общественного консенсуса, взаимодействуя с другими внешними акторами. Влияние извне естественным образом оказывает влияние на траекторию движения нации к своим целям, затрачиваемые ею ресурсы, что, в свою очередь, требует соотносить избранный курс и средства достижения целей с рисками и неизбежными потерями (этот процесс, по сути, является ядром стратегии национальной безопасности).

Снижение рисков и уменьшение потерь может быть достигнуто в процессе разъяснения своих целей другим участникам международного общения на основе того, что действия государства не выходят за рамки парадигмы Устава ООН и осуществляются в общих интересах международной системы.

Таким образом, разъяснение основным международным акторам рациональности своих действий по продвижению национальных интересов (реализация стратегии национальной безопасности) в терминах парадигмы ООН составляет сущность процесса «стратегического легализма».

Обращаясь к проблеме легитимности действий в международных отношениях, Г. Киссинджер определял её «не более как международное соглашение о природе работающих договоренностей и о допустимых целях и методах внешней политики.

Это подразумевает принятие рамок международного порядка всеми главными державами, по крайней мере до пределов, когда ни одно из государств не удовлетворено этим настолько, как Германия после Версальского договора, что оно выражает свое неудовлетворение революционной внешней политикой… Дипломатия в классическом понимании является улаживанием расхождений путём переговоров, что возможно только в ‘уважительном’ международном порядке»[347].

Так, например, во время переговоров о взаимном разоружении в Рейкьявике в 1986 г., положивших конец холодной войне, стороны ожидали реакции не только своих собеседников, но и своих народов. При согласовании уровней снижения напряжённости, руководителями СССР и США было сделано две различные по содержанию официальные декларации для соответствующего опубликования в своих странах.

Американцы заявили своему народу о достижении компромисса, а советский руководитель представил снижение напряжённости как односторонний шаг СССР («Мы достаточно сильны, чтобы позволить себе сдать назад»)[348].

Международная политика является борьбой не только за физическое превосходство над противником, но, так же и борьбой за признание легитимности действий, поскольку совокупная мощь государства и международное признание легитимности его действий являются понятиями взаимодополняющими.

В международной политике установление относительной мощи государств осуществляется в процессе оценки легитимности осуществляемых ими действий. Политическим фактом является то, что вера в

---

[347] Henry A. Kissinger. A World Restored: Metternich; Castlereagh, and the Problems of Peace 1812–22 (London: Weidenfeld and Nicolson, 1957). Цитируется по: Rostow, Nicholas. Grand Strategy and International Law. Strategic Forum No. 277. April 2012.
URL: http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-277.pdf (дата обращения: 16.04.2016).

[348] Лефевр, В. Идеологию нельзя создать – она возникнет незаметно, сама собой // Новая газета №84 (1304) 01.11-07.11.2007 г., стр. 12-13.

правое дело помогает вовлечь народы в действие, и таким образом, легитимность становится источником национальной мощи[349].

Если действия государства считаются нелегитимными, то его затраты на осуществление политики по обеспечению своих национальных интересов возрастают. Государства апеллируют к международным институтам, в том числе к международному праву, для легитимации своей собственной политики или делигитимации политики других государств, и это часто обусловливает их поведение и сказывается на результатах действий. Как отметил Р. Каган: «'Легитимность' является неосязаемым фактором в зарубежной политике, но, как и многие неосязаемые вещи, она может иметь огромное практическое значение... Ощущение нелегитимности поведения может ограничить возможности сотрудничества с государствами, которое те могли бы предложить...»[350].

Публичное толкование права, в том числе, политико-правовое обоснование актов применения силы, является политическим обязательством органов государственной власти. В ходе такого процесса им необходимо демонстрировать мировому сообществу существование системной взаимосвязи между принципами и нормами международного права, разногласиями государств, их поведением при защите национальных интересов, и политическими оценками такого поведения.

В ходе исполнения такого политического обязательства органы государственной власти увязывают свои решения с предпочтениями и ожиданиями общества, чью волю, формализованную в нормах права, они претворяют в жизнь.

Как справедливо отмечал Л. Брок: «… право предоставляет базовые рамки для борьбы за оправдание насилия. При этом оно служит и как ресурс

---

[349] См.: Nye, Joseph S., Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000, P. 158.

[350] Kagan, R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report. http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/olj/fp/fp_julaug03ab.html (дата обращения: 16.06.20012).

его легитимации, и как основа его критики. Важно здесь то, что любое применение силы нуждается в оправдании. Следовательно, тот, кто применяет силу, зависит от оправдания больше, чем тот, кто избегает этого»[351].

«Причина того, что политики упорно продолжают ссылаться на право, — очевидна. Любой политический деятель вынужден искать себе оправдание (даже если он на основании своей власти ошибочно верит, будто способен быть выше любых стандартов). Международное право в этом смысле предоставляет арену для самых современных оправдательных практик международной политики, потому что любая попытка определить условия допустимого насилия, чтобы ограничить произвольное применение силы, может быть использована как нормативный ресурс для оправдания насилия и таким образом внесет лепту в расширение применения насилия, поскольку любое правило для своего применения нуждается в интерпретации и тем самым создает возможность узаконить исключение из него»[352].

Такая позиция находит подтверждение и трудах других специалистов в сфере легитимации применения силы, например Э. Диикс: «Если правило не является четким, то предпринимаемые в соответствии с ним действия обладают недостаточной легитимностью. Какие-то государства будут скептически относиться к существованию правила как такового; в то время как для других будут не понятны его свойства. Когда правило является четким и государство-жертва [нападения] может доказать, что оно действовало в соответствии с ним, то с гораздо большей вероятностью другими государствами его поведение будет считаться легитимным.

Как ни странно, в отсутствие четких правил государствам, возражающим против применения силы каким-либо государством-жертвой

---

[351] Брок Л. Легитимация и критика насилия в международном праве. Политологическая перспектива. Кантовский сборник. 2013 Выпуск №4(46).
URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2c1/Brock_30-41.pdf. С. 37.
[352] Там же, С. 35.

[нападения], будет сложнее найти веские доводы в подтверждение того, что жертва действовала неправомерно. Когда же правило является определенным и другие государства считают, что государство-жертва [нападения] этому правилу не следовало, тогда эти государства находятся в лучшей позиции для осуждения действий государства-жертвы [нападения] с точки зрения международного права[353].

Изменения в организации международного сообщества естественным образом оказывают влияние на процесс принятия решений – органы государственной власти перераспределяют ресурсы, устанавливают новые ориентиры по развитию элементов национальной мощи и заявляют соответствующие притязания к другим акторам. И в то же время, в процессе достижения национальных целей, пытаясь изменить «внешнюю» среду, государства обязаны учитывать существующее международное ограничивающее правило, определяющее, что «при создании новых обязательств государства не отступают от своих прежних обязательств». Именно это правило и определяет регулирующую и реактивную роль международного права в международной системе, что подтверждалось в доктрине достаточно часто.

Например, отмечают существование: «презумпции, согласно которой стороны не имеют намерений, не соответствующих общепризнанным принципам международного права или предыдущим договорным обязательствам перед третьими государствами»[354].

То есть, даже в кризисной ситуации при недостаточности «старых» институтов регулирования международных отношений и очевидной необходимости создания новых, государства обязаны легитимировать своё поведение в терминах существующей парадигмы.

---

[353] Deeks, Ashley S. “Unwilling or Unable”: Toward a Normative Framework for Extraterritorial Self-Defense. Virginia Journal of International Law. Volume 52 — Number 3 — Page 483. P. 511.

[354] Sir Robert Jennings and Sir Arthur Watts (eds.), Oppenheim's International Law (London: Longman,1992) (9th ed), p. 1275.

Так, например, Международный Суд в деле «О праве прохода через территорию Индии» определил, что: «существует норма интерпретации, согласно которой текст, исходящий от правительства, в принципе должен толковаться как производящий или задуманный, чтобы производить такие последствия, которые соответствуют действующему праву, а не нарушают его»[355].

В общем случае процесс как будто бы правового обоснования действий государств в действительности сводится к политическим оценкам, констатирующим их расхождения и оформляемым в терминах международного права.

Например, в деле об австро-германском таможенном союзе 1931 г. Постоянная палата международного правосудия отметила, что планирующийся союз с Германией нарушает принятое Австрией по Версальскому договору и Сен-Жерменскому протоколу[356] обязательство не уступать свою независимость. Было заявлено, что: «Суду здесь было предложено принять решение по сугубо политическому вопросу. Какие юридические стандарты могли помочь в решении вопроса о том, будет ли создание таможенного союза между Австрией и Германией, с учетом всей истории их взаимоотношений и ее связи с европейскими проблемами, ущемлять независимость Австрии? В этом отношении договор с Германией кардинально отличался по своему характеру от, скажем, договора с Чехословакией»[357].

Данное дело также продемонстрировало существование проблемы увязывания содержания норм международного права с ожиданиями участников международного общения и необходимостью суда так толковать

---

[355] Дело о праве прохода через индийскую территорию (Предварительные возражения) (Португалия против Индии). I.C.J. Reports 1957. p. 142.

[356] Подписан 10 сентября 1919 г. с одной стороны Австрией, с другой – «союзными и объединившимися державами». Входит в число договоров т. н. Версальской системы.

[357] Advisory Opinion No. 20 (PCIJ, Ser. A./B., No. 41, 1931.) Individual Opinion by M. Anzilotti pp. 16-31. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1931.09.05_customs (дата обращения: 16.07.2011).

норму, чтобы не спровоцировать государства к отказу от разрешения споров в международных судебных органах вообще.

Приведенные выше случаи показывают, что прямое заявление о несовместимости норм международного права, либо невозможности их применения в конкретных ситуациях, может быть совершенно нецелесообразным, и в процессе оправдания своих действий государствам необходимо проявлять достаточную тонкость, которая определяется в признании предлагаемой ими определенности границ между допустимым и недопустимым как их противниками, так и третьими сторонами.

Кроме того, существуют нормативные ожидания в отношении тех международных акторов, кто проводит эффективную политику. Эти ожидания не являются непосредственным выводом из решений международных судебных органов на основе норм международного права, договоров и пр. Они чаще всего являются оценкой реакции основных акторов на затрагивающие общий интерес события со стороны международного сообщества.

Какова же действительная роль международного права в процессе увязывания условно статичной парадигмы международного регулирования с динамично меняющимися предпочтениями участников международного общения?

Ответ видится в положениях одной из теорий науки международных отношений - теории коммуникативных действий, одним из центральных положений которой является то, что: «... действия участников координируются не посредством эгоцентричных расчётов на успех, а посредством актов взаимопонимания. Участники не ориентируются на достижение успеха в коммуникативных действиях как на основу действий; они достигают своих особых целей при условии, что могут координировать

свои действия на основе сходно понимаемых ими определений ситуации»[358]. Международное право является именно тем средством, с помощью которого государства могут доводить до мирового сообщества свои способы решения задач по защите национальных интересов, т. е. является языком международного общения, но вовсе не инструментом разрешения противоречий.

Проблема поиска такого языка не является новой не только для процесса урегулирования международного общения, но так же и в теории управления, и достаточно хорошо продемонстрирована в работах ряда учёных, в том числе О. И. Ларичева и Е. М. Мошковича: «При принятии «... деловых (государственных, юридических, военных и др.) решений ... лицо принимающее решение обычно должно уметь объяснить другим, почему оно приняло то или иное решение, Оно должно апеллировать к общим ценностям, к общим чувствам, к религии, логике, к оценке ожидаемых последствий и т. д. Здесь логика человеческих решений становится главной. Объясняя другим свои решения, люди могут ссылаться на любые факторы – юридические, денежные или чисто эмоциональные, важно лишь сделать логичные выводы из посылок, важно быть убедительным и в результате понятым и при этом не противоречить самому себе»[359].

Характеризуя методы принятия решений, которыми успешно пользовались в прошлом «наиболее разумные люди», данные исследователи указали, что «принимая решение, люди традиционно использовали естественное, понятное для их окружения описание проблемы на привычном языке (при её анализе) и логику (при её решении)»[360].

Как показывает практика, в случае если под угрозой находятся жизненно важные интересы государства, полагание полностью на

---

[358] Risse, Thomas. '"Let's Argue!" Communicative Action in World Politics', International Organization 54 (1), P. 9.
[359] Ларичев О. И., Мошкович Е. М. Качественные методы принятия решений. Вербальный анализ решений. - М.: Наука. Физматлит, 1996, стр. 45.
[360] Там же, стр. 45-46.

инструменты международного права может быть осуществлено лишь в ограниченном числе несложных ситуаций, и лишь в редких ситуациях может быть применено с ожидаемым эффектом: международные институты, особенно в сфере обеспечения военной безопасности, до настоящего времени не обрели достаточной гибкости, не обеспечены ресурсами, и не пользуются доверием государств, поскольку последние не готовы передать им свои функции по защите суверенитета. Ожидание реагирования таких международных институтов как ООН, ОБСЕ приводило к десяткам, и даже сотням тысяч жертв, как это происходило, например, на территориях бывшей Югославии, Руанды, Центральной Африки в 1990-х, в Ираке в 2000-х[361].

Неспешное реагирование приводило, в том числе, к постановке вопросов о дееспособности этих организаций. Именно поэтому, в деле обеспечения не только выживания, но и защиты иных национальных интересов, государства вынуждены использовать самое эффективное средство национальной мощи – военную силу.

Вопрос легитимности действий был рассмотрен в ходе работы «Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам» созданной в 2003 г. Организацией Объединенных Наций, в которую вошли влиятельные политики и дипломаты, перед которой была поставлена задача разработать программу адаптации ООН к современным реалиям: «Эффективность глобальной системы коллективной безопасности, равно как и любого другого правового порядка, зависит, в конечном счете не только от законности решений, но и от общего представления об их легитимности: они должны иметь под собой прочную доказательную базу и основываться на верных — в моральном и правовом отношениях — посылках»[362].

---

[361] См., например: Leitenberg, Milton. Deaths in Wars and Conflicts in the 20th Century, 3rd ed. Cornell University Peace Studies Program Occasional Paper #29.
URL: http://www.cissm.umd.edu/papers/files/deathswarsconflictsjune52006.pdf (дата обращения: 19.06.2008).

[362] Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Документ ООН A/59/565, п.204.

Доклад Группы подтвердил, что нормативная оценка любого акта применения вооруженного насилия сводится к тому, является или нет данное действие неправомерным применением силы, либо угрозой её применения в нарушение положений современного международного права.

К достижениям работы Группы можно отнести то, что ею были предложены «Руководящие принципы» - пять базовых критериев легитимности, цель которых «... состоит в том, чтобы максимально расширить возможности достижения в Совете Безопасности консенсуса в отношении того, уместно или нет в той или иной ситуации предпринимать принудительные действия, включая применение вооруженной силы; обеспечить максимальную международную поддержку в отношении решения, которое примет Совет Безопасности; и свести к минимуму возможность осуществления отдельными государствами-членами действий в обход Совета Безопасности»[363].

Изучение материалов заседаний СБ ООН демонстрирует неудовлетворенность государств тем, как учитываются и представляются в СБ ООН их интересы; а результаты голосования по проектам резолюций в СБ свидетельствуют о том, что постоянные члены СБ ООН не желают ограничивать себя в выборе средств защиты национальных интересов установленными международным сообществом обязательствами по подержанию международного мира и безопасности в рамках процедур Устава ООН.

В процессе поиска единого, удовлетворяющего всех основных международных акторов, подхода для оценки правомерности обращения государств к силе без разрешающей резолюции Совета Безопасности, Группой высокого уровня было предложено, чтобы при рассмотрении вопроса о том, санкционировать ли или одобрить ли применение военной силы, Совет Безопасности должен всегда учитывать:

---

[363] Там же, п. 204-207.

«... a) *серьезность угрозы*. Носит ли угроза причинения ущерба безопасности государства или человека такой характер и является ли она в достаточной мере ясной и серьезной, чтобы prima facie оправдать применение военной силы? Что касается внутренних угроз, то сопряжено ли это с геноцидом и другими массовыми убийствами, этнической чисткой или серьезными нарушениями МГП, которые носят реальный характер либо, как есть опасения, неизбежно произойдут?

b) *правильная цель*. Является ли очевидным, что главная цель предполагаемых военных действий состоит в том, чтобы нейтрализовать или предотвратить данную угрозу, какие бы другие цели или мотивы ни существовали при этом?

c) *крайнее средство.* Были ли изучены все невоенные варианты отражения данной угрозы и существуют ли разумные основания предполагать, что другие меры окажутся безуспешными?

d) *соразмерность средств*. Являются ли предполагаемые военные действия по своим масштабам, продолжительности и интенсивности минимальным необходимым средством для отражения данной угрозы?

e) *сбалансированный учет последствий*. Существует ли разумная надежда рассчитывать на то, что при успешном осуществлении военных действий по отражению данной угрозы действия не вызовут худших последствий, нежели бездействие?»[364].

Существование справедливой причины для обращения к вооруженному насилию является первым и возможно наиболее важным условием ius ad bellum. Поскольку современные этические воззрения на возможность применения силы закреплены в общепризнанных договорах, то правовой анализ каждого конкретного случая применения силы должен основываться на запрете применения силы, содержащемся в Уставе ООН.

---

[364] Там же.

В общем случае, ввиду органично несовершенства организации международного сообщества государства не возражают против справедливого применения силы – они возражают только против чрезмерного её применения. Также, всегда критично они оценивают заявления о правомерности применения силы в случаях отличных от отражения непосредственных вооружённых посягательств на свои атрибуты суверенитета.

«Группа высокого уровня» в ходе реализации последующих мер по итогам Саммита тысячелетия разработала «Правила и руководящие принципы в отношении применения силы», которые устанавливают, что: «Статья 51 Устава Организации Объединенных Наций не должна быть ни переработана, ни по-новому истолкована с целью расширить ее давно сложившуюся сферу охвата (с тем чтобы превентивные меры можно было применять в отношении угроз, не носящих непосредственного характера) или ограничить ее (с тем чтобы ее можно было применять лишь в отношении совершенных нападений)»[365]. Из данных правил следует отрицание возможности признания в рамках ООН правомерности упреждающих и превентивных действий.

В основе функционирования любой международной организации всегда находится учет реального соотношения сил в международных отношениях. Не является исключением и современная система голосования в СБ ООН, которая отражает существовавшее соотношение сил в конце второй мировой войны. В момент начала функционирования ООН её Совет Безопасности состоял из одиннадцати членов, в том числе, пяти постоянных. В 1965 г. в связи с увеличением количества государств-членов ООН число членов СБ ООН было расширено до пятнадцати.

Установленное ст. 27 Устава ООН право вето обозначает, что любая резолюция должна быть обеспечена голосами как минимум девяти членов

[365] Там же, С. 105.

СБ ООН при соблюдении условия, что ни один из постоянных членов СБ ООН не проголосовал против. Резолюция не может быть принята даже в том случае, если за неё проголосовали четырнадцать представителей государств, а один постоянный член проголосовал против.

Как отмечал представитель РФ в ООН Г. М. Гатилов: «Право вето было не привилегией, а серьезным фактором, обеспечивающим консенсус и эффективность решений Совета Безопасности. Оно было основой последовательной работы Совета, гарантией исключения произвола односторонних действий против интересов членов Организации Объединённых Наций, в интересах которых действовал Совет.

Атаки на данный институт только сбивают с верного пути членов ООН без содействия успеху реформы ООН»[366]. Только в некоторых случаях вето постоянного члена СБ ООН не может быть реализовано – если постоянный член является стороной конфликта вынесенного на рассмотрение СБ ООН[367].

Исследование практики СБ ООН показывает, что применение право вето не является ограничением в практической деятельности по применению силы не только постоянными членами СБ ООН, когда они решают задачи обеспечения своих интересов. Более того, очевидна опасность положения, когда государства полагаются исключительно на реакцию Совета Безопасности ООН. Право вето до настоящего времени не позволило ООН ни разу предотвратить ни одну из угроз безопасности человечеству.

---

[366] In Two-Day Debate, 110 Member States Air Views On Security Council Reform . General Assembly Plenary - 3 - Press Release GA/9827 67th Meeting (PM) 17 November 2000. UN Doc. GA/9827.

[367] Пункт 3 ст. 27 Устава ООН: «Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам считаются принятыми, когда за них поданы голоса девяти членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета, причем сторона, участвующая в споре, должна воздержаться от голосования при принятии решения...».

В ходе холодной войны противостояние государств выразилось в 201 вето в период с 1946 по 1990 гг.[368] Еще более значительное число резолюций даже не выносилось на голосование ввиду предопределенности результата. Право вето и географическое представительство государств в СБ ООН также не дали возможности использовать потенциал ООН по легитимации способов разрешения ряда конфликтов: например, США осуществили вторжение в Ирак в 2003 г., ранее в 1999 г. НАТО осуществило бомбардировки бывшей Югославии – все эти действия происходили без одобрения СБ ООН. Очевидно, что данных ситуациях, объективно требовавших вмешательства влиятельных держав, США и НАТО не получили поддержки ООН. И поскольку США всё-таки осуществили свои действия самостоятельно, то дискуссия в СБ ООН в очередной раз продемонстрировала, как было указано в «Докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам», что «... разрешение Совета Безопасности на применение силы не является освященным временем принципом ...»[369].

Вследствие несогласования своей позиции по данному вопросу применения силы с другими членами Совета Безопасности, позднее, когда ресурсные ограничения поставили США перед необходимостью обеспечения длительной оккупации Ирака, они вновь обратились за поддержкой ООН и, естественно, не получили её.

В сопровождавшей данный процесс дискуссии США и Великобритания утверждали, что Совет Безопасности показал свою неэффективность, поскольку он не смог добиться соблюдения Ираком предшествовавших резолюций СБ ООН. Ряд других государств заявили о бесполезности Совета Безопасности, поскольку Совет не удержал Соединенные Штаты и их партнеров по коалиции от развязывания войны.

---

[368] Reus-Smit, Ch., Hanson, M., Charlesworth, H., Maley, W. The challenge of United Nations reform. Department of International Relations, RSPAS, The Australian National University, November, 2004, pg. 4.

[369] Более безопасный мир: наша общая ответственность: п.82.

По мнению третьих, отказ Совета Безопасности уступить давлению со стороны Соединенных Штатов и узаконить войну является доказательством его значимости и необходимости: несмотря на то, что Совет Безопасности не сдержал войну, он установил четкий и принципиальный критерий для оценки решения, касающегося начала войны.

Как было отмечено в докладе Группы высокого уровня: «Наплыв министров иностранных дел в залах заседаний Совета Безопасности в период обсуждений и широкое внимание со стороны общественности указывают на то, что решение Соединенных Штатов вынести вопрос о применении силы на рассмотрение Совета Безопасности явилось очередным подтверждением не только значимости, но и ключевой роли Устава Организации Объединенных Наций»[370].

Таким образом, несмотря на существование предписаний международного права о неприменении силы в международных отношениях, государства применяют её, но при этом, они обязаны предпринять все усилия, чтобы заручиться поддержкой СБ ООН для легитимации своих действий, и таким образом, снизить политические издержки своего обращения к силе.

Примеры заявлений государств, направленных на легитимацию своих действий в нормативных рамках устава ООН и опровержение предполагаемой неправомерности применения вооружённой силы, могут быть разбиты на группы в соответствии с заявляемыми обоснованиями. (см. Приложение 2, с. 429).

Также, данное положение может быть продемонстрировано примерами из практики СБ ООН, которые показывают, как государства голосуют при согласование своих воль в процессе работы над необходимыми для легитимации своих действий резолюциями СБ ООН.

---

[370] Там же.

Так, например, на 1760 заседании СБ ООН 22 октября 1973 г. обсуждалась резолюция 344 (1973) в отношении начала работы Конференции по положению на Ближнем Востоке. В голосовании отказался участвовать Китай, а остальные постоянные члены СБ ООН – великие державы: СССР, США, Франция и Великобритания – воздержались от голосования. Резолюция была принята голосами «за» 10 непостоянных членов СБ ООН.

Очевидно, в данном случае такие результаты голосования были результатом баланса интересов великих держав на Ближнем Востоке: ситуация была напряженной - необходимо было предпринимать значительные усилия для установления мира в регионе, но также очевидным было нежелание данных государств идти на уступки на идеологическом фронте. Явное проявление позиции по данному вопросу могло вызвать раздражение, как у представителей арабского мира, так и у сторонников Израиля.

Поэтому выход был найден в воздержании от голосования. Исследование как предыдущих, таки и последующих дискуссий по данному вопросу показывает, насколько часто обращались СССР и США к праву вето, например, по палестинскому вопросу, для легитимации своих действий[371].

В ряде ситуаций принятое СБ ООН решение может быть «проигнорировано», поскольку обязательство следовать предписаниям этого органа ООН не подкреплено самоисполняющимися процедурами присвоения международной ответственности за неисполнение таких предписаний. Представляется очевидным, что в таком случае присвоение международно-правовой ответственности также должно быть осуществлено через принятие резолюции СБ ООН.

[371]О частоте применения государствами права вето см.: Доклад Рабочей группы открытого состава по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и другим вопросам, связанным с Советом Безопасности. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят восьмая сессия. Дополнение №47 (Документ ООН A/58/47).

Так, например, представляется интересным рассмотрение изложения позиции Израиля, рассмотренной в данной работе ниже, в ответ на требования СБ ООН по исполнению мер, предписанных резолюцией 573 (1985), последовавшей после бомбардировок израильскими самолетами объектов ООП на территории Туниса.

В реальной правовой и политической действительности определение акта применения силы агрессией или самообороной (определение легитимности и правомерности действия) зависит только от стороны, которая даёт такое определение. Жертвы нападения всегда характеризуют его как агрессию. Нападающая сторона всегда заявляет, например, о своём праве на упреждающие и превентивные действия. Правительство всегда, когда обращается к вооружённому насилию, уверено в том (и обязано быть уверенным), что оно действует только правомерно и оборонительно.

Каждое государство самостоятельно определяет в национальном законодательстве «пороги» агрессии, например, как это было показано выше, для России агрессией признается «… применение вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН»[372]. Определение, установленное российским законодательством, не вступает в противоречие с вышеупомянутым «Определением агрессии» ГА ООН.

Как пример таких толкований терминов «агрессия», «применение силы», можно рассмотреть ряд дискуссий, состоявшихся в Совете Безопасности ООН.

1 октября 1985 г. в ответ на террористический акт Израиль осуществил воздушный удар по штабу Организации освобождения Палестины (далее –

[372] Статья 3 пункт 2. Федерального конституционного закона от 30.01.2002 N 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ, 04.02.2002, N 5, ст. 375.

ООП) в пригороде Туниса Бордж Седриа[373], в ходе которого были убиты и ранены более ста человек. После удара Министр обороны Израиля заявил: «Мы решили, что время является подходящим для нанесения удара по расположению штаба, в котором принимают решения, планируют и осуществляют террористические действия»[374].

В последовавших дебатах в СБ ООН, посол Израиля заявил, что Тунис предоставил свою территорию для использования в качестве базы для террористов; следовательно, данное государство являлось законной целью для вооруженной акции Израиля, соразмерной предшествовавшему и ожидаемому ущербу от действий террористов[375]. Совет Безопасности голосованием (14 - «за», 1 - «воздержавшийся» (США))[376] принял Резолюцию 573, осуждающую «активную вооружённую агрессию» Израиля.

Документ потребовал от Израиля «воздерживаться от совершения или угрозы совершения подобных актов агрессии»; подтвердил право Туниса на репарации, и попросил государства-члены «принять меры к тому, чтобы удерживать Израиль от совершения подобных актов против суверенитета и территориальной неприкосновенности всех государств...»[377].

Соединённые Штаты воздержались от голосования в Совете Безопасности, так как предложенная резолюция не содержала упоминания о терроризме со стороны ООП, что США сочли неприемлемым. Представитель США заявил, что Соединённые Штаты «признают, и в значительной степени, поддерживают принцип, в соответствии с которым государство, являющееся объектом продолжающихся террористических нападений, обладает правом на осуществление приемлемых ответных мер с применением силы для того, чтобы защитить себя от последующих нападений», и такое действие

---

[373] Письмо постоянного представителя Туниса при Организации Объединенных Наций от 1 октября 1985 г. на имя Председателя Совета Безопасности. Документ ООН S/17509.
[374] '3 Israelis Slain by Palestinians in Cyprus,' N.Y. Times, Sept. 26,1985: A3, col. 4.
[375] Выступление Посла Нетаньяху (Израиль), Документ ООН S/PV.26l5.
[376] Результаты голосования по проекту резолюции (Документ ООН S/17535).
[377] Документ ООН S/RES/573.

«является одной из сторон неотъемлемого права на самооборону, признаваемого Уставом ООН», и что США «поддерживают данный принцип независимо от того, кто является агрессором, а кто - жертвой»[378].

В ходе обсуждения представителями государств, как всегда, подчеркивалось обязательство государств-членов ООН во всех аспектах соблюдать уставной принцип ст. 2 п. 4 Устава ООН об обязательстве не применять силу. Обсуждение продемонстрировало также обстоятельство, которое можно назвать признаваемой коллизией между положениями ст. 2 п. 4 об обязанности не применять силу в международных отношениях и регулирующей обращение к самообороне ст. 51 Устава ООН (аргументы сторон см. Приложение 3, с. 430).

Резолюция 573 (1985) СБ ООН гласит следующее: «Совет Безопасности, ... считая, что в соответствии с пунктом 4 Статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций все члены должны воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций, … учитывая, что правительство Израиля взяло на себя ответственность за это нападение, как только оно было совершено:

1. решительно осуждает акт вооруженной агрессии, совершенный Израилем в отношении территории Туниса, который представляет собой вопиющее нарушение Устава Организации Объединенных Наций, международного права и норм поведения;

2. требует, чтобы Израиль воздерживался от совершения или угрозы совершения подобных актов агрессии; 3. настоятельно просит государства-члены принять меры к тому, чтобы удерживать Израиль от совершения

[378] Документ ООН S/PV.26l5, С. 111-112.

подобных актов против суверенитета и территориальной неприкосновенности всех государств …».

На государства-стороны конфликта была возложена обязанность предоставить отчёт о выполнении данной резолюции. Генеральный секретарь представил 29 ноября 1985 г. доклад[379], в котором содержались полученные им ответы государств-членов. В своем ответе правительство Израиля заявило, что оно отвергает все утверждения о том, что его действия, направленные против штаб-квартиры ООП в Тунисе, являются «актом агрессии».

Были сделаны ссылки на резолюции ГА ООН 1970 г. и 1974 г., содержащие, соответственно, «Определение агрессии» и «Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций»[380], в которых Генеральная Ассамблея четко установила, что «акт агрессии» имеет место тогда, когда страна не выполняет своего «обязательства воздерживаться от организации или поощрения организации нерегулярных вооруженных сил или вооруженных банд, включая наемников, в целях проникновения на территорию другого государства».

Кроме того, в названных документах Генеральная Ассамблея потребовала, чтобы государство не допускало проведения «организованной деятельности на его территории, направленной на совершение ...[террористических] актов»; а, Тунис, разрешив ООП создать экстерриториальную базу для проведения ее операций, прямо нарушил обе эти резолюции.

---

[379] Документ ООН S/17659/Rev.1 (приложения), Официальные отчеты Совета Безопасности, сороковой год, Дополнение за октябрь – декабрь 1985 г.
[380] Резолюция Генеральной Ассамблеи 3314 (XXIX) «Определение Агрессии». URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/3314(XXIX).

Представитель Израиля также заявил, что резолюция 573 (1985) Совета Безопасности искажает не только принцип самообороны, но и «саму концепцию» агрессии, отказывая Израилю в праве защищать себя и даже осуждая его за такие действия; поэтому Израиль расценивает содержание этой резолюции как неприемлемое и отвергает, в частности, неверное употребление терминов «акты агрессии» и «акты вооруженной агрессии».

Не только Израиль осуществлял репрессалии. Так например, США наносили удар по Ливийской Арабской Джамахирии в городах Триполи и Бенгази в связи с террористическим нападение на дискотеку в Берлине и взрывом авиалайнера ПанАм над Локерби Вопрос обсуждался в ходе восьми заседаний СБ ООН в апреле-июне 1986 г.[381] Обсуждалась именно та самая сложная проблема права применения силы - проведение линии разграничения или разрешения коллизии между «общей нормой», установленной в пункте ст. 2 п. 4 Устава, и исключением из этой нормы - «неотъемлемого права на самооборону», предусмотренного в ст. 51 Устава ООН.

Данный спор был урегулирован лишь в августе 2008 г. вне переговорного процесса в рамках СБ ООН, когда США и Ливия достигли договоренности о погашении взаимных претензий. Официальные лица Ливии не признали свою вину за взрыв в 1988 г. над Шотландией пассажирского самолета авиакомпании Pan American (погибли 270 человек, в большинстве своем граждане США), и за взрыв на берлинской дискотеке «Ла Белле» в 1986 г. (пострадало более 100 человек, также граждане США), но в октябре 2008 г. запрашиваемая сумма в размере 1,5 миллиарда долларов была переведена на счет специального фонда в США. В свою очередь Соединенные Штаты выплатили 300 миллионов долларов родственникам

[381] Документы ООН: S/PV.2673; S/PV.2674; S/PV.2675; S/PV.2676; S/PV.2677; S/PV.2678; S/PV.2679; S/PV.2680 (1986).

ливийцев, погибших в результате удара американцев по Триполи и Бенгази в 1986 г. (жертвами бомбардировок стали более 100 человек)[382].

Как уже было показано, главной проблемой политической легитимации акта применения силы в межгосударственных отношениях, то есть, обеспечения признания его справедливым способом разрешения конфликта, является поиск и заявление обоснования необходимости и соразмерности такого акта.

В отличие от критерия соразмерности, достаточно полно регламентированного в МГП, необходимость акта применения силы, является по своей сути политической, т. е. внеправовой оценкой, опирающейся главным образом на морально-этическую аргументацию, хотя и заявляется в терминах права.

В общем случае оценка легитимности какого-либо акта применения силы должна исходить из определения того, соответствует ли он ожиданиям основных акторов, и не нарушает ли он международные обязательства государства, т. е. является или нет данный акт несправедливым/неправомерным[383] применением силы, либо угрозой её применения.

Признание конкретного акта применения силы легитимным осуществляется в ходе политического процесса, формализуемого в дискуссиях Совете Безопасности ООН.

---

[382] См.: Саможнев А. Оплата «кровавого» счета. Опубликовано в Российской Газете (Федеральный выпуск) N4789 от 11 ноября 2008 г. URL: http://www.rg.ru/2008/11/11/usa-livia.html.

[383] Статья 1 п. 1 Устава ООН определяет, что поддержание международного мира и безопасности и с этой целью принятие эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проведение мирными средствами улаживания или разрешения международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира, должны проводиться *в согласии с принципами справедливости и международного права*.

3.2. Анализ обращения к концепции стратегического легализма в случае обоснования вмешательства в конфликты на территории третьих государств для предотвращения гуманитарных катастроф

Одним из немногих случаев вмешательства в конфликты на территории третьих государств, получивших признание и оформление в резолюциях СБ ООН, является конфликт, связанный с применением силы государствами-членами НАТО в Косово в 1999 г.

Одной из сложнейших особенностей для политического анализа необходимости обращения к военной мощи для разрешения данного конфликта является то, что вследствие сильного пропагандисткого давления данный конфликт обсуждается отдельно от контекста событий, который сопровождал распад бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия. Во-первых, силовое противостояние в косовском конфликте берет начало в 1989 г., но не только весной 1999 г.; во-вторых, территориально, его рассмотрение умышленно ограничивается только территорией Косово.

То есть, споры о косовском прецеденте и до настоящего времени часто базируются на ошибочных посылках, являющихся следствием пропагандистских компаний. Но именно в ходе дискуссий по оценке косовского кризиса была сформулирована концепция «ответственность по защите»[384], которая объявляет акты гуманитарного вмешательства для защиты гражданского населения от бедствий вооруженного противостояния на территории какого-либо государства без его согласия легитимными не

[384] Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 16 сентября 2005 г. Документ ООН A/RES/60/1. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/487/62/PDF/N0548762.pdf?OpenElement (дата обращения: 10.10.2015)

только при условии принятия СБ ООН резолюции разрешающей применение силы, но так же и при одобрении вмешательства *post factum*.

Впервые военное вмешательство без полномочий от ООН было легитимировано *post factum* резолюцией Совета Безопасности после принуждения силами региональной организации противоборствующих сторон к мирным процедурам урегулирования на завершающем этапе конфликта в Косово в 1999 г. А с момента «кодификации» концепции «обязанность защищать» в решениях Всемирного Саммита 2005 г. [385] СБ ООН, хотя и получил в своё распоряжение необходимый инструментарий, не стал его использовать для разрешения гуманитарных конфликтов в Йемене, Сомали, Шри-Ланка, Демократической республике Конго, Сирии, и обратился к нему всего один раз – для разрешения кризиса в Ливии[386].

К моменту принятия весной 1999 г. государствами-членами НАТО решения о применении силы без разрешения СБ ООН в международном сообществе уже был сформирован консенсус в отношении не только необходимости, но и обязанности по предотвращению и противодействию геноцидальным проявлениям, и наказанию за их совершение.

Уже представлялось очевидным, что как последнее средство для защиты гражданского населения, а также для возвращения к доконфликтному *status quo* - восстановлению автономии, в Косово должны были появиться вооружённые формирования, даже вопреки вето какого-либо Постоянного члена СБ ООН, и, равным образом, основанные на заведомом знании об невозможности быстрого реагирования со стороны СБ ООН[387].

---

[385] Коростелев С. В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80). С.26-31.

[386] Kantareva, Silva D. The Responsibility to Protect: Issues of Legal Formulation and Practical Application. Interdisciplinary Journal of Human Rights Law. Vol. 6:1 2011–2012. Pgs. 1-25.

[387] Принятые Советом Безопасности резолюции 1160 (1998), 1199 (1998) и 1203 (1998) Совета Безопасности в отношении урегулирования косовской ситуации не предоставляли каких-либо средств к прекращению насилия, констатируя ситуацию и обращаясь лишь с

Именно поэтому существенной особенностью процесса разрешения кризиса в Косово стало то, что вмешательство произошло ввиду стечения ряда обстоятельств и было осуществлено той же группой государств, которые проводили действия по защите населения Руанды.

В общем случае интервенция (вмешательство) во внутренние дела государства квалифицируется как грубое нарушение международного права, но в чрезвычайных гуманитарных ситуациях, особенно когда последствия несвоевременного реагирования на кризис выплёскиваются за пределы государственных границ, международное сообщество может признавать необходимость соразмерного вмешательства.

В косовском случае, когда продолжавшиеся с 1989 г. беспорядки и боевые действия уже привели к гибели около четверти миллиона человек и к изгнанию с мест проживания почти миллиона человек[388], решение об использовании сил НАТО для прекращения насилия со стороны сербских формирований к населению Косово было спровоцировано массовой миграцией в начале 1999 г.[389]

В процессе установления легитимности поведения государств очень важен учет временного интервала оценки: непосредственно, в момент бомбардировок силами НАТО сербских формирований в Косово и объектов

требованиями, заявляя об «обеспокоенности» увеличением нарушений прав человека и международного гуманитарного права, призывая решать имеющиеся проблемы политическим средствами, и т. д. Важно отметить, что резолюции были обращены в равной мере не только к руководству Союзной Республики Югославия, но и к руководителям косовских албанцев и всем другим членам албанской общины Косово.

[388] Не менее существенную роль в обосновании решения на применение силы также сыграло то, что сербское правительство не выполняло ранее заключенные соглашения и не желало учитывать интересы своих соседей, принимавших значительное количество беженцев. См.: Independent International Commission on Kosovo: The Kosovo Report. URL: http://www.reliefweb.int/library/documents/thekosovoreport.htm (дата обращения: 18.10.2015).

[389] О возможной эскалации конфликта по боснийскому сценарию свидетельствовало событие 15 января 1999 г., когда в деревне Рачак после операции сербских сил безопасности было обнаружено 45 погибших, а пять с половиной тысяч человек покинули место проживания. См .: Документ ООН Press Release SC/6628 3967th Meeting (Night) 19 January 1999. URL: http://www.un.org/press/en/1999/19990119.sc6628.html (дата обращения: 20.11.2015).

непосредственно в Сербии в период с 24 марта по 10 июня 1999 г., абсолютным большинством наблюдателей такой акт применения силы расценивался как несправедливый; но если давать ему оценку, например, в приложении к периоду с 1989 г. по 1999 г., - то, как чрезвычайно справедливый, поскольку его итогом явилось прекращение как массовых этнических чисток на территории бывшей Югославии, так и исхода населения Косово на территории сопредельных государств.

Такое предположение подтверждается Консультативным заключением Международного суда ООН (далее – МС ООН) относительно соответствия одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права[390], которое ссылается на резолюцию 1244 (1999) СБ ООН[391], как источник международно-правовых обязательств.

Принятие данной резолюции служит подтверждением того, что силовое принуждение воюющих к мирным способам разрешения конфликта происходило в общих интересах. В п. 3 резолюции СБ ООН потребовал, «чтобы Союзная Республика Югославия немедленно и поддающимся контролю образом прекратила насилие и репрессии в Косово и начала и завершила поддающийся контролю поэтапный вывод из Косово всех военных, полицейских и военизированных сил согласно ускоренному графику».

В п. 5 резолюции СБ ООН постановил развернуть в Косово под эгидой ООН международные гражданское присутствие и присутствие по безопасности и приветствовал согласие Союзной Республики Югославия (далее – СРЮ) на такие присутствия. Пункт 15 резолюции требовал, чтобы Освободительная армия Косово и другие вооруженные группы косовских

---

[390] См.: Параграф 58 Консультативного заключения Международного Суда относительно соответствия одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права. Документ ООН A/64/881.
[391] Документ ООН S/RES/1244 (1999).

албанцев немедленно прекратили все наступательные действия и выполнили требования в отношении демилитаризации.

Непосредственно перед принятием резолюции 1244 (1999) руководство СРЮ было принуждено действиями сил НАТО к подписанию Военно-технического соглашения от 9 июня 1999 г.[392] (далее – ВТС), статья I.2 которого предусматривала развертывание «Сил для Косово» (далее - СДК)[393] и разрешала им «действовать в Косово беспрепятственно и с полномочиями принимать все необходимые меры с целью установления и поддержания безопасной обстановки для всех граждан Косово и иным образом осуществлять свою миссию».

Военно-техническое соглашение также предусматривало вывод наземных и военно-воздушных сил СРЮ, за исключением «согласованного числа югославского и сербского военного и полицейского персонала». По своей сути положения ВТС стали мерами, обеспечившими имплементацию резолюции 1244 (1999).

Таким образом, СБ ООН *post factum* легитимировал результаты действий сил НАТО по принуждению к миру. Так, например, ст. II п.2 (а) ВТС определяла: «…как только установлено, что силы Союзной Республики Югославии выполнили положения настоящего подпункта и пункта 1 настоящей статьи, воздушные удары НАТО приостанавливаются.

Распоряжение о приостановлении продолжает действовать при условии, что полностью соблюдаются обязательства настоящего соглашения и что Совет Безопасности принимает резолюцию о таком быстром

---

[392] Военно-техническое соглашение между международными силами безопасности (СДК) и правительствами Союзной Республики Югославии и Республики Сербии о процедурах и режиме вывода из Косово сил безопасности Союзной Республики Югославия. Документ ООН S/1999/682.
URL: http://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/990615_MilitaryTechnicalAgreementKFORYugoslaviaSerbia%28ru%29.pdf (дата обращения: 20.11.2015).

[393] Более известны под названием КФОР (KFOR – Kosovo Force).

развертывании международных сил безопасности (СДК), при котором можно было бы избежать вакуума в плане безопасности»[394].

Таким образом, государства НАТО обусловили прекращение бомбардировок обеспечением: во-первых, долговременного прекращения военных действий; во-вторых, санкционирования, развертывания, функционирования и поддержки деятельности международных сил безопасности.

Также, обязательным условием деятельности международных сил безопасности в тексте ВТС заявлялось наделение их правом применять необходимую силу не только для самообороны, но и для создания безопасной обстановки для международного гражданского присутствия и других международных организаций, учреждений и неправительственных организаций, и для принятия всех необходимых мер с целью установления и поддержания безопасных условий жизни для всех граждан Косово[395].

В итоге, 10 июня 1999 г. на основании Главы VII Устава СБ ООН принял резолюцию 1244 (1999), которая создала международно-правовые обязательства для всех сторон конфликта уже не по прекращению огня, а по урегулированию гуманитарного кризиса, поскольку масштабное насилие в отношении гражданского населения на территории Косово было прекращено применением сил НАТО в отношении элементов системы государственного управления СРЮ.

Такова реальность современной системы международных отношений, в которой государства признают, что СБ ООН обладает главной, но не исключительной ответственностью за поддержание международного мира и безопасности, а, следовательно, не только СБ ООН может определять содержание международной практики, в ходе которой абстрактные нормы международного права реализуются в конкретных обстоятельствах.

---

[394] ВТС, см. выше.
[395] ВТС, ст. I п. 4., Добавление «В».

Проблема баланса и конфликта двух необходимых аспектов, составляющих основу как сотрудничества, так и конкуренции в рамках системы современных международных отношений, а именно, сосуществования универсальных обязательств государств в сфере международной безопасности, основанной на уважении их суверенных прав, и обязательств по защите прав человека, особенно в ходе вооружённых конфликтов, - очень хорошо иллюстрируется одним из заявлений, сделанных при обсуждении косовской ситуации в СБ ООН: «... мы завершаем операцию, которую не должны были проводить. Мы искренне надеемся, что те немногие делегации, которые утверждали, что воздушные операции Организации Североатлантического договора (НАТО) против Союзной республики Югославии являются нарушением Устава Организации Объединённых Наций, в один прекрасный день осознают, что Устав не является единственным источником международного права»[396].

Данная позиция основана на том, что в Уставе ООН гораздо более подробно разработаны вопросы соблюдения суверенитета, нежели прав человека… Это подтверждено голосованием 26 марта 1999 г., когда проект резолюции, вынесенный Россией и Китаем, был отвергнут 12 голосами членов СБ ООН против 3»[397].

Сторонники вмешательства оправдывали свои действия как исключительную и продиктованную крайней гуманитарной необходимостью меру, и определяя её как «минимум, который был сочтен необходимым для этой цели»[398]. Более того, определение положения в Косово как «угрозы

---

[396] Выступление г-на ван Валсума (Нидерланды) на 4011-м заседании СБ ООН 10 июня 1999 г. Документ ООН S/PV.4011.

[397] Выступавший ссылался на обсуждение проекта резолюции, в поддержку которой выступили только Китай, Намибия, Российская Федерация. См.: стенограмма 3989-го заседания СБ ООН 26 марта 1999 г. Документ ООН S/PV.3989. Текст проекта резолюции предлагал определить применение НАТО силы против СРЮ как «угрозу международному миру и безопасности». См.: документ ООН S/1999/328.

[398] Выступление сэра Дж. Гринстока (Соединённое Королевство) на 3988-м заседании СБ ООН 24 марта 1999 г. Документ ООН S/PV.3988.

международному миру и безопасности» в резолюциях СБ ООН 1199 (1998) и 1203 (1998), к началу вмешательства уже формально вывело ситуацию из исключительно внутренней юрисдикции государства[399].

Данная концепция использования норм международного права для легитимации акта применения силы была подробно исследована в докладе Независимой международной комиссии по вопросу Косово (далее - НМКК).

Изложенную в отчете НМКК позицию можно рассматривать, как особую форму буквального толкования положений международных соглашений, когда: во-первых, происходит поиск формального источника легитимности как основания обращения к силе; во-вторых, предлагается политически мотивированное обоснование приоритета найденного обоснования акта применения силы над иными существующими международными нормами.

Такая модель обоснования актов применения силы, впервые использованная в косовском конфликте, является весьма привлекательной для обоснования позиции государства, поскольку она разрешает использовать «описательное» условие формального толкования, когда смысл регулирования объясняется как общее правило, в точном соответствии с «текстом» нормы международного права (иначе говоря, осуществляется буквальное толкование).

Но при этом опускается вторая часть процесса разъяснения, когда должно происходить раскрытие свойства нормативности заявляемой нормы, т. е. обязательности её применения исключительно к типичным, однородным, часто повторяющимся взаимодействиям в международных отношениях. Также в этом случае намеренно не рассматриваются как правовые связи нормы – её взаимоотношения с другими юридическими предписаниями и правовыми принципами, так и ее внеправовые связи с другими

---

[399] Выступление г-на Тюрка (Словения) на 3988-м заседании СБ ООН 24 марта 1999 г.
Там же.

общественными явлениями. Аргументация в этой части обоснования является не правовой, а морально-этической и политической.

Получившая в ходе косовского конфликта развитие концепция применения силы для решения гуманитарных задач без согласия государства, являющегося объектом вмешательства, может быть применена и для оценки заявлений о легитимности применения силы, как в отношении Ливии, так и Сирии, но только на некоторых этапах операций. В данных случаях необходимо обращать внимание на то, что даже существование разрешающей резолюции СБ ООН не является безусловным одобрением применения силы, поскольку нужно оценивать реакцию третьих сторон на то, как, например, страны НАТО интерпретировали данную резолюцию.

В ливийском конфликте формирования сил стран НАТО должны были действовать на основании резолюции СБ ООН[400], разрешившей применение силы, ограниченное решением задач:

защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения, но исключая при этом возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории;

обеспечения соблюдения запрета на все полеты в воздушном пространстве Ливийской Арабской Джамахирии, чтобы помочь защитить гражданское население;

обеспечения строгого соблюдения эмбарго на поставки оружия путём проведения на своей собственной территории, включая морские порты и аэропорты, и в открытом море досмотр морских и воздушных судов, следующих в Ливийскую Арабскую Джамахирию или из нее, если у данного государства имеется информация, которая дает разумные основания полагать, что перевозимый груз содержит предметы, поставка, продажа,

[400] Документ ООН S/RES/1973.

передача или экспорт которых запрещены, включая доставку вооруженных наемников.

Но в ходе применения силы военные формирования государств НАТО вышли за рамки политической легитимации, формально установленные в резолюции 1973 (2011), и, возможно, что уже изначально их действительные цели были ориентированы на изменение политического режима в государстве-объекте вмешательства.

Такой выход за пределы разрешенного способа применения силы не получил впоследствии осуждения в СБ ООН. И тем самым, в очередной раз встал вопрос о возможности доверия к данному международному институту и, соответственно, необходимости запрашивать у него разрешение на применение силы не только при вскоре наступившей необходимости разрешения кризиса в Сирии, но и в общем случае.

Допустимость выхода за формальные ограничения, определённые в резолюции СБ ООН в соответствии с предписанными процедурами, даже обоснованная существенными моральными аргументами, может выводиться только из реакции третьих сторон, которые, во-первых, учитывают расхождение заявляемых и реальных национальных целей государств, осуществляющих вмешательство; и, во-вторых, степень их совпадения со своими собственными национальными целями.

Именно вследствие этого даже одобренный СБ ООН акт применения силы для решения гуманитарных задач в чрезвычайных ситуациях не обязательно будет политически легитимирован; либо, возможно, он получит такое признание по прошествии достаточно длительного периода времени.

Необходимо отметить, что парадигме Устава ООН сформирована особая методика обоснования актов применения силы, которая обязывает государства гарантировать, что действия, даже осуществляемые в обход прописанных в Уставе ООН процедур, всё-таки будут проводиться в соответствии с целями и принципами ООН. В такой системе обоснования каждый акт применения силы заведомо предполагается «неправомерным», но

на государстве лежит бремя доказывания того, что его действия легитимны, поскольку осуществляются в общих интересах мирового сообщества, а, следовательно, являются «справедливыми» в той же парадигме ООН.

Исследование актов применения силы и сопровождающих их заявлений государств о необходимости их легитимации при отсутствии санкции СБ ООН позволяет вывести некоторые правила поведения, действующие в среде государств, чьи возможности, как военные, так и политические (либо даже исключительно политические), позволяют обеспечивать свои национальные интересы, и, которые, что естественно, заявляются ими как справедливые / правомерные.

В этом процессе нельзя опираться только на буквальное толкование положений Устава ООН, регламентирующих применение силы, но и учитывать совокупность других факторов: например, цели применения силы (как заявляемые, так и реальные), и их восприятие акторами справедливыми (т. е. ведущими к достижению и поддержанию общих целей - международному миру и безопасности, защищающими человека от грубого нарушения его основных прав), а также иные сопутствующие и случайные обстоятельства международной обстановки.

В таком случае положения Устава будут уважаться как достаточные нормы, которые обеспечивают как необходимое следование целям ООН, так и «коллективное понимание поведения акторов как должного»[401], т. е. служат основой оценки легитимности. Именно так, как «должные», «не в соответствии с правом, но легитимные», были оценены МНКК действия государств НАТО в Косово.

Возможен и иной поход к разъяснению того, что такие силовые действия в обход процедур ООН, в действительности не нарушают принципов, заявленных в Уставе ООН.

---

[401] Legro, Jeffrey W. Which Norms Matter? Revisiting the 'Failure' of Internationalism. International Organization, Winter 1997, V. 51, iss. 1, pp. 31-63. P.33.

Например: «свидетельство о существовании права … требует, чтобы орган власти или индивид, применяющий норму, либо заявляющий о её существовании, смог продемонстрировать фактическое существование признаков, по которым можно заявить о существования нормы, – вне зависимости от того, относится ли это к источникам, процедурам создания нормы, её сущности, или последствиям применения»[402].

Если последствием действий акторов является прекращение масштабных страданий гражданского населения и принуждение конфликтующих к миру, то не является ли это свидетельством существования международной нормы, в соответствии с которой они действовали[403]? Иначе, неужели в чем-то ином состоит цель Устава ООН?

В общем случае, предлагаем, во-первых, определять как «гуманитарное вмешательство» только лишь те действия по предоставлению гуманитарной помощи и защиты с применением военной силы, которые осуществляются государствами индивидуально, либо коллективно без одобрения СБ ООН[404].

Действия отдельных государств, либо многонациональных сил по предоставлению помощи и защиты не следует определять как «гуманитарные вмешательства», если они осуществляются на основании полномочий от Совета Безопасности, либо силами ООН, либо теми силами, которые подпадают под определение «коллективных» в соответствии с Главой VII Устава ООН.

---

[402] Aspremont, Jean d'. Formalism and the Sources of International Law: A Theory of the Ascertainment of Legal Rules. OUP Oxford, 15 September 2011. 266 pgs. P. 13.

[403] Вмешательство с применением военных средств для замены элит в другом государстве, как способ применения силы, практически никогда не получает признания международного сообщества. В тоже время, как sui generis, интерес может представлять рассмотрение военного вмешательства Вьетнама в Камбоджу для смещения правительства «красных кхмеров», которое почти все камбоджийцы восприняли как освобождение. Рядом делегаций в СБ ООН было выражено возмущение фактом вмешательства бóльшее, чем осуждение геноцида, который осуществляли «красные кхмеры», и «которые при этом более 10 лет занимали место в Генеральной Ассамблее ООН». См.: Документ ООН S/PV.2108.

[404] См.: Коростелев С.В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87).

Равным образом гуманитарные действия ООН по предоставлению помощи в Северном Ираке в 1991 г., на территории Сомали в 1992 г., в Дарфуре в 2007 г. могут лучше всего быть охарактеризованы, как «коллективное применение силы» в соответствии с Уставом ООН. Если описывать какое-либо из приведённых действий как «гуманитарное вмешательство» – значит, по сути, лишить термин его сущностного содержания.

Во-вторых, «гуманитарное вмешательство» может быть направлено против как правительственных, так и не связанных с правительством акторов, например, на территории несостоятельного, т. е. разрушившегося государства.

В-третьих, силовая акция не должна предприниматься вследствие приглашения законного правительства государства-объекта вмешательства, либо с его явно выраженного согласия.

В-четвертых, как показала практика, «гуманитарное вмешательство» помимо решения задач предоставления помощи и защиты может быть «нацелено на изменение действий территориального правительства для того, чтобы прекратить преследование какого-либо отдельной группы; иногда цель расширяется до полной замены режима, как способа изменения его вызывающего обеспокоенность поведения»[405].

С момента окончания Холодной войны отношение международного сообщества к военному вмешательству для предоставления помощи и защиты претерпело существенные изменения. Поскольку ранее такие вмешательства со стороны отдельных государств чаще всего не получали одобрения СБ ООН, то, соответственно, обязательства по признанию ситуации у мирового сообщества в целом не появлялись.

---

[405] Eichensehr, Kristen E. Defending Nationals Abroad: Assessing the Lawfulness of Forcible Hostage Rescues Virginia Journal of International Law. Volume 48 — Issue 2 — Page 451. p.463.

Но с изменением приоритетов международной безопасности политические оценки, даваемые в ходе дискуссий, в конце концов, поспособствовали определению существенных элементов развивающейся новой международной нормы «ответственность по защите»[406].

Её сущностное отличие от традиционной нормы «гуманитарного вмешательства» заключается в обязательности легитимации действий государств в резолюции СБ ООН, даже *post factum*, как это было сделано в отношении ситуации в Косово резолюцией 1244 (1999).

Необходимо отметить, что складывающийся порядок предоставления гуманитарной помощи и защиты в ряде случаев может вступать даже в противоречие с позицией должностных лиц ООН.

Так, например, в докладе Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать»[407] отмечено, что ни одна стратегия выполнения обязанности защищать население не будет полной, если она не будет предусматривать возможность принятия коллективных принудительных мер, включая осуществление, в крайнем случае, санкций или силовых военных операций в соответствии со ст. ст. 41 или 42 Устава, Генеральной Ассамблеей в соответствии с процедурой, предусмотренной в резолюции «Единство в пользу мира», или региональными или субрегиональными механизмами в соответствии со ст. 53 Устава с предварительного разрешения Совета Безопасности.

Датский институт международных отношений проводил исследование практики осуществления «гуманитарных вмешательств»[408], результаты которого были использованы НМКК в качестве методологической основы

---

[406] Иногда эту норму называют обоснованием «третьего вида правомерного применения силы»: первый – с санкции СБ ООН, второй – самооборона на основании ст. 51 Устава ООН, третий – «ответственность по защите». См.: Hurdaug, Ian. Bomb Syria, Even if It Is Illegal. The New York Times. August 27, 2013.
URL: http://www.nytimes.com/2013/08/28/opinion/bomb-syria-even-if-it-is-illegal.html?_r=1 (дата обращения: 22.11.2015).

[407] Документ ООН A/63/677, п. п. 55, 56.

[408] Humanitarian Intervention. Legal and Political Aspects. Danish Institute of International Affairs 1999. 2nd impression 2000. 135 pgs.

анализа разрешения косовского конфликта. Институтом были предложены пять критериев для оценивания легитимности «гуманитарного вмешательства» в рамках парадигмы ООН:

- существование серьёзных нарушений прав человека или МГП;
- неспособность СБ ООН выполнить свои обязанности;
- многосторонний характер действий по защите;
- применение силы - только необходимое и соразмерное;
- «незаинтересованность» вмешивающихся государств.

Комиссия, в свою очередь, в качестве методологического аппарата для выявления уровня международного признания «гуманитарного вмешательства» в развитие предложений Датского института международных отношений предложила набор принципов оценки легитимности акта применения силы, разделенных на две группы[409].

Первая группа определяла т. н. «пороговые принципы», которым должно удовлетворять всякое притязание на справедливый характер акта гуманитарного вмешательства.

Вторая группа (т. н. «контекстуальные принципы») определяла критерии, применение которых к оценке действий вмешивающихся государств позволяло делать вывод об увеличении или уменьшения уровня международной поддержки акта вмешательства. Входящие во вторую группу принципы могут быть применены для определения необходимости обращения к силе как до осуществления вмешательства, так и для оценки его правомерности post factum, в том числе и вне мандата СБ ООН государствами как в составе коалиции, так и самостоятельно.

Пороговыми принципами НМКК определила:

1. «Механизмы инициирования» гуманитарного вмешательства. Первый – это существование серьёзных и масштабных нарушений прав человека, либо норм гуманитарного права в течение продолжительного

[409] Independent International Commission on Kosovo. См. выше.

времени. Второй – это подвергание гражданского общества широкомасштабным страданиям и риску вследствие «несостоятельности» государства, т. е. разрушения государственного управления в масштабах всего территориального суверенного государства.

2. Необходимость непосредственной защиты подвергаемого насилию населения как важнейшая цель любых этапов гуманитарного вмешательства, предусматривающих как угрозу применения силы, так и её непосредственное применение.

3. Срочность и неизбирательность вмешательства: гуманитарная катастрофа должна быть прекращена как можно быстрее, защита всех гражданских лиц должна предоставляться всем категориям без исключения, сопутствующий ущерб должен сводиться к минимуму. Кроме того, использование мер наказания или возмездия против правительства должно быть исключено. То есть, изменение формы правления в государстве-объекте вмешательства является недопустимым.

К «контекстуальным» принципам НМКК были отнесены следующие условия реализации гуманитарной помощи и защиты с помощью военных средств:

4. Должны быть предприняты существенные усилия для поиска мирного разрешения конфликта. Найденное решение должно гарантировать, что злоупотребления прекращены гарантированно и на длительный срок, либо осуществляется процесс восстановления надлежащей власти.

5. Обращение к СБ ООН или отсутствие решения ООН не являются безусловно необходимым фактором. Такие ситуации возникают, когда один из постоянных членов СБ ООН реализует своё право вето, либо происходит необращение к СБ ООН из-за нежелания получить такое неизбежное вето, которое сделает нецелесообразным последующее обращение к Генеральной Ассамблее ООН. Такое противодействие праву вето оправданно, если значительное количество государств соглашаются с существованием

состояния гуманитарной катастрофы или неизбежностью её наступления и формируют коалицию для противодействия ей.

6. До начала осуществления мер принуждения с применением военной силы переговорные мероприятия и меры понуждения, включая санкции, ограничения в торговле и иные меры должны потерпеть неудачу; и дальнейшая задержка в реагировании может привести к гуманитарной катастрофе.

7. Любая угроза, либо непосредственное применение силы не должно быть односторонним, оно должно получить коллективную поддержку, как в оправдание такого акта, так и в его реализации рядом государств.

8. Со стороны главных органов ООН в сфере оценки правомерности применения силы, а именно, СБ ООН, либо МС ООН, не должно быть заявлено какого-либо формального осуждения, либо негативной оценки.

9. На всех этапах военных операций, в том числе во время оккупации после прекращения огня, должно быть обеспечено более жесткое следование законам и обычаям войны и МГП, чем в случае проведения стандартных операций.

10. Стремление к достижению каких-либо территориальных, либо экономических целей является недопустимым для обеспечения признания легитимности вмешательства. Вмешивающиеся государства должны быть гарантированно готовы к выведению военных сил и прекращению экономических мер в кратчайшие сроки после достижения гуманитарных целей.

11. После того, как применение вооруженных мер достигло своей цели, необходимо активно осуществлять гуманитарную миссию направлением на неё существенных ресурсов для поддержки населения и обеспечения быстрых и гуманных преобразований для возвращения населения к нормальной жизни. Это само по себе подразумевает отказ от широкомасштабных и карательных санкций.

Таким образом, практика государств, в некоторых случаях поддержанная СБ ООН, привела к развитию достаточного институционального инструментария для урегулирования проблем легитимации «гуманитарного вмешательства». Но, тем не менее, государства, проводящие активную военную политику, неизбежно вынуждены преодолевать политические ограничения, связанные с получением необходимого разрешения на применение силы от СБ ООН.

Совет Безопасности как институт (в широком смысле - международное сообщество) пришел к признанию того, что, действуя на основании Главы VII Устава ООН и в соответствии с формирующейся нормой коллективной международной ответственности за защиту, он может «условно» санкционировать применение военной силы государствами самостоятельно для исправления катастрофического положения на территории какого-либо государства, если он готов объявить, что ситуация создает «угрозу международному миру и безопасности» соответствии со ст. 39 Устава ООН[410].

Тем самым, непосредственно не разрешая применение силы, СБ ООН «предлагает» государствам осуществлять «конструктивное неследование»[411] процедурам Устава ООН, и гарантирует при этом неосуждение «гуманитарного вмешательства».

Подводя итог, определим сущностное содержание данной международной нормы, регламентирующей вмешательство с применением военной силы ввиду крайней необходимости.

Во-первых, описательное условие нормы – общее правило, формулируемое в терминах международного права и в котором презюмируется существование коллективной международной ответственности за защиту, которая *предположительно* может быть

[410] Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Документ ООН A/59/565, п. 202.
[411] Hurdaug, Ian. См. выше.

формализована в резолюции СБ ООН, санкционирующей, как крайнее средство, военное вмешательство, когда речь идет о геноциде и других массовых убийствах, этнической чистке или серьезных нарушениях МГП, которые суверенные правительства не смогли или не пожелали предотвратить.

Вторая часть нормы, которая собственно преобразует норму международного права в стандарт неюридического характера, т. е. в международную норму, включает легитимирующие применение силы морально-этические и политические критерии необщего характера, которые Совет Безопасности должен учитывать при рассмотрении вопроса о том, санкционировать ли *ante factum* или одобрить *post factum* применение военной силы[412] для противодействия реальным или неизбежным актам геноцида и других массовых убийств, этнической чистке или серьезным нарушениям международного гуманитарного права, а именно: (a) серьезность угрозы; (b) правильность цели; (c) обращение к силе как к крайнему средству; (d) соразмерность применяемой силы угрозе; (e) учет последствий ее применения[413].

Предложенная СБ ООН методология в принципе не расходится с классическим каноном обязательности обоснования необходимости и соразмерности применения военной силы, сформулированным при обсуждении инцидента *Каролина*[414], как было показано выше.

В процессе обоснования своих действий государства обязаны показать СБ ООН, что главная цель военных действий действительно преследовала устранение или предотвращение угрозы, и не была обусловлена иными мотивами. Также предполагается, что обращение к военным средствам

---

[412] Более безопасный мир: наша общая ответственность. П. 207. См. выше.

[413]Оценка успешности гуманитарного вмешательства определяется третьими сторонами, которые определяют, не привело ли устранение угрозы к худшим последствиям, нежели бездействие.

[414] См.: British-American Diplomacy. The Caroline Case.
URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/br-1842d.asp (дата обращения: 12.01.2015).

осуществляется только в случае исчерпания невоенных средств, а по своим масштабам, продолжительности и интенсивности является минимально необходимым.

Таким образом, предполагается, что можно выделить три уровня легитимации актов применения силы для предоставления гуманитарной помощи и защиты, осуществляемых ввиду крайней необходимости. Во–первых, наибольшей легитимацией обладают действия, обеспеченные резолюцией СБ ООН как до начала действий, так и *post factum*. В этом случае, можно говорить о реализации концепции «ответственность по защите» и, что сила применяется в общих интересах. Более того, при реализации «ответственности по защите» именно на правительство государства, допускающее широкомасштабное нарушение прав человека, возлагается обязанность давать объяснения причин, послуживших основанием для вмешательства по гуманитарным основаниям[415].

Во втором случае, можно заявлять об «условной» легитимации самостоятельных действий государств, если СБ ООН не санкционировал применение силы, но реализуя свои полномочия в соответствии со ст. 39 Устава ООН определил, что ситуация в государстве-объекте вмешательства создает «угрозу миру».

В третьем случае, при применении силы для предоставления гуманитарной помощи и защиты, не обеспеченном соответствующими резолюциями СБ ООН, можно сделать вывод о притязании государств(а) на самостоятельное осуществление «гуманитарного вмешательства». Такой акт применения силы, как было показано выше, всегда будет определён как «неправомерный», даже если рядом государств он предполагается «справедливым» и основан на благородных морально-этических и политических аргументах.

---

[415] См.: Коростелев С.В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80).

Интересным для исследования проблемы применения метода стратегического легализма представляется рассмотрение ситуации, сложившейся впоследствии вокруг признания независимости Косово. Логика рассуждений обоих сторон понятна: идет борьба за власть в регионе, гарантирующую обеспечение доступа к ресурсам; стороны спора заявляют о своем следовании этическим мотивам, необходимости защиты прав меньшинств, обеспечения права наций на самоопределение.

Во время обсуждения ситуации на 5839 заседании СБ ООН 18 февраля 2008 г., в ходе которого Совет не принял какого-либо решения, аргументация сторон базировалась на толковании применения резолюции 1244 (1999) [416] и определении того, является ли случай одностороннего провозглашения независимости Косово прецедентом для создания новых государств или нет (см. Приложение 4, с. 431).

Данная дискуссия получила логичное развитие в ходе обсуждения в СБ ООН событий в Южной Осетии в августе 2008 г. (см. Приложение 5, с. 433).

В основе аргументации противников действий России было положено утверждение о том, что военные действия, предпринятые в 1999 г. в Косово, были: во-первых, многонациональной операцией, нацеленной на предотвращение надвигавшегося гуманитарного кризиса во исполнение задач, поставленных в резолюциях Совета Безопасности, и которая была предпринята после того, как были исчерпаны все другие мирные средства; во-вторых, в течение девяти лет Косово находилось под управлением ООН; в-третьих, дипломатические переговоры о заключительном статусе Косово, предусмотренные в соответствии с положениями резолюции 1244 (1999) [417] из-за позиции Российской Федерации не привели к реализации т. н. «Плана Ахтисаари».

[416] Документ ООН S/RES/1244.
[417] См. S/RES/1244.

По мнению некоторых держав, именно длительное управление Косово со стороны ООН было тем критерием, который оправдывал предоставление краю независимости. А этому критерию сопоставлялось утверждение, что «России потребовалось всего лишь три недели для того, чтобы перейти от военного вмешательства, осуществленного в нарушение многочисленных резолюций Совета, к одностороннему изменению границ Грузии в отсутствие какого-либо политического процесса. Действия, предпринятые российскими силами в Грузии после 7 августа, и сотни тысяч грузинских беженцев[418] опровергают идею о том, что это было гуманитарное вмешательство»[419].

Также, в качестве основания для заявлений о непризнании действий России были использованы аргументы о том, что ни резолюции СБ ООН, ни действия коалиции государств не свидетельствовали о стремлении расчленить Ирак и Афганистан, в отличие от России, которая «пытается расчленить Грузию, полностью игнорируя территориальную целостность этой страны»[420].

Как было показано выше, любое применение силы для защиты национальных интересов должно увязываться с возможностью наступления мира, т. е. желаемого для основных акторов состояния международных отношений в сфере безопасности.

И только при достижении состояния мира можно сделать заявление, что действия велись в соответствии с международной нормой (ad hoc содержание которой было согласовано самими основными акторами), и, соответственно, что международное право может регулировать в данном

---

[418] По оценке ООН в результате боевых действий перемещенными лицами стали 158 600 человек. См. брифинг заместителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам на 5961 заседании СБ ООН 19 августа 2008 г. Предварительный отчёт. Документ ООН S/PV.5961, С. 4.

[419] Выступление Постоянного представителя Соединенного Королевства Документ ООН S/PV.5969, С. 24.

[420] Выступление Постоянного представителя США при ООН г-на Вулффа на 5969 заседании СБ ООН 28 августа 2008 г. Там же, С. 24-25.

случае международные отношения, т. е. норма проявила свойство авторитетности.

В противном случае безусловное следование буквальному (ограничительному) толкованию права, равно как и неосторожное использование любого другого инструмента, находящегося в распоряжении акторов, может окончательно вывести систему международных отношений из равновесия, что, собственно, характерно для большинства современных конфликтных ситуаций.

В таком процессе политико-правовая аргументация органов государственной власти на различных этапах развития спора может неоднократно «переключаться» между двумя крайними взаимодополняющими воззрениями[421] на сущность регламентации международных взаимодействий в международной политике и институте международного права.

Первый подход (определим его как «оборонительный») объявляет право, отражающее опыт и сложное устройство международной системы, конститутивной основой политики, которая наделяет ее инструментарием в виде юридической аргументации, обычаев и процедур.

Второй подход (определим его как «атакующий») предполагает, что эпифеномен, который обыкновенно определяется как «международное право», выводится из событий политической деятельности и, чаще всего является ориентированным на толкование ее результата, т. е. имеет ретроактивный характер, но практически никогда не предопределяет ее.

В данном случае чаще всего делается заявление о sui generis, т. е. отсутствии достаточного набора правовых средств[422] для урегулирования

---

[421] Об эпифеномене международного права и механизмах легитимации решений на применение силы в международных отношениях см.: Коростелев С. В. Об эпифеноменальном характере международного права. Управленческое консультирование. 2013. № 12 (60). С. 29-34.

[422] Ситуация, когда «международное право» либо проявляет пассивность, либо не определяет механизмов разрешения конфликтов.

конфликта ввиду уникальности ситуации, что является верным в отношении абсолютного большинства требующих немедленного регулирования проблем.

Более того, поиск процедур разрешения конфликтов возлагается на сами государства (иногда в рамках межгосударственных институтов), либо спор передается в международные судебные органы для установления, как непосредственно содержания права (которое, как, казалось бы, должно a priori служить средством разрешения противоречий), так и для отыскания самих процедур.

Причина существования умолчаний очевидна: право в реальной международной жизни – не идеальная конструкция, которая могла бы быть вплетена в реальные политические отношения, если бы она не была связана с балансом сил и не была способна учитывать последствия своего применения.

Обращение к концепции sui generis не только поддерживает тезис об эпифеноменальности института международного права, но и является одной из уникальных и полезных особенностей современной системы обеспечения международной безопасности. Свидетельствуя об отсутствии в ней каких-либо четких органичных схем разрешения противоречий, она не только обязывает основных международных акторов создавать «новое» международное право, но также предоставляет им дополнительные возможности, например, временны́е, по политической мобилизации элементов национальной мощи, как своей, так и других участников международного общения, для такого изменения баланса сил[423], который сможет обеспечить состояние мира.

В основу аргументации в защиту легитимности акта применения силы, при отсутствии очевидно простых и формально установленных

[423] Согласно одного из постулатов теории политического реализма: «В случае отсутствия, как общности интересов, так и баланса сил, международного права не существует». См.: Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6 Edition (New York: McGraw-Hill, 1985). P. 296.

методологических рамок, может быть положено предположение о том, что для большинства международных и формальных международных правовых норм, устанавливающих в общих интересах запреты на некоторые виды поведения, не определен порядок их исполнения и обеспечения, причем созданный и поддерживаемый намеренно.

В некоторых ситуациях это как будто бы ставит международное сообщество в сложное положение, но в действительности облегчает разрешение конфликтов: во-первых, сохраняется возможность подключения к процессу урегулирования кризиса новых акторов; во-вторых – ресурсов.

3.3. Анализ обращения к концепции стратегического легализма в случае обоснования необходимости вмешательства в конфликты на территории третьих государств для защиты общих интересов.

Необходимость вмешательства в конфликты на территории третьих государств для защиты общих интересов в данной работе определена как состояние, когда нарушаются абсолютные запреты, установленные международными договорами в сфере средств и методов ведения военных действий.

Данный аспект обращения к международному праву, как к одному из средств урегулирования конфликтов, даже при наличии в нем умолчаний, может быть достаточно ярко продемонстрирован реакцией международного сообщества в отношении практически всех этапов, как развития гражданского конфликта на территории Сирии, так и выхода из него, и особенно эпизода, когда было использовано химическое оружие[424].

Столкнувшись с тем, что международное право не предоставляет даже идеальных моделей (международное право в сфере обеспечения безопасности по своей сути является набором таких идеальных, и достаточно утопичных правил) для легитимации действий государств, чьи интересы были затронуты конфликтом, международная система отреагировала созданием оформленного терминами права неправового механизма. Этот механизм, основывается на ряде приемов заявления о необходимости обращения к силе в зависимости от положения государства в текущем распределении баланса сил.

---

[424] В пригороде Дамаска Гуте было использовано отравляющее вещество «зарин». См.: Доклад Миссии Организации Объединенных Наций по расследованию сообщений о применении химического оружия в Сирийской Арабской Республике, касающийся предположительного применения химического оружия в районе Гуты в Дамаске 21 августа 2013 года. Документ ООН A/67/997–S/2013/553.

Общеизвестно, что существование международной нормы не ставится под вопрос, если она подтверждается практикой. Так, с момента окончания Первой мировой войны применение химического оружия в межгосударственных вооруженных конфликтах считалось морально неприемлемым, а принятый status quo поддерживался практикой государств, а уже после Второй мировой войны обеспечивался принятием соответствующих конвенций и резолюций Совета Безопасности ООН (далее - СБ ООН).

Так, например, всеобще негативная реакция на действия иракского верховного командования ходе ирано-иракского конфликта (1980-1988 гг.)[425], который явился классическим межгосударственным столкновением с применением военной силы и сопутствовавшим использованием запрещенных средств и методов ведения военных действий, т. е. случаем, когда контуры международной ответственности акторов явным образом определены международным правом, была обозначена в ходе дискуссий в СБ ООН: «Мы вновь являемся свидетелями применения химического оружия, запрещение которого, как нам представлялось, рассматривалось в качестве одного и самых великих и важных достижений нашей цивилизации, поскольку это оружие не применялось даже во Второй мировой войне»[426], и нашла отражение в резолюциях СБ ООН 620 (1988)[427] и 612 (1988)[428].

Но что происходит, если химическое оружие используется во внутренних вооруженных конфликтах, т. е., если формальный запрет на использование химического оружия существует, но его реализация серьезно

---

[425] Применение химического оружия было интенсивным и частым в нарушение обязательств, которые связывали данные государства по Женевскому Протоколу 1925 г. о запрещении на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств.
[426] Выступление г-на Андреотти (Италия). Предварительный стенографический отчёт о 2750-м заседании СБ ООН. Документ ООН S/PV.2750.
[427] Документ ООН S/RES/620 (1988).
[428] Документ ООН S/RES/612 (1988).

ограничивается запретом на вмешательство во внутренние дела государств даже для ООН, который установлен ст. 4 п. 7 ее Устава?

В существующей парадигме при буквальном толковании нормы использование химического оружия во внутреннем конфликте может вообще не вызвать каких-либо последствий для государства, нарушающего обязательства по защите гражданского населения, поскольку те акторы, которые могли бы этому противодействовать, были бы заведомо обречены на нарушение этой нормы Устава ООН.

Как соотнести обязанность следования положениям ст. 2 п. 7 Устава ООН с универсально признаваемым правом человека на жизнь? Очевидным образом общественное сознание требует внесения необходимых изменений в существующий международный порядок[429].

Конечно же, желаемый для международного сообщества результат, например прекращение потока беженцев из Сирии, в том числе, из-за использования химического оружия против мирного населения, не может быть достигнут при строгом формальном следовании международному предписанию, которое запрещает применение внешней силы на территории суверенного государства.

Никто не подвергал сомнению тот факт, что, несмотря на нарушение базовых международных норм, Сирия обладала всеми каноническими признаками суверенного государства, контролирующего территорию и признаваемого основными международными акторами. Однако использование химического оружия в существенной степени подорвало его

---

[429] При отсутствии необходимых нормативных предписаний в современном сообществе предполагается руководствоваться т. н. «Оговоркой Мартенса», т. е. необходимостью уважать, за пределами четких договорных требований, «установившиеся обычаи, принципы гуманности и требования общественного сознания». См.: Сандоз, Ив. Конвенция от 10 октября 1980 года о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция от 10 октября 1980 года) United Nations Audiovisual Library of International Law.
URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/cprccc/cprccc_r.pdf (дата обращения: 25.05.2016).

легитимность, и основные акторы изменили свое отношение к руководству государства.

Использование запрещенных средств и методов ведения вооруженных действий подняло вопрос о необходимости применения внешней силы для устранения угрозы международному миру, но это вопросы, сами по себе, не определяли объект применения силы. Применение силы против режима, или его поддержка в борьбе с повстанцами? На чьей стороне правда? А реагирование на нарушение, необоснованное по цели регулирования и объектам, обязательно ведет к столкновению интересов акторов, придерживающихся различных точек зрения. И в этой ситуации становится очевидным, что правовая регламентация поведения акторов имеет определенный предел, и регулирование вынужденно переходит в политическую сферу, оперирующую, в том числе, категориями морали, и, главным образом, благоразумия.

Так, К. Андерсон приводит, как пример, реакцию государств на применение химического оружия на территории Сирии в 2013 г.[430]: норма международного права, защищающая абсолютный суверенитет Сирии рассматривалась в контексте *общей* заинтересованности в поддержании абсолютного режима неприменения оружия массового уничтожения.

В данном случае органы государственной власти великих держав обосновали свое вмешательство в конфликт на территории суверенного государства не необходимостью и чрезвычайными обстоятельствами, а обязанностью обеспечения соблюдения другой существующей международной нормы.

Такой ответ международного сообщества на использование химического оружия во внутреннем конфликте в Сирии продемонстрировал то, что может быть определено как «разумный» подход к использованию

[430] Anderson, Kenneth. Five Fundamental International Law Approaches to the Legality of a Syria Intervention. URL: www.lawfareblog.com/2013/09/five-fundamental-international-law-approaches-to-the-legality-of-a-syria-intervention (дата обращения 12.02.2016).

международного права, который может быть определен как «толкование с позиции основной идеи Устава ООН», и к которому, кстати говоря, чаще всего прибегают Постоянные члены СБ ООН: в случае обязанности[431] разрешения наиболее опасных кризисных ситуаций, связанных, например, с угрозой или непосредственным применением оружия массового уничтожения, нарушающим *общие интересы основных акторов*, последние могут обращаться к такому заявлению о содержании нормы, которое по своей сущности и форме является наиболее «удаленным» от буквального (формального) способа ее толкования[432].

Резолюция СБ ООН 2118 (2013) однозначно определила, что использование химического оружия «… *где бы то ни было* представляет собой угрозу международному миру и безопасности»[433]. Такое постановление СБ ООН, сделанное впервые в его деятельности, позволяет ему действовать по аналогии уже автоматически для урегулирования конфликтов с использованием оружия массового уничтожения, которые возможны в будущем, а также подтвердило «… основополагающую норму международных отношений, которая действует уже в течение 90 лет»[434] и создало своего рода «прорыв в нормативной области»[435], очевидным образом необходимый для согласования интересов основных акторов.

Такое разумно-необходимое «ограничение» запрета на вмешательство во внутренние дела государств, содержащегося в ст. 2 п. 7 Устава ООН в

---

[431] В соответствии со ст. 24 Устава ООН «Для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности …». Такая обязанность не предполагает возможность обращения СБ ООН к заявлению «non liquet», к которому могут прибегать международные судебные органы.

[432] О таком способе применения международных норм см.: Коростелев С.В. Политическая обусловленность «разумно-необходимого» толкования международных норм в сфере обеспечения международной безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 9 (93).

[433] Документ ООН S/RES/2118 (2013).

[434] Предварительный стенографический отчёт о 7038-м заседании СБ ООН. Документ ООН S/PV.7038.

[435] Там же. Выступление г-на Ассельборна (Люксембург).

отношении, помогает защитить парадигму Устава ООН от буквального толкования самого себя: в противном случае Устав ООН мог бы превратиться в идеально-утопичный набор предписаний, настолько расходящийся с реальной международной политикой, что он лишался бы свойства авторитетности, а, следовательно, не мог служить институциональной основой для современной системы коллективной безопасности.

Разумно-необходимый подход естественным образом базируется на приемах формального толкования норм, но всегда предполагает учет последствий строгого следования формальному содержанию права: если они свидетельствуют о нарушении всеобщего интереса, следовательно, норма должна толковаться иначе. Иначе говоря: «да, государства создали норму в своих интересах, но строгое следование ее предписаниям в данных обстоятельствах может им повредить».

Такой подход может свидетельствовать о том, что вес источников права, и методология обоснования их применения, и выводы из толкования могут не совпадать со строго формальным позитивистским подходом к пониманию сущности регулирования.

Насколько значительно поведение государств может отклоняться от установленного нормой идеала? Очевидным образом, - незначительно, иначе это может привести к существенной эрозии политико-правового режима, оформляющего согласованные после окончания Второй мировой войны, процедуры оценки легитимности актов обращения к силе, да и другая сторона конфликта также может получить дополнительные аргументы в пользу заявления о неправомерности действий противника.

Поэтому обоснование легитимности вмешательства в конфликты на территории другого государства предполагает увеличение роли дипломатических и информационных средств, нежели правовых, так как расширенное и частое ad hoc толкование права в пользу применяющего силу актора, расходящееся с идеальной моделью, воплощенной в Уставе ООН,

может быть оценено как существование пробела (умолчания) в международном праве, т. е., как отсутствие в широком смысле авторитетных и регулирующих норм.

А такая оценка недостаточности регулирования, в свою очередь, может порождать у акторов ложное ощущение отсутствия правовых оснований для присвоения им международной ответственности, и, тем самым, развязывать им руки и приводить к эскалации конфликтов[436].

При существующих расхождениях в понимании обеспечения необходимого состояния национальной безопасности великими державами, возможность использования умолчаний в международно-правовых средствах разрешения противоречий, тем не менее, является наиболее удобной и эффективной особенностью парадигмы Устава ООН.

Это не недостаток конструкции принятия решения по обеспечению международного мира и безопасности, заложенной в него, а наоборот, его нетривиальность, позволяющая не допустить парализации системы международной безопасности, сохранить роль СБ ООН, избежать непосредственного и масштабного столкновения интересов Постоянных членов СБ ООН.

В будущем, когда вследствие изменений в балансе сил новые великие державы, не входящие в СБ ООН, смогут продвигать свои интересы вне рамок обязательных дискуссий в СБ ООН, этот механизм не будет работать.

Таким образом, в основе метода стратегического легализма лежит избегание обобщений, присущих нормам права (свойство общности). Каждая из сторон конфликта стремится сформулировать такое узкое толкование нормы, чтобы оно могло быть применено для обоснования правомерности позиции государства только в данной ситуации, и ни в коем случае не могло бы быть использовано для его осуждения в иных сходных ситуациях.

---

[436]См.: Коростелев С.В. Проблема определения объема суверенных полномочий государства в цифровую эпоху // Управленческое консультирование. 2020. № 6(138).

Такая существенная особенность применения метода стратегического легализма демонстрируется и в деятельности другого органа Объединённых Наций - Международного суда ООН. Стремление к использованию «узкого» подхода к толкованию норм права, стремление к избеганию широких обобщений практики государств отмечается рядом исследователей[437]. МС ООН пытается избежать ситуаций, когда разъясненные им нормы государства могут попытаться использовать для оправдания своих действий в иных ситуациях.

Данные ограничения являются, очевидно, неизбежными, поскольку для разрешения конфликтов применяются главным образом не юридические, а политические и военные средства. Как показывает практика, в ходе политического процесса зачастую заявляются позиции государств о необходимости изменения содержания права, поскольку существующее право не обеспечивает их достаточными механизмами для урегулирования конфликтов интересов.

Следующей особенностью применения решений Суда является то, что их нельзя рассматривать отдельно от особых и отдельных мнений судей: их совместное рассмотрение дает наиболее системное понимание сути исследованного факта в глобальном политическом контексте. Суд принимает решение, но своим решением он не может лишить мировое сообщество возможности выбора правовых средств для разрешения конфликтов в будущем. Особые мнения судей демонстрируют подходы различных школ права к урегулированию политических разногласий государств, но, при этом, логика международной юридической аргументации не базируется на политической риторике, а сводится к противопоставлению, либо объединению точек зрения судей в отношении нормативности права и его применимости в данной ситуации.

---

[437] См. например: Sinclair, G. F. Don’t Mention The War (On Terror): Framing the Issues and Ignoring the Obvious in The ICJ’2005 Armed Activities Decision. Melbourne Journal of International Law. Volume 8, 2007, P.124-141.

В любом случае, дискуссии происходят в диапазоне таких понятий как «справедливость», «общие интересы мирового сообщества» - с одной стороны, и «интересы государств», либо «поведение государств» - с другой.

Например, очень интересный подход в толковании правомерности применения силы был продемонстрирован в деле *Никарагуа*[438]. Никарагуа в течение ряда лет поставляла вооружения повстанцам в Эль Сальвадоре. США в свою очередь помогали противникам никарагуанского правительства. МС ООН определил, что: «вооружение и обучение контрас определённо составляет угрозу, либо применение силы против Никарагуа, но не обязательно является таковым в свете всей совокупной помощи, предоставленной правительством США. В частности, Суд полагает, что только лишь финансирование контрас, несомненно, являющееся вмешательством во внутренние дела Никарагуа ..., не может быть само по себе приравнено к применению силы»[439].

В ходе рассмотрения дела в МС ООН США предоставляли аргументацию в пользу того, что поддержка никарагуанским правительством повстанцев в Сальвадоре оправдывала их действия по постановке мин в территориальных водах и проведение иных действий против Никарагуа. МС ООН отверг аргументы США.

Он определил, что посылка «вооружённых банд» на территорию другого государства может быть существенным условием для определения вооружённого нападения, однако, «поставки оружия и предоставление иной поддержки не может быть приравнено к вооружённому нападению», и не оправдывает применение военной силы Соединёнными Штатами против Никарагуа.

---

[438] Military and Paramilitary Activities (Nicaragua v. U.S.), 1986 I.C.J. 4.

[439] Military and Paramilitary Activities (Nicaragua v. U.S.), 1986 I.C.J. 4,119, (June 27). Международный Суд в данном случае не применял положения Статьи 2(4) как статьи Устава, так как против применения Устава ООН возражали США на основании Статьи 36(2) Статута Международного Суда ООН. Таким образом, суд обращался к обычно-правовому запрету на применение силы.

Суду было представлено достаточно свидетельств того, что контрас действовали в интересах США, и вообще, они бы не могли осуществлять свою деятельность в отсутствие финансовой и иной поддержки со стороны США.

Суд признал значительность масштаба участия США в деятельности контрас, но, тем не менее, постановил, что ответственность за действия контрас не может быть возложена на США: «… участие США, даже будучи преобладающим или решающим в финансировании, организации, обучении, обеспечении и вооружении контрас, определении для них военных и полувоенных целей, и планировании в целом их деятельности, исходя из имеющихся у Суда свидетельств, само по себе является всё-таки недостаточным для целей возложения на США ответственности за действия совершённые контрас в ходе их военной и полувоенной деятельности в Никарагуа»[440].

Суд также определил, что нет очевидных свидетельств в пользу того, что США осуществляли «такой уровень управления во всех сферах, что могло оправдать отношение к контрас, как действующим в интересах [Соединённых Штатов]»[441]. Очевидно, что Суд не пожелал возлагать ответственность за действия лиц, получающих поддержку от какого-либо государства на данное государство, если государство не осуществляло эффективного контроля данных действующих лиц.

Международный Суд обращался к определению вооружённого нападения и менее существенных случаев применения силы в вышеприведённом деле «Никарагуа против США». Суд не постановил, что Никарагуа осуществляла акт агрессии. Суд также определил, что никарагуанское вмешательство во внутренние дела Эль Сальвадора не дает последнему права на обращение к концепции самообороны, так как

---

[440] Military and Paramilitary Activities (Nicaragua v. US), 1986 ICJ 14 (June 27), para. 64.
[441] Там же, para. 62.

«предоставление материально-технической, либо иной помощи повстанцам» не представляет собой вооружённого нападения.

В тоже время, Суд своим решением вовсе не лишает государств возможности использовать средства самозащиты в случае возникновения подобных ситуаций. Поскольку такого рода вмешательства во внутренние дела всё-таки являются серьезной угрозой для безопасности государств, то суд указал, что последние имеют право проводить «соразмерные мероприятия» в ответ на действия, не являющиеся вооружённым нападением.

Значение данного решения Суда состоит в том, что он определил, что до тех пор, пока действия по предоставлению финансовой, материально-технической, военной, оперативной поддержки террористическим группам не осуществляются непосредственно государственным органом, то такие действия не могут служить основанием для такого обращения к силе для противодействия террористической деятельности, которое по форме удовлетворяет общественное мнение.

Конечно же, решение Суда может в значительной мере не соответствовать характеру современных конфликтов и современному содержанию понятия «вооружённое нападение», но оно принято в духе следования нормам Устава ООН, который, как уже было отмечено, всё-таки отдаёт предпочтение не справедливости, а поддержанию мира в международной системе. Более того, решение Суда всё-таки представляется справедливым в контексте того, что консенсуса государств по определению того, что является правомерным/неправомерным применением силы не существует.

В любом случае оценки актов применения силы государствами, общим подходом судей при рассмотрении вопроса является учет уникальной для каждого такого случая политической составляющей процесса, стремление к анализу не только права, но и иных фактов, притом, что в общественном мнении юридические и политические процессы сливаются в один.

Данный подход справедливо был оценен Ш. Мерфи: «Если попытаться обобщить решения Международного суда по ряду знаковых дел (дело, касающееся военных и военного характера действий в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против США); дело о нефтяных платформах (Иран против США); дело о вооруженных действиях на территории Конго (Конго против Уганды)) в отношении права государств на самооборону без учета современного политического контекста, то можно согласиться со следующим выводом:

1) государство может предоставлять вооружения, материально-техническое обеспечение, и убежище террористической группе;

2) данная группа может осуществлять насилие любого уровня тяжести в отношении другого государства, даже с применением ОМУ;

3) второе государство не имеет права осуществлять самооборону в отношении первого государства, поскольку предоставление первым государством такой помощи не является «вооруженным нападением» в терминах ст. 51; и, (4) второе государство не может обращаться к самообороне против террористических групп…»[442].

Конечно же, такую методологию использовать нельзя. Решение суда по конкретному делу не может быть использовано в качестве правового обоснования в ситуациях, отличающихся от рассматриваемой, поскольку интересы тех же самых сторон конфликта не являются постоянными во времени.

На наш взгляд, действительно, некоторые выводы Суда даже в рамках одного дела могут представляться непоследовательными. Это можно продемонстрировать материалами дела «О вооруженной деятельности на

[442] Murphy, Sean, ‘Self-Defense and the Israeli Wall Advisory opinion: An Ipse Dixit from the ICJ?’ (2005) 99 American Journal of International Law 62, 64-5. Цит. по: Sinclair, G. F. Don’t Mention The War (On Terror): Framing the Issues and Ignoring the Obvious in The ICJ’2005 Armed Activities Decision. Melbourne Journal of International Law. Volume 8, 2007, P.131.

территории Конго (Демократическая республика Конго против Уганды)»[443], в котором рассматривались события «Второй конголезской войны» (1998-2003 гг.), когда в вооруженные столкновения помимо противоборствующих группировок на территории Конго были вовлечены формирования девяти соседних государств: Чад, Ливия, Судан, Ангола, Зимбабве, Намибия – выступали на стороне законной власти, а силы Уганды, Руанды, Бурунди – на стороне повстанцев.

Определив в данном деле, что Уганда не имела оснований для самообороны, суд постановил, что Уганда нарушила суверенитет и территориальную целостность Демократической республики Конго, и что её неправомерное военное вмешательство было осуществлено в «таком масштабе и такой продолжительности», что Суд счёл его «грубым нарушением запрета на применение силы» в духе ст. 2 п. 4 Устава ООН.[444]

В то же время Суд не стал определять существование факта агрессии со стороны Уганды, несмотря на просьбу Демократической республики Конго[445], поскольку такое решение могло вызвать дальнейшие политические осложнения и привести к разрастанию конфликта. Суд, вообще говоря, ни разу в своей истории не определил факта агрессии, ограничиваясь лишь постановлениями о применении силы в нарушение ст. 2 п. 4 Устава ООН.

Можно привести ещё один пример нормативной коллизии, когда два института, столкнувшись с аналогичными фактами, интерпретируют право по-разному. В деле Таджича 1999 г. апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) рассмотрела вопрос об ответственности Сербии-Черногории за деяния милиции боснийских сербов в конфликте в бывшей Югославии.

---

[443] Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) (Judgment) [19 December 2005] ICJ. URL: http://www.icj-cij.org (дата обращения: 15.06.2010).

[444] Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda) (Judgment)[2005] ICG [165]. URL: http://www.icj-cij.org (дата обращения: 15.06.2010).

[445] Там же, [23], [24].

С этой целью она изучила рассмотренное в Международном Суде дело по Никарагуа 1986 г. Как было показано выше, по этому делу Соединенные Штаты не были признаны ответственной стороной за деяния никарагуанских «контрас» лишь на основании организации, финансирования, военной подготовки и экипировки их. Такое участие не отвечало требованию «эффективного контроля»[446].

МТБЮ со своей стороны пришел к выводу о том, что требование «эффективного контроля» определяет слишком высокий порог для установления правовой ответственности внешней державы за внутренние беспорядки в стране. Вполне достаточно, чтобы такая держава «играла роль в организации, координировании или планировании военных действий военизированного подразделения», короче говоря, осуществляла «общий контроль» над ними в конфликте, который может рассматриваться как «международный вооруженный конфликт»[447].

Таким образом, в деле Таджича не предлагается, чтобы «общий контроль», существовал наряду с «эффективным контролем» либо как исключение из общего права, либо как специальный (местный) режим, регулирующий югославский конфликт.

Различие в выводах международных судебных органов по делам Никарагуа и Таджича представляет собой пример нормативной коллизии между более ранним и более поздним толкованиями одной нормы международного общего права**.** Аналогичные проблемы будут возникать в связи с любыми конфликтными толкованиями общего права по вопросам определения правового статуса. Последствия такого политического подхода

---

[446] Military and Paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, ICS Reports 1986, pp. 64–65 (para. 115).

[447] См. Prosecutor v. Dusko Tadic, Judgment, Case No. IT-94-1-A.A.Ch., 15 July 1999· URL: http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf (дата обращения: 17.07.2013).

к применению права являются одной из основных проблем для неиерархичной международной системы.

Очевидно, что расходящиеся оценки одних и тех же положений Устава ООН, норм общего международного права, а также резолюций СБ ООН сторонами конфликтов и международными судебными органами связаны не с сущностью документов, а с интересами участников. Такое различие в методологии применения права нельзя считать ошибками в правовой технике – это результат различающихся интересов, целей и предпочтений международных акторов.

Обеспечение формального единства государств при несовпадающих национальных интересах, даже в единых признаваемых нормативных рамках Устава ООН, представляется невозможным. Переговоры государств являются попытками отыскать прагматическое решение, их результаты являются следствием контекстуальных сделок, что затрудняет их использование в качестве основы для установления содержания той или иной договорной или обычной нормы международного права.

Поэтому одностороннее и «моральное» следование буквальному толкованию нормы права, в то время как другая сторона применяет расширенное толкование той же самой нормы для обеспечения своих национальных интересов, лишает государство возможности защитить свои интересы исключительно правовыми средствами в рамках международных институтов, и, тем более, лишает государство возможности предлагать международному сообществу свои ценности.

Ожидание решения СБ ООН, например, для легализации ответных действий на грузинское нападение на население Южной Осетии и российских миротворцев могло привести к ситуации, когда Грузия установила бы контроль над данным регионом, а полномочия по узаконенному применению силы Россией для восстановления предвоенного status quo, так и не были бы получены ввиду реализации права вето в Совете Безопасности, как минимум, со стороны США.

Таким образом, в реальной политической действительности международным акторам как бы предлагается оперировать системами норм, которые ведут в «разных» направлениях. Но это само по себе не является препятствием для политико-правового анализа, поскольку любая норма права берёт своё начало из согласования различных политических предпочтений, а этот факт уже сам по себе оказывает влияние на то, каким образом данная норма интерпретируется, либо применяется.

В процессе разрешения коллизии двух принципов - двух норм, запрещающих применение силы и, соответственно, разрешающих обращение к самообороне, предлагаются два пути решения проблемы. Следовательно, любое использование права для поиска выхода из кризиса требует необходимой интерпретации общеизвестных норм, практики государств, и осуществления выбора между альтернативными формулировками и смыслами, которые очень сложно вписать в какую-либо логичную единую схему действий, приемлемую не только для всех сторон конфликта, но и должную соответствовать общему интересу международного сообщества. Очевидным образом каждой из сторон конфликта осуществляется собственная стратегия, которой следуют органы государственной власти и военного управления при принятии решения на применение силы.

Но избранная стратегия должна формулироваться в терминах, понятных и единых для всего мирового сообщества, то есть построена на содержании статей Устава ООН, составляющих сердцевину современного ius ad bellum; а, содержание данных терминов должно иметь предысторию, разъяснённую в резолюциях СБ ООН, материалах дискуссий в СБ ООН, решениях МС ООН.

Как справедливо отметил Р. Каган: «... Совет Безопасности сам по себе является ответом на проблему легитимности. Европейцы в возрастающей степени привержены к тому, чтобы передавать полномочия наднациональным институтам, и даже в США не спорят о том, что США всегда должны быть связаны решениями, или не решениями СБ ООН.

В 1999 г. основные европейские державы самостоятельно ... согласились что, разрешение Совета Безопасности не является необходимым для легитимации применения силы в Косово. Является фактом то, что десятилетия спустя после определения себя в качестве основного полномочного органа определявшего легитимность акта применения военной силы, Совет безопасности так и не добился успеха в этом качестве»[448].

Всякое обращение к силе влечет использование метода стратегического легализма для доведения до мирового сообщества своей стратегии достижения национальных целей. Всякий применяющий данный метод вынужден искать решение одновременно с обнародованием ответов на следующие неправовые вопросы:

не являются ли заявления о легитимности лишь моральным оформлением постфактум решения о применении силы?

являются ли заявления о необходимости обеспечения справедливости подтверждением действительности принципов международного права?

являются ли принципы международного права материально-правовой основой для фактического применения силы?

существуют ли какие-либо методы для оценки моральности поведения государств при обеспечении ими своих интересов в терминах международного права?

существуют ли способы оценки возможности присвоения государству ответственности за решение на применение силы?

Возможность наступления последствий - присвоение международной ответственности - при нарушении государством норм международного права не может быть оценена в рамках метода стратегического легализма, поскольку по своей сути метод не является правовым: в рамках политической

[448] Kagan, R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report.
URL: http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/olj/fp/fp_julaug03ab.html (дата обращения: 08.06.2011).

дискуссии лишь используется правовая аргументация; правовые последствия могут быть оценены в рамках иного метода – метода политико-правового обоснования применения силы.

В любом случае, в системе международных отношений дискуссии происходят в диапазоне таких понятий как «справедливость», «общие интересы мирового сообщества» - с одной стороны, и «интересы государств», либо «поведение государств» - с другой.

Понятийный аппарат языка межгосударственного общения определяется в Резолюциях ГА ООН, материалах Комиссии международного права ООН, а также выявляется при изучении практики СБ ООН и МС ООН.

Органы государственной власти при необходимости проведения обоснования акта применения силы обязаны исследовать:

выносился ли спор в сходных фактологических обстоятельствах на рассмотрение СБ ООН, либо международных судебных органов;

какие аргументы приводились сторонами спора в ходе обсуждения ситуации в СБ ООН, в международном судебном органе, и какие были приняты решения;

какое содержание было определено международной организацией, либо международным судебным органом для таких категорий как «нарушение мира», «угроза миру», «агрессия», «вооружённое нападение»;

исследовались ли критерии «неизбежности» угрозы, как были заявлены и обоснованы критерии «необходимости» и «соразмерности» применения силы;

как проходило голосование (за, против, воздержался);

было ли исполнено и каким образом исполнялось решение международной организации, либо международного судебного органа;

какие санкции были предусмотрены международными организациями, либо отдельными государствами на основании решений международных организаций или международного судебного органа, и как они были реализованы, и т. д.?

На основании изученной информации должны быть выявлены «правовые ограничения», т. е. определяются те «пороги», превышение которых считается государствами как нелегитимное применение силы, т. е. когда применение силы объявляется как несоразмерное и не необходимое.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Для того, чтобы обезопасить себя от симметричных действий противников (делегитимизировать их действия), государства, исследуя практику, прежде всего, Совета Безопасности и Международного Суда ООН для обоснования своей политики (и апеллируя при этом к нормам права), должны избегать выводов, приводящих к обобщениям, которые присущи нормам права, поскольку в данном случае свойство общности может свидетельствовать о появлении нормы обычного права. А существование такой нормы в изменившихся обстоятельствах может оказаться невыгодным для государства, настаивавшего на её существовании.

Таким образом, объектом метода стратегического легализма является обеспечение органов государственной власти и военного управления международной правовой аргументацией для обоснования того, что государство справедливо применяет силу, а противник не имеет ни правовых, ни моральных оснований для ее применения.

Реализация метода стратегического легализма осуществляется через избегание обобщений, свойственных нормам права в ходе дискуссий о праве государств на применение силы.

Каждая из сторон конфликта стремится сформулировать такое узкое толкование нормы, чтобы оно могло быть применено для обоснования справедливого характера обращения государства к силе только в данной ситуации, и, ни в коем случае, не могло бы быть использовано для его осуждения в иных сходных ситуациях.

Глава 4. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ СИЛЫ В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Представляется очевидным, что любая стратегия противостояния предопределяется существующими и вероятными условиями, является продуктом целей актора, сильных и слабых сторон его противника и характера среды стратегических взаимодействий. Она должна быть нацелена на те конкретные компоненты мощи противника, где победа ожидается наиболее вероятной.

Для акторов-государств ведение боевых действия в современном мире находится под сильным влиянием двух основных факторов: информационной прозрачности и ранее недоступного противникам разнообразия используемых средств и методов ведения противоборства. А само по себе, лозунговое определение новой ситуации в сфере применения силы, например, как «гибридные», «информационные» войны, «войны нового поколения», мало что даёт для политико-правового обоснования обращения к необходимым и соразмерным ответным мерам.

Поэтому «новый» тип войн представляет собой длящуюся борьбу с акторами-«не государствами» без фиксированной политической цели (а она не может быть константой, поскольку интересы как непосредственно противоборствующих, так и третьих сторон, изменчивы), то есть той конечной точки, которую мы могли бы определить как «победа», не существует. «Победа» государств в таком противостоянии - это настоящая и

непрерывная реальность, заключающаяся поддержании современного состояния стратегического континуума[449].

Поскольку не связанные с государствами субъекты, как правило, в военном отношении уступают государствам с их регулярными формированиями вооруженных сил, они стараются извлекать выгоду из информационной прозрачности современного общества, которая может как усиливать заведомо более слабую сторону конфликта, таки и наоборот, ослаблять её.

Если противостояние государства и актора-«не государства» осуществляется не в общих интересах системы государств, и, особенно если конфликт не разрешен военным путем быстро и с минимальными затратами ресурсов, то он неизбежно получит негативную политическую оценку в двух измерениях: международном, в котором успех измеряется легитимностью, и «домашнем», где он измеряется состоянием социальной устойчивости.

Применение силы, чтобы быть легитимным, должно осуществляться в общих интересах системы государств и при строгом следовании принципу проведения различия между комбатантами и гражданским населением. А социальная устойчивость, или способность общества эффективно функционировать во время кризиса и сохранять свои основные ценности, поддерживает моральных дух населения и его доверие к органам государственной власти, и, соответственно, позволяет государству направлять дополнительные ресурсы на обеспечение своих военных возможностей.

Принятие этой новой парадигмы требует изменений в походах к политическому руководству применением силы и очень тщательного подхода к легитимации решений на применение силы.

---

[449] О феномене «победа» в современных геополитических условиях см.: Коростелев С.В. Влияние свойств современной среды безопасности на определение содержания феномена «победа» и возможность применения норм международного гуманитарного права. Юридические формы переживания истории: практики и пределы : коллективная монография / Под ред. С.В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – 694 с. §3. С. 467-474.

4.1. Проблема выявления объекта применения силы как основа устранения неопределённостей в процессе политико-правового обоснования акта противодействия террористической угрозе

Обеспечение безопасности Российской Федерации является важнейшим направлением деятельности государства, в которой главными задачами являются предотвращение, локализация и нейтрализация военных угроз.

Устав Организации Объединенных Наций прямо указывает на два исключительных случая, когда применение силы рассматривается как законное. Во-первых, это индивидуальная и коллективная самооборона в случае вооруженного нападения (ст. 51 Устава ООН), во-вторых, превентивные и принудительные меры, принимаемые членами ООН по решению Совета Безопасности (ст. 5 и гл. VII Устава ООН) или с его санкции региональными организациями (гл. VIII Устава ООН).

Данные положения Устава ООН являются четкими и совершенно недвусмысленными, однако при их использовании на практике возникают трудности, прежде всего по причине отсутствия общего понимания того, когда применение силы одновременно законно и легитимно.

На наш взгляд толкование современной самообороны в доктрине международного права исходит из двух противоположных друг другу начал.

Автор согласен с мнением А.Д. Пашиной о том, что «неурегулированность международным правом всей области межгосударственных отношений, относящихся к применению силы, создавала и создает все условия для дозволенного обращения к фактической защите государственного суверенитета. С одной стороны, «всякое грозящее (imminent) нападение или всякий акт агрессии, не обладающий характером нападения, включающего применение вооруженной силы, не оправдывает

обращения к силе в осуществление права, установленного ст. 51 Устава ООН».

С другой - «первичность вооруженного нападения и соответственно вторичность самообороны предполагают, что основанием для самообороны может быть только реальное нападение, а не угроза нападением, поскольку в последнем случае самооборона утрачивает свое ответное качество, превращается в вооруженное нападение».[450]

В отличие от этих взглядов английский юрист Д. Боуэтт в своем исследовании «Самооборона в международном праве» утверждает, что государством имеет право прибегнуть к самообороне не только в случае вооруженного нападения на него, но и в случаях «грозящего» нападения или при необходимости защиты своих экономических интересов и граждан, когда они подвергаются опасности в других государствах[451].

Транснациональный терроризм и насильственный экстремизм, организованная преступность, сепаратизм и межэтнические противоречия, незаконный оборот оружия, наркотиков и другие негативные явления пришли сегодня на смену опасности глобального взаимного уничтожения, характерной для периода холодной войны.

Полагание государств на позитивное политико-правовое регулирование применения силы в международных отношениях (ожидание реагирования международных институтов) в настоящее время не гарантирует им безопасности в случае использования против них террористических и высокотехнологичных средств и методов ведения войны.

По мнению Н.Б. Пастуховой «Международное право, в котором субъектом является государство, постепенно становится факультативной темой. Все договоры и соглашения на самом деле лишь протоколы о

---

[450] См.: Пашина А.Д. Доктрина «самообороны« в современном международном праве // Научные итоги 2011 года: достижения, проекты, гипотезы.- Новосибирск.- 2011 г. С 313-320.

[451] См.: Bowett D.W. Self-defense in International Law / Derek W. Bowett. NY: Praeger, 1958. - xv, 294 p.

намерениях с клаузулой «rebus sic standibus» (при таком положении дел, пока условия сохраняются). … Роль силы в международных отношениях чрезвычайно возросла, а карта мира вновь стала неустойчивой»[452].

Представляется очевидным, что расширяется объем взаимоотношений государств, построенных на неформальных условиях и соглашениях. При этом уже не существует абсолютной неприкосновенности договоров, регулирование международной жизни происходит лишь на основе высших принципов общего международного права, а международное сообщество становится все более децентрализованным и не иерархичным.

Практика государств и сам путь развития мирового сообщества свидетельствуют том, что в настоящее время в большей степени, чем государствами, процедуры обеспечения национальной безопасности определяются деятельностью формально не связанных с государствами международных акторов. Но даже для этих постоянно меняющихся процедур существует асимметрия в процессах реализации государствами своих национальных интересов ввиду несимметричности современного мирового сообщества.

Исходя из классического определения субъектов международного права, данного в решении Палаты международного правосудия[453], государства являются создателями и адресатами норм международного права. Но в то же время, уже в 1949 г. МС ООН фундаментальным образом охарактеризовал субъектов международного права: «Субъекты права в

---

[452]Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации //Журнал российского права. №5, май 2006 г. ГАРАНТ Платформа F1.

[453] Предшественник МС ООН, Палата Международного Правосудия, отметила в деле Лотус: «Международное право регулирует отношения между независимыми государствами. Следовательно, нормы права, обязывающие государства, исходят из их собственного волеизъявления, выраженного в конвенциях, либо обыкновениях, широко признаваемых как выражающие принципы права и установленных либо для регулирования отношений между данными сосуществующими независимыми сообществами, либо с позиции достижения общих целей. Ограничения независимости, таким образом, не могут быть презюмируемы». The S.S. Lotus, Permanent Court of International Justice (1927), P.C.I.J. Ser. A, no.10, reprinted in Damrosch et al., International Law: Cases and Materials (2001), pp. 68–69.

любой правовой системе необязательно идентичны в своей природе, либо в объеме их прав, и их природа зависит от нужд сообщества. На протяжении всей своей истории развитие международного права находилось под влиянием международной жизни, и прогрессивные рост совместной деятельности государств способствовал росту числа примеров действий на международной сфере некоторых лиц, не являющихся государствами»[454].

В данных формулировках Суд в 1949 г. установил окончание действия концепции международного права исключительно как «права народов», согласно которой только государства являются основными действующим лицами, игроками на международной арене.

Таким образом, международное право создаётся не только государствами, международными организациями и иными коллективными образованиями в случае явного выраженного делегирования им полномочий государствами-членами ООН. Также в нормотворчестве участвуют акторы-«не государства», которые взаимодействуют с государствами не в той форме взаимодействия, которая является естественной для юридически равных субъектов.

Основной проблемой политико-правового обоснования возможного применения вооруженного насилия против террористических и им подобных организаций является чрезвычайная сложность юридической квалификации террористического акта в терминах современного международного права.

Первичным для такой квалификации является решение задачи определения целей действия террористов. Отсутствие такого рода знаний затрудняет понимание сути конфликта, и, как следствие, определения международных правовых механизмов его разрешения.

Для характеристики феномена «терроризма» удобно применить выражение: «я понимаю это, когда вижу», так как явление терроризма по

---

[454] Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, 1949 I.C.J. 174, 178 (Opinion of Apr. 11).

объективным причинам не определяется ни приблизительно, ни строго. Действительно, определения для данного явления предлагаются всегда[455], а поиск непререкаемого определения не привел к какому-либо приемлемому результату даже в рамках Организации Объединённых Наций.

Однако отсутствие всеобще принятого определения терроризма совсем не означает, что международный терроризм не подлежит определению. Всякий учёный имеет право предложить своё рабочее ad hoc определение «терроризма». Также представляется очевидным, что все такие определения термина имеют некоторое сущностное содержание, которое признаётся во всех других предлагаемых определениях.

Несомненно, что ни одно из определений не имеет непреложной силы, поскольку оно представляет собой только то, что мы субъективно предполагаем не проявляющим явных несоответствий практике государств и не имеющим каких-либо внутренних противоречий, а таковыми являются практически все определения.

Столкнувшись с множеством и многообразием определений «терроризма», можно предложить позицию непринятия данного термина вообще, поскольку «терроризм» не сопоставляется с хорошо определённым и чётко отождествляемым набором фактических событий.

Следовательно, он не может иметь в правовой доктрине широко признанного значения, и точный статус «терроризма» в соответствии с международным правом всегда останется не больше, чем объектом для предположений и дискуссий. В любом случае, термин неточный, неопределённый, и, более того, он не является достаточным для целей

[455] При квалификации действий индивидуалов как «террористических», термин «терроризм» очевидно, впервые был использован в международном документе на Третьей (Брюссельской) Конференции по унификации уголовного права 26-30 июня 1930 г. См.: Franck and Lockwood, ‘Preliminary Thoughts Towards an International Convention on Terrorism,’ Am. J. Int’l L. 68: 69, 73, сноска 23 (1974). В 1954 г. Комиссия международного права в Проекте Кодекса об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества представила концепцию «спонсируемого государством терроризма». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/code_of_offences.pdf (дата посещения: 12.11.2010).

обоснования применения силы. Как бы то ни было, множество проблематичных определений термина «терроризма», как-то сложное явление, которое он должен определять, всё же существует.

Поэтому, для проведения анализа правового режима применения государствами силы против террористических проявлений в конкретный период времени, всякий раз необходимо предлагать рабочее определение, которое характеризует как сам террористический акт, так и исполнителя террористического акта в данный момент времени, в конкретных общественно-политических условиях.

В своей классической работе о справедливых и несправедливых войнах М. Уолтцер утверждает, что целью терроризма является «разрушение морали нации или класса, подрыв его единства; его методом является случайное уничтожение невиновных»[456].

П. Седерберг[457] заявляет, что для определения политики реагирования на террористические угрозы: «… различие должно проводиться между действием (террористическим актом), террористом (исполнителем), и последствиями (внушенным страхом). Последний как раз и отличает тактику терроризма от всех иных способов принуждения».

Предложенный Россией проект резолюции ГА ООН «О дополнительных мерах по борьбе с международным терроризмом» определяет терроризм как «любые деяния, направленные на убийство или причинение тяжёлых увечий гражданскому населению, или захват заложников с целью запугивания населения или принуждения правительства или международной организации совершить какое-либо действие или воздержаться от какого-либо действия»[458].

---

[456] Walzer, Michael. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations, second edition, New York, NY: Basic Books, 1992, p. 197.

[457]Sederberg, Peter C. “Conciliation as Counter-Terrorist Strategy,” Journal of Peace Research, Vol. 32, No. 3, August 1995, pp. 295-312.

[458] «Террористическая угроза: власть и общество». Актуальные новости (29-30 сентября 2004 г.) URL: http:/www.hro.org/editions/demos/2004/09/30.php?printv=1; Румянцев Ф.

Есть и иные определения, но они, в общем, согласуются в том, что терроризм включает:

- применение разрушительной силы иными, не традиционными средствами и методами ведения военных действий;
- неизбирательное применение силы против некомбатантов;
- сила применяется главным образом не для достижения победы в военном смысле, а для внушения страха.

Резолюция Совета безопасности ООН № 1566 (2004) от 8 октября 2004 г. включила в себя многие аспекты предлагаемых определений «терроризма»: «… Преступные акты, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения и представляющие собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, и в соответствии с содержащимися в них определениями, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы никакими соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого подобного характера…».[459]

Представляется, что данные утверждения, как и текст вышеприведенной резолюции являются отчасти ошибочными в определении объекта терроризма.

Во-первых, никто и никогда не вёл войну для того, чтобы внушить страх. Это противоречит концепции самосохранения социальных систем, к которым относятся как сами государства, так и террористические структуры: разве возможно затрачивать ценные, очень часто не возобновляемые ресурсы

Лавров терроризирует ООН. Газета.Ru.
URL: http:/www.gazeta.ru/print/2004/09/28/oa_134829.shtml.

[459] Документ ООН S/RES/1566.

на ведение войны с целью испугать противника? Войны, напротив, ведутся исключительно за установление контроля над ресурсами.

Во-вторых, решение проблемы определения термина «терроризм», в частности, его объекта, видится в том, что он является противником вестфальской системы государств, поскольку, как бы это не казалось абсурдным, данное явление обеспечивает реализацию идеи глобализации, то есть всё большего открытия рынков, защищаемых государствами. Целью сил, использующих террористическую тактику в настоящее время для «принуждения правительства или международной организации совершить какое-либо действие или воздержаться от какого-либо действия», является трансформация системы государств в единую систему, открытую для свободного движения людей, товаров, капиталов, идей. С данной точки зрения, например, отличием Аль-Каиды от других террористических сообществ, является «обрамление» в идеологическую оболочку замены светской системы государств «средневековой системой халифатов, основанной на крайне ортодоксальном толковании ислама»[460], то есть также создание особой версии глобального рынка. Следует согласиться с заявлением Дж. Арас о том, что, когда «… факт терроризма налицо – это уже признак ведения войны, направленной на достижение тотальной цели – дестабилизацию и разрушение общественного и государственного строя, воспринимаемых в качестве противника»[461].

Вообще говоря, использование термина «международный терроризм» в современных условиях, является не совсем корректным. Данный термин может применяться только в отношении тех проявлений применения силы в международных отношениях, за которые международная ответственность может быть присвоена государствам. Типологии международного

---

[460] Alexander, Yonah and Swetnam; Michael S. Usama bin Laden’s al-Qaida: Profile of a Terrorist Network, Ardsley, NY: Transnational Publishers, 2001, p. 30.
[461] Арас, Дж. Терроризм: вчера, сегодня, и навеки. - Баку: SADA, 2003.
URL: http://www.worldwarfour.org/blok1_6.shtml (дата обращения 13.10.2010).

терроризма, представленные в доктринах с позиции понимания сложности и разнообразия отношений государств друг к другу, и отношения государств к исполнителям террористических актов могут быть сведены к трём типам[462]:

государство относится терпимо к исполнителям террористических актов, но не поддерживает и не спонсирует;

исполнители террористических актов имеют государственную поддержку, но без прямого спонсирования со стороны государства; и

исполнители террористических актов спонсируются государством.

Определим, что «государственное спонсирование» в соответствии с данной упрощённой схемой представляют только те ситуации, в которых какое-либо государство способствует на практике планированию, подготовке, и управлению террористическими действиями. И, напротив, «государственная поддержка» исполнителей террористических актов включает в себя предоставление разведывательных данных, вооружений, дипломатической поддержки, финансирования и пропагандистской поддержки. Условие «терпимости государства» очевидно, может быть применено в ситуациях, когда государство не спонсирует и не поддерживает террористические группы на своей территории, знает об их существовании, но не в состоянии противостоять им.

В тех случаях, когда государства относятся нетерпимо к исполнителям террористических актов, не предоставляют им государственной поддержки и не спонсируют их, и государствам на этих основаниях не может быть присвоена международная ответственность, акты применения силы, обладающие признаками неизбирательности, должны быть отнесены к транснациональной террористической деятельности.

Такой транснациональный терроризм является неотъемлемым элементом и одной из движущих сил развития глобального рынка. Это происходит, в том числе вследствие того, что государства, не способные

[462] См.: Arend, Anthony Clark; Beck Robert J. International Law and the Use of Force: Beyond the UN Charter Paradigm. New York: Routledge. 1993.

самостоятельно защитить свои интересы, пытаются мобилизовать ресурсы мирового сообщества на борьбу с этим явлением, и передают всё большую часть своих суверенных прав международным институтам. Участвуя в значительном числе международных организаций и соглашений, государства добровольно принимают на себя значительное число ограничений, например, по применению вооружённого насилия, по соблюдению процедур обеспечения прав человека, по информационной открытости, и т. д., то есть передают часть своих суверенных прав международным институтам.

Именно эта цель, т. е. обеспечение интересов глобального рынка, обуславливает существование отличий в тактике террористических организаций от той, которая осуществлялась партизанами, боровшимися против оккупантов и террористами, исполнявшими акты террора в отношении отдельных личностей, например, исполнявшими решения «Народной воли». Первое отличие состоит в том, что у современных террористов нет необходимости осуществлять постоянный и эффективный контроль над какой-либо территорией, что, по сути, является одной из основных функций государства.

В ходе войн прошлого осуществление такого контроля являлось существенным и необходимым условием партизанской деятельности, поскольку снабжение сил партизан осуществлялось главным образом за счёт ресурсов данной территории. В современной глобализованной экономике действует иной принцип – ресурсы доступны в любой точке земного шара. Ущерб экономике противника также может быть нанесён из любой точки земного шара.

В. И. Ленин, в работе «Партизанская война»[463] обращал внимание то, что убийство отдельных лиц и конфискация денежных средств[464] могут быть отнесены к терроризму только в определённый исторический момент - при

[463] В.И. Ленин. Партизанская война. Полное собрание сочинений. Издание пятое, Государственное издательство политической литературы, М.: 1960, Т. 14, стр. 1-12.
[464] Там же, стр. 4.

отсутствии экономического и политического кризиса[465], и относил такие формы вооружённой борьбы к партизанским действиям. Мао Цзе-Дун в своей работе «О партизанской войне» писал о стратегии партизанского сопротивления японским оккупантам, что: «Основным методом является нападение в жёсткой и вероломной форме»[466]. Че Гевара, размышляя о стратегии партизанской войны, заявлял, что «… террор довольно неэффективный способ вообще, порочный по своим последствиям, поскольку он во многих случаях приводит к гибели ни в чем не повинных людей, а наряду с этим и к гибели многих патриотов, принимающих участие в революционном движении. Террор является ценным фактором тогда, когда его используют для расправы с каким-либо высокопоставленным главарем угнетателей, известным своей жестокостью, особыми «заслугами» в проведении репрессий и другими подобными качествами»[467].

В современных демократических обществах (иногда называемых «сетевыми» обществами) отсутствуют такие общественно значимые должности, когда устранение лиц, которые их занимают, приводит к катастрофичным последствиям для данного сообщества. В этом и состоит второе существенное отличие современной тактики террористических организаций: ранее акты террора осуществлялись против личностей, занимавших руководящие должности в вертикально организованных государственных управленческих иерархиях, а это естественным образом приводило к изменениям в проводимой государствами внутренней и внешней политике.

Террор применялся либо против индивидов-руководителей (монархов, полицейских чинов, политиков, судей, и т. д.), либо против формирований

---

[465] Там же, стр. 5-6.

[466] Mao Tse-Tung. On Protracted War. The Basis of The Problem, at. 9. Transcription by the Maoist Documentation Project. HTML revised 2004 by Marxists.org. URL: http://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/index.htm (дата обращения 11.10.2009).

[467] Че Гевара. Партизанская война. URL: http://www.akm1917.org/teo/gevara/guerillawar.htm (дата обращения: 11.10.2009).

вооруженных сил оккупирующих держав. В современных условиях уничтожение представителя государства-противника вряд ли принесет очевидные военные преимущества, поскольку решение на применение силы в большинстве современных и сильных в военном отношении держав принимают представительные органы государств, а система управления такими государствами не является вертикально интегрированной, и не зависит от воли лишь одного человека. А открытое противостояние террористов формированиям вооружённых сил таких государств может привести к неоправданному расходованию ресурсов.

Таким образом, для установления содержания термина «терроризм», который имеет хоть какое-либо свойство, позволяющее использовать его для целей правоприменения, необходимо дать установить его современный объект. Представляет очевидным, что данный объект имеет ресурсную природу.

Изменения в структуре мировой экономики делают использование террористической тактики единственно эффективным способом ведения военных действий, как против государств, так и против других действующих лиц на международной арене.

Переход от двухполюсной системы противостояния СССР-США времён Холодной войны к системе многополярного мира (или однополюсного, как иногда считается ввиду существенного превосходства США в военном потенциале относительно других государств), ошибочно отождествляется с многополюсной силовой системой государств и их союзов. В действительности существует конфликт противостояния полюсов глобальной экономики. Рынки соревнуются между собой за привлекательность.

Поэтому противостояние в военной сфере, интенсивное обращение к террористическим методам ведения войны, прежде всего, нацелены на повышение/уменьшение ёмкости какого-либо рынка. Государства более не являются главными действующими лицами в сфере применения силы – они,

если использовать рыночный термин, являются своего рода агентами, то есть лицами, действующими от своего имени, но в интересах принципала – глобального рынка.

Существующее непонимание сущности организации противостояния террористической деятельности происходит из того, что весь современный методологический аппарат института применения силы в международных отношениях берёт своё начало в эпоху Просвещения, когда были сформированы основы современной системы государств. Наш взгляд на войну – это европейский взгляд, в основе которого лежат Пиренейский мир 1555 г. и Вестфальский мир 1648 г.[468], воззрения, сформулированные в работе Иммануила Канта «О вечном мире»[469], христианские критерии оценки справедливости характера войны. Но, во-первых, данный взгляд отвергается иным миром, но вовсе не исламским, как чаще всего приходится слышать и видеть из СМИ. Во-вторых, методологический аппарат разрешения конфликтов, построенный на данных взглядах, не может быть применён к разрешению противоречий, происходящих вследствие иной организации общественных отношений.

Когда говорят о столкновении цивилизаций, чаще всего имеют в виду разногласия между христианским и исламским миром. На самом деле, раздел пролегает между аграрной, индустриальной и постиндустриальной системами хозяйствования. Общеизвестно, что каждый народ ведёт войну именно таким способом, которым он создаёт прибавочный продукт[470]. С этой точки зрения мир представляется трёхуровневым.

Современная система границ государств построена на принципах, закреплённых в Уставе ООН. Данная сетка границ (равно, как и связанная с

---

[468] Spahn, Martin. The Thirty Years War (Transcribed by Douglas J. Potter). The Catholic Encyclopedia, Volume XIV. Online Edition. URL: http://www.newadvent.org/cathen/The Thirty Years War.htm (дата обращения: 16.10.2009).

[469] Kant, Immanuel. PERPETUAL PEACE: A PHILOSOPHICAL ESSAY. 1795. Third impression, 1917, LONDON, NEW YORK : THE MACMILLAN COMPANY.

[470] См. например: "… the way we make war reflects the way we make wealth…". Alvin and Heidi Toeffler. War and Anti-War. Warner Books, 1993. P. 2.

ними инфраструктура государств) наложена на совершенно иную систему отношений, границы которой определены способом производства, который в свою очередь, лишь иногда связан с приверженностью населения какой-либо форме религии (раздел «Север - Юг», либо «аграрный мир - индустриальный мир»). А поверх всего этого существует система виртуальных границ постиндустриального мира, в котором ценности создаются вообще без привязки к какой-либо национальной территории. Формальные государственные границы и границы трёх систем хозяйствования, за редкими и случайными исключениями, не совпадают.

Поэтому, государства, как субъекты международного права, легитимные в рамках существующей системы международного права, могут быть «оккупантами» на национальных или конфессиональных, либо хозяйственных территориях другого мира, то есть в иных системах ценностей, что неизбежно приводит к конфликтам.

В первом слое организации мира, аграрном, конфликты, прежде всего, происходили, и происходят до настоящего времени, вокруг участков земли пригодных для земледелия и скотоводства, либо за установление контроля над источниками воды и иными ресурсами, необходимыми для ведения достаточно примитивного хозяйства.

Такого рода конфликты чаще всего имели, а, иногда и в настоящее время, имеют сезонный характер (даже если они ведутся с помощью современных средств поражения), поскольку людские ресурсы, которые могут быть выделены для ведения конфликта ограничены, и не могут отвлекаться на войну во время сезона сельскохозяйственных работ, либо перегона скота на новые пастбища.

Во втором слое, созданном в эпоху индустриализации, который организован вокруг концепции государственного суверенитета, конфликты происходят в случае присвоения государствам ответственности за нарушения последнего. Государства применяют силу, когда нарушаются их права на полноту осуществления всех видов власти внутри своих государственных

границ, либо в случае воспрепятствования исполнению ими своих обязанностей по обеспечению прав и свобод своего населения.

Войны могут вестись уже в течение всего года по сравнению с конфликтами, присущими аграрному миру, так как интенсификация производства позволяет высвободить необходимое для войны количество людских ресурсов, и промышленность способна обеспечить вооружённые силы необходимыми запасами продовольствия и снаряжения.

Средством обеспечения потребностей государства в ресурсах и рабочей силе в войнах индустриальной организации мирового сообщества очень часто являлась оккупация территории государства-противника, а террор, в свою очередь, основным средством борьбы с оккупирующей державой.

В третьем слое, постиндустриальном, конфликты провоцируются силами, которые формально не связаны концепцией государственного суверенитета. Общественные отношения в данном слое строятся на основе бизнес-моделей, обеспечивающих наиболее эффективную организацию разделения труда. Транснациональные корпорации вступают в конфликты с государствами и между собой за возможность распоряжаться ресурсами, которые находятся в пределах национальных юрисдикций государств. У них, в отличие от последних, нет своего населения и территорий, которые необходимо защищать, но есть подлежащие защите бизнес-интересы.

В основе стратегии действий транснационального бизнеса лежит концепция «outsourcing», которая заключается в том, что для повышения эффективности процессов создания прибавочного продукта бизнес отбрасывает обременяющие его элементы и использует население, ресурсы и существующие элементы инфраструктуры государств, либо других участников рынка.

Именно поэтому, войны, ведущиеся для разрешения противоречий транснационального бизнеса, имеют существенные отличия от войн, которые ведут государства между собой.

Во-первых, государства связаны нормами международного права, а бизнес-сообщество – контрактами, создание и исполнение которых имеют совершенно различную природу.

Во-вторых, в отличие от государств, бизнес должен быть эффективен: у него нет обязательства растрачивать ресурсы, например, на ненужную, с точки зрения обеспечения эффективности бизнеса, чрезвычайно затратную оккупацию территории какого-либо государства[471], либо на исполнение социальных обязательств.

Если военные действия организованы для обеспечения потребностей бизнеса, а не для обеспечения безопасности государства, то они ведутся по бизнес-моделям против критичных объектов инфраструктуры противника: например, институтов какого-либо государства, создающего проблемы для вовлечения ресурсов, находящихся под его юрисдикцией в мировое производство и разделение труда. Даже для урегулирования тех противоречий, которые могут быть разрешены только военными средствами, транснациональный бизнес, в отличие от государств, не имеет массовых армий, которые нужно было бы содержать, обучать, готовить к войне даже в мирное время.

Благодаря потребностям транснационального бизнеса получила развитие т. н. «частная военная инициатива», благодаря которой заказчик может получить вооруженное и обученное формирование для выполнения практически неограниченного круга задач в кратчайшие сроки в любой точке земного шара.

Третьей существенной особенностью современной партизанской/террористической войны является то, что она ведётся не на

---

[471] Режим оккупации, определённый международным правом, налагает на государства обязанность нести значительные затраты на управление территорией и обеспечение населения оккупированной территории. См. например, ст. 55, 59 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI.- М., 1957. С. 204 - 278, 280.

территории какого-либо одного государства, а в иной системе координат, на территории всего мирового сообщества.

Ранее партизаны / террористы были привязаны к конкретной территории, и эффективность их действий в значительной степени зависела от поддержки местного населения, которому они обеспечивали безопасность от оккупантов. Отчасти по этой причине, во время войн недавнего прошлого партизаны были заинтересованы в прерывании всех видов сообщений противника через территорию своих действий, для чего они были вынуждены вести постоянные боевые действия, нападать на превосходящего противника в возможно максимальном количестве пунктов.

В современных боевых действиях у террористов отсутствует необходимость установления контроля над какой-либо территорией. Более того, торговые сообщения, свободное движение товаров, услуг, финансов – всё это формирует благоприятную для развития терроризма среду.

В эпоху абсолютного суверенитета государств международный терроризм был практически невозможен. Торговые соглашения, предоставлявшие купцам определённые привилегии и иммунитеты, были первым шагом разрушения абсолютного суверенитета государств, поскольку появлялись группы людей, которым позволялось перемещаться из государства в государство, и которые при этом были проводником новых идей и обеспечивали движение ресурсов.

Увеличение числа межгосударственных соглашений, на самом деле, не укрепляло власть суверенов на международной арене, а наоборот, приводило к её ослаблению. Возможно, что интенсивное заключение конвенций и межгосударственных договоров о противодействии терроризму, наоборот может привести к развитию среды, поощряющей терроризм, поскольку всё больше своих суверенных прав государства передают в распоряжение наднациональных институтов.

Для ведения действий террористы используют все элементы инфраструктуры всех без исключения государств. Процессы

интернационализации хозяйственной жизни предопределили прозрачность государственных границ, и практически сформировали единое экономическое, правовое, информационное пространство, и, как следствие, огромный театр военных действий с практически неограниченным набором доступных для поражения террористами и очень чувствительных для человечества объектов. Существовавшие во время войн прошлого зоны опасные от партизан превратились в единый театр террористических боевых действий, охватывающий весь земной шар.

В любой войне на всех трёх уровнях общественной организации объектом силового воздействия никогда не было то, что является необходимым для воспроизводства мощи группы, государства, корпорации. Необходимо отметить, что, используя такую же тактику, что и в предыдущие тысячелетия задокументированной истории человечества, современные террористы/партизаны, ведут совершенно отличную войну, поскольку для всех трёх уровней организации общества, выбираемые для поражения объекты различны по своей природе.

Для понимания сущности правового регулирования применения военной силы против террористических организаций необходимо обратить внимание на то, что практически всегда последствия террористической деятельности, а именно, внушённый страх, как было показано выше, принимаются общественностью за стратегическую цель террористического движения[472]. Однако страх и неизбирательное применение силы вовсе не являются чертой, отличающей терроризм от всех иных форм военного принуждения.

В эпоху аграрных войн стратегической целью войны было физическое уничтожение взрослого мужского населения, способного противостоять в

[472] Sederberg, Peter C. “Conciliation as Counter-Terrorist Strategy,” Journal of Peace Research, Vol. 32, No. 3, August 1995, pp. 295-312; Posner, Eric A. Fear and the Regulatory Model of Counterterrorism. Harvard Journal of Law and Public Policy. Cambridge: Spring 2002. Vol. 25, Iss. 2; pg. 681.

борьбе за ресурсы. И никогда (в идеальном, конечно, случае) не уничтожались женщины и дети. В войнах индустриального мира объектом уничтожения являлась военная организация государства, для сокрушения которой в соответствии с доктриной тотальной войны[473] использовались любые средства ведения войны и выбирались для поражения любые объекты. Исключение составляли лишь те объекты и ресурсы, которые были необходимы для обеспечения промышленного производства после слома военной организации противника и оккупации его территории. В постиндустриальных обществах удары направлены против тех национальных институтов и ресурсов, которые являются препятствием для развития глобальных институтов.

Именно вследствие этого глобализованное общество является питательной средой современного терроризма и находится под его защитой, поскольку оно неограниченно обеспечивает воспроизводство террористического потенциала: его институты и свободы обеспечивают участников борьбы за рынок доктриной ведения войны[474], дают им необходимое число солдат, снаряжения и т. д. Точно также система государств когда-то обеспечивала доктриной и ресурсами национальные вооружённые силы.

Исходя из вышеизложенного, считаем возможным предположить, что общим объектом терроризма в современных условиях является современная система государств и её базовые ценности, основанные на концепции

---

[473] Например, основоположник теории тотальной войны Х. фон Мольтке писал, что он ни в коей мере не может «заявить себя согласным с Санкт-Петербургской Декларацией в том, что единственной оправданной целью войны является «ослабление военной мощи противника». Нет, все источники поддержки враждебного правительства должны учитываться, его финансы, железные дороги, запасы продовольствия, даже его престиж». Helmuth von Moltke (the elder). On the Nature of War.
URL: http://www.bellum.nu/wp/hvm/hvmotnow.html (дата обращения: 17.10.2009).

[474] В современных боевых действиях используются модели, первоначально разработанные и опробованные участниками глобального рыка. Такие модели ведения бизнеса, например, как «от бизнеса к бизнесу (B2B)», были взяты на вооружение военными организациями ряда государств и превратились в модели организации ведения военных действий как «от сенсора к стрелку (S2S)».

государственного суверенитета. Видовыми объектами терроризма могут быть институты, которые являются препятствием для формирования полностью открытой глобальной экономики, обеспечивающей неограниченный доступ к ресурсам.

Приходится считаться с тем, что в настоящее время термином «терроризм» чаще всего определяется метод, с помощью которого политическая организация (организованная группа) стремится достичь своих заявленных целей, главным образом, запугиванием значительной части общества с использованием систематического экстремального неизбирательного насилия против гражданских лиц, либо избирательного - против символических целей, для влияния на государственный аппарат. Процесс террора включает в себя три элемента, а именно: акт или угрозу насилия, эмоциональную реакцию и социальные последствия.

Терроризм, как социальное явление и как способ применения силы для разрешения социальных противоречий, сопровождает все этапы общественного развития, в том числе, в рамках, определяемых геополитикой и, в свою очередь, оказывая обратное влияние на нее.

Феномен терроризма, часто воспринимаемый общественным мнением как уникальное, присущее только данной политической реальности явление[475], в действительности имеет неизменную природу, а признание за ним уникальности является методологически некорректным, что в свою очередь ведет к проблемам в организации противодействия ему.

---

[475] Парадоксально, что современная ситуация также заявляется уникальной, но при этом описывается в терминах геополитической «парадигмы» С. Хантингтона, которая уже не является достаточной для описания современных международных взаимодействий. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — Перевод с английского: Ю. Новиков (главы 1–8) под редакцией Е. Кривцовой и Т. Велимеева (главы 9–12), под общей редакцией К. Королева. — М., 2003. // Центр гуманитарных технологий. — 01.12.2010. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3893 (дата обращения: 12.12.2017).

Устранение такой некорректности в значительной степени зависит от используемого специфичного для каждой эпохи языка (категорий) описания этого феномена: *среда, объекты и субъекты* применения силы. Дело в том, что, поскольку технологический уклад более быстро развивается, нежели сопутствующий ему общественный язык, то последний не может описать ряд феноменов, и появляются определения «новых» особенностей, в том числе и для терроризма.

Отсутствие средств описания (или, как минимум, неподготовленность средств массовой информации) приводит к внедрению в общественное поле терминологии о «новом терроризме», «большей опасности», «новой тактике», определению исполнителей террористических актов «новой породой террористов», или появлению заявлений, что «в настоящее время мы живем в эпоху террора».

Такая пропагандистская деятельность, как результат, создаёт неверно сформированное общественное мнение и, соответственно, порождает существенные проблемы для мобилизации государствами ресурсов для противодействия терроризму.

При описании (анализе) феномена терроризма, и, соответственно, выявления объекта противодействия, необходимо дать ответ на вопрос «чему создает угрозу терроризм?», затем, соответственно, перераспределить ресурсы для противодействия создаваемой им угрозе.

Перераспределение ресурсов, в свою очередь, неизбежно приведет к изменению образа жизни, т. е. изменению объема прав и обязанностей членов общества. Поскольку на карту ставится некий продвигаемый и защищаемый «образ жизни», то концептуализации, развиваемые в процессе описания (анализа) феномена терроризма, сами по себе оценочные, неизбежно становятся частью политического инструментария.

Как результат, все уже известные и возможные концепции терроризма, равно как и заявляемые государствами стратегии противодействия ему, являются политически обусловленными. Эти концепции являются

результатом сочетания заявляемых или предполагаемых намерений террористов, и, затем, реакции государств на эти террористические проявления[476].

Соответственно, любое известное нам определение терроризма определяется лишь возможностями государств по реагированию на угрозы и их предотвращение. Но это, в свою очередь, приводит к тому, что если всякий акт «терроризма» определять лишь через доступные государству средства противодействия ему, то тогда описание самого феномена терроризма не будет учитывать ни причин его появления, ни обращения исполнителей террористических актов именно к таким средствам и методам применения силы.

Во-первых, что является объектом применения силы? Последствия анархичного по сути и хорошо описанного терроризма конца XIX в., направленного главным образом против глав государств, высших должностных лиц и членов их семей, и только во вторую очередь, на причинение ущерба общественной собственности и жизням членов общества, привели к принятию в 1937 г. Лигой Наций Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него[477]. В то же время эта конвенция не определяла различия между исполнителями актов террора, которые проявились позднее, с развитием дискуссии в рамках Генеральной Ассамблеи ООН. В поисках средств противодействия угрозам в международных документах стали появляться признаки, квалифицирующие характер исполнителей террористических актов: выделялись националистические мотивы, проявления фашизма, элементы борьбы против

[476] См.: Коростелев С.В. О проблеме терминологической несогласованности процесса легитимации действий по противодействию террористической угрозе // Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103); Коростелев С.В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113).
[477] URL: https://dl.wdl.org/11579/service/11579.pdf (дата обращения: 11.12.2017).

иностранной оккупации и т. д. То есть, дискуссия переводилась из правовой области в область политических оценок.

Затем состоявшаяся глобализация, научно-технический прогресс, меняющиеся условия хозяйствования, изменение сущности средств массовой информации и другие изменения в общественной организации определили возникновение «глобального» терроризма.

В такой среде, в связи с невозможностью применения силы против «лиц принимающих решения», поскольку в современных демократических обществах центры принятия решений являются неперсонифицированными (скорее – сетевыми), даже уже не только по причине разделения властей – непременного атрибута демократических государств, террористы не могут непосредственно влиять на акторов (в основном, государственный аппарат), поведение которых они хотят изменить. И как результат, современное террористическое насилие чаще всего стало направляться на третьих лиц, т. е. терроризм стал работать посредством косвенного инструментализма.

Длительность процесса определения терроризма на начальном этапе осознания масштабности его феномена определялась ad hoc реагированием на присущие эпохе вызовы и угрозы, «как правило, в ответ на конкретные случаи терроризма, а также в целях противодействия применяемым террористами методам и угрозам, … на такие действия, как захват воздушных судов; диверсии на авиационном транспорте; акты насилия в аэропортах; акты, направленные против безопасности морского судоходства; акты, направленные против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе; преступления против лиц, пользующихся международной защитой; незаконный захват ядерного материала и незаконное владение им; захват заложников; акты бомбового

терроризма; а также финансирование совершения террористических актов и деятельности террористических организаций»[478].

На данном этапе контр - и антитеррористические документы разрабатывались специализированными учреждениями ООН, такими как Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Международная морская организация (ИМО) и Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ).

В процессе развития сетевых структур управления общественной жизнью и соответствующим изменением состояния уязвимости «критичных» элементов инфраструктуры государств и мировой экономики в целом, данные «тематические» конвенции перестали обеспечивать должное реагирование на проявляющиеся новые вызовы и угрозы. То есть проявилась недостаточная обеспеченность правовым инструментарием политических решений по применению силы для противодействия террористическим угрозам, - sine qua non процесса легитимации в новых геополитических и геоэкономических условиях.

Современный миропорядок по-прежнему обеспечивается суверенными государствами, но он, тем не менее, организован вокруг ценностей, сформулированных в сложившейся после Второй мировой войны системе международных договоров, обеспечивающих защиту, прежде всего, личности.

Поэтому любые акты, методы и практика терроризма, «направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или отдельных лиц в политических целях, ни

---

[478] Документ ООН A/CONF.213/5. Оказание технической помощи для содействия ратификации и осуществлению международных документов, касающихся предупреждения и пресечения терроризма. Двенадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадор, Бразилия, 12-19 апреля 2010 года. П. 11. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V09/892/96/PDF/V0989296.pdf?OpenElement (дата обращения: 17.12.2017).

при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого характера, которые могут приводиться в их оправдание»[479], представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами ООН.

Для создания актуального инструментария и легитимации мер по противодействию новым вызовам и угрозам с 2000 г. в Специальном комитете, учрежденном резолюцией 51/210 ГА ООН от 17 декабря 1996 г., идет процесс согласования текста Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме[480].

Предполагается, что этот международный инструмент предоставит широкое универсальное определение терроризма и, тем самым, заполнит пробелы, не закрытые «тематическими» конвенциями[481].

Одной из проблем сложнейшего политического процесса согласовании определения терроризма является то, что государства на протяжении длительного времени не могут договориться не столько о содержании понятий «террор» и «терроризм», как о том, можно ли распространять положения будущей конвенции для характеристики деятельности вооруженных сил государств и противостоящих им вооруженных групп, вовлеченных в борьбу против иностранной оккупации и колониальной зависимости.

---

[479] См.: Документ ООН A/C.6/72/L.14. Проект резолюции «Меры по ликвидации международного терроризма». Семьдесят вторая сессия. Шестой комитет. Пункт 109 повестки дня. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N17/364/43/PDF/N1736443.pdf?OpenElement (дата обращения: 17.12.2017).

[480] Проект конвенции см.: Документ ООН A/68/37. Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. Шестьдесят восьмая сессия. Дополнение № 37. Приложение I «Преамбула и статьи 1, 2 и 4–27 проекта всеобъемлющей конвенции о международном терроризме» (Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1996 г. Шестнадцатая сессия (8–12 апреля 2013 г.)). URL: http://undocs.org/ru/A/68/37 (дата обращения: 20.12.2017).

[481] Документ ООН A/CONF.213/5. См. выше, П. 16.

Именно из-за невозможности достижения политического консенсуса по вопросу квалификации действий противостоящих сторон, применяющих вооруженное насилие в конфликтах при реализации права на самоопределение или при противодействии террористической деятельности и повстанческой деятельности, в обозримом будущем данный термин не имеет шансов на универсальное правовое определение в рамках ООН.

В ситуациях, когда в ходе контртеррористических действий уровень применяемого вооруженного насилия достигает по смыслу МГП состояния вооруженного конфликта, может встать вопрос о возможности применения режима МГП. Но поскольку какого-либо определения «терроризма» как преступления в МГП нет, оно позволяет лишь квалифицировать запрещенные действия, которые могут совершаться в ходе вооруженных конфликтов, однако по своим последствиям сходны с террористическими нападениями, определенными в универсальных контртеррористических правовых документах, и ответственность за которые могла бы быть присвоена, если бы они совершались в мирное время[482]. То есть, эти два режима имеют общие черты. И государства должны обеспечивать, чтобы любые принимаемые ими меры «соответствовали всем их обязательствам по международному праву, в частности международным стандартам в области прав человека, беженскому праву и гуманитарному праву»[483].

Исследование механизма выбора правового режима действий по противодействию терроризму и насильственным проявлениям экстремизма, который является, несомненно, политическим процессом, обязательно приведет к выводу, что исследование феномена терроризма и поиск

---

[482] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Нью-Йорк, 2009. ISBN 978-92-1-430008-3. ч. I, С. 27.

[483] Документ ООН S/RES/1624. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/510/54/PDF/N0551054.pdf?OpenElement 2004 (дата обращения: 12.01.2018).

определения для него необходимо рассматривать не только политический, но и во многом, эвристический межгосударственный процесс.

В этом процессе МГП может использоваться лишь как начальный инструмент при анализе феномена терроризма, поскольку оно регламентирует допустимые нормы насилия, а терроризм эти нормы нарушает.

Так, например, обращение к нормам МГП позволяет начать процесс определения терроризма как актов или угроз применения насилия против некомбатантов. Если принимать во внимание лишь непреднамеренное «неизбирательное» (в терминологии МГП) применение силы против некоторого числа лиц, которые МГП включает в категорию «защищаемых», и что не является «военным преступлением», то, напротив, терроризм косвенно затрагивает всю потенциальную «аудиторию», которая может быть объектом умышленных нападений. То есть, если случайное поражение «защищаемых» гражданских лиц и объектов предполагается допустимым в ходе вооруженного конфликта, как крайней политической формы действий, то намеренное поражение гражданских лиц и объектов уже выходит за рамки допустимого в политической борьбе.

Чаще всего непосредственно пострадавшие в результате теракта лица не являются конечной целью-аудиторией терроризма, в которой нужно вызывать страх: инструментарий терроризма в данном случае является косвенным.

Схематически можно сказать, что террористы поддерживают напряжение в обществе нападениями или угрозой неизбирательных нападений на случайных гражданских лиц, или, избирательно - на символические цели, для создания нестабильности в более крупных социальных группах, и, тем самым оказывают политическое давление на поведение своих противников – государства и даже международные организации. Именно случайность поражения и широкий выбор целей, и вытекающее из этого отсутствие ограничений в подборе исполнителей

террористических актов, являются наиболее опасной чертой современной террористической тактики.

Поэтому политическая обусловленность заявлений о различии между «террористами» и «борцами за свободу/независимость» (или между «терроризмом» и «борьбой за освобождение») приводит к тому, что в ряде случаев «борцы за независимость» в соответствии с Дополнительным протоколом II 1977 г. одной стороной наделяются статусом привилегированных комбатантов, а другой стороной определяются как «незаконные комбатанты»[484].

Именно такое расхождение в оценке субъектов применения силы привело к тому, что текст всеобъемлющей конвенции ООН о международном терроризме до настоящего времени так и не согласован, поскольку предлагаемое в проекте конвенции определение терроризма приравнивает к терроризму все виды вооружённого насилия в отношении гражданских лиц[485].

Так, например, еще Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.[486] подчеркивал необходимость заключения всеобъемлющей конвенции о международном терроризме конца 60-й сессии ГА ООН, т. е. до сентября 2006 г.[487]

Ряд научных определений терроризма проводит различие между насилием совершаемым государством и не связанными с государством субъектами. В этом случае термином «терроризм» в некоторых случаях

---

[484] См., например: Hamdi v. Rumsfeld, 542 U.S. 507 (2004).
URL: https://www.lawfareblog.com/hamdi-v-rumsfeld-542-us-507-2004 (дата обращения: 11.01.2018).
[485] Коростелев С.В. О проблеме терминологической несогласованности процесса легитимации действий по противодействию террористической угрозе // Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103).
[486] Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 г.
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch3.shtml#t3. П. 83 (дата обращения: 14.01.2018).
[487] URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=4698 (дата обращения: 14.01.2018).

определяется насилие, совершаемое не связанными с государством субъектами. Но, с в то же время других концепциях не проводится различие между государственным и негосударственным насилием.

В этом случае предполагается, что «терроризм» - это то, что могут осуществлять как государства, так и не связанные с ним субъекты. Это приводит к введению в дискурс определений таких как «террористические государства»[488] или «государственный терроризм»[489], которыми определяется насилие со стороны государства, когда оно направлено на некомбатантов и нарушает социально приемлемые нормы.

Существует точка зрения[490] разделяющая два вида насилия - «террор» и «терроризм» следующим образом: «террор» относится к действиям, направленным на распространение страха со стороны государств, и, следовательно, он работает «сверху вниз». С помощью террора через свои институты государство контролирует население. «Терроризм», напротив, совершается негосударственными субъектами, «снизу вверх», т. е. нацелен на государство для оказания влияния на его институты через население, являющееся непосредственным объектом насилия.

В данном предположении, относящему «террор» к методу управления со стороны государств есть серьезное методологическое упущение, не учитывающее современную природу государства и его место в международном сообществе.

---

[488] См. например: Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 30-54. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.03.

[489] Schmid, Alex. Terrorism - The Definitional Problem, 36 Case Western Reserve Journal of International Law. 375 (2004). Available at:
URL: http://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol36/iss2/8. P. 402 (дата обращения: 09.01.2018).

[490] Chandrakala Padia. Terrorism: an Analysis. The Indian Journal of Political Science. Vol. 49, No. 3. (July - Sept. 1988), pp. 351-358.

Во-первых, доктрина[491] предполагает, что государство – это одна из многих форм политического объединения людей. Сущность любого объединения может быть выведена через исследование его отношение к другим объединениям и общностям индивидов. Что отличает государство от других политических объединений?

Саму концепцию государств необходимо рассматривать в историческом процессе их формирования, и, естественно, она имеет особое содержание для каждого исторического этапа развития. Кроме того, не все объединения людей, заявляющие о своем праве называться государством, являются таковыми, например, ввиду своей нелигитимности.

Свойство легитимности является наиболее существенным в определении государства, которое само по себе должно существовать и признаваться стержневой единицей в организации международного сообщества в лишь политическом объединении схожих по своим свойствам сообществ, также определяющих себя как государства.

Государство как высшая форма политического объединения индивидов, существует относительно автономно от других подобных объединений. Каждое из государств может определяться своей формой правления (специфически организованным, но, обязательно, ответственным правительством), обязательной привязкой к определенной территории и способностью нести ответственность.

Свойство ответственности является наиболее существенным признаком государства, который отличает его от иных политических объединений индивидов: каждое государство обладает правами и исполняет обязанности в отношении других политических объединений, также определяющих себя как государства.

---

[491] Kukathas, Chandran. A Definition of the State. Presented at a conference on ‘Dominations and Powers: The Nature of the State’, University of Wisconsin, Madison, March 29, 2008. URL: http://philosophy.wisc.edu/hunt/A%20Definition%20of%20the%20State.htm (дата обращения: 14.01.2018).

Эти свойства появились как результат политического характера любого объединения, которое индивиды создают для достижения каких-либо целей (чаще всего в сфере обеспечения безопасности и обеспечения справедливого распределения благ). Индивиды делегируют часть своих прав и ответственности государству, объединяемых в свою очередь в его компетенции (или властные полномочия). Так, например, Т. Гоббс предложил, что «… государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»[492].

Нашим основным интересом является безопасность, но мы можем ею пользоваться, если живем в обществе, в котором осуществление частной свободы отражает не только возможность для частных воль обеспечивать свои интересы, но и существованием этических воззрений, в которых конфликты интересов должным образом увязаны и согласованы. Государство преобразует проявления отдельных воль в универсальный механизм общего сосуществования, то есть именно государства привносят в наши жизни то, что отсутствовало до их появления – институт моральных ограничений.

Таким образом, существуют территориально организованные политические объединения, организованные, возможно, на различных моральных посылках. Как могут сосуществовать такие объединения, если в реальной жизни интересы сталкиваются и всякий, желающий получить какие-либо преимущества, может сделать это только за счёт других?

Очевидным образом, ко всяким интересами нужно относиться в равной степени уважительно, поскольку повторяющиеся взаимодействия показывают индивидам преимущества разумных взаимных уступок и необходимость заключения стратегических договоренностей, а это может

[492] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. гл. XVII, С. 133/

быть обеспечено только при создании общего правопорядка, в котором сформулирована общая воля сообщества государств. Следовательно, основной ожидаемой компетенцией государства предполагается обеспечение безопасности, и стабильности (предсказуемости) не только для индивидов, делегировавших ему свои полномочия, но и других государств.

Компетенции государства определяются через присущее ему свойство суверенитета. В самом примитивном понимании «суверенитет» означает всю полноту власти, осуществляемую государством в пределах своей территории и в отношении своего населения, и, которая в некоторых случаях, может осуществляться экстерриториально**.** В более широком смысле «суверенитет» какого-либо государства следует понимать как меру согласия других участников международного общения с содержанием и способами реализации им своих властных полномочий.

В парадигме классического понимания суверенитета государства обладают абсолютным правом на применения насилия на своей территории и в отношении своих подданных (граждан). В действительности государства ограничили себя в реализации такого субъективного права через участие в различных международных режимах; а в результате взаимодействия с другими участниками межгосударственного общения возникли, поддерживаются и совершенствуются очень серьезные институциональные ограничения для таких прав, оформленные в нормах института международного права[493].

Как и все созданные человеком институты, институт международного права должен пониматься как результат конфликтов и усилий по облегчению сосуществования, но не как средство окончательного урегулирования всех и вся. Как формализованная система правил, он возник в результате укоренения обычая, формализации его теми государствами, кто обладал

[493] См.: Коростелев С.В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113).

достаточными ресурсами для проведения самостоятельной политики, и упорядочивания международных отношений через прецедентную практику.

Современная конструкция международного сообщества отражает не только какие-либо коллективные намерения или цели, но и взаимодействие интересов конфликтующих интересов. Государство с такой точки зрения не является ни продуктом внешнего влияния, ни конструкцией, созданной на основании субъективных человеческих обоснований, исходящих из согласия индивидов на политическое урегулирование.

Если конструкция эффективно работает, то это является лишь результатом эволюционной («дарвиновской») борьбы за существование, у которой, как известно, нет ни замыслов, ни конечных целей, ни перспектив планирования, но которая определяет, что живучим является только наиболее приспособленное к данному этапу развития международного сообщества. А приспособленным в настоящее время к сосуществованию в международной системе является то государство, которое руководствуется логикой стратегического взаимодействия и балансом сил в ограничениях, предписанных системой принципов и норм международного права.

Права и обязанности государств как основных международных акторов до настоящего времени не формализованы, хотя такие попытки предпринимались в рамках ООН при разработке «Проекта декларации прав и обязанностей государств»[494]. Считаю возможным предложить, что суверенитет участника международного общения уважается, если он не выходит из ограничений, установленных международным правом. А если государство выходит при реализации своих властных полномочий за вышеупомянутые ограничения, то другие участники международного общения вправе ограничить его суверенитет через присвоение

[494] Резолюция ГА ООН 375(IV). Проект декларации прав и обязанностей государств. 270-е пленарное заседание. 6 декабря 1949 г. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/053/70/IMG/NR005370.pdf?OpenElement (дата обращения: 16.01.2018).

международной ответственности, даже в форме чрезвычайных сатисфакций и чрезвычайных репараций[495], как, например, это было сделано отношении нацистской Германии[496].

Как было отмечено в ходе судебного следствия в Нюрнберге «…правовое регулирование в международных отношениях … зависит от соглашения, но от соглашения, которое не может быть устранено односторонним действием. В области международных отношений источником права является не приказ суверена, а договорные соглашения, связывающие каждое из государств, которое подписало данный договор. Действительно верно и признание сегодня того, что это так, всеми великими мировыми державами чрезвычайно существенно для будущего мира, как сказал господин Литвинов и что полностью признает Великобритания, «что абсолютным суверенитетом и полной свободой действий пользуются только те державы, которые не взяли на себя никаких международных обязательств. Как только государство берет на себя международное обязательство, оно тем самым ограничивает свой суверенитет»»[497].

Таким образом, политическое объединение индивидов – государство - может лишаться своей легитимности, быть ограничено в суверенных правах другими акторами и терять (возможно, временно) признаки государства[498].

---

[495] Международное право. Учебник для вузов. Ответственные редакторы — проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. — М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА : М, 1999. — 584 с. С. 93.

[496] См. также «Материалы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании». Протокол Берлинской конференции трех великих держав 1 августа 1945 г.
URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/berlin_main.htm (дата обращения: 16.01.2018).

[497] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов (под редакцией К. П. Горшенина (главный редактор), Р. А. Руденко и И. Т. Никитченко). Том I. Издание второе, исправленное и дополненное. Государственное издательство юридической литературы. Москва. 1954. С. 164.

[498] Коростелев С.В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113).

Во-вторых, может ли политическое объединение индивидов - государство вообще быть террористом? Ответ на данный вопрос также дан Нюрнбергским трибуналом, и этот ответ – нет!

Тогда же в ходе судебного следствия было заявлено, что «… идея, заключающаяся в том, что государство как корпорация совершает преступления, является фикцией. Преступления всегда совершаются только людьми. Но, в то время как вполне допустимо, в целях установления коллективной ответственности, использовать фикцию об ответственности государства или корпорации, совершенно нетерпимо, чтобы подобное формальное толкование закона могло служить основой для личной безнаказанности»[499]. «Устав [Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.)] совершенно ясно заявляет, что устанавливается индивидуальная ответственность за преступления, включая преступления против мира, совершенные от имени государства. Государство не является абстракцией. Его права и обязанности являются правами и обязанностями людей; его действия - действиями людей. … Самый принцип индивидуальной международной ответственности за преступления против международного права не является полностью новым, он уже применялся, и не только против пиратов. Все законодательство, относящееся к военным преступлениям, в отличие от преступления войны, основано на принципе индивидуальной ответственности»[500].

Таким образом, после окончания Второй мировой войны произошла индивидуализация международной ответственности за преступления, совершаемые как бы «государством», а термин «государственный терроризм» по инерции продолжает использоваться лишь в пропагандистских целях, но никогда не используется в международном дискурсе.

---

[499] Нюрнбергский процесс, см. выше, С. 148.
[500] Там же.

Равным образом и государство не может быть «террористическим», использующим террор как метод управления, - в таком случае оно теряет свойства государства и ограничивается в суверенитете другими международными акторами.

Таким образом, сделанное официальными лицами гипотетическое заявление о том, что какое-либо государство (неизбежно – член ООН) является «террористическим», по своей сути становится актом присвоения международной ответственности и порождает, соответственно, обязанность по восстановлению нарушенных общих интересов международного сообщества. Как было отмечено Комиссией международного права ООН, «…последствия международно-противоправного деяния не могут ограничиваться возмещением или «санкциями».

В международном праве, как и в любой правовой системе, противоправное деяние способно порождать различные виды правоотношений, в зависимости от обстоятельств»[501]. «Ответственность государств может возникать в связи с самыми тяжкими деяниями, и режим ответственности в таких случаях будет соответствующим образом жестким»[502].

Превышение каким-либо государством социально приемлемого уровня насилия, т. е. нарушение международного обязательства, позволяет другим акторам определять такое поведение как разрушающее его легитимность и порождает у них обязанность защищать интересы международного сообщества и ограничивать его суверенность, но лишь для наказания

---

[501] Документ ООН A/63/10. Доклад Комиссии международного права (53-я сессия). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестьдесят третья сессия. Дополнение № 10 (Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния). С. 54.
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf (дата обращения: 20.01.2018).
[502] Там же, С. 128.

индивидов, совершивших преступление против интересов международного сообщества в целом.

В противном случае отсутствие реакции на нарушение обязательств erga omnes приводит к легализации злоупотреблений правом требовать невмешательства во внутренние дела, что разрушает основы современной системы международных отношений.

Следовательно, заявление от «террористическом» характере какого-либо государства, требует проведения контрмер, которые к тому же должны быть обоснованы требованиями необходимости применения силы. Государства могут защищать свои общие существенные интересы, которым угрожает большая и неминуемая опасность, только путем временного неисполнения какого-либо другого международного обязательства, меньшего веса или срочности в данным обстоятельствах, допуская отклонение от запретов на применение силы, воплощённого в ст. 2 п. 4 Устава ООН, и вмешательство во внутренние дела государства (ст. 2 п. 7 Устава ООН). Каждый такой выход из ограничений парадигмы Устава ООН выводит систему международной безопасности из равновесия. Поэтому заявления, порождающие обязанность государств по реагированию с применением силы, должны делаться очень осторожно.

4.2. Обоснование нормативности необходимости применения силы при обращении к упреждающим действиям

По сути, вся история войн являет собой примеры упреждения действий противника. Например, как гласит легенда, во время Третьей Пунической войны (149-146 гг. до н. э.) Карфаген был разрушен, поля его символически были посыпаны солью «чтобы ни одно живое существо, ни один соперник не мог произрасти там снова»[503]. В 1801 г. флотилия под командованием Г. Нельсона уничтожила датский флот в Копенгагене для упреждения появления у Наполеона возможности использовать датский флот[504] для уничтожения британской морской торговли, от которой полностью зависела экономика государства.

Любая угроза применения силы, либо применение силы всегда оценивается государствами в контексте международной обстановки и своих собственных внешнеполитических целей. Более того, у государств постоянно возникают уникальные обстоятельства, ввиду которых они считают обращение к силе оправданным.

Поэтому содержание критериев оценки справедливости/правомерности какой-либо деятельности устанавливается государствами в контексте таких уникальных обстоятельств, когда при определении возможности осуществления мер по защите национальных интересов они вынуждены самостоятельно оценивать ситуацию, искать доступные средства принуждения, принимать решение о готовности нести международно-правовую ответственность за тяжесть последствий своего поведения.

---

[503] PLUTARCH, Marcus Cato, LIVES 516, 541 (John Dryden Trans., J.M. Dent & Sons 1962) (1683).

[504] Herman, A. To Rule the Waves: How the British Navy Shaped the Modern World. Harper Collins Publishers. 2004. P. 366. 2004.

В этом случае высшие должностные лица государства могут делать заявления об очевидной неэффективности системы коллективной безопасности, о существовании обычного права на самооборону, и наступлении таких обстоятельств, когда использование силы является правомерным, в том числе, до действительного вооруженного нападения на территорию государства, или, например, на его граждан и объекты вне пределов государственной территории. После этого принимается решение о применении силы, начинаются военные действия, и информируется СБ ООН. И именно в данной системе правил осуществляется квалификация поведения государства в соответствии с международным правом[505].

Как пример, можно рассмотреть аргументацию сторон в ходе обсуждения в СБ ООН ситуации, когда 20 августа 1998 г. с целью разрушения некоторых элементов инфраструктуры террористической организации Аль-Каида США нанесли ракетные удары по объектам расположенным на территориях Судана и Афганистана[506].

Удары имели двоякую цель – они были осуществлены: во-первых, как репрессалии в ответ на убийство более чем 250 человек во время взрывов посольств США в Кении и Танзании 7 августа того же года; и, во-вторых, для уничтожения инфраструктуры террористической организации Осамы Бин Ладена, которая в своём заявлении о борьбе с мировым злом – США –

---

[505] Основные работы автора по тематике упреждающей самообороны, выполненные самостоятельно и в соавторстве: Коростелев С.В. Определение стратегии международно-правового обеспечения применения вооружённых сил и её методов / С.В. Коростелев – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009.; Коростелев С. В., Качук В. Н. Характеристика метода правового обоснования применения силы в международных отношениях и его использование для обоснования упреждающих действий // Журнал правовых и экономических исследований №1 2010; Коростелев С. В., Кириленко В. П. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы. Ч.I, II // Военная мысль. №8-9 2011.

[506] Удары по семье, удары по «Аль-Каиде». Жизнь Билла Клинтона: публичная и "параллельная". НГ EXLIBRIS, # 23 (324) 30 июня 2005 г.
URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2005-06-30/3_klinton.html. Удары были осуществлены по тренировочным лагерям террористов в Афганистане и фармацевтическому заводу в Судане, на котором предполагалось производство компонентов химического оружия.

сообщила о намерении не проводить различия между гражданскими и военными объектами[507].

По заявлению суданской стороны «… США совершили военную агрессию в отношении фармацевтической фабрики «Аш-Шифа» …, в результате которой был полностью разрушен важный медицинский объект, производивший жизненно-важные лекарства и поставлявший более половины объёма, необходимого для удовлетворения потребностей Судана в таких лекарствах. … [Судан хотел] бы призвать администрацию США не использовать своё положение в СБ для блокирования решения о направлении комиссии по установлению фактов, которая откроет миру правду и разоблачит неоправданную агрессию в отношении обычного медицинского объекта»[508].

В заявлениях администрации США для прессы говорилось о существовании очевидных доказательств связи Бин Ладена с подготовкой, финансированием и осуществлением террористических актов в Танзании и Кении[509], но при рассмотрении ситуации в международных органах США не было представлено существенных доказательств о причастности правительств Судана и Афганистана к террористической деятельности (аргументы сторон см. Приложение 6, с. 434).

Таким образом, являющиеся по своей сути репрессалиями действия руководства США были заявлены как действия на самооборону, осуществленные со «стремлением свести к минимуму вероятность причинения при этом ущерба гражданским лицам и соблюсти нормы международного права, в том числе касающиеся соображений необходимости и соразмерности». Если следовать данной логике, то следует согласиться с утверждением, что, с точки зрения политической и военной

[507] Cohen, William S. and Shelton, Henry H. Defense Link: DoD News Briefing of August 20, 1998. URL: http://www.defenselink.mil/news/Aug1998/t08201998 t820brfg.html.
[508] Документ ООН A/55/PV.23, стр. 33.
[509] William S. Cohen & Henry H. Shelton, Defense Link: DoD News Briefing of August 20, 1998, URL: http://www.defenselink.mil/news/Aug1998/t08201998 t820brfg.html.

целесообразности, «… право на самооборону подразумевает правомерность осуществления действий, пока такие действия еще возможны.

То есть, здесь предотвращается возможный вред или ущерб, а не явные действия, упреждение которых и является целью. … Если под ожиданием «неминуемой опасности» подразумевается бездействие до тех пор, пока действовать эффективно становится невозможно, то такое право становится иллюзорным»[510]. Аргументация в защиту права государства на самооборону была использована для оправдания, во-первых, репрессивных действий, и, во-вторых, для оправдания превентивных действий.

Информация о возможностях разрушенного суданского завода, возможно, преднамеренно была искажённой. Руководство Судана подняло вопрос о предвзятости действий – Ирак также подозреваемый в производстве химического оружия и подвергавшийся ударам, на протяжении ряда лет подвергался инспекциям ООН, а удары по Судану были нанесены без предупреждения, без обсуждения вопроса с реально существующим правительством Судана в рамках ООН.

Таким образом, действия в отношении Судана были предприняты в нарушение известных и распространённых дипломатических и правовых процедур, и были основаны либо на недостоверной информации, либо информация была полной, но преднамеренно не использовалась.

Очевидно, что, если бы доказательства причастности террористов, в частности организации Аль-Каида, к терактам в Танзании и Кении оценивались компетентным международным судом, последний наверняка бы признал их ничтожность. Особенно потому, что к сбору свидетельств по доказыванию виновности каждого из государств США подошли с различными критериями, и использовали информацию, полученную с

---

[510] Bobbitt, Philip. In This New Age of Warfare, We Need Clearer Rules on When to Cross Borders. The Guardian. Monday 16 June 2008.
URL: http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/jun/16/terrorism.terrorism/print (дата обращения 18.05.2010).

различной степенью достоверности. А, поскольку, даже если информация получена с соблюдением стандартных для всех ситуаций правил процедуры, то и тогда она не гарантирует, что решение об установлении виновности будет справедливым.

Аргументация США в оправдание ракетных ударов была воспринята мировым сообществом неодобрительно[511], а оценка данной ситуации Советом Безопасности не давалась.

Однако вскоре отношение мирового сообщества к проблеме упреждающих и превентивных действий начало изменяться. Это может быть продемонстрировано следующими эпизодами из практики СБ ООН после событий 11 сентября 2001 г.

12 сентября 2001 г. СБ ООН единогласно принял Резолюцию 1368[512], посвященную террористическим нападениям. Данная резолюция представляется достаточно противоречивой, поскольку её преамбула признаёт право на индивидуальную и коллективную самооборону, но уже текст параграфа 1 Резолюции определяет террористические нападения, как «угрозу для международного мира и безопасности»; а, как известно, ст. 51 Устава ООН управомочивает государства на самооборону только в случае «вооруженного нападения».

Как заявил постоянный представитель России при отделении ООН в Женеве и при конференции по разоружению Л. А. Скотников: «… события 11 сентября 2001 г. представляли собой вооруженное нападение в смысле ст. 51 и Соединенные Штаты имели право на осуществление самообороны. Совет установил таким образом, что ст. 51 может быть задействована в случае нападения, совершенного негосударственным субъектом, когда собственно нападение прекратилось, но есть основания полагать, что за ним

[511] Документ ООН A/53/PV.19. С. 31. Выступление министра внешних связей Судана перед Генеральной Ассамблеей ООН. См. также: United States Bombing of Pharmaceutical Plant Grave «Act of Terrorism» Sudan's Minister for External Relations Tells General Assembly, UN Press Release, Sept. 29, 1998.
[512] Документ ООН S/RES/1368.

могут последовать новые атаки. (По логике, выводимой из этой резолюции Совета Безопасности, США еще до 11 сентября 2001 г. могли осуществить право на самооборону, если бы знали о грядущем нападении «Аль-Каиды», - принимая во внимание предыдущие атаки «Аль-Каиды», направленные против интересов США. Речь, таким образом, шла о серии террористических нападений, представляющих собой продолжающуюся кампанию. Легитимность такой самообороны подкреплялась бы и резолюциями Совета Безопасности, принятыми по главе VII Устава ООН в отношении «Талибана» и «Аль-Каиды»)»[513].

В параграфе 5 Резолюция 1368 выражает готовность СБ ООН предпринять все необходимые шаги для осуществления ответных мер против террористических нападений в соответствии с обязанностями СБ ООН по Уставу ООН, т. е. разрешить военные и иные необходимые действия в случае возникновения потребности в них. Таким образом, СБ ООН продемонстрировал готовность разрешить ситуацию доступными ему средствами, но, в тоже время, готов примириться с тем, что государства будут самостоятельно решать вопросы обеспечения своей безопасности.

Вопрос обращения государств к реализации права на самооборону также исследовался в практике Международного суда ООН по делу «О вооруженной деятельности на территории Конго (Демократическая республика Конго против Уганды)»[514].

Данное решение достаточно глубоко демонстрирует подходы различных школ права к толкованию содержания термина «самооборона». Суд постановил, что Уганда, оккупировав территорию соседнего государства, нарушила обычное и договорное международное право в сфере

---

[513] Скотников Л.А. «Право на самооборону и новые императивы безопасности. Международная жизнь», № 9, сентябрь 2004 г. Приводиться по «Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Статья Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН в Женеве и при Конференции по разоружению, опубликованная в журнале». www.mid.ru, 28-09-2004.

[514] Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) (Judgment) [19 December 2005] ICJ. URL: http://www.icj-cij.org.

ius ad bellum, ius in bello, международные нормы в сфере защиты прав человека, нарушила территориальный и ресурсный суверенитет Конго. Но также суд рассмотрел и контр-доводы Уганды, которая заявила, что: во-первых, Конго оказывало поддержку, либо терпимо относилось к военизированным формированиям, действовавшим против Уганды с территории Конго, а, во-вторых, вооруженные силы Конго совершили нападение на посольство Уганды в Киншасе, причинили ущерб сотрудникам посольства и имуществу государства. Суд отказал Уганде в удовлетворении первого требования, поскольку Уганда не сообщала о растущем количестве и масштабе нападений на её территорию Совету Безопасности ООН, и никогда не делала заявлений о необходимости обращения к самообороне в ответ на нападения вооруженных сил Конго[515].

Доказательств того, что вооруженные нападения на Уганду осуществлялись с территории Конго её вооруженными силами, либо были осуществлены в интересах её правительства, ни Суду, ни Совету Безопасности Угандой представлены не были[516].

В ходе судебных слушаний представители Конго, заявили, что Уганда осуществила вторжение «не для отражения суданского или конголезского нападения, а для избегания риска такого нападения, которое могло бы произойти»[517]. С точки зрения Конго, Уганда оказывает одобрение теориям упреждающих и превентивных действий, а это «действие имеет своей целью внесение радикальных изменений в правила Устава ООН»[518].

В свою очередь Уганда отвергла обвинение в полагании на теорию упреждения и обосновала вторжение «принципами ответственности государств и обязанностью предотвращать использование национальной

[515] Там же, параграф 145.
[516] Там же, параграф 146.
[517] Там же, параграф 32.
[518] Там же.

территории вооруженными бандами, осуществляющими вооруженные действия против соседних государств»[519].

В ходе слушаний был оглашен документ Верховного главнокомандования вооруженных сил Уганды, опубликованный впервые 11 сентября 1998 г., в котором говорится о том, что несостоятельные государства могут послужить базой для действий против территориальной целостности соседнего государства; и, который нацеливает вооруженные силы на «предотвращение «геноцидальных элементов», осуществляющих нападения на территорию Уганды с территории Конго, от подобных действий»[520]. Стремление угандийского правительства защитить свои законные интересы в данной ситуации могло быть осуществлено только «лишением Судана возможности использовать территорию Конго»[521] для дестабилизации Уганды.

Представляется также интересным то, что данный документ «упредил» положения Стратегии национальной безопасности США 2002 г. о праве на предупреждение: «… На протяжении многих веков в международном праве признавалось, что для принятия мер в порядке законной самообороны против сил, представляющих непосредственную угрозу нападения, странам не требуется ждать, пока такое нападение будет совершено. Правоведы и юристы-международники нередко обусловливали законность упреждающих действий наличием непосредственной угрозы, чаще всего в виде нескрываемой мобилизации армий, флотов и военно-воздушных сил в порядке подготовки к нападению.

Нам необходимо пересмотреть концепцию непосредственной угрозы с учётом возможностей и целей сегодняшних противников…

---

[519] Там же, параграф 77.
[520] Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) (Judgment) [19 December 2005] ICJ. URL: http://www.icj-cij.org, параграф 109.
[521] Там же, параграф 109.

Соединённые Штаты давно уже не исключают возможность принятия упреждающих мер для отражения достаточной угрозы нашей национальной безопасности. Чем серьезней угроза, тем больше опасность бездействия - и тем больше оснований для принятия упреждающих мер для самозащиты, даже если сохраняется неопределённость в отношении времени и места нападения противника. Чтобы не допустить или предотвратить подобные враждебные действия наших противников, Соединённые Штаты будут, при необходимости, принимать упреждающие меры...» [522].

Заявления российского руководства о возможности превентивных действий против террористических формирований на территории зарубежных государств, так же как и положения вышеприведенной национальной стратегии США, озвученной президентом США Дж. Бушем 20 сентября 2002 г., служат подтверждением современной приверженности государств, во-первых, расширительному толкованию положений Устава ООН; и, во-вторых, обычному праву на самооборону с упреждающим применением силы, существовавшему задолго до появления Устава ООН.

В связи с террористическим актом в Беслане в сентябре 2004 г. Президент России В. В. Путин заявил что: «… нам в России необходима такая … организация работы национальной системы безопасности, которая способна не только пресекать теракты и преодолевать их последствия, но и работать на предотвращение вылазок террористов, организуемых ими диверсий и техногенных катастроф. Должна работать на опережение и уничтожать преступников … в их собственном логове, а если требует обстановка – доставать их и из-за рубежа»[523]. Начальник Генерального штаба

[522] National Security Council. The National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: US Government Printing Office, 2002.
URL: http://merln.ndu.edu/whitepapers/USNSS-Russian.pdf. С. 16.
[523] Выступление на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004 г., Москва, Дом Правительства России.
URL: http://www.kremlin.ru/text/appears/2004/09/76651.shtml.

Вооруженных Сил России Ю. Балуевский[524] и министр обороны России С. Иванов[525] также делали заявления о том, что Вооруженные Силы РФ будут принимать вполне оправданные превентивные меры для защиты суверенитета и территориальной целостности и уничтожения террористов в любом регионе мира.

Исходя из необходимости защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения приоритета защиты прав лиц, подвергающихся террористической опасности, осуществления принципа неотвратимости наказания за совершение террористических актов, охраны суверенитета Российской Федерации, учитывая общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации в области борьбы с международным терроризмом, принимая во внимание положения ст. 51 Устава ООН о праве на индивидуальную или коллективную самооборону, а также руководствуясь статьями 61, 80, 87 и пунктом «г» части 1 статьи 102 Конституции РФ, положениями Федеральных законов «Об обороне» и «О противодействии терроризму», Совет Федерации Федерального Собрания РФ постановил, что Президенту РФ разрешается «…в соответствии с законодательными актами Российской Федерации использовать формирования Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделения специального назначения за пределами территории Российской Федерации в целях пресечения международной террористической деятельности против Российской Федерации либо против граждан Российской Федерации или лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Российской Федерации»[526].

---

[524] Балуевский Ю. Доклад на ежегодной конференции Академии военных наук. Опубликовано в Независимой газете от 21.01.2008. URL: http://www.ng.ru/editorial/2008-01-21/2_red.html; URL: http://lenta.ru/russia/2004/09/08/baluevski/_Printed.htm.

[525] URL: http://www.lenta.ru/terror/2004/09/09/ivanov/_Printed.htm.

[526] Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 7 июля 2006 г. N 219-СФ «Об использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделений специального назначения за пределами территории Российской Федерации

Как справедливо поставил вопрос исследователь Ф. Бобитт: «Поскольку мы вступили в новое столетие, создающее совершенно новые проблемы в законах ведения войны, есть смысл пересмотреть некоторые наиболее важные принципы, относящиеся к предупредительной интервенции, которые не всегда четко определены в публичных дебатах. Например, в чем разница между упреждением, превентивной войной и войной на пресечение? И в чем заключается основополагающая связь между интервенцией на гуманитарной основе, интервенцией ради предотвращения разработки ядерного оружия и интервенцией для срыва планов террористов?»[527].

Упреждающие действия отечественные и зарубежные авторы Ю. С. Горбунов, Е. Т. Загайнов, В. С. Котляр, Ю. Н. Малеев, Э. С. Скакунов, А. А. Свечин, Б. Р. Тузмухамедов, Н. А. Ушаков, Й. Динштейн, Э. Бунн, А. К. Аренд, Р. Дж. Бек, У. Г. Шарп, М. Шмидт и др., определяют многообразием терминов, такими как «война на пресечение», а также «препятствующая», «перехватывающая», «предупреждающая», «предвосхищающая», «превентивная», «опережающая», «упреждающая» самооборона. Причём каждому такому действию устанавливается отличное особое содержание и, соответственно, правовое обоснование.

Например, профессор И. Динштейн, отвергая термин «упреждающая самооборона», предположил возможность осуществления в рамках ст. 51 Устава ООН «препятствующей (interceptive) самообороны»: «Препятствующая ... самооборона имеет место, когда известно, что одна из сторон приняла бесповоротное решение о нападении»[528].

Отличая термин «упреждающая самооборона» от предлагаемого им термина «препятствующая», он заявляет, что первая упреждает вооружённое

в целях пресечения международной террористической деятельности». Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июля 2006 г. N 29 ст. 3144.

[527] Bobbitt, Philip, см. выше.

[528] Dinstein, Yoram. War, Aggression and Self-Defense, p. 190.

нападение, которое едва ли можно было «предвидеть» (либо можно только можно было «предположить» о его возможности), а вторая («препятствующая») оборона может проводиться в случае вооружённого нападения, которое, как достоверно установлено, является «близким по времени» и которого практически «невозможно избежать»[529].

В российской публичной военной политике такого различия не просматривается и, чаще всего, используется термин «превентивные» действия, который ошибочно рассматривается как идентичный с термином «упреждающие».

В то же время, некоторые учёные, например, профессор Ю. С. Горбунов, проводят такое различие: «... в международной практике применительно к данной проблеме упреждение (preemptive) рассматривается как ликвидация непосредственной или близкой угрозы, а превенция - (preventive) как ликвидация угрозы, не являющейся непосредственной или близкой, т. е. вне рамок нависшей непосредственной и очевидной угрозы. При таком подходе, безусловно, правовая природа превентивных и упреждающих вооруженных ударов различна... Таким образом, упреждающие и превентивные меры представляют собой два самостоятельных вида деятельности, в том числе по их легитимности»[530].

Американский учёный Р. Арт выделяет «неминуемые» (imminent) нападения, в отношении которых поводятся упреждающие действия; и «неизбежные» (inevitable) нападения, в отношении которых поводятся предупреждающие, т. е. превентивные действия[531].

Как мы видим, проведение различий в действиях в доктрине основано на критерии «непосредственности» угрозы. В то же время, данный критерий

---

[529] Там же.
[530] Горбунов, Ю.С. Упреждающие меры в свете современного международного права. С. 97-98.
[531] Art, Robert J. “To What Ends Military Power?” International Security, Vol. 4, No. 4, Spring 1980, pp. 5-6.

является очень сложным для применения органами государственной власти и военного управления, если он не связан с объектами применения силы[532].

Решение поставленной проблемы может быть найдено в исследовании практики государств и политико-правовой доктрины в сфере применения силы. По нашему мнению, все акты упреждающего применения военной силы государствами можно разделить на три группы: «упреждение действий», «упреждение намерений», «предупреждение» (превентивные, т. е. профилактические).

Характеристика собственно упреждающих действий.

Упреждающие действия - это инициирование военных действий ввиду неизбежности нападения противника, который может использовать свои фактически развернутые силы и средства. В 1967 г. Израиль нанёс упреждающий удар по силам арабских государств, сконцентрированным у его границ и представлявших в тот момент для него существенную угрозу – противник превосходил его: по личному составу – в 1,8 раза, по танкам – в 1,7 раза, по артиллерии – в 2,6 раза, по боевым самолётам – в 1,4 раза[533].

Представляется очевидным, что действия Израиля были оправданными: существовали развёрнутые силы противника, и другие свидетельства о неизбежности и близости нападения. Также само поведение Египта свидетельствовало о возможности использования им против Израиля химического оружия, и которое его военно-воздушные силы применяли в

---

[532] Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы. Ч. I, II // Военная мысль. №8-9 2011; Коростелев С.В. Упреждающие действия государств с позиций права, морали и политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2011. № 4(10). Часть 1. ISSN 1997-292X.

[533] Ярёменко В. Шестидневный разгром: к 40-летию начала Арабо-израильской войны 1967 г. URL: http://www.polit.ru/analytics/2007/06/05/shestdney.html (дата обращения: 10. 07.2007).

1964-1966 гг. во время вмешательства в гражданский конфликт на территории Йемена[534].

Однако в данной ситуации просматривается также и следование модели упреждения намерений противника, поскольку у Израиля имелись сведения о том, что Египет заканчивал разработку ракет, радиус действия которых позволял нанести удар по объекту, в котором начиналась сборка первой израильской ядерной бомбы[535].

В любом случае, упреждающий удар подразумевает быстрое разрешение ситуации, но не создаёт условий для обеспечения разрешения противоречий на длительное время; упреждающие действия проводятся только ввиду неизбежности нападения противника, для недопущения получения противником преимущества от нанесения ударов первым.

Характеристика превентивных (предупреждающих) действий.

В качестве примера известный русский военный теоретик А. А. Свечин[536] приводит франко-прусскую войну 1870-71 гг. в которой Франция потерпела поражение. Но поскольку она слишком быстро встала на ноги, а Пруссию наличие серьёзного конкурента в Европе не устраивало – её генералитет немедленно спланировал нанесение новых ударов в середине 1870-х и 1880-х при отсутствии угрозы нападения со стороны Франции.

В качестве второго примера обращения к превентивным действиям А. А. Свечин даёт реализацию т. н. «Плана Шлиффена», принятого германским Генеральным штабом в 1906 г. Данный план предусматривал начало войны с Россией в 1916 г.

Однако, когда данные германской разведки показали, что российская промышленность и транспортная система развиваются неожиданно быстрыми темпами, что давало России возможность разворачивать

---

[534] См.: Orkaby, Asher. Syria’s Chemical Weapons Might Start a New Six Day War. The Wall Street Journal. June 4, 2017. URL: https://www.wsj.com/articles/syrias-chemical-weapons-might-start-a-new-six-day-war-1496605055 (дата обращения: 06.06.2017).

535 Там же.

[536] Свечин А. А., С. 44.

огромные, по сравнению с германскими, мобилизационные резервы, и перебрасывать их на театры войны в очень сжатые сроки, германское командование пришло к выводу, что начало войны в запланированные сроки может привести к поражению. И война была начата в 1914 г.

«Мотивация для начала превентивной войны проявляется из восприятия того, что чья-либо военная мощь и потенциал снижаются относительно аналогичных параметров развивающегося противника, и из опасения последствий данного снижения»[537]. Неравное экономическое или технологическое развитие, свидетельствующие о возможности нападения в будущем на благоприятных для противника условиях, могут восприниматься как нежелательное изменение соотношения сил.

«Превентивная война, в отличие от упреждения, начинается на основании уверенности в том, что вооруженный конфликт, пусть и не близкий, является неизбежным, и что любое откладывание военных действий ставит раздумывающее о начале таких действий государство в невыгодное положение. В XX в. превентивная война ассоциировалась с неспровоцированной агрессией. Например, гитлеровская оккупация Норвегии оправдывалась тем, что если эту страну не оккупировать, то со временем в нее вторгнется Британия, поставив тем самым в невыгодное положение Германию. Нападение японцев на Перл-Харбор стало еще одним известным примером превентивной войны»[538].

Таким образом, обращение государств к превентивной войне основывается на определении относительной мощи государств и проводится в тот момент, когда государство-агрессор посчитает это нужным, чтобы избежать риска ведения войны позднее при менее благоприятных условиях.

Превентивные действия проводятся государствами против государств; и поскольку они не предполагают обращения к международным институтам

---

[537] Levy, Jack S. “Declining Power and the Preventive Motivation for War,” World Politics, Vol. 40, No. 1, October 1987, pp. 82-107, 91.
[538] Bobbitt, Philip, там же.

разрешения конфликтов, их ведение всегда противоречит позитивному международному праву. Поэтому в российской доктрине международного права практически всегда превентивная война объявляется агрессивной, и дозволенной только в случае санкционирования СБ ООН: «Превентивное применение военной силы допустимо только в коллективном порядке в рамках процедур, предусмотренных Главой VII Устава ООН, и только после того, как ненасильственные средства не дали результатов»[539].

В свою очередь считаем необходимым согласиться с той точкой зрения, которая утверждает, что в настоящее время «...практика превентивных ударов вышла на первый план потому, что изменился характер конфликтов... В борьбе с международным терроризмом нельзя защититься только обороняясь»[540]. Превентивные действия получают новое содержание в связи с изменениями в организации мирового сообщества и становятся неизбежным инструментом государственной военной политики. Объектом превентивного применения силы сегодня становятся не государства, а элементы террористической инфраструктуры, которые формально не связаны с государствами.

Более того, мир не является безопасным от ОМУ, которое может оказаться в руках террористов. Именно основываясь на данном постулате, государства вынуждены предусматривать возможность осуществления превентивных действий, в том числе ядерных, как последнего средства защиты своих национальных интересов против террористической инфраструктуры. Это очевидным образом продемонстрировано в заявленных государствами доктринах о возможности применения первыми ядерного

---

[539] Бабакин А., Ямшанов Б., Дымарский В. “Белая книга” министра обороны // Российская газета – Федеральный выпуск №3335 от 31 октября 2003 г.
URL: http://www.rg.ru/2003/10/31/doktrina.html; Тузмухамедов Б. Упреждение силой и современность / Россия в глобальной политике №2, Март-Апрель 2006.
URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5550.html.

[540] Бабакин А., Ямшанов Б., Дымарский В., там же.

оружия: в настоящее время только Китай не отменил своего обязательства не применять первым ядерное оружие[541].

Существенной особенностью превентивной войны является её активный характер, в отличие от упреждающих (по сути «перехватывающих», как это определено в вышеприведенной формулировке Й. Динштейна) действий, которые всегда относительно ретроактивны.

В этом смысле вышеупомянутое заявление министра обороны России, когда он сказал, что «террористы объявили России войну, и Россия должна оставить себе все возможности по противодействию террористическим угрозам»[542], вступает в противоречие, как с российской, так и иностранными военными доктринами. Если война объявлена и ведётся, удары уже не могут быть превентивными.

Такие действия могут быть названы ответными, либо ответно-встречными ударами, операциями возмездия и т. д. Именно на этом акцентировал внимание Президент РФ В.В. Путин, который в годовщину террористического акта 11 сентября 2002 г. выступил с заявлением для печати, в котором руководству Вооруженных Сил РФ было указано «… доложить предложения о возможности и целесообразности нанесения ударов по достоверно разведанным базам террористов в ходе операции преследования»[543].

---

[541] См.: Иванов В. Ответы на вызовы “мира растущей жестокости”. Опубликовано в НВО-НГ от 01.02.2008. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2008-02-01/2_cruelty.html.

[542] URL: http://www.lenta.ru/terror/2004/09/09/ivanov/_Printed.htm.

[543] «Россия твердо следует своим международным обязательствам, с уважением относится к суверенитету и целостности других государств, однако требует такого же отношения и к себе. Если грузинское руководство не сможет создать зону безопасности в районе грузино-российской границы, будет и дальше игнорировать резолюцию СБ ООН 1373 от 28 сентября 2001 г., не положат конец бандитским вылазкам и нападениям на сопредельные регионы России, мы оставляем за собой право действовать в соответствии со статьей 51 Устава ООН, закрепляющим за каждым государством-членом ООН неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону… Прошу Генеральный Штаб доложить предложения о возможности и целесообразности нанесения ударов по достоверно разведанным базам террористов в ходе операции преследования». URL: http://president.kremlin.ru/withflash/varPriorityPTemplPriorId5748.shtml.(11 сентября 2002 г.).

В тоже время необходимо учитывать, что во избежание допущения действий, подобных тем, что были осуществлены террористическими организациями в Москве, Беслане, Нью-Йорке, необходимо организовывать упреждение на многие месяцы, или даже годы вперед.

Такое упреждение, даже если оно не сможет полностью устранить террористическую угрозу, может перевести её из наступательной в оборонительную фазу – террористы будут вынуждены изменять свои планы, перераспределять ресурсы; государства, предоставляющие им поддержку, вынуждены будут её прекращать под угрозой санкций или репрессалий.

Превентивная война может вовсе не включать в себя проведение упреждающих действий, которые проводятся исключительно против сил противника. Также, ведение превентивной войны может быть направлено на долгосрочное предупреждение враждебных действий, либо намерений. С последней точки зрения превентивная война очень близка к упреждающей самообороне против враждебных намерений противника.

В ходе выступления в Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2003 г. Генеральный Секретарь Организации Кофи А. Аннан объявил о намерении созвать группу высокого уровня, которая представила бы общее, всеобъемлющее мнение относительно современных угроз международному миру и безопасности, проанализировать, как существующие стратегии и институты показали себя в деле оказания противодействия этим угрозам, и внести рекомендации по укреплению ООН, с тем чтобы она могла обеспечить коллективную безопасность для всех в XXI в.

Данная «Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам при рассмотрении ситуации, когда осуществляется приобретение, «предположительно с враждебным намерением», потенциала для производства ядерного оружия, отнесла в своем докладе к превентивным действия, которые, по нашему мнению, более целесообразно отнести к «действиям по упреждению намерений противника», и дала следующий ответ на поставленный Генеральным Секретарем ООН вопрос: «Может ли

государство, не обращаясь в Совет Безопасности, ссылаться в этих обстоятельствах на право заранее предпринять действия в порядке самообороны, причем не только упреждающие действия (в отношении непосредственной или близкой угрозы), но и превентивные действия (в отношении угрозы, не являющейся непосредственной или близкой)?»[544].

«...[Е]сли есть веские аргументы в пользу превентивных военных действий и веские доказательства в их подтверждение, они должны быть доведены до сведения Совета Безопасности, который может санкционировать такие действия, если сочтет это необходимым. Если он не сочтет это нужным, то, по определению, будет время для того, чтобы использовать другие стратегии, включая убеждение, переговоры, устрашение и сдерживание, и затем вновь рассмотреть вариант военных действий»[545].

Необходимо отметить существенную сложность в процессе реализации такой процедуры: правовая логика вступает в противоречие с военной. Если представить данный вопрос на рассмотрение СБ ООН, это вступит, собственно, в противоречие с самой логикой применения вооруженной силы: через процедуру легитимации применения силы в Совете Безопасности будет осуществлено информирование противника о намерениях, а это, несомненно, повысит цену проведения военной операции для государства.

Характеристика упреждения намерений.

Как особую форму упреждения считаем необходимым выделить действия по упреждению намерений противника – уничтожение определенных элементов инфраструктуры актора-противника, с оповещением о таких действиях мирового сообщества.

Характерным примером такого рода действий может служить бомбардировка израильскими ВВС строящегося иракского реакторного комплекса в Осираке в 1981 г. Комплекс был разрушен, чтобы не допустить

---

[544] Более безопасный мир: наша общая ответственность: Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Документ ООН A/59/565, п.186-191.
[545] Там же.

развертывания Ираком систем ядерного оружия. Здесь также необходимо отметить, что устранение данной угрозы являлось общим интересом для многих государств: в 1980 г. в начальном периоде ирано-иракской войны 1980-1988 гг. вооруженные силы Ирана уже наносили удар по данному объекту.

Вопрос о правомерности таких действий, очевидно, также оценивался с учетом критерия «неизбежности» ожидаемого нападения. Реактор находился в процессе постройки, поэтому не мог рассматриваться как непосредственная и неизбежная угроза[546].

Кроме того, действия Израиля вовсе не были упреждением неизбежной угрозы, но, тем не менее, реактор был разрушен именно в наиболее «удобный» момент времени. Если бы удар был нанесён позднее, когда он был бы уже загружен ядерным топливом, его уничтожение вызвало бы радиоактивное заражение местности[547]. Кроме того, действия Израиля могут быть оправданы тем, что поскольку Ирак находился в состоянии войны с Ираном, в ходе которой применялось в широких масштабах боевые отравляющие вещества. В данной ситуации в случае появления у Ирака ядерного оружия, оно с достаточно большой вероятностью могло быть применено как против непосредственного противника, так и против Израиля для вовлечения в конфликт иных участников. Тем не менее, Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию, осуждавшую удар Израиля по ядерному реакторному комплексу[548].

Но в тоже время, данная атака спровоцировала государство-жертву нападения на интенсификацию усилий в области разработки и производства ОМУ. И уже в качестве ответной реакции на эти действия для недопущения

---

[546] См.: Brown, Cris, там же.
[547] Betts, Richard K. The Osirak Fallacy. The National Interest: Spring 2006, Posted On: 3/17/2006. URL: http://www.ciao.ezproxy6.ndu.edu/olj/ni/ni_sp06/ni_sp06c.html (дата обращения: 19.07.2009).
[548] Документ ООН S/RES/487.

развития ряда научных программ[549] в 1993, 1996, 1998 и 2001 гг.[550] против ряда иракских объектов были осуществлены аналогичные удары уже вооружёнными силами США.

Также, 6 сентября 2007 г. Израиль нанёс авиаудар по сирийскому ядерному объекту[551], который располагался на территории сельскохозяйственного исследовательского центра. Ранее северокорейское судно доставило груз, задекларированный как «цемент», но, в действительности, по данным разведки являлся ядерным устройством, и был перемещен в этот центр. Там же были обнаружены специалисты из Северной Кореи.

Международное сообщество не признаёт явным образом правомерности обращения к такой доктрине «предупреждения намерений». Более того, именно США, обращавшиеся к ней чаще всего, ей же и противостояли, если это не соответствовало их интересам[552]. Например, в 1981 г. СБ ООН единогласно принял резолюцию, осуждавшую удар Израиля по ядерному реакторному комплексу[553].

Также, большинство выступавших на данном заседании СБ ООН вообще отвергали возможность существования какого-либо права на предупреждающую самооборону, поскольку негативные последствия обращения к доктрине «предупреждения намерений» может перевесить получаемые преимущества. Кроме того, эффективность её применения для

---

[549] Jules Lobel and Michel Ratner, “Bypassing the Security Council: Ambiguous Authorizations to Use Force, Cease-Fires and the Iraqi Inspection Regime,” American Journal of International Law, Vol. 93, No. 1, January 1999, pp. 124-154.
[550] Документ ООН A/56/PV.52, pg. 24.
[551] Israelis ‘blew apart Syrian nuclear cache’: Secret raid on Korean shipment. The Sunday Times. 17 September 2007. URL:
URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/middle_east/article2461421.ece (дата обращения: 19.07.2009).
[552] См.: Travalio, Greg, Altenburg, John. Terrorism, state responsibility, and the use of military force. Chicago Journal of International Law. Chicago: Spring 2003. Vol. 4, Issue 1; P. 97.
[553] Документ ООН S/RES/487.

противодействия террористическим угрозам до настоящего времени не была доказана.

В своей стратегии национальной безопасности от 2002 г. США впервые заявили о своём намерении «определять и устранять угрозы до того момента, когда они приблизятся к границам» и «осуществлять своё право на самооборону путём проведения упреждающих действий». Реализацией положений своей доктрины в Ираке, как было справедливо отмечено, США «вовсе не создают для других государств обычного права упреждающего удара»[554], поскольку такая норма должна обладать свойствами общности и универсальности. Но в то же время, заявление такой доктрины предупреждения, как публичного элемента государственной политики, несомненно, стало целесообразным шагом для легитимации применения военной силы.

В этом и заключается отличие действий по уничтожению элементов военной, либо террористической инфраструктуры от действий по уничтожению развёрнутых формирований противника. Осуществление упреждающих ударов всегда рассматривается руководством государств в качестве способа применения силы, но они также всегда сопровождаются мероприятиями по сокрытию информации, поскольку противник не должен быть подготовлен к их отражению.

То есть, упреждение намерений предполагаемого противника по созданию ОМУ и средств его доставки проводится государством с оповещением мирового сообщества о своих целях. Также такие действия иногда определяются как «стратегическое упреждение»[555].

Мировой общественности и ранее предоставлялись заявления необходимости силового разоружения Ирака в связи с существованием у

---

[554] См.: “Analysts: New Strategy Courts Unseen Dangers; First Strike Could Be Precedent for Other Nations,” Washington Post, September 22, 2002, final edition, p. A01.

[555] См.: Rivkiv, David B. Jr. The Virtues of Preemptive Deterrence. Harvard Journal of Law and Public Policy; Fall 2005; 29, 1; Research Library, pg.85.

последнего программы развития биологических средств ведения войны; также, делались заявления о том, что Ирак отделяло от создания ядерного оружия от 2 до 5 лет[556].

Таким образом, эти обстоятельства не свидетельствовали о неизбежности близкого по времени нападения на США и его союзников на Ближнем Востоке; так же действия США не являлись упреждающими, поскольку противник был предупреждён о готовящемся на него нападении. Следовательно, ввиду отсутствия подтверждений неизбежной угрозы, нельзя говорить о правомерности упреждающих действий. Вторжение в данном случае в Ирак гораздо лучше может быть квалифицировано как превентивная война – война, начатая для недопущения получения противником возможности наносить удары по США с использованием ОМУ на условиях, которые бы могли изменить баланс сил в пользу Ирака.

Вторжение в Ирак в 2003 г., скорее всего, было осуществлено в соответствии с заявлениями руководства США о том, что Ирак, Иран, и Северная Корея представляют собой самую большую угрозу международной безопасности, сделанными задолго до 11 сентября 2001 г.

Но, эти же действия, уже будучи названными «упреждающими», например, в одном из заявлений К. Райс[557], вступают в противоречие с содержанием этих же самых деклараций, в которых говорилось о том, что непосредственной угрозы не существует, а, следовательно, у США не было необходимости действовать против них немедленно.

Администрация США в своих заявлениях не делала никакого различия между террористами и государствами, которые предоставляют им кров. В этом смысле «доктрина Буша» является чрезвычайно широкой. Государство могло служить убежищем для значительного количества террористов, как это

---

[556] “Six Degrees of Preemption,” Washington Post, September 29, 2002, final edition, p. B2.

[557] См. Rice, Condoleezza. “Campaign 2000: Promoting the National Interest,” Foreign Affairs, Vol. 79, No. 1, January/February 2000, pp. 45-62. В данной статье советника Президента США по национальной безопасности не говорится о неизбежности близкого по времени нападения со стороны государств.

было в Афганистане, вооруженных стрелковым оружием; или, напротив, для небольшого количества, но имеющих в своём распоряжении ОМУ. Государство может предоставлять террористическим формированиям инструкторов, снаряжение, разведывательную информацию. В, в тоже время, несогласное с наличием террористов в пределах своей юрисдикции, государство-объект применения силы может и не обладать ресурсами, достаточными для их удаления со своей территории.

Сходное по своему правовому обоснованию «упреждение намерений» было осуществлено США в 1962 г. в ответ на размещение Советским Союзом наступательного ядерного оружия на Кубе. В качестве ответных мер руководство США объявило «карантин» для острова, что явилось по своей сути чрезмерно широким толкованием международного и международного морского права. «Карантинные» действия были заявлены США как акт самообороны, в действительности же, ни СССР, ни Куба не нападали на США, также не существовало какой-либо неизбежной угрозы ракетного нападения после окончания размещения советских ракет.

Руководство США упреждало довольно призрачную и не непосредственную по времени угрозу, поскольку в обозримом будущем размещение ракет не изменяло стратегический баланс между государствами в пользу СССР. Эти действия, как и позднее, в ситуации с Ираком, который не был способен в ближайшем времени создать ядерное ОМУ и средства его доставки на большие расстояния, с точки зрения классической доктрины упреждения, были поспешными.

Данные примеры свидетельствуют о том, что к «превентивным» и «упреждающим намерения» действиям государства обращаются при отсутствии свидетельств о готовящемся и близком по времени нападении. Их целью является создание безопасного для себя состояния международных отношений, но не устранение непосредственной и неминуемой военной угрозы.

В отличие от случая упреждающих действий, когда бремя доказывания необходимости обращения к силе возлагается на сторону применяющую силу (при полагании на т. н. «доктрину Буша»), заявленную в Стратегии национальной безопасности США 2002 г., бремя доказывания неправомерности упреждающих действий возлагается государством-агрессором на государство-жертву нападения.

Именно такое государство, по мнению руководства США обязано доказать, что оно: во-первых, не готовилось к войне; во-вторых, у него отсутствует ОМУ; в-третьих, оно не нарушает режим нераспространения; в-четвертых, не предоставляет свою территорию для террористических организаций, и т. д.

Как было сообщено в СМИ, было принято секретное приложение к Национальной Стратегии США по противодействию ОМУ, которое разрешает применять упреждающую силу против государств и террористических групп, которые близко подошли к обладанию ОМУ, либо средствами доставки ОМУ большой дальности[558].

И как уже было показано выше, основной чертой, отличающей превентивные действия от упреждающих действий, является то, что первые проводятся против государств, а вторые – являются специфическим военным средством для проведения решающих ударов против формирований сил противника. В то время как упреждение имеет как бы более тактический характер ответа на неизбежную угрозу, то предотвращение является, по сути, стратегической реакцией на развитие угрозы в перспективе.

Необходимо в то же время отметить, что возможности государств по осуществлению упреждающих действий против угрозы не обязательно

---

[558] Alien, M., Gellman, B. Preemptive Strikes Part of U.S. Strategic Doctrine; 'All Options' Open for Countering Unconventional Amis, Wash. Post Al (Dec 11, 2002). Полный текст Национальной стратегии национальной безопасности по противодействию оружию массового уничтожения см.:
URL: http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/WMDStrategy.pdf (дата обращения: 19.02.2003).

должны стать общепризнанной доктриной «предупреждения намерений», поскольку это может сослужить им плохую услугу: может начаться гонка не вооружений, а в сфере упреждений. Каждое государство, возможно, будет стремиться к тому, чтобы иметь достаточные разведывательные и ударные возможности, чтобы не быть упреждённым.

Ограничивающее влияние положений Устава ООН на неотъемлемое право наций на осуществление упреждающей самообороны по обычному праву ещё достаточно долго будет служить причиной дискуссий для дипломатов и юристов-международников, поскольку изменения в инфраструктуре мировой экономики, развитие технологий изменяют само содержание способов ведения войны, вызывают появление новых объектов применения силы.

Современная практика применения государствами положений ст. 51 Устава ООН о неотъемлемом праве на самооборону свидетельствует о следующем: проведение упреждающих действий на оборону может быть признано правомерным, либо, по крайней мере, не будет вызывать отторжения мирового сообщества, если:

- государство-жертва вероятного нападения было вынуждено действовать незамедлительно, используя при этом для своей защиты от неизбежного нападения значительные ресурсы, и у него не существовало иного средства для предупреждения такого нападения, кроме силовых действий;

- государство может доказать, что оно действует соразмерно угрозе;

- мировому сообществу представлены доказательства того, что потенциальный агрессор действительно принял решение о проведении нападения.

Как отметил профессор Б. Тузмухамедов по поводу реакции российского руководства на ситуацию в Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г.: «Международному праву известно состояние необходимости, находясь в котором государство может оправдать свои действия, которые

иначе считались бы противоправными. При этом, государство, таким образом оправдывающее свои действия, как указал однажды Международный суд ООН, обязано «соблюсти ряд строго определенных условий, действующих в их совокупности; и заинтересованное государство не может быть единственным судьей, который был бы вправе решать, соблюдены ли эти условия.

Если Россия прибегает к этому аргументу, ей нужно убедительно показать, что у неё не было никакого иного выхода, кроме как нанести решительный удар…, что при этом она действовала пропорционально причинённому ей самой, её гражданам и имуществу, ущербу и, …лишая противную сторону возможности сопротивляться …, не наносила её чрезмерного и неоправданного ущерба»[559].

Поскольку СБ ООН в обозримом будущем, очевидно, по-прежнему будет не в состоянии в каждом случае эффективно реагировать на угрозы нового типа, государства самостоятельно пересматривают содержание права на самооборону в соответствии с развивающимися технологиями вооруженной борьбы. При этом надо будет определить, в какой степени упреждающие меры против угроз нового типа можно будет отнести к легитимной «самообороне».

Обсуждавшиеся в ходе дискуссий в СБ ООН и в ходе слушаний в МС ООН параметры «нападений» для этого недостаточны, поскольку они применяют в качестве основы анализа угрозы того типа, которые исследовались в период разработки Устава ООН. С другой стороны, расширение толкования права на самооборону не должно заходить так далеко, чтобы возникла опасность возврата к анархичности мировой организации, существовавшей, когда только еще формировались современные правовые принципы сосуществования системы государств.

---

[559] Тузмухамедов Б. От политических деклараций – к правовым доводам: В споре с Грузией возрастает значение юридических аргументов // Независимая газета. URL: http://www.pankisi.info/media/?page=ru&id=14187 (дата обращения: 19.09.2011).

В идеальном случае согласованное широкое толкование права на самооборону в рамках кодифицированного международного права, несомненно, является более предпочтительным, чем его внеправовое и одностороннее толкование, которое, возможно, получит закрепление позднее, в процессе уточнения содержания обычной нормы, но в данный момент будет расценено международными акторами как нелегитимное.

История обсуждения актов применения силы в международных отношениях демонстрирует, что государства никогда не отрицали возможности действий в обход процедур Устава ООН, и нанесения ударов самостоятельно в одностороннем порядке. Такова реальная модель правовой организации безопасности мирового сообщества, и её неэффективность неизбежно ведёт к возрастанию числа государств, желающих обзавестись средствами и способами сдерживания вероятных нарушителей их суверенных прав.

Вывод очевиден: практика государств по проведению упреждающих действий на оборону должна быть признана. Поэтому, на наш взгляд, вряд ли возможно согласиться с мнением профессора В.С. Котляра о том, что: «... после принятия Устава ООН, с его принципом неприменения силы, в международном праве не существует основы ни для упреждающей, ни для превентивной или предвосхищающей самообороны, тем более что понятие «упреждающего удара» вообще искусственно перенесено частью западных юристов в международное право из тактического арсенала и терминологии периода войны, что открывает широкое поле для злоупотребления силой»[560].

Пока мы можем только наблюдать, что через практику государств право на самооборону дополняется признаваемым мировым сообществом упреждающим компонентом, включающим в себя ряд критериев, приведенных В. Хойером:

---

[560] Котляр, В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. С. 368.

1) угроза направлена против территориальной целостности или суверенитета, а не только против «интересов» обороняющегося, которые он определяет сам;

2) угроза является очевидной и непосредственной;

3) упреждающая оборона должна с высокой степенью вероятности действительно устранять угрозу и быть при этом соразмерной;

4) предварительно должны быть исчерпаны все невоенные возможности для устранения угрозы, превентивная военная оборона остается «крайним средством»;

5) право на упреждающую оборону от такой угрозы действует лишь тогда, лишь в той мере и лишь до тех пор, пока Совет Безопасности не принял собственных мер; его следует заранее проинформировать о планируемых мерах самообороны;

6) государство, отражающее угрозу, ссылаясь на это новое право на упреждающую самооборону, должно после осуществления акта самообороны доказать наличие этих пяти критериев перед Советом Безопасности или Генеральной Ассамблеей ООН[561].

Приведенные выше критерии оценки правомерности упреждающих действий, предложенные в ходе переписке органов внешних сношений США и Великобритании по инциденту *Каролина*, неоднократно показали свою применимость в эпоху ядерного противостояния периода холодной войны.

Доказательством неизбежного нападения, которое требовало безотлагательных ответных мер, могли послужить только достоверные факты о начале ядерного нападения. Суть данных критериев состояла именно в том, что они требовали проведения оценки очень конкретно определённых факторов, и только их совместный учёт мог свидетельствовать о

[561] Хойер Вернер. Реформировать международное право, чтобы его сохранить // Журнал «Международная политика», 2003, № 6. URL: http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2004-01/article08_p.html (дата обращения: 19.06.2006).

«неизбежности» нападения, и таким образом, послужить поводом для обращения к упреждающей самообороне.

Хотя в ходе дискуссий по инциденту *Каролина* непосредственно не использовалось слово «неминуемое»[562], этот термин стал применяться позднее для обозначения того, что было обозначено как требования к тому, чтобы угроза была «непосредственной, непреодолимой, и не оставляющей возможности выбора средств и времени для обдумывания».

Для государств, не обладающих значительной военной мощью и значительной территорией, неизбежность может состоять в концентрации сухопутных сил на его границах, что свидетельствует о нападении в ближайшие дни; а для ядерных держав критерий неизбежности ядерного нападения может заключаться в установлении того, что противной стороной без оповещения осуществлён запуск баллистических ракет. Является ли какое-либо очередное антиизраильское заявление руководства Ирана достаточным поводом для развязывания войны, свидетельством неизбежности нападения, либо это заявление является просто политическим ритуалом?

Международный суд ООН в своем Консультативном заключении 1996 г. относительности законности угрозы ядерным оружием или его применения[563], постановил, что угроза силой или её применение, противоречащие ст. 2 п. 4 и не отвечающие всем требованиям ст. 51 Устава ООН, являются незаконными. В этом случае, заявление, например, президента Ирана М. Ахмадинежада на конференции «Мир без сионизма: «Как сказал нам имам Хомейни, сионистский режим должен быть стерт с

[562] В оригинальной переписке по инциденту Каролина использовался термин “inevitable”- неизбежный, а не "imminent” - неотвратимый. См. выше: Letter from Daniel Webster to Lord Ashburton.
[563] Документ ООН A/51/218, para. 100 (C).

карты мира, и с помощью божественной силы в скором времени мир будет жить без США и Израиля»[564].

Данное заявление, сопоставленное с активными действиями, свидетельствующими о приверженности Ирана продолжению ядерной программы, которая дает возможность данному государству получить в свое распоряжение средства массового уничтожения, несомненно, представляет собой существенную угрозу, и может морально оправдать применение Израилем упреждающих мер, тем более что Международный Суд «.. не может сделать окончательный вывод о том, будут ли угроза ядерным оружием или его применение законными или незаконными в чрезвычайном случае самообороны, когда под угрозу поставлено само существование государства»[565].

Заявление было сделано в ситуации, когда Израиль не осуществлял агрессии против Ирана, следовательно, права на самооборону у Ирана не возникало. Кроме того, сопоставление ресурсных возможностей Ирана и Израиля явно свидетельствует не в пользу Израиля – значительно меньшая территория, несравнимо меньшее население указывают на то, что при условии неиспользования ОМУ Израиль не может представлять угрозы территориальной целостности и политической независимости Ирана.

Целесообразно вспомнить, что еще недавно звучали обвинения СССР в проведении агрессивной политики, и государство называлось «империей зла». Возникало ли у СССР право на применение силы в ответ на оскорбительную риторику в условиях, когда государство было окружено военными базами противника, явно превосходившего его по военному потенциалу?

Длительное время официальная позиция Советского Союза, а затем России по вопросам применения силы имела «ограничительную»

---

[564] См.: Ривкин, Дэвид Б., Кейси, Ли Эй. Юридическая сторона иранского вопроса. www.zip.org.ua, 2006—6-10.
[565] Документ ООН A/51/218, para. 100 (E).

направленность – с высоких трибун ООН делались заявления о приверженности строгому следованию нормам Устава ООН. Хотя в действительности политика была довольно активной, наступательной.

Например, ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г. может также быть расценен как акт упреждающей, либо превентивной самообороны – «недопущение отката братского народа в лагерь капитализма»: «... В последнее время появились определенные тенденции в области внешней политики Чехословакии, особенно в делах Европы, которые вызывают серьезные опасения. Обращают на себя внимание факты недопустимого отношения к обязательствам Чехословакии, вытекающим из Варшавского Договора. Создалась атмосфера, совершенно неприемлемая для социалистических стран.

В этой обстановке нужно было действовать, и действовать целеустремленно, решительно, не теряя времени. Именно поэтому Советский Союз и другие социалистические государства решили удовлетворить просьбу партийных государственных деятелей ЧССР об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами»[566].

Критерии рассмотренного выше инцидента *Каролина* достаточно полно оправдывали применение силы в таких ситуациях, а дискуссии в СБ ООН показали в основном поддержку такой позиции государств. Вопрос: могут ли это же самые критерии служить основой для действий государства в эпоху транснационального терроризма?

Ответ также очевиден: данные критерии могут применяться государствами при легитимации применения силы в ответ на террористическую угрозу: критерии инцидента *Каролина* появились, когда

[566] Цит. по: «Публикация в газете Правда. 22 августа 1968 г.».
URL: http://www.svoboda.org/content/transcript/24203533.html (дата обращения: 29.11.2015); Мусатов, В. О "Пражской весне" 1968 г.
URL: http://www.pseudology.org/chtivo/Prazhskaya_vesna1968.htm (дата обращения: 29.11.2015).

угроза Канаде исходила с территории США, и её представляли формально не связанные с государством вооруженные формирования.

Как отмечал Б. Тузмухамедов: «Все больше влиятельных государств претендуют на то, чтобы применять силу не только в ответ на случившееся нападение, но и для предупреждения нападения, которое кажется им неизбежным, а то и для ликвидации условий, при которых такая угроза могла бы материализоваться, могут возникнуть предпосылки для концепции формирования в международном праве новой обычной, то есть не закрепленной в формальном документе нормы поведения»[567].

Метод обоснования применения силы в межгосударственных отношениях наиболее наглядно продемонстрирован в работах американского учёного У.Г. Шарпа.

Суть метода обоснования применения силы сводится к выделению крайних состояний какого-либо процесса (т. е. создание «шкалы измерения оценок по отдельным критериям»), и определению нормативных порогов внутри ограниченного таким образом диапазона межгосударственных отношений, подлежащих регулированию. У.Г. Шарп выделяет два крайних состояния в полном спектре межгосударственных отношений[568] (наиболее удобное для восприятия представление спектра предложено в исследовании Дж. Ная, см. рисунок 2[569]) – юридически неопределённые состояния войны и мира (см. рисунок 3[570]).

---

[567] Тузмухамедов, Б. Право на силу: Международное право эволюционирует в том, что касается вооружённой борьбы //Гуляй-поле | Российско-Украинское обозрение. 3 July 2007. URL: http://www.politia.ru/concept/204.html?mode=print (дата обращения: 19.10.2009).

[568] В пределах данного спектра формы обращения к силе могут выражаться, например, в заявлениях должностных лиц государств, в доктринах, вещании на территорию противника, осуществлении экономических мер, направлении военных советников, предоставлении поддержки силам оппозиции, проведении блокадных действий, осуществлении военных мер ограниченного характера, полномасштабных военных действий.

[569] Nye, Joseph S., Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000. P. 149.

[570] Sharp, W.G. Ius Paciarii: Emergent Legal Paradigms for U.N. Peace Operations in the 21st Century. Paciarii International, LLC, 1999. 392 p.

Метод У.Г. Шарпа выделяет следующие пороги для проведения правового анализа, установленные Уставом ООН:

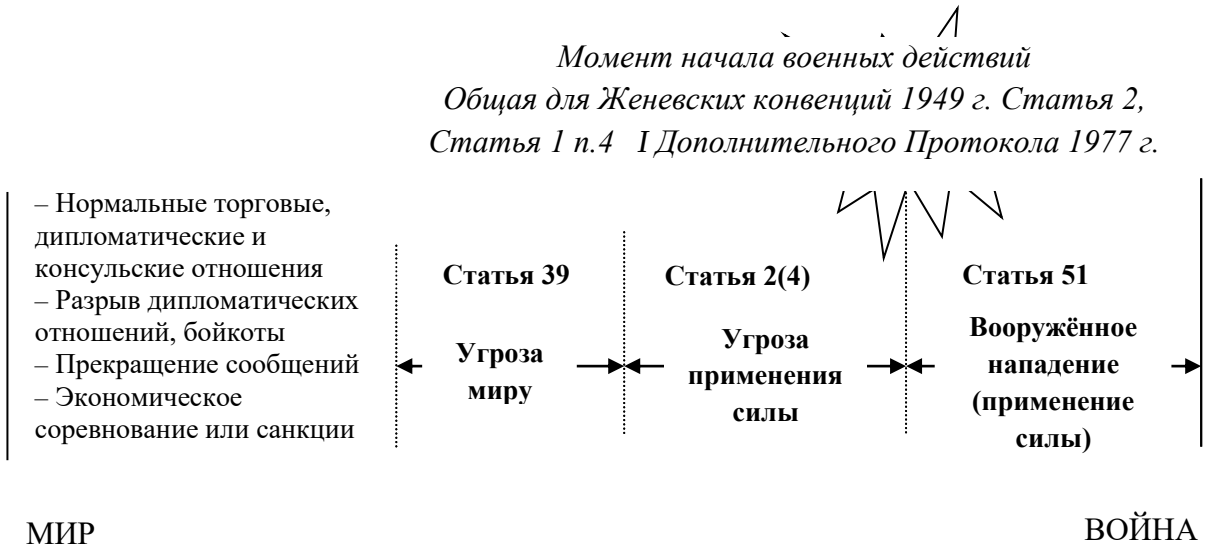
вооружённое нападение (ст. 51 Устава);

угроза применения силы (ст. 2 п .4 Устава);

угроза миру (ст. 39 Устава).

Рисунок 2

Рисунок 3



Далее, У.Г. Шарп предлагает находить в позитивном и обычном праве, общих принципах международного права, практике судов и юридически значимых действиях государств, пороговые значения, которые давали бы государствам и другим субъектам международного общения основания для заявлений о справедливом характере применения силы. Критичным элементом для предлагаемой схемы анализа является определение события начала военных действий.

Договорным источником международного права, который даёт какое-либо основание для начала анализа проблемы политико-правового обоснования применения силы является Статья 2, общая для всех четырёх Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв вооружённых конфликтов:

«Помимо постановлений, которые должны вступить в силу еще в мирное время, настоящая Конвенция будет применяться *в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта*, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны.

Конвенция будет применяться также *во всех случаях оккупации* всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления...»[571].

Статья 1 п. 4 I Дополнительного Протокола 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны (далее – I ДП 1977 г.), расширяет перечень ситуаций включением в них вооруженных конфликтов, «... в которых народы ведут *борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение*, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций»[572].

Статья 1 п. 1 II Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (далее – II ДП 1977 г.), дополняет перечень порогов конфликтом между вооруженными силами государства и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и

---

[571] Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Вместе с «Проектом соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным») (Заключена в г. Женеве 12.08.1949). Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М., 1990. С. 512–569.

[572] Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (Вместе с «Правилами, касающимися опознавания», «Удостоверением журналиста, находящимся в опасной командировке») (Подписан в г. Женеве 08.06.1977). Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134–182.

согласованные военные действия и применять нормы международного гуманитарного права[573].

Начало вооружённого конфликта в международном праве увязывается единственно *только с моментом начала страданий людей*, и соответственно, возникновением обязанности государств применять МГП. Иных согласованных инструментов в международных соглашениях не существует.

То есть, момент начала вооружённого конфликта может быть установлен только из международных обязательств государств: Женевских конвенций 1949 г. и I и II ДП 1977 г. к ним, которые устанавливают линию раздела между миром и вооружённым конфликтом, определяя момент, когда начинается вооружённый конфликт и начинает применяться право вооружённых конфликтов. Данный порог находится в определённой взаимосвязи с порогом вооружённого нападения, установленным ст. 51 Устава ООН.

Поэтому, понимание сущности порогов, установленного в документах МГП, помогает определить, что же является применением силы, и, что является вооружённым нападением для ius ad bellum.

Термины «война» и «вооружённый конфликт» зачастую используются равнозначно и определяют состояние вооружённой борьбы, которая порождает применение норм МГП, при этом «война» относится к состоянию de jure военных действий, которое возникает после формального объявления войны одной из сторон, в результате чего вооружённый конфликт оценивается в терминах права международной ответственности за развязывание и ведение агрессивной войны одной из сторон конфликта. И, напротив, термин «любой другой вооружённый конфликт» относится к состоянию военных действий de facto имеющих место вследствие

[573] Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов. Женева, 8 июня 1977 года. URL: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm (дата обращения: 15.02.2016).

применения силы одной из сторон без формального объявления войны (как, например, вторжение Ирака в Кувейт 2 августа 1990 г., либо бомбардировки Югославии силами НАТО весной 1999 г., ввод войск Российской Федерации в Южную Осетию в августе 2008 г.).

Таким образом, установление существования какого-либо «другого вооружённого конфликта» является основанным на фактах субъективным определением, которое опирается на существовании события применения силы между двумя государствами. Остаётся открытым вопрос: «Может ли существовать состояние войны между государством и негосударственным образованием – террористической организацией, как, например, впервые в истории, в случае объявленной осенью 2001 г. Президентом США войны терроризму?».

Опубликованный Международным Комитетом Красного Креста Комментарий к IV Женевской конвенции описывает установленный Общей Статьёй 2 порог для de facto военных действий как: «Любое противоречие во взаимоотношениях государств, ведущее к вторжению лиц из состава вооружённых сил, является вооружённым конфликтом по смыслу Статьи 2, общей для Женевских конвенций 1949 г., даже если одна из сторон отрицает существование состояния войны. Продолжительность конфликта, либо масштаб кровопролития не имеют значения»[574].

Следует согласиться с установленными данным Комментарием тремя критериями, которые дополняют структуру фактологического анализа существования de facto военных действий: de facto военные действия существуют и, соответственно, применяется ius in bello, когда любое применение силы – вне зависимости от масштаба, продолжительности, либо интенсивности – имеет место между лицами из состава вооружённых сил двух государств.

Международное сообщество всегда субъективно оценивает применение

[574] Pictet, Jean S. Commentary on the Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. PP. 17-21.

силы любым независимым государством, и всегда определяет, составляет ли такое применение силы вооружённое нападение, путём оценки его масштаба, продолжительности и интенсивности.

Следовательно, de facto военные действия существуют между двумя государствами, когда масштаб, продолжительность и интенсивность применяемой силы в их взаимоотношениях достигает уровня вооружённого нападения, как это определено ст. 51 Устава ООН. Данное сопоставление не добавляет ясности к тому, какого масштаба, интенсивности и продолжительности должно быть применение силы для того, чтобы превысить порог, установленный ст. 2, общей для Женевских конвенций 1949 г.

На практике применение вышеприведённого критерия требует учёта всех обстоятельств, сопровождающих применение силы. Как уже было отмечено ранее, террористы не действуют вне системы независимых государств, они могут существовать, только используя элементы национальной инфраструктуры, территорию. И государство-убежище террористов только косвенно участвует в нападении. Очевидно, что террористическое формирование, осуществляющее действия против государственных институтов, населения, территории какого-либо государства становится стороной конфликта.

Следовательно, террористический акт является вооружённым нападением на государство. Но, нормативная оценка факта нахождения в состоянии вооружённого конфликта применима только к одной стороне – государству-жертве нападения.

Следовательно, современным международным правом применение норм МГП возлагается также только эту сторону конфликта, хотя бы в силу принципа pacta sunt servanda.

Однако, порождают ли данные действия возникновение права государства-жертвы нападения на допустимую самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН и обычным правом, если действия террористов не

представляют собой продолжение политики какого-либо государства, поскольку нормы Устава ООН регулирует исключительно взаимоотношения государств?

Таким образом, в отсутствие фактического объявления войны государство становится стороной в вооружённом конфликте с того момента времени, когда оно вовлекается в применение силы в отношениях с другим государством такого масштаба, продолжительности и интенсивности, которые достигают уровня вооружённого нападения, определённого ст. 51 Устава ООН.

Что составляет применение силы масштабом, продолжительностью и интенсивностью, которые составляют вооружённое нападение и влекут применение норм права вооружённого конфликта, является вопросом факта, который подлежит субъективной оценке в каждом конкретном случае в контексте всего применимого права и существующих обстоятельств. И, таким образом, можно сделать утверждение, что de facto военные действия (вооружённое нападение) существуют и, соответственно, применяется ius in bello, когда любое применение силы – вне зависимости от масштаба, продолжительности, либо интенсивности – имеет место в отношении суверенитета не только со стороны лиц из состава вооружённых сил какого-либо государства, но также и лиц, входящих в какое-либо другое организованное формирование, к существованию которого данное государство причастно.

Существует достаточно много проблем в процессе определения состояния «вооружённого нападения» при противодействии террористической угрозе. Для оправдания силовых ответных мер государства последствия террористического акта либо актов по существу должна быть сопоставимы с последствиями открытого вооружённого нападения. «Порог вооружённого нападения» определяется тремя взаимосвязанными факторами: местом осуществления террористического акта; временной

продолжительностью террористического акта; и, тяжестью последствий, которые причиняются государству.

Местом осуществления террористического акта может быть как территория затрагиваемого государства, так и международные территории, и территории со смешанным правовым режимом. Хотя учёные, в общем случае, не выделяют данный фактор, мы считаем, что он является весьма критичным параметром для установления «порога вооружённого нападения». Ввиду того, что террористический акт, имевший место в пределах государства, нарушает его «территориальную целостность», то естественно, что данный акт наносит значительно больший ущерб государству, нежели акт, совершённый вне пределов его территории.

Вторым фактором, подлежащим оценке, является временная продолжительность террористических актов. Террористический акт может быть несвязанным с другими, либо быть частью последовательности действий. Последнее, безотносительно тяжести и места проведения, является гораздо более близким по уровню к вооружённому нападению, ввиду того что в ходе его продолжается причинение ущерба государству.

Тяжесть ущерба, причиняемого государству, зависит от разнообразия такого рода актов. На одном конце широкого спектра таких актов можно расположить те, которые причиняют незначительный ущерб государству, например, временное удержание отдельных граждан; уничтожение частной собственности граждан, либо незначительное по объёму уничтожение правительственной собственности. Даже убийство единственного подданного может быть расценено как акт, причиняющий государству незначительный ущерб – тяжесть последствий такого акта оценивается в условиях воздействия на государство.

На другом конце спектра находятся акты, причиняющие государству значительный ущерб, подрывающие основы его суверенитета. В их число могут входить: убийство государственного должностного лица, разрушение каких-либо важных элементов инфраструктуры, либо убийство большой

группы лиц ввиду того, что они являются гражданами именно этого государства. В случае, когда совершается нападение на значительное число граждан государства только вследствие их национальной принадлежности, данное нападение должно считаться нападением на само воплощение государственного суверенитета, и расцениваться как причинение государству значительного ущерба.

В ходе оценки того, превышен ли «порог вооружённого нападения», такие параметры, как место проведения акта, его временная продолжительность, и тяжесть последствий – должны оцениваться одновременно. В связи с тем, что каждый из данных факторов является непостоянным, такой же переменной будет и оценка того, имело ли место «вооружённое нападение».

Например, какое-либо нападение определённой степени тяжести произошло вне пределов территории государства, которое не может быть приравнено «вооружённому нападению», в то время как нападение с последствиями равного масштаба, но происходившее на государственной территории, может считаться таковым.

Ввиду того, что акт применения силы в пределах границ государства, очевидным образом нарушает «территориальную целостность» государства, то вполне понятным может быть утверждение о необходимости снижения стандарта «тяжести последствий» террористического акта по сравнению с террористическим актом, имевшим место вне пределов государственной территории.

Подобным же образом, отдельный акт, послуживший причиной значительного ущерба государству, может быть настолько существенным, чтобы быть отнесённым к вооружённому нападению, в то время как действия, причиняющие ущерб меньшего масштаба, могут считаться вооружённым нападением, если они являются частью длящегося террористического действия.

Исходя из предположения, что террористическое нападение является вооружённым нападением по смыслу ст. 51 Устава ООН, следует произвести оценку того, насколько соответствуют принятые меры самообороны обычно-правовым требованиям необходимости, соразмерности, и действительно ли у государства-жертвы нападения нет иного выбора средств защиты и/или времени для их выбора.

Поскольку, результаты применения экономических и политических средств давления представляют в общественном мнении наименьшую угрозу для общих ценностей человечества, то правила применения силы должны исходить из следующего положения – применение невоенных (т. е. экономических и политических) мер всегда является предпочтительным. То есть, на основе разделения по последствиям, все принудительные меры могут быть выделены в две группы – основанные на вооружённом принуждении, и другие, посягающие на менее значимые ценности человечества.

Таким образом, схема анализа правовых условий применения силы выглядит следующим образом: близко к пороговому состоянию «мира» находятся события международной жизни, такие как нормальные торговые, дипломатические и консульские отношения и их разрыв; бойкоты, прекращение сообщений, экономическое соревнование или санкции.

Затем, при нарастании напряжённости в межгосударственных отношениях возможно возникновение состояний, которые международным сообществом определяются как «угроза миру», «угроза применения силы», «вооружённое нападение». Данные состояния приближаются к пороговому состоянию спектра международных отношений «война». Также, существует и такое состояние отношений, юридически строго не определенное, которое государства могут определять для себя как справедливое условие для обращения к вооружённому насилию (момент начала военных действий).

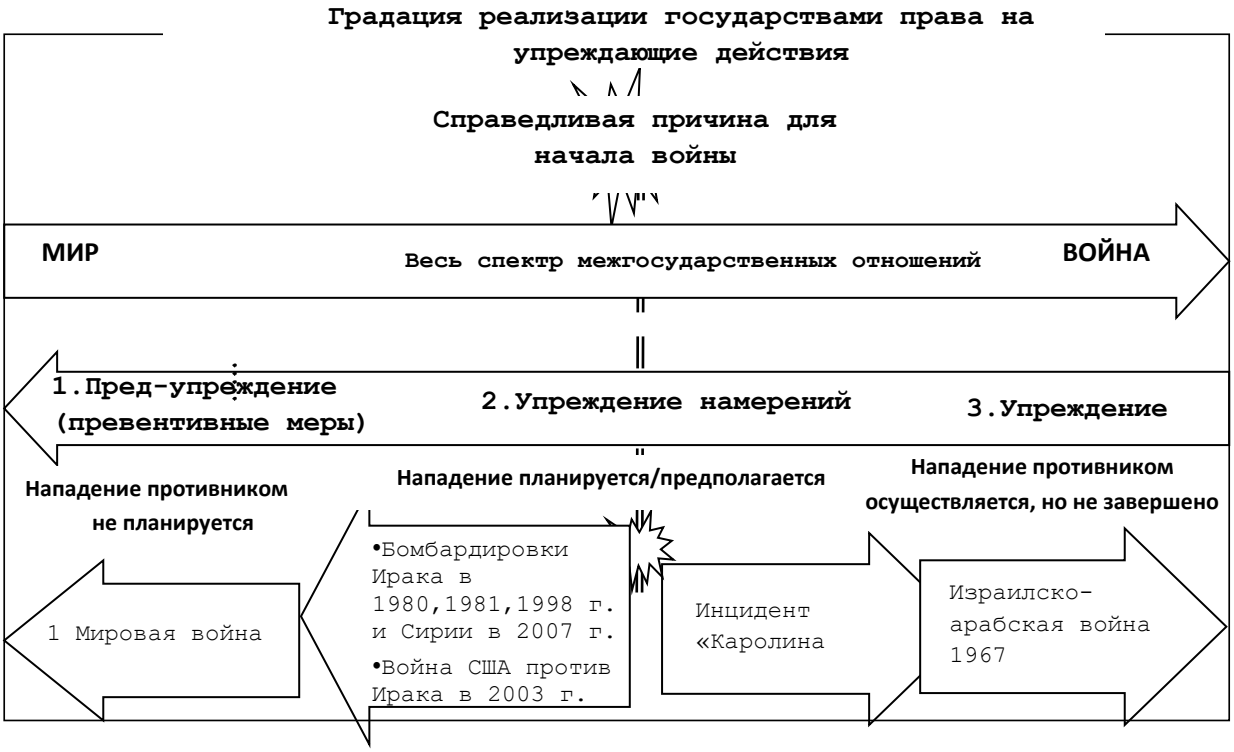
Государство, сообразуясь со своими национальными интересами и установленной относительной национальной мощью своих соперников, определяет какое-либо действие противника как превышающее опасное для

себя содержание пороговых значений «угрозы миру», «угрозы применения силы», «вооружённого нападения», после которого у него возникает «неотъемлемое право» на самооборону. После этого принимается решение о применении силы, начинаются военные действия, и информируется СБ ООН. И именно в данной системе правил осуществляется квалификация поведения государства в соответствии с международным правом.

Таким образом, объектом метода обоснования применения силы является установление характера международной ответственности за действия, которые в конкретный период времени представляют существенную угрозу наиболее значимым общим интересам как всего международного сообщества, от имени которого выступает СБ ООН, так и отдельных государств. В определённом смысле, в прагматическом процессе толкования и применении норм Устава ООН происходит согласование интересов государств, уточняется содержание норм международного права, и устраняются коллизии и существующие пробелы.

На рисунке 4 предлагаются три градации упреждающих действий в полном спектре международных отношений между состояниями мира и войны в рамках изложенной ранее методологии У. Г. Шарпа: превентивные действия, упреждение намерений, собственно упреждающие действия.

Рисунок 4.



Неоднозначность статей Устава ООН и меняющаяся сущность угроз международному правопорядку свидетельствуют о существовании «серой зоны» в правовом регулировании применения силы в международных отношениях. Данная зона достаточно чётко демонстрирует расхождение между «идеальными» положениями Устава ООН и практикой его применения, т. е. «правомерным» и «неправомерным» обращением к силе. (см. Приложение 7, с. 435).

Упреждающие и превентивные действия, заявляемые в публичных выступлениях политических деятелей в сходных терминах международного права, но различающиеся по объекту, очевидно, находятся в той зоне действия международного права, которая требует особо тонкого толкования и применения в ходе деятельности по защите национальных интересов.

В таблице 1 предлагается в обобщенном виде градация упреждающих действий с сопоставлением объектов применения силы и соответствующего правового обоснования действий государств.

Таблица 1.

	Объект применения силы	Легитимация
Упреждающие действия	Вооруженные силы государства, все элементы военной инфраструктуры, члены вооруженных формирований акторов-«не государств»	Немедленный ответ на неизбежную угрозу с последующим информированием СБ ООН. Правовое обоснование находится в обычной практике государств и статье 51 Устава ООН. Используются военные средства. **Неосуждаемая практика**
Упреждение намерений	Отдельные элементы инфраструктуры государства, а также акторы-«не государства», представляющие угрозу для общих интересов международного сообщества: возможные средства производства, доставки ОМУ; террористические организации, и т. д.	Мировое сообщество оповещается о намерениях применить силу против государства. Акту применения силы предшествует обсуждение вопроса в СБ ООН: может быть определено состояние угрозы миру. В основе правового обоснования могут находиться резолюции СБ ООН. Используются дипломатические средства для мирного разрешения конфликта, а только затем военные средства. **Неосуждаемая / осуждаемая практика**
Превентивные действия	Государство в целом, его отдельные институты.	Мировое сообщество не информируется о реальных мотивах применения силы. Дипломатические средства используются для делигитимации противника, а не для поиска мирного пути разрешения конфликта. **Осуждаемая практика**

Применение механизмов упреждения нападения является неотъемлемым элементом системы обеспечения национальной безопасности,

поскольку ведение войны против террора невозможно без активного использования небесспорной доктрины упреждения.

Реализация стратегии верховенства неизбежно приводит к использованию превентивных действий как наиболее удобного инструмента недопущения появления равного себе соперника, а, следовательно, обеспечивает «поддержание» состояния мира, «несправедливого» с точки зрения других участников международных отношений.

Следование стратегии неоизоляционизма менее всего предполагает, что государство может обращаться к превентивным действиям, поскольку это вызвать недовольство других международных действующих лиц, что, в свою очередь, повлечёт соответственное возрастание рисков использования против данного государства ОМУ.

Реализация стратегии избирательного участия, очевидно, не может использовать превентивные действия против противника, обладающего равными военными возможностями. Такая модель поведения может применяться исключительно против государств, не обладающих значительными военными ресурсами, для решения задач по предотвращению попадания ОМУ в руки несостоятельных государств, если под угрозой находятся его жизненно важные интересы.

Реализация стратегии коллективной безопасности, предписанной Главой VIII Устава ООН («Региональные соглашения»), не может использовать превентивные действия, за исключением тех, которые могут быть предписаны Советом Безопасности ООН, например, т. н. «превентивное развёртывание» миротворческих формирований.

Реализация стратегии кооперативной безопасности, осуществляемая через создание многонациональных коалиций ad hoc для разгрома агрессора («новая задача - новые партнёры - новые соглашения»), может использовать превентивные действия против государств, создающих угрозу международному, либо региональному миру и безопасности. Предотвращающие усилия государств должны фокусироваться на

недопущении аккумулирования нестабильными государствами средств для осуществления агрессии с использованием ОМУ.

Свой вклад в сложность применения механизма упреждения вносит и юридическая составляющая доктрины упреждающей самообороны.

Используемые формулы, такие как: «под упреждающим применением военной силы следует понимать противодействие неминуемой и очевидной угрозе, а под превентивным - воздействие по потенциальным и прогнозируемым ее источникам», «наличие непосредственной и серьезной опасности, угрожающей жизненно важным интересам государства, не оставляющей выбора иных средств и времени на размышление», «минимальность вторжения в сферу применения принципа территориальной неприкосновенности», «объектом защиты являются права человека»[575] - не дают оснований для создания какого-либо правового обоснования применения силы: таким основанием является исключительно применение силы против определённых объектов, и возникающие вследствие этого правоотношения.

Представляется очевидным, что развитие ОМУ и возможность его приобретения несостоятельными государствами и террористическими сообществами, влекут за собой соответствующее развитие средств противодействия угрозе.

В какой момент, например США используют свои силы для решения задач «Глобального удара», для устранения «неизбежной» угрозы «в течение половины дня или менее»[576] на основе действующего CONPLAN 8022-02? Существование у США таких возможностей в свою очередь порождает у их

---

[575] См., например: Мищенко В. А. Международно-правовые аспекты принятия упреждающих индивидуальных внешних вооруженных акций государствами: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. - М., 2007; Гольцов С. Д. Международно-правовые вопросы применения вооруженной силы государствами в порядке индивидуальной самопомощи: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. - М., 2005; Пашина А. Д. Применение силы в международном праве: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. - Казань,2008;

[576] Arkin, W. Not Just A Last Resort? A Global Strike Plan, With a Nuclear Option. washingtonpost.com (Sunday, May 15, 2005; B01).

противников желание развивать соответствующие средства и способы их применения для «упреждения возможности упреждения».

Право, как инструмент внешней политики государства, не может определить какой-либо элемент национальной мощи государства-противника как представляющий «неминуемую и очевидную угрозу» — это объект военного искусства. Военные планировщики применяют силу против конкретных объектов – сил и средств противника, объектов инфраструктуры, а противником удары наносятся не по жизненно-важным интересам государства, а также по объектам[577].

Таким образом, представляется очевидным, что для определения объекта стратегии международно-правового обеспечения применения вооруженных сил необходимо установить связь между объектами применения силы и правоотношениями, складывающимися в ходе применения силы против таких объектов[578].

На первый взгляд, сочетание противоречий, возникающих в процессе реализации материальных норм в процедурных рамках Устава ООН, которые в настоящее время легитимизируют применение силы в международных отношениях, является сложным для применения на практике: первый и самый простой вывод представляется очевидным: «юридические стандарты Устава ООН используются как инструменты политического манипулирования наиболее сильными государствами».

Однако в реальной правовой действительности кажущаяся невозможность принятия эффективных решений в рамках процедур по

---

[577] Вообще говоря, «... формулу вооруженной борьбы в обычной войне можно представить в виде следующих пяти взаимосвязанных составляющих: поражение войск и военных объектов противника; оборона и защита своих войск и объектов от поражения; всестороннее обеспечение действий войск; управление силами и средствами вооруженной борьбы; информационная борьба». См.: Капитанец И. М. Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки. Глава II. Классификация поколений войн. URL: http://militera.lib.ru/science/kapitanetz/02.html (дата обращения: 30.11.2013)

[578] См.: Коростелев С.В. Определение частной стратегии международно-правового обеспечения применения Вооруженных Сил Российской Федерации // Морской Сборник. Том 1969. №4. Апрель 2011.

достижению консенсуса в СБ ООН, не является препятствием для осуществления государствами самостоятельных действий по поддержанию международного мира и безопасности в рамках иных ограничений, созданных в системе ООН.

Данные юридические стандарты, хотя и не предлагают четких основ для проведения надлежащего различия между правомерными и неправомерными случаями применения силы, но, в то же время, создают основу для диалога и присвоения государствам международно-правовой ответственности, если не в рамках ius ad bellum, то ius in bello, то есть поднять вопрос если не о необходимости применения силы, то хотя бы о её соразмерности в рамках институтов МГП.

Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним, Римский статут Международного уголовного суда регулируют поведение военнослужащих в ходе военных действий при обращении государств к силе, например, в том, что касается необходимости проведения различий между комбатантами и мирными жителями, необходимости применения силы соразмерно угрозе, и необходимости следования основным гуманитарным принципам. Нарушение этих обязательств ius in bello преследуется в судебном порядке.

Современная действительность показывает, что каждое государство может заявлять о законности своего применения силы в соответствии с целями ООН; в исключительно редких случаях применение силы авторизуется резолюцией Совета Безопасности ООН; недостаточно эффективно реализуется международно-правовая ответственность государств за применение силы на основании резолюций Совета Безопасности.

Можно ли вообще говорить о противоречии международному праву национальных доктрин, предусматривающих применение вооруженных сил в отсутствие свершившегося вооруженного нападения на государства в случае, например, террористической угрозы, на основании одностороннего решения и без санкции Совета Безопасности ООН, если практика государств

показывает неизбежность их обращения к такому применению силы в современной геополитической обстановке?[579]

Отрицание, например, в угоду буквальному (ограничительному) толкованию норм международного права, или некоторым политологическим доктринам, возможности упреждающего применения силы вообще лишает смысла существования военную организацию государства.

Следует согласиться с тем, что эпифеномен «международное право» существует вне зависимости от способа его толкования государствами. И собственно, норма международного права в большинстве ситуаций применения силы является лишь основой, отправной точкой, для политического диалога государств.

Международное право, признавая за государством право на вооружённую защиту своих интересов, ограничивается только этим, и не предписывает те или иные конкретные механизмы реализации этого права. Тем самым решение вопросов противодействия угрозе предоставляется на усмотрение каждого отдельного государства в соответствии с его возможностями, тем более что в настоящее время в общем международном праве отсутствует запрет на проведение действий формированиями вооружённых сил государств на территории других государств по упреждению террористической деятельности, в частности, по их уничтожению, и по упреждению намерений террористических сообществ.

А поскольку установленные Уставом ООН ограничения на применение силы не являются на деле столь ограничивающими, чтобы государства не могли использовать доктрины международной ответственности и упреждающей самообороны как политико-правовые основания для действий

---

[579] О «противоречии международному праву» действий НАТО и США см.: Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридиче5ских наук. – М., - Дипломатическая академия МИД РФ: .2007; Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. – 2-е изд.. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008.- 480 с.

по защите своих интересов, и обращаться даже к осуждаемым мировым сообществом превентивным действиям, как к крайней форме упреждения.

Политико-правовое обоснование обращения государств к актам упреждающей самообороны является довольно сложным процессом. В основе данного процесса лежит обычное право, то есть право, основанное на практике государств. Местом, где формируется в настоящее время обычное право в сфере применения силы, является Совет Безопасности ООН. Именно в Совете Безопасности государства отчитываются о своих действиях, и именно там другие государства дают этим проявлениям силы оценку.

Оценки справедливого характера обращения к силе определяются, в том числе, с использованием предложенных и описанных методов стратегического легализма и политико-правового обоснования применения силы. Данные методы, основанные на изучении описанных в международных правовых терминах действий государств, практики СБ ООН, Международного суда ООН, региональных организаций, позволяют довести позицию государства до других участников международного общения, снизить ресурсные издержки на осуществление своей политики.

Согласование воль государств, в данном случае, происходит не в строгих рамках международных договоров, а в политических проявлениях позиций государств по вопросу применения силы. Любое действие наиболее активных участников международных отношений, затрагивающее даже в самой малой степени интересы России, всегда должно получать оценку из уст первых лиц государства.

При этом надо учитывать, что молчание государства по любому вопросу расценивается как согласие с проводимой оппонентом политикой. По прошествии определённого периода молчания такая практика может стать международной нормой, и проводить свою политику вопреки ей будет уже труднее.

Необходимо осознавать, что движение в сторону признания доктрины «предупреждения намерений» действий происходит через отрицание

существующего обычного международного права. Причём данное движение не будет принято международным сообществом в течение достаточно долгого времени, поскольку в применении данного подхода усматривается подрыв моральных устоев современного миропорядка, а, следовательно, поведение вопреки традиции справедливой войны.

Нормативные рамки современного международного права определяют, что даже если какое-либо государство и обладает военным превосходством, то оно вовсе не обязательно должно действовать самостоятельно.

Современной традицией справедливой войны приоритет применения силы отдаётся мерам, осуществляемым в сотрудничестве с другими государствами, поскольку, утверждение в международных отношениях верховенства принципа «сильный всегда прав» вступает в противоречие с общими интересами мирового сообщества.

Применение силы государством на чужой территории для упреждения угрозы, происходящей с территории государства-объекта вмешательства, в настоящее время считается допустимым (не осуждаемым), если при этом удовлетворяются четыре критерия.

Во-первых, интересы вмешивающегося государства должны находиться под непосредственной угрозой, в частности гражданам государства может угрожать гибель или нарушение физической неприкосновенности.

Во-вторых, государство-объект вмешательства должно не желать, либо быть неспособным противодействовать угрозе, которая исходит в отношении членов международного сообщества с его территории.

В-третьих, цели вмешательства должны быть ограничены непосредственно элементами инфраструктуры террористов и непосредственно террористами. Вмешательство не должно использоваться для какой-либо другой деятельности на территории государства-объекта вмешательства.

В-четвёртых, сила, используемая в ходе данного вмешательства, должна быть соразмерной угрозе. Нельзя использовать силу в масштабах больших, чем это требуется для решения данной ограниченной задачи. Такие действия (если они осуществляются с соблюдением требований соразмерности и необходимости) не являются «вооружённым нападением», не составляют «угрозу миру», и не порождают у государства-объекта вмешательства, либо региональных организаций, в соответствии со ст. 51 Устава ООН, права на обращение к самообороне.

Как справедливо отмечено Дж. Стромет: «Среди факторов, необходимых к учёту в процессе определения является ли террористическое нападение существенным образом неизбежным для оправдания силовых действий на самооборону, находятся: намерение террористической группы и вероятность нападения (продемонстрировали ли они явным образом намерение осуществить нападение, есть ли в этом случае достоверная информация, подтверждающая их планы нападения?); (2) возможности (что является их возможностями для осуществления нападения, и находятся ли они на грани приобретения ОМУ?); (3) методы нападения (террористы используют обман и уловки, и тогда не будет возможности получить предупреждение заранее; таким образом, ожидание момента исполнения нападения скажется на эффективности действий на самооборону); (4) тяжесть возможного ущерба (исходя из того, что нам известно о намерениях террористов и их возможностей, что является возможным ущербов от нападения?); и, (5) безотлагательность угрозы (есть ли достаточные причины верить в то, что вероятность нападения увеличивается, и что немедленное действие является критичным для предотвращения нападения?)»[580].

[580]Stromseth, Jane E. New Paradigms for the Jus Ad Bellum? The George Washington International Law Review; 2006; 38, 3 ABI/INFORM Global, pg. 568.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4

Доктрина упреждающей самообороны, в случае её применения для оправдания осуждаемых мировым сообществом «превентивных» и «упреждающих намерения» действий, является инструментом, который «размывает» концепцию государственного суверенитета, то есть изменяет нормы, на которых основана современная международная система.

Как было справедливо замечено: «Возникает противоречие между необходимостью укрепления международной системы для успешного ведения войны с террором, и, в то же время, необходимость осуществления упреждения в войне с террором разрушает устои данной системы и мирового правопорядка»[581].

Для успешного парирования угрозы и для обоснования возможности проведения упреждающих контртеррористических операций предлагается следующая модель поведения органов государственной власти государств, не вступающая в противоречие с существующими прецедентами в международной практике.

Во-первых, необходимо осуществить уведомление всех сторон, чьи интересы могут быть затронуты контртеррористическими действиями, о намерении применить силу. Данное заявление о том, что определённое состояние международных отношений, либо какие-либо действия составляют угрозу миру, либо являются нарушением договорных обязательств, либо противоречат общим интересам человечества, должно быть осуществлено государством, либо региональной организацией, в СБ ООН.

Во-вторых, данное заявление должно быть основано на оценке:

---

[581] См.: Michael McGinty. That Was the War That Was: International Law, Pre-emption and the Invasion of Iraq. RUSI Journal. London: Jun 2003. Vol. 148, Iss. 3; pg. 20.

- действительности существования угрозы;

- возможности применения силы (ресурсные ограничения);

- возможности осуществления избирательного поражения (соблюдение ограничений ius in bello);

- возможности решения задач, поставленных для применения силы (военные ограничения);

- обращения к силе как к последнему средству (политические ограничения).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международная политика является не только борьбой за измеряемое в каких-либо количественных критериях превосходство над противником, но также и борьбой за признание легитимности действий. Мощь государства и международное признание легитимности его действий являются понятиями взаимодополняющими.

Политическим фактом является то, что вера в правое/неправое дело помогает вовлечь народы в действие, и таким образом, легитимность становится источником национальной мощи. Если действия государства считаются нелегитимными, то его затраты на осуществления своей политики по обеспечению национальных интересов возрастают.

Государства апеллируют к международному праву и другим институтам для легитимации своей собственной политики или делегитимации политики своих геополитических противников, и эта обязанность во многом определяет их поведение и сказывается на результатах действий.

Действия участников международных отношений координируются посредством актов взаимопонимания на основе сходно понимаемых определений ситуации. Международное право является именно тем средством политической мобилизации, с помощью которого государства могут доводить до мирового сообщества свои способы решения задач по защите национальных интересов, т. е. является языком международного общения.

Критерии оценки справедливого характера акта применения силы, получившие развитие, главным образом, в XVI-XVII вв., когда в нормах нарождающегося международного права начала замещаться религиозная, по своей сути, доктрина справедливой войны, в настоящее время требуют иного

осмысления, поскольку мир в настоящее время организован по-иному и современные формы проведения политики, реализации экономических задач, достижения технологии, и «демократизация» религиозных институтов затрудняют применение оригинальных критериев справедливой войны[582].

Во-первых, в настоящее время понятие законной власти существенно изменило своё содержание. Государства обязаны обращаться за разрешением на обращение к силе к своим гражданам и к международным организациям, членами которых они являются.

Во-вторых, применение силы, несоразмерное угрозе по масштабам и использованию средств поражения, также может привести к тому, что в общественном мнении обращение государства к силе для обеспечения своей военной безопасности перестанет соответствовать критериям справедливого характера применения силы. Соразмерность применения силы может быть достигнута использованием и невоенных средств борьбы – экономическим, либо информационным давлением, путём использования ресурсов региональных организаций и т. д.

Для оценки справедливого характера акта обращения к силе международное сообщество обладает полным доступом к информации о причинах конфликта, доступных ресурсах для его разрешения, средствах и методах и т. д., что было совершенно невозможным, как в эпоху становления системы суверенных государств, так и в начальном периоде развития универсальных организаций в сфере международной безопасности.

Нормы современного международного права, на которые ссылаются государства, когда делают заявления о легитимности своего обращения к силе, устанавливают, чтобы сила применялась в соответствии с требованиями необходимости и соразмерности и запрещают использование силы для возмездия и наказания. Объяснение необходимости должно

---

[582] См., например: Mark Douglas. Changing the Rules: Just War Theory in the Twenty-First Century. Theology Today. Princeton: Jan 2003. Vol. 59, Iss. 4; pg. 529. Глава «Historical Change and Its Impact on Just War Criteria».

доказываться государствами в Совете Безопасности ООН при любом обращении к силе.

Также, современную обстановку вокруг критериев справедливой войны определяют существующие обязательства «государств-победителей» и международной системы в целом в отношении «побеждённых» акторов: отношения участников конфликтов после окончания акта применения силы не заканчиваются. «Победители» обязаны создать условия, исключающие возобновление новых военных действий, равно как и создать для населения акторов-«не государств» достойные условия жизни. Речь идёт о подтверждении нового содержания системы норм организации международных взаимодействий в сфере безопасности – такого ius post bellum, которое наилучшим образом описывает состояние современной среды безопасности.

Данные нормы формируются, в основном, в результате коллективной миротворческой практики как ООН в целом, так и групп государств, которые объединяются вокруг общих интересов. Такая деятельность как представляется, должна быть направлена во многом на создание гражданских институтов в государствах, разрушенных в ходе гражданских конфликтов и иных ситуаций насилия, в тем, чтобы утвердить в них ценности, важные для основных международных акторов.

ВЫВОДЫ

Применение вооруженной силы одним государством против другого государства запрещено и составляет международное преступление агрессии,

если речь не идет о мерах самообороны в ответ на вооруженное нападение или об участии в санкциях по решению Совета Безопасности ООН.

Между тем, современные международные отношения, безусловно, свидетельствуют, что наиболее сильные государства часто прибегают к вооруженной силе ради обеспечения собственных, но не общих интересов.

Все это, несомненно, обуславливает необходимость повышения эффективности межгосударственного сотрудничества в сфере обеспечения международной безопасности.

В результате диссертационного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Устав ООН не только определяет условия, при которых возникает право на самооборону, но также устанавливает пределы, в которых допускается осуществление этого права. Более того, Устав ставит саму реализацию права на самооборону под международный контроль, осуществляемый Советом Безопасности.

2. Несмотря на запрет войны и закрепления принципа запрещения применения силы и угрозы ее применения, на сегодняшний день возможно заявлять о ситуациях, когда применение силы в международных отношениях признаётся справедливым, хотя и неправомерным.

3. Совет Безопасности ООН является органом, ответственным за поддержание международного мира и безопасности. При констатации угрозы миру Совет Безопасности может применять меры невоенного и военного характера (ст. 41-42 Устава ООН).

4. Нормы главы VII Устава ООН регулируют категорию случаев правомерного применения силы государствами как исключение из общего правила о неприменении силы в международных отношениях, как крайнюю меру, к которой прибегают лишь тогда, когда исчерпаны все мирные средства для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

5. С возникновением новых угроз миру стали чаще заявляться доктрины о законности нанесения «упреждающего удара» в отношении государств и акторов-«не государств», которые, по мнению того или иного государства или группы государств, могут в будущем представлять потенциальную угрозу.

6. Возникновение новых угроз требует поиска новых подходов к условиям и методам трансграничного применения силы. Но ни одно государство не может присваивать себе монопольное право на использование силы против других суверенных государств по своему усмотрению. Поиски новых подходов должны осуществляться коллективно, и прежде всего в рамках ООН, которая по самой идее ее создания призвана исключить одностороннее применение силы в международных отношениях.

7. Правомерным ответом на акт агрессии является самооборона. Статья 51 Устава ООН признает право государства на индивидуальную или коллективную самооборону в случае, если произойдет вооруженное нападение. При этом государства, обращающиеся к такому праву, должны немедленно сообщить Совету Безопасности, а последний должен принять меры для поддержания международного мира.

8. Право на самооборону государства от внешней агрессии закрепляется как в нормах международного права (в универсальных и региональных соглашениях), так и во внутреннем праве государств.

9. В современной практике международных отношений представлено несколько концепций самообороны:

- самооборона как защита от фактического нападения;

- самооборона как исключение из общего запрета на применение силы или угрозы силой;

- самооборона как обстоятельство, исключающее присвоение международной ответственности.

10. Кроме отражения акта агрессии, применение вооруженной силы возможно при любой угрозе миру и любом нарушении мира (если мирные

средств разрешения международных споров являются недостаточными). При этом возможно применение коллективных мер в рамках ООН или региональных организаций, а также в рамках временных соглашений. Однако подобные меры могут применяться также лишь с санкции Совета Безопасности ООН.

Таким образом, опираясь на приведенные в исследовании общие дефиниции политического механизма, можно описать технологию политической легитимации актов применения силы в международных отношениях как обращение к совокупности политических механизмов, обеспечивающих согласование воль субъектов международных отношений в процессе защиты национальных интересов, включающую в себя следующие элементы:

цель: поддержание международного мира и безопасности путем принятия эффективных коллективных и индивидуальных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира;

способы: применение силы (угроза применения силы);

процедуры: заявление (оспаривание) политико-правового обоснования акта применения силы в рамках парадигмы ООН;

согласование содержания общих ценностей международного сообщества: присвоение международной ответственности.

Современное содержание процесса обоснования справедливости обращения к военным средствам разрешения конфликта может быть выражено рядом принципов, определяющих, что применение силы является справедливым, если:

- к нему прибегают как к последнему средству. Должны быть использованы все ненасильственные способы разрешения конфликта, прежде чем обращение к силе может считаться оправданным;

- ведётся законной властью (признанным правительством). Даже справедливые причины не могут служить основанием для действий

индивидов или групп, которые не осуществляют полномочий, санкционированных той властью, которое население государства в целом и/или мировое сообщество считает законной;

- осуществляется для исправления неправомерно причинённого вреда. Например, вооруженное нападение на государство всегда рассматривается как справедливая причина для обращения к силе (к самообороне) (в данном случае справедливость повода у противника для обращения к силе не является существенным условием, поскольку обращение к силе должно быть санкционировано Советом Безопасности ООН);

- существуют существенные шансы на успех. Людские потери и ущерб, понесенные в заведомо безнадежной попытке изменить status quo военными средствами, не могут быть морально оправданы;

- высшая цель справедливого применения силы состоит в восстановлении мира. И, что наиболее важно, мир, установленный после войны должен быть более совершенным, чем тот мир, который бы существовал, если бы не было обращения к войне. Выгоды от обращения к войне должны перевесить возможные потери[583];

- насилие, используемое при ответном применении силы должно быть соразмерно причинённому ущербу. Государствам запрещено применять силу несоразмерно цели военных действий, которая должна быть ограничена только лишь исправлением несправедливости, и которая в свою очередь, будучи неисправленной, может явиться причиной нового конфликта;

- средства и методы ведения вооружённой борьбы, используемые при применении силы дают возможность государствам осуществлять избирательное ведение военных действий. Защищаемые лица (в определении МГП) не могут быть законной военной целью. Гибель защищаемых лиц

[583] См.: Leaning, Jennifer. Was the Afghan conflict a just war? British Medical Journal. (International edition). London: Feb. 9, 2002. Vol. 324, Iss. 7333; pg. 353.

допускается только в случае, когда они непреднамеренно поражаются в ходе избирательного уничтожения военных объектов;

- мировое сообщество, а противник - в первую очередь, извещены о причинах обращения к силе и невозможности использования иных «невоенных» средств разрешения конфликта. Намерение вести войну должно быть реализовано в соответствии с процедурами, установленными современным международным правом[584].

Очевидно, что данные принципы могут толковаться очень широко. Исследование каждого из них, в свою очередь, требует исследования геополитических условий, как сопутствующих актам применения силы, так и обуславливающих их[585].

В соответствии с системой принципов Устава ООН, любое применение силы, разрешённое Советом Безопасности, является допустимым. Все иные случаи обращения государств к силе, в соответствии с «ограничительной теорией применения силы», предполагаются неправомерными.

В число последних могут входить, например, применение силы для территориальных приобретений, для исправления имевших место несправедливостей, и в поддержку движений за самоопределение. В тоже время, определение «несправедливости» всегда является субъективным. И, если государствам разрешить обращаться к силе для продвижения своих собственных (не универсальных) понятий о справедливости, то тогда можно легализовать практически любое обращение к силе.

Проведенный анализ практики государств показывает, что в реальной международной жизни система принципов Устава ООН не накладывает непреодолимых ограничений на обращение государств к силе, и позволяет

---

[584] Там же.

[585] См., например: Коростелев С.В., Пыж В.В. Современная парадигма безопасности для государств Балтийского региона // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 12(69). 2020. С. 2872-2882; Коростелев С.В., Пыж В.В. Учет геополитических факторов в процессе выбора способов разграничения морских пространств в Арктике // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 2(41). 2018.

им использовать её для восстановления справедливости в их собственном понимании, проведения репрессалий, упреждения угроз национальной безопасности, или для защиты общих интересов международного сообщества.

В ходе деятельности органов государственной власти по легитимации актов (политико-правовому обоснованию) актов применения силы необходимо не только исследовать понятийный аппарат, предлагаемый в Резолюциях ГА ООН, материалах Комиссии международного права ООН, и др. органов, но также установить:

- выносился ли спор в сходных фактологических обстоятельствах на рассмотрение Совета Безопасности ООН, либо международных судебных органов;

- какие аргументы приводились сторонами спора в ходе обсуждения ситуации в СБ ООН, в международном судебном органе, и какие были приняты решения;

- какое содержание было определено международной организацией, либо международным судебным органом для таких категорий как «нарушение мира», «угроза миру», «агрессия», «вооружённое нападение»;

- исследовались ли критерии «неизбежности» угрозы, как были заявлены критерии «необходимости» и «соразмерности» применения силы;

- как проходило голосование (за, против, воздержался);

- было ли исполнено и каким образом исполнялось решение международной организации, либо международного судебного органа;

- какие санкции были предусмотрены международными организациями, либо отдельными государствами на основании решений международных организаций или международного судебного органа, и как они были реализованы;

- был ли восстановлен status quo после разрешения конфликта?

На основании изученной практики нами были выявлены «политико-правовые ограничения», т. е. определены те «пороги», превышение которых

было определено государствами как нелигитимное применение силы, т. е. когда применение силы объявлялось как «не необходимое» и «несоразмерное».

Чаще всего государства заявляют о легитимности обращения к силе в обстоятельствах «вооружённого нападения» и «неминуемого нападения».

В случае факта состоявшегося «вооружённого нападения» государствам разрешено использовать силу в ответ на основании статьи 51 Устава ООН. Единственным ограничением для этого права будут традиционные требования необходимости и соразмерности.

В случае «неминуемого нападения» предполагается, что государствам разрешено применение силы в ответ на «неизбежную опасность». Представляется вполне очевидным, что от государств не требуется ожидания того момента, когда против него будут применены вооруженные силы прежде, чем они смогут правомерно предпринять оборонительные действия.

Если исходить из возможностей современных средств и методов ведения войны, право самообороны теряет вообще какое-либо значение, если от государства требуется принять на себя первый удар до того, как оно может осуществить ответные меры. Принимая упреждающую самооборону, как допустимое основание для обращения к силе, мы полагаем, что бремя доказывания ложится на государство, использовавшее данное право. Государство должно показать, что вооружённое нападение (агрессия против него) действительно было «неминуемым» и, что его упреждающие действия являлись необходимыми.

«Порог вооружённого нападения» для каждого государства, дающий ему право применять силу, определяется им самостоятельно на основе исследования ряда взаимосвязанных факторов, из которых наиболее существенным является тяжесть ущерба (в случае упреждения – предполагаемая), причиняемого ему международно-противоправными деяниями других акторов.

Необходимо исходить из предположения, что обращение к самообороне, в том числе упреждающей, в отношении «не государств» может считаться допустимым при существовании ряда обстоятельств.

Во-первых, государство может предпринимать силовые действия против исполнителя нападения, находящегося под юрисдикцией другого государства, если это «принимающее государство» неспособно или не желает предпринимать какие-либо шаги для подавления этого исполнителя, особенно в ситуациях гуманитарной необходимости. При отсутствии свидетельств о поддержке или спонсорстве исполнителя нападения со стороны «принимающего государства», государство-жертва может и не применять силу против объектов «принимающего государства». Действия государства-жертвы нападения могут быть направлены исключительно против самого исполнителя нападения.

Во-вторых, государство-жертва нападения вправе использовать силу непосредственно против государства, которое оказывает поддержку, либо спонсирует деятельность исполнителей террористических актов.

Для того чтобы «вооружённое нападение» было увязано с государством, спонсирующим или поддерживающим нападающих, необходимо, чтобы государство-жертва доказало, что последствия действий против него имеют прямую связь с государственной поддержкой.

Например, если доказано, что государство предоставляло вооружение и материально-техническую поддержку исполнителям нападения, и, что данные террористы использовали данную помощь при проведении действий, которые достигли «порога вооружённого нападения», тогда спонсирующее или поддерживающее государство может считаться действительно участвующим в «вооружённом нападении». В данных обстоятельствах государство-жертва может использовать силу для самообороны против государства, связанного с терроризмом.

Применение механизмов упреждения нападения является неотъемлемым элементом системы обеспечения национальной безопасности,

поскольку ведение войны против террористических организаций невозможно без активного использования данной, оспариваемой сторонниками доктрины ограничительного толкования положений Устава ООН.

Упреждающие и превентивные действия, определяемые в сходных терминах международного права, но различающиеся по объекту, очевидно, находятся в той зоне действия международного права, которая требует особо тонкого толкования и применения в ходе деятельности по формулированию и защите национальных интересов.

Свой вклад в сложность применения механизмов упреждения вносит современное содержание юридической составляющей доктрины упреждающей самообороны. Используемые формулы, такие как: «противодействие неминуемой и очевидной угрозе», «воздействие по потенциальным и прогнозируемым ее источникам», «наличие непосредственной и серьезной опасности, угрожающей жизненно важным интересам государства, не оставляющей выбора иных средств и времени на размышление», - не дают оснований для создания каких-либо политико-правовых обоснований для международной легитимации актов применения силы.

Военные планировщики применяют силу против конкретных объектов – сил и средств противника, объектов инфраструктуры, а противником удары наносятся не по жизненно-важным интересам государства, а также по объектам.

Право, как всего лишь один из инструментов внешней политики государства, не может определить какой-либо элемент национальной мощи государства-противника как представляющий «неминуемую и очевидную угрозу» - это объект даже не военного искусства, а, скорее, теории национальной безопасности.

Представляется очевидным устанавливать необходимость связи между объектом применения силы, правоотношениями, складывающимися в ходе применения силы против такого объекта (определение характера

международной ответственности), и действиями государства по легитимации акта применения силы.

В работе предложена градация упреждающих действий с сопоставлением объектов применения силы и соответствующего политико-правового обоснования действий государств:

упреждающие действия – сила применяется против формирований вооруженных сил государства, всех, либо представляющих непосредственную по времени угрозу элементов военной инфраструктуры;

действия по упреждению намерений - сила применяется против отдельных элементов инфраструктуры государства, а также негосударственных структур, представляющих угрозу для других членов международного сообщества: возможных средств производства, доставки ОМУ; террористических организаций, и т. д.;

превентивные действия - сила применяется против государства в целом.

Определение объектов применения силы позволяет, в свою очередь, выявить совокупность правоотношений, которые будут возникать между государствами при решении задач по защите национальных интересов, определить правовые ограничения на применение силы, и как следствие, выявить контуры стратегии легитимации актов применения силы и её политико-правовых методов, рассмотренных в работе – метода политико-правового обоснования применения силы, и метода заявления стратегии - метода стратегического легализма.

Существование такой системы правил упрощает решение задач легитимации актов применения силы с наименьшими «репутационными» потерями для государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ, 04.02.2002, N 5, ст. 375.
2. Федеральный закон "Об обороне" от 31.05.1996 N 61-ФЗ. - Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. - Режим доступа: URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045.
4. Указ Президента Российской Федерации «О Военной доктрине Российской Федерации» от 5 февраля 2010 г. № 146 // Российская газета, N 27, 10.02.2010.
5. Указ Президента РФ от 17.12.1997 N 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета, N 247, 26.12.1997.
6. Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. №706 «Об утверждении военной доктрины Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 2000 г., N 17, ст. 1852.
7. Указ Президента РФ №537 от 12 мая 2009 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» //Российская газета №88 (4912), 19 мая 2009.
8. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». - Режим доступа: URL: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html.
9. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 7 июля 2006 г. N 219-СФ «Об использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделений специального назначения за пределами территории Российской Федерации в целях пресечения международной террористической деятельности». Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июля 2006 г. N 29 ст. 3144.

Международные правовые и нормативные акты

10. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной

политики. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. V.- М., 1930. С. 5-8.

11. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (Вместе с «Правилами, касающимися опознавания», «Удостоверением журналиста, находящимся в опасной командировке»)). Женева, 8 июня 1977 года. Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134–182.

12. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года. - Режим доступа: URL: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm.

13. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. МККК, Москва, 2005, 4-е изд., 344 с.

14. Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI.- М., 1977. С. 544 - 589

15. Конвенция об определении агрессии (Вместе с «Протоколом подписания»). Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VIII.- М., 1935. С. 27 - 31.

16. Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор) (Вместе со «Статутом Лиги Наций», «Уставом Международной организации труда» и «Протоколом»). Версальский мирный договор. - М.: Литиздат НКИД, 1925.

Документы Организации Объединённых Наций

17. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи 2625 (XXV). - Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

18. Резолюция Генеральной Ассамблеи 3314 (XXIX) «Определение Агрессии». - Режим доступа: URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/3314(XXIX).

19. A/47/277 - S/24111. Доклад Генерального Секретаря ООН «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» от 2 июля 1992 г.

20. A/50/60, S/1995/1. Дополнение к Повестке дня для мира.

Позиционный документ Генерального Секретаря по случаю пятидесятой годовщины ООН

21. A/51/218. Консультативное заключение Международного Суда ООН «Относительно законности ядерным оружием или его применения».

22. A/53/PV.19. Стенограмма 19-го пленарного заседания 53-1 сессии ГА ООН

23. A/55/PV.23. Стенографический отчет 23-го Пленарного заседания 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 19 сентября 2000 г.

24. A/56/10 and Corr.1 Резолюция 56/83, принятая Генеральной Ассамблей ООН [по докладу Шестого комитета] «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 12 декабря 2001 г.

25. A/58/47. Доклад Рабочей группы открытого состава по вопросу о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава и другим вопросам, связанным с Советом Безопасности

26. A/59/565. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Более безопасный мир: наша общая ответственность.

27. A/63/10. Доклад Комиссии международного права (53-я сессия). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестьдесят третья сессия. Дополнение № 10 (Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния).

28. A/63/677. Доклад Генерального Секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать»

29. A/64/881 Консультативное заключение Международного Суда относительно соответствия одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права.

30. A/67/997–S/2013/553. Доклад Миссии Организации Объединенных Наций по расследованию сообщений о применении химического оружия в Сирийской Арабской Республике, касающийся предположительного применения химического оружия в районе Гуты в Дамаске 21 августа 2013 года.

31. A/68/37. Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. Шестьдесят восьмая сессия. Дополнение № 37. Приложение I «Преамбула и статьи 1, 2 и 4–27 проекта всеобъемлющей конвенции о международном терроризме» (Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1996 г. Шестнадцатая сессия (8–12 апреля 2013 г.)).

32. A/C.6/72/L.14. Проект резолюции «Меры по ликвидации международного терроризма». Семьдесят вторая сессия. Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН.

33. A/CN.4/L.682. Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права.

34. A/CONF.213/5. Оказание технической помощи для содействия

ратификации и осуществлению международных документов, касающихся предупреждения и пресечения терроризма. Двенадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадор, Бразилия, 12-19 апреля 2010 года.

35. A/RES/41/12. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН – Сорок первая сессия «Вооруженная агрессия Израиля»

36. A/RES/41/38. Декларация Ассамблеи глав государств и правительств Организации Африканского Единства о военном нападении.

37. A/RES/49/40. Резолюция «Деятельность иностранных экономических и других кругов, которая препятствует осуществлению Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам в территориях, находящихся под колониальным господством»

38. A/RES/60/1. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 16 сентября 2005 г.

39. GA/9827 Press Release GA/9827 67th Meeting.

40. PCNICC/1999//DP.12. Предложение Российской Федерации, представленное Подготовительной комиссии для Международного уголовного суда

41. PCNICC/1999/L.5/Rev.1 Приложение IV. Сводный текст предложений по определению агрессии.

42. PCNICC/2000/WGCA/DP.4 Предложение Германии, представленное Подготовительной комиссии для Международного уголовного суда

43. S/17509. Письмо постоянного представителя Туниса при ООН от 1 октября 1985 г. на имя Председателя Совета Безопасности.

44. S/17535. Результаты голосования по проекту резолюции с осуждением агрессии Израиля 4 октября 1985 г.

45. S/17659/Rev.1 Официальные отчеты Совета Безопасности, сороковой год, Дополнение за октябрь – декабрь 1985 г. (приложения).

46. S/17659/Rev.1, Официальные отчеты Совета Безопасности, сороковой год, Дополнение за октябрь – декабрь 1985 г. (приложения)

47. S/1998/780. Письмо постоянного представителя США при ООН от 20 августа 1998 г. на имя Председателя Совета Безопасности.

48. S/1998/786. Письмо постоянного представителя Судана при ООН от 21 августа 1998 г. на имя Председателя Совета Безопасности.

49. S/1999/328. Проект резолюции о немедленном прекращении применении силы против Федеративной Республики Югославии от 26 марта 1999 г.

50. S/1999/682. Военно-техническое соглашение между международными силами безопасности (СДК) и правительствами Союзной Республики Югославии и Республики Сербии о процедурах и режиме вывода из Косово сил безопасности Союзной Республики Югославия от 9 июня 1999 г.

51. S/PRST/2010/4. Заявление Президента СБ ООН относительно

угроз международному миру и безопасности.

52. S/PRST/2010/6. Заявление Президента СБ ООН относительно поставок вооружений в Африку.

53. S/PV.2108. Стенографический отчет о заседании СБ ООН от 11 января 1979 г.

54. S/PV.2610. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 2 октября 1985 г.

55. S/PV.2611. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 2 октября 1985 г.

56. S/PV.2613: Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 3 октября 1985 г.

57. S/PV.2615. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 4 октября 1985 г.

58. S/PV.2615. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 4 октября 1985 г.

59. S/PV.2673. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 14 апреля 1986 г.

60. S/PV.2674. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 15 апреля 1986 г.

61. S/PV.2675. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 15 апреля 1986 г.

62. S/PV.2676. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 16 апреля 1986 г.

63. S/PV.2677. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 16 апреля 1986 г.

64. S/PV.2678. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 17 апреля 1986 г.

65. S/PV.2679. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 17 апреля 1986 г.

66. S/PV.2680. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 18 апреля 1986 г.

67. S/PV.2750. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 20 июля 1987 г.

68. S/PV.3988. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 24 марта 1999 г.

69. S/PV.3989. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 26 марта 1999 г

70. S/PV.4011. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 10 июня 1999 г.

71. S/PV.5839. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 18 февраля 2008 г.

72. S/PV.5961. Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 19 августа 2008 г.

73. S/PV.5969. Предварительный стенографический отчет о

заседании СБ ООН от 28 августа 2008 г.

74. S/PV.7038 Предварительный стенографический отчет о заседании СБ ООН от 27 сентября 2013 г.

75. S/RES/0660. Резолюция СБ ООН, принятая 2 августа 1990 г.

76. S/RES/1199. Резолюция СБ ООН, принятая 23 сентября 1998 г.

77. S/RES/1244. Резолюция СБ ООН, принятая 10 июня 1999 г.

78. S/RES/1368. Резолюция СБ ООН, принятая 12 сентября 2001 г.

79. S/RES/1566. Резолюция СБ ООН, принятая 8 октября 2004 г.

80. S/RES/1624. Резолюция СБ ООН, принятая 14 сентября 2005 г.

81. S/RES/1695. Резолюция СБ ООН, принятая 15 июля 2006 г.

82. S/RES/1894. Резолюция СБ ООН, принятая 11 ноября 2009 г.

83. S/RES/1917. Резолюция СБ ООН, принятая 22 марта 2010 г.

84. S/RES/1973. Резолюция СБ ООН, принятая 22 марта 2010 г.

85. S/RES/2118. Резолюция СБ ООН, принятая 27 сентября 2013 г.

86. S/RES/2166. Резолюция СБ ООН, принятая 21 июля 2014 г.

87. S/RES/487. Резолюция СБ ООН, принятая 19 июня 1981 г.

88. S/RES/573. Резолюция СБ ООН, принятая 4 октября 1985 г.

89. S/RES/612. Резолюция СБ ООН, принятая 09 мая 1988 г.

90. S/RES/620. Резолюция СБ ООН, принятая 26 августа 1988 г.

91. SC/6628 3967th Meeting Press Release (Night) 19 January 1999.

92. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 375(IV) «Проект декларации прав и обязанностей государств» от 6 декабря 1949 г.

Материалы международных судебных и арбитражных органов

93. Дело о праве прохода через индийскую территорию (Предварительные возражения) (Португалия против Индии). I.C.J. Reports 1957.

94. Advisory Opinion No. 20 (PCIJ, Ser. A./B., No. 41, 1931.) Individual Opinion by M. Anzilotti pp. 16-31. - Режим доступа: URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1931.09.05_customs.

95. Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) (Judgment) [19 December 2005] ICJ. - Режим доступа: URL: http://www.icj-cij.org.

96. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Merits), [1986] ICJ Rep. 14, p. 94, para. 176. - Режим доступа: URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6503.pdf.

97. International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. Case Concerning Oil Platforms (Islamic Republic of Iran V. United States of America). Judgment of 6 November 2003. I.C.J. Reports 2003.

98. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. Case No.: IT-94-1-A. 15 July 1999.

99. Military and Paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, ICS Reports 1986, pp. 64–65 (para. 115).

100. Permanent Court of International Just ice, Series A/Judgments, no. 9, The Case of the S.S. Lotus (September 7, 1927).

101. Prosecutor v. Dusko Tadic, Judgment, Case No. IT-94-1-A.A.Ch., 15 July 1999· - Режим доступа: URL: http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf

102. Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, 1949 I.C.J. 174, 178 (Opinion of Apr. 11).

103. The S.S. Lotus, Permanent Court of International Justice (1927), P.C.I.J. Ser. A, no.10, reprinted in Damrosch et al., International Law: Cases and Materials (2001).

Диссертации

104. Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации…дис. канд. полит. наук.- СПб. 2014.

105. Козлова А.В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере…дис. д-ра полит. наук.-М, 2009. 357 с.

106. Козлова А.В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере…дис. д-ра полит. наук.-М, 2009. 357 с.

107. Нехай Р.Ш. Система обеспечения военной безопасности региона Российской Федерации: проблема функционирования и совершенствования: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.01. СПб., 2006. 202 с.

108. Пыж В.В. Геополитическая обусловленность военной политики России…дис. д. полит.наук.-СПб, 2004.

109. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: дис ...д-ра полит. наук: 23.00.01. СПб., 2000. 408 с.

110. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности: дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2003. 407 с.

111. Судаков Г.А. Применение группировок вооруженных сил зарубежных государств в локальных и региональных конфликтах на закрытых морских театрах военных действий (международно-правовые аспекты). Диссертация на соискание учёной степени канд. юрид. наук. «. – СПб.: ВМА им. Н. Г. Кузнецова, 2002 г. – 229 с.

112. Butler, Michael J. Just Causes or False Premises? Just War Theory and Western Military Intervention, 1945-1995. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy at the University of Connecticut. UMI Number: 3144572. University of Connecticut, 2004.

Авторефераты диссертаций

113. Гольцов С.Д. Международно-правовые вопросы применения вооруженной силы государствами в порядке индивидуальной самопомощи: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право /С. Д. Гольцов; Науч. рук. Ю. Н. Малеев. М., 2005. 23 с.

114. Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук. – М., - Дипломатическая академия МИД РФ: 2007.

115. Мищенко В.А. Международно-правовые аспекты принятия упреждающих индивидуальных внешних вооруженных акций государствами: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право /В. А. Мищенко; Науч. рук. Н. А. Чичулин. -М.,2007. -24 с.

116. Пашина А. Д. Применение силы в международном праве: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. - Казань,2008;

117. Трохинова О.И. Легитимация непопулярных политических решений: коммуникационный аспект…дис. кан. полит. наук.-СПб, 2019.

118. Чиков П.В. Военные санкции в международном праве: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право. - Казань, 2003. – 27 с.

Монографии

119. Коростелев С.В. Определение стратегии международно-правового обеспечения применения вооружённых сил и её методов / С.В. Коростелев. - СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009.

120. Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. – 2-е изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008. - 480 с.

121. Пыж В.В. Геополитическая обусловленность военной политики России: Монография. М.: Можайск – Терра, 2003. 420 с.

122. Пыж В.В., Нурышев Г.Н., Фролов А.Е. Геополитика и национальная безопасность России: Монография. – Череповец: Порт-апрель, – 2007. – 450 с.

123. Пыж В.В., Фролов А.Е., Козлов С.В., Кононович И.А. Национальная безопасность и военная политика государства: Монография. – Чебоксары: Новое время, – 2010. 470 с.

124. Радиков В.И. Войны - «хамелеоны»: изменение характера вооруженной борьбы в XXI веке / «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под. ред. П.А. Цыганкова, А.Ю.

125. Ушаков Н.А. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях / Ин-т государства и права РАН. - М., 1997. – 96 с.

Главы в монографиях, докладах, сборниках

126. Коростелев С.В. Влияние свойств современной среды безопасности на определение содержания феномена «победа» и возможность применения норм международного гуманитарного права. Юридические формы переживания истории: практики и пределы : коллективная монография / Под ред. С.В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – 694 с. §3. С. 467-474.

127. Коростелев С.В., Солодченко В.С. Проблемы установления статуса комбатанта в современных боевых действиях/ Российский ежегодник международного права 2004. Специальный выпуск. – СПб.: Россия-Нева, 2005.

128. Лукашук И.И. Проблема метода международно-правового регулирования / Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982.

129. Сборник статей «Вопросы общей теории советского права» под ред. С.Н. Братуся. М., Госюриздат, 1960, 405 с.

130. Хонин В.Н. Об определении международно-правового регулирования / Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982.

131. Letter from Daniel Webster to Lord Ashburton (Aug. 6, 1842). Treaties and Other International Acts of the United States of America. Edited by Hunter Miller. Volume 4. Documents 80-121: 1836-1846. Washington : Government Printing Office, 1934.

Книги

132. Алексеев С.С. Теория права. - М.: Издательство БЕК, 1995.

133. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и глобализация мира / пер. Ш.Нагиб, С.Костальский. М.: изд-во «Европа», 2007. 161 с.

134. Аристотель. Политика. / Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1983.

135. Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. комиссии С.Ф. Ахромеев. - М.: Воениздат, 1986.-863с.

136. Гоббс Т. Левиафан / Сочинения в 2 томах. Мысль. Т.2. 1991. 703 с.

137. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

138. Действующее международное право. Т. 2. - М.: Московский

независимый институт международного права, 1997.

139. Действующее международное право. Т. 3. - М.: Московский независимый институт международного права, 1997.

140. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II: Зарубежная политическая мысль. XX в. / Рук. проекта Г.Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997. С.

141. Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934.

142. Коломбос, Д. Международное морское право. – Москва: Прогресс, 1975.

143. Коровин Е. А. Современное международное публичное право. Государственное издательство. Москва. 1926. Ленинград.

144. Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. – 2-е изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008.- 480 с.

145. Ларичев О.И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных Странах: Учебник. - М.: Логос, 2000. - 296 с: ил.

146. Ларичев О.И., Мошкович Е.М. Качественные методы принятия решений. Вербальный анализ решений. М.: Наука. Физматлит, 1996, -208 с.

147. Ленин В.И. Партизанская война. Полное собрание сочинений. Издание пятое, Государственное издательство политической литературы, М.: 1960, Т. 14.

148. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. пер. Ю. В. Семенова.

149. Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с

150. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. — М., 2004.

151. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1957.

152. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том II. Санкт-Петербург, 1883.

153. Международное право. Учебник для вузов. Ответственные редакторы — проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. — М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА : М, 1999. — 584 с

154. Михалев С. Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн нового и новейшего времени / Вступ. ст. и ред. В. А. Золотарева. М.; Жуковский: Кучково поле, 2003.

155. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА - М, 1999. – 552 с.

156. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов (под редакцией К. П. Горшенина (главный редактор), Р. А. Руденко и И. Т. Никитченко). Том I. Издание второе, исправленное и дополненное. Государственное издательство юридической литературы. Москва. 1954.

157. Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф пол наук Санжаревский И.И.. 2010.

158. Радиков В.И. Войны-«хамелеоны»: изменение характера вооруженной борьбы в XXI веке // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под. ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета. 2015.

159. Свечин А. А. Стратегия. — М.: Военный вестник, 1927.

160. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

161. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов /А. И. Соловьев. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 559 с.

162. Солодченко В.С., Скаридов А.С. Методика оценки международно-правовой обстановки в операционной зоне флота. Учебное пособие - СПб.: ВМА им. Кузнецова, 1993, 140 с.

163. Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Нью-Йорк, 2009. ISBN 978-92-1-430008-3.

164. Уэсселер Р. Война как услуга / пер. с нем. Г.Сахацкого. М.: Столица-принт, 2007. 320 с

165. Alvin and Heidi Toeffler. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. Little Brown & Co; 1993. 302 P.

166. Arend, Anthony Clark and Robert J. Beck. International Law and the Use of Force: Beyond the UN Charter Paradigm. New York: Routledge, 1993.

167. Aspremont, Jean d'. Formalism and the Sources of International Law: A Theory of the Ascertainment of Legal Rules. OUP Oxford, 15 September 2011. 266 pgs.

168. Bishop, William W., Jr. International Law: Cases and Materials. Third edition. Little, Brown and Company. Boston. 1971.

169. Bork, Robert H. A Time to Speak: Selected Writings and Arguments – 1st ed.-Wilmington, Del: ISI Books, p 554.

170. Bowett D.W. Self-defense in International Law / Derek W. Bowett. NY: Praeger, 1958. -xv, 294 p.

171. Dinstein, Yoram. War, Aggression and Self-Defense. Cambridge University Press, Fourth edition. 2005. 349 pp.

172. Franciscus De Victoria. De Indis Et De Ivre Belli Being Parts of Relectiones Theologicae XII. In the Classics of International Law (Edited by James Brown Scott), Reprinted 1964. Oceana Publications Inc., Wildy & Sons Ltd. New York, U. S. A., London.

173. Gaddis, John Lewis. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. Oxford University Press. 1982. 432 P.

174. Global Strategic Trends. The Future Starts Today. Sixth Edition.

Commonwealth of Australia. Vice Chief of Defence Force (15 November 2016), Future Operating Environment: 2035.

175. Herman, A. To Rule the Waves: How the British Navy Shaped the Modern World. Harper Collins Publishers. 2004. P. 366.

176. Kant, Immanuel. PERPETUAL PEACE: A PHILOSOPHICAL ESSAY. 1795. Third impression, 1917, LONDON, NEW YORK : THE MACMILLAN COMPANY.

177. Keohane, Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1984. doi:10.2307/j.ctt7sq9s.

178. Kissinger, H. American Foreign Policy. 3-d ed. N.-Y. : Norton, 1977.

179. Maguire, P. Law and War: an American Story. New York: Columbia University Press, 2000.

180. Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. Fourth Edition. Alfred A. Knopf Inc., New York. Forth Printing, May 1968.

181. Nye, Joseph S. Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000.

182. Oppenheim, L. International Law: A Treatise. Vol. 1. Peace. Longmans, Green and Co. 39 Paternoster Row, London, NY and Bombay, 1905.

183. Patrick J. Cullen, Erik Reichborn-Kjennerud. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

184. PLUTARCH, Marcus Cato. LIVES. John Dryden Trans., J.M. Dent & Sons 1962. (1683).

185. Sharp, W.G. Cyber Space and the Use of Force. Aegis Research Corporation (Falls Church, Virginia). 1999. 234 PP.

186. Sharp, W.G. Ius Paciarii: Emergent Legal Paradigms for U.N. Peace Operations in the 21st Century. Paciarii International, LLC, 1999. 392 PP.

187. Sir Robert Jennings and Sir Arthur Watts (eds.). Oppenheim's International Law. London: Longman, 1992. 9th ed.

188. Stoessinger, John G. Why Nations Go to War. Wadsworth Cengage Learning, Boston, USA. 11th edition, 2011, 432 pp.

189. The Operation in Gaza. 27 December 2008 – 18 January 2009. Factual and Legal Aspects. The State of Israel. July 2009. 164 pp.

190. The Political Works of Marcus Tullius Cicero: Comprising his Treatise on the Commonwealth; and his Treatise on the Laws. Translated from the original, with Dissertations and Notes in Two Volumes. By Francis Barham, Esq. (London: Edmund Spettigue, 1841-42). Vol. 2.

191. U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy. 2nd Edition. Ed. J. Boone Bartholomees, Jr. June 2006. ISBN 1-58487-244-6.

192. Vattel, E. de. The Law of Nations IV, in Classics of International Law

Vol. 3. James Brown Scott ed. 1916.

193. Vattel, Emer de. The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature, applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns, With Three Early Essays on the Origin and Nature of Natural Law and on Luxury/edited and with an introduction by Bela Kapossy and Richard Whatmore; translated by Thomas Nugent. Liberty Fund, Inc. 2008.

194. Walzer, Michael. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations, second edition, New York, NY: Basic Books, 1992.

195. On the Law of Nations. Eight Books. Written in Latin by the Baron Pufendorf, Counsellor to His Late Swedish Majesty, and to the Present King of Prussia. Translated into English, from the best edition. Oxford. Printed by Lithfeld, et al. MDCC III.

Научные статьи

196. Гольцов С.Д. Вооруженная самопомощь государств и современное международное право // Сборник научных трудов Южного отделения Российской Академии Образования. Ростов-на-Дону, 2004.

197. Гольцов С.Д. Превентивная дипломатия как упреждающее средство самозащиты государства от вооруженного нападения // Вестник Московского Государственного Открытого Университета. № 2 (15). Кропоткин. 2004.

198. Гольцов С.Д., Малеев Ю.Н. Применение вооруженной силы государствами как мера превентивной самозащиты ad hoc от внешней угрозы // Московский журнал международного права. 2004. № 4.

199. Горбунов Ю.С. Упреждающие меры в свете современного международного права // Журнал российского права, №3, март 2008 г.

200. Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.03.

201. Давыдов, Ю. П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 1.

202. Загайнов Е. Т. Упреждающая самооборона в западной доктрине международного права //Московский журнал международного права. 2006. – №2.

203. Иванченко Ю. А. Интерпретация понятия правовой легитимации в юридической теории // История государства и права №4 2010.

204. Коростелев С.В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80).

205. Коростелев С.В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87).

206. Коростелев С.В. К вопросу о соотношении международной морали и международного права в процессе правового обоснования упреждающих действий // Вестник Чувашского государственного университета 2011. №2. Серия: Гуманитарные науки.

207. Коростелев С.В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113).

208. Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы. // Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78).

209. Коростелев С.В. О проблеме терминологической несогласованности процесса легитимации действий по противодействию террористической угрозе // Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103).

210. Коростелев С.В. Проблема классификации объектов применения силы в информационных конфликтах // Управленческое консультирование. 2020. № 8(140).

211. Коростелев С.В. Проблема определения объема суверенных полномочий государства в цифровую эпоху // Управленческое консультирование. 2020. № 6(138).

212. Коростелев С.В. Упреждающие действия государств с позиций права, морали и политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2011. № 4(10). Часть 1. ISSN 1997-292X.

213. Коростелев С.В. Эволюция взглядов на обоснование актов применения силы до начала становления современных институтов. Управленческое консультирование. 2016. № 10 (94).

214. Коростелев С.В., Качук В.Н. Характеристика метода правового обоснования применения силы в международных отношениях и его использование для обоснования упреждающих действий // Журнал правовых и экономических исследований № 1 2010.

215. Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы. Ч. I, II // Военная мысль. №8-9 2011.

216. Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу правовой квалификации силовых действий государств в практике СБ ООН // Ученые записки юридического факультета. Вып. 19 (29) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2010.

217. Коростелев С.В., Пыж В.В. Современная парадигма безопасности для государств Балтийского региона // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 12(69). 2020. С. 2872-2882.

218. Коростелев С.В., Пыж В.В. Учет геополитических факторов в процессе выбора способов разграничения морских пространств в Арктике //

Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 2(41). 2018.

219. Коростелев С.В., Шипилов Ю.Г. Международно-правовые механизмы урегулирования статуса Каспийского моря // Время и право: Научно-практический журнал Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» №1/2013.

220. Коростелев С.В., Шипилов Ю.Г. Правовые средства предупреждения ущерба инфраструктуре морской торговли / Ежегодник морского права 2008. Юбилейное издание к 40-летию Ассоциации международного морского права / Отв. ред. А.Л. Колодкин. – М.: Линкор, 2009. -494 с.

221. Коростелев С.В. Варианты реализации принципа универсальной юрисдикции в отношении бывших глав государств и правительств // Время и право : Научно-практический журнал Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» №3/2011.

222. Коростелев С.В. Внешнее вмешательство путем информационного воздействия: проблема нормативной оценки // Пути к миру и безопасности. 2019. Т. 57. № 2.

223. Коростелев С.В. Действие метода стратегического легализма в международных отношениях / Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления. Сборник научных статей, Вып. 7 / Под общей редакцией проф. В.В. Тумалёва. – СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2009.

224. Коростелев С.В. Международно-правовое регулирование деятельности государств по противодействию проявлениям международного терроризма и пиратства на морском транспорте в рамках международных организаций и соглашений / Проблемы правового обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности: сб. науч. тр. / редкол.: С.В. Коростелев (отв. ред [и др.]–СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008.

225. Коростелев С.В. Методологические проблемы преподавания современного международного права при объяснении феномена международного терроризма / Сборник материалов научно-практической конференции. /Международный университет (в Москве), СПб филиал. – СПб.: СПбГУЭФ, 2004.

226. Коростелев С.В. Методологические проблемы присвоения статуса комбатанта в современных боевых действиях / Прокуратура и институты гражданского общества в противодействии экстремизму и ксенофобии. Международная научно-практическая конференция, 1-2 февраля 2005 г.: Тезисы выступлений. - СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2005.

227. Коростелев С.В. Об эпифеноменальном характере международного права. Управленческое консультирование. 2013. № 12 (60).

228. Коростелев С.В. Определение частной стратегии международно-

правового обеспечения применения Вооруженных Сил Российской Федерации // Морской Сборник. Том 1969. №4. Апрель 2011.

229. Коростелев С.В. Особенности политико-правового обоснования применения силы во внутренних вооруженных конфликтах при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма // Управленческое консультирование. 2018. № 4 (112).

230. Коростелев С.В. Политическая обусловленность «разумно-необходимого» толкования международных норм в сфере обеспечения международной безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 9 (93).

231. Коростелев С.В. Правовое регулирование применения силы в международных отношениях в период действия Статута Лиги Наций // Управленческое консультирование: Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы. 2010. №3.

232. Коростелев С.В. Проблема установления содержания объекта терроризма для целей правоприменения // Вестник ИНЖЭКОНА 2006. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 1(10). –СПб.: ИзПК СПбГИЭУ, 2006.

233. Коростелев С.В. Проблемы обоснования актов применения силы во внешней политике государства // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82).

234. Коростелев С.В. Рынок миротворческих услуг / Сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции «Фундаментальные исследования в технических университетах». Секция «Национальная безопасность» / Санкт-Петербургский государственный технический университет, Санкт-Петербург, 26–27 мая 2004 г.

235. Коростелев С.В. Современное содержание института блокады // Вестник ИНЖЭКОНА 2011. Серия: Гуманитарные науки. №4(10). –СПб.: ИзПК СПбГИЭУ, 2011.

236. Коростелев С.В. Стратегии регулирования коллективной безопасности в нормативных рамках Устава ООН // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. 13. Вып. 1 (61-62).

237. Коростелев С.В., Качук В.Н. Некоторые аспекты влияния статуса нейтральности на торговые отношения государств // Вестник ИНЖЭКОНА 2011. Серия: Экономика. №3(46). –СПб.: ИзПК СПбГИЭУ, 2011.

238. Коростелев С.В., Качук В.Н. Политико-правовые аспекты регламентации свободы судоходства в российском секторе Арктики. Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. Т. 9. Кн. 2. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. Санкт-Петербург. 2014.

239. Коростелев С.В., Качук В.Н. Проблема легитимации применения силы резолюциями СБ ООН / Проблемы права в современной России: сб. статей междунар. межвузов. научно-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-

та, 2009. Т.2.

240. Коростелев С.В., Кириленко В.П. Правовые аспекты правомерной деятельности государств по использованию по использованию вооружённых сил для защиты своих граждан на территории зарубежных государств // Время и право: Научно-практический журнал Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» №2/2011.

241. Коростелев С.В., Кириленко В.П. Проблема метода заявления правомерности обращения государств к силе в нормативных рамках Устава ООН / Проблемы права в современной России: сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции. Т.2. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 2009.

242. Кремень Т. В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21).

243. Малеев Ю.Н. Превентивная самооборона в современном формате // Россия и международное право. – М.: МГИМО-Университет, 2006.

244. Малеев Ю.Н. Силовая составляющая международного права // Российский ежегодник международного права, 2005. – СПб, 2006.

245. Малинина С.А. Правовые ограничения средств массовой информации и характеристика методов агитации в избирательном процессе // Диалог: политика, право, экономика» № 1. (12) 2019.

246. Пашина А.Д. Доктрина «самообороны» в современном международном праве // Научные итоги 2011 года: достижения, проекты, гипотезы.- Новосибирск.- 2011 г.

247. Тарасова Л.Н. О легитимности в международном праве // Современное право №11 2012.

248. Тузмухамедов Б. Упреждение силой и современность // Россия в глобальной политике №2, Март-Апрель 2006.

249. Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015;(4):253-258.

250. Цыганков П.А. Безопасность: кооперативная или корпоративная. Критический анализ международно-политической концепции. - ПОЛИС. Политические исследования. 2000, N 3.

251. Цыганков П.А. Безопасность: кооперативная или корпоративная. Критический анализ международно-политической концепции. // ПОЛИС. Политические исследования. 2000, N3.

252. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.

253. Alexander, Yonah and Swetnam; Michael S. Usama bin Laden’s al-Qaida: Profile of a Terrorist Network, Ardsley, NY: Transnational Publishers, 2001.

254. Art, Robert J. “To What Ends Military Power?” International Security, Vol. 4, No. 4, Spring 1980.

255. Bjola, Corneliu. Legitimating the Use of Force in International Politics: A Communicative Action Perspective. European Journal of International Relations; June 2005; 11, 2; ABI/INFORM Global, pg. 266-303.

256. Brown, Cris. Self-Defense in Imperfect World. Ethics & International Affairs. Annual Journal of the Carnegie Council on Ethics and International Affairs, Volume 17, No. 1, 2003.Лившиц Р.З. О легитимности закона // Теория права: новые идеи. — М., 1995.

257. Barry R. Posen and Andrew L. Ross, "Competing Visions for U.S. Grand Strategy," International Security, Vol. 21, No. 3, Winter 1996/1997.

258. Bunn, Elaine M. Preemptive Action: When, How, and to What Effect? Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Strategic Forum No. 200, July 2003.

259. Chandrakala Padia. Terrorism: An Analysis. The Indian Journal of Political Science. Vol. 49, No. 3. (July - Sept. 1988).

260. Deeks, Ashley S. "Unwilling or Unable": Toward a Normative Framework for Extraterritorial Self-Defense. Virginia Journal of International Law. Volume 52 — Number 3 — Page 483.

261. Douglas, Mark. Changing the Rules: Just War Theory in the Twenty-First Century. Theology Today. Princeton: Jan 2003. Vol. 59, Iss. 4; pg. 529. Глава «Historical Change and Its Impact on Just War Criteria».

262. Franck and Lockwood, 'Preliminary Thoughts Towards an International Convention on Terrorism,' Am. J. Int'l L. 68: 69, 73.

263. Humanitarian Intervention. Legal and Political Aspects. Danish Institute of International Affairs 1999. 2nd impression 2000. 135 pgs.

264. Kantareva, Silva D. The Responsibility to Protect: Issues of Legal Formulation and Practical Application. Interdisciplinary Journal of Human Rights Law. Vol. 6:1 2011–2012.

265. Keohane, Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. International Affairs 61(2), January 1984. DOI: 10.2307/2617490.

266. Ku, Charlotte, "Catholicism, the Peace of Westphalia, and the Origins of Modern International law," 1 The European Legacy (1996).

267. Leaning, Jennifer. Was the Afghan Conflict a Just War? British Medical Journal. (International edition). London: Feb 9, 2002. Vol. 324, Iss. 7333.

268. Legro, Jeffrey W. Which Norms Matter? Revisiting the 'Failure' of Internationalism. International Organization, Winter 1997, V. 51, iss. 1.

269. Levy, Jack S. "Declining Power and the Preventive Motivation for War," World Politics, Vol. 40, No. 1, October 1987.

270. Lobel, J., Ratner, M. "Bypassing the Security Council: Ambiguous Authorizations to Use Force, Cease-Fires and the Iraqi Inspection Regime," American Journal of International Law, Vol. 93, No. 1, January 1999.

271. Maogoto, Jackson Nyamuya. New Frontiers, Old Problems: The War on Terror and the Notion of Anticipating the Enemy. Netherlands International Law Review. Cambridge: Apr 2004. Vol. 51, Iss. 1.

272. Michael McGinty. That Was the War That Was: International Law, Pre-emption and the Invasion of Iraq. RUSI Journal. London: Jun 2003. Vol. 148, Iss. 3; pg. 20.

273. Murphy, Sean, 'Self-Defense and the Israeli Wall Advisory opinion: An Ipse Dixit from the ICJ?' (2005) 99 American Journal of International Law 62, 64-5.

274. Posner, Eric A. Fear and the Regulatory Model of Counterterrorism. Harvard Journal of Law and Public Policy. Cambridge: Spring 2002. Vol. 25, Iss. 2; pg. 681.

275. Rice, Condoleezza. "Campaign 2000: Promoting the National Interest," Foreign Affairs, Vol. 79, No. 1, January/February 2000, pp. 45-62.

276. Risse, Thomas. '"Let's Argue!" Communicative Action in World Politics', International Organization 54 (1).

277. Rivkiv, David B. Jr. The Virtues of Preemptive Deterrence. Harvard Journal of Law and Public Policy; Fall 2005; 29, 1; Research Library, pg.85.

278. Roberts, Guy B. The Counterproliferation Self-Help Paradigm: A Legal Regime for Enforcing the Norm Prohibiting the Proliferation of Weapons of Mass Destruction, 27 Denver Journal of International Law and Policy, Summer, 1999.

279. Root, Elihu, The Real Monroe Doctrine, 35 American Journal of International Law: 427 (1914).

280. Sederberg, Peter C. "Conciliation as Counter-Terrorist Strategy," Journal of Peace Research, Vol. 32, No. 3, August 1995.

281. Sinclair, G. F. Don't Mention the War (On Terror): Framing the Issues and Ignoring the Obvious in The ICJ'2005 Armed Activities Decision. Melbourne Journal of International Law. Volume 8, 2007.

282. Stromseth, Jane E. New Paradigms for the Ius ad bellum? The George Washington International Law Review; 2006; 38, 3 ABI/INFORM Global.

283. Travalio, Greg, Altenburg, John. Terrorism, state responsibility, and the use of military force. Chicago Journal of International Law. Chicago: Spring 2003. Vol. 4, Issue 1.

284. Vaclav Havel, Desmond M. Tutu. Threat to the Peace: A Call for the UN Security Council to Act in Burma. DLA Piper Rudnik Gray Cary US LLP, September 20, 2005.

Электронные ресурсы

285. Блаженный Августин. Творения. – Том 3–4. О Граде Божием. – СПб.: Алетейя, 1998. Подготовка текста к печати С. И. Еремеева (оцифровка с издания: Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000). - Режим доступа: URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem=1_2.

286. Брок Л. Легитимация и критика насилия в международном праве. Политологическая перспектива. Кантовский сборник. 2013 Выпуск №4(46). -

Режим доступа: URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2c1/Brock_30-41.pdf.

287. Военная стратегия. Под редакцией Маршала Советского Союза Соколовского В.Д. Издание второе, исправленное и дополненное. Военное издательство Министерства обороны СССР. М., 1963. - Режим доступа: URL: http://www.ipmb.ru/publik/learning/Military_strategy/strateg.htm.

288. Гаврилов В. В. Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права, № 11, ноябрь 2004 г. - Режим доступа: Гарант Платформа F1.

289. Гаджиев К. С. Политология. М.: Логос, 2001. - Режим доступа: URL: http://bibliotekar.ru/politologia-2/29.htm.

290. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. Изд. 3-е без перемен. СПб., 1905. - Режим доступа: URL: http://az.lib.ru/g/gizo_f/text_1828_histoire_de_la_civilisation_en_europe.shtml.

291. Гоббс, Томас. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - Режим доступа: URL: http://www.philosophy.ru/library/hobbes/ogl.html.

292. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. - Режим доступа: URL: http://xn--d1aml.xn--h1aaridg8g.xn--p1ai/20/dogovor-o-nenapadenii-mezhdu-germaniey-i-sovetskim-soyuzom/.

293. Дугин, А. Изъяны формальной демократии // Московские новости. http://mn.ru/print.php?2006-46-22.

294. Капитанец И. М. Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки. Глава II. Классификация поколений войн. - Режим доступа: URL: http://militera.lib.ru/science/kapitanetz/02.html.

295. Кашинская Л. Ф., Саидов А. Х. Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // Журнал российского права №12, декабрь 2005 г. - Режим доступа: ГАРАНТ Платформа F1.

296. Конвенция (II) об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам (Гаага, 18 октября 1907 года). - Режим доступа: URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_444?test=4/UMfPEGznhh8RF.ZivokrLwHI4lMs80msh8Ie6.

297. Конвенция (III) «Об открытии военных действий» (Гаага, 18 октября 1907 г.). - Режим доступа: URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_b85.

298. Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств. - Режим доступа: URL: https://docplayer.ru/151742324-Konvenciya-montevideo-o-pravah-i-obyazannostyah-gosudarstv.html.

299. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика, 2004 г. - Режим доступа: URL: http://allpravo.ru/library/doc99p0/instrum2232/print2235.html.

300. Марочкин С. Ю. Международное право: 60 лет после создания

ООН // Журнал российского права, № 3, март 2006 г. - Режим доступа: Система ГАРАНТ Платформа F1.

301. Материалы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. Протокол Берлинской конференции трех великих держав 1 августа 1945 г. - Режим доступа:
URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/berlin_main.htm.

302. Ориген. Против Цельса. Книга третья. VIII. - Режим доступа:
URL: http://azbyka.ru/otechnik/Origen/protiv_celsa/3.

303. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. - Режим доступа:
URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1941.html.

304. Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации //Журнал российского права. №5, май 2006 г. - Режим доступа: ГАРАНТ Платформа F1.

305. Проект Кодекса об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. - Режим доступа:
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/code_of_offences.pdf.

306. Проект Конвенции о предотвращении и наказании за преступление терроризма. - Режим доступа:
URL: https://dl.wdl.org/11579/service/11579.pdf.

307. Сандоз, Ив. Конвенция от 10 октября 1980 года о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция от 10 октября 1980 года). United Nations Audiovisual Library of International Law. - Режим доступа:
URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/cprccc/cprccc_r.pdf.

308. Синицына Ю.В. Критерии необходимости и соразмерности (пропорциональности) при реализации права на самооборону // Журнал международного права и международных отношений. 2010. N 1. - Режим доступа: URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5550.html.

309. Тертуллиан. Апологетик. Глава 9 (8). - Режим доступа:
URL: http://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/.

310. Фома Аквинский. Сумма теологии. Том VII. Вопрос 40 «О войне». Раздел 1. Всегда ли греховно вести войну? - Режим доступа:
URL: http://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40.

311. Хойер В. Реформировать международное право, чтобы его сохранить // Журнал «Международная политика», 2003, № 6. - Режим доступа: URL: http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2004-01/article08_p.html.

312. Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах. – М., 1994. - Режим доступа: URL: http://grachev62.narod.ru/ciceron/Ogl.html

313. Че Гевара. Партизанская война. - Режим доступа:
URL: http://www.akm1917.org/teo/gevara/guerillawar.htm.

314. Anderson, Kenneth. Five Fundamental International Law Approaches to the Legality of a Syria Intervention- Режим доступа: URL: www.lawfareblog.com/2013/09/five-fundamental-international-law-approaches-to-the-legality-of-a-syria-intervention.

315. British-American Diplomacy. The Caroline Case. - Режим доступа: URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/br-1842d.asp (дата обращения: 12.01.2015

316. Carr, Craig L., Kinsella, David. Preemption, Prevention, and Ius ad bellum. Hatfield School of Government, Portland State University. Paper prepared for presentation at the annual meeting of the International Studies Association, March 2006, San Diego. - Режим доступа: URL: http://web.pdx.edu/~kinsella/papers.html.

317. Cohen, Richard. Cooperative Security: From Individual Security to International Stability. - Режим доступа: URL: https://www.marshallcenter.org/en/publications/marshall-center-papers/cooperative-security-new-horizons-international-order/cooperative-security-individual-security-international.

318. Pictet, Jean S. Commentary on the Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. - Режим доступа: URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/GC_1949-IV.pdf.

319. Emer de Vattel. The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature, applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns, With Three Early Essays on the Origin and Nature of Natural Law and on Luxury/edited and with an introduction by Bela Kapossy and Richard Whatmore; translated by Thomas Nugent. Liberty Fund, Inc. 2008. - Режим доступа: URL: http://lf-oll.s3.amazonaws.com/titles/2246/Vattel_1519_LFeBk.pdf.

320. Francisco Suárez. DE LEGIBUS. - Режим доступа: URL: http://www.sydneypenner.ca/su/DL_1_13.pdf

321. Hamdi v. Rumsfeld, 542 U.S. 507 (2004). - Режим доступа: URL: https://www.lawfareblog.com/hamdi-v-rumsfeld-542-us-507-2004.

322. Helmuth von Moltke (the elder). On the Nature of War. - Режим доступа: URL: http://www.bellum.nu/wp/hvm/hvmotnow.html.

323. Henry A. Kissinger. A World Restored: Metternich; Castlereagh, and the Problems of Peace 1812–22 (London: Weidenfeld and Nicolson, 1957). Цитируется по: Rostow, Nicholas. Grand Strategy and International Law. Strategic Forum No. 277. April 2012. - Режим доступа: URL: http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-277.pdf

324. Humanitarian Intervention. Legal and Political Aspects. Danish Institute for International Studies, 2nd impression 2000, 135 PP. - Режим доступа: URL: http://www.diis.dk/graphics/Publications/Andet/Humanitarian_Intervention_1999.pdf.

325. Independent International Commission on Kosovo: The Kosovo Report. - Режим доступа: URL: http://www.reliefweb.int/library/documents/thekosovoreport.htm.

326. Jean Bodin. Six Books of the Commonwealth. Abridged and translated by M. J. Tooley, Basil Blackwell Oxford. Printed in Great Britain in the City of Oxford at the Alden Press Bound by the Kemp Hall Bindery, Oxford. - Режим доступа: URL: http://www.constitution.org/bodin/bodin_.htm.

327. Joint Doctrine Note 1-18. Strategy. II-8. 25 April 2018. - Режим доступа: URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540.

328. Joint Publication 1, Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. - Режим доступа:
URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp1.pdf.

329. Kagan, R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report. - Режим доступа:
URL: http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/olj/fp/fp_julaug03ab.html.

330. Treaty between the Holy Roman Emperor and the King of France and their respective Allies. - Режим доступа:
URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp.

331. Kukathas, Chandran. A Definition of the State. Presented at a conference on ‘Dominations and Powers: The Nature of the State’, University of Wisconsin, Madison, March 29, 2008. - Режим доступа:
URL: http://philosophy.wisc.edu/hunt/A%20Definition%20of%20the%20State.htm.

332. Leitenberg, Milton. Deaths in Wars and Conflicts in the 20th Century, 3rd ed. Cornell University Peace Studies Program Occasional Paper #29. - Режим доступа:
URL: http://www.cissm.umd.edu/papers/files/deathswarsconflictsjune52006.pdf.

333. Locke, John. Two Treatises of Government, ed. Thomas Hollis (London: A. Millar et al., 1764). The Online Library of Liberty. Classics in the History of Liberty. - Режим доступа:
URL: http://oll.libertyfund.org/texts/Locke0154/TwoTreateses/0057_Bk.html

334. Mao Tse-Tung. On Protracted War. The Basis of The Problem, at. 9. Transcription by the Maoist Documentation Project. HTML revised 2004 by Marxists.org. - Режим доступа:
URL: http://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/index.htm.

335. Monaghan, Sean. Countering Hybrid Warfare: So, What for the Joint Force? PRISM Vol. 8, No. 2, Oct. 4, 2019. - Режим доступа:
URL: https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/1979787/countering-hybrid-warfare-so-what-for-the-joint-force/.

336. National Security Council. The National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: US Government Printing Office, 2002. - Режим доступа: URL: http://merln.ndu.edu/whitepapers/USNSS-Russian.pdf.

337. National Security Strategy of the United States of America. May 2010. - Режим доступа:
URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_

strategy.pdf.

338. Principles of War by Carl von Clausewitz. “Translated and edited by Hans W. Gatzke. September 1942. The Military Service Publishing Company. - Режим доступа: URL: http://www.clausewitz.com/readings/Principles/index.htm.

339. Reisman, W. Michael, "International Incidents: Introduction to a New Genre in the Study of International Law" (1984). Faculty Scholarship Series. Paper 740. . - Режим доступа:
URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/740.

340. Reisman, W. Michael, “Criteria for the Lawful Use of Force in International Law” (1985). Faculty Scholarship Series. Paper 739. - Режим доступа: URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/739.

341. Rostow, Nicholas. Grand Strategy and International Law. Strategic Forum No. 277. April 2012. - Режим доступа:
URL: http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-277.pdf.

342. Schmid, Alex. Terrorism - The Definitional Problem, 36 Case Western Reserve Journal of International Law. 375 (2004). - Режим доступа:
URL: http://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol36/iss2/8.

343. Spahn, Martin. The Thirty Years War (Transcribed by Douglas J. Potter). The Catholic Encyclopedia, Volume XIV. Online Edition. - Режим доступа: URL: http://www.newadvent.org/cathen/The Thirty Years War.htm

344. The Treaty of Münster, 1648. - Режим доступа:
URL: http://www1.umassd.edu/euro/resources/dutchrep/14.pdf.

345. Thycydides. History of the Peloponnesian War. Chapter XVII. The Milan Dialogue. - Режим доступа:
URL: http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/melian.htm/

346. Wolfers, Arnold. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. - Режим доступа:
URL: https://archive.org/details/discordandcollab012923mbp.

Публикации в Интернете

347. «Террористическая угроза: власть и общество». Актуальные новости (29-30 сентября 2004 г.) URL: http:/1566/2004/09/30.php?printv=1.

348. Alien, M., Gellman, B. Preemptive Strikes Part of U.S. Strategic Doctrine; 'All Options' Open for Countering Unconventional Amis, Wash. Post Al (Dec 11, 2002).
URL: http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/WMDStrategy.pdf.

349. Betts, Richard K. The Osirak Fallacy. The National Interest: Spring 2006, Posted On: 3/17/2006.
URL: http://www.ciao.ezproxy6.ndu.edu/olj/ni/ni_sp06/ni_sp06c.html.

350. Bobbitt, Philip. In This New Age of Warfare, We Need Clearer Rules on When to Cross Borders. The Guardian. Monday 16 June 2008.
URL: http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/jun/16/terrorism.terrorism/p

rint.

351. Cohen, William S. and Shelton, Henry H. Defense Link: DoD News Briefing of August 20, 1998.
URL: http://www.defenselink.mil/news/Aug1998/t08201998 t820brfg.html.

352. Hurdaug, Ian. Bomb Syria, even if It Is Illegal. The New York Times. August 27, 2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/08/28/opinion/bomb-syria-even-if-it-is-illegal.html?_r=1.

353. Israelis ‘blew apart Syrian nuclear cache’: Secret raid on Korean shipment. The Sunday Times. 17 September 2007.
URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/middle_east/article2461421.ece.DoctineOrkaby, Asher. Syria’s Chemical Weapons Might Start a New Six Day War. The Wall Street Journal. June 4, 2017.
URL: https://www.wsj.com/articles/syrias-chemical-weapons-might-start-a-new-six-day-war-1496605055.

354. S. Korea: "Obvious" North Torpedoed Our Ship: Foreign Minister Says Investigators Have Enough Evidence to Prove North Korean Attack Killed 46 Sailors.
URL: http://www.cbsnews.com/stories/2010/05/19/world/main6498333.shtml;
URL: http://www.nytimes.com/2010/05/20/world/asia/20korea.html?_r=1.

355. Timothy W. Maier. KAL 007 Mystery.
URL: http://web.archive.org/web/20010919141246/www.insightmag.com/archive/200104171.shtml.

356. URL: http://lenta.ru/russia/2004/09/08/baluevski/_Printed.htm.

357. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=4698.

358. URL: http://news.mail.ru/politics/2236121/print/.

359. URL: http://president.kremlin.ru/withflash/varPriorityPTemplPriorId5748.shtml(11 сентября 2002 г.).

360. URL: http://www.lenta.ru/terror/2004/09/09/ivanov/_Printed.htm.

361. Арас, Дж. Терроризм: вчера, сегодня, и навеки. - Баку: SADA, 2003. URL: http://www.worldwarfour.org/blok1_6.shtml.

362. Бабакин А., Ямшанов Б., Дымарский В. “Белая книга” министра обороны // Российская газета – Федеральный выпуск №3335 от 31 октября 2003 г. URL: http://www.rg.ru/2003/10/31/doktrina.html.

363. Балуевский Ю. Доклад на ежегодной конференции Академии военных наук. Опубликовано в Независимой газете от 21.01.2008. http://www.ng.ru/editorial/2008-01-21/2_red.html.

364. Балуевский Ю. Доклад на ежегодной конференции Академии военных наук. Опубликовано в Независимой газете от 21.01.2008.
URL: http://www.ng.ru/editorial/2008-01-21/2_red.html; U

365. Боббит Ф. Войны новой эпохи требуют более четких норм, определяющих право на вторжение ("The Guardian", Великобритания). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru 16 июня 2008.
URL: http://www.inosmi.ru/translation/241986.html.

366. Брок Л. Легитимация и критика насилия в международном праве.

Политологическая перспектива. Кантовский сборник. 2013 Выпуск №4(46). URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2c1/Brock_30-41.pdf.

367. Выступление Президента России В.В. Путина на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004 г., Москва, Дом Правительства России. URL: http://www.kremlin.ru/text/appears/2004/09/76651.shtml.

368. Гареев М.А. Отвлеченные призывы и декларации не нужны. Опубликовано в НГ-НВО от 25.01.2008. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2008-01-5/5_prizyvy.html.

369. Иванов В. Ответы на вызовы “мира растущей жестокости”. Опубликовано в НВО-НГ от 01.02.2008. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2008-02-01/2_cruelty.html.

370. Котляр В. «Активная» оборона России и международное право. Опубликовано в НГ-НВО от 04.09.2009. http://nvo.ng.ru/concepts/2009-09-04/1_oborona.html.

371. Мусатов, В. О "Пражской весне" 1968 г. URL: http://www.pseudology.org/chtivo/Prazhskaya_vesna1968.htm

372. Ошибка в Google Maps чуть не привела к началу войны в Центральной Америке. URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2010/11/05/n_1567954.shtml#.

373. Публикация в газете Правда. 22 августа 1968 г. URL: http://www.svoboda.org/content/transcript/24203533.html.

374. Рейтинг военной мощи стран мира. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/global-firepower.

375. Ривкин, Дэвид Б., Кейси, Ли Эй. Юридическая сторона иранского вопроса. www.zip.org.ua, 2006—6-10.

376. Россия будет наказывать. // Взгляд. Деловая газета. URL: http://www.vz.ru/politics/2007/2/5/67213.html.

377. Румянцев Ф. Лавров терроризирует ООН. Газета.Ru. URL: http:/www.gazeta.ru/print/2004/09/28/oa_134829.shtml.

378. Саможнев А. Оплата «кровавого» счета. Опубликовано в Российской Газете (Федеральный выпуск) N4789 от 11 ноября 2008 г. http://www.rg.ru/2008/11/11/usa-livia.html.

379. Скандал с российским траулером "Электрон". URL: http://www.rg.ru/sujet/2227/.

380. Скотников Л.А. «Право на самооборону и новые императивы безопасности. Международная жизнь», №9, сентябрь 2004 г. Приводиться по «министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Статья Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН в Женеве и при Конференции по разоружению, опубликованная в журнале», www.mid.ru, 28-09-2004.

381. Сокор В. Никаких скидок на безопасность в Прибалтике ("The Wall Street Journal", США). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru 27 февраля 2004. URL: http://www.inosmi.ru/translation/208129.html.

382. Судебные процессы по иску швейцарской фирмы "Нога" к России. Справка. URL: http://ria.ru/spravka/20051116/42107336.html.

383. Террористическая угроза: власть и общество. Актуальные новости (29-30 сентября 2004 г.)
URL: http:/www.hro.org/editions/demos/2004/09/30.php?printv=1.

384. Трубников В. Россия не уступит никому свое место в СНГ. Время Новостей, N°44, 17 марта 2004. URL: http://vremya.ru/2004/44/5/94017.html.

385. Тузмухамедов Б. От политических деклараций – к правовым доводам: В споре с Грузией возрастает значение юридических аргументов // Независимая газета. URL: http://www.pankisi.info/media/?page=ru&id=14187.

386. Тузмухамедов Б. Право на силу: Международное право эволюционирует в том, что касается вооружённой борьбы //Гуляй-поле | Российско-Украинское обозрение. 3 July 2007.
URL: http://www.politia.ru/concept/204.html?mode=print.

387. Тузмухамедов Б. Право на силу: Международное право эволюционирует в том, что касается вооружённой борьбы //Гуляй-поле | Российско-Украинское обозрение. 3 July 2007.
URL: http://www.politia.ru/concept/204.html?mode=print.

388. Тузмухамедов Б. Упреждение силой и современность / Россия в глобальной политике №2, Март-Апрель 2006.
URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5550.html.

389. Удары по семье, удары по «Аль-Каиде». Жизнь Билла Клинтона: публичная и "параллельная". НГ EXLIBRIS, # 23 (324) 30 июня 2005 г.
URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2005-06-30/3_klinton.html.

390. Хойер Вернер. Реформировать международное право, чтобы его сохранить // Журнал «Международная политика», 2003, № 6.
URL: http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2004-01/article08_p.html.

391. Ярёменко В. Шестидневный разгром: К 40-летию начала Арабо-израильской войны 1967 г.
URL: http://www.polit.ru/analytics/2007/06/05/shestdney.html.

Статьи в периодических печатных изданиях

392. Солдатов А. Кибер-сюрприз // Новая газета №40 (1260) 31.05-03.06.2007, С. 12.

393. “Analysts: New Strategy Courts Unseen Dangers; First Strike Could Be Precedent for Other Nations,” Washington Post, September 22, 2002, final edition, p. A01.

394. “Six Degrees of Preemption,” Washington Post, September 29, 2002, final edition, p. B2.

395. Arkin, W. Not Just A Last Resort? A Global Strike Plan, With a Nuclear Option. (Sunday, May 15, 2005; B01).

Приложение 1

Примеры конфликтов, определенных в практике Совета Безопасности ООН как «угроза миру и международной безопасности»[586,587].

	Резолюция *S/RES/*	Свержение демократического правительства	Конфликт группировок	Нарушения прав человека	Массовый исход беженцев	Иные причины (Нарко траффик)	*Иные* Иные причины (ВИЧ/СПИД)
Ливия	*S/RES 1973 (2011)*			**Δ**			*необходимость установление запрета на все полеты в воздушном пространстве*
Кот-д'Ивуар	*S/RES 1842 (2008)*			**Δ**			*необходимость обеспечения выборов*
Дем.Республ. Конго	*S/RES 1843 (2008)*			**Δ**	**Δ**		*гуманитарная ситуация*
Сомали	*S/RES 1838 (2008)* *1844 (2008)*		**Δ**	**Δ**			*пиратство и вооруженный разбой против судов*
Глобально	*S/RES 1368 (2001)* *1904* (2009) *1535 (2005*)						*акты терроризма*
Косово	*S/RES 1244 (1999)* *1203 (1998)* *1199 (1998)*			**Δ**	**Δ**		*гуманитарная ситуация*
Сьерра-Леоне	1132 (1997)	**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**		
Афганистан	*S/RES* 1076 (1996)		**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**	
Йемен	*S/RES* 924 (1994)		**Δ**	**Δ**			
Гаити	*S/RES* 841 (1993)	**Δ**		**Δ**	**Δ**		
Руанда	*S/RES* 812 (1993)		**Δ**	**Δ**	**Δ**		
Либерия	*S/RES* 788 (1992)		**Δ**	**Δ**			
Камбоджа	*S/RES* 668 (1990)		**Δ**				
Бирма		**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**

[586] Vaclav Havel, Desmond M. Tutu. Threat to the Peace: A Call for the UN Security Council to Act in Burma. DLA Piper Rudnik Gray Cary US LLP, September 20, 2005, P.i.

[587] Курсивом в таблице выделены дополнения автора.

В практике Совета Безопасности ООН к «угрозам миру и международной безопасности» также относились (список не является закрытым):

проблема противопехотных наземных мин, противотанковых наземных мин и взрывоопасных пережитков войны[588];

незаконное производство, передача и обращение стрелкового оружия и легких вооружений, и их чрезмерное накопление и бесконтрольное распространение во многих регионах мира, что имеет широкие гуманитарные и социально-экономические последствия, в частности для безопасности гражданских лиц, в результате разжигания вооруженных конфликтов, что, в свою очередь, усугубляет риски насилия по признаку пола и вербовки детей-солдат[589];

незаконный оборот наркотиков и транснациональная организованная преступность[590];

ухудшение гуманитарной ситуации, и увеличение числа нарушений прав человека и норм международного гуманитарного права[591];

распространение ядерного, химического и биологического оружия, а также средств его доставки[592];

умышленные нападения на гражданское население как таковое и на других лиц, находящихся под защитой, и совершение систематических, вопиющих и широкомасштабных нарушений применимых норм международного гуманитарного права и международных стандартов в области прав человека в условиях вооруженного конфликта[593];

акты насилия, которые представляют угрозу безопасности международной гражданской авиации[594], и т. д.

---

[588] Документ ООН S/RES/1917.
[589] Документ ООН S/PRST/2010/6.
[590] Документ ООН S/PRST/2010/4.
[591] Документ ООН S/RES/1199.
[592] Документ ООН S/RES/1695.
[593] Документ ООН S/RES/1894.
[594] Документ ООН S/RES/2166.

Приложение 2

Примеры заявляемых государствами обоснований применения силы для опровержения предполагаемой неправомерности применения вооружённой силы [595].

Предпринятые действия были частью «неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону».	Действия были предприняты в ответ на непосредственную агрессию в форме «вооружённого нападения» Действия были предприняты в ответ на косвенную агрессию соразмерную «вооружённому нападению» Действия были предприняты для упреждения «вооружённого нападения», которое государство явным образом осуществляло, и о котором можно заявить, что должно было «произойти» Действия были предприняты для защиты граждан, находящихся за рубежом, от неизбежного или осуществляемого «вооружённого нападения»
Предпринятые действия не были направлены «против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства».	Действия были предприняты в ответ на просьбу законного правительства или с его согласия Действия были предприняты как правомерное восстановление нарушенных прав Действия были предприняты для правомерного возврата территории Действия были предприняты как репрессалия в ответ на неправомерные действия другого государства
Предпринятые действия не были «несовместимым с Целями Объединенных Наций».	Действия были предприняты как часть правомерной гуманитарной интервенции Действия были предприняты в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН

[595] Westra, Joel H. Law, Power, and Argumentation: The UN Charter and Uses of Armed Force by Major Powers Since 1945. A Dissertation Submitted to the Faculty of the Division of the Social Sciences in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Volume One. The University of Chicago, Illinois. June 2004. P. 51.

Приложение 3

Аргументы сторон в ходе дискуссии в Совете безопасности ООН по вопросу нанесения Израилем удара по штабу Организации освобождения Палестины в пригороде Туниса Бордж Седриа в 1985 г.[596.]

Аргументы государства-жертвы нападения и его сторонников		Аргументы государства-исполнителя нападения и его сторонников
…. израильский налет является грубым актом агрессии, нарушающим территориальную неприкосновенность, суверенитет и независимость Туниса, и вопиющим нарушением норм и положений международного права и принципов Устава Организации Объединенных Наций. ….Невыполнение обязательства воздерживаться от применения силы против территориальной неприкосновенности любого государства, отказ от урегулирования международных споров с помощью мирных средств и, в частности, применение произвольного и несоразмерного насилия, под каким бы то ни было предлогом, включая репрессалии, является недопустимым нарушением пункта 4 статьи 2 Устава.		…. штаб-квартира ООП в Тунисе занималась разработкой, планированием, организацией и осуществлением «сотен террористических нападений» на Израиль, а также на израильские объекты за пределами Израиля и на евреев в других странах и что израильские войска в качестве своей мишени специально выбрали штаб-квартиру ООП. … Каждое государство обязано предотвращать вооруженные нападения с его территории и ни одна страна не потерпит непрекращающихся нападений на ее граждан, совершаемых террористами открыто со своих баз в другой стране. Кроме того, суверенитет нельзя отделять от вытекающей из него ответственности, и страна, не выполняющая своей основной ответственности за предотвращение использования её суверенной территории в качестве базы для совершения актов агрессии, рискует быть в ответе за все последствия такого уклонения от своих обязанностей. … Интересы государства в обеспечении защиты своих граждан могут быть выше территориального суверенитета в рамках осуществления права на самооборону в целях пресечения вооруженных нападений с территории других стран в соответствии со ст. 51 Устава ООН.

[596] Тексты соответствующих заявлений см. S/17509 (письмо Туниса от 1 октября 1985 г.), Официальные отчеты Совета Безопасности, сороковой год, Дополнение за октябрь – декабрь 1985 г.; Документы ООН: S/PV.2610: Тунис, стр. 8–11, Индия, стр. 23 и 24; S/PV.2611: Франция, стр. 7; Дания, стр. 9; Китай, стр. 11; Турция, стр. 13–16; Австралия, стр. 21; Израиль, стр. 22–26, Соединенное Королевство, стр. 41; Пакистан, стр. 57; S/PV.2613: Буркина-Фасо, стр. 21; Тринидад и Тобаго, стр. 42; Марокко, стр. 47 и 48, Иордания, стр. 53–56; Израиль, стр. 63 (второе выступление); S/PV.2615: Югославия, стр. 12 и 13; Индонезия, стр. 26; Никарагуа, стр. 31; Бангладеш, стр. 53–56; Вьетнам, стр. 68; Тунис, стр. 81–82 (второе выступление); Израиль, стр. 87 и 88 (третье выступление), и Соединенные Штаты Америки, стр. 11 и 112.

Приложение 4

Аргументация сторон в ходе заседания Совета Безопасности ООН в 2008 г. по обсуждению вопроса легитимности одностороннего провозглашения независимости Косово.

Аргументы государства-жертвы нападения и противников данного акта применения силы		Аргументы государства-исполнителя нападения и сторонников данного акта применения силы
... [Э]то произвольное решение является прецедентом, который нанесёт непоправимый ущерб международному порядку. ... В мире существуют десятки других Косово, и все они ожидают того момента, когда отделение Косово свершится и станет приемлемой нормой... Одностороннее и незаконное провозглашение независимости Косово является прямым нарушением первого принципа Устава ООН – суверенного равенства всех государств. Моя страна обращается к СБ с просьбой принять эффективные меры с целью обеспечения соблюдения в полном объёме всех положений Устава ООН и резолюции 1244 (1999) Совета...[597] Односторонняя декларация и её признание несовместимы с положениями Хельсинкского заключительного акта, в котором чётко зафиксированы принципы нерушимости границ, а также возможность изменения границ в соответствии с международным правом, мирным путём и по договорённости.[598] ... [О]дностороннее провозглашение Косово независимости не соответствовало резолюции 1244 (1999) ... Создавая опасный прецедент, это событие чревато негативными последствиями для международного мира и безопасности[599]. ... [М]ы надеялись на то, что рассмотрение данного вопроса приведёт к удовлетворительным результатам, ... которые затем поддержали бы единство Сербии и скрепили печатью мирное сосуществование между сербами и косоварами. Такое развитие		Моё правительство считает, что уникальные обстоятельства бурного распада бывшей Югославии и беспрецедентное управление Косово ООН делает этот случай уникальным и не создаёт прецедентов – момент, с которым согласились все государства - члены ЕС[601]. Моя страна не может согласиться с тем, что ситуация ... создаёт прецедент, чреватый угрозой подрыва территориальной целостности государств[602]. Решение ... о провозглашении независимости не должно рассматриваться отдельно ни от недавней истории региона, ни от будущих перспектив, которые открываются как перед Сербией, так и перед Косово. ... [С] самого начала Косово являлось исключительным случаем, который требует особых решений[603]. Провозглашение независимости Косово стало кульминацией длительного, уникального процесса, порождённого распадом Югославии, которые произошёл на внедоговорной основе, с применением насилия. ... Провозглашение независимости Косово – это логический, законный, и основанный на нормах права выход из сложившейся ситуации. Декларация о провозглашении независимости полностью соответствует положениям резолюции 1244 (1999), и в ней ясно признаётся, что данная резолюция остаётся в силе.... Она признала уникальный характер ситуации в Косово, потребовав от СРЮ вывести свои войска ... и передать Косово под временное управление

[597] Выступление Президента Сербии Б. Тадича на 5839 заседании СБ ООН 18 февраля 2008 г. Документ ООН S/PV.5839. С. 5-6.
[598] Выступление Постоянного представителя РФ. Там же. С. 7.
[599] Выступление Постоянного представителя Вьетнама. С. 16.

событий было бы победой для международного сообщества и победой для дела мира[600].		ООН, тем самым, фактически, упразднив систему управления Косово из Белграда ... [Э]то факторы, которые отличают ситуацию от ситуаций в других районах конфликта и которые не позволяют рассматривать её в качестве прецедента для других регионов. Мы не соглашались, не согласны и не согласимся с тем, что пример Косово является прецедентом для любого другого конфликта или спора[604]. Эта ситуация уникальна, поскольку она знаменует собой результат особого исторического процесса: распада бывшей Югославии в 1990-е годы прошлого столетия, и последовавшего затем периода управления под эгидой ООН. Общеевропейская перспектива, предлагаемая Косово и Сербии, также специфична по своему характеру и касается лишь данной ситуации[605].

[601] Выступление Постоянного представителя Соединённого Королевства. Там же. С.16.
[602] Выступление Постоянного представителя Ливийской Арабской Джамахирии. Там же. С.17.
[603] Выступление Постоянного представителя Хорватии. Там же. С.17.
[600] Выступление Постоянного представителя Буркина-Фасо. Там же. С. 18.
[604] Выступление Постоянного представителя США при ООН. Там же. С. 21-23.
[605] Выступление Постоянного представителя Франции. Там же. С. 23.

Приложение 5

Аргументы сторон в ходе дискуссии в Совет Безопасности ООН при обсуждении ситуации в Южной Осетии в 2008 г.

Аргументы противников данного акта применения силы		Аргументы государства-исполнителя и сторонников данного акта применения силы
Признав независимость Абхазии и Южной Осетии, Российская Федерация нарушила и продолжает нарушать принципы равных прав народов на самоопределение, невмешательства во внутренние дела других государств и уважения прав человека и основных свобод, закрепленных в Уставе ООН и в Хельсинкском Заключительном акте, которые являются основополагающими принципами международного права… Одностороннее провозглашение независимости и ее признание несовместимы с положениями Хельсинкского Заключительного акта, в которых четко конкретизированы принципы нерушимости границ и территориальной целостности государств и допускается возможность изменения государственных границ только мирными средствами на основе международного права и с согласия сторон[606]. «Признание Россией Южной Осетии и Абхазии в качестве независимых государств несовместимо с Уставом ООН и идет вразрез с многочисленными резолюциями Совета Безопасности. Всего лишь пять месяцев тому назад — 15 апреля этого г. — Совет Безопасности принял резолюцию 1808 (2008), в которой, как и во многих предшествующих резолюциях, содержится следующая формулировка первого пункта постановляющей части: «[Совет Безопасности] вновь подтверждает приверженность всех государств-членов суверенитету, независимости и территориальной целостности Грузии в пределах ее международно признанных границ…». Это простое заявление, которое невозможно истолковать неверно, было единодушно поддержано всеми членами Совета Безопасности, и сейчас его в одностороннем порядке проигнорировала Российская Федерация»[607].		…[Н]екоторые члены Совета Безопасности напоминают о важности соблюдать резолюции Совета Безопасности, соблюдать принципы территориальной целостности. А где же вы … были, когда мы обсуждали с вами Косово? В ноябре 2007 г. Совет Безопасности принял резолюцию, в которой подтверждался принцип территориальной целостности государств бывшей Югославии. А почему же вы не подтвердили этот принцип несколько месяцев позднее, когда был в Совет Безопасности представлен план Ахтисаари? Как насчет уважения резолюций? А как быть с уважением резолюции 1244, которая напрямую не дает возможности ни Косово в одностороннем порядке провозгласить независимость, поскольку устанавливается, по сути, контроль ООН над Косово, и до сих пор он существует с точки зрения резолюции 1244, ни признать провозглашения независимости Косово в случае одностороннего провозглашения. Где же было и есть сейчас ваше уважение международного права в этом случае?[608]

[606] Выступление представителя Грузии при ООН. Документ ООН S/PV.5969. С. 4.
[607] Выступление Постоянного представителя США. Там же. С. 16-17.
[608] Выступление Постоянного представителя РФ. Там же. С. 19.

Приложение 6

Аргументы сторон при обсуждении в СБ ООН ракетных ударов США по объектам, расположенным на территориях Судана и Афганистана в 1998 г.

Аргументы государства-жертвы нападения и его сторонников		Аргументы государства-исполнителя нападения и его сторонников
… [С]трана стала жертвой акта воздушной агрессии Соединённых Штатов, которые нанесли ракетный удар по производящему лекарственные препараты и ветеринарные средства фармацевтическому заводу «Аш-Шифа». …[П]равительство США заявило, что оно несет ответственность за этот противозаконный акт агрессии, который является грубым нарушением суверенитета и территориальной целостности государства - члена ООН, а также нарушением международных норм и обычаев, Устава ООН и норм цивилизованного поведения… … [П]равительство США, которое не поддерживает дипломатические отношения с Суданом, ни разу не заявляло по дипломатическим каналам о каких бы то ни было подозрениях в отношении этого завода… …Неоднократные попытки правительства США обвинить Судан в причастности к международному терроризму не имеют под собой доказательств и подтверждений. Правительство США ни разу не представило конкретных доказательств, подтверждающих его обвинения в адрес Судана… … Правительство Судана … неоднократно просило правительство США сотрудничать с ним путём представления любых доказательств и данных … Администрация США оправдывает свою агрессию, ссылаясь на самооборону и статью 51 Устава. Судан считает такое оправдание наивным, нелогичным и лишённым всяких оснований, поскольку он не совершал никаких актов, которые могли бы расцениваться как агрессия или угроза США…[609]		В соответствии со статьёй 51 Устава ООН … США осуществили свое право на самооборону в ответ на серию вооруженных нападений на посольства и граждан Соединённых Штатов … - и в целях предотвращения их повторения, и в качестве средства сдерживания - вооруженные силы США нанесли сегодня удары по ряду лагерей и объектов, использовавшихся организацией Бин-Ладина для поддержки террористических актов против Соединённых Штатов и других стран. В частности, вооруженные силы США нанесли удары по объекту, использовавшемуся для производства химического оружия, в Судане и лагерям учебной подготовки и базам террористов в Афганистане. Эти удары были нанесены лишь после неоднократно предпринимавшихся попыток убедить правительство Судана и режим талибов в Афганистане в необходимости пресечения данной террористической деятельности и прекращения их сотрудничества с организацией Бин-Ладина … У Соединённых Штатов не было другого выбора, кроме как применить вооружённую силу для предотвращения повторения подобных нападений… Выбор целей, по которым были нанесены удары, а также времени и методов их нанесения был продиктован стремлением свести к минимуму вероятность причинения при этом ущерба гражданским лицам и соблюсти нормы международного права, в том числе касающиеся соображений необходимости и соразмерности…[610]

[609] Письмо постоянного представителя Судана при ООН от 21 августа 1998 г. на имя Председателя Совета Безопасности. Документ ООН S/1998/786.
[610] Письмо постоянного представителя США при ООН от 20 августа 1998 г. на имя Председателя Совета Безопасности. Документ ООН S/1998/780.

Приложение 7

«Серая зона» в правовом регулировании применения силы в международных отношениях: расхождение между «идеальными» положениями Устава ООН и практикой его применения, т. е. «правомерным» и «неправомерным» обращением к силе[611]

(Стандарты Устава ООН в отношении применения силы)

Правомерные	**«Серая зона»**	**Неправомерные**
Самооборона в ответ на вторжение, бомбардировки, блокаду, или вооруженное нападение другого государства	Вооружённые репрессалии в мирное время	Вмешательства для оказания помощи по осуществлению права на самоопределение
Защита территории государства, военной и политической независимости	Защита граждан вне пределов территории государства	Превентивные вмешательства
Защита от действий государств, которые предоставляют свою территорию для осуществления актов агрессии	Вмешательство с целью противодействия терроризму, и актам агрессии, предпринимаемым негосударственными действующими лицами	
Защита от актов агрессии со стороны преступных групп, нерегулярных формирований, наёмников	Упреждающие действия	
Коллективные действия, либо действия в соответствии с решением СБ ООН	Гуманитарные интервенции	

[611] См.: Bjola, Corneliu. Legitimating the Use of Force in International Politics: A Communicative Action Perspective. European Journal of International Relations; June 2005; 11, 2; ABI/INFORM Global, pg. 275-276.

Saint Petersburg State University

Manuscript copyright

Korostelev Stanislav

POLITICAL LEGITIMATION OF ACTS OF USE OF FORCE IN INTERNATIONAL RELATIONS

Scientific specialty: 23.00.04 - Political Problems of International Relations Global and Regional Development

Thesis for a Doctoral Degree in Political Science

Translation from Russian

Scientific consultant:
Doctor of Political Science
V.V.Pyzh

Saint Petersburg
2021

INTRODUCTION 4
CHAPTER 1. THE CONCEPT OF FORCE IN INTERNATIONAL RELATIONS 32
1.1.Force and National Security in International Relations 34
1.2. Evolution of Views on the Justification of the Just Nature of the Use of Force before the Formation of a Modern System of International Security 59
1.3. Analysis of the Exercise of Use of Force by the United Nations to Maintain and Restore International Peace and Security and Counter Transnational Threats 85
CHAPTER 1 FINDINGS 101
CHAPTER 2. RATIONALE FOR ACTS OF USE OF FORCE IN THE FOREIGN POLICY OF STATES 103
2.1. Genesis and Essential Transformations of the Definitions of the Process of Legitimizing Political Decisions on the Use of Force in the Interests of National Security 104
2.2. Political Mechanism of Legitimation of Acts of Use of Force in International Relations 131
2.3. The Impact of International Legal Restrictions on the Justification of States' Force Response Measures to Use Military Power to Protect National Interests 160
CHAPTER 2 FINDINGS 184
CHAPTER 3. POLITICAL CONDITIONALITY OF "REASONABLY NECESSARY" INTERPRETATION OF INTERNATIONAL STANDARDS IN THE FIELD OF ENSURING INTERNATIONAL SECURITY 186
3.1. The general characteristic of the method of strategic legalism in international relations ... 187
3.2. Analysis of the Appeal to the Concept of Strategic Legalism in the Case of Justifying Intervention in Conflicts on the Territory of Third States to Prevent Humanitarian Disasters .. 207
3.3. Analysis of the Appeal to the Concept of Strategic Legalism in Case of Justification of the Need to Intervene in Conflicts on the Territory of Third States to Protect Common Interests .. 228
CHAPTER 3 FINDINGS 244
CHAPTER 4. PRACTICAL ASPECTS OF LEGITIMATION OF POLITICAL DECISIONS ON THE USE OF FORCE IN THE INTERESTS OF ENSURING NATIONAL SECURITY IN MODERN CONDITIONS 245
4.1.The Problem of Identifying the Object of the Use of Force as the Basis for Eliminating the Uncertainty in the Process of Political and Legal Justification of the Act of Countering the Terrorist Threat 247
4.2. Reasoning of the Normativity of the Necessity of Force while Resorting to Anticipatory Action 277
CHAPTER 4 FINDINGS 321
CONCLUSIONS 323
INFERENCES 325
BIBLIOGRAPHIC LIST 334
Annex 1 361
Annex 2 363
Annex 3 364

Annex 4 365
Annex 5 367
Annex 6 368
Annex 7 369

INTRODUCTION

Serious transformations are under way in the forms and methods of rivalry used by various political actors to change the status quo in the international system.

The international community is not homogeneous, it consists of conflicting actors with different authority and powers, who pursue different goals and have diverging interests. Correspondingly, the international community is an abstract category and cannot rule as an object of governance because of its anarchic nature; but it has a hierarchical structure in which the place of the state is determined by its combined national power. In the struggle for a place in such a hierarchy, States cannot but feel the need for mechanisms to legitimize their actions, the essence of which is to justify and justify the right to use force, including armed violence, on the road to their national goals.

A number of problems of political mobilization,[1] both national and international communities, are caused by the uncertainty of a number of basic concepts that formalize the interaction of States. Even the existing integration of States within international institutions does not, in some cases, provide them with sufficient resources to move towards national objectives, for example, in the absence of unified will. Definition and statement, for example, of common interest, allows the resources of other actors to be involved in the international security process. From this point of view, this interpretation of the fundamental concepts and categories of political science, which most corresponds to modern social and historical realities, becomes important. For example, the content of the term "just

[1] "Political mobilization can be defined as the gradual concentration and use by a state or non-state actor of the policies of various material and human resources in order to achieve its goal. The goal is achieved, first of all, by creating mass support from citizens, establishing control over financial and other sources, creating a new profitable information discourse." See: Кремень Т. В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 146-149.

use of force" should be acceptable to a variety of political regimes and be consistent with the national cultural, religious and other traditions of different peoples.

The modern properties of the security environment have filled the problem of the use of force with new content, and, accordingly, one of the most difficult to interpret and apply Article 51 of the UN Charter on the inherent right of states to self-defense began to cause much more serious disagreements about the possibility of resorting to it. The main aspect of the problem is still the defining of the moment when the state acquires the right to self-defense, but this time in relation to the actors - "not states".

The historical experience of international relations shows that any State, when resorting to armed force, always declares that it has a just cause for doing so, which is reflected in the provisions of the so-called "doctrine of just war".

The study examines the historical aspects of shaping approaches to the issue of legitimizing acts of force to resolve international conflicts and attempts to develop the most effective ways to justify the forceful actions of states in the modern foreign policy context.

In today's imperfectly organized world, states do not object to the fair use of force - they only object to excessive use of force. Also, with particular caution, they assess statements about the lawfulness of the use of force in cases other than the reflection of direct armed attacks on the attributes of sovereignty. For example, the “Strategy of the National Security of the Russian Federation” conditions: “In the arena of international security, Russia remains committed to the use, first of all, of political and legal instruments, mechanisms of diplomacy and peacekeeping. The use of military force to protect national interests is possible only if all the non-violent measures taken were ineffective".[2]

[2] The Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation." URL: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html.

The cornerstone of the UN Charter's system of principles is the provision that any threat or use of force to ensure justice is eviler to the international system than the coexistence of States in the case of particular injustice. That is, the use of force against the existing political and territorial order, despite its seeming injustice, is defined as illegal: if it is necessary to choose between peace and justice in the case of ineffectiveness of peaceful means, preference should be given to peace.

This paradigm of the UN Charter means that in the dispute of values, preference should always be given in favor of maintaining international peace and, despite the desire for "justice", which is clearly always understood by States in different ways. But very often the assertion that justice should take precedence over the state of the world in spite of the prohibitions on the use of force established by the UN Charter is supported by states in view of the apparent inconsistency of the norm of paragraph 4 of Article 2 of the UN Charter on the prohibition of the threat of the use of force, or its use, to the modern needs of protecting the national interests of the states (especially in the understanding of super-Powers) in the context of a changing organization of the world community. As a result, there is no consensus in the expert community on the content of the mechanism for determining the legitimacy of the appeal to force and on what measures should be taken not only to avoid "double standards" but also, on the basis of a similar interpretation of the facts of international life, to radically reverse the situation in favor of peaceful means of resolving international disputes.

Understanding the problem of legitimizing political solutions to the use of force in international relations in the context of the current geopolitical paradigm in scientific discourse is inextricably linked with the problem of recognition by the main international actors of the act of the state's appeal to force a just, necessary and proportionate threat. Solving the problem of finding and declaring an acceptable justification for the act of appeal to force is almost the highest priority of the activities of state authorities in the outside world. How is it solved? What is the mechanism for justifying the need to address armed violence in interstate

relations and its place in ensuring the defense capability of the state, especially in the context of the formation of a new geopolitical model of the world?

Statements by States about the just nature of unilateral recourse to force (a statement on the need to follow a certain concept of the use of force) are made in the process of political and legal justification of this act before the participants of international communication, namely, it is proved necessary and proportionate:

– self-defense, including one interpreted broadly;

– struggles for self-determination and decolonization;

– humanitarian intervention;

– military intervention to replace elites in another state;

– military interventions in spheres of influence and critical areas for defense;

– military intervention on the territory of another state to fulfil treaty obligations;

– military intervention to ensure evidence-gathering in international investigations;

– military interventions to enforce the decisions of international courts;

– retaliation: retorsions and reprisals.[3]

Armed formations can also be used, for example, for:

– maintaining the political balance of power in inter-State relations by demonstrating the intentions and opportunities to protect national interests;

– countering drug trafficking and terrorism and violent extremism;

– protection of citizens and their evacuation from emergency zones in foreign countries, etc.

The problem of recognizing the right of States to take action outside national territory to counter cross-border terrorism and violent extremism has necessitated the development of new interpretations of self-defense norms, since it had

[3] This classification of the main ways to address power unilaterally is: Reisman, W. Michael. "Criteria for the Lawful Use of Force in International Law" (1985). Faculty Scholarship Series. Paper 739. URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/739 (accessed: 21.01.2016).

previously been assumed that self-defense was only possible with the aggression of another State.

Every act of state action to force is accompanied by discussion of the issue at the UN Security Council meeting, and the criteria of "necessity" and "proportionality" of such an act are necessarily discussed during the discussions. We believe that this modern duty of States originates in the resolution of the *Caroline Incident*[4] in the first half of the 19th century, as will be discussed below.

In contrast to the criterion of "proportionality" currently well regulated in international humanitarian law, the "necessity" of the use of force is inherently political, i.e. an extra-legal assessment based mainly on the moral and ethical reasoning characteristic of a particular era, although it is also detailed in terms of law.

We also consider it necessary to note that in this work the power means in the arsenal of international actors are delineated to the *"use of force"(coercion* by using means and methods of warfare) and *"compellence"*- the influence on actors using economic, diplomatic and other "non-military" means.

The need to address the threat of the use of force, or its use, is assessed by states in the context of the international situation and their own foreign policy goals. In inefficient international institutions, in the search for ways to protect national interests, States are forced to independently assess the situation, look for available means of coercion and compulsion, decide on the readiness to bear international responsibility for the consequences of their behavior.

The issue of national interest is closely related to the issue of the sources of national power and the limitations for their application in independent policy, i.e. by their recognition of the legitimacy of the system of international relations itself; secondly, by agreeing with the possibility of assigning them international responsibility for violations of the present status quo. K.S. Hajiyev proposes a

[4] Letter from Daniel Webster to Lord Ashburton (Aug. 6, 1842). Treaties and Other International Acts of the United States of America. Edited by Hunter Miller. Volume 4. Documents 80-121: 1836-1846. Washington : Government Printing Office, 1934.

rather broad definition of the process: "Ensuring the legitimacy, or legitimization,[5] is a form of justification that is designed to integrate disparate institutions, relationships, processes, subsystems, etc. thus giving meaning to the whole social order."[6] Of course, this process cannot change the anarchic nature of the international system. By legitimizing actions, we are merely defining our behavior strategy within the current state of the international system, building on the elements of national power available to us and their quality.

It can also be defined, based on the idea of A. I. Solovyov,[7] that the process of legitimizing acts of force is a functional[8] normative[9] political technology, which involves rationalization and algorithmicization of decisions to protect national interests in the military and diplomatic spheres, which are weakly exposed to any technologization, for example, in the process of informal coordination of explicit and implicit actions of international actors.

Each political mechanism can be broadly defined as "a combination of different activities of social actors to achieve their political goals, as well as ways of realizing their relationships, formal and informal rules and procedures limited by the rule of law, reflecting the common values of society."[10] The existence of such restrictions is primarily due to the fact that interactions are carried out in a system of States, which in itself is the result of a centuries-old political process.

---

[5] There are two close terms "legitimization" and "legitimization" in use in the scientific literature to describe the same phenomenon.

[6] Гаджиев К. С. Политология. Глава «Легитимность». М.: Логос, 2001. URL: http://bibliotekar.ru/politologia-2/29.htm (дата обращения: 12.11.2014).

[7] Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов /А. И. Соловьев. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 559 с. Раздел VII. Политические технологии. Глава 20. Роль технологий в политическом процессе. С. 414-429.

[8] Соловьев А. И. Политология. С. 423.

[9] Normative technologies are methods of activity that are rigidly conditioned by laws, norms, traditions or customs existing in a society (organization). Deviant technologies are the opposite of them; they are ways of activity that deviate from such requirements and standards. See: Соловьев А. И. Политология. С. 425-426.

[10] Малинина С А. Правовые ограничения средств массовой информации и характеристика методов агитации в избирательном процессе // Диалог. Международный научно-аналитический журнал Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ №1 (12) 2018.

As a result, the technology of political legitimization of acts of force must inevitably include international norms, including legal ones, as specific knowledge, and the approaches and methods of interpreting them and making claims by international actors, who are solving the problems of achieving their political goals and influencing the behavior of challengers.

Improving the "language" in which major international actors discourse on international security is an objective necessity due to the fact that the system of interactions of actors of the modern, inhomogeneous international community - a strategic continuum - can be described by several models of the organization (multipolarity, multilateralism, fragmentation and network organization[11] - depending on the distribution of the balance of power and the state of governance).

In this context, the use of force as a last resort and, consequently, the need to legitimize acts of use of force in international conflicts, are always preeminent.

These circumstances explain **the relevance of the study** of the problem of legitimizing political solutions to the use of force to ensure the security of the state.

The degree of scientific development of the problem.

The functioning of the political mechanism for legitimizing acts of the use of force serves as a kind of indicator of the theory and practice of implementing decisions on the use of force in international relations. The problems of turning to force to resolve conflicts of social groups, including nascent states, were reflected in the writings of ancient authors, for example Thucydides,[12] Aristotle,[13] Cicero;[14]

[11] See: Global Strategic Trends. The Future Starts Today. Sixth Edition. Commonwealth of Australia. Vice Chief of Defence Force (15 November 2016), Future Operating Environment: 2035. P. 20.
[12] Thycydides. History of the Peloponnesian War. Chapter XVII. The Milan Dialogue. URL: http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/melian.htm.
[13] Аристотель. Политика. Книга седьмая. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php.
[14] Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах. – М., 1994. URL: http://grachev62.narod.ru/ciceron/Ogl.html.

ideologists of early Christianity Origen,[15] Tertullian;[16] Middle Ages Blessed Augustine,[17] Thomas Aquinas[18], etc. The heyday of the so-called "doctrine of just war" came to the Renaissance, as it progressed at the same time as the formation of the principles of building a system of modern states. The next most significant stage of the doctrine's development came in the 20th century, when the developed nations, which nearly destroyed each other in the course of the two world wars and the nuclear confrontation of the cold war, began to establish institutions for international security.

The political weight of the State, as a factor in international relations, is determined by the degree and intensity of the impact of all the elements of the combined power of a given state on the system of international relations or its persons.[19]

All notable developments in world politics and international relations are assessed through the prism of the criterion of legitimacy, which is based on the language of legal norms, which are formed in sync with the development of civilization and are defined by the values relative to the epoch. In any era, the problems of the regulation of the use of force to protect group interests (in the new time - state) addressed a significant number of specialists in various fields of activity - theologians, legal scholars, sociologists, political scientists, in fact experts in the fields of military affairs and international relations. For example, F. Gizo stated: "Political legitimacy is obviously a right based on antiquity, on

[15] Ориген. Против Цельса. Книга третья. VIII.
URL: http://azbyka.ru/otechnik/Origen/protiv_celsa/3.
[16] Тертуллиан. Апологетик. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/.
[17] Блаженный Августин. Творения. Том 3–4. – СПб.: Алетейя, 1998.
[18] Фома Аквинский. Сумма теологии. Том VII. Вопрос 40 «О войне». Раздел 1. Всегда ли греховно вести войну? URL: http://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40.
[19] For more details see: Пыж В.В., Фролов А.Е. Политическая безопасность государства и политическая стабильность общества как объект политологического анализа// Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 3 (31). С. 16-27.

duration; to be a primacy in time is referred to as a source of law, proof of the legitimacy of power.[20]

The main findings of researchers in this area are, in fact, attempts to create a universal model of justification for the decision taken by the state authorities to use force, designed to ensure that the main international actors recognize such an act as a fair, necessary and proportionate to repulse the threat.

It should be noted that representatives of the modern domestic political school in their research often touched on the issues of rationale for political decisions in the outside world, including those related to the use of armed force. In a large part of the works of domestic and foreign philosophers, historians, sociologists, political scientists are affected by rather narrow special aspects, which we refer to when considering individual fragments of the thesis theme.

Analysis of modern theoretic and methodological approaches suggests that the problem of the correct use of a special apparatus to ensure political interactions in justifying acts of force in international relations is key to ensuring both international security in general and national security in particular. Currently, the phenomenon of state security is the subject of research not only by the military elite - military scientists, as it was, for example, in the early 19th century, but also explored within the framework of political science, law, sociology, philosophy, economics, etc., i.e. has become interdisciplinary.

For example, the sociological approach allows us to consider the specifics of security in the context of changing the socio-political content of the war, its modern military-technical appearance and the impact of these and many other, for example, demographic factors.

Security, as a legal category, is viewed through the prism of the constitutional and legal responsibilities of national security persons. In this approach, the basis of security is, first of all, high-quality national legislation and

[20] См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. Изд. 3-е без перемен. СПб. 1905. URL: http://az.lib.ru/g/gizo_f/text_1828_histoire_de_la_civilisation_en_europe.shtml. (accessed: 19.12.2020).

its effective implementation in international relations by the authorities - the state authorities.

In a philosophical approach, the specifics of national and global security are seen in the context of the struggle of ideologies and spiritual and ideological priorities of the modern world.

The specificity of philosophical understanding of the security problem of the modern world is connected with the inclusion in the study of the system of measures to ensure the stability of the world order factor taking into account the ratio of objective reality and subjective world. Awareness of the content of such a factor by a rather narrow category of decision-makers on the use of force is largely capable of creating conditions for the safe coexistence of States and peoples. This approach seems valid enough to investigate the problems of turning to power in the new information reality.

Within the framework of the political approach, the specifics of the military security of the state are considered in the context of new challenges of the modern world and the emergence of new means and methods of armed struggle.

In the complex of interconnected political, diplomatic, military, economic, financial, information and other measures, which are sought by states to protect national interests, a special role is given to the political and legal means of justifying the statements of states to recognize the act of use of force as fair. This paper does not examine the nature and patterns of the development of international legal norms, the sources in which they are recorded, the causes of their occurrence, their purpose, features, effectiveness, the nature of the relationship with other international norms, with domestic law, which is undoubtedly the subject of the science of international law. At the same time, due to the relationship in the international community in the field of the use of force, the norms of international law are considered in the work, but as a "ready" holistic tool available to the public authorities and used by decision-makers to ensure the legitimization of acts of force.

The content of the process of legitimizing acts of force is determined by the historical process of the emergence and institutionalization of the modern international community, the main units of which are still secular nation-States, as well as the institutions they have created, with all their inherent attributes and essential characteristics.

In general, the assessment of the legitimacy of any act of force must be based on determining whether it meets the expectations of the main actors, i.e., whether it violates the international obligations of the State, whether or not it is an unjust/unlawful use of force, or the threat of its use. Recognition of a specific act of use of force as legitimate is most often carried out in the course of the political process formalized in the discussions within the UN Security Council.

From this point of view, the stages of legitimation are of great interest, namely, the selection of points in the process of research:

previous experience of the system of States (expressed in international law);

the properties of the modern system (assessing the rationality of the organization of the international community and identifying the "ineffectiveness" of its regulation);

the desired ideal state of the international system (creating "just" rational rules - a "new" interpretation of international law).

After the collapse of the Soviet Union and the end of bipolar confrontation, the international system was acutely challenged to preserve the state of the strategic continuum that would ensure its stability. However, the changed geopolitical picture of the world has not solved such a security challenge based on previous conceptual and doctrinal approaches. The corresponding process of finding new forms of normative functioning of political mechanisms was reflected in scientific papers, journalism and materials of international forums.

A significant amount of regulatory material, including legal material regulating the scope of international and national security, accumulated to date, has not been properly studied and systematic analysis from the perspective of the search for a methodology for justifying and applying ways of legitimizing the

actions of the state in the outward world. Comprehensive analysis of the outcome of contemporary international conflicts, reflected in the respective accompanying acts of international institutions (including decisions of international judicial bodies and arbitrations), makes it possible to determine rationally the proportionality of states' actions to counter security problems. At the same time, it is necessary to assess the possibility of interpolating the political experience gained to address emerging problems for international and national security, i.e. in the face of new conflicts, the emergence of which is inevitable, at least because of the ever-evolving technological changes. The identification of regulatory gaps in this process makes it possible to formulate proposals to improve the mechanism for justifying policy decisions on the use of force for national security.

To analyze the genesis of the problem, the author turned to research and developments, containing conceptual doctrinal provisions for international and national security, general theoretical and methodological approaches on security, war and peace, geopolitics, foreign policy, national defense.

Thus, the conceptual foundations of ensuring international security and national security, in particular, were reflected in the works of A.G. Arbatov,[21] G.A. Atamanov,[22] V.A. Achkasov,[23] O.A. Belkov,[24] A.D. Bogaturov,[25] I.V. Bocharnikov,[26] O.N. Bykov,[27] A.I. Vladimirov,[28] M.F. Gatsko,[29]

[21] Арбатов А.Г. Уравнение безопасности. М.: РОДП «Яблоко», 2010. 296 с.
[22] Атаманов Г.А. Методология безопасности // Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI». 2011. URL: http//naukaxxi.ru/materials/302/ (accessed 12.10.2014).
[23] Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: изд. дом Санкт-Петербургского ун-та, 2012. 232 с.
[24] Бельков О.А. Политология военного управления. М.: Военный университет МО РФ, 2008. 220 с.
[25] Богатуров А.Д. Россия в формировании международной системы профилактики распространения оружия массового поражения. М.: изд-во «КомКнига», 2008. 208 с.
[26] Бочарников И.В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. 144 с.; Россия-2014: безопасность и развитие: Аналитический проект / Под общ.ред. И.В. Бочарникова. М.: Эконинформ, 2014. 327 с
[27] Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 274 с
[28] Владимиров А.И. Основы общей теории войны. В 2 частях. Часть 2. Теория

V.A. Zolotarev,[30] S.V. Kortunov,[31] A.I. Korovyansky,[32] V.S. Pirumov,[33] A.A. Prokhozhev,[34] V.V. Pyzh,[35] I.V. Radikov,[36] N.N. Rybalkin,[37] V.L. Schultz[38] etc. International and geopolitical aspects of national and military security are presented in the works of I.I. Afanasyeva,[39] V.G. Baranovsky,[40] D.G. Evstafiev,[41] S.M. Vinogradova,[42] N.N. Dolbunov,[43] I.S. Ivanov,[44] I.F. Kefeli, [45] Yu.V. Kosov,[46]

национальной стратегии. Основы теории, практики и искусства управления государством. М.: изд-во «Синергия», 2013. 976 с

[29] Гацко М.Ф. Правовое обеспечение военной безопасности России (теоретико-правовое исследование). М.: издво МГУ, 2006. 344 с.

[30] Золотарев В.А. Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001. 540 с.

[31] Кортунов С.В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: Наука, 2003. 611 с.

[32] Коровянский А.И. Военная безопасность Российской Федерации и ее обеспечение в современных условиях. М.: изд-во РАГС, 2009. 218 с.

[33] Пирумов В.Ф. Стратегия выживания социума. Системный подход в исследовании проблем геополитики и безопасности. М.: Дружба народов, 2003. 544 с.

[34] Прохожев А.А. Основы военной политики и обеспечения военной безопасности Российской Федерации. М.: изд-во РАГС, 2009. 182 с., Новые подходы к безопасности в связи с современными концепциями развития. / Среднерусский вестник общественных наук, 2007. N1(2)/ с.

[35] Пыж В. В. Геополитическая обусловленность военной политики России : дис. ...д-ра полит. наук: 23.00.04. СПб., 2004. 437 с.

[36] Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: дис. ...д-ра полит. наук: 23.00.01. СПб., 2000. 408 с.

[37] Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности: дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2003. 407 с.

[38] Шульц В.Л. Информационное противоборство в условиях активного противоборства: модели и методы. М.: Наука, 2011. 186 с.

[39] Афанасьева А.А. Глобализация и регионализация как факторы мирового развития. / Вестник Академии знаний. 2019, N33 (4). С. 30-41.

[40] Барановский В.Г. Евро-атлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа.М.: ИМЭМО РАН, 2010. 41 с.

[41] Евстафьев Д.Г. Вызовы развитию России: от гибридности рисков к комплексности ответа. / Среднерусский вестник общественных наук. 2019, N4. С. 160-181.

[42] Виноградова С.М. Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях:
коллективная монография. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. 407 с.

[43] Долбунов Н.Н., Пыж В.В. Право как фактор обеспечения национальной безопасности в современных геополитических реалиях Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 7 (47). С. 1516-1532.

[44] Иванов И.С. Внешняя политика в эпоху глобализации: дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.03. М., 2005. 379 с.

[45] Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: изд-во Северная Звезда, 2004. 286 с.; Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография.-СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2020.-226 с.

A.A. Kovalev,[47] V.N. Konyshev,[48] V.V. Kruglov,[49] S.A. Lantsov,[50] R.S. Nekhai,[51] A.A. Sergunin,[52] P.A. Tsygankov,[53] V.V. Stoll,[54] etc.

Among foreign sources of scientific interest is: first, studies of a wide range of issues of geopolitics, international relations, national and military security, sociology of wars and armed conflicts, laid down in the works of S. Amin,[55] R. Aron,[56]. D. Best,[57] Z. Brzezinski,[58] I. Wallerstein,[59] D. Goldgeir,[60] M. Kaldor,[61] D. Kennan,[62] G. Kissinger,[63] R. Clark,[64] W. Clark,[65] M. Creveld,[66] E. Luttwak,[67]

---

[46] Косов Ю.В. Политическая регионалистика. СПб.: изд-во Питер, 2009. 192 с.
[47] Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: … дис. ...к-та полит. наук: 23.00.02. СПб., 2014. 196 с.
[48] Конышев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. СПб.: Наука, 2009. 178 с.
[49] Круглов В.В. Военная сила в международных отношениях. М.: изд-во Восток-Запад, 2009. 463 с.
[50] Ланцов С.А. Безопасность государства-общества-человека в контексте противодействия терроризму // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 4. С. 58-62.
[51] Нехай Р.Ш. Система обеспечения военной безопасности региона Российской Федерации: проблема функционирования и совершенствования: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.01. СПб., 2006. 202 с.
[52] Сергунин А.А. Российская внешнеполитическая мысль: национальная и международная безопасность.
Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А.Добролюбова, 2003. 94 с.
[53] Цыганков П.А. “Гибридная война”: политический дискурс и международная практика. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. С.1-6.
[54] Штоль В.В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. 384 с.
[55] Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. — М.: Издательство «Европа», 2007. — 168 с.
[56] Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations. N.Y.: Transaction Publisher, 2003. 820 p.
[57] Бест Д. Война и право после 1945 г. М.: Мысль, 2010. 676 с.
[58] Бжезинский З.К Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. 256 с
[59] Валлерстайн И.М. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
[60] Голдгейр Д.М., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009. 519 с.
[61]Kaldor M. Global Security Cultures. Cambridge, UK: Polity Press, 2018; Калдор М. Культура новых войн.//Философско-литературный журнал «Логос».-2019, N3. Т.29. с. 1-21.
[62] Кеннан Д.Ф. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002. 480 с.
[63] Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.

L. Mises,[68] D. Tickner,[69] Alvin and Heidi Toeffler,[70] R. Uesseler,[71] S. Huntington,[72] M. Hardt & A.Negri,[73] H. Hofmeister,[74] K. Schmitt;[75] secondly, studies of the problem of legitimizing acts of the use of force in international relations. Among them are, for example: Anthony Clark Arend and Robert J. Beck,[76] Corneliu Bjola,[77] Elaine M. Bunn,[78] Michael J. Butler,[79] Craig L. Carr и David Kinsella,[80] Anthony Carty,[81] Yoram Dinstein,[82] George and Meredith

---

[64] Кларк Р.А.Третья мировая война: какой она будет? Высокие технологии на службе милитаризма. СПб.: Питер, 2011. 337 с.
[65] Кларк У.К. Как победить в современной войне. М.: Альпина бизнес букс, 2004. 240 с.
[66] Кревельд М.В Трансформация войны. М.: Альпина бизнес букс, 2005. 344 с.
[67] Люттвак Э.Н. Стратегия. Логика войны и мира. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 392 с.
[68] Мизес Л. Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006.466 с.
[69] Тикнер Д.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. Е.Бакалова, Н.Воробьева. М.: «Культурная революция», 2006. 328 с.
[70] Alvin and Heidi Toeffler. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. Little Brown & Co; 1993. 302 P.
[71] Уэсселер Р. Война как услуга / пер. с нем. Г.Сахацкого. М.: Столица-принт, 2007. 320 с.
[72] Хантингтон С.М. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю.Новикова. М.: изд-во «АСТ», 2003. 603 с.
[73] Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: «Культурная революция», 2006. 508 с.
[74] Хофмайстер Х. Воля к войне, или бессилие политики. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2006. 290 с
[75] Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.
[76] Anthony Clark and Robert J. Beck. International Law and the Use of Force: Beyond the UN Charter Paradigm. New York: Routledge, 1993.
[77] Bjola, Corneliu. Legitimating the Use of Force in International Politics: A Communicative Action Perspective. European Journal of International Relations; June 2005; 11, 2; ABI/INFORM Global, pg. 266-303.
[78] Bunn, Elaine M. Preemptive Action: When, How, and to What Effect? Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Strategic Forum No. 200, July 2003.
[79] Butler, Michael J. Just Causes or False Premises? Just War Theory and Western Military Intervention, 1945-1995. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy at the University of Connecticut. UMI Number: 3144572. University of Connecticut, 2004.
[80] Carr, Craig L., Kinsella, David. Preemption, Prevention, and Ius ad bellum. Hatfield School of Government, Portland State University. Paper prepared for presentation at the annual meeting of the International Studies Association, March 2006, San Diego.
URL: http://web.pdx.edu/~kinsella/papers.html.
[81] Carty, Anthony. The Decay of International Law? A Reappraisal of the Limits of Legal Imagination in International Affairs. Manchester, UK: Manchester University Press, 1986. -138 pp.

Friedman,[83] John Lewis Gaddis,[84] Paul Kennedy,[85] Jack S. Levy,[86] B.H. Liddel Hart,[87] Halford J. Mackinder,[88] Jackson Nyamuya Maogoto,[89] Joseph S. Nye,[90] Michael N. Schmitt,[91] Alvin and Heidi Toeffler,[92] Walter G. Sharp,[93] Michael Walzer,[94] Joel H. Westra,[95] etc.

The works of these theorists and practitioners have provided invaluable assistance in the study of the problem.

The Russian political and legal community also does not disregard these problems. In discussions on various aspects of justifying acts of the use of force, for example, in the study of strategy, military-political concepts, political science, regulation of the use of means and methods of conducting military operations, there is an extensive modern bibliography, in which the works of such national

---

[82] Dinstein, Yoram. War, Aggression and Self-Defense. Cambridge University Press, Fourth edition. 2005. 349 pp.
[83] George and Meredith Friedman. The Future of War: Power, Technology and American World Dominance in the 21st Century. St.Martin's Griffin. New York. 1998.
[84] Gaddis, John Lewis. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. Oxford University Press. 1982. 432 P.
[85] Kennedy Paul. The Rise and Fall of the Great Powers. Knopf Doubleday Publishing Group. 2010,704 PP.
[86] Levy, Jack S. "Declining Power and the Preventive Motivation for War," World Politics, Vol. 40, No. 1, October 1987.
[87] Liddel Hart, Basil Henry. Strategy. – 2nd rev.ed. First Meridian Printing. 1991.
[88] Mackinder, Halford J. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction. National Defense University Press. 1996.
[89] Maogoto, Jackson Nyamuya. New Frontiers, Old Problems: The War on Terror and the Notion of Anticipating the Enemy. Netherlands International Law Review. Cambridge: Apr 2004. Vol. 51, Iss. 1; p. 1 (39 pages).
[90] Nye, Joseph S., Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000, 158 PP.
[91] Schmitt, Michael N. Counter-Terrorism and the Use of Force in International Law. The Marshall Center Papers, No. 5. http://www.marshallcenter.org/mcpublicweb/MCDocs/files/College/F_Publications/mcPapers/mc-paper_5-en.pdf.
[92] Alvin and Heidi Toeffler. War and Anti-War. Warner Books, 1993.
[93] Sharp, W. G. Ius Paciarii: Emergent Legal Paradigms for U.N. Peace Operations in the 21st Century. Paciarii International, LLC, 1999. 392 PP.
[94] Walzer, Michael. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. New York: Basic Books, 1977. 361 PP., etc.
[95] Westra, Joel H. Law, Power, and Argumentation: The UN Charter and Uses of Armed Force by Major Powers since 1945. Volume One. A Dissertation submitted to the Faculty of the Division of the Social Sciences in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Department of Political Science. Chicago, Illinois. June 2004. 748 pp.

scientists as K.S. Hajiyev,[96] M.A. Gareev,[97] S.D. Goltsov,[98] Yu.S. Gorbunov,[99] V.S. Kotlyar,[100] I.I. Lukashuk,[101] Yu.N. Maleev,[102] S.N. Mikhalev,[103] V.A. Mishchenko,[104] E.M. Primakov,[105] A.A. Svechin,[106] L.A. Skotnikov,[107] B.R. Tuzmukhamedov,[108] N.A. Ushakov,[109] V.N. Khonin,[110] P.V. Chikov,[111] etc.

The analysis of doctrinal sources shows the relevance of the problem and, at the same time, the absence of fundamental theoretic and methodological studies, revealing the peculiarities of the methodology of the process of legitimizing of decisions on the use of force to protect national interests in modern geopolitical realities.

---

[96] Гаджиев К. С. Политология. М.: Логос, 2001.
[97] Гареев М. А. «Если завтра война». - М.: Изд-во «Владар», 1995. - С. 239.
[98] Гольцов С.Д., Малеев Ю.Н. Применение вооруженной силы государствами как мера превентивной самозащиты ad hoc от внешней угрозы // Московский журнал международного права. 2004. № 4.
[99] Горбунов Ю.С. Упреждающие меры в свете современного международного права // Журнал российского права, №3, март 2008 г. С. 94-105.
[100] Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. – 2-е изд.. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008.- 480 с.
[101] Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.
[102] Малеев Ю.Н. Силовая составляющая международного права // Российский ежегодник международного права, 2005. – СПб, 2006. – С.97-115.
[103] Михалев С.Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. — М.: Жуковский: Кучково поле, 2003.
[104] Мищенко В.А. Международно-правовые аспекты принятия упреждающих индивидуальных внешних вооруженных акций государствами: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право /В. А. Мищенко; Науч. рук. Н. А. Чичулин. -М.,2007. -24 с.
[105] Примаков Е.М. Минное поле политики. Молодая гвардия, 2006 -360 С.
[106] Свечин А.А. Стратегия. — М.: Военный вестник, 1927. http://militera.lib.ru/science/svechin1/index.html.
[107] Скотников Л.А. Право на самооборону и новые императивы безопасности // Международная жизнь. № 9. Сентябрь 2004 г.
[108] Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: хрестоматия / Б. Р. Тузмухамедов. - М.: Юристъ, 2006. - 463 с.
[109] Ушаков Н.А. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях / Ин-т государства и права РАН. - М., 1997. – 96 с.
[110] Хонин В.Н. Об определении международно-правового регулирования / Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982.
[111] Чиков П.В. Военные санкции в международном праве: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право. - Казань, 2003. – 27 с.

At the same time, there are many ideas and reasoned provisions in philosophical, political, sociological, military and other research literature of theoretic and methodological nature, which be studied and used by the author in the process of analysis and disclosure of the present problem.

Despite the existence of a significant number of political, legal and interdisciplinary studies on the legitimization of political solutions to ensure the security of States in the modern architecture of the international community, as well as the results of international institutions, questions remain to which there are still no clear, exhaustive answers and on which scientific polemics continue.

First of all, we are talking about the conceptual aspects of recognizing the legitimacy of acts of use of force, i.e. determining such ways of justifying the fairness of the state's use of military power to protect national interests, which must, first, not go beyond the regulatory paradigm of the UN Charter; and, secondly, to conform to the views of the major actors of the international system in line with the definite justification for the common interests of the international community in a changing world.

The political science in the field of international relations focuses on the issue of assessing the rationality of cooperation between international actors. Political researchers most often create descriptive hypotheses of the behavior of international actors and test their hypotheses with statistical information reflecting the practice of states.

In this process there is also an appeal to those postulates of schools of realism, constructivism, etc., which most accurately methodically provide the proposed hypothesis.

Such an assessment is not possible without recourse to international law. But this area is most often outside the interest of international legal scholars, who are

focused on finding the normative properties of the commonality in international norms.[112]

Thus, the relevance of the topic, its lack of scientific development allows to formulate **a scientific undertaking,** which is to resolve the contradiction between the need to conduct an effective state policy to legitimize decisions on the use of force to protect national interests in the current geopolitical environment and the insufficient level of scientific and methodical provision of such activities.

The goal of the study is, on the one hand, a comprehensive theoretical analysis:

current trends influencing the political and legal justification mechanism for the use of force in international relations;

state of the regulatory framework governing the legitimization of political decisions on the use of force by states to ensure national security.

On the other hand - a rationalization of practical recommendations to the state authorities on the political and legal justification of acts of recourse to force, that could reduce the possibility of assigning international responsibility to the state.

Based on the study:

- the specifics of the regulation of the use of force in international (interstate) relations in various historical periods;
- state practices to use armed forces to protect national interests;
- the impact of the level of development of the means and methods of armed struggle on the appeal of States to acts of pre-emptive self-defense;
- the influence of geographical, economic, political, demographic, military and other factors on the appeal of states to acts of pre-emptive self-defense,

the author considered it necessary to meet the following research objectives in order to achieve **the goal:**

[112] Normativity is a fundamental feature of law, meaning that those interdependencies and actions that are typical, most stable in these conditions, are characterized by repetition and have the property of generality (universality) are subject to legal regulation.

1. identify and characterize the conceptual basis of the policy of legitimizing decisions on the use of force to protect national interests in today's geopolitical realities.

2. reveal the role of force in national security.

3. conduct a political analysis of the evolution of views on the justification for the fairness of the use of force before the formation of the modern system of international security.

4. review the use of force by the United Nations to maintain and restore international peace and security and consider a political mechanism for legitimizing acts of force in international relations.

6. monitor the dynamics, to identify the regularities and contents of the process of political and legal justification of acts of force, to identify the main qualitative characteristics of the state, determining the possibility of its resort to acts of pre-emptive self-defense, to justify the criteria for assessing the legality of the state's appeal to pre-emptive self-defense in specific historical conditions.

7. consider regulatory restrictions for government decisions on the use of force to protect national interests and make practical recommendations for public authorities and military authorities acting in the implementation of military policies to apply pre-emptive self-defense in the protection of the national interests of the State, including to counter cross-border terrorism.

The main working hypothesis of the study is the assumption that in the new geopolitical conditions, states very often use force to protect national interests against actors who are not necessarily affiliated with the authorities of any state, but at the same time are inevitably associated with any national territory. , which is used as a base for their actions. In this case, the actions of state authorities to protect national interests necessarily affect both the interests of the state-object of the use of force, and the general interests of the world community. To reduce political costs, the state must show that its actions do not contradict the interests of the international system and do not go beyond the UN paradigm. Thus, the practice of public authorities testifies to the need to systematize scientific knowledge in the

field of substantiation and statement of the necessity and proportionality of acts of the use of force (their legitimation), including the preemptive threat, in the course of activities to ensure national security in a new geopolitical model of the world.

The object of the study is the factor of force as an instrument of the state's foreign policy in the current geopolitical conditions.

The subject area of the study the political mechanism of legitimizing acts of the use of force in international relations by state authorities to protect national interests.

The scientific novelty of the dissertation lies in the political analysis of the conceptual basis of the policy of legitimizing decisions on the use of force to protect the national interests of the state in the current geopolitical conditions.

Significant results of the study, which have a scientific novelty, are:

- a general characteristic of the method of strategic legalism in international relations;
- analysis of the concept of strategic legalism in the case of justification for intervening in conflicts in the territory of third states to prevent humanitarian catastrophes, as well as if justifying the need to intervene in conflicts in the territory of third countries to protect common interests;
- practical aspects of legitimizing political decisions on the use of force in the interests of national security in today's environment.

Scientific novelty is concretized in the **provisions for defense of the thesis:**

1. Author's understanding of the force factor to ensure the security of the state in international relations.

Analysis of the substantive aspects of the work of recognized theorists, politicians and experts suggests that the attitude to the concept of "force" was largely related to the nature of the international security environment in specific periods of time.

The presence of different forms of force in the outward world, the increasing processes of globalization and the information revolution led to different ways of using it. Therefore, the study of the "force factor" in modern interstate relations as

one of the main instruments of foreign policy of states continues to be relevant from both a theoretical and a practical point of view.

2. Theoretical and methodological study of the mechanism for legitimizing political decisions on the use of force in international relations.

3. The author's understanding of the political tools justifying the appeal to power in modern international relations to protect national and common interests.

Military security is an essential and integral part of the state's national security activities in the field of defense. The main goals of ensuring military security are preventing, countering and neutralizing military threats to the nation.

4. Theoretical study of the evolution of views on the justification for the impartiality of the use of force from the "birth" to the formation of a modern system of international security.

5. Investigation of the influence of changes in the properties of the modern security environment, leading to a reformatting of the existing military-political international relations and based on competition of military, economic, demographic and other potentials. On the basis of such a study, the desirability of which proceeds from the need to prevent and effectively counter new challenges and threats, as well as avoid entering a new "cold" war, a methodological apparatus has been proposed that includes methods of political and legal substantiation of acts of use of force in a new geopolitical environment (methods / techniques of justification: "responsibility to protect"; "justification of legitimacy due to necessity" (or "humanitarian necessity"); "reasonably necessary (or pragmatic) interpretation of the norms of international law"). These methods, when used in political science discourse, eliminate uncertainties in establishing the object of the use of force as the basis of the process of political and legal substantiation of the act of the use of force in international relations and reduce the likelihood of attributing international responsibility to states.

6. The author's position on justifying the practical aspects of the priorities of the state authorities in justifying acts of force to pre-empt threats to national security in connection with the peculiarity of the geopolitical situation and the

balance of forces that determine the direct or indirect involvement of the State of international conflicts.

7. Theoretical justification for the practical aspects of the choice of the objective of the use of force in the response to terrorist and national security threats in the information sphere.

Methodology and research methods.

The study of the complex problems of legitimizing policy solutions to the use of force for international and national security in today's environment leads to the complexity of analysis based on a combination of different scientific methods.

The methodological basis is made up of modern general scientific and special methods of cognition. In particular, general scientific methods are: analytical, method of logical generalizations, structural-functional, historical and comparative; to special methods of research is a system-active approach, the task of which is to study the relationship and the determinants of the national security strategy, content analysis of documents regulating the use of state armed groups, the fundamental national regulations of states in the field of defense. The dissertation used political analysis of the factors of threats to the national security of states.

The theoretical judgments in this paper are systematic and organized regarding the history of the development of the doctrine of just war and the design of such historical experience in terms of modern international law regulating the use of force.

The main basis of the thesis methodology is the principle of historicism, which involves the study of social and political phenomenon through its origin, evolution, changes, as well as comprehensive identification of connections and interactions of each of the phenomena with others. Based on this principle, the dissertation sought to examine the genesis of the institution's "justification for acts of force" and to trace the influence of various forms of organization of the international community in the process of striving for peaceful coexistence. The

study uses a multifactorial approach, which involves taking into account the vast set of determinants that affect the development of the phenomenon studied.

In this regard, the author examined the impact of ideological, religious, cultural, ethnic, economic factors, and political institutions on the evolution of the institution's content of political and legal justification for acts of use of force and an understanding of the functioning of the modern mechanism for legitimizing acts of force.

In preparation of the dissertation, the actual political methods were used: comparative-comparative method (comparative studies); decision-making process simulation (imitation) methods; "case-studies" and "event analysis" techniques.

As the author considered phenomena in their historical dynamics, he also used traditional political methods: comparative-historical, chronological, periodization and method of historical induction.

The dissertation also used methods from other social sciences, such as: structural method, legal, statistical methods. Candidate for a degree believes that this combination of methods allows to achieve coherent and reasonable scientific results.

The empirical basis of the study was made up of several groups of sources who were subjected to political analysis.

First of all, the author used resolutions and transcripts of meetings of the UN Security Council and the UN General Assembly, international regulations, decisions of international judicial bodies and arbitrations, materials of the UN International Law Commission, documents of a number of international organizations, such as the Organization for Security and Cooperation in Europe, the International Committee of the Red Cross, etc., dedicated to international peace and security, the attribution of international responsibility for illegal activities, and documents on the protection of human rights in armed conflicts.

The second group of sources consists of legal acts, rulings of the highest judicial bodies of the Russian Federation and other states, regulating the activities of state authorities and the use of state armed groups to protect national interests.

A third group of sources were doctrinal sources - the work of prominent domestic and foreign scholars in the field of the use of force and legal regulation of the use of force in international relations.

The fourth group of sources was compiled by publications of political journalism.

The theoretical and practical significance of the work is that it formulates provisions that provide a holistic view of the political mechanism for legitimizing decisions on the use of force in international relations in a paradigm shift in international architecture.

Thus, the **scientific and theoretical significance of** the results of the study is shaped in:

- development and specification of existing perceptions of the theory and practice of political mobilization of elements of national power among the members of the world community to ensure their joint action to maintain and restore international peace and security, including to counter terrorism and other forms of cross-border crime;
- proposing a coherent conception of the scale and role of the political mechanism of political and legal justification for acts of use of force in contemporary international relations;
- development and adding of the methodological basis of the process of political and legal justification of the decision of the state authorities to use force to protect national interests and legitimize the decision taken in the world community within the normative framework of modern international law.

The results of the dissertation study may be applicable in the analytical work: first, to clarify the objectives of the process of justifying the use of force to protect national interests; secondly, to legitimize the decision taken in the interstate community.

The results of the study can also be applied in the following branches of humanities:

Political science - in the process of teaching disciplines devoted to genesis and modern trends in the regulation of the use of force in interstate relations; relevant to the process of foreign policy and national security policy and decision-making, the functioning of institutions designed to ensure the military security of a State;

International relations - in the process of teaching disciplines on the problems of history and theory of international relations, diplomatic service, the process of shaping the foreign policy of states, the history of the development of institutions regulating the use of force in international relations.

International law - in the study of the problems of ius ad bellum and ius in bello, the functioning of institutions of peaceful dispute resolution, legal provision of foreign policy.

The results of the study can be used to improve the military and political activities of the state to ensure military security, defense and protect the national interests of the state, namely:

1) in the military-political activities of the state authorities and the military administration in assessing the military-political situation and making military and political decisions in the process of justifying the need for force to ensure the security of the Russian Federation, as well as in the activities to clarify the contents of the "Military Doctrine of the Russian Federation" and the development of other doctrinal documents;

2) in the activities of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Approbation of research.

The main provisions of the dissertation and the results of the study were presented, substantiated, tested at international, all-Russian and regional scientific and practical conferences and seminars, during the preparation and conduct of international naval exercises.

The author gave presentations on the topic of research in various institutions:

- Institute for National Security of the Republic of Belarus (2019);

- Section on the neutralization of internal threats to national security of the Scientific Council of the Russian Federation Security Council (2019);

- Scientific Advisory Council of the Commonwealth of Independent States Anti-Terrorism Centre (2020, 2021);

- Russian Association of International Law (2019, 2020);

- North-West Academy of Public Service (Northwest Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation) (2009 - 2016);

- Saint Petersburg State University (2006, 2015);

- Kuznetsov Naval Academy (2001-2003, 2009-2013);

- North-West branch of the Russian State University of Justice (2020);

- Joint Commission of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States for Harmonization of Legislation Related to Security, Countering Emerging Threats and Challenges; and other activities of the CIS IPA Council Secretariat (2014-2020);

A number of the provisions of the study, published in the journal “Military Thought”, are awarded the Russian Defense Minister's Award (Order of the Russian Minister of Defense No. 1888 of July 17, 2012).

Separate provisions of the study relating to the assessment of the proportionality of the force used were used by the author in the development of the "Model Guidance on International Humanitarian Law for the Commonwealth of Independent States" adopted in 2018 by the Inter-Parliamentary Assembly of Member States of the Commonwealth of Independent States, and was noted by the Appreciation of the Deputy Chairman of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (2018).

The author developed and taught the author's course “Legal Regulation of the Use of Force in International Relations" in 2009-2014 at the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, and in 2015-2020 at the St. Petersburg State University.

The provisions and conclusions of the dissertation were echoed in 19 publications in scientific journals included in the list of peer-reviewed scientific periodicals of the Higher Attestation Commission, which should characterize scientific results for obtaining a doctorate degree.

The structure of the study.

The dissertation consists of Introduction, four Chapters, Conclusions, a Bibliography, and seven Annexes.

CHAPTER 1. THE CONCEPT OF FORCE IN INTERNATIONAL RELATIONS

The category of "force" is one of the most important in the discourse of the theory and practice of international relations, in the reflections of philosophers and political scientists. The classical definition of the category “power” in political science is the definition given by R. Dahl, according to which “power is the ability of one actor to force another actor to act in the same way as in any other case he would not act”.[113]

Competition for power in the outside world is carried out using various forms of power, the role of which is largely determined by changes in the technological order and the development of globalization processes. In this regard, for example, they talk about the existence in the modern system of international relations of "hard power" and "soft power".[114] In the general case, such manifestations of force can be divided into “use of force” (coercion using the means and methods of conducting military operations) and “compelling” (impression on actors using economic, diplomatic and other “non-military” means.[115] It is also possible to assume that both "military" and all other means of achieving national goals, in a broad sense, can be called means of waging a "political war".

Practitioners and theorists in foreign policy began to study the essence of the phenomenon of power much more often in the course of studying the experience of

---

[113] См.: Dahl Robert A. The Concept of Power // Behavioral Science, 2:3, July, 1957. P.201

[114] According to Y. Davydov, “soft” and “hard” options are complex-structured forms of impact through various sets of tools, resources and technologies. In practice, they can complement each other or be a consequence of each other. See: Давыдов Ю. Н. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений. - Международные процессы. 2004. N1(4), Т.2. с. 69-80.

[115] See: U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy. 2nd Edition. Ed. J. Boone Bartholomees, Jr. June 2006. ISBN 1-58487-244-6.

the first international organization in the field of security, the League of Nations, and after the emergence of the United Nations and its first steps in ensuring and maintaining peace. Also, one of the impetus for the expansion of the discourse was the introduction into political circulation of the term "national security" by the adoption in 1947 by the United States of America of the law "On national security". For our state, this term, of course, is relatively new.[116]

The regulatory legal acts currently adopted in the Russian Federation regulating activities in the field of ensuring national security (including the regularly updated Military Doctrine), in our opinion, contain a number of gaps in the interpretation of the modern essence of armed conflicts, the choice of their objects and subjects, which, respectively , leads to discrepancies in the interpretation of the problems of ensuring national and international security with the main international actors. The discourse uses a "traditional" terminological apparatus, the understanding of war is still reduced only to an armed conflict, which excludes from the analysis the strategic problems of ensuring national security, as the emphasis is made on military methods of force to ensure security.[117]

In our opinion, this is precisely why the problem of legitimizing political decisions on the use of force in the interests of ensuring national security deserves serious scientific research.

This is primarily due to the fact that in the process of moving towards national goals, the state affects the system of international relations (including international institutions, individual states and other actors) with its combined power. At the same time, the degree and intensity of the use of combined power

[116]See: Пыж В.В. Геополитическая обусловленность военной политики России…дис. д. полит.наук.-СПб, 2004.

[117] The author agrees with the conclusions of A.A. Kovalev. that “despite the fact that the 2014 Military Doctrine (as opposed to the 2010 Military Doctrine) takes into account the peculiarities of modern wars, as well as the strategies of NATO member states and other military-political organizations in relation to Russia, nevertheless , it retains all the methodological shortcomings inherent in its predecessor." See: Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации…дис. канд. полит. наук.- СПб. 2014. с.6.

depend not only on the scale of contradictions and readiness to act decisively in achieving the goal, but also on the provision of the process with effective political science tools.

It is in this area that it is extremely important for the parties to skillfully apply adaptive political strategies to prevent conflict situations from entering a “hot” phase.

The modern political process predetermines the existence of special requirements for the quality of government of the national security system. This requires a revision of the policy of ensuring national security, improving the quality of measures taken in the field of organizing national defense, creating a mechanism for preventing military threats, and preserving the state's sovereignty.

In our opinion, decision-makers in the field of ensuring national security need to realize the special role of the political mechanism to legitimize acts of the use of force in international relations. In this regard, the study sets itself the task of identifying and analyzing the mechanism of political and legal support of forceful actions in the field of international relations with the necessary and sufficient political science tools.

1.1. Force and National Security in International Relations

For millennia, the main way social groups influence the outside world has been hard power. The appeal to it was inevitably due to the fact that it was, firstly, the most accessible and effective (radical and fast) tool for achieving goals outside the group, and secondly, the objective state of the outer world itself, that is, the content of intergroup relations. This state of intergroup interactions found

theoretical justification in the writings of up-to-date ideologists. Sometimes force was declared to be almost the only means ensuring the development of states, the basis of the international legal order. It was considered quite acceptable to ensure their interests at the expense of other peoples. As a result, world history was not so much the history of nations as the history of wars.

Later, humanity came to the realization that the use of "non-violent" methods of resolving contradictions, including in the struggle for power, contributes not only to the achievement of goals, but can even guarantee the group's self-preservation. The experience of mankind has shown that relying exclusively on armed confrontation in the struggle for resources inevitably leads to a strategic overstress of the state, reduction of the people, and, as a result, to a defeat. So, for example, J. Stossinger noted regarding the wars of the 20th century: "... those nations (or leaders) that start a war are unlikely to ever appear as victors."[118] This confirms the effectiveness of the constructivist paradigm - there was an awareness of the need for institutions for conflict resolution.

In modern politics, "force" is a multi-vector, coalescing category that manifests itself in all spheres of human interaction. For example, one of the founders of the school of "political realism", an American researcher and foreign policy practitioner H. Morgenthau, defined force as a lever of world regulation, power over the minds and actions of people;[119] and another famous American theoretician and politician H. Kissinger as a means of influence.[120] More or less other authors are based on the same positions.[121]

Another influential representative of the school of political realism, A. Wolfers, distinguished between force (power) and influence of international actors. His dichotomy suggested that "force" is the ability of an actor to change the

---

[118] Stoessinger, John G. Why Nations Go To War. Wadsworth Cengage Learning, Boston, USA. 11th edition, 2011, 432 pp.
[119] See: Morgenthau, H. Politics among Nations. 4-d ed. N.-Y. : Knopf, 1967. P. 97.
[120] See: Kissinger, H. American Foreign Policy. 3-d ed. N.-Y. : Norton, 1977. P 57.
[121] See: Давыдов, Ю. П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 7.

behavior of other international actors through coercion. And "influence" is his ability to change the specified behavior through persuasion.[122]

The famous French philosopher, political scientist, sociologist and publicist, one of the founders of the critical philosophy of history R. Aron, in his analysis, distinguished not only between force and influence, but also between force and power, power and authority, the balance of force and authoritative relations.[123]

What he sees in common between them is that force and power in international relations, like power in intrasocial relations, depend on the resources available to the state and are associated with violence. In his opinion, power is closely related to the power and force of the state. However, they cannot be mixed. Power is an internal political concept, while force refers to the foreign policy characteristics of the state.

R. Aron identifies three main elements in the structure of the power of the state:

1) environment (space occupied by political units);

2) resources and knowledge at their disposal (obviously, this is how he defined the mobilization potential of the nation);

3) the ability for collective action (the organization of the military structure of the state, the quality of civil and military management in wartime and in peacetime, solidarity of society).

A similar approach was promoted by proponents of the theory of interdependence, which became widespread in the 1970s, R. Keohane[124] and other representatives of this theory linked the appeal to force with the character and nature of the complex of connections and interactions between states. Such structuralists view international regimes as mechanisms that foster decentralized

---

[122] Wolfers, Arnold. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962, Chapter Seven. "Power and Influence: The Means of Foreign Policy". pp. 108-116. URL: https://archive.org/details/discordandcollab012923mbp.

123 Aron R. Paix et Guerre entre les nations. — Paris, 1984, p. 82—87.

[124] Keohane, Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. International Affairs 61(2), January 1984. DOI: 10.2307/2617490.

cooperation between self-interested actors.

Based on this, we can conclude that the manifestation of the "force" of the state in the external world is, first of all, the ability of its influence on the behavior of other international actors in the desired direction for it, as well as the establishment of desirable forms of interdependence of political subjects. Accordingly, the foreign policy strength of a state can be defined as a derivative of its total power, which manifests itself through the scale and intensity of impact on the system of international relations as a whole or its individual elements; and, accordingly, a positive or negative assessment of such impact by other political actors.[125]

In our opinion, the armed conflicts of the late 20th and early 21st centuries that accompanied the end of the confrontation between the two systems in the Cold War, including conflicts on the territory of the former Soviet Union, show that one cannot ignore changes in the international organization, largely due to a change in technological order and globalization, in the analysis of the content of the norms of the institution of force. Following a single isolated model for studying interstate interactions, for example, political realism and structuralism, is not possible for political analysis and development of recommendations for government bodies. Currently, there is not a single international actor who would have sufficient power and influence to independently ensure national security. And even more so for domination in international relations. In such a situation, turning to international institutions is inevitable. And it is for this reason that the coordination of the wills of the main international actors regarding acts of use of force or the threat of force to protect national interests has been and remains one of the most difficult and

[125] Political power in a broad sense, according to G. Morgenthau, “is the psychological relationship between those who possess it and those in relation to whom it is applied. This gives the former the opportunity to control the actions of the latter with the help of the influence that they have on their minds. This influence comes from three sources: expectation of gain, fear of failure, respect or inclination for people and institutions. Political power can be realized by orders, threat, persuasion, charisma of a person or institution, or a combination of any of these factors ... International politics, like any politics, is a struggle for power (influence)."
See: Morgenthau, H. Politics among Nations. 4-d ed. N.-Y.: Knopf, 1967. P. 95.

debatable problems of the political practice of resolving international conflicts, formalized in the norms of international law.

Conditions or circumstances, the achievement of which greatly contributes to the maintenance of the well-being of the people, and for the achievement of which, in fact, this state was created, can be generally defined as "national interests".

So, for example, "The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020" defined national interests as "... the totality of internal and external needs of the state in ensuring the rule of law and sustainable development of the individual, society and the state."[126]

Obviously, some interests are common to all states, namely: security from outside invasion and economic security, preservation of state institutions and national identity.[127]

Other interests may be temporary in nature, determined by both the internal capabilities of the state and the pressure of the circumstances of the outside world.

That is, national interests, as a category and a qualitative characteristic, are an abstraction, which is determined by the totality of values of any given community of people at a certain historical period. And, therefore, there is always disagreement in the definition of what constitutes a "national interest".

National goals are fundamental quantitative benchmarks to which government policies and efforts are directed, and to which the resources of the

---

[126] Clause 6 of Section I "General Provisions". Decree of the President of the Russian Federation No. 537 of May 12, 2009 "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020". Российская газета №88 (4912) от 19 мая 2009, с. 15-16.

[127] Earlier, the Decree of the President of the Russian Federation of January 10, 2000 No. 24 "On the Concept of National Security" defined national interests as "... a set of balanced interests of the individual, society and the state in the economic, domestic political, social, international, informational, military, border, environmental and other spheres ... Russia's national interests in the international sphere are to ensure sovereignty ... Russia's national interests in the military sphere are to protect its independence, sovereignty, state and territorial integrity, to prevent military aggression against Russia and its allies, to ensure conditions for peaceful, democratic development of the state ". See: Decree of the President of the Russian Federation of December 17, 1997 N 1300 (as amended on January 10, 2000) "On the Approval of the Concept of National Security of the Russian Federation". Российская газета, N 247, 26.12.1997.

people are directed as a priority. If the efforts of all branches of government are focused on achieving such goals, then it is likely that in this way national interests will be kept-up.[128]

In essence, national goals represent what the people want to achieve. National interests, inferred from constantly determined goals in the context of a volatile global environment, are the answer to the question "why do states behave like this?" And, then, the national security strategy is a plan for the implementation of the state's plans to achieve national goals.

In accordance with the official definition, "Russia's National Security Strategy" is "an officially recognized system of strategic priorities, goals and measures in the field of domestic and foreign policy that determine the state of national security and the level of sustainable development of the state in the long term."[129]

Achieving national goals in accordance with the "National Security Strategy of the Russian Federation until 2020" is ensured by adherence to the "strategic national priorities" of the most important directions of "ensuring national security, according to which the constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation are realized, sustainable socio-economic development and the protection of the country's sovereignty, its independence and territorial integrity ..."[130]

---

[128] We consider it necessary to draw attention to the position of M.A. Gareev regarding the proportionality of the proclamation of national goals and the interests of the state: "... Russia needs a certain moderation in defining and defending national interests in order to firmly defend only the really vital ones. National interests should not be belittled, otherwise the possibilities for economic development are limited. At the same time, the experience of the 1930s and post-war years showed that excessive maximalism and unreality of the proclaimed goals and interests, the desire to implement them strictly and at any cost gave rise to a confrontational foreign policy, military doctrine, leading to the undermining and collapse of falsely understood national ideas and goals ..." See: Гареев М.А. Отвлеченные призывы и декларации не нужны. Опубликовано в НГ-НВО от 25.01.2008. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2008-01-25/5_prizyvy.html (accessed: 31.01.2008).

[129] Clause 3 of Section I "General Provisions". Decree of the President of the Russian Federation No. 537 of May 12, 2009 "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020". Российская газета №88 (4912) от 19 мая 2009, с.15-16.

[130] Clause 6 of Section I "General Provisions". Decree of the President of the Russian Federation

Promotion of national interests in being always forms the basis of international relations, since each state seeks to ensure the physical, social and economic security of its own people. But in view of the unequal distribution of natural resources and the objective growth of human needs, the advancement of national interests always takes the form of either peaceful competition or conflict. Competition as a form is recognized and regulated by the world community.

However, when competition goes beyond effective regulation, it turns into a state of conflict and the use of force. Therefore, the state of peace, as a state of international relations, is, obviously, a relative concept, and never constant, since it can be argued that at any moment in time on Earth there is always a place where states or other actors of international communication use force to achieve their goals.

It should be noted that among the vast arsenal of means of ensuring national security, priority should be given to political means that allow the use of the aggregate power of the state to achieve peace and tranquility. However, the political toolbox is not limitless. National security is ensured not only by warning and, if necessary, by repelling threats, and by the state's place in the world hierarchy of military power, but also by the competitive advantages of a developed economy.

The views of states on the possibility of using the armed forces, their goals and objectives are determined in doctrinal documents, which, in turn, are based on assessing the effectiveness of the functioning of all elements of the national security system.

For example, earlier the 2000 National Security Concept of the Russian Federation determined that: “Russia's national interests in the military sphere are to protect its independence, sovereignty, state and territorial integrity, to prevent military aggression against Russia and its allies, to provide conditions for peaceful,

---

No. 537 of May 12, 2009 "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020". Российская газета №88 (4912) от 19 мая 2009, с. 15-16.

democratic development of the state".[131]

This stated interpretation of national interests was determined by the limited resources available at that historical period to ensure the involvement of Russia in events of a global scale, and, accordingly, limited the tasks of the armed forces, mainly to ensure the prevention of aggression.

After a number of years, when Russia began to emerge from the systemic political and socio-economic crisis of the late 20th century, preserve its sovereignty and territorial integrity, when the priority tasks in the economic sphere were solved, the country's leadership formulated other, broader tasks in the sphere of the national defense:

- prevention of global and regional conflicts;
- implementation of strategic deterrence in the interests of ensuring the country's military security.[132]

Strategic deterrence, in turn, "involves the development and systemic implementation of a complex of interrelated political, diplomatic, military, economic, informational and other measures aimed at preemptive (highlighted by the author) or reducing the threat of destructive actions by the aggressor state."[133]

The legislation of the Russian Federation on defense currently contains a provision providing for the possibility of the operational use of the formations of the armed forces "... for solving the following tasks:

1) repelling an armed attack on formations of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops or bodies stationed outside the territory of the Russian Federation;

2) repulsing or *preventing* (highlighted by the author) an armed attack on another state that has made a request to the Russian Federation;

---

[131] Section II "National interests of Russia". Decree of the President of the Russian Federation No. 24 of January 10, 2000 "On the concept of national security of the Russian Federation."
[132] See paragraph 26 of Section IV "Ensuring National Security". Decree of the President of the Russian Federation No. 537 of May 12, 2009 "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020." Российская газета №88 (4912) от 19 мая 2009, с.15-16.
[133] Ibid.

3) protection of citizens of the Russian Federation outside the territory of the Russian Federation from an armed attack on them;

4) combating piracy and ensuring the safety of navigation"...[134]

The modern "Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation"[135] determines that in order to ensure national interests and implement strategic national priorities, the foreign policy of the state should be aimed at fulfilling a number of main tasks, including:

“(a) ensuring the country's security, its sovereignty and territorial integrity, strengthening the rule of law and democratic institutions; ...

(д) further advancing the course towards strengthening international peace, ensuring general security and stability in order to establish a just democratic international system based on collective principles in solving international problems, based on the rule of international law, above all, on the provisions of the Charter of the United Nations, as well as on equal and partnership relations between states with the central coordinating role of the United Nations as the main organization governing international relations; ...

(e) forming good-neighborly relations with neighboring states, helping to eliminate existing hotbeds of tension and conflicts in their territories and preventing the emergence of such hotbeds and conflicts;

(ж) development of bilateral and multilateral relations ... with foreign states ... on the basis of ... non-confrontational defense of national priorities; … Assistance in the formation of network alliances, active participation of Russia in them;

(з) comprehensive effective protection of the rights and legitimate interests

---

[134] Clause 1 of the Federal Law of November 9, 2009 No. 252-FZ "On Amendments to the Federal Law" On Defense ".www.garant.ru/hotlaw/federal/211046/.

[135] Foreign Policy Concept of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of November 30, 2016 No. 640.
URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045 (accessed: 01.12.2016).

of Russian citizens and compatriots living abroad…. ”.[136]

It seems obvious that the clarification of the interests of states and the regulation of the conflict of their interests occurs in the political process, which has both national and international dimensions, when state authorities at each moment of time need to look for answers to the questions: “who”, “where”, “what ”,“ when” and “ by what means ”, in relation to the actions of their opponents, who are also striving to achieve their national goals; find means and methods of counteraction, provide them with resources, as well as assess the scale of possible losses and the risks of assigning international responsibility for their actions.

It is obvious that one of the means of achieving national goals (the question "by what means") can be the use of military force.

In the search for answers to these questions, the following has to be carried out:

1. revealing of the nature of relations with rival states;

2. elaboration of national goals, methods and ways of achieving these goals;

3. calculation of the amount of resources that can be used to achieve national goals and their distribution, assessment of permissible losses;

4. allotment of responsibility, including moral responsibility, between individuals, governments, non-governmental groups.

Similarly, as a process, the Russian Federation defines "military policy": "the activity of the state in organizing and implementing defense and ensuring the security of the Russian Federation, as well as the interests of its allies ...".[137]

Whenever states use armed violence, the question arises of how just[138] or

---

[136] Ibid, Section I "General Provisions".

[137] Decree of the President of the Russian Federation "On the Military Doctrine of the Russian Federation" dated February 5, 2010 No. 146. Российская газета, N 27, 10.02.2010. Section I. General Provisions, clause 6 subclause «И».

[138] For example, clause 2 of Section II "Military-strategic foundations" of one of the previous versions of the Russian Military Doctrine established that: "The nature of modern wars (armed conflicts) is determined by their military-political goals, means of achieving these goals and the scale of military operations. In accordance with this, a modern war (armed conflict) can be: for military-political purposes - fair (not contrary to the UN Charter, fundamental norms and

legitimate was the appeal of the conflicting parties to this form of resolving conflicts.

It should be noted that only in the sphere of politics and international relations can an answer be found to the question “why was force used?”; the answer to the question "how was force used?" is in the field of military arts; and the answer to the question "was force used lawfully?" is in the subject area of the science of international law.

In an effort to maximize its interests, a nation enhances the impact of its combined power on the system of international relations or individual elements and ties that comprise it. The degree and intensity of this impact is determined, on the one hand, by national interests, and on the other, by the objective condition of the system of international relations.

Within the framework of the implementation of national strategies, the use of force in interstate relations is a kind of inevitable "management cycle"[139] since in a sufficiently large number of situations the only effective means of protecting national interests can only be the national military power, despite the fact that in the process of preventing wars and armed conflicts states in general should give

---

principles of international law, conducted in self-defense by the party subjected to aggression); unfair (contrary to the UN Charter, fundamental norms and principles of international law, falling under the definition of aggression and being led by the party that has undertaken an armed attack) ... "See Decree of the President of the Russian Federation of April 21, 2000 No. 706" On the approval of the military doctrine of the Russian Federation " ...Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 2000 г., N 17, ст. 1852.
In the Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. Pr-2976 (see: URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/18/129.html)), *just character of an act of resorting to force through the establishment of compliance with the norms of the UN Charter is no longer defined.*

[139] По справедливому замечанию В.Н. Хонина: «Система международных отношений регулируется посредством множества контуров, отличающихся друг от друга по составу субъектов и составляющих их основу нормам права, их управленческим циклам. Все частные управленческие циклы представляют лишь части всеобщего целостного цикла – правового регулирования международных отношений…». См.: Хонин, В.Н. Об определении международно-правового регулирования / Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982, стр. 17.

preference to political, diplomatic, economic and other non-military means.[140] However, the need to protect national interests in most situations may require sufficient military power.

The power of the state (or the influence of the state) in the external world is determined both by its own capabilities and by the aggregate characteristics of the alliances that a given state arranges with those states with which it has coinciding interests.

The capabilities of the state depend on its geographical features (size of the territory, its configuration and characteristics, location); population size and characteristics; the availability of natural resources and agricultural potential; the efficiency and flexibility of the industry; the state of transport and telecommunications infrastructures; overall economic potential and economic viability; national characteristics of the population and its religion, involvement in world events, the presence of the population's will to jointly advance towards common goals, trust in the government; efficiency of government, etc.

These sources of state power work indirectly - they are only a mobilization potential. The main sources of state power in a world full of uncertainties are favorable geographic conditions, a productive and creative population, a strong and flexible economy, skillful government, and the will of the people.[141]

The concept of national power includes both its sources and instruments for the realization of national interests.

The instruments of national power complement each other; they can never be considered, let alone applied independently. As is often the case under the influence of the media, setting the fashion for terms, the combined use of tools of

---

[140] См. Раздел IV «Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации». Указ Президента РФ от 1 0 января 2000 г. №24 «О концепции национальной безопасности Российской Федерации».

[141] The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation as the main factors of influence on international politics, along with military power, puts forward economic, scientific and technical, environmental, demographic and informational. See: “The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation”, Section II “The Modern World and Foreign Policy”.

national power is currently defined as a "hybrid" action:[142] in any conflict situation, the behavior of states in moving towards their national goals can be explained through how they do *combine* and *synchronously* use the means available to them (sources of national power). In general, this paradigm is described by the abbreviation "MIDFIELD":

military (military);

informational (informational);

diplomatic (diplomatic);

financial (financial);

intelligence (intelligence);

economic (economic);

legal (law);

providing support (development).[143]

In core, these sources of national power are the structural elements of the foreign policy force of a state, and together they constitute the basis of national power.

The relative novelty of the discourse on the hybrid nature of war lies in the transformations in the organization of public life, which accordingly led to a change in the content of the concept of "object of the use of force." The new objects of use of force, in turn, must correspond to the means and methods that can be used by actors competing for power.

Also, the need for actors to use "hybridity" in the struggle for power (states - to achieve national goals) came in connection with the increasing complexity of

---

[142] Conceptually, “hybrid warfare” can be described as “the synchronized use of multiple instruments of [national] power, specially selected to produce mutually reinforcing effects on specific vulnerabilities across the entire spectrum of social processes”. See: Patrick J. Cullen, Erik Reichborn-Kjennerud. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

[143] Joint Doctrine Note 1-18. Strategy. II-8. 25 April 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Docu-ments/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540.

the organization of the security environment. With the development of globalization and the strengthening of economic interdependence, competing actors gained access to information about the real power of the enemy and they realized that the existence of an enemy with a strong military organization of vulnerabilities in "non-military" spheres, when a wide range of non-violent means are used against him simultaneously, can change the status quo even without resorting to armed violence. Moreover, one of the vulnerabilities of strong powers is that they are bound by the regime of international law established after World War II. This regime imposes on states the obligation to exercise restraint and conduct political dialogue in the area of limiting the address to use of force. Actors - “not states” are not bound by such obligations.

As an example, we can cite the well-known approach to assessing the military power of states using the Global Firepower Index (GFP), which is based on assessing the national military land, naval and aviation potentials, and is based on an analysis of more than 50 different indicators. In addition to the number of personnel, the number of armored vehicles, ships, aircraft, etc., it also takes into account the level of defense funding, the country's transport infrastructure, access to petroleum products and other factors that may affect the combat effectiveness of the state's military organization. At the same time, the index does not take into account the factor of nuclear weapons.[144]

Depending on the international situation and national goals, more resources are allocated to the very instrument that gives the greatest gain for the chosen national security strategy. But, in any situation of protecting national interests, it is not possible to draw clear boundaries between the areas of application of these tools.

Military power has an important feature, which consists in the need for constant large-scale qualitative renewal of the means of warfare, military doctrine, development of state infrastructure, and improvement of the preparation of a

[144]URL https://nonews.co/directory/lists/countries/global-firepower (accessed: 20.01.2021).

unified system for ensuring national security.

In order to strengthen military power, the state turns to all available opportunities that can be provided by all spheres of public life, without exception, and not only by the exclusively military organization of the state: the search for the most effective mechanisms in the economy, breakthrough scientific research is being carried out, ways are being sought to strengthen the moral potential of the nation.

The adaptation of the military organization of the state to a dynamic change in the state of the security environment and its provision with effective military-political solutions in the international arena are necessary actions to effectively counter both existing and potential threats.

The plan for the implementation of plans to achieve national goals is formalized in a national security strategy, which can be defined as the science and art of developing and using tools of national power, both in peace and during war, in order to secure achieving national goals, based on their signification and taking advantage of the sources of national power available to the state.

From this point of view, international relations should be viewed as a process of interaction between the national strategies of different states, which manifests itself either in the form of a conflict or in a state of coincidence of interests. This interaction is carried out through the use by states and other actors in international communication of tools available and effective at each specific moment of their power.

If, for example, economic and diplomatic measures show their inadequacy and ineffectiveness, then there may be recourse to military force or the threat of its use, both unilaterally and in alliance with someone. But, military, diplomatic, economic, and other actions lead to success only if they are provided with resources and coordinated to achieve a single political goal.

The use of armed violence (or the threat of its use) is one of the means used by states in interstate relations, and the possibility of resorting to them is always taken into account at the highest level of national strategy and policy.

The purpose of modern acts of the use of military force in the UN paradigm is to restore the state of peace. This statement is, of course, generalizing in nature, since the specific reasons for turning to force for each nation are determined by the combination of its inherent characteristics, its national character, the conditions of its existence, history, religion, demography, international obligations, etc.

For these conditions, as, indeed, for those that have not been listed, there are no universally agreed definitions at the interstate level for their content.

In general, for example, the term "war" can be defined as a large-scale and organized use of military force by states or by some groups in order to obtain political advantages.[145]

This definition is most widespread both in the military environment and in the public consciousness, since the classical understanding of the difference between war and other cases of resorting to armed violence, for example, internal armed conflicts or other situations of violence, consists only in its special design in the norms of international and national law.

Since the inception of the modern system of states, wars have been waged primarily by states, and their conduct was regulated by custom, and then described rather than regulated by customary and treaty international law.

Civil wars and insurgencies are now also to some extent "regulated" by international agreements, but only to the extent that it is in the interests of the warring parties: if the belligerent strives to gain recognition in the future as a full-fledged subject of international relations, he makes declarations of commitment to norms of international law and is responsible for their implementation by personnel of their armed formations. But, at the level of everyday perception, as well as by military professionals, any use of force, significant in scale and consequences, is most often regarded as a "war", for which one must be prepared,

[145] For example, in the guidance documents of the US Armed Forces, the following definition is given: "War is violence sanctioned by society in order to achieve a political goal." See: Joint Publication 1, Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. Chapter I “FOUNDATIONS”, I-1 (b). URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp1.pdf.

regardless of what the strategic purpose is at the national level.

In a number of cases, "war" was defined as "total (absolute)", when the volume of resources, both human and material, attracted to achieve victory is such that it must ensure victory at any cost, or when, to achieve even limited tasks, means are "absolute" in their properties (for example, nuclear). However, the term "victory at any cost" should not be equated with the term "absolute victory", which in some cases may define the complete destruction of the enemy's statehood.

In most cases of conducting hostilities, states fully mobilize their resources only when they face the goal of "victory at any cost", and sometimes even to achieve limited goals, but which have a fateful semantic, ideological significance for the nation, for example, for the final border settlement.

From the point of view of military professionals, the possibility of turning to military means of resolving conflicts, war is defined as the core and the meaning of being; from the point of view of politicians - one of the means of deterring the enemy; and in case of impossibility of deterrence - means of acquiring quantitatively and qualitatively different political advantages.

Regardless of the political context, the content of the art of waging war is determined by the basic principles of warfare[146] developed by the practice of states, which are not a frozen structure - they respond flexibly to changes in technology, the state of international relations, strategic intentions of states and other social

[146] «The general, stable principles of the art of war, operating in all wars, include: the conformity of the methods of military action to political goals, economic and military capabilities of states; the massing of forces and means, the decisive concentration of the main efforts in the most important areas, and at the decisive moment, the creation of an overwhelming superiority over the enemy in the selected directions of strikes; suddenness of actions; flexible maneuver of troops, forces and equipment; timely increase of efforts to build on the achieved success and its consolidation; skillful use of reserves; thorough preparation and all-round support of military operations; firm and continuous command and control of troops and forces. War and Peace in Terms and Definitions." See: Военно-политический словарь. Ред. Д. О. Рогозин. Вече 2011. 640 С.; «War historically involves nine principles, collectively and classically known as the principles of war (objective, offensive, mass, economy of force, maneuver, unity of command, security, surprise, and simplicity)». Joint Publication 1, Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. Chapter I “FOUNDATIONS”, I-1 (b).
URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp1.pdf (accessed: 21.01.2016).

groups.

To provide the context necessary for the development of the doctrine of the use of armed force, and, therefore, to determine the direction of development and training of the armed forces, military planners, in the general case, structure the likely military actions in accordance with the tasks assigned to them and the resources available, for example, separating conflicts on:

- large-scale war, local, regional conflicts;
- conflicts of low or high intensity;
- protracted or short-term hostilities;
- conflicts with the use of nuclear (or other types of weapons of mass destruction) (hereinafter - WMD)), or only conventional weapons;
- or they are classified on some other basis.[147]

In the context of domestic political and international relations, all actions with the use of armed violence can most often be divided into two groups: actually "war" and "not war" (or "armed actions of a non-military nature" (hereinafter

[147] In particular, the modern edition of the Russian Military Doctrine defines:
"… A) the military security of the Russian Federation… the state of protection of the vital interests of the individual, society and the state from external and internal military threats associated with the use of military force or the threat of its use, characterized by the absence of a military threat or the ability to resist it;
b) military danger - a state of interstate or intrastate relations characterized by a combination of factors that, under certain conditions, can lead to the emergence of a military threat;
c) military threat - a state of interstate or intrastate relations characterized by a real possibility of a military conflict between the opposing sides, a high degree of readiness of any state (group of states), separatist (terrorist) organizations to use military force (armed violence);
d) military conflict - a form of resolving interstate or intrastate contradictions with the use of military force ...;
e) armed conflict - a limited-scale armed clash between states (international armed conflict) or opposing parties within the territory of one state (internal armed conflict);
f) local war - a war between two or more states pursuing limited military-political goals, in which military operations are conducted within the borders of opposing states and which mainly affects the interests of only these states (territorial, economic, political, and others);
g) regional war - a war involving several states of the same region, waged by national or coalition armed forces, during which the parties pursue important military-political goals;
h) large-scale war - a war between coalitions of states or major states of the world community, in which the parties pursue radical military-political goals. A large-scale war ... will require the mobilization of all available material resources and spiritual forces of the participating states ...".
See the order of the President of the Russian Federation "On the Military Doctrine of the Russian Federation", see above.

AANME)).

There is no definition for the phenomenon of "war" in international treaty law. In the classical doctrine of international law, it is assumed that war is a dispute between two or more states with the use of armed forces in order to defeat the enemy and establish such peace conditions that satisfy the winner.[148]

In this definition given by L. Oppenheim, four essential elements can be notable:

1. existence of a dispute between two or more states; during which:

2. the armed forces are used;

3. the purpose of the war is to achieve victory over the enemy;

4. it is assumed that both sides have symmetrical, but possibly completely opposite goals.

However, can a conflict involving states be called a war if the adversary is not a state? Modern international law "regulates" the conduct of two types of armed struggle without giving them a normative definition: interstate conflicts (waged by two or more opposing sides) and intrastate (civil wars waged by two or more opposing sides within a state).

In a formal legal sense, a war begins with a declaration of war and ends with a peace treaty, or some other action that shows that the war is over. Thus, in classical international law, there was the possibility of separating the peacetime and wartime regimes.

In a de facto sense, war can exist in the absence of any formal legal arrangements. It is associated with the actual conduct of hostilities, and not a legal procedure compared with a declaration of war. Moreover, hostilities do not have to be continuous throughout the course of a war; they can, for example, be interrupted by periods when the parties conclude ceasefire agreements.

Previously, the legal regime of war was characterized by the intention to

[148] Oppenheim, L. International Law: A Treatise. Vol. II. War and Neutrality. Second edition. Longmans, Green and Co. 1912. §58, pp. 67-68.

create a state of war with a chosen specific enemy (animus belligerendi), which was usually stated in a declaration of war, but at present this condition is not considered by states to determine whether they are in a state of war.

For example, if a state invaded the territory of another to solve limited problems, and the victim of the attack regarded this invasion not as AANME, but as a war, then the aggressor state will be forced to accept the state of war. Likewise, if both states conduct prolonged and large-scale hostilities, but at the same time deny a state of war, it, nevertheless, will exist in relations between them in fact.

In some circumstances, even in the case of large-scale hostilities with a significant number of casualties and over a long period of time, there may be situations where the parties behave in such a way that nothing happens. For example, this situation existed in 1939, when the USSR and Japan maintained normal diplomatic and trade relations against the background of the conflict in the Khalkhin-Gol River region. The hostilities took place in the absence of a legal state of war.

At present, in the paradigm of the UN Charter, it is possible to speak of only about the existence of the so-called status mixtus, which is a state intermediate between war and peace, when both the laws and customs of war and the norms of peacetime are applied simultaneously for different purposes.

In peacetime, the status mixtus exists when the state, on a limited scale, uses force to conduct AANME. Since the state of peace is predominant, the relations between the parties to the conflict continue to be governed by the norms of peacetime, the norms of neutrality are not enforced for third parties to the conflict. At the same time, the conduct of hostilities is governed by international humanitarian (hereinafter IHL) and customary law, the norms of which are mainly embodied in the two Additional Protocols of 1977 to the Geneva Conventions of 1949. Regardless of whether states recognize a state of war between them, they are obliged to apply these norms.

It is obvious that quite often there are conflicts between states with the

participation of armed formations, which do not develop into a war. Collisions of formations on the borders of states,[149] incidents with weapons, for example, torpedoing a ship under the flag of another state,[150] shooting down an aircraft belonging to another state.[151] Incidents of this kind occur quite often by chance, or as a consequence of the existence of tension between states for some reason.

The AANME category can include various kinds of coercive actions, as well as actions carried out by third parties with the consent of the conflicting parties (actions to maintain or restore international peace and security in accordance with the mandates of international organizations), carried out by states, both within the national territory and outside it, when, in accordance with the existing norms of national and international law and practice, the states do not follow the formal procedures for declaring war. The difference between these two categories is significant, since the political, economic and legal relations between the belligerent and states, neutral to that conflict, are subject to change in a completely different bulk in form and content.

In addition, these categories reflect the degree of social cohesion and demonstrate its readiness to use national resources to resolve the conflict by military means. Also, the use of armed force can be called a war, or AANME, depending on the definition at a given moment of the content of national interests and political circumstances - for example, whether the people are facing the problem of ensuring their survival, or simply maintaining the existing level of well-being.

---

[149] A bug in Google Maps almost led to the outbreak of war in Central America.
URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2010/11/05/n_1567954.shtml# (accessed: 05.11.2010).

[150] S. Korea: "Obvious" North Torpedoed Our Ship: Foreign Minister Says Investigators Have Enough Evidence to Prove North Korean Attack Killed 46 Sailors.
URL: http://www.cbsnews.com/stories/2010/05/19/world/main6498333.shtml;
URL: http://www.nytimes.com/2010/05/20/world/asia/20korea.html?_r=1 (accessed: 01.03.2011).

[151] Timothy W. Maier. KAL 007 Mystery.
URL: http://web.archive.org/web/20010919141246/www.insightmag.com/archive/200104171.shtml. (accessed: 01.03.2011).

Thus, the qualification of military operations as a "war" or AANME depends only on how the opponents assess the situation. Until the moment when the parties envision the incident as AANME, which should soon end, then until that moment there is no mobilization of all elements of the national power of the state. But at the moment when one of the parties makes a formal statement about the transition to "war", thus giving rise to the war in the formal legal sense, the enemy will no longer be able to alternate the course of events. Also, the state can increase the level of the use of armed violence so that the actual war being waged is formalized, but by the enemy.

This is precisely the main difference between war and peace: to conclude and maintain peace, the will of two states is needed, and to unleash a war, only the will of one state is needed.

For example, when a state is waging actual hostilities against another, it cannot make claims against it for what it perceives to be inadequate in scale, duration and intensity of response. Even when the victim state of the attack does not offer any resistance, war actually takes place in connection with armed violence by the perpetrator state.

For example, the Gulf War actually began in August 1990, when Iraq occupied Kuwait for several hours with little or no resistance, and not in 1991 when coalition forces began active hostilities to liberate Kuwait.

Similarly, Georgia's attack on South Ossetia in August 2008 is not an independent act of hostilities - it is a continuation of the events of the early 1990s, but in this case, the national interests of the Russian Federation were seriously affected, and therefore the formations of South Ossetia were assisted in repelling attacks.

Since the fact of war can be inferred not from formal legal, but from tangible actions, the position of third states in relation to determining the moment of the beginning of a given war is established by them individually.

Military leadership must understand the political underpinnings of warfare, and the political leadership responsible for creating and developing the military

capabilities of a state must understand the quintessence of war.

This condition is one of the main paradigms of the military-strategic process:

– war is an instrument of politics. Political leadership can most effectively manage the conduct of a war if it clearly defines the objectives of its conduct;
– war is one of the means of ensuring the freedom of action of the nation. Also, the necessary conditions for its conduct are the presence of the support of the population, a strong and flexible economy and, an effective and flexible military organization, an effective intelligence system, and the presence of strategically capable leaders;
– war, as a competition, has a special dynamics inherent only in it. The duration of the war is always an uncertain factor, as is the outcome of the war. Uncertainties, disagreements, chaos - all these are also phenomena that necessarily accompany warfare;
– war brings destruction, the cost of waging war is always unpredictable. As a political means, war can be a tool that decides the outcome of a conflict of states, but very often it is a very imprecise tool and its outcome is almost always different from the intended result.

Endeavoring to ensure the quality of life of the population and a stable peace is the essence of the national security strategy, both in time of peace and in wartime. When, due to the current situation, the people have to turn to war, or AANME, it is the responsibility of the government of the state to ensure that it allocates resources wisely to achieve a politically acceptable resolution of the conflict.

Government should always look one step ahead beyond the horizons of hostilities - the ultimate goals of national security policy should grant conditions of the desired peace after the end of hostilities. Among other aspects, they must assess the global and regional balances of power that must be restored or must be re-created to ensure a stable and lasting peace. This, in turn, should take into account the nature of post-war alliances, the delimitation of national borders, the social and economic policies that need to be pursued to eliminate the problems that

led to the conflict on the one hand, and the need to provide political, economic and social support to states experiencing the consequences of the conflict with the other side.

As part of the implementation of the national strategy, military power can be used both directly to suppress the enemy, and indirectly, as an instrument of political pressure.[152]

The analysis of each act of the use of military force - including direct act of warfare - should be carried out in the context of national goals, ways of achieving them (methods of action), and means (available resources). Both the strong and the weak have to rely on what it will cost to violate someone else's or protect their sovereignty in the event of a conflict situation.[153]

The use of force can be a very expensive way of solving the problems of the state, not only in the sense of spending resources, but also in terms of the loss of international reputation and a decrease in the ability to influence international processes. It is because of this that force should be used in discriminate manner, for a short time, and at the same time must prove its effectiveness, including economic.

Any act of use of force must be tolerable (that is, the consequences must not conflict with the expectations of the international community), pragmatic (that is, lead to the state of international relations desired for the state), and effective (in terms of resource costs).

The appeal to force is possible only if the state has sufficient power. This relative characteristic is determined by the difference in the potential and actual, or

---

[152] The main tasks of the Armed Forces, other troops and bodies of the Russian Federation to ensure military security are defined in paragraph 32 (in peacetime), paragraph 33 (in the period of an imminent threat of aggression), paragraph 34 (in wartime) of the section "Use of the Armed Forces , other troops and bodies, their main tasks in peacetime, in the period of an imminent threat of aggression and in wartime ”of the RF Military Doctrine. See: URL: http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (accessed: 20.01.2015).

[153] As noted, in the previously valid version of the Military Doctrine of Russia: "The military security of the Russian Federation is ensured by the entire totality of forces, means and resources at its disposal ..." See clause 8 of the Decree of the President of the Russian Federation of April 21, 2000 No. 706 "On approval of the military doctrine of the Russian Federation”.

perceived and tangible, power of opponents. This difference does not necessarily characterize a quantitative or qualitative advantage; most likely, it most fully characterizes the state's ability to generate opportunities to achieve the desired effect.

The ability of the state to create a decisive advantage in any element of national power can be called "the ability to concentrate efforts," and this property is most important both for the art of war and all other spheres of the state's activities to ensure national security.

It seems obvious that "concentration of efforts" in certain element of national power, especially in modern geopolitical conditions, should not go beyond the framework established by the proven paradigm of strategic art: "Combat operations have three main purposes:

a) overpower and destroy the enemy's armed force;

b) take possession of his material and other sources of power, and

c) *win public opinion*" [154] (emphasis added).

[154] Principles of War by Carl von Clausewitz. "III. Strategy. 1. General Principles". Translated and edited by Hans W. Gatzke. September 1942. The Military Service Publishing Company. URL: http://www.clausewitz.com/readings/Principles/index.htm (accessed: 12.04.2014).

1.2. Evolution of Views on the Justification of the Just Nature of the Use of Force before the Formation of a Modern System of International Security

Already in ancient religious writings, some normative restrictions on the use of force can be distinguished, most often reflecting the definition of "holy war": the only element that determined the justice of resorting to armed violence was the receipt of the necessary blessing of spiritual power, and even wars of conquest were considered sacred if they were conducted with such "sanction" of the Almighty.

Over time, the concept of holy wars was replaced by the concept of just wars. In this case, the use of military force by the authorities was considered permissible if there was a generally recognized just reason, and the sanctions of the ecclesiastical authorities were no longer considered a prerequisite for legitimizing acts of the use of force.

The first significant and documented attempt in European history to develop the doctrine of just war was undertaken during the development of ancient classical thought in Greece and Rome. One of the first authors to argue that the use of force must necessarily be fairly justified was Aristotle.

In his Politics, [155] he criticized Lacedaemon and Crete for their focus on war as the foundation of the state. For Aristotle, war was not an end in itself, but only a means of achieving a "good life" for citizens of the political community and as a way to achieve peace. Based on this general conclusion, Aristotle believed that combat training should focus on three goals, which in turn explain the fairness of war.

---

[155] Аристотель. Политика. Книга седьмая.
URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/index.php (accessed: 02.02.2015).

The first goal of turning to war was "to prevent enslavement." In comparison with modern times, this can be correlated with the inalienable right of the state to self-defense. The second legitimate goal of preparing for war, according to Aristotle, was to achieve hegemony "for the benefit of the subjects," and here he assumed the possibility of using force to establish political rule over people in the interests of these same people. And finally, as a third goal of preparing for war, they were supposed to be able to allow humans to become masters of those who deserve the fate of slaves, and, being slaves by nature, could only realize their full potential as human beings in a state of slaves. Therefore, to achieve this goal, the use of force was assumed to be fair. But for others who are not naturally slaves, the use of force by the state to enslave them is assumed to be unfair.

Aristotle's theory, in fact, not legal but moral, and he sought to determine not the legality of war, but its moral justice, and, as he rightly noted, "the ultimate goal of war is myth."[156]

Another classical thinker who worked to substantiate the fairness of turning to war was the Roman statesman and philosopher Cicero, for whom, as well as for Aristotle, the ultimate goal of war is to establish peace. In his work DE LEGIBUS,[157] he claims that there are two just reasons for starting a war: “(XXII, 35) ... Those wars that were started without reason are unjust. For if there is no reason in the form of revenge or by virtue of the need to repel the attack of enemies, then it is not possible to wage a just war ... No war is considered just if it is not announced, declared, not started because of an unfulfilled demand to compensate for the damage done ..."[158] . He also agrees that "any war that was not announced and declared, was recognized as unjust and impious" (XVII, 31).[159] Moreover, Cicero determined that "(XXIII, 34) that the best state never starts a war

[156] Ibid, XII (15).
[157]Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах. – М., 1994.
URL: http://grachev62.narod.ru/ciceron/Ogl.html (accessed: 14.09.2014).
[158] Ibid. Книга Третья.
[159] Ibid. Книга Вторая.

on its own, except when it is done by virtue of the word given by it or in defense of its well-being."[160]

Thus, Cicero, in contrast to Aristotle, emphasized the argumentation of legitimacy, according to which war can be considered lawful if there is a just cause and when the necessary procedural conditions are met.

In the initial period of the development of the Christian Church, most of its followers were in essence absolute pacifists.[161] However, external pressure on the Roman Empire and the participation of an increasing number of Christians in state and military administration, led to the fact that early Christian pacifism began to erode. It was then that Christians began to turn to the doctrine of just war created by the leading classical philosophers and to interpret it to create the ideological foundations for the functioning of the military security system of the Christian state.

Blessed Augustine was the first of the famous Christian thinkers to begin to formulate the postulates of the theory of just war, which defines the circumstances under which the appeal to force must be recognized as just.[162] His idea was not expressed in the form of a complete doctrine of just wars, since from a religious

---

[160] Ibid. Книга Третья.

[161] For example, Tertullian: "... we are once and for all prohibited from homicide ...".See: Тертуллиан. Апологетик. Глава 9 (8). URL: http://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/ (accessed: 01.02.2015);
Origen: “As for the Christians, they received the commandment not to take revenge on their enemies, and, guided by (this) moderate and humane legal provision, they really do not commit revenge, even if they have the opportunity to fight and if they have the necessary means for this ... They received this (statute) from God, who himself always fights for them and at the right moments pacifies those who rebel against Christians and wish to destroy them. " See: Ориген. Против Цельса. Книга третья. VIII. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Origen/protiv_celsa/3 (accessed: 01.02.2015).

[162] See, for example: “On the killing of people, which does not belong to the crime of homicide”: “… the same divine authority allows some exceptions from the prohibition to kill a person. But this applies to those cases when God himself commands to kill, either through the law, or by a special order concerning a particular person. In this case, it is not the one who kills who is obliged to serve the commander, just as the sword serves as a tool for the one who uses it. And therefore, the commandments "do not kill" are by no means violated by those who wage wars at the behest of God ... ".Блаженный Августин. Творения. Глава 21. – Том 3–4. – СПб.: Алетейя, 1998; О Граде Божием. URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem=1_2 (accessed: 12.07.2010).

point of view, true justice is possible only under God's reign, that is, the "justice" he defined did not have a high divine meaning, but was such in relation to earthly existence.

The first known systematization of the principles of shaping the just nature of the use of force was the work of Thomas Aquinas "Summa Theologiae".[163] Developing the teachings of Augustine, Thomas Aquinas developed a general framework for the Christian doctrine of just war, in broad terms representing what would later be called "the theory of just war." He considers not only the questions of the fairness of the appeal to force, but also the permissible ways of using it, that is, he defines the principles of *ius in bello*.

Steering a kind of dialogue with Blessed Augustine, T. Aquinas defined three conditions for the use of force in order for a war to be recognized as just. First, the authority of the ruler, on whose orders the war is being waged[164] ... Secondly, there must be a just reason, namely that the attacked should be attacked because they deserve it for some of their wrongdoing.[165] Thirdly, it is necessary that the belligerent side had a just intention, that is, that its intention was to establish good or prevent evil, since “true religion considers peaceful those wars that are waged not for the sake of exaltation or cruelty, but for the sake of strengthening peace, punishing villains and affirmations of the good.[166]

These three conditions for determining the just nature of a war were widely recognized and became the starting point in inquiry on the nature of war for

---

[163] Фома Аквинский. Сумма теологии. Том VII. Вопрос 40 «О войне». Раздел 1. Всегда ли греховно вести войну? URL: http://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40 (accessed: 12.12.2015).

[164] "... according to the natural order that maintains the peace among mortals, it is necessary that the right to conceive and declare war should belong to those with the highest authority." Ibid.

[165] "... a war appears to be just when it is a retribution for injustice, when a people or a state must be punished for refusing to compensate for the evil inflicted or to return what has been unjustly captured." Ibid.

[166] “… Sometimes it happens that a war is declared by a legitimate government and for a just reason, but nevertheless it is unjust due to evil intention, in connection with which we read in Augustine:“ Passion for harm, a cruel thirst for revenge, ruthless disgust, lust for power and the like - all of this is rightfully considered the curse of war. " Ibid.

scholars-theologians and lawyers of later times, such as: Francisco de Vitoria,[167] Francisco Suarez,[168] John Locke[169], Hugo Grotius[170], Jean Boden[171], Thomas Hobbes[172], Samuel Pufendorf[173], Emerick de Wattel[174] and others.

To the previously formulated basic criterion for a just war - the need to resort to force, these thinkers added the idea of proportionality, explaining that not every reason is sufficient to justify a war, but only those that are really serious and commensurate with the losses from the war itself. In other words, the evolving right to wage war took as its basis the unlawful principle of reciprocity lex talionis: to justify the reasons for resorting to force, the losses of the state should be approximately comparable to the losses from not turning to war in the absence of resistance to the enemy. When such moral and religious restrictions were not met, war was assumed not only immoral, but was also considered legally prohibited.

---

[167] Franciscus De Victoria. De Indis Et De Ivre Belli Being Parts of Relectiones Theologicae XII. In the Classics of International Law (Edited by James Brown Scott), Reprinted 1964. Oceana Publications Inc., Wildy & Sons Ltd. New York, U. S. A., London.

[168] Francisco Suárez. De Legibus. URL: http://www.sydneypenner.ca/su/DL_1_13.pdf (accessed: 30.08.2012).

[169] John Locke. Two Treatises of Government, ed. Thomas Hollis (London: A. Millar et al., 1764). The Online Library of Liberty. Classics in the History of Liberty. URL: http://oll.libertyfund.org/titles/locke-the-two-treatises-of-civil-government-hollis-ed (accessed: 27.10.2015); Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 262–405; пер. Ю. В. Семенова.

[170] Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

[171] Jean Bodin. Six Books of the Commonwealth. Abridged and translated by M. J. Tooley, Basil Blackwell Oxford. Printed in Great Britain in the City of Oxford at the Alden Press Bound by the Kemp Hall Bindery, Oxford. URL: http://www.constitution.org/bodin/bodin_htm (accessed: 11.12.2011).

[172] Гоббс, Томас. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: http://www.philosophy.ru/library/hobbes/ogl.html (accessed: 16.09.2012).

[173] On the Law of Nations. Eight Books. Written in Latin by the Baron Pufendorf, Counsellor to His Late Swedish Majesty, and to the Present King of Prussia. Translated into English, from the best edition. Oxford. Printed by Lithfeld, et al. MDCC III.

[174] Emer de Vattel. The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature, applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns, With Three Early Essays on the Origin and Nature of Natural Law and on Luxury/edited and with an introduction by Bela Kapossy and Richard Whatmore; translated by Thomas Nugent. Liberty Fund, Inc. 2008. URL: http://lf-oll.s3.amazonaws.com/titles/2246/Vattel_1519_LFeBk.pdf (accessed: 12.12.2015).

That is, already at that time, it was assumed that the object of the use of force should not be the innocent.[175]

As the Russian diplomat Professor F. Martens later noted: "War in antiquity was declared not only to the hostile state and its armed defenders, but in general to all persons who were in the hostile territory ... In any case, religion softened the cruelties common in the wars of ancient peoples."[176]

By the beginning of the Renaissance, less emphasis was placed on the religious justification of the reasonableness of the appeal to force, but, as before, for the thinkers of that time, the war was still assumed to be just only if a set of theological restrictions were followed.

But already in the 16th and 17th centuries, theorists began to link the development of the *ius ad bellum* with human nature, and not with the divine realm. As noted by the already mentioned F. Martens: “In the Middle Ages, for the first time, a public order is being developed, based on respect for a man and his rights. From this time on, the war begins to obey certain rules and order, which develops more and more, as in new states the law and properly organized state power gradually set obstacles to the unbridled will of a person."[177]

One of the most eminent publicists of that time was Hugo Grotius, who formulated in new secular terms the norms of natural law in matters of resort to war, which distanced it from the divine will.

In his work "De Jure Belli ac Pacts" (On the Law of War and Peace),[178] H. Grotius defined the just nature of war. First, he supported the early Christian position on the legitimacy of war when waged by lawful authority. Second, he

---

[175] "The contest in courage with arms in hand is not always prohibited, but only when it is disordered, involves a risk [for life] and ends in murder or robbery." T. Aquinas. Ibid.
[176] Мартенсъ Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Томъ II. Санктъ-Петербургъ. 1883. С. 463.
[177] Мартенсъ Ф. Там же.
[178] Гроций. Книга I. Глава II. Может ли война когда-либо быть справедливой? URL: http://grachev62.narod.ru/huig_de_groot/chapt102.html (accessed: 30.08.2014).

determined that the protection of people and property could be a just reason for waging war.

Also, H. Grotius stated that the use of force is legal in response to an unrealized intention of the enemy, containing a danger to life or property, that is, he formulated the beginnings of the concept of preemptive self-defense, for situations where “the danger should be immediate and imminent in time”. Another just reason for starting the war was the punishment of the state that caused the damage, that is, the beginning of the formulation of the concept of reprisals was laid.

In the same work, H. Grotius identified several characteristics of the "unjust" use of force, including the desire to seize the better lands, the provision of freedom to any people, as well as the establishment of government to a people against their will under the pretext that this is done for their own benefit, etc. [179]

And another theorist of that era, Thomas Hobbes, expanded the criterion of justice by the possibility of waging war to provide the population with goods.[180]

John Locke also made a significant contribution to the definition of a just reason for referring to war regarding the Christian interpretation of the essence of ius ad bellum, that is, the formation of a secularized version of the doctrine of just war. He suggested that “... and the right to war, the freedom to kill the aggressor, [arises] because the aggressor does not give time to turn either to our general judge or to a court decision ..."[181]; and Emeric de Vattel, who determined that “... unlike the case when there is no question of punishing the enemy, everything can be summed up in the following rule: every damage inflicted on the enemy unnecessarily, every act of military action that is not aimed at achieving victory

[179] Гроций. Книга II. Глава XXII. О несправедливых причинах войн. URL: http://grachev62.narod.ru/huig_de_groot/chapt222.html (accessed: 30.08.2014).
[180] Т. Гоббс. См. выше. Глава XXIV «О питании государства и о произведении им потомства». Там же.
[181] John Locke. Book II. Chapter III. Of the State of War. § 19.

and bringing the war to an end are immoral and, as such, are condemned by natural law."[182]

The regulation of the use of force in the positivist period (mid-17th century - the turn of the 19th / 20th centuries) is characterized, first of all, by the fact that a larger number of actors have become involved in foreign affairs, the number of areas of interaction has increased, primarily at the interstate level. As a result, this led to a redistribution of authorities for the use of armed violence between participants in interstate and, later, international relations, and, accordingly, to a change in the roles of the traditional elements of state power in achieving military success and political victory.

Understanding what factors determined the process of such a redistribution of roles within the social structure of participants in international relations is a key moment in understanding the mechanism of legitimizing acts of the use of force in this historical period: the feudal system of power organization was replaced, and the territorial state finally became the dominant political part of European society.

In contrast to the religious-hierarchical system of values that prevailed in the era of feudalism, the new international system was concentrated around distinct, relatively autonomous states under the rule, mainly of monarchs, who were formally under the control of religious authorities, but in fact were no longer subordinate to them. This development was influenced by many factors, not the least of which was the development of foreign trade and the accompanying growth of new professional communities, and, accordingly, the decline in the role of the clerical authorities in the allocation of resources.

With the emergence of the state system, the theory of state status, i.e. doctrine of sovereignty emerged, the development of which is associated with such names as Jean Boden[183] and T. Hobbes,[184] who formulated the fundamental

[182] Emer de Vattel. Book III. Chapter IX, § 172, P. 573.
[183] Jean Bodin. Book I. Chapter VIII. URL: http://www.constitution.org/bodin/bodin_.htm (accessed: 11.12.2011).
[184]Ibid.

principles underlying the system of states, which were not recognized by the rulers of the world until the 17th century, until the complete exhaustion of their resources in wars and forced truces, that were formalized in the system of the so-called Treaty of Westphalia in 1648.[185]

These principles served as the basis for understanding the necessary organization of the modern system of states, and created the initial conditions for the implementation of the then not yet formulated provisions of modern international law and international relations. In the agreements to end the wars, the signatories committed themselves not to interfere with the designation of the dominant religion by local rulers in their territories.

Thus, the principle *cuius regio eius religio* was confirmed: he who rules chooses the religion. And the right of the ruler to institute a religion (i.e., the system of values) clearly proved his independence and substantial freedom. Basically, sovereignty implied the presence of three basic provisions: first, it meant that the rulers of a particular state, sovereigns, reigned supreme over their territory. Neither the church nor any other the sovereign could, even for a short period of time, exercise any control over them, even with a declared adherence to the same denomination; secondly, states were considered as legally equal in relation to each other; thirdly, proceeding from the two previous provisions, sovereignty meant that a priori there is no legal supremacy over sovereigns without their consent.

These essential characteristics of a state arose as a result of the need to concentrate resources through the formation of the unity of the population living on the territory of that state and the authority reining it as a condition for ensuring economic activity, population growth and its protection. The Westphalian system not only concentrated power within the states themselves, it also extended it into the external sphere, since states became subjects of international responsibility.

---

[185] Peace Treaty between the Holy Roman Emperor and the King of France and their respective Allies. http://avalon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp (accessed: 29.11.2014).

The Muenster Treaty[186] settled between the rulers of the Netherlands and Spain, as part of the Westphalian treaty system, obliged the conflicting parties to resort to arbitration and mediation as forms of peaceful settlement of conflicts, and established a period of three years for "cooling off" before resorting to military action. The possibility of resorting to sanctions in case of non-fulfillment of these conditions was also established.

These changes were the forerunners of modern practice in the field of international security. Generally speaking, all modern established procedures for resolving conflicts stem from the conditions of the Peace of Westphalia, which also marked the end of the hierarchy of international relations that was based on the authority of the Catholic Church and the obligation to follow its precepts.

The Westphalian treaties also determined the responsibility of the victorious states, France and Sweden for ensuring the privileges and immunities granted to the princes and free cities of Germany. This decision was a significant contribution to the development of the doctrines of international responsibility and the recognition of states that determine the possibility of legitimate participation in international relations only for those states that are not they only want to have rights, but they are also have the ability to carry on duties.[187]

The institutional properties of the system of coexistence of politically equal communities in the Westphalian system of states were necessarily associated with the territory, regardless of the form of government and state structure, or adherence to any kind of religion. The norms of interaction of legitimate actors, later defined as "international law", began to focus on the development of values common to all states.

This system also contributed to the development of the principle of freedom of behavior of states based on the coordination of their wills, and the development

---

[186] The Treaty of Münster, 1648. URL: http://www1.umassd.edu/euro/resources/dutchrep/14.pdf (accessed: 28.10.2015).

[187] См.: Ku, Charlotte, "Catholicism, the Peace of Westphalia, and the Origins of Modern International law," 1 The European Legacy (1996), pp. 734-9.

of the principle of maintaining a balance of power, which ensured their self-preservation. Legal norms began to act as a regulator in relations between states, but they no longer dominated them, as religion had earlier.

The practice of this period also testifies to the forced changes in the behavior of states: significant losses during religious wars forced them to formally declare their adherence to the principles of voluntary obedience to common values, since formalized norms governing the behavior of the parties and guaranteeing their sovereign immunities, regulating the procedures for concluding and securing treaties, served their self-preservation.[188]

The reason for voluntary adherence to the norms limiting arbitrary recourse to force may also be the fact that states had a limited potential to change the status quo - they were at the same level of development of means and methods of warfare and the main source of military power was the population, and with significant feudal fragmentation Europe to achieve a decisive superiority over the enemy by the massive use of manpower was not possible.

That is, the state, as an institution, did not have the capabilities of both independent maintenance of legal order and order and the destruction of it, since the industrial revolution in this period did not fully meet the needs of states in the use of armed violence. And, of course, these norms did not imply that sovereign states had technological capabilities for the complete destruction of adversary states with their populations and institutions, since, in the event of a victory, it was the population of the defeated state that complemented the main sources of the victor's national power.

And only in the 20th century states got the opportunity to completely destroy their competitors. The realization of such opportunities within the international system was limited, first of all, only by the potentials to destroy the actual military

[188] См.: Коростелев С.В. Эволюция взглядов на обоснование актов применения силы до начала становления современных институтов. Управленческое консультирование. 2016. № 10 (94).

power of the state - a prospective victim of the attack, and, only secondarily, by the concept of sovereignty, that is, by moral and legal restrictions.

Moreover, the very concept of sovereignty was created to determine the degree of autonomy of states and assumed the need for procedures to coordinate their wills to ensure the survival of the international system, but, as a result, it contributed to the creation of the myth that the nation state is capable of independently solving all security problems.

The concept of sovereignty, as the basis for the existence of the modern international system, was formalized in the doctrine of positivism, according to which states cannot be limited by any higher law, and the single applicable law can only be that is created with their consent and can have the form, both treaty and custom and general principles, including those governing the use of force.

The main consequence of the development of the doctrine of positivism was the final suppression of the religious concept of just war as a fundamental approach to the ius ad bellum: in the absence of a supreme limiting law or authority states received the "sovereign" right to enter the war to defend their rights at any time, even if there were any moral restrictions.

The only severely limiting moral limitation on the transition to war, adopted at that time by the ruling elites, was the requirement to declare war: the state simply declared war, and this was considered legitimate.[189]

As noted in 1926 by E.A. Korovin: “The problem of justifying war ... does not fall within the framework of international law, for which the historical and social causes and consequences of war do not in themselves have normative

[189] Article 1 of the III Convention "On the Opening of Hostilities" (The Hague, October 18, 1907) determined that: "The Contracting Powers recognize that hostilities between them should not begin without prior and unequivocal warning, which will either take the form of a reasoned declaration of war , or the form of an ultimatum with a conditional declaration of war. URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_b85 (accessed: 25.01.2012).
At the same time, the doctrine assumed that: "... by the time of the Hague Conference, neither the written law, nor the unanimous conviction (communis opinio) of scholars knew such legal norm as a preliminary announcement." See: Коровин Е. А. Современное международное публичное право. Государственное издательство. Москва. 1926. Ленинград. Глава XIII. «Право войны». С. 144.

significance. Evaluation of war ("just" and unjust wars), like any other phenomenon of a social order, depends solely on the ideology of the status class."[190]

Although states were virtually unrestricted in their entry into war, they recognized the existence of a conditional distinction between full-scale war and the just use of force, "not war." This “permitted” use of force on a limited scale was recognized as a fleeting operation that did not involve the main military forces of the state. Everything that happened without a declaration of war was regulated by the "international law" of peacetime. Typical uses of force on a limited scale have included reprisals,[191] actions in self-defense, actions to ensure freedom of navigation, etc.

Over time, the doctrine has formulated some limitations for assessing the fairness of reprisals. The Naulilaa arbitration award[192] can be considered a classic listing of these criteria.

It refers to reprisals by Germany in 1914 against Portugal, which was not at war with her. According to the court's conclusion, the legality of the reprisals was determined under three conditions.

First, there must have been a violation of international law since reprisals can be used in response to a violation of the law.

Secondly, reprisals should follow the requirement to prevent such illegal actions, and only if these requirements are not met. In other words, the injured party is obliged to seek a remedy by peaceful means before using force.

---

[190] Коровин Е. А. Ibid, С. 142.

[191] It was commonly to consider reprisals to be the state's retaliatory actions aimed at revenge for the damage caused. They were held, most often, in peacetime. But during the war, reprisals were also carried out in response to significant violations of the state's rights protected by international law, in the course of any specific episodes of hostilities. Repression is almost always a violation of international law, but was not seen as such when it was undertaken in response to misconduct.

[192] See: Коломбос, Д. Международное морское право. – Москва: Прогресс, 1975, §492; Bishop, William W., Jr. International Law: Cases and Materials. Third edition. Little, Brown and Company. Boston. 1971, pp. 56, 903-904.

Third, retaliation must be proportionate to the damage suffered. This does not mean that the scale of the appropriate response and the damage inflicted on the enemy must be correlated with utmost precision to the damage initially incurred.

Also in the positivist period, the appeal to force for self-defense was recognized as just, which has always been respected as an acceptable form of appeal to force, different from reprisals in that it is not intended for retaliation.

At the same time, in interstate relations, it received recognition of the existence of restrictions on the appeal of states to force for the return of debts on the obligations of citizens of other states. In the Second Hague Convention of 1907, the parties announced "the non-use of armed force with the aim of returning debts on obligations demanded from the government of one state by the government of another state as a debt to its citizens."[193]

The Convention determined that such a restriction for recourse to force did not apply to those cases when “the debtor state refuses or neglects the offer to consider the case in the arbitral tribunal or, after the adoption of such a proposal, does not make it possible to reach a mutually acceptable compromise, or does not comply with the arbitral tribunal's decision on the payment of the debt ". Thus, the prohibition included in the Hague Convention was imperfect, since it nevertheless allowed the use of force, but within the framework of procedures standard for that time.

In general, during the positivist period there were not too many rules restricting the freedom of states to resort to force if the state simply declared war.

The subsequent development of technologies that increased the capabilities of states to destroy the enemy's potential, the advancement of imperial interests in the 19th - 20th centuries showed both the inability of a single territorially organized state to independently protect the needs of its population, and the necessity to

[193] II Convention on the Limitation of the Use of Force in the Recovery of Contractual Debts (The Hague, October 18, 1907).
URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_444?test=4/UMfPEGznhh8RF.ZivokrLwHI4lMs80msh8Ie6 (accessed: 25.01.2012).

develop interstate cooperation in the field of security. And the then existing moral and legal restrictions enshrined in international treaties could no longer serve the international system as a regulator of relations in the sphere of the use of force. As E. A. Korovin noted: "The entire complex of the current law of war took shape in an era with a completely different state and economic system."[194]

The unprejudiced condition for the need to create a new system for ensuring international security was the increase in the number of subjects of international relations and the appearance of weapons of mass destruction among states. The subjective basis for the creation of such a system was a common understanding of the increasing complexity of the emerging problems, both in the field of ensuring national security and the need to mobilize resources to protect common values.

All this led to the emergence of a system for safeguarding international security, which was originally embodied after the First World War in 1919 in the League of Nations, and later in 1945 in the United Nations. These organizations were not intended to become a traditional interstate alliance focused on maintaining the balance of power and achieving a military advantage over adversaries: they were created to concentrate the political, military, economic and other resources of the member states to protect common values, provide mechanisms for preventing conflicts and their peaceful resolution.

Participation in the Statute of the League of Nations[195] limited the freedom of states to resort to force at their sole discretion; and besides, for the first time in history, interstate institution, already as an independent subject of international relations, was empowered to address states with claims.

The Statute of the League of Nations established a detailed set of procedures for limiting the use of force.

---

[194] Коровин Е. А. Ibid, С. 143.

[195] Peace Treaty between the Allied and Associated Powers and Germany (Treaty of Versailles) (with the "Statute of the League of Nations", "Statute of the International Labor Organization" and "Protocol"). Версальский мирный договор. - М.: Литиздат НКИД, 1925.

First, in accordance with Art. 12 in the event of any dispute that could seriously complicate international relations, the signatories have undertaken to seek arbitration, seek a legal resolution of the dispute, or submit the case to the Council of the League of Nations. A dispute that could seriously complicate international relations was considered a threat to international peace and leading to war.

Then according to Art. 15 when a dispute is considered by the League Council and when the report is unanimously adopted by members of the Council who are not parties to the dispute, the states parties to the dispute should not go to war in accordance with the recommendations of the report. Article 13 imposed the same obligations in the event of an arbitration or court decision. In addition, a state could not start a war against another state if this state complies with the decisions of the dispute settlement body.

And finally, according to Art. 12 ehe parties agreed not to go to war for three months after the decision of the arbitration, the court or the report of the League Council.

This meant that even if one side did not comply with the report of the League Council or the decision of an arbitral tribunal or court, the other side should not go to war in less than three months. In other words, a period of "calming" the parties was established.

This procedure, which imposes significant restrictions compared to the period before the creation of the League of Nations, nevertheless left a considerable scope for recourse to force for the parties.

In the absence of a decision by an arbitral tribunal, court or the Council of the League of Nations, states were not obligated to refrain from using force. Article 15 clearly establishes such a possibility: "if the Council cannot work out a report with which all members of the Council would agree, except representatives of one or several parties to the dispute, the members of the League reserve the right to take such actions that they deem necessary to ensure law and justice."

And when the Council worked out a decision, states could start a war against a state that did not comply with the decisions of the body responsible for resolving of the situation. If one party did not comply with the decision, the other party had the right to start a war in three months.

Procedural control over the legitimacy of recourse to force in accordance with the Statute of the League by its governing body, the Council, was the only deterrent to the outbreak of war.[196] At the same time, these requirements of the Statute were regarded by states as a significant restriction on their choice of ways and means of using force to protect their sovereign rights.

Article 10 of the Statute reads: “The members of the League undertake to respect the territorial integrity and the existing political independence of all members of the League and refrain from external aggression. In the event of such aggression or the threat or danger of such aggression, the Council will issue recommendations on how to fulfill such obligations."

This meant that the League of Nations had to defend the territorial integrity and political independence of states from aggression. It is obvious that at the same time this provision prohibited aggression. However, if Art. 10 outlawed aggression, it looked like a contradiction to the above provisions of the Statute, which allow starting a war under certain circumstances: Art. 10 were dependent on paragraph 7 of Art. 15, allowing war if the Council is unable to work out a solution.

In this interpretation, it appears that the architects of the Statute had in mind the authorization for such use of force, which, in accordance with other provisions of the Statute (Arts. 12 and 15), would not constitute an act of aggression. Upon further consideration, one can come to confirmation of this conclusion, but the very existence of Art. 10 in the Statute and the absence of a definition of the

[196] See: Arend, Anthony Clark and Robert J. Beck. International Law and the Use of Force: Beyond the UN Charter Paradigm. New York: Routledge, 1993. Figure 2.1.

content of aggression, indicates some uncertainty in the approach of the League of Nations to the issue of assessing the legality of starting a war.

Article 16 of the Statute stipulated that the conduct of war not in accordance with the procedures of the League of Nations would be regarded as the conduct of war against all members of the League. And any state that started a war was to be subject to economic sanctions, and the Council of the League was empowered to decide on the implementation of military measures against the violator of the law.

It was assumed that all members of the League of Nations must agree with the idea of collective security, since each state that signed the treaty had the right of veto, and thus agreed with Art. 16. However, since this issue was not regulated in practice by any clear prescription, each of these states independently decided how, when and what sanctions to apply to the perpetrator.

It should be noted that the restrictions established by the Statute of the League of Nations were related exclusively to the assessment of the legality of starting a war, and any restrictions on the use of force after the outbreak of hostilities were no longer regulated by the Statute.

It can be argued that even after the creation of the League of Nations, the use of force, not for waging war, but for solving limited problems, was determined by the same procedure as in the times of the positivist period, when the decision to use force was made by sovereigns.

The Statute of the League of Nations was not the only document of this period defining the conditions for the outbreak of war: several other attempts were made to define and supplement the content of the ius ad bellum. They included the 1924 Geneva Protocol for the Peaceful Settlement of International Disputes,[197] the

[197] One of the problems with the application of the Statute of the League of Nations for the prevention of war was that it did not define the content of the term “act of aggression”. As a result, the Assembly of the League, or the Council of the League, had to consider every incident between states and then decide on the existence or absence of such an "act". And only after that, recommend to the members of the League any actions with respect to such states. Such uncertainties led to the adoption of the 1924 Protocol, according to which each state was obliged to submit all contradictions to arbitration and not to start a war until the dispute was pending before the arbitrators. According to the act, any state that refused to arbitrate the dispute or did

1925 Locarno Pact of Peace.[198] These agreements defined aggression as an "international crime", but they did not go beyond the paradigm of the League of Nations Statute in limiting the use of force.

At the same time, consideration of the provisions of Art. 2 of the 1924 Geneva Protocol shows that the parties committed themselves not to go to war "except in cases of resistance to acts of aggression or in cases of action with the permission of the Council or Assembly of the League of Nations in accordance with the provisions of the Statute and this protocol." In other words, the Protocol for the first time in history manifested a desire to limit the conditions for starting a war by cases of resistance to aggression or with the permission of the competent body of the League. However, the ratification of the protocol failed to get the required number of votes.

In the period between the First and Second World Wars, an important step was taken to restrict the right of states to start a war: The Treaty of Renunciation of War as an Instrument of National Policy was concluded, known as the Paris Pact or the Briand-Kellogg Pact.[199]

The parties to the treaty announced, "on behalf of their own peoples that they condemn the resolution of international conflicts through war and war as an

---

not agree with the arbitration verdict was considered an aggressor. Also, each member of the League of Nations pledged to take part in the conference on arms limitation.
The protocol offered a simple definition of an aggressor, but did not receive international recognition. First, because states did not believe in the existence of just arbitration procedures. Secondly, states did not at all want to be drawn into a war even against an aggressor determined by the League of Nations in order to protect any state if there was no threat to their own national interests. States were not yet ready to embody the idea of collective / regional security based on shared responsibility for peace.

[198] This peace treaty concerned a specific region of Europe. France, Germany, Italy, Great Britain were its guarantors. States recognized the inviolability of borders, and pledged to refer all disputes to arbitrators, and not start a war until the terms of the treaty were flagrantly violated, or there was no indication of the League of Nations to act against the aggressor. In contrast to the Treaty of Versailles, Germany was allowed to sign the Locarno Treaty, and for the first time after the First World War it was recognized by European states as an equal party in negotiations.

[199] Treaty on the Renunciation of War as a Weapon of National Policy. The agreement entered into force on 07.24.1929. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. V.- М., 1930. С. 5 - 8. Technically, the Treaty is still in force for its participants.

instrument of national policy in relations between states." They also agreed that "the resolution of all disputes or conflicts of any nature and any origin that may arise will be resolved exclusively by peaceful means."

Thus, in contrast to the Statute of the League of Nations that permits war in some circumstances, the Briand-Kellogg Pact placed war completely outside the framework of international law. The text of the treaty does not contain any exceptions to this common rule. It was fully recognized by the signatory parties, and the war was resolved in the case of self-defense.

In addition, a group of states submitted diplomatic notes prior to the ratification of the Covenant, stating their position regarding wars started in self-defense as legitimate. It would also be correct to believe that the regime of regulation of the use of force that was formed at that time was allowed only with the consent of the Council of the League in accordance with the Statute of the League of Nations, except in cases of self-defense.

The Briand-Kellogg Pact was a rather significant stage in the evolution of regimes for justifying acts of use of force. As in the Geneva Protocol of 1924, the Covenant established a distinction between aggression on the one hand, and self-defense and the use of force permitted by a universal international organization on the other. In contrast to the Geneva Protocol of 1924, the Briand-Kellogg Pact immediately entered into force and was widely recognized by states.

Despite the positive contribution of the Briand-Kellogg Pact, its application was accompanied by a number of significant problems. The Pact outlawed war in general but did not impose any restrictions on the use of force for solving other tasks of ensuring the national security. Thus, the customary regime for regulating the use of force that existed before the creation of the League of Nations was reaffirmed. Also, since the Briand-Kellogg Pact did not define self-defense as an exception to the obligation not to use force, the understanding of what means and methods of self-defense were acceptable was unclear. States needed detailed clarifications of what constituted the essence of the enemy's actions, which could serve as the basis for resorting to self-defense. Also, the use of the “state policy”

construction in the Pact left the possibility of interpretations to legalize the transition to war, for example, to protect confessional values.

The Briand-Kellogg Pact did not play a substantial role in limiting the destructive behavior of the powers that led the world to World War II; however, in subsequent normative acts, attempts were made to clarify the content of the obligations of states in relation to the freedom to resort to force, and new assessments were made regarding the “starting point” established by the Covenant to refer to war as a “instrument of national policy”.

Thus, in the period between the world wars, a number of treaties were concluded, which again and again reaffirmed the duty of states to refrain from aggressive wars. Such agreements were several treaties on non-aggression[200] and neutrality[201] and a sum of the 1933 Conventions "On the Definition of Aggression"[202].

These conventions determined that the signatory parties undertake to be guided in their relations by an agreed definition of aggression, according to which the State that is the first to take one of the following actions will be recognized as an attacker in an international conflict (Article II of the Conventions):

1. Declaration of war on another state;

2. The invasion of its armed forces, at least without declaring war, into the territory of another State;

3. Attack by own land naval or air forces, even without declaring war, on the territory, ships, or aircraft of another State;

4. Naval blockade of the coasts or ports of another State;

---

[200] For example, the Non-Aggression Pact between Germany and the Soviet Union. URL: http://xn--d1aml.xn--h1aaridg8g.xn--p1ai/20/dogovor-o-nenapadenii-mezhdu-germaniey-i-sovetskim-soyuzom/ (accessed: 13.11.2015).

[201] For example, the Neutrality Pact between the USSR and Japan**.** URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1941.html (accessed: 13.11.2015).

[202] Convention on the Definition of Aggression (Together with the "Protocol of Signature"). Concluded in London between the USSR, Yugoslavia, Turkey, Czechoslovakia, Romania, Persia, Afghanistan, Latvia, Poland, Estonia 07/03/1933. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VIII.- М., 1935. С. 27 - 31.

5. Support rendered to armed gangs, which, being formed on its territory, will invade the territory of another State, or refusal, despite the demand of the invaded State to take on its own territory all measures in its power to deprive the named gangs of all assistance or patronage.

The parties to the convention also determined that no consideration of a political, military, economic or other order serve as an excuse or justification for aggression and cannot be justified either by the internal situation of the State[203] or by its international behavior.[204]

The political leadership of states began to view the Briand-Kellogg Pact as a source of legal obligations. Even after the outbreak of World War II, Germany, Italy and Japan were accused of violating the Covenant. Despite the fact that the Pact could not prevent the war, the idea of prohibiting aggressive war was engrained after the war in paragraph 4 Art. 2 of the UN Charter.

The events that led up to the Second World War showed the inability of the League of Nations to counter the aggressive intentions of states, including those who left the organization or were expelled from it. Reliance on law as a means of preventing conflicts turned out to be far from reality and extremely utopian - law does not have such a power and cannot act as an absolute regulator of international relations.

The fact is that national law is supported by state institutions, therefore the application of methodologies that are typical to national systems for ensuring justice to international relations has always ended in failure - none of the proposed edifices for the peaceful resolution of contradictions can work in the system of states, some of which rely on the use of military force to ensure their interests.

---

[203] The “internal situation” of the 1933 Convention includes, “for example,” a political, economic or social system; shortcomings attributed to his management; riots resulting from strikes, revolutions, counterrevolutions or civil war.

[204] The "international behavior" of the 1933 Convention includes, "for example," a violation or danger of violation of the material or moral rights or interests of a foreign State or its citizens; severing diplomatic or economic relations; measures of economic or financial boycott; disputes related to economic, financial or other obligations to foreign states; border incidents not eligible for any of the cases of aggression referred to in Article II of the Conventions.

The core of the security system created by the League of Nations, as shown above, was Art. 10 of the Statute of the League of Nations. As follows from the test of this Article, the Council of the League had the right, but was not obliged to take appropriate measures against the threat. Threat-deterring mechanism of the article was to be realized in automatically implemented collective measures in response to violation of the law. However, as the subsequent course of history has shown, the idealistic assumption that states will voluntarily follow the prescriptions of international law has been replaced by an institutional approach to the legal regulation of international relations.

Apart from the provisions of the Statute of the League of Nations that bound them, states wanted to behave exactly as their national interests demanded, regardless of the general interests of the international community; therefore, the League of Nations was unable to act as an entire. Moreover, strict adherence to the principles of the Statute deliberately put states at a disadvantage relative to actors who were politically determined to independently ensure their interests and were militarily strong - Italy, Japan, Germany and the Soviet Union.

After the German attack in September 1939, Poland tried to find escape in a military alliance with France and Great Britain, but not in resorting to the procedures for resolving disputes by arbitration prescribed by the Statute, including referring the case to the Permanent Court of International Justice, or consideration by the Council League of Nations.

The statute assumed the use of sanctions against the aggressor who refused to follow the procedures, however, it was precisely that this provision of international law was not provided with mechanisms for the implementation of sanctions, discredited both the very idea of using the institution of international law, as a regulator of international relations, and the League of Nations, as an international institution unable to provide security assurances to its members.

The champions of the primacy of international law tried to formalize the belief in the just structure of the world community in the content of Art. 19 of the Statute, which stated that: "The Assembly may from time to time invite the

members of the League to begin a new examination of treaties that have become inapplicable, as well as international provisions, the preservation of which could endanger world peace." This content of the article assumed that the participants of the collective security system had good will to admit their mistakes and consent to change those provisions of treaties that did not ensure the maintenance of peace in changing conditions.

However, the pre-war political circumstances and the existing balance of forces did not allow the realization of such an idealistic condition. It is well known that the implementation of an international norm requires, first of all, compliance with three conditions:

- the text of the norm should exclude double interpretation;
- there must be institutions to ensure the implementation of the norm;
- there must be a political consensus on the need to resolve the conflict and the political will to implement this norm, even by means of armed violence.

The main advantage of the League of Nations, despite the fact that it was unable to stop the outbreak of world war, is that it was the first and quite successful model experience of cooperation between states to ensure international security within the framework of international institutions.

This experience was subsequently rethought in the design of the United Nations, which, in order to avoid repeating the weak features of the League of Nations,[205] in the mechanisms of international security management, in fact disregarded (without a declarative announcement) the principle of sovereign equality of states: the UN Charter assigned special responsibility for maintaining peace to the leading world the powers of that time, which formed the permanent core of the UN Security Council (hereinafter the UN SC).

[205] For some time, the League of Nations and the UN jointly coordinated the processes of post-war peacebuilding, and the Permanent Court of International Justice was replaced by the International Court of Justice.

Thus, the international treaty recognized the real model of organizing the world community, when, in contrast to the idealistic Westphalian model of the world based on the sovereign parity of states, the UN Charter determined that the real balance of interests and the relative establishment of peaceful coexistence are ensured by the confrontation of the interests of only leading powers.

The difficult experience of the two world wars, accompanied by the appearance of weapons of mass destruction, showed that the rule of law, based on the principle of independent and voluntary deduction by states of the share of their sovereignty, should be replaced by a legal order based on the transfer of a significant part of its sovereign rights to interstate institutions, the main of which was the UN, built on the postulate that the use of force in interstate relations should be allowed only if the interests of the main powers coincide, but at the same time it could not limit them.

Idealistic attempts to create norms of law and apply them within the League of Nations, regardless of the interests of states and taking into account their relative power, testified to the prevailing utopian idea of the organization of interactions in the world community at that time. This error was eliminated in the UN Charter, which recognized the existence of inequality of states, and endowed the permanent members of the Security Council with special rights and responsibilities for maintaining peace.

But even at the very beginning of its existence, the UN was faced with the fact that while it was building a security system built on the lessons learned from the Second World War, the system of international relations have changed significantly: the balance of power in the world community became significantly different not only from the pre-war world order, but even from the situation that had developed by the time the war ended. However, the system continued to work (and it is still in effect) due to the fact that the states consciously agreed with the limitation of their relative power to implement the institutional transformations of the world community in the common interests.

At the time of the convening of the First Peace Conference in The Hague in 1899, the "civilized nations" were represented by only 26 states. At the second peace conference in 1907, the number of nations allowed to participate in determining the rules of conduct for states was already 44.

Today, almost 200 states are already perform discussions within the framework of the UN General Assembly (hereinafter referred to as the UN GA), expressing in them the "dictates of public conscience", thus influencing the development of general international norms. Apart from the UN Security Council, another body that plays the most essential role in shaping the law of the use of force is the International Court of Justice.

All these multinational forums serve as a place and a means of formalizing the content of international law in the sphere of the use of force, which the League of Nations, whose authority was not supported by either the combined power or the common interests of the great powers, was not able to perform.

.

1.3. Analysis of the Exercise of Use of Force by the United Nations to Maintain and Restore International Peace and Security and Counter Transnational Threats

The use of force has always been and remains one of the most difficult and debatable problems in international relations and the norms of international law that formalize them. On the one hand, it is clear that force has been used and continues to be used to solve a wide range of tasks; on the other hand, the entire UN system is aimed at making it possible to reduce the number of cases of recourse to force in international relations.

The commitment to justify acts of recourse to force in the UN's own activities to maintain and restore international peace, individual acts of states while resorting to force to solve humanitarian problems and in other international and domestic armed conflicts, remains despite the dynamic changes taking place in the international system. The problems of the process of bringing political expediency, opportunity, and, most importantly, necessity and proportionality of acts of use of force to the participants of international communication do not go away from the international agenda.

In the UN paradigm, the normative assessment of any act of armed violence in the international community is based on the definition, first, whether or not the act is the use of force, or the threat of its use in violation of the provisions of modern international law; secondly, whether this action is "unjust" from the point of view of the permanent members of the UN Security Council.

The existence of a just cause for resorting to armed violence is the first and perhaps most important condition of the system of rules of reference to the force "ius ad bellum" which determine the legality or illegality of such treatment, regulate the institutions of collective, cooperative and regional security. And, since modern ethical views on the possibility of the use of force are enshrined in the UN

Charter, the regulatory analysis of each case of the use of force must necessarily be based on the regulation set up by the document.

In today's imperfect world, States do not object to the just use of force - they object only to its excessive use. They also, with particular attention and caution, assess any allegation of the legality of the use of force in cases other than the reflection of direct armed encroachments on their attributes of sovereignty.

The Charter-led collective coercion mechanism under the leadership of the UN Security Council has not been able to make full use since the establishment of the organization, as it is ineffective and slow due to the complexity of ensuring the unanimity of the Permanent Members of the UN Security Council. In most situations, UN conflict resolution mechanisms have come to be perceived as virtual, especially when relying on a literal restrictive interpretation of the Charter.

The main reason for this is that the security regime established by the UN Charter, if taken literally, permits only collective measures in response to an armed attack, or self-defense in response to a fait accompli. The inflexible interpretation and application of the norms of the UN Charter led very often to the fact that without receiving from the UN Security Council an acceptable solution to the next conflict, the world community simply turned its back on its resolution.

Thus, the situation has emerged that, to date, the Security Council has not yet had its own practice of quickly and effectively resolving the situations that have indeed constituted and constituted a threat to peace in a changed geopolitical environment. Although the legal grounds for actions to maintain and restore international peace and security, as well as the forms of their implementation, are determined by the UN Charter and documents "Agenda for Peace"[206] and "Supplement to the Agenda for Peace"[207].

---

[206] An Agenda for Peace Preventive diplomacy, peacemaking and peacekeeping. UN Document A/47/277 - S/24111 https://www.un.org/ruleoflaw/files/A_47_277.pdf.

[207] Supplement to an Agenda for Peace: Position Paper of the Secretary-General on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Nations. UN Document A/50/60, S/1995/1. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/UNRO%20S1995%201.pdf.

The most important provision of the UN Charter on the use of force is contained in Paragraph 4 of Article 2, contained in Chapter I of the UN Charter, this defines the purpose of the organization and the principles of its operation. The core of the modern ius ad bellum comprises paragraphs 4 and 7 of Article 2, Articles 39, 42 and 51 of the UN Charter.[208]

Prior to the Article 2, ius ad bellum justified the right of states to recourse to war as a tool to solve their political problems.

The modern methodological apparatus of the theory of the use of force within the framework of the UN Charter was formed when the world was just coming out of a war that destroyed the existing political and territorial status quo. The losses incurred by civilization showed the consequences of resorting to armed violence for the seizure of territories and the change of government of any other state, or for correcting the existing "mistakes" of the past.

Such use of force by the authors of the UN was defined as aggression or the use of force to "promote values" and was considered illegal.

---

[208]Article 2 para. 4:
All Members shall refrain in their international relations from the threat or use of force against the territorial integrity or political independence of any state, or in any other manner inconsistent with the Purposes of the United Nations.
[208]Article 2 para. 7:
Nothing contained in the present Charter shall authorize the United Nations to intervene in matters which are essentially within the domestic jurisdiction of any state or shall require the Members to submit such matters to settlement under the present Charter; but this principle shall not prejudice the application of enforcement measures under Chapter VII.
Article 39:
he Security Council shall determine the existence of any threat to the peace, breach of the peace, or act of aggression and shall make recommendations, or decide what measures shall be taken in accordance with Articles 41 and 42, to maintain or restore international peace and security.
Article 51:
Nothing in the present Charter shall impair the inherent right of individual or collective self-defense if an armed attack occurs against a Member of the United Nations, until the Security Council has taken measures necessary to maintain international peace and security. Measures taken by Members in the exercise of this right of self-defense shall be immediately reported to the Security Council and shall not in any way affect the authority and responsibility of the Security Council under the present Charter to take at any time such action as it deems necessary in order to maintain or restore international peace and security.

Such restrictive frameworks of the UN Charter mean that in the dispute of values preference should always be given in favor of maintaining international peace and in spite of the desire for "justice", which is always understood by States in different ways. It is clear that the problem of "justice" is always linked to the protection of human rights, support for the right to self-determination, the resolution of economic problems, the correction of past mistakes and the need to resolve other problems, that is, all that should be sought for, but not at the expense of the violation of peace.

That is, the cornerstone of the UN Charter's system of principles is the provision that the use of force for justice is more evil to the international system than the coexistence of States in the case of particular injustice; and, if peaceful means of achieving justice are not valid and that the choice between peace and justice is inevitable, peace should be preferred. Any threat or use of force against the existing political and territorial order, despite all the justice of such an order, must be considered illegal.

For many years, it seemed that the international community was in line with the UN Charter's provisions on the terms of use of force. The UN Security Council has dealt with potential and real armed conflicts and has rarely adopted resolutions based on the principles of Article 2 of the UN Charter. Many UN GA resolutions also contain the text of this article. One of the most well-known documents is the 1970 Declaration on the Principles of International Law on Friendly Relations and Cooperation between States in accordance with the Charter of the United Nations (UN GA Resolution 2625).[209] The first principle of this declaration is the almost verbatim citation of Article 2 para. 4 of the UN Charter. The declaration goes on to say that: "Every State in international relations must refrain from threatening or using force against the territorial integrity or political independence of any State, and in any other way incompatible with the objectives of the United Nations. Such a threat by force or its use is a violation of international law and the Charter of the

[209] URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/3dda1f104.pdf.

United Nations; they should never be used as a means of resolving international disputes." The declaration then refers to specific actions that may constitute such an illegal threat or use of force.

The International Court of Justice has also repeatedly affirmed the authority of the prohibition provisions contained in Article 2 para. 4 of the UN Charter. However, serious differences in the positions of States in their interpretation still exist. The most important of these is an understanding of the meaning of Article 2 of the UN Charter. For all its seeming clarity, it raises many specific questions.

For example, what does exactly the term "threat or use of force" mean? Should force be understood as a demonstration of military force (military capabilities of the State) or a valid reference to armed violence, or does this apply to a wider range of actions? If, for example, one State imposed severe economic sanctions on another to subjugate that country, would that be considered a "use of force"?

Then, what is the use of force against the "territorial integrity" or "political independence" of another State, or a force incompatible with the objectives of the United Nations? Is the expression "any use of force" a strict restrictive obligation, or do those words allow for a different interpretation? It is clear that in some situations States can use force on the territory of another State in a way that does not affect the territorial integrity or political independence of that State without violating the objectives of the United Nations.

Another aspect of assessing the legality of force is also interesting. Since the right of peoples under occupation or colonial bent to fight and receive support in the struggle for self-determination has been affirmed not only in the practice of States, but also in sources of law such as the UN GA Resolutions, the margin separating fighters for national liberation and terrorists is very blur.[210]

---

[210] See, for example: Resolution adopted by the UN General Assembly “Activities of foreign economic and other circles that hinder the implementation of the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples in Territories under Colonial Dominance. Документ ООН A/RES/49/40.

This convention is consistent with changes in the essence of the UN: the organization was created by strong states, coalition members who won World War II, but later included developing, mostly poor states, who wanted international law to meet their expectations.

The UN General Assembly began the process of redefining the "illegal use of force" in such a way that those identified by the UN GA as "freedom and independence" fighters could "legitimately" attack their own government, and other states could "legitimately" provide bases for attack. In such a legal regime, if the victim State of the attack carried out action against such bases, its actions were classified as "unlawful".

As R. Bork rightly pointed out: "The Assembly began to act on the assumption that everything that is pronounced there is international law, or a testament to its existence."[211] "As a result ... we have an inversion of many well-established rules regarding the use of force...".[212]

Similar problems arise regarding the interpretation of Article 51 of the UN Charter.

First, what can be defined as an armed attack? Is an armed attack different from the "act of aggression" mentioned in Chapter VII of the Charter?

It is obvious that, except in cases of obvious and significant physical harm to a State or its citizens, it is those who claim the just nature of the war that the burden of finding legal justifications for appropriate and proportionate actions is taken.

At present, there is only a relative consensus in determining what is a just cause: it is the use of physical force against the territorial integrity of the State first. All other uses of force have so far not received an international legal assessment as aggression, as will be shown below, and thus are not a fair form of forceful retaliation. Therefore, self-defense against physical aggression is supposed to be

[211] Bork, Robert H. A Time to Speak: Selected Writings and Arguments – 1st ed.-Wilmington, Del: ISI Books, p 554.
[212] Ibid.

the only sufficient reason for a just war. However, States always try to extrapolate the principle of self-defense to all possible aggressive actions, as well as to provide assistance to other states from external threat, or to the population against the repressive government, etc.

In international forums, statements are often made that war is justly permissible and not aggressive, as its purpose is to retaliate against an act that has already been committed (e.g. to prosecute and punish the aggressor) or to pre-empt an expected attack.

The creators of the UN Charter deliberately failed to provide clear legal definitions for the terms "war," "peace," "threat to peace," "violation of peace," "act of aggression," although the use of these terms in the practice of the UN Security Council is very important.

Therefore, their material can only be derived from the very practice of the UN Security Council (See, as an example: Annex 1, p. 361).

Nor is there a general definition for the content of the term "breach of peace." For example, Iraq's invasion of Kuwait in August 1990 was considered by the UN Security Council as a violation of peace.[213]

And a much rarer event is the decision of the UN Security Council on the fact of aggression. Most often such decisions were taken in relation to conflicts on the periphery of the interests of the great powers: for example, unanimously adopted UN Security Council resolutions 567 of 20 June and 574 of 7 October 1985 condemned the acts of aggression of South Africa against Angola.[214] The exception is, for example, UN Security Council Resolution 573 of 4 October 1985, which condemned the "act of aggression" by Israel in Tunisia against the headquarters of the Palestine Liberation Organization (PLO), as will be shown below, when the actions took place in the special interests of the great powers in the Middle East.

---

[213] UN Document S/RES/0660.

[214] See: Official Records of the Security Council, Fortieth Year. 2617 and 2597 meetings. URL: http://www.un.org/ru/sc/repertoire/85-88/85-88_c.pdf (accessed: 12.10.2008).

Similarly, UN GA Resolution 41/12[215] of October 29, 1986, defined Israel's bombing of nuclear facilities in Iraq on June 7, 1981 as "armed aggression" and Resolution 41/38[216] of November 20, 1986, condemned the "armed attack" of the United States on Libya on April 15 and urged states to refrain from providing any assistance to those carrying out acts of aggression against Libya.

In assessing the importance of a number of issues, concepts such as "threat to peace" and "violation of peace" appear to be less acute than the notion of "act of aggression" which seems to be the most dangerous. In 1974, the UN General Assembly adopted a resolution “Definition of Aggression”[217] which, of course, is not binding on both the Council and the States.[218] For example, the UN Security Council, with the exception of rare situations, has not declared an "act of aggression", even in the case of Iraq's apparent invasion of Kuwait in 1990. This practice of the UN Security Council indicates that this Resolution is not at all a proclamation of the principles of customary law, which were not explicitly included in the UN Charter; it is merely an interpretation of the UN GA's provisions of the Charter on the use of force; and is an interpretation that is not consistent with modern State practice and does not lead States to a practical solution to their security problems within a universal system of collective security.

The materials of the preparatory commission for the International Criminal Court[219] demonstrate quite clearly the- difference in the approaches of States to the characterization of the crime of aggression. For example, the proposal submitted by Russia contains the definition of a crime of aggression as any "... of the

[215] Документ ООН A/RES/41/12.
[216] Документ ООН A/RES/41/38.
[217] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» (Принята 14.12.1974 на 29-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Действующее международное право. Т. 2.- М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 199 - 202.
[218] Based on paragraph 2 of Art. 18 of the UN Charter, the General Assembly can only make recommendations to the UN Security Council regarding the maintenance of international peace and security.
[219] Acts of aggression are committed by states; crimes of aggression are committed by persons who exercise control or have the ability to direct the political or military actions of a state. See: UN Document PCNICC / 1999 / L.5 / Rev.1 (Annex IV. Consolidated text of proposals for the definition of aggression).

following acts: planning, preparing, starting and waging an aggressive war",[220] subject to the preliminary determination by the UN Security Council of an act of aggression by the state concerned.

It is particularly interesting to study the position of Germany as a state that twice unleashed world wars in the 20th century, which suggests that "... an aggressive, large-scale armed attack, in clear violation of the Charter of the United Nations against the territorial integrity of another State and clearly unjustified under international law, is the very essence of this crime... First of all, it is necessary to consider cases where one State is literally trying to "capture" or destroy another state, or at least part of it, with the concentrated and well-trained power of its entire military apparatus. ... It is reported that such cases of aggressive, large-scale armed attacks against the territorial integrity of another State and clearly unjustified under international law have the following common characteristics:

- such attacks have a certain scope and of certain scope and are horrific in their gravity and intensity;
- such attacks usually have the most serious consequences, such as heavy loss of life, extensive destruction, enslavement and exploitation of the population over an extended period of time;
- such attacks usually have objectives that are unacceptable to the international community as a whole, such as annexation, mass destruction, destruction, deportation or forced displacement of the population of the State under attack or parts of it, or the looting of the State under attack, including the looting of its natural resources (these objectives must not necessarily be openly recognized as an attacking state, but may be derived from relevant facts and circumstances).”[221]

[220] UN Document PCNICC/1999//DP.12.
[221] UN Document PCNICC/2000/WGCA/DP.4, P. 3.

A number of violent acts, in accordance with the official opinion of Germany stated in this case, should, in principle, remain beyond the crime of aggression: "... in many regions of the world, there are still numerous conflict situations, territorial disputes or other dangerous situations that threaten military action between different States. Very often, these unresolved conflicts and the full tensions, animosities and constant danger of the situation are characterized by a number of violent actions and counter-actions.

In such situations, provoked or unprovoked fighting continues from time to time to erupt here and there. Unfortunately, many of these situations continue to involve the threat or use of armed force, sometimes quite often.

This can take the form of border skirmishes, artillery exchanges and air raids across the border, armed incursions, blockades and other similar actions resulting in the use of armed force... The use of armed force, even if it is highly reprehensible and should be condemned with the strongest condemnation, does not have the very serious characteristics of the genuine aggressive wars referred to above. In addition, in many of these conflicts it can be difficult, if not impossible, to determine exactly who is right and who is to blame for a particular situation."[222]

It is clear to demonstrate the feasibility of this position by the following precedent. The emergence of new means and methods of influencing the infrastructure elements of the enemy cannot be properly qualified by the classical apparatus of international law.

For example, the statement of Estonian representatives about the act of military aggression in connection with the hacking attacks provoked by the scandal with the transfer of the monument to Soviet soldiers, to the servers of the President of Estonia, the Parliament, the State Office, the Ministry of Defense, the largest banks and newspapers - linked the attack with Russian government resources,[223]

[222] Ibid, P. 4.
[223] Солдатов А. Кибер-сюрприз // Новая газета №40 (1260) 31.05-03.06.2007, С.12.

and this in a number of other reasons led to the fact that NATO opened a cyber-defense center in Estonia.

Information actions using cybernetic means have so far rarely led to the physical destruction of objects, especially if they have been carried out to mislead, camouflage, for psychological impact, and to carry out any special informational influences. Information actions can be a part of a meaningful phase of any kind of warfare.[224]

Historically, the term "attack" has continued to be associated with many, with primarily kinetic effects on objects. Therefore, the use of the terms "information attack", "cyberattack" in situations that are not armed conflict in the ordinary sense, looks rather non-dangerous, and therefore politically attractive means of warfare.

Conventional international law gives many examples of how States interpret the notions of "armed attack" when they use traditional methods and methods of warfare characterized by scale, intensity and duration. Normal international law "sets" restrictions for States to overstep the inalienable right of States to self-defense.

There is no such practice for cyber-warfare information warfare, and it is therefore difficult to determine how much such restrictions are exceeded in the use of information warfare methods; it is equally difficult to avoid the possibility of referring the response of the victim state to a computer attack as "aggressive," "excessive," "unjustified" etc.

Will the state, for example, consider the psychological pressure that led to the fall in stock prices and the decline, respectively, of economic growth, intrusion into the traffic management system, disruption of information (non-military) channels, obstruction of payment system, electricity system, etc., equivalent in the

[224] See: Коростелев С.В. Проблема классификации объектов применения силы в информационных конфликтах // Управленческое консультирование. 2020. № 8(140). С.55-56.

consequences of an armed attack and will make a "fair" decision to conduct a response?

The uncertainty in getting an answer to this question lies in the fact that information warfare so far has so far been virtually non-large-scale and has not accompanied real sustained fighting. Although, some aspects of information operations (information actions) can already be assessed from a legal point of view on the results of actions against Iraq and Yugoslavia in the 1990s, against Russia during the repelling of the Georgian attack on South Ossetia in August 2008.

This was first because States were very cautious about interfering in the internal affairs of other States, since any interference in the critical infrastructure of the Target State could be equated with a physical attack and provoke a retaliatory response. That is, if cyber-warfare attacks have been carried out, so far they have almost never been identified as attacks by States, and for propaganda purposes are linked to individuals. And, secondly, the main difficulty of ingesting information actions in the paradigm of UN principles as an attack by the state is the difficulty of linking the participants of such an attack with the official structures of the opposing state.

It seems necessary to note here that, for the first time, the inevitability of such an assessment has been recognized since the Indonesian Government organized, in January 1999, a private hack from Ireland,[225] to disrupt East Timor's infrastructure.

All this makes information methods of warfare an essential weapon in the confrontation of the economically and militarily strong states and weak states. The stronger the state is, and the more developed its infrastructure is, the more convenient the state is for computer attacks.

It should be noted that the notion of a "legitimate" military target also changes its content in the case of cyber warfare. In addition, targets planned for an

[225] Sharp, W.G. Cyber Space and the Use of Force. Aegis Research Corporation. Falls Church, Virginia. 1999. P. 87.

attack in a situation where the attacker does not seek to translate the conflict into large-scale action will be different than those intended for action in conventional warfare.

That is, the choice of targets for the attack will be determined by the level of development of the information infrastructure of the state. The paradox of the situation of modern warfare is that the more developed the information infrastructure of the state, the more it is at risk of destruction, and the enemy does not necessarily have to have a comparable level of technological development, as was required when assessing the effectiveness of combat operations, for example, with the exchange of nuclear strikes.

It is the use of cyber warfare tools that becomes the unorthodox tool that can give advantage to the weaker parties to conflict over a more technologically advanced adversary. Moreover, even the number of individuals capable of carrying out such attacks on their own, without attracting any means of state institutions, is constantly growing.

It is obvious that the initiation of aggressive actions is an unfair act, which gives the victim of an attack a fair basis for protective measures. But since an acceptable definition of "aggression" for a modern peace organization has not yet been created, such a provision can be interpreted very broadly. For example, States may *individually* establish fair reasons for the use of force in response to acts of "aggression" such as:

- physical damage (e.g. violation of territorial integrity);
- insult (aggression against national honor);
- trade embargo (aggression against economic independence); Or
- growth of the neighbor's economy ("social" injustice).

For example, Article 3 of the Federal Constitutional Law of the Russian Federation "The War Emergency Act"[226] runs that “... in accordance with generally

[226] Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ "О военном положении" (одобрен СФ ФС РФ 16.01.2002). Собрание законодательства РФ", 04.02.2002, N 5, ст. 375.

accepted principles and norms of international law, the use of armed force by a foreign state (group of states) against the sovereignty, political independence and territorial integrity of the Russian Federation or otherwise incompatible with the UN Charter is recognized as aggression against the Russian Federation."

This article almost completely repeats the provisions of the above-mentioned UN GA Resolution, as it comprehends acts of aggression against the Russian Federation:

“1) the invasion or attack by the armed forces of a foreign State (group of States) on the territory of the Russian Federation, any military occupation of the territory of the Russian Federation, resulting in such an invasion or attack, or any annexation of the territory of the Russian Federation or part of it by armed force;

2) the bombing by the armed forces of a foreign state (groups of states) of the territory of the Russian Federation or the use of any weapon by a foreign state (group of states) against the Russian Federation;

3) blockade of ports or shores of the Russian Federation by the armed forces of a foreign state (groups of states);

4) attack by the armed forces of a foreign state (group of states) on the Armed Forces of the Russian Federation or other troops regardless of their location;

5) the actions of a foreign state (group of states) allowing (allowing) to use its territory to another state (group of states) to commit an act of aggression against the Russian Federation;

6) the sending by a foreign state (group of states) or on behalf of a foreign State (group of States) of armed gangs, groups, irregular forces or mercenaries who carry out acts of armed force against the Russian Federation, equivalent to the acts of aggression mentioned in this paragraph."

Acts of aggression against the Russian Federation may also be recognized as other acts of use of armed force by a foreign state (group of states) against the sovereignty, political independence and territorial integrity of the Russian

Federation, or otherwise incompatible with the UN Charter, equivalent to the acts of aggression specified in this paragraph".[227]

Also, this article of the law refers to the definition of "threat of aggression": "... the direct threat of aggression against the Russian Federation may be recognized as the actions of a foreign state (groups of states) committed in violation of the UN Charter, generally accepted principles and norms of international law, and directly indicate preparations for committing an act of aggression against the Russian Federation, including the declaration of war on the Russian Federation."[228] Thus, Russian law links aggression only with acts of military force.

The UN Charter in Article 51 contains an exception to the restrictive rule of Article 2 para. 4, which should be read as follows: if a State has been subjected to an armed attack, a State uses an "inherent" right to defend itself by using force against an attacking State until the Security Council is able to take action. This right can be used independently or collectively. A State that has been attacked may receive assistance from another State to repel the aggressor. Member States that take such actions for self-defense purposes should also report to the Security Council immediately.

Thus, in the formal interpretation of the provisions of the UN Charter, elements of the right to self-defense begin to act if the recourse to use of force:

1) was an objective armed attack;

2) took place and continuing;

3) is under consideration by the UN Security Council,

4) does not conflict with the customary practice.

The second exception to the prohibition of the use of force from Article 2 para. 4 is contained in Chapter VII of the UN Charter, which communicates to actions that threaten peace, violations of peace and acts of aggression. Under

[227] Ibid, part 2 of Article 3.
[228] Ibid.

Article 39 of the Charter, the UN Security Council has the power to determine whether there is any threat to peace, a violation of peace or an act of aggression. In determining such violations, Article 42 gave him the power to instruct UN member states to use force against the infringing state.

In addition to the two main exceptions to the principle of non-use of force and the threat of force, there are two other exceptions to the UN Charter. One of them is contained in Article 106 of the UN Charter, which states that "... from now until it takes effect ... Article 43 of the special agreements, which the Security Council considers enabling it to begin its responsibilities under Article 42, ... The five permanent members of the Security Council will consult with each other and, if necessary, with other Members of the Organization for the purpose of joint action on behalf of the Organization that may be necessary to maintain international peace and security."

Article 43, in turn, requires members of the Organization to "... to make available to the Security Council at its request and in accordance with special agreements the necessary armed forces, assistance and appropriate means, including the right of way, to maintain international peace and security." But, under Article 43, no special agreements have been concluded to date.

Thus, Article 106 of the UN Charter allows the five permanent members of the UN Security Council to take joint military action in the event that a formal procedure for the UN SC's actions has not yet been established. However, as in the case of Article 43, the UN has never taken combined action in accordance with Article 106.

Consequently, the UN Charter allows only two situations where UN member states are allowed to use force - actions authorized by the Security Council under Chapter VII of the Charter and self-defense under Article 51 of the UN Charter. Article 51, which excludes Article 2 para. 4 from the system of rules, is one of the most difficult to interpret elements of the UN Charter.

The concept of the just use of force, which emerged in the era of ancient thinkers and developed in the writings of the theorists of a later time, was

embodied in Article 1 of the UN Charter, which defined that "the maintenance of international peace and security and, for this purpose, the adoption of effective collective measures ... must be held in accordance with the principles of justice and international law."

The greatest debate in this perspective is the problem of justifying the legitimate (or fair) use of force, since the use of armed forces directly by the UN, or by a group of states or individual states outside the framework defined by the UN - all this, in one way or another, is the use of armed force by some states against other states.

CHAPTER 1 FINDINGS

A common feature of the early doctrines of justifying the use of force was that they declared permissible everything that was not prohibited, for example, by the supreme will, or by law. For example, they proclaimed some wars to be just based on religious categories, and later, with the development of the system of states and, accordingly, international law, they excused them with some special stereotyped legal justification, that is, they found that waging a “just war” corresponds to “the law ".

However, no war has yet been prevented or ended by determining that it is unjust. Also, for a number of reasons, it cannot be concluded that if the doctrine makes it possible to recognize any use of force between states as lawful, then armed clashes between other "illegitimate" actors for another, any different reason should be defined as illegal.

First, discussions about the possible "just" nature of war should not lead to the recognition of the rationality of any act of armed violence - any case of the use of force is unique (sui generis).

Secondly, all discussions about the "just" nature of war are based on equally tendentious and difficult to verify arguments of the conflicting parties, therefore, the assessment of the fairness of resorting to force should be given by third parties.

CHAPTER 2. RATIONALE FOR ACTS OF USE OF FORCE IN THE FOREIGN POLICY OF STATES

The transformations of the modern system of international relations, resulting from the overcoming of some polarizing global conflicts and the emergence of other, the advent of new influential actors, as well as changes in the technological order, and other challenges and threats, indicate that the world community is not a single space of equal and just security. Along with the manifestations of old, often inherently archaic, conflicts, “new generation” conflicts arise in which states face “non-state” actors who use non-traditional means and methods of warfare to change the status quo.

Any of these actors, not possessing the potential of states, but using modern technologies, is able to impose their will on other participants in international communication, and thereby affect the state of international security. How should states respond to such violations of their sovereign rights? Doesn't the reaction of states to the actions of non-state actors in itself destroy the status quo? What can limit the force interactions of actors that have different properties? How is the responsibility of actors expressed?

These and other similar questions are still the subject of controversy in theory and the source of many misunderstandings in the practice of international relations. The variability of the security environment, the uncertainty and complexity of the processes taking place in it, the ambiguity of the outcomes of confrontations between actors in the external world rapidly changing under the influence of globalization and the information revolution, lead to the need to develop a flexible methodological apparatus for justifying acts of resorting to force.

2.1. Genesis and Essential Transformations of the Definitions of the Process of Legitimizing Political Decisions on the Use of Force in the Interests of National Security

The current geopolitical situation imposes special requirements on the system of public administration for ensuring national security, in part because during international interactions the state is inevitably assigned international responsibility.

The terms "legitimacy" and "legitimization" in relation to political decisions are now widely used in politics. Although these terms have long been known in political science, their use is complex enough to define a phenomenon in an extremely sensitive area of maintaining national interests by force.

States appeal to various international institutions, including international law, in advancing their interests. And, interestingly, the parties to the conflict always find legal arguments in their support, citing the same sources of law.

This phenomenon is defined as "strategic legalism": the use of the rule of law or legal reasoning to ensure the achievement of large-scale political objectives, regardless of the actual circumstances, or the content of the law.[229] (More detail on the application of the method of strategic legalism in international relations is outlined by the author in scientific publications.)[230]

---

[229] See, for example: Maguire, P. Law and War: an American Story. New York: Columbia University Press, 2000, p. 9. It also notes that: "Forcing the observance of moral norms is not a function of law."

[230] See: Коростелев С.В. Действие метода стратегического легализма в международных отношениях / Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления. Сборник научных статей, Вып. 7 / Под общей редакцией проф. В.В. Тумалёва. – СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2009.; Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы. Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78). С. 50-57.; Коростелев С.В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87). С. 24-35.

Here we consider it necessary to note that in the discussions on the legality of any action of States two close terms - "legitimacy" and "legality" - denote two different phenomena.

Legality is a strict compliance with the official law. If we compare a particular political or legal case with the norms of the law - we can decide whether it is legal, or illegally. The legal assessment is fully related to the corps of the formalized law.

The term "legitimacy" refers to a completely different, much less unambiguous and framed political reality. That is, theconcept of "legitimacy" is defined by the conformity of acertain day to the expectations of society as a whole: "Legitimacy, unlike legality, is not a formal law, not a clearly defined legal norm. It is a coincidence of the figure of the ruler or any of his actions with what society, history, tradition, sometimes extraordinary circumstances require him to do."[231]

Obviously, the legitimacy of any political phenomenon does not mean that it is fully formalized in legal norms.

Because of the acts of the French Revolution, most notably the Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen of 1789, U.S. Declaration of Independence 1776, etc., the concept of "legitimacy" received political and legal content, and later acquired international legal significance.[232] The term was also widely usedin theearly 19th century to characterize the political movement in France, which aimed to restore the king's power as the only legitimate one, unlike the power of the usurper Napoleon. And inthe time of the July monarchy (1830-1847) "Legitimists" called supporters of the restoration of the Bourbons - "legitimate (legitimate) monarchy"who were in opposition to King Louis-Philippe, who was considered a "usurper."[233]

---

[231] Дугин, А. Изъяны формальной демократии // Московские новости. http://mn.ru/print.php?2006-46-22.

[232] See: Тарасова Л.Н. О легитимности в международном праве // Современное право №11 2012. С. 119-124.

[233] Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1957. С. 188.

Accordingly, the theoretical analysis of such a concept as "legitimization of decisions on the use of force" makes it possible to define the essence of political mechanisms that fight threats to national security more effectively, which is especially important in the context of the transformation of the modern security environment.

So, according to Y. Ivanchenko: "... legitimization involves the process of assessing power by the community..." "Legitimation is, first, a socio-psychological phenomenon. Legitimacy exists in the minds of citizens in the form of a positive attitude to the political institutions of this government."[234]

This political understanding of legitimacy is close to the notion of "general social legitimacy" that V.S. Nersesianz gives: "This principle requires that the state's legal activity be based on a broad base of social expectation, consent and support for the legal-constitutive transformations and decisions, on the active participation of members of society and various public associations in the discussion, preparation and adoption of such decisions, on liberal-democratic forms and procedures of polling, identification and consideration of public opinion on the issues of law, on the transparent, free public nature of the entire process of creation of law.

The social legitimization of legal decisions is one of the essential requirements of the sovereignty of the people and at the same time a necessary condition for socio-political and legal harmony and unity in society, an essential prerequisite and an important factor in the effectiveness of established legal novels and all the existing law."[235]

Also, V.S. Nersesianz draws a distinction between "general social" and "legal" legitimacy: "... legal activity must comply with the basic requirements of the law, proceed in appropriate legal forms and procedures, in strict accordance

[234] Иванченко Ю. А. Интерпретация понятия правовой легитимации в юридической теории / История государства и права №4 2010, С. 26.
[235] Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА. – М., 1999. – С. 420.

with the statutory powers (competence) of the subjects of legal activity."[236]

Analysis of different approaches to the relationship of the concept of legality and legitimacy allows us to conclude that legality acts as a measure of objective (positive) law, it is the conformity of the behavior of the subject of law to the rule of law. And legitimacy, a measure of subjective law, derives from legal relations between the subjects of law.[237]

The political characteristics of the state in the external world that are important for this study, in contrast to internal legitimacy based on a social contract - most often these are national constitutional norms, are known - they are established in international law. The subjectivity of the state in terms of the ability to enter into relations with other actors is defined in the 1933 Montevideo Convention[238] as follows: the state is legitimate if it has a permanent population; a certain territory; its own government; the ability to enter into relations with other states. And the ability to enter into a relationship is nothing more than its international recognition. Article 2 of the Montevideo Convention states that: "The political existence of a state does not depend on the recognition of other states. Even before recognition, the State has the right to defend its integrity and independence to ensure its preservation and prosperity, and therefore to shape itself, in the way it sees fit, to legislate in accordance with its interests, to manage its services, and to determine the jurisdiction and competence of its courts. The exercise of these rights has no other limitations than the exercise of the rights of other States in accordance with international law."

Article 6 of the same Convention establishes: "Recognition of a State merely means that the State that recognizes it accepts the legal personality of another State

---

236 Ibid.

[237] See: Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. — М., 2004. Т. I: Заключение международных договоров; Лившиц Р.З. О легитимности закона // Теория права: новые идеи. — М., 1995.; Тарасова Л.Н. О легитимности в международном праве. // Современное право. 2012, №11. С. 119-124.

[238] Montevideo Convention on the Rights and Responsibilities of States. https://docplayer.ru/151742324-Konvenciya-montevideo-o-pravah-i-obyazannostyah-gosudarstv.html.

with all the rights and responsibilities established by international law. Recognition is unconditional and irrevocable."

Thus, the political decision to enter relations with a State, even by force against it, is an acknowledgement of its legitimacy.

In our view, this notion of legitimacy demonstrates quite convincingly why in international relations States declare their inefficiency in international law - it is its norms that set the general criteria for their legitimacy in the international system.

Accordingly, the recognition of States and other types of interactions in international relations is carried out through the existing political mechanisms.

The term "political mechanisms" is often used in journalistic, political, and scientific literature, and it cannot be said that its scientific development remains insufficient. The term has a certain meaning and is widely applied to many political activities. But the concept can be filled with different meanings that can only be understood in the context of its application.[239]

It is the context of the appeal to the political mechanism that makes it possible to formulate its structure, and the conceptual apparatus, the possibility of using to "legitimize" the actions of actors in a certain political environment, as well as to determine the necessary requirements for its effective functioning of methodological tools.

Therefore, to study the problems of legitimizing political decisions on the use of force in modern conditions, it is necessary to clarify the meaning of such categories as "political mechanisms" and "legitimization".

Thus, the dictionary-reference "Political Science"[240] defines the following: "The political mechanism is a system of activities of political institutions and organizations, designed to transform the properties, characteristics, other

[239] See: Козлова А.В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере…дис. д-ра полит. наук.-М, 2009. 357 с.
[240] See: Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф д. пол наук Санжаревский И.И.. 2010.

parameters of social (social, economic, actually political) development in the required direction." S. Malinina expands on this concept: "The political mechanisms in a broad sense can be defined as a set of different engagements of social actors to achieve their political goals, as well as ways of realizing their relationships, formal and informal rules and procedures, limited by the norms of law, reflecting the common values of society."[241]

Based on this definition, the political mechanism can function based on both state power and other institutions of society. That is, it can be determined that the structural elements of the political mechanism are various political actors, their values and procedures for harmonizing values. It is also clear that the main political institution that ensures the realization of the goals of social actors is the way of social organization as a state.

Among the functions of the state, both internal and external, the most important is the provision of national security, i.e., the protection of the people, territory, and social and power institutions from external threats. This function includes measures, firstly, to ensure sufficient defense of the State and, secondly, to establish a state of international relations that contributes to the task of defense.

Thus, considering the political mechanism in relation to national security, we note that the most effective means are those that are under the control of the state, although it is impossible not to take into account the economic, social and other components of the political sphere, including existing outside, and which affect the defense capability of the nation. That is, national security mechanisms inevitably include the use of non-state actors.

It is assumed that a sovereign State independently decides to ensure its security by choosing its own ways of dealing with them, by verifying them with those of other actors in international relations within international institutions, including international law, i.e., implementing all necessary measures aimed at

[241] See: Малинина С.А. Правовые ограничения средств массовой информации и характеристика методов агитации в избирательном процессе // Диалог: политика, право, экономика» № 1. (12)'19. С. 23-34.

protecting national interests from existing and potential challenges and threats.

By implementing a national security strategy, the State is forced to agree on the desired ways of resolving contradictions with other members of the international community on the basis of similar concepts for the main categories of security analysis - the definition of content for the terms "war" and "peace" for each unique situation.

The challenges and threats associated with the contradictory nature of the globalization of the modern world transfer to a new plane the question of the content of the concept of "sovereignty" of the state, of the methodology and methods of counteracting attempts to interfere from outside in any of the competencies of the state. The political situation and the peculiarities of the functioning of public administration often put the decision-maker in a specific environment: it is important to act within the framework of the planned strategy, the individual steps of which are not always positively perceived by both the nation itself and the main international actors.

In the process of moving towards national goals, the state strengthens the impact of its combined power on the system of international relations, on individual international actors. At the same time, the degree and intensity of the use of cumulative power depends on the level of contradictions and willingness to act decisively in achieving the goal. It is in this area that it is essential that the parties adapt their political strategies to achieve their objectives while preventing the conflict from moving into a "hot" phase.

States often form international political, economic and military alliances and agreements global or regional. This is because they are looking for ways to ensure their own security, to create conditions for the prosperity of their peoples, and they do so through agreements with States with similar interests at the moment.

The result of interest alignment is the creation and maintenance of a state of international security and a balance of power in international relations that enables States with the least losses to ensure national interests.

States benefit if their efforts are aimed at maintaining stability in the world's

political and economic systems (even if this stability perpetuates an unjust status quo) rather than achieving superiority in a military conflict, which is apparently always more costly if measured in human suffering. Both States and non-State actors, actors in international relations, in general, never benefit from the large-scale destruction of the existing world order.

Sovereign States are the main, but not the only, actors in the world political system. Transnational political, commercial, ideological organizations pursue their own interests, and exert considerable influence on the international law and order, shape public opinion in nation-states, influence the escalation of conflicts, thereby expanding or limiting the arsenal of means available to States to protect interests by military means.

The media coverage of events in real time has a serious impact on domestic and external support for government policies. The media's reflection on actions that are not perceived as "values" by the population of major international actors in this historical period may also limit the ability of States to achieve national goals. As you know, the agreed "values" are currently enshrined in the main sources of international law: the UN Charter, the Human Rights Covenants of 1966, etc.

Consequently, the conduct of States in the protection of national interests is assessed as to the content of a number of international legal norms, thereby confirming the existence of a system of international legal restrictions to make a political decision to appeal to force.

With regard to the process of regulating international relations and the role of international legal means in it, S. Marochkin notes that they "... are mainly governed by political or legal means. Political regulation is fundamental... Each state, based on its own policies and interests, determines the attitude to the world community and its rules. All things being equal, the effectiveness of international law is higher if it meets the political will and trust between states. Of course, despite the formal and legal equality of all, the "share" of the political will of

different states, its influence on the functioning of international law is different."[242]

International law, in its application, is only the basis for subjective definition of criteria for "fair" behavior by States that are inherently political. With few exceptions, these criteria are not defined in the strict regulatory framework of international treaties. The epiphenomena as commonly defined as "international law" is derived from political activity and is more often than not interpretive of the outcome of such activity, i.e., retroactive, but almost never predetermines it.

Therefore, in order to make such an interpretation more effective, it is necessary to define general principles for analyzing political reality in order to justify acts of force. Otherwise, any attempt to use different methodologies to analyze a single incident may result in or condemn the results but will not lead to a rule that can be used in an unlimited number of cases to investigate State practices. That is why the international community, on the basis of its own practice, is constantly searching for norms of some kind of commonality and, by defining such a rule, defines it as the "norm of international law".

Assuming that international relations are governed not by the political process (as is the case in reality) based on the balance of power of States, but by international law (an idealistic statement on the primacy of international law), then it can be determined that international legal regulation (the impact on international relations through law and other legal means to streamline them) is directly directed towards achieving the international goals set by the actors of international communication. existing in the form of any abstract models.

In the course of interaction within the framework of the universal model, the subjects of the relationship are obliged to be guided by prohibitions, permissive, including positive bindings, concluded in legal norms, the totality of which, in essence, represents this model.

An example of the use of such a model for pre-emptive (preventive) actions

---

[242] Марочкин С. Ю. Международное право: 60 лет после создания ООН // Журнал российского права, № 3, март 2006 г. Система ГАРАНТ Платформа F1.

is cited by Cr. Brown: "Let's imagine that we live in a world with a well-developed legal framework for the legal regulation of the use of force in international relations that prohibits its use as a foreign policy instrument, and which has an international body with a responsibility to maintain peace and security, which has a legitimate and effective decision-making procedure and the ability to enforce these decisions. In such a world, the distinction between pre-emption and prevention will be clear and critical. Preventive war will be completely illegal ..."[243]

But why are such wars going on? Is it even possible to speak of the primacy of law in international relations and the possibility of following the position of a literal and idealistic interpretation of the law, if this is not confirmed by the practice of States?

The behavior models enshrined in the international norms we know have been removed from pre-existing international practices. Usually, states are compelled not by military force, but by less resource-expenditure, to observe the pattern of behavior described in any rule of law: [244]

1. natural or calculated willingness to recognize the rights of other actors;

2. threat to recourse to force:

a. *by means of* procedures and compensation provided in other (non-military") spheres of interstate communication (e.g., implementation of political, diplomatic, trade sanctions, ...);

b. and only in situations where other "non-military" means are ineffective, states turn to *coercion* with the use of armed violence.

The rules created by states, after some time, cease to correspond to their needs - lose regulatory and authoritative properties, as relations become wider, more diverse, the composition and properties of the subjects themselves change.

---

[243] See: Brown, Cris. Self-Defense in Imperfect World. Ethics & International Affairs. Annual Journal of the Carnegie Council on Ethics and International Affairs, Volume 17, No. 1, 2003.

[244]See: Коростелев С.В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80). С. 26-31.

The widening contradictions between the normative system of international relations and the needs of States have led States to use force more often as a means of regulating relations, but they are nevertheless forced to correlate their behavior with the "old" and the "ineffective" norm, since the methodology for assessing the fair/unfair treatment of States to armed violence is formulated in international legal norms as a special form in which ideas about the common values of the international community are expressed.[245]

It seems clear that states are committed to "... ensure that principles are adopted and methods are put in place so that the armed forces are used in no other way than in the common interest, and to unite ... forces to maintain international peace and security ..." must coordinate with other members of the world community the use of their armed forces.[246]

The "common interests" of the world community are then defined and realized through the goals also defined by the UN Charter: "To maintain international peace and security and to that end to take effective collective measures to prevent and eliminate threats to peace and to suppress acts of aggression or other violations of peace, and to pursue peacefully, in accordance with the principles of justice and international law, to resolve or resolve international disputes. that could disrupt the world..."[247]

Thus, the UN Charter's "prevention," "removal," "suppression" order may obviously require the use of force, and therefore the implementation of planning, training, organizing and conducting military activities.

Since national interests are always paramount, it is often observed that international law, like the epiphenomena as, does not alter the behavior of participants in international relations and does not solve any private problems, but

---

[245]On international legal consciousness See: Гаврилов В. В. Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права, № 11, ноябрь 2004 г. Гарант Платформа F1.

[246]Charter of the United Nations, Preamble. URL: http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/charter.htm#intro (accessed: 11.03.2011).

[247] Ibid, Article 1.

it does create a basis for interaction between participants in international relations.

Ultimately, cooperation leads to political consensus (though does not guarantee it) and to a practical solution, since international law (compulsory in national legal systems) is a kind of context for the justification for acts of force, and therefore has an impact on the use of instruments of national power because "... embodies the will of the state, determined by its interests."[248]

Epiphenomena[249] of "international law" allows states to "translate" the resolution of various kinds of conflicts from the political sphere, for example, to law enforcement, thus reducing political tensions.[250]

There is considerable formal uncertainty in establishing what is considered to be the essential (or vital) interests of States at any given moment. States resort to resolving conflicts of their own inconsequential interests under international law, for example by transferring conflicts that may in some cases be declared political and complicating inter-State relations into the area of regulation of private law.

For example, the case of the Swiss firm Noga; separate violations of the rules of seafood fishing (the case of the trawler "Electron"); violation of the rights of tourists; non-compliance with copyright, etc. is clearly not a significant threat to national interests. At the same time, due to the scale of such violations, or the place, the time of their commission, they may be considered threatening to the national interest, and, accordingly, removed from the regulation of international private law into the sphere of public law, and then into the sphere of use of force.[251][252]

---

[248] Кашинская Л. Ф., Саидов А. Х. Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // Журнал российского права №12, декабрь 2005 г. ГАРАНТ Платформа F1.

249 Epiphenomenon - from the Greek. epi - on, above, over, at, after; and phainome - appearing. A side effect that accompanies other more significant phenomena but does not have any significant effect on them.

[250] See: Коростелев С.В. Об эпифеноменальном характере международного права // Управленческое консультирование. 2013. № 12 (60). С. 29-34.

[251]Trials on the claim of the Swiss firm "Noga" to Russia. Help. URL: http://ria.ru/spravka/20051116/42107336.html (accessed: 14.10.2015).

That is why States are interested in both the recognition of the epiphenomena of international law and of international organizations and agreements established on its basis to ensure international security, in which dialogue is conducted to identify the claims of participants in international communication, and a conceptual definition of common obligations is being implemented.

As noted by V.N. Honin: "The general objective goals for the entire system of international legal regulation are to maintain the normal, and therefore expedient functioning and progressive development of the system of international relations."[253]

This is particularly evident in the political and legal justification for acts of force. First, a study of The Practice of States in Armed Confrontation clarifies the range of tasks that the armed forces can be involved in; secondly, it has an impact on the way they are used, the means of defeat, the training of personnel, etc.

Thus, in the role of instrumentation of interstate and international dialogue, international law has two different functions.

The first is to provide the foundations for interstate interaction, which are shaped like the rule of law; the second is to clarify the goals and values that are provided by such interactions - that is, to improve the regulatory system of international relations.

And, this regulatory system, in turn, is developing in the process of clarifying the positions of the actors of international relations regarding the assessment of the fairness of the application of coercive measures and coercion, i.e., legitimizing political decisions on the use of force in the interests of their security.

On this basis, it can be concluded that modern international policy is not

---

[252] Scandal with the Russian trawler "Electron." URL: http://www.rg.ru/sujet/2227/ (accessed: 14.10.2015).

[253] Хонин В.Н. Об определении международно-правового регулирования / Вестник киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982, стр. 20.

only a struggle for physical superiority over the enemy, but also a struggle for recognition of the legitimacy of actions. The power of the State and the international recognition of the legitimacy of its actions are complementary concepts.

It is a political fact that the belief in the right/wrong cause helps to engage peoples, and thus legitimacy becomes a source of national power. If the actions of the State are considered illegitimate, its costs of implementing its policies to ensure national interests increase.

In our opinion, legitimacy is the result that political power and political governance can achieve in the process of legitimization. The degree of legitimacy is the result of a complex multifaceted process of legitimization.[254]

In modern political science, there is still no universally agreed understanding of what the process of legitimization is, especially in the field of the use of force in international relations. This is determined by the fact that the international community is in a process of continuous transformation, and the changing environment naturally requires the development of both well-known approaches and the development of new technologies.

The process of legitimization is multi-level: it is defined by political, legal, organizational, institutional, technological and cultural and other aspects. It involves the use of adequate mechanisms for regulating public relations in the relevant areas of public life.

In its most general form, the decision-making and legitimization processes are illustrated by D. Easton's cybernetic model. It is a system where internal communication is marked by "introduction" - the requirements of society or a form of support for power, and "withdrawal" - decisions or actions of the government.

[254] In a broad sense under "legitimization" (from Lat. lex, legis, legitimus, legitima, legitimum - the law, lawful, lawful, proper, decent, correct, valid) should be understood as a recognition or confirmation of the legality - any law or authority, as well as an instrument confirming that law or authority. See: Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

That is, the requests of citizens are reflected in the real steps of the authorities.[255]

States appeal to international law and organizations to legitimize their own policies or delegitimize the policies of other States, and this determines their behavior and impacts the outcome of actions.[256]

As R. Kagan noted: "Legitimacy is an intangible factor in foreign policy, but like many intangible things, it can have a huge practical significance... A sense of illegitimacy may limit the opportunities for cooperation with states that they could offer..."[257]

International relations have always been characterized by the dualism of the divergence between rhetoric and actual foreign policy. The global community is always offered two sets of rules - more flexible for itself and more restrictive - for the outside world.

Human rights issues, issues of war and peace, become a problem of public international relations only when they correspond to the states' own essential political objectives, i.e. when they can be used for political justification for national interests.[258]

Theoretical understanding of legitimacy takes place in conjunction with the development of the theory of decision-making. Many of the work of domestic and

---

[255] See: Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II: Зарубежная политическая мысль. XX в. / Рук. проекта Г.Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997. С. 629-642.

[256] See: Joseph S. Nye, Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000.

[257] Kagan, R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report. URL: https://www.ceip.org/files/about/Staff.asp?r=16.

[258] The main works of the author on the subject of the content of the process of legitimization of acts of force, performed independently and in co-authorship: Коростелев С. В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87) ; Коростелев С. В. Действие метода стратегического легализма в международных отношениях / Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления. Сборник научных статей, Вып. 7 / Под общей редакцией проф. В.В. Тумалёва. – СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2009; Коростелев С. В., Качук В. Н. Проблема легитимации применения силы резолюциями Совета безопасности ООН / Проблемы права в современной России : сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции. Т.2. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та.

foreign researchers are devoted to the search for a universal scheme of development and political decision-making. However, most authors agree that this is almost impossible.[259]

In our opinion, none of the schemes will be able to accurately describe the communication, psychological and managerial characteristics of the participants in this process: in each case they are individual, as well as the changing conditions of the external environment. In addition, any problem is complex, multi-layered and has many dimensions, including legitimacy.[260]

In our view, the raging conflicts in different parts of the globe once again confirm the words of K. Schmitt that "political peace is a pluriversum, not a university." In his view, the political world was a set of States, each with a sovereign right to define friends and enemies, to political relations. And no matter how small the state, it values its sovereignty, its political independence.

The main principle of the philosophy of law K. Schmitt was the idea of unconditional primacy of political principles should be all criteria of social existence. It was politics that organized and predetermined the strategy of internal and increasing pressure of economic factors in the modern world.[261]

At present, K. Schmitt's "pluriversum" exists both in the system of states embodied in the UN, which is the "perfect" institutional shell, allowing only in some non-essential cases for the national interest to legitimize the appropriation of

---

[259] See, for example: Трохинова О.И. Легитимация непопулярных политических решений: коммуникационный аспект…дис. кан. полит. наук.- СПб, 2019; Быков И. А. Коммуникативная агрессия в политическом дискурсе современной России // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 33-40; Косов Ю. В., Трохинова О. И. Политическая мобилизация: перспективы развития теории принятия политических решений //Управленческое консультирование. №11. 2017. С. 170 – 173.

[260] The author's position in this matter is in solidarity with L. Brock's conclusions. See: Брок Л. Легитимация и критика насилия в международном праве. Политологическая перспектива. Кантовский сборник. 2013 Выпуск №4(46).
URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2c1/Brock_30-41.pdf.; Коростелев С.В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87). С. 24-35.

[261] Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.

international responsibility, and outside the system.[262]

In real life, the system of interactions between actors of the modern, inhomogeneous international community is a combination of multipolarity, multilateralism, fragmentation and network organization, depending on the balance of power and the state of government.[263]

The first two paradigms of interaction are more characteristic of the behavior of strong States, while the latter two are characteristic of territories with weak governance.

Relationships in such a system are by definition competitive and actors in power struggle to ensure their safety use the following mod interactions:

Peaceful cooperation;[264]

Competition that does not cross the threshold of armed conflict;[265]

The use of force (armed conflict).[266]

In the paradigm of multipolarity, the main international actors are the most powerful powers, which form blocs with other states, either on the basis of recognition of common values or on the principle of geographical proximity.

In the paradigm of multilateralism, States continue to be among the most influential actors in the world order.

In the paradigm of the network organization, power is divided between

---

[262] For more information, see: Коростелев С.В., Качук В.Н. Проблема легитимации применения силы резолюциями Совета безопасности ООН / Проблемы права в современной России: сб. статей междунар. межвузов. научно-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009. Т.2. С.73-81.

[263] See: Global Strategic Trends. The Future Starts Today. Sixth Edition. Commonwealth of Australia. Vice Chief of Defence Force (15 November 2016), Future Operating Environment: 2035. P. 20.

[264] Cooperation includes mutually beneficial relationships between strategic players with similar or compatible interests. While the interests of actors in cooperation are rarely fully agreed upon, cooperative relations maintain the international order, strengthen collective security and contain conflict.

[265] Not crossing the threshold of armed conflict competition exists when strategic players see each other as competitors, but not as opponents with incompatible interests. Competitors can cooperate with each other or behave in a way that harms the interests of other strategic players.

[266] Armed conflict involves the use of violence as the primary means by which a strategic actor seeks to satisfy its interests or respond to provocation.

different states and unrelated actors. The main non-state actors are corporations and mega-city managers, but these actors are expected to work together to respond effectively to global challenges and to ensure good governance in the common interest.

In a paradigm of fragmented States, corporations, mega-cities and non-state actors, including opposition movements and organized crime groups, compete for power.

Cooperation in this paradigm is rare and is addressed only when it provides the actor with advantages to advance only his own, but not common, interests.[267]

There are three key factors that explain the emergence of such a security environment:[268]

- the balance between global and regional power has changed, meaning that more and more actors can challenge the status quo;

- complex interdependences have emerged within the global political economy, which means that States are more vulnerable;

- technological convergence has led to the fact that бо̀льшего the number of actors have the means to cause significant damage to the enemy.

In this reality, balancing and dominating superpowers, similar to what existed in the bipolar world of the USSR-USA during the Cold War, is now becoming impossible. Not only in connection with the emergence of a new superpower, China, but also with the emergence of global "non-state" actors, whose capabilities are often commensurate with the power of nation states and

[267] The author's position on this aspect andmalicious in a number of publications. See, for example: Коростелев С.В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80). С. 26-31.; Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы. Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78). С. 50-57.; Коростелев С.В. Внешнее вмешательство путем информационного воздействия: проблема нормативной оценки // Пути к миру и безопасности. 2019. Т. 57. № 2. С. 88-103. и др.

[268] See: Sean Monaghan. Countering Hybrid Warfare: So What for the Joint Force? PRISM Vol. 8, No. 2, Oct. 4, 2019.URL: https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/1979787/countering-hybrid-warfare-so-what-for-the-joint-force/ (date of access: 13.12.2020).

their associations. And the behavior of such actors can no longer be prescribed by the victorious powers of the war.

On the contrary, they can set their own goals and find their place in the world organization, using and combining the tools available to them, including the very environment of the system of nation-states, global institutions, and global infrastructure. At any given point in time, participants in interactions may be actors who exist and act at once in both one and several of the above paradigms.

At the same time, the behavior of States is well predictable because of the institutional constraints that they have formed during several centuries of the development of the modern system of States.

States recognize such restrictions as binding and compel those participants in international interactions who allow excessive deviations from expected standards of conduct. And since the political objective of a responsible Government should in any case be to ensure continuous security, while maintaining a high standard of living for its citizens and supporting the core values of society in the face of competition for resources with other actors, the treatment of armed violence is, while an undesirable but inevitable, element of ensuring the stability of the international system and maintaining the quo status.

In any conflict situation, the behavior of States when moving towards their national objectives can be explained through how they are combined and synchronized (as is often defined now as "hybrid") apply the means available to them to achieve national goals.[269]

The relative novelty of the discourse on the hybrid nature of war lies in the transformation of the organization of public life, which accordingly led to a change in the content of the concept of "object of the use of force."

---

[269] Conceptually “hybrid" can be described as her synchronized use of multiple [national] power tools specifically selected to produce mutually beneficial effects on specific vulnerabilities across the spectrum of social processes». See: Patrick J. Cullen, Erik Reichborn-Kjennerud. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

The new objects of use of force, in turn, must be matched by means and methods that can be used by actors competing for power in the four above-mentioned paradigms of interaction.

This regime imposes on States the obligation to exercise restraint and engage in political dialogue in the area of limiting the use of force. Non-state actors are not bound by such obligations.

In political discourse, it must be taken into account that the use of the term "war" is inherently a historical tradition and can only be applied to situations of armed violence of the past, when the parties to the conflict were States that were governed by the rule of law of war and neutrality.[270]

With the adoption of the Brian-Kellogg Pact in 1928, the UN Charter in 1945, the Geneva Conventions in 1949, wars were outlawed, and the concepts of "use of force" and "armed conflict" came into use, although the state may be in a state of "war", a transition that requires special legalization in national law and political justification in the outside world. If there are no problems with legal security at the national level- - procedures for the transition of the State to a state of war are developed and appropriate regulations on martial law are adopted, then the state's activities in the outside world face the difficult problem of recognizing such actions as fair and in the common interest.

In this regard, Professor I.V. Radikov's position set out in the scientific article "Chameleon Wars": Changing the Nature of Armed Struggle in the 21st Century" sufficiently argues political approaches to modern wars and military conflicts.[271]

---

[270] See: Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу правовой квалификации силовых действий государств в практике Совета Безопасности ООН // Ученые записки юридического факультета. Вып. 19 (29) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2010.

[271] See: Радиков В.И. Войны-«хамелеоны»: изменение характера вооруженной борьбы в XXI веке // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под. ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета. 2015.С.33-50.

In our view, the war has not disappeared, but the forms and methods of use of force have been modified accordingly by new uses of force. But in any case, the study of the policy of states on the appeal to force should begin with a study of how this practice is described in terms of the so-called "triad" of the war theorist K. von Clausewitz.

K. von Clausewitz defined "war" as a chameleon, in each case changing its nature.[272]

- violence as its original element, hatred and enmity, which should be seen as a blind natural instinct (properties inherent in the very nature of man);

- playing probabilities and cases that turn it into an arena of free spiritual activity (the scope of the application of military talents and military qualities);

- subordination to politics, so that it is subject to pure reason (the sphere of government).

Since each of these interdependent and constituent elements of the triad has a variable nature associated with the properties of the organization of public life, the properties of the object of war are obviously also dynamic. Therefore, the search for an answer to the question "what kind of war we are waging" is one of the most important actions of the state authorities in the process of choosing and following any model of behavior.

The modern international community is not homogeneous, it consists of conflicting actors with different weight and influence, who set different goals and have diverging interests.

Similarly, the international community is an abstract category and cannot rule as an object of governance because of its anarchic nature; but it has a hierarchical structure in which the place of the state is determined by its combined national power.

Therefore, in the struggle for a place in such a hierarchy, States cannot but

---

[272] Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934. Часть первая «Природа войны». Глава первая «Что такое война?» §28 «Вывод для теории».

feel the need for mechanisms to legitimize their actions, the essence of which is to justify and justify the right to use force in the way of moving towards its national objectives.

In these circumstances, the military policy of the countries of the world community remains based on the desire to strengthen their security in response to the emergence of a wide range of new challenges and threats that have become a clear consequence of social development.

It is clear that the change in the nature of the security environment entails the need to rethink the principles and mechanisms of ensuring the security of states by military means, awareness of the need to create a system of rules - a strategy - a system of priorities, goals, measures to organize and coordinate the activities of public authorities to achieve national goals.[273]

It seems clear that any confrontation strategy is predetermined by existing and probable conditions, is the product of the goals of the actor, the strengths and weaknesses of his opponents and the nature of the environment of strategic interactions. It should be aimed at those specific components of the enemy's power where victory is most likely.[274]

For state actors, fighting in today's world is strongly influenced by two main factors: information transparency and previously inaccessible to opponents of the variety of means and methods of warfare. In terms of transparency, network technologies, communication tools and social networks have significantly increased the flow of information and limited the ability of the state apparatus to control it. Reports of conflicts are reported in real time by various parties.

In the recent past, achievements on the battlefield formed, first, a strategic advantage, and secondly, information about this naturally influenced initially on the state authorities of the warring parties and only then on the population.

---

[273] For more details See: Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы. Ч. I, II // Военная мысль. №8-9 2011.

[274] For more information see: Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук. – М., - Дипломатическая академия МИД РФ: 2007.

Since non-State actors tend to be militarily inferior to States with their regular armed forces, they try to benefit from the information transparency of modern society, which can both reinforce the weaker side of the conflict, and vice versa, weaken it. However, it should be noted that cognitive space in military art has always been taken into account, and the information confrontation itself is not something new.

For example, Sun Tzu noted that "the best war is to break the enemy's designs; In the next place - to break his alliances; in the next place - to break his troops. The worst thing is to besiege the fortresses."[275]

If the confrontation between the State and the "non-State" actor is not in the common interest of the system of States, and especially if the conflict is not resolved militarily quickly and with minimal resources, it will inevitably receive a negative political assessment in two dimensions: international, in which success is measured by legitimacy, and "home", where it is measured by the state of social sustainability.

The use of force to be legitimate must be in the common interest of the system of States (based on the need for an act of force) and, while strictly following the principle of distinguishing between combatants and civilians (the proportionality of the force used is shown). And social stability, or the ability of society to function effectively in times of crisis and maintain its core values, supports the morale of the population and its confidence in the authorities, and, accordingly, allows the state to direct additional resources to armed confrontation. And, as can be assumed, the political goal of the "non-state" actors is to destroy the social stability of the enemy.[276]

In the language of the paradigm K. von Clausewitz, the modern "hybridity" of the actions of the actors-"non-states" is mainly aimed at suppressing the will of

[275] Сунь-Цзы. Искусство войны. Глава III «Стратегическое нападение», п. 2.
[276] On the status of the combatant see: Коростелев С.В., Солодченко В.С. Проблемы установления статуса комбатанта в современных боевых действиях/ Российский ежегодник международного права 2004. Специальный выпуск. – СПб.: Россия-Нева, 2005.

the people and, accordingly, the ability of his government to make timely and adequate political decisions either before resorting to military confrontation, or without any transition to a serious military escalation.

That is, for example, interference in the internal affairs of the state with the use of informational means is aimed not at those objects, the protection of which is effectively regulated by the norms of international humanitarian law (hereinafter - IHL), -but social stability, which in turn is based on the values of the people. In such a situation, it can be assumed that the "non-state" actor will follow the IHL restrictions only if it has the political purpose of gaining recognition in the system of States.

The adoption of this new paradigm requires a change in the way towards political leadership by the use of force and, crucially, the legitimization of acts of force, since there are no criteria for assessing the effects of combat in the cognitive component of the information environment to date.

In today's environment, the most important factor for the effective functioning of society and ensuring the stability of its development are the technologies used by the political leadership, the main components of which are the preparation, adoption and implementation of political decisions.

A study of the history of acts of military force by States shows that international law has never in history restricted governments from seeking military force to safeguard the interests of the State because of strategic necessity; and the legal arguments in favor of war only made rational grounds.

Various aspects of the use of armed force (e.g., the use of armed forces outside the territory of the state to fight anti-government forces, terrorist groups, to rescue their own citizens, as a humanitarian intervention, the use of armed forces as pre-emptive or preventive self-defense, etc.) have been repeatedly discussed since the adoption of the UN Charter at various levels.[277]

[277] See, for example: Israel turned to the right of self-defense to carry out an operation at Entebbe airport in Uganda precisely at the time of the discussion of the situation in the UN Security

Under Chapter VII of its Charter, the UN has a developed enforcement mechanism for international law and human rights, from economic interventions to the use of military force. The system of principles of the UN Charter governing the appeal to force is based on the assumption that the "state of peace" is more important than justice. This assumption is supported by modern State practice, which shows that members of the international system reject the philosophy of literal interpretation of the provisions of the UN Charter.

In a wide variety of areas of the international system, the question is raised that the use of force against the existing political and territorial structure may in some cases be justified; that, at certain points, it is more beneficial to break the world in the name of justice than to live in injustice, and this will do the world community far less harm than when force is used to ensure the preservation of the existing world order.[278]

States limited in their behavior by the paradigm of the United Nations and the pressure of the great powers are obliged to achieve their goals and to meet the objectives solely within the framework and means of the existing rule of law, i.e. to recognize the right as the main but not the only source of motivation for action. But at the same time they are obliged to follow the formal but narrowly normative representation of the law, since regulatory restrictions are set by the agreement of the will of the great powers. This is the essence of the phenomenon defined as legalization.

At the same time, States are obliged to move towards certain goals, defined as a result of internal public consensus, by interacting with other actors. External influence naturally influences the trajectory of the nation to its goals, the resources

---

Council; The International Court of Justice considered the possibility of referring the United States to the right to collective self-defense in the case of military and paramilitary actions in the territory and against Nicaragua (Nicaragua v. USA)1 to justify its own actions, etc.

[278] See: Коростелев С.В., Кириленко В.П. Правовые аспекты правомерной деятельности государств по использованию по использованию вооружённых сил для защиты своих граждан на территории зарубежных государств // Время и право: Научно-практический журнал Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» №2/2011.

it expends, which in turn requires correlate of the chosen course and means of achieving goals with risks and inevitable losses (this process, in fact, is the core of the national security strategy).

Reducing risks and reducing losses can be achieved in the process of explaining their objectives to other participants in international communication on the basis that the actions of the state do not go beyond the paradigm of the UN Charter and are carried out in the common interest of the international system.

Thus, explaining to the main international actors the rationality of their actions to advance national interests (implementation of the national security strategy) in terms of the UN paradigm is the essence of the process defined in this work as *"strategic legalism"***.**[279]

Any appeal to force entails the use of a method of strategic legalism to bring to the world community its strategy of achieving national goals. Any recourse to force entails the use of the method of strategic legalism to communicate to the world community its strategy for achieving national goals. The person making the decision to use force should be aware that the international community will assess such a decision by raising the following non-legal questions:

1. are statements of legitimacy merely a morality of the post-facto decision to use force?
2. are statements about the need for justice a reaffirmation of the validity of the principles of international law?
3. are the principles of international law a material basis for confirming the fairness of the use of force?
4. were there any methods of legal assessment of the morality of States' conduct in ensuring their interests?

At its core, the method is not legal: only legal arguments are used in political debate; the legal consequences are directly assessed in a different method, the

[279] More details turning to the applying of the method of"strategic legalism" to make a political case for States to use force in the interests of their security reviewed in the Chapter 3.

method of political and legal justification for the use of force.[280]

The object of the method of strategic legalism, as one of the methods of international law, in the course of the political and legal justification of the actions of states, is the process of providing the state authorities with a legal argument for the political justification for the fairness of the appeal of their state to force, and proof that the enemy has neither legal nor moral grounds for the use of force. In this case, international law is primarily in the interest of ensuring the communication of States.

In our view, the phenomenon of legitimizing political decisions on the use of force for national security is a process that recognizes the fair (legitimate) nature of action to ensure national interests.

.

[280] See: Коростелев С.В., Качук В.Н. Характеристика метода правового обоснования применения силы в международных отношениях и его использование для обоснования упреждающих действий // Журнал правовых и экономических исследований № 1 2010; Коростелев С.В. Особенности политико-правового обоснования применения силы во внутренних вооруженных конфликтах при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма // Управленческое консультирование. 2018. № 4 (112).

2.2. Political Mechanism of Legitimation of Acts of Use of Force in International Relations

The history of the political-legal justification for the use of force in modern international relations demonstrates that States have never denied the possibility of circumventing the procedures of the UN Charter, such as pre-emptive and preventive actions.

However, every such use of force is always doomed to be labelled "unlawful" and the State will always bear the burden of proving that its actions are being carried out for the benefit of the world community. At the same time, States continue to use the literal interpretation of Article 2 of the UN Charter in their official argument, thus stating that they do not recognize anyone's right to resort to force outside the charter paradigm. That is, the justification for resorting to military power within the limits set by international law is a political obligation of any state. And the military objectives of such an act are established during the political process to prepare the state to defend its interests.

As A.A. Svechin noted: "The first duty of political art in relation to strategy is to advance the political goal of war. Every goal must be strictly aligned with the means available to achieve it. The political objective must be in line with the possibilities of warfare."[281] Restrictions set in international norms for the use of armed forces should be taken into account in the process of justifying the military strategy of the state. Without consideration of international legal restrictions, there can be no full-fledged military strategy, and as a result, a higher-level strategy - a national security strategy.

We believe that it is possible to assume that the above-mentioned measures to ensure the military success of the State, applied together, can ensure the implementation of the national security strategy only if the leadership of the state

[281] Свечин А.А. Стратегия. — М.: Военный вестник, 1927. С. 37.

is successfully identified and taken into account as far as possible all existing restrictions for the application of all components of the military strategy of the state.

The fact is that the use of military force is the most resource-consuming way to ensure national security, and the recourse to military means must be justified, and, in some ways, even "agreed" with other participants in international communication.

The paradigm of communication, as shown above, has already been formulated in the norms of the UN Charter. Consequently, the study of the mutual influence of military art and international legal restrictions in the task of national security can be carried out within the framework of the object of justifying the need for the use of force, which must necessarily be a fundamental part of the national military strategy.

Creating such a justification should be one of the main priorities of the development of the military organization of the state, as it can become one of those means that will allow to define more clearly the contours of the regulatory framework of its construction, development and application.

We consider it necessary to note that in none of the States has a general definition established in any constitutional rule, neither for the national security strategy nor for its military component.

In private cases, in government policy documents, the strategy is defined as an "officially recognized system of strategic priorities, goals and measures"[282] or as "officially adopted–main areas of public policy that determine the measures, organization and coordination of the activities of the federal government authorities..."[283]

---

[282] Section I, clause 3 "General Provisions" of the Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 No. 537 "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020".

[283] Section II "General Provisions" Clause 7. Decree of the President of the Russian Federation of 09.06.2010 N 690 "On Approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation until 2020".

Each researcher uses a convenient definition, based on the tasks before him, and available to him to analyze the sources of information.

For example, A.A. Svechin defined the strategy as "... the art of combining preparation for war and grouping of operations to achieve the goal set by war for the armed forces. The strategy addresses both the use of the armed forces and all the resources of the country to achieve the ultimate military objective."[284]

The Military Encyclopedic Dictionary defines military strategy as follows: "... an integral part of military art, its highest area, encompassing the theory and practice of preparing the country and the armed forces for war, planning and conducting strategic operations and war in general.

The theory of military strategy examines the patterns and nature of war, how it is conducted; develops the theoretical framework for planning, preparing and conducting strategic operations and warfare in general.

As an area of practice, the military strategy is working to define the strategic objectives of the armed forces and the capabilities necessary to carry them out; the development and implementation of measures to prepare the armed forces, theatre of war, economy and the population of the country for war; Planning for strategic operations organizing the deployment and leadership of the armed forces during the war, as well as exploring the capabilities of the likely adversary in warfare and strategic operations.

Military strategy stems from and serves politics. In turn, the military strategy has the opposite effect on politics... The military strategy is closely linked to the military doctrine of the state and is guided by its provisions in solving practical problems. The theory of military strategy is based on the data of military science, as well as on the conclusions and provisions of the military issues of social, natural and technical sciences ..."[285]

---

[284] Свечин А. А., С. 15.

[285] Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. комиссии С.Ф. Ахромеев. - М.: Воениздат, 1986.- 863 с.

For example, S.N. Mikhalev provides an extensive compilation of definitions of military strategy proposed by military thinkers,[286] but the number of definitions does not provide a clue as to how this strategy can be implemented.

It should be noted that all the definitions put forward are determined by the conditions of the era concerned: the existing means of armed struggle, the political and economic organization of the world community, etc.

In our opinion, the "justification for the use of force by the state" should be understood as a system of rules justifying the use of the armed forces of the state, ensuring the realization of its intentions in the protection of its national interests.

In general, the National Security Strategy of the State, which includes as a necessary component, necessary and sufficient thresholds for the use of force, is guided by a model of ensuring its interaction with other participants in international communication.

Such a model should be in any position on the following extreme views on the way of ensuring the existence of a State in the community of other States: first, a collective security strategy that requires the existence of permanent international organizations with recognized legitimacy, both nationally and internationally; second, a strategy of the supremacy that negates the possibility of subordinating national interests to any international body.[287]

All other strategies are variants of the combinations of the provisions of the two extreme strategies. The practice of conflict resolution, that is, the implementation by States of their strategies, shows that the world order, based on the voluntary subordination of nations to their interests to the common interests of

---

[286] Михалев С. Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн нового и новейшего времени / Вступ. ст. и ред. В. А. Золотарева. М.; Жуковский: Кучково поле, 2003. С. 22-23.
[287] The most striking works, in our opinion, are in the field of explaining the behavior of states in the international arena during the Cold War: Barry R. Posen and Andrew L. Ross, “Competing Visions for U.S. Grand Strategy,” International Security, Vol. 21, No. 3, Winter 1996/1997, p. 5-53; Gaddis, John Lewis. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. Oxford University Press. 1982. 432 P.

the world community, can only be achieved within the framework of an ideal academic model.

For example, the history of arms control agreements and the WMD non-proliferation agreement shows that humanity has never achieved a positive result - these agreements have not been implemented.[288]

The strategies of the USSR and the United States during the Cold War relied on the mechanism of deterrence - focused on their existing opportunities to provide resources for a long competition, using, depending on the circumstances, some means that could lead to strategic overloading of the enemy and its exhaustion. Their international policy was aimed at maintaining a balance between the aspirations of nations and their national power, to maintain the adequacy of reserves to ensure the components of national power.

At the same time, military activities were limited by strict regulatory frameworks that limited the autonomy of military commanders to decide on the use of force, since the occurrence of any incidents in the course of legitimate military activities should not have led to the spread of the conflict, and unbalanced relations of the warring States.

We consider it necessary to provide a summary of the views on the main behaviors of the states that ensured the implementation of deterrence, namely, strategies: supremacy, cooperative security (security in cooperation), selective participation (either selective fulfillment of obligations, or selective entry into the struggle), collective security, and neo-isolationism.[289]

---

[288] For example: The Treaty on Conventional Armed Forces in Europe, signed in 1990, has not yet been ratified by the NATO states, and subsequently, it was generally terminated. See: Сокор В. Никаких скидок на безопасность в Прибалтике ("The Wall Street Journal", США). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru 27 февраля 2004.
URL: http://www.inosmi.ru/translation/208129.html (accessed: 16.06.2006).; Трубников В. Россия не уступит никому свое место в СНГ. Время Новостей, N°44, 17 марта 2004.
URL: http://vremya.ru/2004/44/5/94017.html (accessed: 16.06.2006).

[289] For more details see: Коростелев С.В. Стратегии регулирования коллективной безопасности в нормативных рамках устава ООН. ООН // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. 13. Вып. 1(61-62).

The rule strategy sees the emergence of an equal rival as the greatest threat to international security, and thus as a significant threat to the involvement of the state in the war. Consequently, only the supremacy of one nation ensures the maintenance of a state of peace.

The theory of the rule is quite critical of the capacity of international conflict-resolution institutions, as according to this theory the capabilities of international institutions can be used solely to protect their inconsequential interests.

Following the strategy of non-isolationism implies that a State with an advantageous geographical location, significant economic potential and nuclear deterrents is substantially protected.

The system of principles of the neo-isolation strategy includes a premise that states that the promotion of any values in the territories of other participants in international communication may cause their discontent, which in turn will lead to a corresponding increase in the risks of the use of weapons of mass destruction against the state. Similarly, participation in international organizations and agreements makes the state hostage to conflicts of all parties to these organizations and agreements.

Thus, the state must withdraw from the burdensome alliances and limit its participation in conflicts, except those that threaten its vital interests. Also, states should not use military force to establish a world order, spread democracy, or even universal values, or advance national economic interests.

There are two main objectives in the electoral participation strategy. The first is the prevention of war between the great powers. The second is to prevent the spread of WMD, with particular emphasis on preventing it from falling into the hands of failed states and non-state groups.

According to the proponents of the electoral participation strategy, States must be prepared to act on their own to resolve the conflict, and take the lead in any ad hoc alliance, when the great powers cannot agree among themselves on ways to overcome the crisis, and only if its vital interests are at risk. The

participation of traditional alliances, such as NATO, in such joint actions is considered possible if threats are common to members of the alliance, and secondly do not go beyond the system of the objectives of the UN Charter.

The collective security strategy[290] prescribed by Chapter VIII of the UN Charter ("Regional Agreements") is based on the premise that international organizations, such as NATO and the UN itself, can take military action against the aggressor, maintain arms control, implement confidence measures, and prevent the proliferation of WMD, or send a multinational force to ensure UN sanctions to maintain or enforce peace. At the same time, the UN does not have its own armed forces to meet its statutory objectives.

However, the need to constantly take into account the foreign policy differences of the states participating in the multinational formations, and the obligatory receipt of their unanimous approval for each act of use of force, have led to the fact that States have become more likely to turn to the concept of cooperative security,[291] the legal justification for which is also within the framework of the above-mentioned Chapter of the UN Charter.

According to P.A. Tsygankov, the concept of "cooperative security" that appeared relatively recently reflected the attempts of science and practice to

---

[290] According to its institutionalization, this concept can be divided into two models, which are called "Grotian" and "Kantian". The first corresponds to the institutions formalized in international agreements (organizations in the field of collective defense and security), the second corresponds to the organization of actors around their common values and interests without creating permanent operating structures.
The Grotian concept more appeals to international institutions and legal norms, while the "Kantian" one insists on the universality of moral norms and the observance of individual rights as the main criterion of security. The differences between these concepts are so great that they can be regarded as two independent concepts. The Kantian concept of cooperative security, the main provisions of which are reflected by Richard Koehane, differs from the Grotian one in that the supporters of this concept are of the opinion that the UN is ineffective and are convinced that in a changed security environment it is necessary to act not on the basis of existing international legal norms and principles. but proceeding from the protection of humanitarian values and ideals.

[291] So, for example, S. Lavrov said regarding interaction with transit countries of Russian energy resources: "... Russia does not divide countries into friends and enemies ... I ... for acting through a system of flexible alliances, the configuration of which will be determined depending on in which specific situation our interests dictate this or that campaign." See: Россия будет наказывать. // Взгляд. Деловая газета. URL: http://www.vz.ru/politics/2007/2/5/67213.html (accessed: 06.06.2007).

answer questions raised before participants in international relations after the Cold War. Most of these problems are related to the increasing interdependence of States that develop into globalization, as well as the number and diversity of actors vying for inclusion in world affairs, and the new threats and challenges to international security that have a result.[292]

The idea of cooperative security differs from the traditional idea of collective security in that the strategy of collective security is carried out by participating in the multinational ad hoc coalitions created to defeat the aggressor, who uses force to violate the sovereign rights of a State.

States implement the tasks of ensuring their security within the framework of agreements without creating permanent structures: "a new task - new partners - new agreements."

The proponents of cooperative security do not see a likely conflict between the great Powers, using conventional armed forces, as the dominant problem of international security, which requires a concentration of resources and which can only be achieved within the framework of permanent international organizations.

In their view, the efforts of States should focus on preventing a situation where weaker States could accumulate the means to carry out WMD aggression. The essential premise of the theory is that peacekeeping commitments are the same for all States and their supreme interest is to preserve global peace.

Versions of variants of the idea of cooperative security are given by R. Keohane. It presents cooperative security in the form of a synthesis of collective security, collective defense and a new approach associated with cooperation in resolving new generation conflicts.[293]

---

[292]See: Цыганков П.А. Безопасность: кооперативная или корпоративная. Критический анализ международно-политической концепции. - ПОЛИС. Политические исследования. 2000, N3. с. 128-139.

[293] Keohane, Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1984. doi:10.2307/j.ctt7sq9s. (accessed: 19.01. 2021).

Any national security strategy is always based on one of the above models. In each particular historical period, states, based on an analysis of the state of national power sources and the instruments of national power generated on their basis, assess restrictions on the possibility of the use of armed forces.

This assessment produces a national military strategy and its respective components. It is clear that the actions of the military components of the national power of States to implement any of the above-mentioned behaviors - strategies - must be enforced by the legal doctrine governing the use of armed forces.

The provisions of the current "Russian National Security Strategy 2020" quite clearly demonstrate the commitment of our state in the current geopolitical environment of the concept of cooperative security.[294] Similarly, for example, from Sections II - "Strategic Approach", and III - "Promoting Our Interests" of the new US National Security Strategy,[295] it follows that this state is also focusing on adherence to the concept of cooperative security, the US is clearly moving away from the concept of supremacy.

Our states are forced to change their strategies based on an assessment of their relative strength in the community of nations. It follows that, based on an understanding of the need to join states' efforts to address common international security problems, Russia and the United States are much more likely than before to agree on a more tolerant attitude towards each other if armed forces are used to protect their national interests in their traditional spheres of influence without obstructing each other in discussions at the UN Security Council.

---

[294] See, for example, Section II, clause 18 of the Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 No. 537 "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020": "Russia will strive to build an equal and full-fledged strategic partnership with the United States of America. BASIS OF CONCURRING INTERESTS (highlighted by the author) and taking into account the key influence of Russian-American relations on the state of the international situation as a whole ..."

[295] National Security Strategy of the United States of America. May 2010. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf. (accessed: 01.04.2010).

It is clear that such content of concerted military activity was predetermined by the direction of foreign policy, military doctrines, the economic capabilities of States and their attitude to the mechanism of dispute resolution, conflict (political, economic, ideological and legal) that arose between them.

The bipolar world of the Cold War, based on deterrence, has collapsed, and a multipolar world, with excessive reliance on the factor of military force in international affairs, has created a very different environment for the use of armed forces. The ideological grounds for the nuclear clash between the United States and Russia were also pushed aside, but other threats common to all states; in particular terrorism and the proliferation of WMD, the possibility of its use by non-state groups, were raised.

Former rivals are working together in the world's oceans through various agreements, such as the so-called PSI, initiatives to prevent the spread of WMD, maritime protection, peacekeeping and humanitarian action. It is obvious that States are following the cooperative security strategy model.

The new international environment does not deny the validity of previous activities relating to understanding the challenges facing the armed forces of States.

However, the changed list of tasks requires a revision of some provisions of the basics of the theory of the use of force, its expansion, first, as mentioned above, in view of the reduction of the ideological component of the state foreign policy and the statement in doctrines and national regulations about the existence of not abstract class, but certain national interests. Secondly, due to changes in the nature of the global division of labor, the formation of a new world economy, the very nature of the use of armed forces is changing - there are new objects of use of force, there are new restrictions on its use.

A report published in December 2004 to the UN Secretary General by the High Level Panel on Threats, Challenges and Changes[296] identified five criteria of legitimacy that the Security Council must take into account when considering authorizing the use of military force.

In the first place among the criteria that would allow speaking about the lawful use of force is the seriousness, the severity of the situation. It is generally agreed, for example, that an internal threat will be recognized as serious and infringing on international security if there are "gross, serious, large-scale and long-term" violations of "fundamental and fundamental" human rights that have caused "massive and systematic suffering" of the population and committed "through brutal, barbaric acts" that constitute crimes against humanity (e.g., genocide, so-called ethnic cleansing).

The next important criterion for the legitimacy of the use of military force is the purpose of the military operation. The main purpose of the use of force should be to stop the threat to peace and prevent large-scale serious human rights violations (e.g., the killing of civilians).

Further, given the fact that in practice any military action is fraught with the most devastating consequences, human casualties, the use of force can only be justified if attempts to resort to peaceful means of influencing a State that violates human rights are unsuccessful.

Traditionally, the proportionality of military action and the scale of the threat used in a force operation have been considered as a condition for the legitimacy of the use of armed force in international relations.

It is clear that only simultaneous adherence to the conditions of legitimacy and legitimacy will ensure maximum international support for the decision to use force in international relations.

---

[296] Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». UN Document A/59/565.

It is clear that the principles of the highest order for the development and justification of the use of armed forces by States should be recognized and used, as before, the basic principles of international law.[297]

These principles, implemented in various international agreements, in some cases - in the practice of states, decisions of international judicial bodies, determine the legal regime of the use of armed groups of states.

And as special principles of the legal substantiation of military strategy could be determined principles of the necessity and proportionality of the use of force. Currently, international law prohibits the use of force for retaliation and punishment. Actions are justified as necessary and, at the same time, proportionate if the objectives of the use of force are consistent with the concepts of legality.

Often the principle of proportionality is misunderstood as limiting the use of force, which can be used to destroy a military target by means of defeating the necessarily commensurate firepower of the object - or in any other way limiting the use of force between the warring.

In fact, we are not talking about any parity of power. Proportionality is the only limitation of the use of force against a military target on a scale where its use causes collateral damage to civilian property and causes unnecessary suffering to civilians.

The principle of proportionality establishes a balance between the need to strike military installations with collateral damage and human suffering that can be

---

[297] Basic principles of international law: I. Sovereign equality, respect for the rights inherent in sovereignty; II. Non-use of force or threat of force; III. The inviolability of borders; IV. Territorial integrity of states; V. Peaceful settlement of disputes; Vi. Non-interference in internal affairs; Vii. Respect for human rights and fundamental freedoms, including freedom of thought, conscience, religion, or belief; VIII. Equality and the right of peoples to dispose of their own destiny; IX. Cooperation between states; X. Compliance with obligations under international law in good faith. See: Declaration on the Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation between States in accordance with the Charter of the United Nations. UN General Assembly Resolution 2625 (XXV).
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.
Also, the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe (Signed in Helsinki on 08/01/1975). Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI.- M., 1977. С. 544 - 589.

caused to civilian property and civilians. Proportionality in no way imposes any restrictions on the use of force between combatants in the absence of the possibility of affecting civilian objects and persons.

The justification for the use of force should be used as baseline provisions: first, existing international legal restrictions on the use of armed forces as a theoretical basis for investigating the use of armed violence; secondly, the modern practice of states.

The justification for the use of force should also be designed to ensure the implementation of higher-order strategies, the relationship that develops in the use of armed forces to ensure national security: any process of assessing the possibility of solving national security problems in the paradigm of the UN Charter should begin with the definition of the object of the use of force, and therefore with the search for possible application of principles and norms.

In order to substantiate the object of the political and legal justification for the use of force, it is necessary to determine the purpose of the use of force:[298]

the object of the law (the subject of legal regulation) is public relations, their willful, and, ultimately, the objective side;

the object of legal relations is the actual actions of its participants, but not the measure of their possible behavior. The object answers the question of why this relationship has developed and operates (e.g., as a result of the use of weapons and means);

the object of subjective law is a benefit as a results of engagements. Objective category - "... benefit "cover" a wide range of interests - from individual to class (group), general social,-interstate, civilizational..."[299]

---

[298] As a basic theory of identifying the object of a legal relationship, it seems expedient to apply an analysis scheme that combines the positions of two outstanding legal theorists - S.S. Alekseev and O.S. Ioffe, set forth in a review of a collection of articles: «Вопросы общей теории советского права» под ред. С. Н. Братуся. М., Госюриздат, 1960, 405 с.

[299] Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика (§2. Объекты прав и объекты правоотношений), 2004г., С. 2.
URL: http://allpravo.ru/library/doc99p0/instrum2232/print2235.html (accessed: 14.02.2006).

In our case, it is the national interest. It should be taken into account that the clarification of the content of the category of "national interests" occurs when they are violated by the opposing subjects of the law.

Determining the object of legal regulation is an extremely complex process, as the definition of applicable law is always the main stage of any law enforcement actor's activity, including when a link must be established between the use of force and the legal relations that develop during the use of force against such sites in order to determine the object of the use of force.

The following findings of the International Law Commission are useful to draw attention to:

"Before you start applying the law, you need to identify the object of application. This includes, among other things, an initial assessment of possible applicable rules and principles. As a result of this assessment, it often turns out that a number of standards can be *prima facie* legally significant. You need a choice, as well as a justification for using one instead of the other. Moving from the initial assessment to the conclusion, the legal justification would either attempt to harmonize conflicting standards through interpretation or, if that seemed impossible, to establish certain priority relationships between them. In this case, interpretive maxims and conflict resolution tools, such as *lex specialis*, *lex posterior* or *lex superior*, become useful.

However, they do not do so mechanically, but rather as a presentation of "guidelines" that suggest an appropriate relationship between the relevant norms, given the need for consistency between withdrawal and the intended objectives or functions of the legal system as a whole. The fact that all this takes place in an uncertain environment does not detract from its significance. Through it, jurisprudence clearly expresses, gives shape and points direction to the law. Instead

of randomly collecting directives, the law begins to take the form of a targeted (legal) system."[300]

Thus, in our view, the main objectives of justifying the use of force by the State can be achieved in the following tasks:

- identification of the existing legal regime of use of force in interstate relations (identification of legal uncertainties);
- providing recommendations for a policy-legal justification for the decision to use the armed forces; And
- creating a favorable political and legal regime for the use of armed forces.

The way to implement the political and legal justification for the use of force - a combination of its methods[301] - can be:

- the actual method of political and legal justification for the use of force in interstate relations;
- the method of claiming the legal validity of the use of force (justification for the necessity and proportionality of the act of use of armed violence in response to a threat) is a method of strategic legalism;
- direct use of the armed force.

These methods of justifying the use of force are also part of the instrumentation of the external and domestic policy of the State setting priorities for its activities, including determining its conduct in the international arena, and creating the necessary conditions for the effective use of the element of national power - the armed forces.

---

[300] Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of the Scope of International Law. Report of the Study Group of the International Law Commission. 13 April 2006. A / CN.4 / L.682, para. 36.

[301] A method is a set of interrelated operations leading to an intended goal; in this case - to the comprehension of legal reality. The types and number of methods, as well as the way they are applied, depend on the subject being studied. Moreover, the way the problem is formed determines the way to solve it, i.e. selection of specific methods and techniques of resolution. The method provides an answer to the question "how, for example, political and legal impact occurs."

The justification for the use of armed forces, stated in the military doctrine of the State as a private and public element of the military strategy, "transmits" to politics as a tool agreed in terms of international law model of conduct for the state in the existing legal regime (publicly stated strategy).[302] The content of this model is communicated to other participants of international communication, discussed in international forums such as the UN Security Council, UN General Assembly, studied during hearings in the International Court of Justice, and in special tribunals.

In general, strategies can be planned (pre-planned) and implemented because of necessity (the latter consists of two components - publicly declared and implemented).

The strategy, at a publicly stated level, should ensure, first, the conviction of the enemy in the high price of his actions against the state declaring the strategy, and, secondly, the support of the Allies; and at the feasible level, to ensure the defeat of the enemy's forces and political victory in the event of an armed conflict. It is also clear that both goals are very difficult to achieve at the same time as the probability of success in both components.

Clearly, the problem of the political and legal justification for the use of force depends to a large extent on the political support of other States on the existence of unified approaches to understanding the fairness of the use of force.

In a practical appeal to force without first bringing the issue to the UN Security Council, the state equally receives a legal assessment of its conduct, as well as in the pre-public bringing to the world community its desired model of behavior. But in this case, the probability of assigning him international responsibility inevitably increases due to the violation of the obligation to resolve the dispute through negotiations, surveys, mediation, reconciliation, arbitration,

[302] The concept of "strategy" has a narrower but more fundamental character than the concept of "politics". The fact is that politics, in its part that is public in nature, and is much more often communicated to other members of the international community, including through the publication of doctrinal documents, does not disclose the true intentions of the state, does not disclose the amount of resources in its order to ensure the achievement of national goals.

litigation, recourse to regional bodies or agreements or other peaceful means, as well as bringing a dispute or situation to the UN Security Council, as prescribed by the UN Charter.

It is clear that, in following collective security and cooperative security strategies, States are more connected in their publicly stated strategies and consistent statements about following generally accepted principles and norms of international law, as well as their unconditional commitment to international treaties in defense, arms control and disarmament,[303] than in following the rule of law.

The political leadership of the State has an obligation to create a favorable international political environment to ensure the use of its armed forces.

This is ensured, first, by a foreign policy that should demonstrate to the world community that the use of force is carried out solely to protect essential national interests (to ensure the survival of the nation) through procedures established by international law, and to preserve peace and international security, i.e. in the common interest of the world community.

The military and political objectives of the use of armed forces, which are brought to the world community, including through the adoption of regulations, should be understood by the world community and not cause rejection. Secondly, the armed forces, realizing these military and political objectives, should use their means and methods of warfare commensurate with their political objectives, selectively, and without violating the rules of conduct of military personnel established by IHL.

One way to create a favorable international political environment is for the state's participation in the international law-making process. The main means of establishing and developing international law in the use of military force is the

[303] See: Decree of the President of the Russian Federation "Military Doctrine of the Russian Federation" dated February 5, 2010 No. 146 . Российская газета, N 27, 10.02.2010. Раздел I. Общие положения, п. 3.

practice of States, which can be expressed in two main forms: first, the actual use of armed forces and, secondly, the declaration of military doctrines.

In turn, the "statement of military doctrine" cannot be reduced only to the procedure of bringing to the world community the views of the state leadership on the use of armed violence in the form of regulations. The identification of the state military doctrine can also be carried out through the participation of the state in discussions on the use of military force by other states within the framework of UN bodies and conferences of the UN, regional organizations, in statements of public figures and scholars. Therefore, any military doctrine, in turn, is enforced by legal doctrine.

The process of declaring the strategy, and, moreover, its implementation, requires the state to establish the relative power of participants in international communication. The methods of assessing of the adversary[304] to decide on the use of force to implement the provisions of the strategy in the current geopolitical environment are quite complex, as they require consideration of a significant number of factors, including international legal constraints.[305]

These legal restrictions, which are included in the concept of justifying the use of armed forces, can serve as a means of strengthening and weakening some elements of the power of the state. Legal restrictions may even make it difficult for the State to implement a strategy to safeguard its national interests if it does not take into account changes in the organization of the world community and the tendency to change existing legal mechanisms to resolve the contradictions of participants in international communication.

---

[304] An example of such a technique can be found in: А.Судаков. Диссертация на соискание учёной степени канд. юрид. наук. «Применение группировок вооруженных сил зарубежных государств в локальных и региональных конфликтах на закрытых морских театрах военных действий (международно-правовые аспекты). – СПб.: ВМА им. Н.Г. Кузнецова, 2002 г. – 229 с.

[305] An example of such a technique can be found in: В.С. Солодченко, А.С. Скаридов. Методика оценки международно-правовой обстановки в операционной зоне флота. Учебное пособие - СПб.: ВМА им. Кузнецова, 1993, 140 с.

In the new geopolitical environment, it seems necessary to establish a modern system of rules governing the use of armed violence at a higher level, when public authorities and military administrations are much more likely to be faced with the need to use armed violence to protect national interests.

The existence of such a system of rules could make it easier for the international legal establishment of the use of a military organization at the lower levels of military administration, since the formations of the armed forces would be given more specific tasks, and it would be possible to supplement existing methods with "wartime" rules, for example, on objects that must be identified for defeat.

The identification of objectives will, in turn, reveal the totality of legal relations that will arise between States in the task of defeating them, determine legal restrictions on the use of force, and, as a result, identify the contours of the justification for the use of force.

Thus, the legal regulation of the use of force in international relations is the object of justifying the use of force; the object of legal relationship is the act of use of force; the object of the subjective right of the state that has applied force is the national interest.

It is clear that the choice of targets to be defeated by their armed forces is determined by the real balance of power in international relations. It is because of this that the object of justification for the use of force cannot be a constant.

A study of the history of acts of military force by States shows that international law has never in history restricted Government governments from turning to military force to ensure national interests by strategic necessity; and the legal arguments in defense of the use of force served only as a "decoration" for a political solution.

As M. Reisman rightly pointed out: "... even in effectively organized legal systems, which are characterized by a general convergence of authority and control, key parts of "book law" may fail to approximate the actual normative expectations of elites. This may occur for two major reasons, inherent in the very

character of law: discrepancies between myth system and operational code and the differential rates of decay of text and context."[306]

Any appeal to war is based on moral arguments, even if these moral arguments are in fact arguments not of the state, but only arguments of the apparatus of state power. The moral justification for the actions of the State is the need to ensure the interests of its citizens in the outside world.

The justification for resorting to war, declared by the State, can only be a matter of debate as to why Governments are starting wars, but cannot serve as a basis for explaining the reasons for the State's actual conversion to violence, since such justification relates to the decision-making process for the use of force only at a brief time interval, when it allows the State to gain moral advantage while the international community recognizes its compliance with international law (the UN Charter paradigm).

Moral grounds are used in making actual decisions, but they are stated publicly only if they can serve as an ideological accompaniment to strategic decisions. In this case, the interpretation of international law in this area is carried out in accordance with moral guidelines.

Thus, the question is always how accurately these justifications, moral and legal, correspond to the real strategic interests of the state, and not how beautifully they are stated at international conferences, concepts and doctrines.

For example, in 2008, Russian President D. Medvedev said about the possibility of Russia joining OPEC: "... it is a question of the income base of our country, a question of its development, and we should not be guided here by any abstract criteria, recommendations of international organizations of other order, etc. We will do what we see necessary."[307]

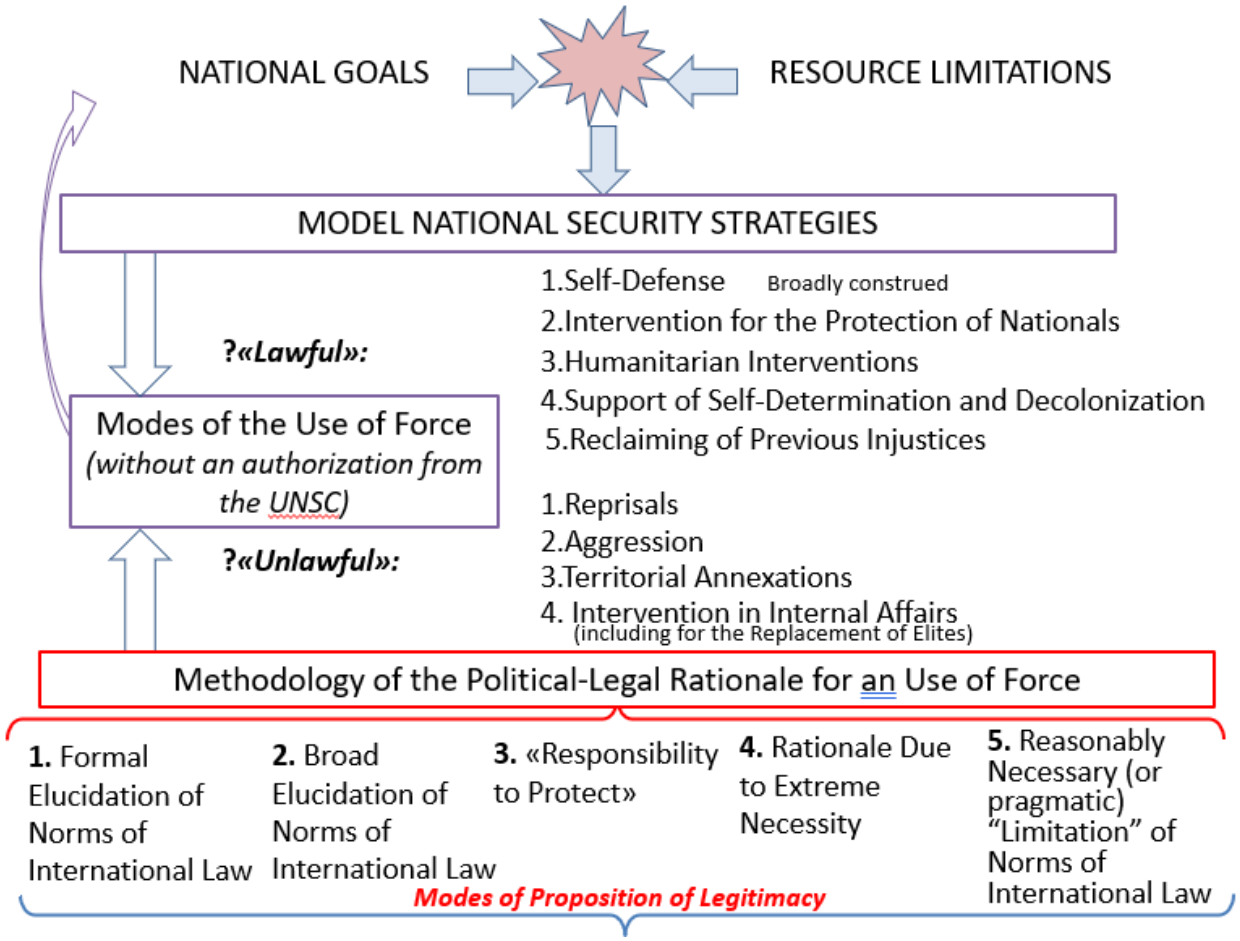
In the process of legitimizing their foreign policy or delegitimizing the conduct of other actors in international cooperation, especially in assessing the

[306] Reisman, W. Michael, "International Incidents: Introduction to a New Genre in the Study of International Law" (1984). Faculty Scholarship Series. Paper 740.
[307] URL: http://news.mail.ru/politics/2236121/print/ (accessed: 11.12.2008).

fairness and legality of acts of force, States are inevitably appealing to international law, which is the language of international communication, and precisely the only means by which States can communicate to the world community their vision of ways of dealing with the challenges of protecting national interests.

In general, the model of the process of political and legal justification for the actions of states in the application of claims to the legitimacy of the act of use of force is shown in Figure 1.

Figure 1.



In the process of clashing national interests, the state authorities are obliged to demonstrate to the world community that they are linking their decisions to the preferences and expectations of the world community formalized in international law, and to receive an appropriate response from the international system - a political assessment of their conduct, which in turn will also be formulated in terms of international law.

The State's claim to recognize its appeal to force, communicated to other participants in international communication in terms of international law, can be defined as "justification (or political and legal justification) of acts of force." That is, at the heart of the system of rules of political and legal justification for the use of force by states in the implementation of their intentions to protect national interests is a public interpretation of the norms of international law by the state authorities. And, accordingly, under the "political and legal justification" of the use of force by the state should be understood the political obligation of states to explain their appeal to the force of other participants of international communication in terms of international law. In other words, *the political assessment of the conduct of States when national interests clashed is based solely on the terminology and methodological apparatus of international law.*

The obligation to interpret international law by the state authorities, which underpins the system of rules of political and legal justification for the use of force by States in the protection of their national interests, seriously determines their conduct and affects the outcome of their policies, since it is in itself necessary to follow international legal procedures at least at a time of time.

Legal restrictions may even make it more difficult for the State to implement a strategy to safeguard its national interests if it does not take into account trends in the organization of the world community, and as a result, the ever-evolving mechanisms for resolving the contradictions of participants in international communication.

Moreover, for the most part, international law in the field of use of force is customary, and therefore the planned or already established act of use of force must be qualified in relation to a known customary practice: any action by a State receiving political evaluation by the world community must either conform to

established practice or be assessed as a mandatory conduct in the interest of the need, but only in the interest of the entire community.[308]

In the process of political and legal justification for the use of force in the discussion of the situation in the UN Security Council,[309] the state is obliged to prove in terms of international law not only the necessity of its appeal to force, but also the proportionality[310] of its use in relation to the threat to national interests.[311]

The need for the use of force is the circumstances to which the state authorities are obliged to invoke, claiming to recognize the act of use of force legitimate during the discussions in the UN Security Council, and on how logical and fully defined they are, in the future depends on whether the state will be assigned international responsibility. Events and actions, both legitimate and wrongful, may be the subject of the process of justification, both legitimate and unlawful: the facts of harm and default, as well as the facts underlying the objections to the stated necessity, both positive and negative.[312]

In general, the model of conduct of each state in its interactions with other participants in international communication - the national security strategy

---

[308] This is how the subjective element of the norms of customary international law opinio juris sive necessitatis is formed.

[309] The duty of the UN Security Council to investigate any dispute or any situation that may lead to international friction or cause a dispute, in order to determine whether the continuation of this dispute or situation may threaten the maintenance of international peace and security is established by Chapter VI "Peaceful Settlement of Disputes" of the UN Charter.

[310] The proportionality requirement is additional to the necessity.

[311] Коростелев, С. В. Проблемы обоснования актов применения силы во внешней политике государства. Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82). С.15-20.

[312] UN Document A / 56/10 and Corr.1 “Responsibility of States for internationally wrongful acts.” Article 2:
An internationally wrongful act of a State occurs when any conduct consisting of an act or omission:
a) is attributed to a state under international law; and
b) constitutes a violation of an international obligation of that State. See URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (accessed: 15.08.2015).

includes, as a mandatory component, the necessary and sufficient[313] thresholds for the-use of force.

The existence of a state of "necessity" is the most important condition, a precondition for the declaration and recognition of the validity of the act of use of force. Its initial definition is carried out, for example, by the target State on the basis of an analysis of the totality of illegal in nature, but important in terms of assessing the readiness of the military organization of the state to defend, factors, for example:

- the nature of the expected coercion/coercion on the part of the aggressor State;

- the relative power of the aggressor state;

- the objectives of the aggressor state;

- the consequences of the aggressor State's objectives.

At the same time, the usual practice of States recognizes the possibility of referring to the state of necessity only in situations where "act: a) is the only way for the state to protect substantial interest from a large and imminent danger; and (b) does not seriously prejudice the substantial interest of the State or the States for which this obligation exists, or the international community as a whole."[314]

Therefore, in the process of political and legal justification of acts of use of force, the state authorities should turn to the precise formulation and bringing to the world community the permissible thresholds of damage to the essential national interests, the excess of which will inevitably lead to the appeal of the state to force.

---

[313] The criterion of "sufficiency" for the possibility of using armed forces is to be determined in the process of establishing the relative power of the opponents in international communication. Obviously, the problem of political and legal substantiation of acts of the use of force largely depends, first, on the political support of other states, which is possible only if there are common approaches to understanding the just nature of the use of force; and, secondly, from the support of the population of the state, which serves as a determining factor in determining the amount of resources that the state can allocate for foreign policy using armed force.

[314] See above: Responsibility of States for internationally wrongful acts. Article 25.

The problem with assessing the "proportionality" of the force used by the State to meet the challenges of its defense is that the security state desired by it is always commensurate with the available and used means and methods of warfare.

At the same time, the political and legal content of the criterion of "proportionality" of armed coercion limits the use of force by scale, intensity and targets to a framework that ensures only the immediate achievement of self-defense objectives and prohibits the use of means and methods of armed combat for retribution and punishment.[315]

In general, armed actions are justified as necessary and, at the same time, as proportionate, if the objectives of the use of force are consistent with the concepts of justice, i.e., the international community is assessed as "non-aggressive" of the State's appeal to force on the political criteria of necessity and proportionality for ius ad bellum, and compliance by combatants of the principles and norms of IHL on the legal criterion of proportionality for ius in bello.

Thus, in a practical annex, the political and legal justification for the use of force is to provide the decision-maker with the necessary means (information resources) to make decisions on the preparation, planning and direct use of force, including armed forces, with minimal international implications, mainly to mitigate the negative impact of the destruction of the current state of international security on the achievement of their strategic objectives.

Therefore, it can be determined that the main purpose of the political and legal justification for acts of force is to legitimize acts of use of force by the state (in the sphere of ius ad bellum),especially armed forces, and another important objective of the political and legal justification for the use of force is to provide a holistic view of the interconnectedness of the State's international obligations and their rights and responsibilities to reduce the likelihood of adverse international consequences for the State as a result of the almost inevitable violation of the

[315] Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы. Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78).

state's international obligations in the field of ius in bello in the use of means and methods of armed confrontation.[316]

In our view, the process of political and legal justification for the use of force should, at a minimum, include the following necessary steps:[317]

- finding the necessary legal justification for the use of force to fend off the identified threat (definition of the legal regime of use of force, identification of legal loopholes);
- making the timely statement of the found legal justification and permissible thresholds of damage to its essential national interests, the excess of which will inevitably lead to the state's appeal to force, to other participants in international communication;
- determining restrictions for the use of force (planning for "reasonable" use) and providing the public authorities with recommendations and proposals for the planning, training, organization and direct use of the armed forces, as well as to respond to violations of international obligations by individuals from the armed forces:

(a) justification of the component of the need for use (establishing the scale, duration, intensity of use of means and methods of warfare commensurate with the existing threat);

(b) justification of the component of proportionality of use (setting limits on the use of means and methods of armed struggle in accordance with IHL);

(c) assessment of the consequences of the use of force by the State (exploring the possibility of assigning and implementing (implementation) of

[316] Obligations in this area are defined as “serious”, as arising from peremptory norms of general international law. See above: Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, above, Art. Art. 40-41. Also, the behavior of persons from the Armed Forces is considered as an act of a state under international law if this person or group of persons actually acts on the instructions or under the direction or control of this state in the implementation of such behavior. Ibid, Art. 8.

[317] Коростелев С.В. Проблемы обоснования актов применения силы во внешней политике государства // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82).

international responsibility to the state by other participants in international communication).

The obligation to establish a political and legal justification for acts of use of force is an integral part of the State's participation in the international legal process, since the main means of establishing and developing international law in the use of military force are the practice of States, which can be expressed in two main forms: first, the actual use of armed forces, and, accordingly, the reaction of other States to it, and secondly, the declaration of military doctrines.

In turn, the "statement of military doctrine" cannot be reduced only to the procedure of bringing to the world community the views of the state authorities on the use of armed violence in the issued regulations. Identification of the real content of the state military doctrine can also be carried out through the state's participation in discussions on the legality of the use of military force by other states, in its assessment of the functioning of global, regional organizations and agreements, in the statements of public figures and scholars.[318]

In matters of the use of force, States are largely limited by their publicly stated military doctrines and relevant statements of duty to follow generally accepted principles and norms of international law and unconditional commitment to international treaties in the areas of defense, arms control and disarmament.[319]

As a result, the justification for the use of armed forces, stated in the military doctrine of the state as a private and public element of military strategy, "transmits" foreign policy as an instrument limited by international law model of behavior in the existing paradigm of the UN Charter (publicly stated strategy), which should be brought, preferably to the direct use of force, to other participants in international communication.

---

[318] That is, we can conclude that any military doctrine is inevitably be provided with the political and legal doctrine.

[319] Decree of the President of the Russian Federation "Military Doctrine of the Russian Federation" dated February 5, 2010 No. 146. Российская газета, N 27, 10.02.2010. Раздел I. Общие положения, п.3.

The stated political objectives of the use of armed forces in the implementation of the foreign policy of the state should be clear to the world community and should not cause its rejection.

The accompanying political and legal justification for acts of force must demonstrate to the world community that the use of force is not only to protect essential national interests (to ensure the survival of the nation) within the framework of international law procedures, but also to preserve peace and ensure international security, i.e., in the common interest of the world community. Because of the nature of international law, the political statements of the State on the fair (i.e. legitimate) nature of the act of use of force are assessed by a third party that is not directly involved in the conflict.

It is the third parties (including international institutions), not the parties to the conflict, who have the right to assess the statements of the conflicting parties about the legality or wrongness of fact, to interpret the norms of international law, and to conclude that the rule of customary law should be applied to the qualifications of the conflict, as well as the emergence of a new rule of international customary law. Ideally, the parties to the conflict must accept such a decision by third parties.

The state's stated political and legal justification for the use of force is only a necessary but insufficient basis for starting the process of agreeing on the freedoms of international communication in international forums such as the UN Security Council, the UN General Assembly, the UN International Court of Justice, special tribunals, and its result is most often embodied in the recognition or non-recognition of the results of the State's attempts to amend the existing state of international security.

It would also be appropriate to comment on this provision as a historical example. In "The Stories of the Peloponnese War" written more than 2,500 years ago and is still the most prominent work in the field of international relations theory, the warlord Thucydides states: "The standard of justice depends on the

equality of the contested force; is the fact that the strong do what their power allows them to do, and the weak accept what they should accept."[320]

[320] Thycydides. History of the Peloponnesian War. Chapter XVII. The Milan Dialogue. URL: http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/melian.htm (accessed: 16.06.2008)/

2.3. The Impact of International Legal Restrictions on the Justification of States' Force Response Measures to Use Military Power to Protect National Interests

Prior to the creation of the UN Charter, in accordance with customary international law, the State could resort to force not only in the event of a real armed attack, but also in the event of an imminent armed attack.

The founder of modern science of international law Hugo Grotius in 1625 in his work recognized that states have the right to respond to "imminent danger." Self-defense is permitted not only after the attack, but to pre-empt such an attack, or, as he said, "the murder of someone who is prepared to kill you...".[321]

This position was adopted and confirmed by later-time scholars, such as E. de Wattel, who noted in 1758 that: "The safest plan is to prevent disasters where possible. The state has the right to resist the damage that another state seeks to cause it, and to use force ... against the aggressor. It may even pre-empt other people's intentions, but, while being careful, not to act on the basis of fuzzy and dubious assumptions, or, in this case, it itself risks becoming the aggressor."[322]

The American lawyer-international E. Root argued in 1914 that international law does not require the state, whose interests are encroached upon, to postpone the use of force for self-defense until "it is too late to defend itself."[323]

Indeed, does the state's right to retaliate in self-defense "in the event of an armed attack" be associated with waiting for the other side to strike first, and only then to retaliate? And what if the troops of one state concentrate on the border and

---

[321] Hugo Grotius, see above. Книга II. URL: http://humanities.edu.ru/db/msg/17110 (accessed: 14.06.2012).
[322] Vattel, E. de. The Law of Nations IV, in Classics of International Law Vol. 3. James Brown Scott ed. 1916.
[323] Root, Elihu, The Real Monroe Doctrine, 35 American Journal of International Law: 427 (1914).

make bellicose statements in the apparent preparation for a massive attack? Can the state, which will soon be the target of an attack, retaliate before enemy troops cross the border and start dropping bombs?

The UN Charter explicitly recognizes the right to individual and collective self-defense under Article 51. However, the text of Article 51 does not answer the question of whether this right can be exercised until the moment of an actual armed attack. Article 51 states that "This Charter in no way affects the inalienable right to individual or collective self-defense in the event of an armed attack on a Member of the Organization..."

It is clear that this text allows for two different interpretations. On the one hand, it may mean that, under the Charter, States can only turn to force when a real attack is committed. In the case of such an interpretation, Article 51 would be intended to limit the right to self-defense under international custom law. The State had to wait for the first strike, after which it was entitled to retaliate.

On the other hand, if we focus on the word "inalienable," Article 51 could be interpreted in a very different way. Since the word "inalienable" was used to describe self-defense, it could be understood in such a way that the drafters of the Charter had no intention of restricting the existing custom law but wanted to clearly define the only situation in which a State could exercise its right to self-defense.

Thus, a literal interpretation of the provisions of the UN Charter on the right of self-defense is limited to the response to the violation of peace, or the response to the misconduct of some States against others. In this case, however, the conclusion that the actions are illegal should come from the UN Security Council. At the same time, the long process of harmonization of the will of the great powers in the UN Security Council cannot be accepted by the victim states (or potential victims) of aggression, and this state of the mandatory mechanism of the UN

Charter is not recognized by states as fair, because: "... international law is not a suicide treaty at all.[324]

A study of the positions of scientists and politicians shows that they can be divided into two currents: the supporters of "restrictive" and, accordingly, the "extensive" (or "broad") interpretation of the concept of self-defense.[325]

"Supporters of limitation" take the above-mentioned first point of view. They argue that Article 51 is the only modern source of the right of self-defense and that the correct interpretation of Article 51 prohibits pre-emptive self-defense. "Opponents of restriction" are based on a flexible interpretation of Article 51 and insist on joint consideration of the flexible interpretation of the Charter and the practices of states after 1945, which demonstrates the inefficiency of the model of the concept of collective security established by the UN Charter.

The practice of States shows that they adhere to the position of "expanding" interpretation of the provisions of the UN Charter, that is, support the view that in certain circumstances, if necessary, the independent use of force is lawful even before the event of an armed attack.

Furthermore, was the event of an armed attack really the only condition for exercising the State's right to self-defense? It can be assumed that if Article 51 defines self-defense as an "inalienable right", its purpose cannot be to restrict the pre-existing customary law and to reduce such a rule only to the event of an apparent armed attack.

It is clear that Article 51 explains that this normal rule is clearly applicable in the case of an armed attack. Thus, proponents of an "expanding" interpretation

---

[324] Roberts, Guy B. The Counter proliferation Self-Help Paradigm: A Legal Regime for Enforcing the Norm Prohibiting the Proliferation of Weapons of Mass Destruction, 27 Denver Journal of International Law and Policy, Summer, 1999: 483-485.

[325] In this work, the task was not set to study the differences in the points of view of interpreters of international law of these two main trends. A fairly complete study of this problem can be found in: Загайнов Е. Т. Упреждающая самооборона в западной доктрине международного права //Московский журнал международного права. 2006. –№2. С. 29-45.

suggest that an armed attack can be only one of several circumstances in which self-defense can be legitimately taken.

Here it seems appropriate to draw attention to the statement of E.T. Zagainov that the UN Charter has been implemented "... setting limits on self-defense not for all cases, but only for situations where there is a need to delineate the rights and powers of member countries ... and UN bodies (primarily the UN Security Council)"[326] when the act of use of force, first, is in line with the UN's objectives; secondly, the Security Council is not involved for any reason- that States retain the ability to resort to self-defense in this situation.

Individual practice of states shows that the international community has not stopped adopting the UN Charter to resort to measures of self-protection, both individual and collective. The study of the appeal to force in these situations allows to determine the rules of conduct, the following of which ensures the observance of common interests. And such rules, which apply to States whose capabilities, both military and political (or even exclusively political), allow for the self-interest of national interests, are proclaimed by them as legitimate.

However, almost any of such unilateral appeals to armed violence as:[327]

– self-defense, including one interpreted broadly;[328]

– struggles for self-determination and decolonization;

– humanitarian intervention;[329]

– military intervention to replace elites in another state;

– military interventions in spheres of influence and critical areas for defense;

– military intervention on the territory of another state to accomplish treaty obligations;

---

[326] Загайнов Е. Т., see above, С. 32.

[327] Reisman, W.. Michael, “Criteria for the Lawful Use of Force in International Law” (1985). Faculty Scholarship Series. Paper 739. URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/739.

[328] We consider it is possible to assume that this could include acts of self-defense to counter trans-border terrorism.

[329] We consider it is possible to assume that this could include a “responsibility to protect”.

– military intervention to ensure evidence-gathering in international investigations;

– military interventions to enforce the decisions of international courts;

– retaliation: retorsions and reprisals,- can hardly be justified from the position of a verbatim (restrictive) interpretation of the UN Charter.

For the first time, the current basic provisions of the doctrine of pre-emptive self-defense were formulated in correspondence between the foreign affairs bodies of the United States and Great Britain in the 1930s and 1940s on the conflict on the border between these states. The U.S.-owned ship, the *Caroline,* was used to support the rebels in Canada. On December 29, 1837, The United Kingdom retaliated by landing in the United States and destroying the vessel, preventing the supply of ammunition and equipment into Canada. In response to the U.S. protest, the United Kingdom reported that its forces were acting lawfully and used the right to self-defense.

The need for action was justified by the threat of harm to the security of the state so severe that the use of military force was justified by "urgency, by force of circumstances, lack of other means and a moment of premeditation" and was not "unreasonable and excessive."[330]

During diplomatic correspondence, the victim state of the attack, i.e., the American side, confirmed the existence of the right of pre-emption on the British side, and stated that “necessity of that self-defense is instant, overwhelming, and leaving no choice of means, and no moment for deliberation."[331]

The standard of duty to prove the existence of an "inevitability of an attack" since the incident is quite complex in determining its content. It is obvious that this requirement defines the time interval during which defensive measures must be carried out in such a way as to pre-empt the direct execution of the attack.

---

[330] Letter from Daniel Webster to Lord Ashburton (Aug. 6, 1842). Treaties and Other International Acts of the United States of America. Edited by Hunter Miller. Volume 4. Documents 80-121: 1836-1846. Washington : Government Printing Office, 1934.
[331] Ibid.

It is obvious that the joint consideration of this requirement with the principle of non-use of force establishes extremely strict requirements for the "width" of such an interval. If the width of the interval is not sufficient to use the entire arsenal of peaceful means of resolving interstate contradictions, then, obviously, only then can the mechanism of pre-emption be launched.

This principle balances the desire to avoid hostilities on its territory (in the operational zone) with the desire to avoid a clash between states. That is, "inevitability" is a relative concept. It is obvious that each victim State of attack has only its inherent defensive capabilities, determined by its geographical, resource, demographic, economic and political characteristics.

For example, if the state's defensive capabilities are insufficient, then pre-emptive action should be preferred. The weaker the state, the preferable it is for it, the stronger state, which has met the same threat, to start actions earlier than to wait. The greater the relative threat the more likely it is that pre-emptive action will be more effective, and the greater the justification for pre-emptive action until the enemy has implemented all the preparatory activities and implemented an aggressive intention.

For example, the state's inability to build a deep level defense, or the lack of mobilization resources, the lack of time to deploy them, or the transfer from other parts of the country, may be grounds for pre-emptive action.

Thus, the rationale for justifying the need for pre-emptive self-defense is based on a political assessment of the time to decide and conduct action, rather than the inevitability of an enemy attack itself. The fact is that, since a literal interpretation of the provisions of international treaty law requires that the victim state take a hit before retaliation, an acceptable decision to take pre-emptive action must be based on a study of the inadequacy of each of the above features.

However, the characteristics of the victim state of the anticipated attack and the characteristics of the way it was carried out, as well as the set of commensurate threats and responses, are outside the subject of international law. Consequently,

the characteristic of the "necessity" of recourse to pre-emptive self-defense has no legal content.

The United Nations International Court of Justice stated in the Nicaragua case with regard to the interpretation of customary law of self-defense and Article 51 of the UN Charter that: "It does not contain any specific rule that self-defense can justify only measures that are proportionate to and necessary to respond to an armed attack, and this rule is well defined in international customary law."[332]

In the Advisory Opinion "Regarding the legality of the threat or use of nuclear weapons," the International Court of Justice reiterated its position, stating that: "The right to resort to self-defense under Article 51 is conditioned by certain limitations *(necessity and proportionality* - author) ... regardless of the force used."[333]

The International Court of Justice also addressed the issue of the study of self-defense criteria - necessity and proportionality - in the Oil Platforms case.[334]

The complexity of the criteria for the necessity and proportionality of the self-defense response increases many times if there is a need to combine the defensive capabilities of several States to repel the expected attack. Could "collective pre-emptive self-defense" be carried out in such an uncertain legal framework? Can the State provide this kind of assistance to another state? Should the request be made public? Should this be done only if there is a collective self-defense treaty?

The main provisions of the UN Charter on the collective use of force are contained in Chapter VII of the Charter "Actions on the threat to peace, violations of peace and acts of aggression." In broad terms, this Chapter provides only two

---

[332] Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Merits), [1986] ICJ Rep. 14, p. 94, para. 176. URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6503.pdf.
[333] Advisory Opinion of the International Court of Justice of the United Nations "Concerning the Legality of Nuclear Weapons or Their Use. UN Document A / 51/218, p. 21, para. 40-41.
[334] International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. Case Concerning Oil Platforms (Islamic Republic of Iran V. United States of America). Judgment of 6 November 2003. I.C.J. Reports 2003.

aspects of the collective use of force: the authority of the Security Council and the mechanism for imposing collective sanctions.

The basic provisions of the Charter on the powers of the Security Council in the event of armed conflict are contained in Article 39 of the UN Charter: "The Security Council defines the existence of a threat to peace, any violation of peace or an act of aggression, and makes recommendations or decides what measures should be taken in accordance with Articles 41 and 42 to maintain or restore international peace and security."

Article 39 of the UN Charter thus gives the Security Council two functions.

First, it gives the right to determine whether there is a threat to peace, a violation of peace or an act of aggression.

Secondly, it authorizes the Security Council to make "recommendations" or to decide what "measures" should be taken to remedy the situation.

It is obvious that, except in cases of apparent physical harm to a State or its citizens, the theorists of a just war bear the burden of finding justifications for necessary and proportionate actions that can be defined as a fair reason for the outbreak of hostilities.

At present, there is only a relative consensus in determining what is a just cause: the use of physical force against the territorial integrity of the State first. All other uses of force have so far not been assessed as aggression and thus are not a fair reason for a forceful response. Self-defense against physical aggression is therefore supposed to be the only sufficient reason for a just war.

Nevertheless, the practice of States shows that the principle of self-defense can be extrapolated to all possible aggressive actions, or even to the provision of assistance to the peoples of other States against their own Government or from other external threats. It is therefore possible to assume that an aggressive war is justly permissible if its purpose is to retaliate against an unlawful and already committed action (e.g., the persecution and punishment of the aggressor) or to pre-empt the expected attack.

Another authority of the Security Council, in accordance with Article 39, is to issue recommendations or to determine what is necessary. The charter's creators apparently assumed that the Security Council could make recommendations under Chapter VI (Peaceful Dispute Resolution) to the parties to the dispute for its peaceful resolution. Such recommendations are not binding and do not entail any other action by the Security Council against a State that fails to implement these recommendations.

The authority of the Security Council regarding the threat to peace, the violation of peace or acts of aggression is defined in Chapter VII of the Charter, Article 41 and 42. Article 41: "The Security Council is empowered to decide what non-military measures should be used to implement its decisions, and it may require members of the Organization to apply these measures.

These measures may include a complete or partial interruption of economic relations, rail, maritime, air, postal, telegraph, radio or other means of communication, as well as the severance of diplomatic relations."

This article allows the UN Security Council to impose non-military sanctions on the offending state. Possible sanctions are not limited to the measures listed in the article.

The sanctions imposed by the UN Security Council are binding on all members of the United Nations or some of them by the security council. These actions are carried out in accordance with Article 48, which requires the implementation of "decisions ... to maintain international peace and security."

If the sanctions adopted under Article 41 prove ineffective, Article 42 provides for the imposition of sanctions with the use of military force: "... which may include demonstrations, blockades, and other operations by the member members' air sea or ground forces."

Such actions, under Article 42, are generally regarded as "coercive measures" and are taken against a State that poses a threat to peace, has violated the peace, or committed an act of aggression. As with the measures under Article 41, the acts stipulated in Article 42 are binding on UN Member States under

Article 48. These provisions differ from those of the League of Nations Statute, under which the League Council could only recommend that States take military action against the Treaty's violator.[335]

In addition to such powers, which are based on Articles 41 and 42, the Security Council may also take "temporary measures" under Article 40, "which it will find necessary and desirable."

In other words, the Security Council can take "temporary measures" before a decision is taken to implement long-term measures. Such measures are not listed in the Charter and are determined by a unique decision of the UN Security Council. The provision that such measures should not "... to damage the rights, claims or position of the parties concerned ... perhaps shows that they are not intended to finally resolve all issues of a particular dispute, but only for the current phase of the conflict. A rough comparison can be given to national legislation, where the court decides that one of the parties refrain from taking concrete action until a decision is taken in the whole case and without infringing on the rights of the parties to the conflict.

The legal status of action taken by the Council under Article 40 is uncertain, since the situation where specific parties will be obliged to comply with decisions taken under Article 40 (and) that other members will be obliged to assist in the implementation of these decisions would be a significant achievement, but there is little agreement in the world community to comply with these obligations, especially if the Security Council does not refer to Article 40 and (or) does not cite Article 39 that is, it does not indicate the existence of a threat to peace, a violation of peace or an act of aggression."

In addition to the authority granted to the Security Council for the application of military sanctions, Chapter VII also establishes a mechanism for the

---

[335] Коростелев С.В. Правовое регулирование применения силы в международных отношениях в период действия Статута Лиги Наций // Управленческое консультирование: Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы. 2010. № 3.

Council to impose such sanctions. To this end, Chapter VII addresses two main conditions: the presence of the armed forces and the ways in which they are managed.

Since the Security Council does not have its own "police force", if it is necessary to meet the challenges of ensuring or maintaining peace, it needs to obtain the necessary capabilities from States. To that end, Article 43 requires all Members of the United Nations to enter into special agreements with the Security Council under which they are obliged to provide contingents of their armed forces. During the conflict, the UN Security Council will be able to call on these troops without the need to conclude any additional agreements with the states.

The agreements should be sufficiently detailed and "determine the number and types of troops, the degree of their readiness and the general location." They must also contain provisions for providing states with other types of support and funds at the disposal of the UN Security Council.

The normative assessment of any act of use of armed violence must be based on whether the act is unlawful or unjust or threatened to use force in violation of modern international law.

Since the wording of Article 2 p. 4 was widely interpreted, it was therefore necessary, first, to explore the scope of the article in order to declare any use of force illegal.

To do this, it is necessary to determine whether there are any uses of force that do not fall within the definition of Article 2 p. 4, if they do not violate the territorial integrity or political independence of the State, but at the same time violate any other provision of the UN Charter?

Since the literal interpretation of the article generates many discrepancies, many international experts agree that the phrase "in another ..." extends to all forms of recourse to force not explicitly mentioned by the Charter. That is, this current approach of literal interpretation, if necessary, to condemn the actions of a geopolitical rival, comes from the premise that the right to appeal to power can only be derived from the provisions of the UN Charter, and in no case from the

premise that the appeal to force is permissible if there is no prohibition on a particular action in the Charter.

In the case of, for example, a terrorist attack, such an interpretation might limit even the scope of the study to determine whether a terrorist attack could be equated with the use of force.

Therefore, since the very content of the concept of "use of force" is controversial and uncertain, as well as the provisions of the Charter on the UN's forceful response, then if a terrorist attack is defined as the use of force, then, with the use of literal interpretation, countering terrorism will be a unlawful use of force.

As a result, the appeal to self-help measures is not an anomaly in a system of collective security, when States participating in the UN Charter have committed themselves to resolving all disputes only in peaceful ways.

It is clear that the literal interpretation does not reflect the realities of realizing the inalienable right of States to use force. It shows, first, that the UN Charter is still incapable of resolving contemporary contradictions and states are unilaterally turning to force, and not only in the undisputed case of necessary self-defense.

However, despite this, States in their official argument continue to adhere to the literal interpretation of Article 2 para. 4, thus not confirming their right to appeal to force outside the system of rules of the UN Charter.

Thus, the global community has developed a special legal environment that seeks to ensure that actions that bypass UN procedures will still be conducted in accordance with the goals and principles of the United Nations. However, every such use of force is always doomed to be labelled "unlawful" and the State will always bear the burden of proving (a binding statement of the legitimate nature of the use of force) that its actions are being carried out for the benefit of the world community.

The sequence of actions in the method of proving the legitimacy of the act of use of force is determined by Article 38 of the Statute of the International Court of Justice.

The process of proof should apply: "a) international conventions, both general and special, setting rules that are clearly recognized by the disputed States; (b) International custom as evidence of universal practice recognized as a legal norm; (c) The general principles of law recognized by civilized nations; d) ... judicial decisions and the doctrines of the most qualified public law professionals of different nations as an auxiliary tool for determining legal norms."

Anything associated with the military power of the state (large numbers of armed forces, the presence of large stockpiles of various and modern means of defeat, the possibility of fighting for a long time and in remote areas, etc.) cannot ensure the military success: these quantitative and qualitative characteristics do not have any value, unless they are used in conjunction with all other possible measures. to be carried out by the state and military authorities in the field of military security.

Such measures include, mainly:

- understand the objectives of the use of military force in the national security system;
- analyze of the enemy's intentions and his ability to violate the plans of the state authorities and military administration;
- destroy the enemy's ability to influence the achievement of national goals as much as possible, and then using all elements of national power to weaken the enemy as well as possible;
- use of military force in peacetime, including the threat of military action, to create a favorable international environment;
- create a truly capable military organization of the state;
- organize the human component of military power, including the mobilization of the will of the people;

- estimate the spatial limit of military force;
- estimate the possible duration of the use of military force;
- estimate the possibility of using force in specific settings;
- estimate a time frame for the use of force;
- establishing public control over military decision-making processes;
- determine the consequences associated with the use of military force;
- take into account international legal restrictions, including restrictions on decision-making on power, arms control measures, etc.

To understand the mechanisms of political decision-making, let's look at the use of the military power of the state in a brief way.

Understanding the objectives of the war. Public awareness of the purpose of specific military actions in the general system of ensuring the national security of the state, i.e. in the combination of actions of state authorities and military administration, other troops, military formations and bodies that form the basis of the military organization and carry out its activities by military methods, as well as parts of the country's production and scientific complexes, the joint activities of which are aimed at preparing for armed protection and armed protection of the state;

Dissecting the enemy's plans and his ability to violate his ability to violate the plans of the state authorities and military administration. The enemy's actions are always based on his own set of national goals and the means available to him.

Therefore, it is necessary to be especially careful in assessing what the enemy considers especially important for himself at any given moment. It is obvious that it is always necessary to have the best possible understanding of the means available to the enemy to destroy our plans.

Destroying the enemy's ability to influence our national goals, and then to use the concerted action of all elements of national power to weaken the enemy. The best way to avoid pressure from the means available to the enemy is to evade them; or taking action where the enemy cannot fully apply them. An attack on an

enemy must be carried out where he is least powerful. It is necessary to use its inherent strengths, weaknesses, wont, and inertia. It is necessary to identify or create and then develop internal contradictions of the enemy, exacerbate internal and external competition and conflict situations.

Efforts should be aimed at destroying the enemy's forces, its security system, strategy, political processes, obstructing the management apparatus, breaking alliances, and depriving the government of public support.

Destruction of the enemy's intentions can be achieved by physical destruction, camouflage, disinformation, introduction into the system of control of enemy forces of excess information, regrouping of forces, surprise of actions, directly fire and electronic suppression, psychological operations, precise coordination of actions in time, maneuvering forces, etc.

It is the use of the ratio "achieved level of destruction of the capabilities of the enemy /use of the achieved results" is the essence of the application of the military component of the national power of the state through military strategy, operational skill and tactics.

The number of combinations of different modes of action can be endless, but it should always be excessive, sufficient, because the excessive complexity of the plan always creates (even with the successful use of military force) additional difficulties in achieving the goals. First, it is necessary to use those processes where the enemy is most vulnerable and has the least ability to counteract. Since the destruction of the enemy's intentions is effective in a small-time interval, i.e., success can quickly turn into failure, it is time that is a critical element for any action.

Therefore, the possession of sufficient intelligence and the existence of an effective equipment for assessing enemy capabilities are the keys to success in achieving the ultimate goals in time. In a strategic sense, this is the point of the timely conformity of the military tasks to the political objectives of the state.

The use of military force in peacetime to create a favorable international environment. States often turn to the use of military force to achieve their national

goals in various ways, including without its direct use against their opponents, and even without threatening to use it.

Examples of such actions include the provision of humanitarian assistance and support in the formation of civil institutions (i.e., assistance in the establishment of state institutions destroyed by conflict), assistance in the creation, training and arming of national armed forces and police forces, exchanges of military delegations, etc.

Such actions may also include placing their forces on or near any foreign country's territory; the entry of warships, the display of the flag, the purpose of which is to demonstrate intentions, or to declare the presence of strategic interests in the region, or the contribution of the state to its stability by maintaining the necessary balance of power in the interests of the entire world community.

In addition, as members of the UN and regional organizations and agreements, states provide their formations and individual troops to ensure the implementation of the relevant mandates of the UN Security Council. Measures that contribute to a favorable international environment for national security may also include the methods of using the state's military resources, such as intelligence and military exercises on its territory and in international spaces, which are not prohibited by international law.

The threatening use of military force can range from military cunning and demonstration of intent in military activities to the deployment and deliberate display of the capabilities of the armed forces during the development of any crisis to deter the perceived enemy from actions that threaten the national interest.

It is known that "Readiness for war is one of the most effective means of preserving peace." Deterrence can be defined as preventing any enemy action by creating fears of unintended consequences. In this context, the military capabilities of the State, only because of the likelihood of use, impede the implementation of undesirable policies and activities of other States and their alliances.

The aim of creating and maintaining the necessary and sufficient level of military capabilities of the state may be, for example, in an effort to avoid war, or,

already during the war (armed conflict), to keep the enemy from using certain means and methods of warfare.

Deterrence is an extremely specific means of action, as it can only be applied to Those States that are within reach of deterrence forces and only if those events are identified as thresholds where the deterrence mechanism itself should be applied. Moreover, the armed forces must be capable of causing damage that should be regarded by the enemy's leadership as unacceptable. Accordingly, deterrence can be assessed as a combination of military capabilities and the will of the leadership to use these capabilities.

To determine the reliability of deterrence, it is necessary not to proceed from the results of the assessment of the enemy's value system, capabilities, and vulnerability. Deterrence is also achieved in some cases by limited in scope, duration, and intensity of warning actions.

For example, you can declare a mobilization of forces, or conduct exercises in a certain area - the purpose of such actions will be to prevent the expected hostile action on the part of another state. However, the strong response of the enemy to these actions may lead to the transition of the conflict into an undesirable military phase.

The possibility of such a transition should always be considered both at the strategy stage and in the actions themselves. The developer of the conflict resolution strategy should always remember that not all deterrence involves the use or threat of the use of military force.

Some means of armed struggle, recognized as an effective deterrent in peacetime, cannot and should not be used during armed conflict, as international morality and/or international obligations will then be violated.

Creation of a capable military organization of the state. The main means of forming military power are:

1) the presence of a valid military force (combat-ready forces and operational stocks);

2) reserves (reserve components of the armed forces, voluntary formations and military reserves);

3) the state of potential power (the number of persons who can be put at gunpoint, the state of industry, the level of development of technology and infrastructure, available mobilization material resources);

4) the strength of military and political alliances (when assessing the military capabilities of the state must consider the capabilities of its allies).

All these means must be judged on the presence of weaknesses and strengths. Each state in the process of developing its military capabilities is faced with the fact of determining a reasonable amount and combination of the above means, depending on its geographical characteristics, the level of economic development, national characteristics, and preferences; and the perceived needs for a military build-up for warfare or any other conflict situations.[336]

The organization of the human component of military power, including the mobilization of the will of the people. This category is also relative, as its state is always determined by comparing it with the opponent's military capabilities.

It has many facets: the physical, intellectual, organizational, and moral aspects are just some of the many factors to be evaluated when it comes to military

[336] Aristotle argued about the need to take into account the elements of national power in determining the strategy of military operations. For example, in his work "Politics" he noted: “It is necessary, therefore, that the state system takes into account military power ... as well as the material resources [of the state]. Meanwhile, it is necessary that these latter be sufficient not only for the internal needs of the state, but also in case of danger from outside. Therefore, the material resources of the state should not be such that they arouse greed on the part of more powerful neighbors, and the owners of the funds were not able to repel invading enemies; on the other hand, these funds should not be so small that it would be impossible to withstand a war with states possessing equal in quantity and quality means .... [M] Meanwhile, one should not lose sight of the amount of possession of property is useful. Perhaps the best limit would be one at which the stronger would not find benefit in fighting for the sake of acquiring a surplus, but would lose as much from the war as if they had not acquired such means. For example, Eubulus asked Autofradat, when the latter was about to besiege Atarney, to consider how long he would be able to take this fortification, and in accordance with this calculate the costs associated with the siege and agree to leave Atarney for a lesser amount. This proposal prompted Avtofradat to abandon the siege after thinking. See: Аристотель. Политика. // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644. Разбор проектов Фалея и Гипподама. Книга Вторая, IV 9, 10. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/02.php (accessed: 15.02.2012).

strength or the weakness of a state. Generally speaking, the human component of the military power of the state is its inalienable property, almost permanent.

When it comes to the need to ensure the survival of the State in extraordinary circumstances, this component of national power can be changed, increased by mobilizing the population, redirecting human resources to other tasks, and using the resources of military and political alliances.

It may be valid (i.e., existing in reality) or assessed (i.e., planned for deployment, intended; in doing so, it is secondary to the actual resources of the State).

The human component of military power has a number of very important properties.

First, it becomes less accessible depending on the removal from its source, i.e., the territory of the State, thus determining the spatial limit of the reach of military force.

Secondly, it is depleted by losses, thus determining the possible duration of the achievement of national goals by military means.

Finally, this component cannot be used in all possible situations of military confrontation, which indicates its next characteristic - the possibility of application.

Thus, there can only be a relative and probable advantage in the human component of military force. Even the absence of such a component alone cannot be a sign of imminent defeat; for example, it can only speak of a different strategy - there are strategies for the weak, and there are strategies for the strong.

The will of the people is the very means at the heart of every military action/inaction. The will of the people is the collective perception or rejection by the people of any State of the formulated and proposed by the State apparatus of the national policy, expressed in the willingness of the people to accept restrictions and deprivations to achieve such goals.

The responsibility for informing the people about the condition of the State, its capabilities, and the consequences of its policies rests with the Government of that State. If the state has free access to information, the press is also responsible

for informing the population. The resources of the people to pay a high price for the political tasks of the State by military means, and the will to do so, are two quite different aspects of the manifestation of this element of power of the State.

Determining the spatial limit of military force reach. The spatial limit at which military power can be concentrated and resolutely applied can be defined as the limit of military force.

Depending on the scale, duration and intensity of the conflict, tactical, operational, and strategic limits of reach may be determined.

The ability to attack at any distance does not determine reach at all; on the contrary, reach is characterized by the ability to concentrate (massaging) forces and inflict not so much decisive as decisive, blows at any distance. Reach directly depends on the geographical features of the region, which can, as close and divide opponents.

Reach can be increased by echeloning forces, reserves, establishing bases, advanced support points, increasing the range of weapons and capabilities of vehicles, improving the efficiency of communication and control systems.

Since this component is also relative, increased reach can be achieved by taking action to reduce the enemy's similar capabilities. But it must be remembered that there is always such a spatial limit, beyond which forces will never act effectively and as planned for them.

Determining the possible duration of the use of military force. The ability to hold out longer than the enemy, to retain forces that can take advantage of the damage done to the enemy, can be defined as the duration of the use of the human component of military force.

In strategic understanding, the duration of the use of military force is a function from the joint consideration of the forces, reserves, the technological nature of the conflict, its intensity, survivability, and the ability of national capabilities to generate military capabilities to absorb blows, the will to win. The duration should be assessed not only in relation to the adversary, but also in relation to other States that may benefit from the bleeding of the warring parties.

For each State, there is a threshold after which further investment of resources in war can cause it much more harm than good.

Determining the possibility of using force in specific conditions. The training of forces, the ability of decision-making officials and the executors of these decisions, orientation to certain types of actions, the readiness of industry for war, the general state of the defensive capabilities of the state, must be compared to certain real threats.

For example, forces may not be prepared to fight in certain geographical conditions, or with another adversary. All this is the basis of the vulnerability of military force. For all other equal conditions, the winner is the one who adapts most quickly to the changing situation.

This provision requires flexible strategic reserves and an industrial base. It also takes time and the ability to generate new opportunities to adapt to the changed situation, or to adapt to the newly discovered circumstances during the war.

Determining a time frame for the use of force. In view of the constant changes in the balance of power in the world, the use of force should always be timely, only when its use is politically justified. States are therefore always limited in time for assessments, decision-making, and direct military action.

Establishing public control over military decision-making processes. The existence of a developed and effective system for identifying the means available to States for warfare is one of the main factors influencing the use of force by States. For example, real-time media coverage of events, and their impact on domestic and external support for Government policies, is also an equally significant factor that can limit the ability of States to conduct strategically unexpected actions, concentration of forces, and rational allocation of resources on tasks to be solved.

Identify the effects associated with the use of military force. In a global network of political and economic relationships and interdependences, military

action can seriously hurt the interests of even non-military states. Every effort must be made to clarify such dependencies and links before hostilities begin.

One of the considerations to be assessed is the need to finance military operations, and to identify the impact of such a reallocation of resources on the national economy, as well as to assess public opinion on this redistribution. The impact of the world's public opinion, and its impact on the world economic processes, and the influence of the latter on the development of international relations, on the escalation of the conflict must also be considered.

Taking into account international legal restrictions, including arms control measures. International law and state practice govern the rights and responsibilities of States, including trade, navigation, air and space use, telecommunications, etc.

Agreements regulating the use of seas and airspace, protecting human rights, preserving the environment, etc., have a significant impact on public opinion on the assessment of the use of military force in peacetime, and thus may make it difficult to exercise internal and external political mobilization of elements of the national power of the State.

The use of force in inter-State relations is governed by the norms of two interconnected institutions of law: the right to recourse to force "ius ad bellum" (sometimes called after 1945 ius contra bellum)[337] and the laws of armed conflicts ("ius in bello"[338]).

The UN Charter imposes severe restrictions on the use of the right of states to use force and threaten its use in interstate relations. In a long historical process, States have come to a consensus that the use of force is fair if acts of reference to

[337] With the creation of the UN Charter, jus ad bellum entered a new phase of its development - jus contra bellum, that is, it became a law prohibiting the aggressive use of force. Aggressive use of force is currently a criminal offense - a crime against peace. Accordingly, international law establishes individual criminal responsibility for those who decide to use aggressive force.
[338] To denote jus in bello in UN terminology, the term “Law of Armed Conflict” is used. The International Committee of the Red Cross prefers to use the term “International Humanitarian Law”.

armed violence do not conflict with the purposes of the UN Charter, the fundamental norms, and principles of international law.[339]

Also, within the framework of international law (ius in bello) have developed a rule defining that the murder of non-combatants, genocide, torture, and some other forms of conduct during hostilities that violate human dignity are unacceptable and totally forbidden to members of the world community. Ius in bello requires that combatants, regardless of the just or unjust nature of the war, be held accountable for their actions. Such provisions constitute a serious ethical constraint on the choice of means and methods of warfare.

At present, it is inconceivable that a State would completely deny the existence of legal restrictions on the use of force, even in the face of military danger. These restrictions exist and are enshrined in both international treaties and state practices, but their application cannot be deterministic, as States approach differently in assessing what constitutes just / lawful / illegal.

It is because Russia recognizes the existence of such international restrictions that the legal basis for its new Military Doctrine is laid, in addition to the Constitution of the Russian Federation and federal constitutional laws, federal laws, as well as the regulations of the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation, "... universally accepted principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation in the arena of defense, arms control and disarmament ..."[340] There is also no doubt

---

[339] For example, clause 2 of Section II "Military-strategic foundations" of the previously existing Military Doctrine of Russia established that: "The nature of modern wars (armed conflicts) is determined by their military-political goals, means of achieving these goals and the scale of military operations. In accordance with this, a modern war (armed conflict) can be: for military-political purposes - just (not contrary to the UN Charter, fundamental norms and principles of international law, conducted in self-defense by the party subjected to aggression); unjust (contrary to the UN Charter, fundamental norms and principles of international law, falling under the definition of aggression and being led by the party that has undertaken an armed attack) ... " See: Decree of the President of the Russian Federation of April 21, 2000 No. 706 "On the approval of the military doctrine of the Russian Federation."

[340] See, for example, clause 6 of Section I "General Provisions" of the Decree of the President of the Russian Federation No. 537 of May 12, 2009 "On the National Security Strategy of the

that the security of States must be ensured not only by military might, but also by the rule of law.[341]

There is no contradiction in the international community that States recognize the existence of an inalienable right to self-defense, provided that the fairness of independent or collective action by States should be judged in terms of international law by a third-party legal structure.

States claim that their own security cannot be limited by any right, while at the same time having to accept that other States have the right to assess the necessity and proportionality of their conversion to force.

In turn, the requirements of "proportionality" and "necessity" should be based on the full consideration of all possible application of principles and norms of law in these specific circumstances of the use of military force.

"Proportionality" is that obtaining a politically accepted result of resorting to the use of military force will always be proportionate to the means and methods of warfare used. First, the requirement of "proportionality" from the point of view of national security (political content) imposed on armed coercion establishes that the use of force must be limited in scope and intensity to a framework within which the objectives of self-defense are achieved within the permissible "international law" limits.

From the point of view of military art, force is used commensurate with the threat, if it happens:

- on the necessary spatial scale;
- over the required period of time;
- with the required number of applied forces and means of destruction;
- with the necessary quality of defeat of the enemy.

Russian Federation until 2020": "... means of ensuring national security" - technologies, and also technical, software, linguistic, legal, organizational means ... ".

[341] Decree of the President of the Russian Federation "On the Military Doctrine of the Russian Federation" dated February 5, 2010 No. 146. Российская газета, N 27, 10.02.2010. Раздел I. Общие положения, п.3.

Secondly, the current requirement of "proportionality" also has legal content, defined by the obligations of States in the field of IHL. In this case, the notion of proportionality is revealed through the effects of the use of means and methods of warfare against military installations, where their use has inadvertently resulted in collateral damage to civilians and property.[342]

Thus, the development and clarification of the contents of regulations governing the necessary and proportionate use of armed violence, taking into account the existing international legal restrictions, is a necessary measure of political and legal support for the implementation of public policy in the field of national security.

CHAPTER 2 FINDINGS

For the actors-states, the conduct of hostilities in the modern world is strongly influenced by two main factors: information transparency and a variety of means and methods of confrontation previously inaccessible to opponents. Network technologies, communications and social media have significantly increased the flow of information and limited the ability of the government to control it.

[342] It should be noted that often in the scientific literature there is a confusion of two understandings of "proportionality": "used", since the force in the definition of the UN Charter "is used"; and “applied ", since the means and methods of warfare (weapons and technical means) are "applied". For an example of such a mixture, see: Синицына Ю. В. Критерии необходимости и соразмерности (пропорциональности) при реализации права на самооборону // Журнал международного права и международных отношений. 2010. N 1. С. 10-15.

States are united in international institutions on the basis of adherence to common values (for example, a common interest in ensuring international security - the UN; OSCE; a common interest in the rule of human rights - the Council of Europe, etc.), and actors not related to states can be united around values that are significant to them, religious postulates, etc.

Therefore, a distinctive feature of modern armed conflicts is that actors who are “not states” are organized and act not in accordance with a single plan of warfare, which is typical for states, but relying only on ideological attitudes, values and norms; and, accordingly, have governance structures that are strikingly different from those that exist in the centralized structures of nation states.

Thus, the possibilities of using the military power of the state to protect national interests are currently becoming limited if they are not provided with a modern and flexible military-political doctrine, and the corresponding up-to-date scientifically grounded foreign policy argumentation.

CHAPTER 3. POLITICAL CONDITIONALITY OF "REASONABLY NECESSARY" INTERPRETATION OF INTERNATIONAL STANDARDS IN THE FIELD OF ENSURING INTERNATIONAL SECURITY

The main difficulty in applying international law is that it converts what is essentially a problem of international morality into arguments about the existence of law.[343]

Textbooks on international law usually begin with the definition of the content of the facility in order to create the possibility of calling this complex phenomenon "right".

There are many principles for the object of the phenomenon of "international law" that claim to be its methodological basis. These principles can be found, for example, in the UN Charter, in a significant number of bilateral and multilateral treaties, and in those rules of customary law, supposed to be learned from the actual practice of States that are supposed to be as binding as treaties.

In real life, states regularly act in such a way that their actions, according to politicians and scholars, are clear violations of the "principles of international law." And nothing happens! Moreover, the UN International Court of Justice applies the same "principles of international law" in its practice, which are known to be more often violated by States than enforced. Could this be the basis for the assertion that such rules, in a sense, or in any sense, are "law"? What is international law really, is it a law at all? What does it serve?

In order to become a valid regulator of relations between states, the rules must be acceptable to regimes that operate on the basis of various - often contradictory - moral assumptions. But, until the states will not acquire a single

[343] Коростелев С.В. К вопросу о соотношении международной морали и международного права в процессе правового обоснования упреждающих действий // Вестник Чувашского государственного университета 2011. №2. Серия: Гуманитарные науки.

political morality, or will not unite under a single supreme power, they will not receive for the regulation of their relations authentic norms of international law.

A study of the history of acts of military force by States shows that international law has never in history restricted governments from seeking military force to safeguard the interests of the State because of strategic necessity; and the legal arguments in favor of war only made rational grounds.

Numerous unfortunate examples of humanitarian interventions and violations of sovereignty and human rights have raised the question of the development of a legal mechanism for impartial and controlled international intervention.

3.1. The general characteristic of the method of strategic legalism in international relations

In our opinion, the scenarios for the further development of international relations will depend on what model of behavior will be chosen by the state authorities of the leading world powers.

If the "Grotian" is chosen, the model and the centers of power will follow the path of cooperation in the reconstruction of the world system on the basis of multipolarity and multilateralism.

The "Kantian model" model would mean that the centers of power had chosen the path of confrontation to ensure their dominance.

The course of history shows that the confrontational model clearly prevails in the resolution of international conflicts.

As we have noted before, two similar terms, "legitimacy" and "legality" - refer to two different phenomena in discussions on the legality of any State action.

Legitimacy in political science is called the correspondence of this or that action, a political figure, the expectations of the whole people, the whole society.

States appeal to various international institutions, including international law, in advancing their interests. And, interestingly, the parties to the conflict always find legal arguments in their support, citing the same sources of law.

The fact is that the political legitimization of the actions of public authorities, in essence, is mainly to provide them with an international legal argument to justify that the State is rightly using force and the adversary has neither legal nor moral grounds for its use; and this process is carried out by avoiding generalizations inherent in the rule of law.

Each party to the conflict seeks to formulate such a narrow interpretation of the rule so that it can be applied to justify the fairness of the State's appeal to force only in this situation, and, in no case, could be used to condemn it in other similar situations.[344]

International relations have always been characterized by dualism - the divergence between rhetoric and actual foreign policy. The global community is always offered two sets of rules - more flexible for itself and more restrictive - for the outside world.

Human rights issues, issues of war and peace, become a problem of public international relations only when they correspond to the states' own essential political objectives, i.e., when they can be used for political justification for national interests.[345]

---

[344] For more details see: Коростелев С. В. Действие метода стратегического легализма в международных отношениях / Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления. Сб. научных статей. Вып. 7 / под общ. ред. проф. В. В. Тумалева. СПб. - Институт бизнеса и права, 2009.

[345] The main works of the author on the subject of the content of the process of legitimization of acts of force, performed independently and in co-authorship: Коростелев С. В. Гуманитарная

P. Maguire defined this phenomenon as "strategic legalism" - i.e., the use of the rule of law, or legal reasoning to ensure the achievement of large-scale political goals, regardless of the actual circumstances, or the content of the law.[346]

Expanding the definition of P. McGuire, we will show that states, limited in their behavior by the UN paradigm and pressure from the great powers, are obliged to achieve their goals and solve the tasks set exclusively within the framework and means of the existing legal order, that is, to recognize the right as the main one, but not the only source of motivation for action. But at the same time, they are obliged to follow the formal, but narrow-normative representation of law, since normative (in fact, not legal) restrictions are established by the coordination of the wills of the great powers. This is precisely the essence of the phenomenon defined as legalism.

At the same time, states are obliged to move towards their strategic goals, determined as a result of internal public consensus, interacting with other external actors. Influence from the outside naturally affects the trajectory of a nation towards its goals, the resources it spends, which, in turn, requires correlating the chosen course and means of achieving goals with risks and inevitable losses (this process, in fact, is the core of the national security strategy).

Reducing risks and reducing losses can be achieved in the process of explaining their objectives to other participants in international communication on the basis that the actions of the state do not go beyond the paradigm of the UN Charter and are carried out in the common interest of the international system.

Thus, explaining to the main international actors the rationality of their actions to advance national interests (implementation of the national security

---

необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). С. 24-35; Коростелев С. В., Качук В. Н. Проблема легитимации применения силы резолюциями Совета безопасности ООН / Проблемы права в современной России : сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции. Т.2. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та.

[346] See: Peter Maguire. Law and War: An American Story. New York: Columbia University Press, 2000. P. 9.

strategy) in terms of the UN paradigm is the essence of the process of "strategic legalism".

Addressing the problem of the legitimacy of actions in international relations, H. Kissinger defined it "no more as an international agreement on the nature of working agreements and on acceptable goals and methods of foreign policy.

This implies the adoption of a framework of international order by all and major powers, at least to the limits, when no State is more satisfied with this than Germany did after the Treaty of Versailles that it expresses its dissatisfaction with revolutionary foreign policy... Diplomacy in the classical sense is the settlement of differences through negotiations, which is possible only in a 'respectful' international order."[347]

For example, during the negotiations on mutual disarmament in Reykjavik in 1986, which ended the Cold War, the parties expected the reaction not only of their interlocutors but also of their peoples. In agreeing on the levels of reduction of tension, the leaders of the USSR and the United States made two different official declarations for the corresponding publication in their countries.

The Americans told their people to reach a compromise, and the Soviet leader presented the reduction of tension as a unilateral step of the USSR ("We are strong enough to afford a step back").[348]

International politics is a struggle not only for physical superiority over the enemy, but also a struggle for recognition of the legitimacy of action, since the combined power of the State and the international recognition of the legitimacy of its actions are complementary concepts.

---

[347] Henry A. Kissinger. A World Restored: Metternich; Castlereagh, and the Problems of Peace 1812–22 (London: Weidenfeld and Nicolson, 1957). Cited By: Rostow, Nicholas. Grand Strategy and International Law. Strategic Forum No. 277. April 2012.
Url: http://ndupress.ndu.Edu/Portals/68/Documents/stratforum/Sf-277.Pdf (accessed: 16.04.2016).

[348] Лефевр, В. Идеологию нельзя создать – она возникнет незаметно, сама собой // Новая газета №84 (1304) 01.11-07.11.2007 г., С. 12-13.

In international politics, the relative power of States is established in the process of assessing the legitimacy of their actions. It is a political fact that faith in the right cause helps to engage peoples, and thus legitimacy becomes a source of national power.[349]

If the actions of the State are considered illegitimate, its costs of implementing policies to ensure their national interests increase. States appeal to international institutions, including international law, to legitimize their own policies or delegitimize the policies of other States, and this often determines their behaviour and impacts on the outcome of actions. As R. Kagan noted: "'Legitimacy' is an intangible factor in foreign policy, but like many intangible things, it can have a huge practical significance... A sense of illegitimacy may limit the opportunities for cooperation with states that they could offer..."[350]

Public interpretation of the law, including the political and legal justification for the use of force, is a political obligation of the state authorities. In such a process, they need to demonstrate to the world community that there is a systemic relationship between the principles and norms of international law, the differences of States, their conduct in protecting national interests, and political assessments of such behavior.

In the course of fulfilling such a political obligation, the public authorities link their decisions to the preferences and expectations of a society whose will, formalized in the norms of law, they implement.

As L. Brock rightly pointed out: "... the law provides a framework for combating violence. At the same time, it serves both as a resource for its legitimization and as the basis of its criticism. The important thing here is that any

[349] See: Nye, Joseph S., Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000, P. 158.
[350] Kagan, R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report. http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/olj/fp/fp_julaug03ab.html (accessed: 16.06.20012).

use of force needs to be justified. Therefore, whoever uses force depends more on justification than the one who avoids it."[351]

"The reason that politicians persist in invoking the law is obvious. Any politician is forced to seek an excuse (even if he mistakenly believes on the basis of his power that he is capable of being above any standards). International law in this sense provides an arena for the most modern acquittal practices of international politics, because any attempt to define the conditions of permissible violence in order to limit the arbitrary use of force can be used as a normative resource to justify violence and thus will add to the use of violence, since any rule for its application needs to be interpreted and thus creates an opportunity to legitimize exclusion from it."[352]

This position is confirmed by the efforts of other experts in the field of legitimization of the use of force, such as A. Deeks: "If the rule is not clear, then the actions taken in accordance with it have insufficient legitimacy. Some States would be skeptical about the existence of the rule as such; while others will not understand its properties. When the rule is clear and the victim State can prove that it acted in accordance with it, it is much more likely that other States will consider its conduct to be legitimate.

Oddly enough, in the absence of clear rules, it will be more difficult for States objecting to the use of force by a state to find a strong case for evidence that the victim acted improperly. When the rule is certain and other States believe that the victim State should not have followed this rule, then those States are in a better position to condemn the actions of the victim State in international law.[353]

---

[351] Брок Л. Легитимация и критика насилия в международном праве. Политологическая перспектива. Кантовский сборник. 2013 Выпуск №4(46).
URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2c1/Brock_30-41.pdf. С. 37.
[352] Ibid, C. 35.
[353] Deeks, Ashley S. “Unwilling or Unable”: Toward a Normative Framework for Extraterritorial Self-Defense. Virginia Journal of International Law. Volume 52 — Number 3 — Page 483. P. 511.

Changes in the organization of the international community naturally influence the decision-making process - the state authorities redistribute resources, set new guidelines for the development of elements of national power and make appropriate claims to other actors. At the same time, in the process of achieving national goals, in an attempt to change the "external" environment, States are obliged to take into account the existing international restrictive rule, which states that "in the creation of new obligations, States do not deviate from their previous obligations". It is this rule that determines the regulatory and reactive role of international law in the international system, which has been confirmed in the doctrine quite often.

For example, they note the existence of "the presumption that the parties have no intentions that do not conform to generally accepted principles of international law or previous treaty obligations to third states".[354]

That is, even in a crisis situation, with the lack of "old" institutions of regulation of international relations and the obvious need to create new ones, states are obliged to legitimize their behavior in terms of the existing paradigm.

For example, the International Court of Justice in the India Passage Act defined that: "There is a rule of interpretation that the text emanating from the Government should in principle be interpreted as producing or intended to produce consequences that are consistent with the law and not violate it".[355]

In general, the process seems to be the legal justification for states' actions, which is in fact a political assessment that states their differences and is framed in terms of international law.

For example, in the case of the Austro-German Customs Union of 1931, the Permanent Court of International Justice noted that the planned alliance with Germany violated Austria's commitment under the Treaty of Versailles and the

[354] Sir Robert Jennings and Sir Arthur Watts (eds.), Oppenheim's International Law. (London: Longman, 1992) (9th ed), p. 1275.
[355] The case on the Right of Passage through Indian Territory (Preliminary Objections) (Portugal v. India). I.C.J. Reports 1957. p. 142.

Saint-Germain Protocol[356] not to cede its independence. It was stated that: "The court here has been asked to take a decision on a purely political issue. What legal standards could help decide whether the creation of a customs union between Austria and Germany, given the entire history of their relationship and its relationship with European problems, would infringe on Austrian independence? In this respect, the treaty with Germany was radically different in nature from, say, the treaty with Czechoslovakia."[357]

The case also demonstrated the problem of linking the content of international law with the expectations of international participants and the need for the court to interpret the rule in such a way as not to provoke States to refuse to resolve disputes in international judicial bodies in general.

The above cases show that a direct statement of incompatibility of international law, or the impossibility of their application in specific situations, may not be appropriate, and in the process of justifying their actions States need to show sufficient subtlety, which is determined in recognizing their proposed certainty of the boundaries between the permissible and unacceptable both their adversaries and third parties.

In addition, there are regulatory expectations for those international actors who pursue effective policies. These expectations are not a direct withdrawal from the decisions of international judicial bodies on the basis of international law, treaties, etc.

What is the real role of international law in linking the conventionally static paradigm of international regulation with the dynamically changing preferences of participants in international communication?

The answer is seen in the provisions of one of the theories of the science of international relations - the theory of communicative actions, one of the central

[356] Signed on September 10, 1919 on the one hand by Austria, on the other - "union and united powers". It is among the treaties of the so-called Versailles system/

[357]Advisory Opinion No. 20 (PCIJ, Ser. A./B., No. 41, 1931.) Individual Opinion by M. Anzilotti pp. 16-31. Url: http://Www.worldcourts.Com/pcij/Eng/decisions/1931.09.05_customs (address date: 16.07.2011).

provisions of which is that: "... participants' actions are coordinated not through self-centered calculations for success, but through acts of mutual understanding. Participants do not focus on achieving success in communicative actions as a basis for action; they achieve their special goals provided that they can coordinate their actions on the basis of similar definitions of the situation." [358] International law is precisely the means by which States can communicate their ways of dealing with the protection of national interests to the world community, i.e. it is the language of international communication, but not a tool for resolving contradictions.

The problem of finding such a language is not new not only for the process of settling international communication, but also in the theory of governance, and is well demonstrated in the works of a number of scientists, including O.I. Larichev and E.M. Moshkovich: "In the adoption of "... business (state, legal, military, etc.) decisions ... the decision-maker usually has to be able to explain to others why he made a decision, It must appeal to common values, to common feelings, to religion, to logic, to assessing the expected consequences, etc. Here the logic of human decisions becomes the main one.[359]

Describing the decision-making methods that were successfully used by the "most intelligent people" in the past, the researchers pointed out that "when making a decision, people traditionally used a natural, understandable description of the problem in their usual language (when analyzing it) and logic (when solving it)."[360]

As practice shows, if vital interests of the State are at risk, relying entirely on the instruments of international law can only be carried out in a limited number of simple situations, and only in rare situations can be applied with the expected effect: international institutions, especially in the field of military security, have so far not gained sufficient flexibility, are under-resourced, and lack the confidence of

[358] Risse, Thomas. '"Let's Argue!" Communicative Action in World Politics', International Organization 54 (1), P. 9.
[359] Ларичев О. И., Мошкович Е. М. Качественные методы принятия решений. Вербальный анализ решений. - М.: Наука. Физматлит, 1996. С. 45.
[360] Ibid, C. 45-46.

States because the latter are not ready to hand over to them their responsibilities to protect sovereignty. Waiting for the response of international institutions such as the UN, the OSCE led to tens, and even hundreds of thousands of casualties, as happened, for example, in the territories of the former Yugoslavia, Rwanda, and Central Africa in the 1990s, and Iraq in the 2000s.[361]

The slow response led, among other things, to the question of the capacity of these organizations. That is why, in order to ensure not only survival, but also protection of other national interests, States are forced to use the most effective means of national power - military force.

The question of the legitimacy of action was addressed in the work of the "High Level Panel on Threats, Challenges and Changes" established in 2003 by the United Nations, which included influential politicians and diplomats, tasked with developing a program to adapt the UN to contemporary realities: "The effectiveness of the global system of collective security, as well as any other legal order, ultimately depends, ultimately, not only on the legitimacy of decisions but also from the general notion of their legitimacy: they must have a solid evidence base and be based on the assumptions that are right, morally and legally.[362]

The Panel's report confirmed that the normative assessment of any act of use of armed violence was whether or not the act was unlawful use of force or the threat of its use in violation of modern international law.

Among the achievements of the Group's work is the fact that it has proposed the "Guidelines" - five basic criteria of legitimacy, the purpose of which "... is to maximize the capacity to reach a consensus in the Security Council on whether or not it is appropriate to take coercive action in a given situation, including the use of armed force; to provide maximum international support for the decision taken by

---

[361] See., for example: Leitenberg, Milton. Deaths in Wars and Conflicts in the 20th Century, 3rd ed. Cornell University Peace Studies Program Occasional Paper #29.
URL: http://www.cissm.umd.edu/papers/files/deathswarsconflictsjune52006.pdf (accessed: 19.06.2008).

[362] A Safer World: Our Shared Responsibility: A report by the High-Level Group on Threats, Challenges and Change. UN Document A/59/565, Para.204.

the Security Council; and to minimize the possibility of individual Member States doing so bypassing the Security Council."[363]

The study of the UN Security Council meetings demonstrates the dissatisfaction of states with the way their interests are taken into account and presented to the UN Security Council; and the results of the vote on draft resolutions in the Security Council show that the permanent members of the UN Security Council are unwilling to limit themselves to the choice of means of protecting national interests by the obligations established by the international community to keep international peace and security within the framework of the procedures of the UN Charter.

In the process of seeking a unified, satisfactory approach to assessing the legality of States' appeal to force without a security council resolution, the High-Level Panel has been asked to consider whether to authorize or endorse the use of military force, the Security Council should always consider:

«... (a) Is the *threat* of harm to the security of the State or human being of such character, and is it sufficiently clear and serious to prima facie to justify the use of military force?

Is it clear that the main purpose of the alleged military action is to neutralize or prevent the threat, whatever other objectives or motives may exist?

(c) *Extreme remedy.* Had all non-military options for the threat been explored and were there reasonable grounds to assume that other measures would be unsuccessful?

(d) The *proportionality of the means.*

(e) Balanced consideration of *the consequences.* Is it reasonable to hope that if military action is successful to counter this threat, actions will not have worse consequences than inaction?"[364]

---

[363] Ibid, para.204-207.
[364] Ibid.

The existence of a just cause for resorting to armed violence is the first and perhaps most important condition of the ius ad bellum. Since modern ethical views on the possibility of the use of force are enshrined in generally accepted treaties, the legal analysis of each specific case of the use of force should be based on the prohibition of the use of force contained in the UN Charter.

In general, because of the organic imperfection of the organization of the international community, States do not object to the just use of force, but only object to the excessive use of force. They also critically assess claims of the legality of the use of force in cases other than repelling direct armed attacks on their sovereignty attributes.

The "high-level panel" in the follow-up to the Millennium Summit developed "Rules and Guidelines on the Use of Force" which state that: "Article 51 of the United Nations Charter should neither be revised nor re-interpreted in order to expand its long-standing scope (so that preventive measures can be applied to threats that are not directly related) or limited to it (so that it can only be used to target attacks." These rules suggest that the [365]possibility of recognition within the UN as a pre-emptive and preventive action should be denied.

The functioning of any international organization is always based on the real balance of power in international relations. The current voting system in the UN Security Council, which reflects the prevailing balance of power at the end of the Second World War, is no exception. At the time of the United Nations, its Security Council consisted of eleven members, including five permanent members. In 1965, due to the increase in the number of UN member states, the number of UN Security Council members was expanded to fifteen.

Article 27 of the UN Charter veto means that any resolution must be secured by the votes of at least nine members of the UN Security Council, subject to the conditions that none of the permanent members of the UN Security Council voted

[365] Ibid, Para. 105.

against. A resolution cannot be adopted even if fourteen representatives of States voted for it and one permanent member voted against it.

As the Representative of the Russian Federation to the UN G.M. Gatilov noted: "The veto was not a privilege, but a serious factor ensuring the consensus and effectiveness of the decisions of the Security Council. It was the basis of the Council's consistent work, a guarantee of the exclusion of the arbitrariness of unilateral action against the interests of the members of the United Nations for which the Council acted.

Attacks on this institution only derail the UN members without contributing to the success of UN reform."[366] Only in some cases the veto of a permanent member of the UN Security Council cannot be realized - if the permanent member is a party to the conflict brought before the UN Security Council.[367]

A study of the practice of the UN Security Council shows that the use of the veto is not a restriction in the practice of the use of force not only by permanent members of the UN Security Council, when they solve the tasks of ensuring their interests. Moreover, there is a clear danger of States relying solely on the response of the UN Security Council. The veto so far has not allowed the UN to prevent any of the security threats to humanity.

During the Cold War, the confrontation of States was expressed in 201 vetoes between 1946 and 1990. [368] The veto power and geographical representation of states in the UN Security Council also prevented the use of the UN's capacity to legitimize a number of conflicts: for example, the United States invaded Iraq in 2003, earlier in 1999 NATO bombed the former Yugoslavia - all these actions took

---

[366] In Two-Day Debate, 110 Member States Air Views On Security Council Reform . General Assembly Plenary - 3 - Press Release GA/9827 67th Meeting (PM) 17 November 2000. UN Doc. Ga/9827.

[367] Paragraph 3, Article 27 of the UN Charter: "Security Council decisions on all other issues are considered to have been taken when nine members of the Council are voted on, including the concurring votes of all permanent members of the Council, and the party involved in the dispute must abstain from voting when making a decision..."

[368] Reus-Smit, Ch., Hanson, M., Charlesworth, H., Maley, W. The challenge of United Nations reform. Department of International Relations, RSPAS, The Australian National University, November 2004, pg. 4.

place without the approval of the UN Security Council. It is obvious that these situations, which objectively demanded the intervention of influential powers, the United States and NATO did not receive the support of the UN. And since the U.S. did carry out its actions on its own, the discussion in the UN Security Council once again demonstrated, as stated in the "High-Level Group Report on Threats, Challenges and Changes", that "... The Security Council's authorization for the use of force is not a time-honored principle ..."[369]

Because of their disagreement on the use of force with other members of the Security Council, later, when resource constraints placed the United States on the need to secure a prolonged occupation of Iraq, they again sought un-supported support and, of course, did not receive it.

In the discussion that accompanied the process, the United States and Britain argued that the Security Council had shown its ineffectiveness because it had failed to ensure that Iraq had complied with previous UN Security Council resolutions. A number of other States have declared the Security Council useless because the Council has not deterred the United States and its coalition partners from war.

In the view of others, the refusal of the Security Council to yield to pressure from the United States and to legitimize war is proof of its significance and necessity: although the Security Council has not contained the war, it has established a clear and principled criterion for assessing the decision to start a war.

As noted in the high-level panel report: "The influx of foreign ministers in the Security Council meeting rooms during the debate period and widespread public attention indicate that the decision of the United States to bring the use of force to the Security Council was further evidence not only of the importance but also of the key role of the Charter of the United Nations."[370]

Thus, despite the existence of international law on the non-use of force in international relations, States use it, but at the same time, they are obliged to make

---

[369] A Safer World: Our Shared Responsibility, see above, Para. 82.
[370] Ibid.

every effort to enlist the support of the UN Security Council to legitimize their actions, and thus reduce the political costs of their conversion to force.

Examples of states' statements aimed at legitimizing their actions within the framework of the UN charter and refuting the alleged misuse of armed forces may be divided into groups in accordance with the stated justifications. (see Annex 2, p. 363).

Also, this provision can be demonstrated by examples from the practice of the UN Security Council, which show how states vote when agreeing their will in the process of working on the necessary to legitimize their actions by UN Security Council resolutions.

For example, at the 1760 meeting of the UN Security Council on 22 October 1973, Resolution 344 (1973) was discussed on the com start of the Conference on the Situation in the Middle East. China refused to participate in the vote, and the remaining permanent members of the UN Security Council - the great powers: the USSR, the United States, France and Great Britain - abstained from voting. The resolution was adopted in the "for" votes of 10 non-permanent members of the UN Security Council.

Obviously, in this case, such results of the vote were the result of a balance of the interests of the great Powers in the Middle East: the situation was tense it was necessary to make significant efforts to bring peace to the region, but it was also obvious the reluctance of these States to make concessions on the ideological front. The apparent expression of the position on this issue could irritate both the Arab world and Israel's supporters.

Therefore, the way out was found in abstention from voting. The study of both previous and subsequent discussions on this issue shows how often the USSR and the United States have applied to the veto, for example, on the Palestinian issue, to legitimize their actions.[371]

[371]On the rate of states' use of the veto power, see the report of the Open-ended Working Group on fair representation in the Security Council and the expansion of its membership and other

In some situations, the UN Security Council's decision may be "ignored" because the obligation to comply with the UN body's regulations is not backed up by self-serving procedures for assigning of international responsibility for non-compliance with such regulations. It is clear that, in this case, the appropriation of international legal responsibility should also be carried out through the adoption of a UN Security Council resolution.

For example, it is interesting to consider the presentation of Israel's position discussed in this paper below, in response to the UN Security Council's demands for implementation of the measures mandated by Resolution 573 (1985), which followed the bombing of PLO facilities in Tunisia by Israeli aircraft.

In real legal and political reality, the definition of the act of use of force by aggression or self-defense (definition of legality and legitimacy of action) depends only on the party that gives such a definition. Victims of the attack always characterize it as aggression. The attacker always declares, for example, its right to pre-emptive and preventive action. The government always, when it turns to armed violence, is sure (and must be sure) that it acts only lawfully and defensively.

Each state independently defines in the national legislation "thresholds" of aggression, for example, as it was shown above, for Russia aggression is recognized "... the use of armed force by a foreign state (a group of states) against the sovereignty, political independence and territorial integrity of the Russian Federation or otherwise incompatible with the UN Charter." The definition established by Russian law does not conflict with the aforementioned "Definition of Aggression" of the UN GA.[372]

As an example of such interpretations of the terms "aggression" and "use of force", a number of discussions held in the UN Security Council can be considered.

---

issues related to the Security Council. General Assembly. Official reports. Fifty-eighth session. Supplement 47 (UN Document A/58/47).

[372] Article 3 paragraph 2. Federal Constitutional Law of 30.01.2002 N 1-FK "On Military Emergency" (Собрание законодательства РФ, 04.02.2002, N 5, ст. 375.

On 1 October 1985, in response to a terrorist attack, Israel carried out an air strike on the headquarters of the Palestine Liberation Organization (PLO) in the Tunisian suburb of Borj Cedria, [373] killing and wounding more than 100 people. After the strike, the Israeli Defense Minister said, "We have decided that the time is appropriate to strike at the headquarters where decisions are made, planned and carried out terrorist actions."[374]

In the ensuing debate in the UN Security Council, the Israeli ambassador stated that Tunisia had provided its territory for use as a base for terrorists; therefore, the State was a legitimate target for an armed Israeli action commensurate with the preceding and expected damage from the terrorist actions.[375] The Security Council voted (14 votes in favor, 1 abstention (USA)) adopted Resolution 573, condemning Israel's "active armed aggression".[376]

The document demanded that Israel "refrain from committing or threatening to commit such acts of aggression"; confirmed Tunisia's right to reparations, and asked Member States to "take measures to deter Israel from committing such acts against the sovereignty and territorial integrity of all States..."[377]

The United States abstained from voting in the Security Council because the proposed resolution did not mention terrorism by the PLO, which the United States considered unacceptable. The U.S. representative stated that the United States "recognizes, and to a large extent, upholds the principle that a State that is the target of ongoing terrorist attacks has the right to carry out an acceptable military response to protect itself from further attacks" and that such action "is an inherent right to self-defense recognized by the UN Charter" and that the United States "supports this principle regardless of what who is the aggressor and who is the

[373] Letter dated 1 October 1985 from the Permanent Representative of Tunisia to the United Nations addressed to the President of the Security Council. UN Document S/17509.
[374] '3 Israelis Slain by Palestinians in Cyprus,' N.Y. Times, Sept. 26,1985: A3, col. 4.
[375] Ambassador Netanyahu (Israel), UN Document S/PV.2615.
[376] The results of the vote on the draft resolution see: UN Document S/17535.
[377] UN Document S/RES/573.

victim."[378]

During the discussion, representatives of the states, as always, stressed the obligation of UN member states in all aspects to abide by the statutory principle of Article 2 para. 4 of the UN Charter on the obligation not to use force. The discussion also demonstrated what might be called a recognized conflict between the provisions of Article 2 para. 4 on the obligation not to use force in international relations and regulating the appeal to self-defense of Article 51 of the UN Charter (see arguments of the parties see at Annex 3, p. 364).

UN SC Resolution 573 (1985) reads as follows: “The Security Council, ... considering that, in accordance with paragraph 4 of Article 2 of the Charter of the United Nations, all Members should refrain in their international relations from the threat or use of force as against territorial inviolability or political independence of any State and in any other way incompatible with the purposes of the United Nations... Considering that the Government of Israel claimed responsibility for the attack as soon as it was carried out:

1. strongly condemns Israel's act of armed aggression against Tunisian territory, which constitutes a flagrant violation of the Charter of the United Nations, international law and standards of conduct;

2. requires Israel to refrain from committing or threatening such acts of aggression;

3. urges Member States to take steps to deter Israel from committing such acts against the sovereignty and territorial integrity of all States ..."

The States parties to the conflict had a duty to report on the implementation of the resolution. The Secretary-General submitted a report on 29 November 1985 containing the responses of Member States. In its reply, the Government of Israel

[378] UN Document S/PV.2615, P. 111-112.

stated that it rejected all allegations that its actions against the PLO headquarters in Tunis constituted an "act of aggression".[379]

References were made to the UN GA resolutions of 1970 and 1974, respectively, "Definition of Aggression" and "Declaration of Principles of International Law relating to friendly relations and cooperation between States under the Charter of the United Nations",[380] in which the General Assembly clearly established that an "act of aggression" occurs when a country fails to fulfil its "obligation to refrain from organizing or encouraging the organization of irregular armed forces or armed gangs." including mercenaries, in order to infiltrate another state."

In addition, in these documents, the General Assembly demanded that the State not allow "organized activities on its territory to be committed ... "terrorist acts"; and, Tunisia, by allowing the PLO to establish an extraterritorial base for its operations, had explicitly violated both resolutions.

The representative of Israel also stated that Security Council Resolution 573 (1985) distorted not only the principle of self-defense but also the "very concept" of aggression, denying Israel the right to defend itself and even condemning it for such actions; Israel therefore regards the contents of the resolution as unacceptable and rejects, inter alia, the misuse of the terms "acts of aggression" and "acts of armed aggression".

Israel was not alone in the reprisals. For example, the United States attacked the Libyan Arab Jamahiriya in the cities of Tripoli and Benghazi in connection with the terrorist attack on a disco in Berlin and the explosion of the PanAm airliner over Lockerbie. The issue was discussed during eight UN Security Council

[379] UN Document S/17659/Rev.1 (apps), Official Security Council Reports, 40th Year, Supplement for October-December 1985
[380] General Assembly resolution 3314 (XXIX) “Definition of Aggression”.URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/3314(XXIX).

meetings in April - June 1986 [381] the problem of the right to use force, drawing a line of demarcation or resolving a conflict between the "general rule" established in Art. 2, para. 4 of the Charter, and an exception to this provision - the "inherent right to self-defense" provided for in Art. 51 of the UN Charter.

At the 2682 meeting of the UN Security Council on April 21, 1986, the draft resolution was put to a vote and was not adopted, as it was voted against by the permanent member of the UN Security Council.

This dispute was settled only in August 2008 outside the UN Security Council negotiation process when the United States and Libya reached an agreement to settle mutual claims. Libyan officials have pleaded not guilty to the 1988 bombing over Scotland of the Pan American passenger plane (270 people, most of them U.S. citizens, and for the explosion at the Berlin disco "La Belle" in 1986 (more than 100 people were injured, also U.S. citizens), but in October 2008 the requested amount of $1.5 billion was transferred to a special fund in the United States. In turn, the United States paid $300 million to relatives of Libyans killed in the 1986 American strike on Tripoli and Benghazi (more than 100 people were killed in the bombings).[382]

As has already been shown, the main problem with the political legitimization of the act of use of force in inter-State relations, that is, ensuring that it is recognized as a fair way of resolving the conflict, is to find and say the justification for the necessity and proportionality of such an act.

In contrast to the criterion of proportionality, which is sufficiently fully regulated in IHL, the need for an act of force is inherently political, i.e. an extra-legal assessment based mainly on moral and ethical reasoning, although stated in terms of law.

In general, the assessment of the legitimacy of an act of force must be based

[381] UN Documents: S/PV.2673; S/PV.2674; S/PV.2675; S/PV.2676; S/PV.2677; S/PV.2678; S/PV.2679; S/PV.2680 (1986).

[382] See: Саможнев А. Оплата «кровавого» счета. Опубликовано в Российской Газете (Федеральный выпуск) N4789 от 11 ноября 2008 г. URL: http://www.rg.ru/2008/11/11/usa-livia.html.

on determining whether it meets the expectations of the main actors and whether it violates the international obligations of the State, i.e., whether or not the act is unjust/unlawful use of force or the threat of its use.[383]

Recognition of a specific act of use of force legitimately is carried out in the course of the political process formalized in the discussions of the UN Security Council.

3.2. Analysis of the Appeal to the Concept of Strategic Legalism in the Case of Justifying Intervention in Conflicts on the Territory of Third States to Prevent Humanitarian Disasters

One of the few cases of intervention in conflicts in third countries that have been recognized and formalized in UN Security Council resolutions is the conflict involving the use of force by NATO member states in Kosovo in 1999.

One of the most difficult features for political analysis of the need for military might to resolve this conflict is that, due to strong propaganda pressure, the conflict is discussed separately from the context of the events that accompanied the disintegration of the former Socialist Federal Republic of Yugoslavia. First, the power confrontation in the Kosovo conflict dates back to 1989, but not only in the spring of 1999; secondly, territorially, its consideration is deliberately limited only to the territory of Kosovo.

That is, since then, Kosovo precedents have been often based on erroneous

[383] Article 1 para. 1 of the UN Charter stipulates that the maintenance of international peace and security, and to that end, effective collective action to prevent and eliminate threats to peace and to suppress acts of aggression or other violations of peace, and that peaceful means settle or resolve international disputes or situations that may lead to a breach of peace must be consistent with the *principles of justice and international law*.

assumptions that result from propaganda companies. But it was during the discussions on the assessment of the Kosovo crisis that the concept of "Responsibility to Protect"[384] was formulated, which declares acts of humanitarian intervention to protect civilians from the disasters of armed confrontation on the territory of a state without its consent, legitimate not only if the UN Security Council adopts a resolution authorizing use of force, but also with the approval of the intervention *post factum*.

For the first time, military intervention without authority from the UN was *legitimized* by a Security Council resolution after the regional organization forced the warring parties to peacefully resolve the final stage of the Kosovo conflict in 1999. And since the "codification" of the concept of "Responsibility to Protect" in the decisions of the 2005 World Summit,[385] the UN Security Council, although it has received the necessary tools, has not used it to resolve humanitarian conflicts in Yemen, Somalia, Sri Lanka, the Democratic Republic of Congo, Syria, and addressed it only once - to resolve the crisis in Libya.[386]

By the time NATO member states decided in the spring of 1999 to use force without the authorization of the UN Security Council, a consensus had already been formed in the international community on not only the need, but also the duty to prevent and counter genocide and to punish them.

It was already apparent that as a last resort to protect the civilian population, as well as to return to the pre-conflict *status quo* - the restoration of autonomy, Kosovo should have been armed formations, even contrary to the veto of any Permanent Member of the UN Security Council, and, equally, based on the

---

[384] The final document of the 2005 World Summit. Resolution adopted by the General Assembly on 16 September 2005. UN Document A/RES/60/1. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/487/62/PDF/N0548762.pdf?OpenElement (address date: 10.10.2015)

[385] Коростелев С. В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80). С.26-31.

[386] Kantareva, Silva D. The Responsibility to Protect: Issues of Legal Formulation and Practical Application. Interdisciplinary Journal of Human Rights Law. Vol. 6:1 2011–2012. Pgs. 1-25.

knowledge of the impossibility of a rapid response by the UN Security Council.[387]

That is why a significant feature of the Kosovo crisis resolution process was that the intervention took place in response to a number of circumstances and was carried out by the same group of States that were working to protect the people of Rwanda.

In general, intervention (interference) in the internal affairs of a State is a flagrant violation of international law, but in humanitarian emergencies, especially when the consequences of an untimely response to a crisis are spilled beyond state borders, the international community may recognize the need for proportionate intervention.

In the Kosovo case, when unrest and fighting since 1989 had already resulted in the deaths of about a quarter of a million people[388] and the expulsion of nearly a million people, the decision to use NATO forces to end Serb violence against the people of Kosovo was triggered by mass migration in early 1999.[389]

In establishing the legitimacy of States' conduct, it is very important to take into account the time interval of assessment: directly, at the time of the NATO bombing of Serb formations in Kosovo and facilities in Serbia 24 March through 10 June 1999, this act of use of force was regarded as unjust by the absolute majority of observers; but if it is assessed, for example, in the addition to the

---

[387] Security Council Resolutions 1160 (1998), 1199 (1998) and 1203 (1998) did not provide any means to end the violence in relation to the Kosovo situation, stating the situation and addressing only the demands, stating "concerns" about the increase in violations of human rights and international humanitarian law, calling for the problem to be addressed by political means, and so on. It is important to note that the resolutions were addressed equally not only to the leadership of the Federal Republic of Yugoslavia, but also to the leaders of the Kosovar Albanians and all other members of the Albanian community of Kosovo.

[388] Equally significant was the fact that the Serbian Government had not complied with the previous agreements and was unwilling to take into account the interests of its neighbours, who had taken in large numbers of refugees. See: Independent International Commission on Kosovo: The Kosovo Report. URL: http://www.reliefweb.int/library/documents/thekosovoreport.htm (Date Treatment: 18.10.2015).

[389] The possible escalation of the bosnian scenario was evidenced by the event of January 15, 1999, when the village Rachak following the operation of the Serbian security forces, 45 deaths were found, and five and a half thousand people fled their homes. See: Press Release UN Document SC/6628 3967th Meeting (Night) 19 January 1999.
URL: http://www.un.org/press/en/1999/19990119.sc6628.html (Date Treatment: 20.11.2015).

period from 1989 to 1999, it is extremely just, since the result was an end to both mass ethnic cleansing within the territory of the former Yugoslavia and the exodus of the population of Kosovo to the territory of neighboring States.

This assumption is confirmed by the Advisory Opinion of the UN International Court of Justice (ICU) on compliance with Kosovo's unilateral declaration of independence to international law,[390] which refers to UN Security Council Resolution 1244 (1999) as a source of international legal obligations.[391]

The adoption of this resolution confirms that the coercion of those fighting to peacefully resolve the conflict has been in the common interest. In Article 3 of the UN Security Council resolution, it demanded that "the Federal Republic of Yugoslavia immediately and in a controlled manner cease violence and repression in Kosovo and to begin and complete the verifiable phased withdrawal from Kosovo of all military, police and paramilitary forces according to an accelerated schedule."

In Article 5 of the UN Security Council resolution, it decided to deploy an international civilian presence and security presence in Kosovo under the auspices of the UN and welcomed the consent of the Federal Republic of Yugoslavia (the FRY) to such presences. Paragraph 15 of the resolution required the Kosovo Liberation Army and other Kosovo Albanian armed groups to immediately cease all offensives and comply with the demilitarization requirements.

Just before resolution 1244 (1999), the FRY's leadership was forced by NATO forces to sign the Military Technical Agreement of 9 June 1999[392] (MTA), Article I.2 of which provided for the deployment of the Kosovo Force (KFOR) and

---

[390] See: Paragraph 58 of the International Court of Justice's Advisory Opinion on whether Kosovo's unilateral declaration of independence complies with international law. UN Document A/64/881.

[391] UN Document S/RES/1244 (1999).

[392] Military-technical agreement between the International Security Forces (KFOR) and the Governments of the Federal Republic of Yugoslavia and the Republic of Serbia on the procedures and regime for the withdrawal of the security forces of the Federal Republic of Yugoslavia from Kosovo. UN Document S/1999/682.
Url: http://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/990615_MilitaryTechnicalAgreementKFORYugoslaviaSerbia%28ru%29.pdf (address date: 20/11/ 2015).

allowed them to "act freely and with the authority to take all necessary measures to establish and maintain a safe environment for all Kosovo citizens and otherwise carry out their mission".[393]

The military-technical agreement also called for the withdrawal of the ground and air force, except for "an agreed number of Yugoslav and Serbian military and police personnel". At its core, the MTA provisions were the measures that ensured the implementation of Resolution 1244 (1999).

Thus, the UN Security Council *post factum* legitimized the results of the actions of NATO forces to enforce peace as soon as it has been established that the forces of the Federal Republic of Yugoslavia have complied with the provisions of this subparagraph and paragraph 1 of this article, NATO air strikes are suspended.

The suspension order continues to operate on the condition that the obligations of this agreement are fully respected and that the Security Council adopts a resolution on such a rapid deployment of international security forces KFOR that a security vacuum can be avoided."[394]

Thus, Allies have led to an end to bombing by safeguarding: first, a lasting cessation of hostilities; secondly, to authorize, deploy, operate, and support the activities of international security forces.

It was also a prerequisite for the activities of the international security forces in the MTA text to give them the right to use the necessary force not only for self-defense, but also to create a safe environment for the international civil presence and other international organizations, institutions, and non-governmental organizations, and to take all necessary measures to establish and maintain a safe living environment for all citizens of Kosovo.[395]

As a result, on 10 June 1999, based on Chapter VII of the UN Security Council Charter, resolution 1244 (1999) was adopted, which created international legal obligations for all parties to the conflict no longer by ceasefire, but by

[393] Better known as KFOR - Kosovo Force.
[394] MTA, see above.
[395] MTA, Art. I 4. Add. "B."

resolving the humanitarian crisis, as widespread violence against civilians in Kosovo was stopped by the use of NATO forces against elements of the FRY's system of government.

This is the reality of a modern system of international relations in which states recognize that the UN Security Council has a primary, but not exclusive, responsibility for maintaining international peace and security, and therefore not only the UN Security Council can determine the content of international practice, in which abstract norms of international law are implemented in specific circumstances.

The problem of balance and conflict between the two necessary aspects, which form the basis of both cooperation and competition within the framework of modern international relations, namely, the coexistence of the universal obligations of States in the sphere of international security, based on respect for their sovereign rights, and the obligations to protect human rights, especially in the course of armed conflicts, is very well illustrated by one of the statements made when discussing the Kosovo situation in the UN Security Council : «... we're completing an operation that shouldn't have been done. We sincerely hope that the few delegations that claimed that the North Atlantic Treaty Organization air operations against the Federal Republic of Yugoslavia were a violation of the Charter of the United Nations will one day realize that the Charter is not the only source of international law."[396]

This position is based on the fact that the UN Charter has developed in much more detail issues of respect for sovereignty than human rights... This was confirmed by a vote on March 26, 1999, when a draft resolution passed by Russia and China was rejected by 12 votes of the UN Security Council members against 3." [397]

---

[396] Speech of Mr.Van Valsuma (Netherlands) at the 4011 UN SC meeting on 10 June 1999.

[397] The speaker referred to the discussion of the draft resolution, which was supported only by China, Namibia and the Russian Federation. See: transcript of the 3989 UN SC meeting on 26

The proponents of the intervention justified their actions as an exceptional and humanitarian measure and defined it as "a minimum deemed necessary for this purpose".[398] Moreover, the definition of the situation in Kosovo as a "threat to international peace and security" in UN Security Council resolutions 1199 (1998) and 1203 (1998), by the beginning of the intervention has already formally removed the situation from the exclusively internal jurisdiction of the state.[399]

This concept of using international law to legitimize the use of force was detailed in the report of the Independent International Commission on Kosovo (the IICK).

The position outlined in the IICK report can be seen as a particular form of literal interpretation of the provisions of international agreements when, first, a formal source of legitimacy is sought as a basis for resorting to force; secondly, a politically motivated justification is proposed for the priority of the found justification for the use of force over other existing international norms.

This model of justification for the use of force, first used in the Kosovo conflict, is very attractive to justify the position of the State, since it permits the use of a "descriptive" condition of formal interpretation, where the meaning of regulation is explained as a general rule, in exact accordance with the "text" of international law (in other words, literal interpretation is carried out).

But the second part of the clarification process is omitted, when the properties of the normative rule should be disclosed, i.e., the obligatory application solely to typical, homogeneous, often repetitive interactions in international relations. Also, in this case, the legal ties of the rule are not intentionally considered - its relationship with other legal pre-existing conditions and legal principles, as well as its extra-legal ties with other social phenomena.

March 1999. The text of the draft resolution proposed to define NATO's use of force against the FRY as a "threat to international peace and security". See: UN Document S/1999/328.

[398] Speech by Sir J. Greenstock (United Kingdom) at the 3988 meeting of the UN Security Council on March 24, 1999, UN Document S/PV.3988.

[399] Speech by Mr. Turk (Slovenia) at the 3988th meeting of the UN Security Council on 24 March 1999. Ibid.

The development of the concept of the use of force for humanitarian tasks without the consent of the State of the intervention during the Kosovo conflict can also be used to assess claims of the legitimacy of the use of force, both against Libya and Syria, but only in some phases of operations. In these cases, it should be noted that even the existence of a UN Security Council resolution is not an unconditional endorsement of the use of force, as third parties should be assessed for how, for example, NATO countries interpreted the resolution.

In the Libyan conflict, the formation of Allied forces had to act on the basis of a UN Security Council resolution authorizing the use of force limited to solving tasks:[400]

— protection of civilians and their places of residence at risk of attack, but, while excluding the possibility of foreign occupation forces in any form, on any part of Libyan territory;

— enforcing the ban on all flights in Libyan Arab Jamahiriya airspace to help protect civilians;

— to ensure strict compliance with the arms embargo by carrying out on its own territory, including seaports and airports, and on the high seas, inspection of ships and aircraft travelling to or from the Libyan Arab Jamahiriya, if the State has information that gives reasonable grounds to believe that the goods transported contain items whose goods, supplies, sale, or export are prohibited, including the delivery of armed mercenaries.

But in the course of the use of force, the military formations of NATO states went beyond the political legitimization formally established in resolution 1973 (2011), and it is possible that their actual objectives were already aimed at changing the political regime in the state-sponsored intervention.

Such an exit beyond the permitted method of use of force was not subsequently condemned in the UN Security Council. And thus, once again there was the question of the possibility of confidence in this international institution

[400] UN Document S/RES/1973.

and, accordingly, the need to ask him for permission to use force not only in the near-term need to resolve the crisis in Syria, but also in general.

The admissibility of access to formal restrictions defined in the UN Security Council resolution in accordance with the prescribed procedures, even justified by substantial moral arguments, can be derived only from the reaction of third parties, which, first, consider the divergence of the declared and real national goals of the states carrying out the intervention; and, secondly, the degree to which they coincide with their own national objectives.

It is because of this that even the UN Security Council-approved application of force for humanitarian emergencies will not necessarily be politically legitimized; or it may receive such recognition after a sufficiently long period of time.

It should be noted that the paradigm of the UN Charter has formed a special method of justifying acts of use of force, which obliges states to ensure that actions, even those carried out bypassing the procedures prescribed in the UN Charter, will still be carried out in accordance with the goals and principles of the UN. In such a justification system, every act of use of force is deliberately assumed to be "unlawful", but the State bears the burden of proving that its actions are legitimate because it is carried out in the common interest of the international community, and therefore are "fair" in the same UN paradigm.

The study of acts of use of force and accompanying statements of States on the need to legitimize them in the absence of UN Security Council sanctions allows for the withdrawal of certain rules of conduct in the environment of States whose capabilities, both military and political (or even exclusively political), allow to ensure their national interests, and which, naturally, are stated by them as fair/legitimate.

In this process, one cannot rely only on a literal interpretation of the provisions of the UN Charter regulating the use of force, but also on a combination of other factors: for example, the purpose of the use of force (both declared and real) and their perception of actors as fair (i.e. leading to the achievement and

maintenance of common goals of international peace and security, protecting a person from gross violation of his fundamental rights), as well as other collateral and accidental circumstances of the international environment.-

In this case, the provisions of the Charter will be respected as sufficient norms that ensure both the necessary adherence to the purposes of the UN and a "collective understanding of the conduct of actors as due," [401] i.e., serve as the basis for assessing legitimacy. “Just as due”, "not in accordance with law, but legitimate," the actions of NATO states in Kosovo were evaluated.

Another approach is possible to explain that such forceful actions bypassing UN procedures do not actually violate the principles stated in the UN Charter.

For example: "evidence of the existence of the right ... requires that the authority or the individual applying the rule, or claiming its existence, be able to demonstrate the actual existence of the traits by which the rule can be declared, whether it relates to the sources, procedures for creating the norm, its essence, or the consequences of the application."[402]

If the consequence of the actors' actions is to end the widespread suffering of the civilian population and to force those who conflict to peace, is that not a testament to the existence of the international norm under which they acted? Otherwise, is there something else to the purpose of the UN Charter?[403]

In general, we should define, first, as "humanitarian intervention" only those actions to provide humanitarian aid and protection with the use of military force, which are carried out by states individually or collectively without the approval of

---

[401] Legro, Jeffrey W. Which Norms Matter? Revisiting the 'Failure' of Internationalism. International Organization, Winter 1997, V. 51, iss. 1, pp. 31-63. P. 33.

[402] Aspremont, Jean d'. Formalism and the Sources of International Law: A Theory of the Ascertainment of Legal Rules. OUP Oxford, 15 September 2011. 266 Pgs. P. 13.

[403] Military intervention to replace elites in another State, as a means of using force, is almost never recognized by the international community. At the same time as sui generis, interest may be given to the consideration of Vietnam's military intervention in Cambodia to oust the Khmer Rouge government, which almost all Cambodians perceived as liberation. A number of delegations to the UN Security Council expressed outrage at the fact of intervention More than the condemnation of the genocide carried out by the Khmer Rouge and "which held a seat in the UN General Assembly for more than 10 years". See: UN Document S/PP.2108.

the UN Security Council.[404]

The actions of individual states or the multinational aid and protection force should not be defined as "humanitarian interventions" if they are carried out under the authority of the Security Council, either by UN forces or by forces that fall under the definition of "collective" under Chapter VII of the UN Charter.

Similarly, UN humanitarian action to aid in northern Iraq in 1991, Somalia in 1992, Darfur in 2007 can best be described as a "collective use of force" under the UN Charter. If we describe any of these actions as "humanitarian intervention" means, in fact, to deprive the term of its essential content.

Secondly, "humanitarian intervention" can be directed against both governmental and non-government actors, for example, in the territory of an insolvent, i.e., a collapsed State.

Thirdly, force action should not be undertaken because of the invitation of the legitimate Government of the Target State or with its explicit consent.

Fourthly, it has been shown that "humanitarian intervention" in addition to aid and protection may be "aimed at changing the actions of the territorial Government to stop the persecution of a particular group; sometimes the goal expands to a complete replacement of the regime as a way to change its disturbing behavior."[405]

Since the end of the Cold War, the attitude of the international community towards military intervention to provide aid and protection has undergone significant changes.

But with the change in international security priorities, the political assessments given in the discussions eventually contributed to the identification of essential elements of the emerging new international norm of "Responsibility to

[404] See: Коростелев С.В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87).
[405] Eichensehr, Kristen E. Defending Nationals Abroad: Assessing the Lawfulness of Forcible Hostage Rescues Virginia Journal of International Law. Volume 48 — Issue 2 — Page 451. p.463.

Protect".[406]

Its essential difference from the traditional norm of "humanitarian intervention" is the obligatory legitimization of the actions of states in the UN Security Council resolution, even *post factum*, as was done regarding the situation in Kosovo by Resolution 1244 (1999).

It should be noted that the prevailing process of providing humanitarian assistance and protection may in some cases even conflict with the position of UN officials.

For example, the UN Secretary-General's report "The Responsibility to Protect" notes that no strategy to fulfil the duty to protect the population will be complete unless it provides for the possibility of collective coercive measures, including the implementation, as a last resort, of sanctions or military force under Article 41 or 42 of the Charter by the General Assembly, in accordance with the procedure provided in the Resolution unity for Peace, for regional or sub regional mechanisms under Article 53 of the Charter with prior authorization from the Security Council.[407]

The Danish Institute of International Relations conducted a study on the practice of "humanitarian interventions"[408] which was used by the IICK as a methodological basis for analyzing the resolution of the Kosovo conflict. The Institute proposed five criteria for assessing the legitimacy of "humanitarian intervention" within the UN paradigm:

- the existence of serious violations of human rights or IHL;

- the failure of the UN Security Council to fulfil its responsibilities;

---

[406] Sometimes this rule is called the justification for the "third type of lawful use of force": the first - with the sanction of the UN Security Council, the second - self-defense under Article 51 of the UN Charter, the third - "responsibility for protection." See: Hurdaug, Ian. Bomb Syria, even if It Is Illegal. The New York Times. August 27, 2013.
URL: http://www.nytimes.com/2013/08/28/opinion/bomb-syria-even-if-it-is-illegal.html?_r=1 (accessed: 22.11.2015).

[407] UN Document A/63/677, p.p. 55, 56.

[408] Humanitarian Intervention. Legal and Political Aspects. Danish Institute of International Affairs 1999. 2nd impression 2000. 135 pgs.

- The multilateral nature of protection actions;

- The use of force is only necessary and proportionate;

- "disinterest" of the intervening states.

The Commission, in turn, as a methodological apparatus to identify the level of international recognition of "humanitarian interference" in the development of the proposals of the Danish Institute of International Relations, proposed a set of principles for assessing the legitimacy of the act of use of force, divided into two groups.[409]

The first group defined so-called "threshold principles" to which any claim of fairness of the act of humanitarian intervention should be met.

The second group (so-called "contextual principles") defined the criteria that the application to assessing the actions of the intervening States allowed us to conclude that the level of international support for the act of intervention had increased or decreased. The principles of the second group can be applied to determine the need to address force both before the intervention and to assess its validity, including outside the mandate of the UN Security Council by states both within the coalition and independently.

The threshold principles of the IICK defined:

1. "Initiation mechanisms" for humanitarian intervention. The first is the existence of serious and widespread violations of human rights or humanitarian law for a long time. The second is the widespread suffering and risk of civil society as a result of the "failure" of the State, i.e., the destruction of public administration throughout the territorial sovereign State.

2. The need to directly protect the violence-torn population as the most important objective of any phase of humanitarian intervention, both the threat of the use of force and its direct use.

3. The urgency and indiscriminateness of intervention: the humanitarian catastrophe must be stopped as quickly as possible, the protection of all civilians

[409] Independent International Commission on Kosovo. See above.

must be provided to all categories without exception, and collateral damage must be minimized. In addition, the use of punishment or retaliation against the Government should be excluded. That is, a change in the form of government in the state-subject intervention is unacceptable.

The "contextual" principles of the IICK included the following conditions for the implementation of humanitarian assistance and protection by military means:

4. Substantial efforts must be made to find a peaceful solution to the conflict. The solution found should ensure that abuses are stopped guaranteed and long-term, or that the process of restoring proper power is carried out.

5. Addressing the UN Security Council or the absence of a UN decision is not an essential factor. Such situations arise when one of the permanent members of the UN Security Council implements his veto power, or there is a is a failure to appeal to the UN Security Council because of the reluctance to get such an inevitable veto, which will make it impractical to address the UN General Assembly. Such opposition to the veto is justified if a significant number of States accept the existence of a state of humanitarian catastrophe or the inevitability of its offensive and form a coalition to counter it.

6. Before military coercion measures are implemented, negotiating activities and coercive measures, including sanctions, restrictions on trade and other measures, must fail; and further delays in response could lead to a humanitarian catastrophe.

7. Any threat or direct use of force should not be unilateral; it should receive collective support, both to justify such an act and to implement it by a number of States.

8. There should be no formal condemnation or negative assessment on the part of the UN's main body in assessing the legality of the use of force, namely the UN Security Council or the UN ICJ.

9. At all stages of military operations, including during the occupation after the ceasefire, the laws and customs of war and IHL must be more stringent than in

the case of standard operations.

10. The pursuit of any territorial or economic objectives is unacceptable to ensure that the legitimacy of the intervention is recognized. The intervening States must be guaranteed to be ready to withdrawal of military forces and to put an end to economic measures as soon as possible after humanitarian objectives have been achieved.

11. Once the use of armed measures has reached its objective, it is necessary to actively pursue a humanitarian mission by channeling substantial resources to support the population and bring about rapid and humane change to bring people back to normal life. This in itself implies the renunciation of large-scale and punitive sanctions.

Thus, the practice of states, in some cases supported by the UN Security Council, has led to the development of sufficient institutional tools to address the legitimization of "humanitarian intervention". Nevertheless, states conducting active military policies inevitably must overcome the political constraints associated with obtaining the necessary authorization to use force from the UN Security Council.

The Security Council, as an institution (in a broad sense, the international community) has come to the recognition that, acting on the basis of Chapter VII of the UN Charter and in accordance with the emerging rule of collective international responsibility for protection, it can "conditionally" authorize the use of military force by States on its own to remedy a catastrophic situation within a State if it is prepared to declare that the situation poses a "threat to international peace and security" in accordance with Article 39 of the UN Charter.[410]

Thus, without directly authorizing the use of force, the UN Security Council "offers" states to carry out "constructive non-examination" of the procedures of the UN Charter, while guaranteeing the non-condemnation of "humanitarian

[410] A Safer World: Our Shared Responsibility. High-level Panel report on threats challenges and change. UN Document A/59/565, para. 202.

intervention."[411]

To sum up, we will determine the essential content of this international rule governing military intervention in view of the extreme necessity.

First, the descriptive condition of the rule is a general rule, formulated in terms of international law, which presumes the existence of a collective international responsibility for protection that can *presumably* be formalized in a UN Security Council resolution authorizing, as a last resort, military intervention when it comes to genocide and other massacres, ethnic cleansing or serious violations of IHL that sovereign governments have been unable or unwilling to prevent.

The second part of the rule, which actually converts the rule of international law into a non-legal standard, i.e. an international norm, includes the legitimizing use of force by moral, ethical and political criteria of a non-legal nature, which the Security Council must consider when considering whether to authorize *or* approve the post *factum* use of military[412] force to counter real or inevitable acts of genocide and other massacres, ethnic cleansing or serious violations of IHL, (b)The correctness of the goal; (c)referring to power as a last resort; (d)the proportionality of the force used to threaten; (e)taking into account the consequences of its application.[413]

The methodology proposed by the UN Security Council does not, in principle, be at odds with the classical canon of obligatory justification for the necessity and proportionality of the use of military force, as[414]shown above.

In the process of justifying their actions, states are obliged to show the UN Security Council that the main purpose of military action was indeed to eliminate

---

[411] Hurdaug, Ian. See above.
[412] A Safer World: Our Shared Responsibility. P. 207. See above.
[413]The assessment of the success of humanitarian intervention is determined by third parties, which determine whether the elimination of the threat has led to worse consequences than inaction.
[414] See: British-American Diplomacy. The Caroline Case. URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/br-1842d.asp (address date: 12.01.2015).

or prevent the threat and was not motivated by other motives. It is also assumed that military access is only carried out if non-military assets are exhausted, and the scale, duration and intensity is minimally necessary.

Thus, it is envisaged that three levels of legitimization of acts of force to provide humanitarian assistance and protection are possible because of the extreme need. First, the most legitimized are the actions provided by the UN Security Council resolution both before the action and *post factum.* Moreover, in implementing the "responsibility to protect" the Government of the State, which allows for widespread violations of human rights, it is the responsibility to explain the reasons for the humanitarian intervention.[415]

In the second case, it is possible to declare the "conditional" legitimization of independent actions of states, if the UN Security Council has not authorized the use of force but exercising its powers in accordance with Article 39 of the UN Charter has determined that the situation in the state-subject intervention creates “threats to the peace."

In the third case, when using force to provide humanitarian assistance and protection, which is not provided by the relevant UN Security Council resolutions, it can be concluded that States claim to carry out "humanitarian intervention" on their own. Such an act of use of force, as shown above, will always be defined as "unlawful", even if it is supposed to be "fair" by several States and based on noble moral, ethical and political arguments.

It is interesting to examine the situation that has subsequently developed around the recognition of Kosovo's independence. The logic of the arguments of both sides is clear: there is a struggle for power in the region to guarantee access to resources; parties to the dispute claim to follow ethical grounds, the need to protect the rights of minorities, to ensure the right of nations to self-determination.

---

[415] See: Коростелев С.В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80).

During the discussion of the situation at the 5839 meeting of the UN Security Council on 18 February 2008, during which the Council did not take any action, the arguments of the parties were based on the interpretation of the application of Resolution 1244 (1999)[416] and the determination of whether the unilateral declaration of Kosovo's independence was a precedent for the creation of new States or not (see Annex 4, p. 365).

This discussion was logically developed during the UN Security Council discussion of the events in South Ossetia in August 2008 (see Annex 5, p. 367).

The argument of the opponents of Russia's actions was based on the assertion that the military actions taken in 1999 in Kosovo were: first, a multinational operation aimed at preventing the impending humanitarian crisis from meeting the objectives set out in Security Council resolutions, and which was undertaken after all other peaceful means had been exhausted; secondly, Kosovo had been under UN control for nine years; thirdly, the diplomatic negotiations on Kosovo's final status, stipulated in accordance with the provisions of Resolution 1244 (1999) [417] because of the position of the Russian Federation, did not lead to the implementation of the so-called Ahtisaari Plan.

In the view of some powers, it was the long-term governance of Kosovo by the UN that was the criterion that justified the granting of independence. And the criterion was compared to the assertion that "Russia took only three weeks to move from military intervention in violation of numerous Council resolutions to a unilateral change of Georgia's borders in the absence of any political process. Actions taken by Russian forces in Georgia after August 7, and hundreds of

[416] UN Document S/RES/1244.
[417] Cm. S/Res/1244.

thousands of Georgian refugees,[418] refute the idea that it was a humanitarian intervention."[419]

Also, as a basis for statements about Russia's non-recognition of actions, arguments were used that neither the UN Security Council resolutions nor the actions of the coalition of states showed a desire to dismember Iraq and Afghanistan, unlike Russia, which "is trying to dismember Georgia, completely ignoring the territorial integrity of this country."[420]

As has been shown above, any use of force to protect national interests must be linked to the possibility of peace, that is, the desired state of international security relations for the major actors.

It is only when the state of the world is achieved that it is possible to make a statement that the actions were carried out in accordance with the international norm (ad hoc content of which was agreed by the main actors themselves), and, accordingly, that international law can regulate international relations in this case, i.e., the norm has shown a property of authority.

Otherwise, the unconditional adherence to the literal (restrictive) interpretation of the law, as well as the reckless use of any other instrument at the disposal of the actors, may finally bring the system of international relations out of balance, which, in fact, is typical of most modern conflict situations.

In such a process, the political and legal reasoning of the state authorities at various stages of the dispute can repeatedly "switch" between two extreme complementary views[421] on the essence of regulation of international interactions in international politics and the institution of international law.

---

[418] The UN estimates that 158,600 people have been displaced as a result of the fighting. Cm. briefing by UN Under-Secretary-General for Political Affairs at the 5961 UN Security Council meeting on August 19, 2008 Preliminary Report. UN Document S/PV.5961, page 4.

[419] Statement by the United Kingdom's Permanent Representative to the United Nations. UN Document S/PV.5969, page 24.

[420] Speech by the U.S. Permanent Representative to the United Nations, Mr. Wolff 5969 UN Security Council meeting on August 28, 2008 page 24-25.

[421] On the epiphenomena of international law and mechanisms for legitimizing decisions on the use of force in international relations, see: Коростелев С. В. Об эпифеноменальном характере

The first approach (define it as "defensive") declares the law, reflecting the experience and complex structure of the international system, the constitutive basis of policy that gives it the tools in the form of legal arguments, customs, and procedures.

The second approach (define it as "attacking") assumes that epiphenomenon, which are commonly defined as "international law", are derived from political events, and are more often oriented towards the interpretation of its outcome, i.e., is retroactive, but practical and never predetermines it.

In this case, most often a statement is made about sui generis, i.e., lack of sufficient legal[422] means to resolve the conflict because of the uniqueness of the situation, which is true of most problems requiring immediate regulation.

Moreover, the search for conflict resolution procedures rests with the States themselves (sometimes within the framework of interstate institutions), or the dispute is referred to the international judiciary to establish both the direct content of the law (which, as it would seem, should serve as a priori means of resolving contradictions) and to find the procedures themselves.

The reason for the existence of silences is obvious: law in real international life is not an ideal design that could be woven into real political relations if it were not connected with the balance of power and was not able to take into account the consequences of its application.

The appeal to the concept of sui generis not only supports the thesis of the epiphenomenal institution of international law, but it is also one of the unique and useful features of the modern system of international security.[423]

международного права. Управленческое консультирование. 2013. № 12 (60). С. 29-34; Коростелев С. В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87). С. 24-35; Коростелев С. В. Проблемы обоснования актов применения силы во внешней политике государства. Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82). С.15-20.

[422] A situation where "international law" either shows passivity or does not define conflict resolution mechanisms.

[423] According to one of the tenets of the theory of political realism: "In the absence of both common interests and balance of power, there is no international law." See: Morgenthau, Hans J.

The argument in defense of the legitimacy of the act of use of force, in the absence of an obviously simple and formally established methodological framework, may be based on the assumption that most international and formal international legal norms, which impose in the common interest bans certain types of conduct, do not determine the manner in which they are enforced and enforced, and created and supported intentionally.

In some situations, this seems to put the international community in a difficult position, but in reality, it facilitates the resolution of conflicts: first, it remains possible to connect new actors to the crisis resolution process; second, resources.

Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6 Edition (New York: Mcgraw-Hill, 1985). P. 296.

3.3. Analysis of the Appeal to the Concept of Strategic Legalism in Case of Justification of the Need to Intervene in Conflicts on the Territory of Third States to Protect Common Interests

The need to intervene in conflicts in the territory of third countries to protect common interests in this work is defined as a state where absolute prohibitions imposed by international treaties on the means and methods of warfare are violated.

This aspect of addressing international law as a means of conflict resolution, even if there is silence, can be demonstrated quite vividly by the international community's response to almost all stages, both the development and exit of the civil conflict in Syria, and especially the episode in which chemical weapons were[424] used.

Faced with the fact that international law does not provide even ideal models (international security law is inherently a set of such ideal and rather utopian rules) to legitimize the actions of States whose interests have been affected by the conflict, the international system has responded by creating a term-framed law of the wrong mechanism. This mechanism is based on a number of acceptances of the need to apply to force depending on the state's position in the current balance of power.

It is a well-known fact that the existence of an international norm is not called into question if it is supported by practice. Thus, since the end of World War I, the use of chemical weapons in interstate armed conflicts was considered morally unacceptable, and the accepted status quo was supported by the practice of

[424] Zarin poisoning was used in the Damascus suburb of Ghouta. See: A report by the United Nations Mission investigating reports of the use of chemical weapons in the Syrian Arab Republic concerning the alleged use of chemical weapons in the Ghouta area of Damascus on 21 August 2013. UN Document A/67/997-S/2013/553.

states, and after the Second World War was ensured by the adoption of relevant conventions and resolutions of the UN Security Council (UN Security Council).

For example, the general negative reaction to the actions of the Iraqi High Command during the Iran-Iraq conflict (1980-1988), which was a classic interstate clash with the use of military force and the accompanying use of prohibited means and methods of warfare, i.e., the case when the outlines of international responsibility of actors were explicitly defined by international law, was marked in the course of discussions in the UN: "We are again witnessing the use of chemical weapons. whose prohibition, we thought, was regarded as one of the greatest and most important achievements of our civilization, since these weapons were not used even in World War II» and was reflected in UN Security Council resolutions 620 (1988) and 612 (1988).[425][426][427][428]

But what happens if chemical weapons are used in internal armed conflicts, i.e., if there is a formal ban on the use of chemical weapons, but its implementation is severely limited to a ban on interference in the internal affairs of states, even for the UN, which has become Article 2 para. 7 of its Charter?

In the existing paradigm, with a literal interpretation of the rule, the use of chemical weapons in an internal conflict may not have any consequences at all for a State that violates the obligation to protect the civilian population, since those actors who could counteract it would be deliberately doomed to violate this rule of the UN Charter.

[425] The use of chemical weapons was intense and frequent in violation of the obligations associated with the data of the States under the 1925 Geneva Protocol on the prohibition of suffocating, poisonous and other similar gases and bacteriological means in the war.
[426] Speech by Mr. Andreotti (Italy). Preliminary verbatim report on the 2750th meeting of the UN Security Council. UN Document S/PV.2750.
[427] UN Document S/RES/620 (1988).
[428] UN Document S/RES/612 (1988).

How do we relate the obligation to follow Article 2 of the UN Charter with the universally recognized human right to life? Obviously, public consciousness demands the necessary changes in the existing international order.[429]

Of course, the result desired by the international community, such as the cessation of the flow of refugees from Syria, including the use of chemical weapons against civilians, cannot be achieved with a strict formal following *of* an international order that prohibits the use of external force on the territory of a sovereign State.

No one questioned the fact that, despite the violation of basic international norms, Syria possessed all the canonical features of a sovereign State that controlled the territory and was recognized as the main international actors. However, the use of chemical weapons has significantly undermined its legitimacy, and the main actors have changed their attitude towards the leadership of the State.

The use of prohibited means and methods of warfare has raised the question of the need to use external force to address the threat to international peace, but these issues alone did not determine the object of the use of force. The use of force against the regime, or its support in the fight against the rebels? Which side is the truth on? And responding to a violation that is unreasonable for the purpose of regulation and objects necessarily leads to a clash of interests of actors who hold different points of view. And in this situation, it becomes obvious that the legal regulation of the behavior of actors has a certain limit, and regulation is forced to move into the political sphere, operating, among other things, categories of morality, and mainly prudence.

---

[429] In the absence of the necessary regulations in the modern community, it is assumed to be guided by the so-called "Martens Reservation", i.e., the need to respect, beyond clear contractual requirements, "established customs, principles of humanity and requirements of public consciousness." See: Sandoz, Yves. Convention of 10 October 1980 on the prohibition or restriction of the use of specific conventional weapons that may be excessively damaging or indiscriminate (October 10, 1980) By the United Nations Audiovisual Library of International Law. " URL: http://legal.un.org/Avl/Pdf/Ha/cprccc/cprccc_r.Pdf (accessed: May 25, 2016).

Thus, K. Anderson cites, as an example, the reaction of states to the use of chemical weapons in Syria in 2013: the rule of international law protecting the absolute sovereignty of Syria was considered in the context of [430]*a common* interest in maintaining an absolute regime of non-use of weapons of mass destruction.

In this case, the state authorities of the great Powers justified their intervention in the conflict on the territory of a sovereign State not by necessity and extraordinary circumstances, but by the duty of ensuring compliance with another existing international norm.

This response by the international community to the use of chemical weapons in the internal conflict in Syria has demonstrated what can be defined as a "reasonable" approach to the use of international law, which can be defined as "interpretation from the perspective of the basic idea of the UN Charter" and which, incidentally, is most often used by the Permanent Members of the UN Security Council: in the case of the obligation to resolve the most dangerous crises, such as the threat or direct use of weapons of mass destruction, violating the common interests of [431]*the main actors*, the latter may refer to such a statement about the content of the rule, which in its essence and form is the most "remote" from the literal (formal) method of interpretation.[432]

UN Security Council Resolution 2118 (2013) unequivocally stated that the use of chemical weapons "... *"This* is the first time in its work that the UN Security Council decree allows it to act in an automatic way to resolve conflicts involving weapons of mass destruction that are possible in the future and reaffirmed "... the

---

[430] Anderson, Kenneth. Five Fundamental International Law Approaches to the Legality of a Syria Intervention. URL: www.lawfareblog.com/2013/09/five-fundamental-international-law-approaches-To-the-legality-of-a-syria-intervention (address date 12.02.2016).

[431] In accordance with Article 24 of the UN Charter, "In order to ensure rapid and effective action by the United Nations, its Members place the security council with the primary responsibility for maintaining international peace and security ..." Such a duty does not imply the possibility of the UN Security Council addressing the statement "non liquet to which international judicial authorities can resort.

[432] On this method of application of international norms see: Коростелев С.В. Политическая обусловленность «разумно-необходимого» толкования международных норм в сфере обеспечения международной безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 9 (93).

fundamental norm of international relations, which has been in force for 90 years" and has created a kind of "regulatory breakthrough" that is clearly necessary to harmonize the interests of the main actors.[433][434][435]

Such a reasonable-necessary "limitation" of the prohibition on interference in the internal affairs of states, contained in Article 2 p. 7 of the UN Charter, helps to protect the paradigm of the UN Charter from literal interpretation of itself: otherwise the UN Charter could turn into a perfectly-utopian set of precepts, so diverging from real international policy that it would be deprived of the properties of authority, and therefore could not serve as an institutional basis for the modern system of collective security.

The reasonably-necessary approach is naturally based on the formal interpretation of the rules, but always involves considering the consequences of strict adherence to the formal content of the law: if they indicate a violation of the general interest, therefore, the rule should be interpreted differently. In other words: "yes, states have created a rule in their own interests, but strict adherence to its regulations in the circumstances can harm them."

Such an approach may indicate that the weight of the sources of law and the methodology for justifying their application, and the conclusions from the interpretation may not coincide with a strictly formal positivist approach to understanding the essence of regulation.

How far can the behavior of States deviate from the norm-setting ideal? Obviously, insignificantly, otherwise it can lead to a significant erosion of the political-legal regime, which formalizes the procedures agreed after the end of the Second World War, procedures for assessing the legitimacy of acts of appeal to force, and the other side of the conflict can also get additional arguments in favor of the statement of illegal actions of the enemy.

---

[433] UN Document S/RES/2118 (2013).
[434] Preliminary verbatim report on the 7038th meeting of the UN Security Council. UN Document S/PV.7038.
[435] Ibid. Speech by Mr. Asselborn (Luxembourg).

Therefore, the justification for the legitimacy of intervention in conflicts within another State implies an increase in the role of diplomatic and information media rather than legal ones, since the expanded and frequent ad hoc interpretation of the law in favor of the force-based actor, which is in a disaccord with the ideal model embodied in the UN Charter, can be assessed as the existence of a gap (silence) in international law, i.e., as a lack of broadly authoritative and regulatory norms.

Such an assessment of the lack of regulation, in turn, could give the actors a false sense of the lack of legal basis for assigning them international responsibility, thereby untie their hands and lead to an escalation of conflicts.[436]

With existing differences in understanding of the necessary state of national security by the great powers, the possibility of using silences in international legal means to resolve contradictions is nevertheless the most convenient and effective feature of the paradigm of the UN Charter.

This is not a lack of a design for the decision to ensure international peace and security, laid down in it, but on the contrary, its non-triviality, allowing to prevent the paralysis of the international security system, to preserve the role of the UN Security Council, to avoid a direct and large-scale clash of interests of the Permanent Members of the UN Security Council.

In the future, when, because of changes in the balance of power, the new great powers outside the UN Security Council will be able to promote their interests outside the framework of mandatory discussions in the UN Security Council, this mechanism will not work.

Thus, the method of strategic legalism is based on avoiding generalizations inherent in the rule of law (community property). Each party to the conflict seeks to formulate such a narrow interpretation of the rule so that it can be applied to

[436]See: Коростелев С.В. Проблема определения объема суверенных полномочий государства в цифровую эпоху // Управленческое консультирование. 2020. № 6(138).

justify the legitimacy of the State's position only in this situation, and in no case could it be used to condemn it in other similar situations.

This significant feature of the use of the method of strategic legalism is also demonstrated in the activities of another body of the United Nations of the Un Court of Justice. The desire to use a "narrow" approach to the interpretation of the rule of law, the desire to avoid broad generalizations of the practice of states is noted by several researchers. The UN IPU is trying to avoid situations where the rules of the state it explains may try to use to justify their actions in other situations.[437]

These restrictions are obviously unavoidable, since political and military means, rather than legal but political and military, are used to resolve conflicts. It has been shown that in the course of the political process, States often expressed the need to change the content of the law, since the existing law did not provide them with sufficient mechanisms to resolve conflicts of interest.

The next feature of the Court's decisions is that they cannot be considered separately from the special and individual opinions of the judges: their joint consideration provides the most systematic understanding of the fact of the study in a global political context. The Court decides, but by its decision it cannot deprive the international community of the opportunity to choose legal means to resolve conflicts in the future. The special opinions of the judges demonstrate the approaches of the various schools of law to the resolution of political differences of States, but, at the same time, the logic of the international legal argument is not based on political rhetoric, but is limited to contrasting, or combining the views of judges regarding the normative law and its applicability in this situation.

In any case, discussions take place in the range of such concepts as "justice," "common interests of the world community" on the one hand, and "interests of states" or "behavior of states" on the other.

---

[437] See, for example: Sinclair, G.F. Don’t Mention the War (On Terror): Framing the Issues and Ignoring the Obvious in the ICJ’2005 Armed Activities Decision. Melbourne Journal of International Law. Volume 8, 2007, PP. 124-141.

For example, a remarkably interesting approach in interpreting the legality of the use of force has been demonstrated in the *Nicaraguan case.* [438]Nicaragua has been supplying arms to rebels in El Salvador for years. In particular, the Court believes that only the financing of the Contras, which is undoubtedly an interference in Nicaragua's internal affairs ... cannot in itself be equated to the use of force."[439]

In the case before the UN ICJ, the United States made the case for the Nicaraguan government's support for the rebels in El Salvador to justify their actions in setting mines in territorial waters and other actions against Nicaragua. The UN. ICJ rejected the U.S. arguments.

He determined that sending "armed gangs" into the territory of another State could be an essential condition for determining an armed attack, but that "the supply of weapons and other support cannot be equated to an armed attack" and does not justify the use of military force by the United States against Nicaragua.

The court was presented with sufficient evidence that the Contras acted in the interests of the United States, and in general, they would not have been able to carry out their activities in the absence of financial and other support from the United States.

The court recognized the extent of U.S. involvement in the Contras, but nevertheless ruled that responsibility for the actions of the Contras could not be attributed to the United States: "... U.S. involvement, even as the prevailing or decisive in the financing, organization, training, provision and arming of the Contras, their definition of military and paramilitary objectives, and the overall planning of their activities, based on the evidence available to the Court, is in itself insufficient in itself for the purpose of holding the United States accountable for

---

[438] Military and Paramilitary Activities (Nicaragua v. U.S.), 1986 I.C.J. 4.

[439] Military and Paramilitary Activities (Nicaragua v. U.S.), 1986 I.C.J. 4,119, (June 27). The International Court of Justice in this case did not apply Article 2 (4) as Articles of the Charter, as the United States objected to the application of the UN Charter under Article 36 (2) of the Statute of the Un Court of Justice. Thus, the court appealed to the usual legal prohibition on the use of force.

the actions committed by the Contras during their military and paramilitary activities in Nicaragua."[440]

The Court also found that there was no clear evidence that the United States had exercised "a level of governance in all areas that could justify treating the Contras as acting in the interests of the United States." It is clear that the Court did not wish to hold the persons receiving support from any State responsible if the State did not effectively monitor the players.[441]

The International Court of Justice has referred to the definition of an armed attack and the less significant use of force in the above-mentioned Nicaragua v. USA case. The Court did not believe that Nicaragua had carried out an act of aggression. The Court also found that Nicaraguan interference in El Salvador's internal affairs did not give the latter the right to seek the concept of self-defense, as "providing logistical or other assistance to the rebels" did not constitute an armed attack.

At the same time, the Court's decision does not deprive States of the opportunity to use the means of self-defense in the event of such situations. Since such interference in internal affairs is still a serious threat to the security of States, the court stated that the latter had the right to conduct "proportionate activities" in response to actions that were not an armed attack.

The significance of the Court's decision is that it has determined that as long as the actions to provide financial, logistical, military and operational support to terrorist groups are not carried out directly by the public body, such actions cannot serve as a basis for such an appeal to the force to counter terrorist activities that in form satisfy public opinion.

Of course, the Court's decision may not correspond much to the nature of contemporary conflicts and the modern content of the concept of "armed attack", but it is adopted in the spirit of following the norms of the UN Charter, which, as

---

[440] Military and Paramilitary Activities (Nicaragua v. US), 1986 ICJ 14 (June 27), para. 64.
[441] Ibid, para. 62.

has already been noted, still prefers not justice, but the maintenance of peace in the international system. Moreover, the Court's decision does seem fair in the context of the fact that there is no consensus of States to define what constitutes lawful/unlawful use of force.

In any case, the assessment of acts of use of force by States, the general approach of judges when considering the issue is to consider the unique political component of the process for each such case, the desire to analyze not only the law, but also other facts, while in public opinion legal and political processes merge into one.

This approach was rightly evaluated by S. Murphy: "If we try to summarize the decisions of the International Court of Justice in a number of landmark cases (the case concerning the military and military nature of the actions in Nicaragua and against Nicaragua(Nicaragua v. USA); The case of the oil platforms (Iran v. USA); the case of hostilities in the Congo (Congo v. Uganda)) concerning the right of states to self-defense without taking into account the current political context, one can agree with the following conclusion:

1) The state may provide arms, logistics, and shelter to a terrorist group;

2) This group may carry out violence of any level of severity against another State, even with the use of WMD;

(3) The second State has no right to self-defense against the first State, since the provision of such assistance by the first State is not an "armed attack" in terms of Article 51; and

(4) the second state cannot turn to self-defense against terrorist groups..."[442]

Of course, such a methodology cannot be used. The court's decision in a particular case cannot be used as a legal justification in situations different from

[442] Murphy, Sean, 'Self-Defense and the Israeli Wall Advisory opinion: An Ipse Dixit from the ICJ?' (2005) 99 American Journal of International Law 62, 64-5. Cit. By: Sinclair, G. F. Don't Mention the War (On Terror): Framing the Issues and Ignoring the Obvious in the ICJ'2005 Armed Activities Decision. Melbourne Journal of International Law. Volume 8, 2007, P. 131.

the one in question since the interests of the same parties to the conflict are not permanent in time.

In our view, indeed, some of the Court's conclusions, even in one case, may seem inconsistent. This can be demonstrated by the case of Armed Activities in the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda), which dealt with the events of the Second Congolese War (1998-2003), when the armed clashes in addition to the warring factions in the Congo involved the formations of nine neighboring States: Chad, Libya, Sudan, Angola, Zimbabwe, Namibia, South Sudan, Uganda, Rwanda, Uganda, The Rebels.[443]

Determining in this case that Uganda had no grounds for self-defense, the court ruled that Uganda had violated the sovereignty and territorial integrity of the Democratic Republic of the Congo and that its unlawful military intervention had been carried out on a "such scale and for such duration" that the Court considered it a "gross violation of the prohibition on the use of force" in the spirit of Article 2 para. 4 of the UN Charter.[444]

At the same time, the Court did not determine the existence of Ugandan aggression, despite the request of the Democratic Republic of the Congo, as such a decision could have caused further political complications and led to the spread of the conflict. The Court, generally speaking, has never in its history defined the fact of aggression, limited only to orders on the use of force in violation of Article 2 p. 4 of the UN Charter.[445]

Another example of a regulatory conflict is that two institutions interpret the law differently when faced with similar facts. In the Tajic case of 1999, the appeals chamber of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY) considered the responsibility of Serbia-Montenegro for the actions of the Bosnian Serb militia in the conflict in the former Yugoslavia.

---

[443] Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) (Judgment) [19 December 2005] ICJ. URL: http://www.icj-cij.org (accessed: 15.06.2010).
[444] Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda) (Judgment)[2005] ICG [165]. Url: http://Www.icj-cij.org (accessed: 15.06.2010).
[445] Ibid.

To that end, it had examined the 1986 case before the International Court of Justice in Nicaragua. Such participation did not meet the requirement of "effective control."[446]

The ICTY, for its part, concluded that the requirement for "effective control" sets a threshold too high to establish the legal responsibility of an external Power for internal unrest in the country. It is sufficient for such a Power to "play a role in organizing, coordinating or planning the military operations of a paramilitary unit", in short, exercise "general control" over them in a conflict that could be considered an "international armed conflict".[447]

Thus, the Tajic case does not propose that "general control" exist alongside "effective control" either as an exception to common law or as a special (local) regime governing the Yugoslav conflict.

The difference in the conclusions of the international judicial authorities in the Nicaragua and Tajic cases is an example of the regulatory conflict between the earlier and later interpretations of single international customary **law.** Similar problems will arise from any conflicting interpretation of common law on legal status issues.

It is obvious that the divergent assessments of the same provisions of the UN Charter, general international law, as well as UN Security Council resolutions by the parties to conflicts and international judicial bodies are connected not with the essence of the documents, but with the interests of the participants. This difference in the methodology of the application of the law cannot be considered errors in legal technique - it is the result of differing interests, goals, and preferences of international actors.

It is not possible to ensure formal unity of states in the non-national interest, even within the unified regulatory framework of the UN Charter. States'

---

[446] Military and Paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, ICS Reports 1986, pp. 64–65 (para. 115).

[447] See: Prosecutor v. Dusko Tadic, Judgment, Case No. IT-94-1-A. A.Ch., 15 July 1999· URL: http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/En/Tad-Aj990715e.Pdf (accessed: 17.07.2013).

negotiations are attempts to find a pragmatic solution, the results of contextual transactions, making it difficult to use them as a basis for establishing the content of a treaty or customary rule of international law.

Therefore, a unilateral and "moral" adherence to the literal interpretation of the rule of law, while the other party applies an expanded interpretation of the same rule to safeguard its national interests, deprives the State of the opportunity to defend its interests solely by legal means within international institutions, and, moreover, deprives the State of the opportunity to offer its values to the international community.

Waiting for the UN Security Council's decision, for example, to legalize the response to the Georgian attack on the population of South Ossetia and Russian peacekeepers could lead to a situation where Georgia would take control of the region, and the authority to legalize the use of force by Russia to restore the pre-war status quo would not have been obtained because of the exercise of the veto power in the Security Council, at least by the United States.

Thus, in the real political reality, international actors are supposed to operate with systems of norms that lead in "different" directions. But this in itself is not an obstacle to political and legal analysis, since any rule of law originates from the harmonization of different political preferences, and this fact in itself has an impact on how the rule is interpreted or applied.

In the process of resolving the conflict between the two principles of the two rules prohibiting the use of force and, accordingly, allowing the appeal to self-defense, two ways of solving the problem are proposed. Consequently, any use of the law to find a way out of the crisis requires the necessary interpretation of well-known norms, the practices of States, and the choice between alternative language and meanings, which are exceedingly difficult to fit into any logical unified scheme of action acceptable not only to all parties to the conflict, but also to be in line with the common interest of the international community. Clearly, each party to the conflict has its own strategy, followed by the state and military authorities in deciding on the use of force.

But the chosen strategy should be formulated in terms that are understandable and unified for the entire world community, that is, based on the contents of the articles of the UN Charter, which form the core of the modern ius ad bellum; and, the content of these terms should have a backstory, explained in the UN Security Council resolutions, the materials of discussions at the UN Security Council, the decisions of the UN IPU.

As R. Kagan rightly pointed out: "... The Security Council itself is the answer to the problem of legitimacy. Europeans are increasingly committed to devolving power to supranational institutions, and even in the United States, there is no argument that the United States should always be bound by decisions, or not by unmeal.

In 1999, the major European powers independently ... agreed that the security council's authorization was not necessary to legitimize the use of force in Kosovo. It is a fact that decades after defining itself as the main authority that defined the legitimacy of the act of military force, the Security Council has not succeeded in this capacity."[448]

Any appeal to force entails the use of a method of strategic legalism to bring to the world community its strategy of achieving national goals. Anyone using this method is forced to look for a solution at the same time as the answers to the following wrong questions are made public:

1. is not a statement of legitimacy merely a moralization of the post-facto decision to use force?
2. are statements about the need for justice a reaffirmation of the validity of the principles of international law?
3. are the principles of international law the basis for the actual use of force?

[448] Kagan, R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report. URL: http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/olj/fp/fp_julaug03ab.html (accessed: 08.06.2011).

4. were there any methods in place to assess the moral conduct of States in securing their interests in terms of international law?

5. are there ways of assessing the possibility of assigning responsibility to the State for the decision to use force?

The possibility of consequences - the appropriation of international responsibility - in violation of the state's norms of international law cannot be assessed within the framework of the method of strategic legalism, since in essence the method is not legal: in the political debate legal arguments are used only; legal consequences can be assessed in a different method, the method of political and legal justification for the use of force.

In any case, in the system of international relations, discussions take place in a range of concepts such as "justice," "common interests of the world community" on the one hand, and "interests of states" or "behavior of states" on the other.

The conceptual apparatus of the language of interstate communication is defined in the UN GA Resolutions, the materials of the UN International Law Commission, and is also revealed in the study of the practice of the UN Security Council and the UN ICJ.

The public authorities are required to investigate if it is necessary to substantiate the use of force.

– Whether the dispute was brought before the UN Security Council or the international judiciary in similar factual circumstances;

– what arguments were made by the parties to the dispute during the discussion of the situation in the UN Security Council, in the international judicial body, and what decisions were taken;

– what content has been identified by an international organization or international judicial authority for such categories as "breach of peace," "threat to peace," "aggression," "armed attack";

– whether the criteria for "inevitability" of a threat were investigated, as stated and substantiated criteria for "necessity" and "proportionality" of the use of force;

– how the vote took place (for, against, abstained);

– whether the decision of an international organization or an international judicial body had been implemented and implemented;

– which sanctions were imposed by international organizations, or individual States on the basis of decisions of international organizations or an international judicial body, and how they were implemented, etc. ?

On the basis of the information studied, "legal limitations" should be identified, i.e. those "thresholds" which are considered to be illegitimate use of force, i.e., when the use of force is declared disproportionate and unnecessary.

CHAPTER 3 FINDINGS

In order to protect themselves from the symmetrical actions of adversaries (delegitimize their actions), States, by examining the practice of, first of all, the UN Security Council and the UN International Court of Justice to justify their policies (and while appealing to the rule of law) should avoid conclusions that lead to generalizations that are inherent in the law, since in this case the property of common law may indicate the appearance of customary law.

Thus, the purpose of the method of strategic legalism is to provide the state authorities and military administration with an international legal argument to justify that the State is legally resorting to force and the enemy has neither legal nor moral grounds for its use.

The implementation of the method of strategic legalism is carried out by avoiding generalizations inherent in the rule of law in discussions on the right of States to use force.

Each party to the conflict seeks to formulate such a narrow interpretation of the rule so that it can be applied to justify the fairness of the State's appeal to force only in this situation and, in no case, could be used to condemn it in other similar situations.

CHAPTER 4. PRACTICAL ASPECTS OF LEGITIMATION OF POLITICAL DECISIONS ON THE USE OF FORCE IN THE INTERESTS OF ENSURING NATIONAL SECURITY IN MODERN CONDITIONS

It is clear that any confrontation strategy is predetermined by existing and probable conditions, is the product of the actor's goals, the strengths and weaknesses of his opponent and the nature of the strategic interaction environment. It should be aimed at those specific components of the enemy's power where victory is most likely.

For state actors, fighting in today's world is strongly influenced by two main factors: information transparency and previously inaccessible to opponents of the variety of means and methods of warfare. And in itself, the slogan definition of the new situation in the sphere of use of force, for example, as "hybrid", "information" wars, "wars of the new generation", gives little for the political and legal justification for the appeal to necessary and proportionate response.

Therefore, the "new" type of war is a continuing struggle against "non-State" actors without a fixed political objective (and it cannot be a constant, since the interests of both the opposing and third parties are volatile), that is, the end point that we could define as "victory" does not exist. The "victory" of states in such a confrontation is a real and continuous reality, which is to maintain the current state of the strategic continuum.[449]

Since non-State actors tend to be militarily inferior to States with their regular armed forces, they try to benefit from the information transparency of modern society, which can both reinforce the weaker side of the conflict, and vice

[449] On the phenomenon of "victory" in the current geopolitical conditions see: Коростелев С.В. Влияние свойств современной среды безопасности на определение содержания феномена «победа» и возможность применения норм международного гуманитарного права. Юридические формы переживания истории: практики и пределы : коллективная монография / Под ред. С.В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – 694 с. §3. С. 467-474.

versa, weaken it.

If the confrontation between the State and the "non-State" actor is not in the common interest of the system of States, and especially if the conflict is not resolved militarily quickly and with minimal resources, it will inevitably receive a negative political assessment in two dimensions: international, in which success is measured by legitimacy, and "home", where it is measured by the state of social sustainability.

The use of force to be legitimate must be in the common interest of the system of States and, while strictly following the principle of distinguishing between combatants and civilians. And social stability, or the ability of society to function effectively in times of crisis and maintain its core values, supports the morale of the population and its confidence in the authorities, and, accordingly, allows the state to devote additional resources to the provision of its military capabilities.

The adoption of this new paradigm requires a change in the campaigns for political leadership by the recourse to force and a very thorough approach to legitimizing decisions on the use of force.

4.1. The Problem of Identifying the Object of the Use of Force as the Basis for Eliminating the Uncertainty in the Process of Political and Legal Justification of the Act of Countering the Terrorist Threat

Ensuring the security of the Russian Federation is the most important area of the state's activity, where the main tasks are to prevent, localize and neutralize military threats.

The Charter of the United Nations explicitly points to two exceptional cases where the use of force is considered lawful. First, it is individual and collective self-defense in the event of an armed attack (Article 51 of the UN Charter), secondly, the preventive and coercive measures taken by the members of the UN by the decision of the Security Council (Article 5 and Chapter VII of the UN Charter) or with its sanctions by regional organizations (Chapter VIII of the UN Charter).

These provisions of the UN Charter are clear and unambiguous, but they are difficult to use in practice, primarily because of a lack of common understanding of when the use of force is once and foremost lawful and legitimate.

In our opinion, the interpretation of modern self-defense in the doctrine of international law proceeds from two opposing principles.

The author agrees with A.D. Pasina's view that "the regulation of international law in the entire area of interstate relations related to the use of force, the lack of regulation by international law of the entire area of interstate relations relating to the use of force has created and is creating all the conditions for the permitted appeal to the actual protection of state sovereignty. On the one hand, "any threatening (imminent) attack or any act of aggression that does not have the nature of an attack, including the use of armed force, does not justify resorting to force in the exercise of the right established by Article 51 of the UN Charter".

On the other hand, the " primary nature of an armed attack and, accordingly,

the secondary nature of self-defense suggests that only a real attack can be the basis for self-defense, not a threat of attack, because in the latter case self-defense loses its reciprocal quality, turn into an armed attack."[450]

In contrast to these views, the English lawyer D. Bowett in his study "Self-Defense in International Law" argues that the state has the right to resort to self-defense not only in the case of an armed attack on it, but also in cases of "threatening" attack or if necessary, to protect their economic interests and citizens when they are exposed to danger in other states.[451]

Transnational terrorism and violent extremism, organized crime, separatism and inter-ethnic tensions, arms trafficking, drugs, and other negative phenomena have now replaced the danger of global mutual destruction characteristic of the cold war period.

The reliance of States on positive political and legal regulation of the use of force in international relations (waiting for international institutions to respond) does not currently guarantee their security if terrorist and high-tech means and methods of warfare are used against them.

According to N.B. Pastukhova "International law, in which the subject is a state, is gradually becoming an optional topic. All treaties and agreements are in fact only protocols of intent with the clause "rebus sic standibus" (in this state of affairs, as long as the conditions remain). ... The role of force in international relations has increased enormously, and the map of peace has once again become unstable."[452]

It is clear that the relationship between States based on informal terms and agreements is expanding. At the same time, there is no longer absolute immunity

---

[450] See: Пашина А.Д. Доктрина «самообороны« в современном международном праве // Научные итоги 2011 года: достижения, проекты, гипотезы.- Новосибирск.- 2011 г. С 313-320.

[451] See: Bowett D.W. Self-defense in International Law / Derek W. Bowett. NY: Praeger, 1958. - xv, 294 p.

[452] Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации //Журнал российского права. №5, май 2006 г. ГАРАНТ Платформа F1.

of treaties, the regulation of international life is based only on the highest principles of general international law, and the international community is becoming increasingly decentralized and non-hierarchical.

The practice of States and the very way of development of the world community show that national security procedures are now more determined than States by the activities of international actors not formally associated with States. But even for these ever-changing procedures, there is an asymmetry in the processes of states realizing their national interests because of the asymmetry of the modern world community.

Based on the classic definition of the subjects of international law given in the Decision of the Chamber of International Justice,[453] States are the creators and recipients of international law. But at the same time, as early as 1949, the UN International Court of Justice fundamentally described the subjects of international law: "Subjects of law in any legal system are not necessarily identical in nature or in the scope of their rights, and their nature depends on the needs of the community. Throughout its history, the development of international law has been influenced by international life, and the progressive growth of joint action by States has contributed to an increase in the number of examples of non-State actors in the international sphere."[454]

In these formulations, the Court in 1949 established the end of the concept of international law solely as the "law of peoples", according to which only States are the main actors, players in the international arena.

Thus, international law is not only created by states, international

[453] The predecessor of the UN ICJ, the Chamber of International Justice, noted in the Lotus case: “International law governs relations between independent states. Consequently, the rules of law binding states proceed from their own expression of will, expressed in conventions or customs, widely recognized as expressing the principles of law and established either to regulate relations between these coexisting independent communities, or from the position of achieving common goals. Restrictions on independence, therefore, cannot be presumed." The S.S. Lotus, Permanent Court of International Justice (1927), P.C.I.J. Ser. A, No.10, reprinted in Damrosch et al., International Law: Cases and Materials (2001), pp. 68–69.

[454] Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, 1949 I.C.J. 174, 178 (Opinion of Apr. 11).

organizations, and other collective entities in the event of explicit delegation of authority by UN member states. Also, in the rulemaking involved actors -" not states" who interact with states in the wrong form of interaction, which is natural for legally equal subjects.

The main problem of political and legal justification for the possible use of armed violence against terrorist and similar organizations is the extreme complexity of the legal qualification of a terrorist act in terms of modern international law.

The primary goal for this qualification is to determine the objectives of the terrorists. The lack of such knowledge makes it difficult to understand the nature of the conflict and, as a result, to define the international legal mechanisms for resolving it.

To characterize the phenomenon of "terrorism" it is convenient to apply the expression "I understand this when I see it" because the phenomenon of terrorism for objective reasons is not defined either approximately nor strictly. Indeed, definitions for this phenomenon are always offered, and the search for an indisputable definition has not produced any acceptable outcome, even within the United Nations.[455]

However, the absence of a universal definition of terrorism does not mean that international terrorism is beyond definition. Every scientist has the right to offer his working definition of "terrorism." It also seems obvious that all such definitions of the term have some essential content, which is recognized in all other proposed definitions.

There is no doubt that none of the definitions has immutable force, since it is

[455] In classifying individuals as "terrorist," the term "terrorism" was apparently first used in an international document at the Third (Brussels) Conference on The Unification of Criminal Law on 26-30 June 1930. Franck and Lockwood, ‘Preliminary Thoughts Towards an International Convention on Terrorism,’ Am. J. Int’l L. 68: 69, 73, footnote 23 (1974). In 1954, the International Law Commission in the Code of Responsibility for Crimes Against Human Peace and Security draft introduced the concept of "state-sponsored terrorism".
URL: http://www.un.org/En/documents/decl_Conv/conventions/Pdf/code_of_offences.Pdf (accessed: 12.11.2010).

only that we subjectively assume that the practice of States is not clearly inconsistent and has no internal contradictions, and that is almost all definitions.

Faced with the many and varied definitions of "terrorism", it is possible to suggest a position of non-acceptance of the term at all, since "terrorism" is not compared with a well-defined and clearly identified set of actual events.

Consequently, it cannot have a widely recognized meaning in the legal doctrine, and the exact status of "terrorism" under international law will always remain no more than an object of assumptions and debate. In any case, the term is inaccurate, uncertain, and, moreover, it is not sufficient to justify the use of force. In any case, there are many problematic definitions of the term "terrorism", somehow a complex phenomenon that it should define.

Therefore, in order to analyze the legal regime of the use of force against terrorists by states at a particular time, it is necessary to propose a working definition ad hoc that characterizes both the terrorist act itself and the perpetrator of a terrorist act at a given time, in specific social and political conditions.

In his classic work on just and unjust wars, M. Waltzer argues that the purpose of terrorism is to "destroy the morality of a nation or class, to undermine its unity; it is a method of accidental extermination of the innocent."[456]

P. Sederberg states that to determine the policy of responding to terrorist threats: "... the distinction must be made between action (terrorist act), terrorist (executive), and consequences (instigated by fear). The latter distinguishes the tactics of terrorism from all other methods of coercion."[457]

Russia's draft UN GA resolution on additional measures to combat international terrorism defines terrorism as "any act intended to kill or cause serious injury to civilians, or hostage-taking with the aim of intimidating the population or forcing a government or international organization to act or refrain

[456] Walzer, Michael. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations, second edition, New York, NY: Basic Books, 1992, p. 197.
[457] Sederberg, Peter C. “Conciliation as Counter-Terrorist Strategy,” Journal of Peace ResearchVol. 32, No. 3, August 1995, pp. 295-312.

from any action."[458]

There are other definitions, but they are generally consistent in the fact that terrorism includes:

- the use of destructive force by other, non-traditional means and methods of warfare;
- indiscriminate use of force against non-combatants;
- force is used mainly not to achieve victory in the military sense, but to inspire fear.

UN Security Council Resolution 1566 (2004) of 8 October 2004 included many aspects of the proposed definitions of "terrorism": "... Criminal acts, including against civilians, committed with the intention of causing death or serious harm to health or taking hostages in order to cause a state of terror to the general public, or groups of people, or individuals, to intimidate the population or to compel a Government or international organization to commit any action or refrain from committing it and constitute crimes within the meaning of international conventions and protocols relating to terrorism and, in accordance with their definitions, under no circumstances can any considerations of political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious or other such character be justified..."[459]

These statements, as well as the text of the above resolution, appear to be partly erroneous in determining the object of terrorism.

First, no one ever waged war to instill fear. This is contrary to the concept of self-preservation of social systems, which include both States and terrorist structures: is it possible to expend valuable, very often non-renewable resources on warfare in order to frighten the enemy? Wars, on the other hand, are solely for the

---

[458] «Террористическая угроза: власть и общество». Актуальные новости (29-30 сентября 2004 г.) URL: http:/www.hro.org/editions/demos/2004/09/30.php?printv=1; Румянцев Ф. Лавров терроризирует ООН. Газета.Ru.
URL: http:/www.gazeta.ru/print/2004/09/28/oa_134829.shtml.
[459] UN Document S/RES/1566.

establishment of control over resources.

Secondly, the solution to the problem of defining the term "terrorism", in particular its object, is seen as an adversary of the Westphalian system of States, because, as absurd as it may seem, this phenomenon ensures the realization of the idea of globalization, that is, the ever-increasing opening of markets protected by States. The aim of forces that are currently using terrorist tactics to "force a government or an international organization to take any action or to refrain from any action" is to transform the system of States into a single system open to the free movement of people, goods, capital, and ideas. From this point of view, for example, the difference between Al-Qaeda and other terrorist communities is the "framing" of the ideological shell of replacing the secular system of states with a "medieval system of caliphates based on the extremely orthodox interpretation of Islam",[460] that is, also the creation of a special version of the global market. It is necessary to agree with the statement of J. Aras on that when "... the fact of terrorism is evident - it is already a sign of war aimed at achieving the total goal of destabilizing and destroying the social and state system perceived as the enemy."[461]

Generally speaking, the use of the term "international terrorism" in today's environment is not entirely correct. The term can only be applied to those manifestations of the use of force in international relations for which international responsibility can be assigned to States. The typos of international terrorism presented in doctrines from the point of view of understanding the complexity and diversity of states' relations with each other, and the attitude of states to the perpetrators of terrorist acts can be reduced to three types:[462]

– a State tolerates the perpetrators of terrorist acts, but does not support or sponsor them;

---

[460] Alexander, Yonah and Swetnam; Michael S. Usama bin Laden's al-Qaida: Profile of a Terrorist Network, Ardsley, NY: Transnational Publishers, 2001, p. 30.
[461] Арас, Дж. Терроризм: вчера, сегодня, и навеки. - Баку: SADA, 2003.
URL: http://www.worldwarfour.org/blok1_6.shtml (accessed 13.10.2010).
[462] See: Arend, Anthony Clark; Beck Robert J. International Law and the Use of Force: Beyond the UN Charter Paradigm. New York: Routledge. 1993.

– perpetrators of terrorist acts have state support, but without direct state sponsorship; and

– perpetrators of terrorist acts are state-sponsored.

We will determine that " government sponsorship" in accordance with this simplified scheme represent only those situations in which any state contributes in practice to the planning, preparation, and management of terrorist activities. Conversely, "government support" for perpetrators of terrorist acts includes the provision of intelligence, weapons, diplomatic support, funding and advocacy support. The condition of "government tolerance" can obviously be applied in situations where the State does not sponsor or support terrorist groups on its territory, is aware of their existence, but is unable to resist them.

Where States are intolerant of the perpetrators of terrorist acts, do not provide them with and sponsor state support, and States cannot, on these grounds, be given international responsibility, acts of force that are indiscriminate should be classified as transnational terrorist activities.

Such transnational terrorism is an integral part and one of the driving forces behind the development of the global market. This is also due to the fact that States that are unable to defend their own interests are trying to mobilize the resources of the world community to combat this phenomenon and are transferring more and more of their sovereign rights to international institutions. By participating in a significant number of international organizations and agreements, States voluntarily take on a significant number of restrictions, for example, on the use of armed violence, on compliance with human rights procedures, on information openness, etc. that is, they transfer some of their sovereign rights to international institutions.

It is this goal, i.e., the interests of the global market are the difference between the tactics of terrorist organizations and those of guerrillas who fought against the occupiers and terrorists who carried out acts of terror against individuals, such as those who carried out the decisions of the People's Will.

During the wars of the past, such control was an essential and necessary condition for guerrilla activities, as the supply of guerrilla forces was mainly at the expense of the territory's resources. In today's globalized economy, there is a different principle - resources are available anywhere in the world. Damage to the enemy's economy can also be done from anywhere in the world.

V.I. Lenin, in the work "Partisan War"[463] drew attention to the fact that the murder of individuals and the confiscation of money[464] can be attributed to terrorism only at a certain historical moment - in the absence of economic and political crisis[465] and attributed such forms of armed struggle to guerrilla actions. In his work On Guerrilla War, Mao Tse-Tung wrote about the strategy of guerrilla resistance to the Japanese occupiers, which: "The main method is an attack in a rigid and treacherous form."[466] Che Guevara, reflecting on the strategy of guerrilla warfare, stated that "... terror is a rather ineffective way in general, vicious in its consequences, because it in many cases leads to the death of innocent people, and at the same time to the death of many patriots taking part in the revolutionary movement. Terror is a valuable factor when it is used to crack down on a high-ranking leader of oppressors known for his brutality, special "merit" in repression and other such qualities."[467]

In modern democratic societies (sometimes called "network" societies) there are no such socially significant positions, when the elimination of the persons who occupy them, leads to catastrophic consequences for the community. This is the second significant difference between the modern tactics of terrorist organizations: earlier acts of terror were carried out against individuals who held positions of

---

[463] Ленин В.И. Партизанская война. Полное собрание сочинений. Издание пятое, Государственное издательство политической литературы, М.: 1960, Т. 14, стр. 1-12.
[464] Ibid, page 4.
[465] Ibid, page 5-6.
[466] Mao Tse-Tung. On Protracted War. The Basis of The Problem, at. 9. Transcription by the Maoist Documentation Project. HTML revised 2004 by Marxists.org.
URL: http://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/index.htm (accessed 11.10.2009).
[467] Che Guevara. Guerrilla war. URL: http://www.akm1917.org/teo/gevara/guerillawar.htm (accessed: 11.10.2009).

power in vertically organized state management hierarchies, and this naturally led to changes in the State's domestic and foreign policy.

Terror was used either against individual leaders (monarchs, police officers, politicians, judges, etc.), or against the armed forces of the occupying powers. In today's environment, the destruction of the representative of the enemy State is unlikely to bring obvious military advantages, since the decision to use force in most modern and militarily strong Powers is taken by representative bodies of States, and the system of governance of such States is not vertically integrated and does not depend on the will of only one person. And open opposition of terrorists to the formation of armed forces of such states can lead to undue expenditure of resources.

Thus, in order to establish the content of the term "terrorism", which has at least some property that allows it to be used for enforcement purposes, it is necessary to establish its modern object. It is obvious that this object has a resource nature.

Changes in the structure of the world economy make the use of terrorist tactics the only effective way to conduct military action, both against States and against other actors on the international scene.

The transition from a bipolar system of confrontation between the Soviet Union and the United States during the Cold War to a system of multipolar world (or a unipolar world, as is sometimes considered due to the significant superiority of the United States in military capabilities relative to other states), is mistakenly identified with the multipolar power system of states and their alliances. In fact, there is a conflict of confrontation between the poles of the global economy. Markets compete for attractiveness.

Therefore, the confrontation in the military sphere, intensive appeal to terrorist methods of warfare, first, are aimed at increasing/reducing the capacity of any market. States are no longer the main actors in the field of use of force - they, if used in the market term, are a kind of agents, that is, persons acting on their own behalf, but in the interests of the principal - the global market.

The existing misunderstanding of the essence of the organization of the confrontation of terrorist activities comes from the fact that the entire modern methodological apparatus of the institution of the use of force in international relations originates in the Enlightenment when the foundations of the modern system of states were formed. Our view of the war is the European view, which is based on the Pyrenean peace of 1555 and the Westphalian peace of 1648,[468] the views expressed in Immanuel Kant's work "On Eternal Peace",[469] Christian criteria for assessing the validity of the nature of war. But first, this view is rejected by another world, but not by The Islamic World, as you often hear and see from the media. Secondly, a methodological conflict resolution apparatus based on these views cannot be applied to the resolution of contradictions arising from a different organization of public relations.

When people talk about a clash of civilizations, they often mean differences between the Christian and Islamic worlds. In fact, the division lies between agrarian, industrial and post-industrial economic systems. It is well known that every nation is waging war in the way in which it creates a surplus product. From this point of view, the world seems three-tiered.[470]

The modern system of borders of states is built on the principles enshrined in the UN Charter. This boundary grid (as well as the associated infrastructure of States) is imposed on a completely different system of relations, the boundaries of which are defined by the way of production, which in turn is only sometimes associated with the commitment of the population to any form of religion (North-South section, or "agricultural world - industrial world"). And on top of all this there is a system of virtual boundaries of the post-industrial world, in which values

---

[468] Spahn, Martin. The Thirty Years War (Transcribed by Douglas J. Potter). The Catholic Encyclopedia, Volume XIV. Online Edition. URL: http://www.newadvent.org/cathen/The Thirty Years War.htm (accessed: 16.10.2009).

[469] Kant, Immanuel. PERPETUAL PEACE: A PHILOSOPHICAL ESSAY. 1795. Third impression, 1917, LONDON, NEW YORK : THE MACMILLAN COMPANY.

[470] See, for example: “... the way we make war reflects the way we make wealth...”. Alvin and Heidi Toeffler. War and Anti-War. Warner Books, 1993. P. 2.

are created without reference to any national territory. Formal state borders and borders of the three economic systems, with rare and random exceptions, do not coincide.

States, as subjects of international law legitimate under the existing system of international law, can therefore be "occupiers" in national or religious or economic territories of another world, i.e., in other systems of values, which inevitably leads to conflicts.

In the first layer of the organization of peace, agricultural, conflicts, first, occurred, and occur to the present day, around plots of land suitable for agriculture and pastoralism, or for the establishment of control over water sources and other resources necessary for the conduct of a fairly primitive economy.

Such conflicts have most often had, and sometimes today, are seasonal (even if they are carried out by modern means of defeat), as human resources that can be allocated for conflict are limited and cannot be diverted to war during the agricultural season or to divert livestock to new pastures.

In the second layer, created in the era of industrialization, which is organized around the concept of State sovereignty, conflicts occur when States are held accountable for violations of the latter. States use force when their rights to exercise all kinds of power within their national borders are violated, or if they are prevented from fulfilling their duties to ensure the rights and freedoms of their people.

Wars can be waged throughout the year than conflicts inherent in the agrarian world, as the intensification of production frees up the number of human resources needed for war, and industry is able to provide the armed forces with the necessary supplies of food and equipment.

The means of ensuring the State's resource and labor needs in the wars of the industrial organization of the world community was very often the occupation of the territory of the enemy State, and terror, in turn, the main means of combating the occupying Power.

In the third layer, post-industrial, conflicts are provoked by forces that are

not formally bound by the concept of state sovereignty. Public relations in this layer are built based on business models that provide the most effective organization of the division of labor. Transnational corporations do conflict with States and among themselves for the ability to manage resources that are within the national jurisdictions of States. They, unlike the latter, do not have their own population and territories that need to be protected, but there are business interests to be protected.

The transnational business strategy is based on the concept of "outsourcing", which is that to improve the efficiency of surplus product processes, the business discards its burdensome elements and uses the population, resources and existing infrastructure elements of states or other market participants.

That is why the wars being waged to resolve the contradictions of transnational business have significant differences from the wars that states wage with each other.

First, States are bound by international law, and the business community is bound by contracts whose creation and execution are of a quite different nature.

Secondly, unlike States, business must be effective: it has no obligation to waste resources, for example, on unnecessary, in terms of business efficiency, the extremely costly occupation of the territory of a state,[471] or to fulfill social obligations.

If military actions are organized to ensure the needs of business, not to ensure the security of the state, they are conducted on business models against critical infrastructure of the enemy: for example, the institutions of a state, creating problems for the involvement of resources under its jurisdiction in the world production and division of labor. Even to resolve those contradictions, which can

[471] The regime of occupation, defined by international law, imposes on States the obligation to bear considerable costs for the management of the territory and the provision of the population of the occupied territory. See, for example, Article 55, 59 of the Geneva Convention of 12 August 1949 on the protection of civilians during the war. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI.- М., 1957. С. 204 - 278, 280.

be resolved only by military means, transnational business, unlike states, does not have mass armies that would need to be maintained, trained, prepared for war even in peacetime.

Thanks to the needs of transnational business, the so-called development has been developed. A "private military initiative" through which the customer can obtain an armed and trained formation to perform an almost unlimited range of tasks in the shortest possible time anywhere in the world.

The third significant feature of the modern guerrilla/terrorist war is that it is conducted not on the territory of any one state, but in another system of coordinates, on the territory of the entire world community.

Previously, guerrillas / terrorists were tied to a specific territory, and their effectiveness depended to a large extent on the support of the local population to whom they provided security from the occupiers. Partly for this reason, during the wars of the recent past, the guerrillas were interested in interrupting all kinds of enemy communications through the territory of their actions, for which they were forced to wage constant hostilities, attacking the superior enemy in as many points as possible.

In modern warfare, terrorists do not need to control any territory. Moreover, trade links, free movement of goods, services, finance - all this creates a favorable environment for the development of terrorism.

In an era of absolute sovereignty of States, international terrorism was virtually impossible. Trade agreements that gave merchants certain privileges and immunities were the first step in the destruction of the absolute sovereignty of States, as there were groups of people who could move from state to state, and who at the same time were the conduit of new ideas and provided the movement of resources.

The increase in the number of interstate agreements, in fact, did not strengthen the power of sovereigns in the international arena, but on the contrary, led to its weakening. It is possible that the intensive conclusion of conventions and interstate treaties on counterterrorism, on the contrary, can lead to the development

of an environment that encourages terrorism, as more and more of their sovereign rights are transferred to supranational institutions.

Terrorists use all the infrastructure of all states without exception to act. The processes of internationalization of economic life predetermined the transparency of state borders, and practically formed a single economic, legal, information space, and, as a result, a huge theater of war with almost unlimited set of objects accessible for defeat by terrorists and extremely sensitive objects for mankind.

In any war at all three levels of public organization, the object of force has never been what is necessary for the reproduction of the power of a group, a state, a corporation. It should be noted that, using the same tactics as in previous millennia of documented human history, modern terrorists/guerrillas are waging an absolutely different war, since for all three levels of the organization of society, the objects chosen to defeat are different in nature.

To understand the essence of the legal regulation of the use of military force against terrorist organizations, it is necessary to pay attention to the fact that almost always the consequences of terrorist activities, namely, the instilled fear, as shown above, are accepted by the public for the strategic purpose of the terrorist movement.[472] However, fear and the indiscriminate use of force are not the hallmarks of terrorism from all other forms of military coercion.

In the era of agrarian wars, the strategic goal of the war was the physical destruction of an adult male who could resist in the struggle for resources. And never (in the ideal case) women and children were destroyed. In the wars of the industrial world, the object of destruction was the military organization of the state, for the destruction of which, in accordance with the doctrine of total war,[473] any

[472] Sederberg, Peter C. “Conciliation as Counter-Terrorist Strategy,” Journal of Peace Research. Vol. 32, No. 3, August 1995, pp. 295-312; Posner, Eric A. Fear and the Regulatory Model of Counterterrorism. Harvard Journal of Law and Public Policy. Cambridge: Spring 2002. Vol. 25, Iss. 2; Pg. 681.

[473] For example, the founder of the theory of total war H. von Moltke wrote that he could in no way "declare himself to agree with the St. Petersburg Declaration that the only justified purpose of the war is "weakening the military power of the enemy." No, all sources of support for a hostile government should be taken into account, its finances, railways, food supplies, even its

means of warfare were used, and any objects were chosen to defeat. The only exceptions were those facilities and resources that were needed to ensure industrial production after the breakdown of the enemy's military organization and occupation of its territory. In post-industrial societies, attacks are directed against those national institutions and resources that are an obstacle to the development of global institutions.

It is therefore the globalized society that is the breeding ground for modern terrorism and is protected because it provides unlimited reproduction of terrorist potential: its institutions and freedoms provide market participants with the doctrine of warfare,[474] provide them with the necessary number of soldiers, equipment, etc. Similarly, the system of States once provided doctrine and resources to the national armed forces.

Based on the foregoing, we believe that it is possible to assume that the common object of terrorism in today's environment is the modern system of States and its basic values based on the concept of state sovereignty. The types of targets of terrorism may be institutions that are an obstacle to the formation of a fully open global economy that provides unlimited access to resources.

It has to be taken into account that at present the term "terrorism" is most often defined as the method by which a political organization (organized group) seeks to achieve its stated goals, mainly by intimidating a large part of society using systematic extreme indiscriminate violence against civilians. or selective against symbolic purposes, to influence the state apparatus. The terror process involves three elements, namely the act or threat of violence, emotional response and social consequences.

---

prestige." Helmuth von Moltke (the elder). On the Nature of War.
Url: http://Www.bellum.Nu/Wp/Hvm/hvmotnow.Html (address date: 17.10.2009).

[474] Modern warfare uses models originally developed and tested by participants of the global roar. Business models such as "from business to business (B2B) have been adopted by military organizations in a number of states and have become models of warfare organization as "sensor-to-arrow (S2S)".

Terrorism, as a social phenomenon and as a way of using force to resolve social contradictions, accompanies all stages of social development, including within the framework defined by geopolitics and, in turn, exerting the opposite effect on it.

The phenomenon of terrorism, often perceived by public opinion as a unique phenomenon inherent only in this political reality,[475] is in fact a constant nature, and the recognition of its uniqueness is methodologically incorrect, which in turn leads to problems in the organization of opposition to it.

The elimination of such incorrectness depends to a large extent on the language (categories) used to describe this phenomenon: *environments, objects, and subjects* of the use of force.

Lack of means of describing (or at least unprepared media) leads to the introduction of terminology on "novel terrorism," "superior danger," "new tactics," the identification of the perpetrators of terrorist acts as a "new class of terrorists", or the emergence of statements that "we are now living in an era of terror".

As a result, such propaganda activity creates an incorrectly formed public opinion and, accordingly, generates significant problems for the mobilization of resources by states to counter terrorism.

When describing (analysis) of the phenomenon of terrorism, and, accordingly, identifying the object of counterterrorism, it is necessary to give an answer to the question "what is terrorism threatening?", then, accordingly, to redistribute resources to counter the threat it poses.

The reallocation of resources, in turn, will inevitably lead to a change in lifestyle, i.e., a change in the rights and responsibilities of members of society.

---

[475] Paradoxically, the current situation is also presented as unique, but it is described in terms of the geopolitical "paradigm" of S. Huntington, which is no longer sufficient to describe contemporary international interactions. See: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — Перевод с английского: Ю. Новиков (главы 1–8) под редакцией Е. Кривцовой и Т. Велимеева (главы 9–12), под общей редакцией К. Королева. — М., 2003. // Центр гуманитарных технологий. — 01.12.2010. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3893 (accessed: 12.12.2017).

Since a kind of promoted and protected "lifestyle" is at stake, the conceptualizations developed in the process of describing (analysis) of the phenomenon of terrorism, in themselves, are inevitably becoming part of the political toolkit.

As a result, all the already known and possible concepts of terrorism, as well as the strategies claimed by States to counter it, are politically motivated. These concepts are the result of a combination of the alleged or alleged intentions of terrorists, and then the reaction of States to terrorist manifestations.[476]

Accordingly, any definition of terrorism we know is determined only by the ability of States to respond to and prevent threats. But this, in turn, leads to the fact that if every act of "terrorism" is defined only through means available to the State to counter it, then the description of the phenomenon of terrorism itself will not take into account the reasons for its emergence, nor the appeal of the perpetrators of terrorist acts to such means and methods of use of force.

First, what is the target of the use of force? The consequences of the anarchic and well-described terrorism of the late 19th century, directed mainly against heads of State, senior officials, and their families, and only secondly, at the infliction of damage to public property and the lives of members of society, led to the adoption in 1937 of the League of Nations Convention on the Prevention and Punishment of Terrorism. At the same time, the Convention did not distinguish between the perpetrators of acts of terror that emerged later, with the development of the debate within the UN General Assembly. In search of ways to counter threats, signs of the perpetrators of terrorist acts began to appear in international documents: nationalist motives, manifestations of fascism, elements of the fight

[476] See: Коростелев С.В. О проблеме терминологической несогласованности процесса легитимации действий по противодействию террористической угрозе // Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103); Коростелев С.В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113).

against foreign occupation, etc., that is, the discussion was transferred from the legal field to the field of political assessments.[477]

Then globalization, scientific and technological progress, changing economic conditions, changing in the essence of media and other changes in the public organization determined the emergence of "global" terrorism.

In such an environment, due to the impossibility of using force against "decision makers", because in modern democratic societies decision-making centers are non-personalized (rather - networked), even not only because of the separation of powers - an indispensable attribute of democratic states, terrorists cannot directly influence the actors (mostly the state apparatus), whose behavior they want to change. As a result, modern terrorist violence has often been directed at third parties, i.e., terrorism has begun to work through indirect instrumentalism.

The duration of the process of defining terrorism at the initial stage of awareness of the enormity of its phenomenon was determined by ad hoc responding to the inherent challenges and threats of the era, "usually in response to specific cases of terrorism, as well as to counter the methods and threats used by terrorists ... To take over aircraft; Diversions on air transport; Acts of violence at airports; Acts against the safety of maritime navigation; Acts against the safety of stationary platforms located on the continental shelf; crimes against persons with international protection; illegal seizure and possession of nuclear material; Hostage-taking; Acts of bomb terrorism; and funding for terrorist acts and the activities of terrorist organizations."[478]

At this stage, counter and anti-terrorism documents have been developed by the UN specialized agencies such as the International Civil Aviation Organization

---

[477] URL: https://dl.wdl.org/11579/service/11579.pdf (accessed: 11.12.2017).

[478] UN Document A/CONF.213/5. Providing technical assistance to facilitate the ratification and implementation of international instruments on the prevention and suppression of terrorism. The twelfth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. El Salvador, Brazil, April 12-19, 2010. P. 11. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V09/892/96/PDF/V0989296.pdf?OpenElement (accessed: 17.12.2017).

(ICAO), the International Maritime Organization (IMO) and the International Atomic Energy Agency (IAEA).

In the process of developing network structures for managing public life and a corresponding change in the state of vulnerability of "critical" elements of the infrastructure of states and the world economy as a whole, these "thematic" conventions ceased to provide a proper response to emerging new challenges and threats. That is, an insufficient provision of legal instruments for political decisions on the use of force to counter terrorist threats, sine qua non of the process of legitimation in the new geopolitical and geo-economic conditions, was manifested.

The modern world order is still provided by sovereign States, but it is nevertheless organized around the values articulated in the post-World War II system of international treaties that protect, above all, the individual.

Therefore, any acts, methods and practices of terrorism "directed or designed to create a climate of terror among the general public, groups or individuals for political purposes cannot under any circumstances be justified, whatever the considerations of the political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious or other nature that may be justified"[479], constitute a blatant disregard for the purposes of the un-UU's objectives and principles.

In order to create actual tools and legitimize measures to counter new challenges and threats since 2000, the Special Committee established by UN GA Resolution 51/210 on 17 December 1996 is in the process of agreeing on the text of the Comprehensive Convention on International Terrorism.[480]

---

[479] See: UN Document A/C.6/72/L.14. Draft resolution "Measures to eliminate international terrorism." Seventy-second session. Sixth Committee. Item 109 agenda. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N17/364/43/PDF/N1736443.pdf?OpenElement (accessed: 17.12.2017).

[480] See the draft convention: UN Document A/68/37. UN General Assembly. Official reports. Sixty-eight sessions. Supplement number 37. Annex I of the "Preamble and Articles 1, 2 and 4-27 of the Draft Comprehensive Convention on International Terrorism" (Special Committee Report established by UN General Assembly Resolution 51/210 December 17, 1996 16th session (April 8-12, 2013). URL: http://undocs.org/ru/A/68/37 (accessed: 20.12.2017).

The international instrument is expected to provide a broad universal definition of terrorism and thus fill gaps not closed by "thematic" conventions.[481]

One of the problems of the most complex political process of harmonizing the definition of terrorism is that States have long been unable to agree not so much on the content of the concepts of "terror" and "terrorism" as on whether the provisions of the future convention can be extended to characterize the activities of the armed forces of States and opposing armed groups involved in the struggle against foreign occupation and colonial dependence.

It is precisely because of the impossibility of reaching a political consensus on the qualification of the actions of opposing parties who use armed violence in conflicts in the exercise of the right to self-determination or in countering terrorist activities and insurgency that this term has no chance of a universal legal definition within the UN in the foreseeable future.

In situations where the level of gun violence in counter-terrorism activities reaches within the meaning of IHL, the possibility of the use of the IHL regime may be raised. But since there is no definition of "terrorism" as a crime in IHL, it only makes it possible to qualify prohibited acts that may be committed in armed conflicts, but in their consequences are like terrorist attacks defined in universal counter-terrorism legal instruments, and for which responsibility could be attributed if they were committed in peacetime.[482] That is, these two modes have similarities. And States must ensure that any action they take "complies with all their obligations under international law, in particular international human rights standards, refugee law and humanitarian law."[483]

The study of the mechanism for choosing the legal regime for countering terrorism and violent extremism, which is undoubtedly a political process, will

[481] UN Document A/CONF.213/5. Cm. above, P. 16.
[482] A Handbook on Criminal and Legal Measures to Counter Terrorism. United Nations Office on Drugs and Crime. New York, 2009. ISBN 978-92-1-430008-3.
[483] UN Document S/RES/1624. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/510/54/PDF/N0551054.pdf?OpenElement 2004 (accessed: 12.01.2018).

necessarily lead to the conclusion that the study of the phenomenon of terrorism and the search for a definition for it should be considered not only a political, but also in many ways, a heuristic inter-State process.

In this process, IHL can only be used as an initial tool in the analysis of the phenomenon of terrorism, as it regulates permissible norms of violence and terrorism violates those norms.

For example, addressing IHL standards allows for the beginning of the process of defining terrorism as acts or threats of violence against non-combatants. If we consider only the unintentional "indiscriminate" (in IHL terminology) the use of force against a certain number of persons that IHL categorizes as "protected" and that is not a "war crime", on the contrary, terrorism indirectly affects the entire potential "audience" that may be the target of deliberate attacks. That is, if the accidental defeat of "protected" civilians and objects is assumed to be permissible in the course of armed conflict, as an extreme political form of action, the deliberate defeat of civilians and targets is already beyond acceptable in political struggle.

Most of the people directly affected by the attack are not the ultimate target of terrorism, which is to cause fear: the tools of terrorism in this case are indirect.

It can be said schematically that terrorists maintain social tension by attacks or the threat of indiscriminate attacks on random civilians, or selectively for symbolic purposes, to create instability in larger social groups, and thus exert political pressure on the behavior of their opponents, states, and even international organizations. It is the randomness of defeat and the wide range of targets, and the consequent absence of restrictions in the selection of perpetrators of terrorist acts, are the most dangerous feature of modern terrorist tactics.

Therefore, the political conditionality of statements about the difference between "terrorists" and "freedom/independence fighters" (or between "terrorism" and "struggle for liberation") results in the fact that in some cases "freedom fighters" under the 1977 Additional Protocol II are assigned to the status of

privileged combatants by one party and the other by the party as "illegal combatants".[484]

It is this discrepancy in the assessment of the subjects of the use of force that has led to the fact that the text of the UN Comprehensive Convention on International Terrorism has not yet been agreed, since the definition of terrorism proposed in the draft convention equates to terrorism all forms of armed violence against civilians.[485]

For example, the 2005 World Summit Final document[486] stressed the need for a comprehensive convention on international terrorism at the end of the 60th session of the UN GA, i.e., until September 2006.[487]

Several scientific definitions of terrorism distinguish between violence committed by the State and non-State actors. In this case, the term "terrorism" in some cases refers to violence committed by non-State actors. But, with other concepts, there is no distinction between state and non-state violence.

In this case, it is assumed that "terrorism" is something that both States and non-related entities can carry out. This leads to the introduction in discourse of definitions such as "terrorist States"[488] or "state terrorism"[489] that define government violence when it targets non-combatants and violates socially acceptable norms.

---

[484] See, for example: Hamdi v. Rumsfeld, 542 U.S. 507 (2004).
URL: https://www.lawfareblog.com/hamdi-v-rumsfeld-542-us-507-2004 (accessed: 11.01.2018).
[485] Коростелев С.В. О проблеме терминологической несогласованности процесса легитимации действий по противодействию террористической угрозе // Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103).
[486] Adopted by General Assembly Resolution 60/1 on 16 September 2005.
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch3.shtml#t3. P. 83 (accessed: 14.01.2018).
[487] URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=4698 (address date: 14.01.2018).
[488] See, for example: Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 30-54. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.03.
[489] Schmid, Alex. Terrorism - The Definitional Problem, 36 Case Western Reserve Journal of International Law. 375 (2004). Available at:
URL: http://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol36/iss2/8. P. 402 (accessed: 09.01.2018).

There is a view[490] that the two types of violence "terror" and "terrorism" are as follows: "terror" refers to actions aimed at spreading fear on the part of States, and therefore it works from top to bottom. Through terror through its institutions, the state controls the population. "Terrorism, on the other hand," is perpetrated by non-State actors, from the bottom up, i.e., aimed at the State to influence its institutions through a population directly targeted by violence.

In this assumption, which refers to the "terror" of the method of governance on the part of States, there is a serious methodological omission that does not consider the modern nature of the state and its place in the international community.

First, the doctrine[491] assumes that the state is one of many forms of political unification of people. The essence of any association can be derived through research on its attitude to other associations and communities of individuals. What distinguishes the state from other political associations?

The very concept of States must be considered in the historical process of their formation, and, of course, it has a special content for each historical stage of development. Moreover, not all associations of people claiming the right to be called a State are, for example, because of their non-legitimate nature.

The attribute of legitimacy is most significant in the definition of a State, which in itself should exist and be recognized as a core unit in the organization of the international community in only a political unification of similar-natured communities, also defining themselves as States.

The state, as the highest form of political association of individuals, exists relatively autonomously from other similar associations. Each State may be defined by its own form of government (specifically organized, but necessarily

---

[490] Chandrakala Padia. Terrorism: an Analysis. The Indian Journal of Political Science. Vol. 49, No. 3. (July - Sept. 1988), pp. 351-358.

[491] Kukathas, Chandran. A Definition of the State. Presented at a conference on ‘Dominations and Powers: The Nature of the State’, University of Wisconsin, Madison, March 29, 2008. URL: http://philosophy.wisc.Edu/hunt/A%20Definition%20of%20the%20State.Htm (accessed: 14.01.2018).

responsible government), binding to a certain territory and the ability to be responsible.

The attribute of responsibility is too the most significant feature of the State, which distinguishes it from other political associations of individuals: each state has rights and obligations in relation to other political associations, also defining themselves as a state.

These properties have emerged as a result of the political nature of any association that individuals create to achieve any goals (most often in the area of security and equitable distribution of benefits). Individuals delegate part of their rights and responsibilities to the state, which in turn is united in its competence (or power). For example, T. Hobbes suggested that "... a State is a single person responsible for the actions of which has made itself through a mutual agreement among themselves a great many people, so that that person can use the power and means of all of them in a way that he deems necessary for their peace and common protection."[492]

Our main interest is security, but we can use it if we live in a society in which the exercise of private freedom reflects not only the opportunity for private freedoms to pursue their interests, but also the existence of ethical views in which conflicts of interest are properly linked and agreed upon. The state converts the manifestations of individual wills into a universal mechanism of common coexistence, that is, it is the states that bring into our lives what was absent before their appearance - the institution of moral limitations.

Thus, there are territorially organized political associations, organized, perhaps, on various moral assumptions. How can such associations coexist if in real life interests collide and anyone who wants to gain any advantage can do so only at the expense of others?

---

[492] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. гл. XVII, С. 133.

Obviously, interests should be treated equally respectfully, since repetitive interactions show individuals the benefits of reasonable reciprocal concessions and the need for strategic arrangements, and this can only be achieved with the creation of a common law and order in which the common will of the community of States is articulated. Consequently, the main expected competence of the state is to ensure security and stability (predictability) not only for individuals who have delegated their powers, but also for other States.

The competence of the state is determined by its inherent property of sovereignty. In the most primitive sense, "sovereignty" means the full power exercised by a State within its territory and against its population, and which, in some cases, can be carried out extraterritorially. More broadly, the "sovereignty" of a State should be understood as a measure of the agreement of other participants in international communication with the content and the way in which it exercised its power.

In the paradigm of classical understanding of sovereignty, states have an absolute right to use violence on their territory and against their subjects (citizens). In fact, States have limited themselves to exercising such a subjective right through participation in various international regimes; and, as a result of interaction with other participants in inter-State communication, very serious institutional restrictions on such rights, framed in the norms of the institution of international law, have emerged, supported and improved.[493]

Like all man-made institutions, the institution of international law must be understood as the result of conflicts and efforts to facilitate coexistence, but not as a means of a final settlement for all and all. As a formalized system of rules, it arose as a result of the rooting of custom, the formalization of it by those States that had sufficient resources to conduct independent policies, and the ordering of international relations through case-by-case practice.

---

[493] See: Коростелев С.В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113).

The modern design of the international community reflects not only any collective intentions or objectives, but also the interaction of interests of conflicting interests. From this point of view, the State is neither a product of external influence nor a structure based on subjective human justifications based on the consent of individuals to a political settlement.

If the design works effectively, it is only the result of an evolutionary (Darwinian) struggle for existence, which, as we know, has no intentions, no ultimate goals, no planning prospects, but which determines that only the most fit for this stage of development of the international community is sustainable. And now adapted to coexistence in the international system is the state, which is guided by the logic of strategic interaction and the balance of forces in the restrictions prescribed by the system of principles and norms of international law.

The rights and responsibilities of States as major international actors have not yet been formalized, although such attempts have been made within the UN framework in the drafting of the "Project Declaration of Rights and Responsibilities of States."[494]

I consider it possible to suggest that the sovereignty of a participant in international communication is respected if it does not go beyond the restrictions established by international law. And if a state goes beyond the aforementioned restrictions in the exercise of its powers, then other participants in international communication have the right to limit its sovereignty through the appropriation of international responsibility, even in the form of extraordinary satisfaction and extraordinary reparations,[495] as, for example, it was done in relation to Nazi Germany.[496]

---

[494] UN GA Resolution 375 (IV). Draft declaration of rights and responsibilities of states. 270th plenary session. December 6, 1949. URL: https://documents-Dds-Ny.un.org/Doc/RESOLUTION/Gen/Nr0/053/70/Img/Nr005370.Pdf?OpenElement (accessed: 16.01.2018).

[495] International law. A Textbook for Universities. Responsible editors - Prof. G.V. Ignatenko and Prof. O.I. Tiunov. - M.: NORMA-INFRA Publishing Group : M, 1999. 584 s. S. 93.

[496] See also: «Материалы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании». Протокол Берлинской конференции

As noted during the judicial investigation in Nuremberg, "... legal regulation in international relations ... depends on the agreement, but on an agreement that cannot be resolved unilaterally. In the area of international relations, the source of the law is not the sovereign order, but the treaty agreements linking each of the States that have signed the treaty. It is true that today the recognition that this is the case by all the great world powers is extremely essential for the future of the world, as Mr. Litvinov said, and that the Great Britain fully recognizes that "that absolute sovereignty and full freedom of action are enjoyed only by those powers that have not made any international commitments. As soon as a state assumes an international obligation, it limits its sovereignty."[497]

Thus, the political union of individuals - the state can lose its legitimacy, be limited in sovereign rights by other actors and lose (perhaps temporarily) the attributes of the state.[498]

Secondly, can a political association of individuals be a terrorist at all? The answer to this question is also given by the Nuremberg Tribunal, and this answer is no!

At the same time, during the judicial investigation it was stated that "... the idea that the State, as a corporation, committed crimes was a fiction. Crimes are always committed only by people. But, while it is permissible, in order to establish collective responsibility, to use the fiction of the responsibility of the state or corporation, it is totally intolerable that such a formal interpretation of the law can serve as a basis for personal[499] impunity." "The Charter of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of the Major War Criminals of the

---

трех великих держав 1 августа 1945 г.
URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/berlin_main.htm (accessed: 16.01.2018).

[497] The Nuremberg Trials. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов (под редакцией К. П. Горшенина (главный редактор), Р. А. Руденко и И. Т. Никитченко). Том I. Издание второе, исправленное и дополненное. Государственное издательство юридической литературы. Москва. 1954. С. 164.

[498] Коростелев С.В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113).

[499] The Nuremberg Trials, see above, P. 148.

European Axis Countries (London, August 8, 1945) it makes it abundantly clear that individual responsibility for crimes, including crimes against peace, committed on behalf of the State is established. The state is not an abstraction. His rights and responsibilities are the rights and responsibilities of the people, his actions by the actions of the people. ... The very principle of individual international responsibility for crimes against international law is not entirely new, it has already been applied, and not only against pirates. All legislation relating to war crimes, as opposed to the crime of war, is based on the principle of individual responsibility."[500]

Thus, since the end of the Second World War, international responsibility for crimes committed as "state" has been individualized, and the term "state terrorism" by inertia continues to be used only for propaganda purposes, but never used in international discourse.

Nor can a State be a "terrorist" using terror as a method of governance, in which case it loses the properties of the State and is restricted in sovereignty by other international actors.

Thus, the hypothetical statement made by officials that a State (inevitably a member of the UN) is a "terrorist" is inherently an act of appropriation of international responsibility and thus creates a duty to restore the common interests of the international community that have been violated. As noted by the UN International Law Commission, "... consequences of an international illegal act cannot be limited to reparations or "sanctions".

In international law, as in any legal system, an illegal act can generate different kinds of legal relations, depending on the circumstances."[501] "The

[500] Ibid.

[501] UN Document A/63/10. Report by the International Law Commission (53rd session). General Assembly. Official reports. Sixty-third session. Supplement No. 10 (Texts of draft articles on the responsibility of states for international illegal acts). P. 54.
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf (accessed: 20.01.2018).

responsibility of States may arise in connection with the most serious acts, and the regime of responsibility in such cases will be appropriately strict."[502]

The excess of a State's socially acceptable level of violence, i.e., violation of an international obligation, allows other actors to define such behavior as destroying its legitimacy and gives them a duty to protect the interests of the international community and to limit its sovereignty, but only to punish individuals who have committed a crime against the interests of the international community as a whole.

Otherwise, the lack of response to the violation of obligations erga omnes leads to the legalization of the abuse of the right to demand non-interference in internal affairs, which destroys the foundations of the modern system of international relations.

Therefore, a statement from the "terrorist" nature of a State requires countermeasures that must also be justified by the requirements for the use of force. States can defend their common, essential interests, which are at great and imminent risk, only by temporarily failing to comply with any other international obligation, less weight or urgency in these circumstances, allowing deviation from prohibitions on the use of force embodied in Article 2 para. 4 of the UN Charter, and interference in the internal affairs of the State (Article 2 para. 7 of the UN Charter). Every such way out of the constraints of the UN Charter paradigm puts the international security system off balance. Therefore, statements that give rise to the duty of States to respond by force should be made very carefully.

[502] Ibid., P. 128.

4.2. Reasoning of the Normativity of the Necessity of Force while Resorting to Anticipatory Action

In fact, the entire history of wars is an example of pre-emption of the enemy's actions. For example, as legend has it, during the Third Punic War (149-146 BC) Carthage was destroyed, its fields were symbolically sprinkled with salt "so that no living being, no rival could grow there again."[503] In 1801, a flotilla under the command of G. Nelson destroyed the Danish fleet in Copenhagen to pre-empt Napoleon's ability to use the Danish fleet to destroy the British maritime trade, on which the economy of the state depended entirely.[504]

Any threat of the use of force or the use of force is always assessed by States in the context of the international situation and their own foreign policy objectives. Moreover, States are constantly in the face of unique circumstances that make them consider the appeal to force justified.

Therefore, the content of the criteria for assessing the fairness/legitimacy of an activity is established by States in the context of such unique circumstances, where, in determining the feasibility of measures to protect the national interest, they are forced to assess the situation on their own, to seek available means of coercion, to decide whether to take international legal responsibility for the severity of the consequences of one's behavior.

In this case, the highest officials of the State may make statements about the apparent inefficiency of the collective security system, the existence of the customary right of self-defense, and the occurrence of circumstances where the use of force is lawful, including prior to a genuine armed attack on the territory of the State, or, for example, on its citizens and objects outside the state territory. After

[503] PLUTARCH, Marcus Cato, LIVES 516, 541 (John Dryden Trans., J.M. Dent & Sons 1962) (1683).
[504] Herman, A. To Rule the Waves: How the British Navy Shaped the Modern World. Harper Collins Publishers. 2004. P. 366. 2004.

that, a decision on the use of force is made, military actions begin, and the UN Security Council is informed. And it is in this system of rules that the state's conduct is qualified in accordance with international law.[505]

As an example, we can consider the arguments of the parties during the discussion at the UN Security Council of the situation when, on August 20, 1998, in order to destroy some elements of the infrastructure of the terrorist organization, Al-Qaeda, the United States launched missile strikes on targets located in the territories of Sudan and Afghanistan.[506]

The strikes had two targets: first, as reprisals in response to the killing of more than 250 people in the bombings of the U.S. embassies in Kenya and Tanzania on 7 August of that year; and, secondly, to destroy the infrastructure of the terrorist organization Osama Bin Laden, which in its statement on the fight against world evil - the United States - announced its intention not to distinguish between civilian and military installations.[507]

According to the Sudanese side, "... The United States committed military aggression against the Al-Shifa pharmaceutical factory ... which completely destroyed an important medical facility that produced life-saving medicines and supplied more than half of the volume needed to meet Sudan's needs for such medicines. ... "Sudan would like to urge the U.S. administration not to use its

---

[505] The main works of the author on the topic of pre-emptive self-defense, performed independently and in co-authorship: Коростелев С.В. Определение стратегии международно-правового обеспечения применения вооружённых сил и её методов / С.В. Коростелев – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009.; Коростелев С. В., Качук В. Н. Характеристика метода правового обоснования применения силы в международных отношениях и его использование для обоснования упреждающих действий // Журнал правовых и экономических исследований №1 2010; Коростелев С. В., Кириленко В. П. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы. Ч.I, II // Военная мысль. №8-9 2011.

[506] Удары по семье, удары по «Аль-Каиде». Жизнь Билла Клинтона: публичная и "параллельная". НГ EXLIBRIS, # 23 (324) 30 июня 2005 г.
URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2005-06-30/3_klinton.html. The strikes targeted terrorist training camps in Afghanistan and a pharmaceutical plant in Sudan where chemical weapons components were supposed to be manufactured.

[507] Cohen, William S. and Shelton, Henry H. Defense Link: DoD News Briefing of August 20, 1998. URL: http://www.defenselink.mil/news/Aug1998/t08201998 t820brfg.html.

position in the Security Council to block the decision to send a fact-finding commission that will reveal the truth to the world and expose unjustified aggression against a conventional medical facility."[508]

The U.S. administration's press statements stated that there was clear evidence of Bin Laden's connection to the preparation, financing, and implementation of terrorist acts in Tanzania and Kenya,[509] but there was no significant evidence of involvement by the Governments of Sudan and Afghanistan in terrorist activities (see Annex 6, p. 368).

Thus, the actions of the US leadership, which are inherently reprisals, were declared as actions for self-defense, carried out with "a desire to minimize the likelihood of harm to civilians and to comply with international law, including concerning considerations of necessity and proportionality." the right to self-defense implies the legitimacy of action while such action is still possible.

That is, it prevents possible harm or damage, rather than explicit actions, the pre-emption of which is the goal. ... If the expectation of "imminent danger" implies inaction until it is effective to act effectively, then such a right becomes illusory."[510] The argument for the State's right to self-defense was used to justify, first, repressive actions and, secondly, to justify preventive action.

Information about the capabilities of the destroyed Sudanese plant may have been deliberately misrepresented. The Sudanese leadership has raised the issue of bias - Iraq is also suspected of producing chemical weapons and has been subjected to strikes, has been subjected to UN inspections for several years, and strikes against Sudan have been carried out without warning, without discussing the issue with the actual Government of Sudan within the framework of the UN.

---

[508] UN Document A/55/PV.23, P. 33.
[509] William S. Cohen & Henry H. Shelton, Defense Link: DoD News Briefing of August 20, 1998, URL: http://www.defenselink.mil/news/Aug1998/t08201998 t820brfg.html.
[510] Bobbitt, Philip. In This New Age of Warfare, We Need Clearer Rules on When to Cross Borders. The Guardian. Monday 16 June 2008.
URL: http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/jun/16/terrorism.terrorism/print (accessed: 18.05.2010).

Thus, action against the Sudan was taken in violation of known and widespread diplomatic and legal procedures and was based either on inaccurate information or the information was complete but deliberately not used.

It is obvious that if the evidence of the involvement of terrorists, in particular Al-Qaeda, in the attacks in Tanzania and Kenya were assessed by a competent international court, the latter would surely have recognized their insignificance. Especially because the U.S. approached the collection of evidence to prove the guilt of each of the states with different criteria, and used information obtained with varying degrees of certainty. And, because even if the information is obtained in accordance with the rules of procedure standard for all situations, even then it does not guarantee that the decision to establish guilt will be fair.

The U.S. argument to justify missile strikes was frowned upon by the international community,[511] and the Security Council's assessment of the situation was not given.

Soon, however, the attitude of the world community towards the problem of pre-emptive and preventive action began to change. This can be demonstrated by the following episodes from the practice of the UN Security Council after the events of September 11, 2001.

On September 12, 2001, the UN Security Council unanimously adopted Resolution 1368[512] on terrorist attacks. The resolution seemed rather contradictory, since its preamble recognized the right to individual and collective self-defense, but the text of paragraph 1 of the Resolution defined terrorist attacks as a "threat to international peace and security"; and, as is well known, Article 51 of the UN Charter governs states to self-defense only in the event of an "armed attack".

As L.A. Skotnikov, Russia's permanent representative to the UN office in Geneva and the conference on disarmament, stated: "... the events of 11 September

[511] UN Document A/53/PV.19. C. 31. Performance Minister External Links Sudan Before UN General Assembly. See also: United States Bombing of Pharmaceutical Plant Grave «Act of Terrorism» Sudan's Minister for External Relations Tells General Assembly, UN Press Release, Sept. 29, 1998.
[512] UN Document S/RES/1368.

2001 constituted an armed attack in the sense of Article 51 and the United States had the right to exercise self-defense. The Council has established in such a way that Article 51 may be used in the event of an attack by a non-State entity when the actual attack has ceased, but there is reason to believe that new attacks may follow. (According to the logic derived from this Security Council resolution, The U.S. could have exercised the right to self-defense even before September 11, 2001, if it had known about the impending attack by Al-Qaeda, given previous attacks by Al-Qaeda against U.S. interests. Thus, it was about a series of terrorist attacks that constituted an ongoing campaign. The legitimacy of such self-defense would also be reinforced by Security Council resolutions adopted under Chapter VII of the UN Charter with respect to the Taliban and Al-Qaeda).[513]

In paragraph 5, Resolution 1368 expresses the readiness of the UN Security Council to take all necessary steps to respond to terrorist attacks in accordance with the obligations of the UN Security Council under the UN Charter, i.e. Thus, the UN Security Council has demonstrated its readiness to resolve the situation by means available to it, but at the same time is ready to come to terms with the fact that the states will decide on their own security issues.

The issue of States' appeal to the right to self-defense has also been investigated in the practice of the UN International Court of Justice in the case of Armed Activities in the Congo (Democratic Republic of The Congo v. Uganda)."[514]

This decision demonstrates in depth the approaches of different law schools to the interpretation of the content of the term "self-defense". The Court held that Uganda, by occupying the territory of a neighboring State, had violated the usual

[513] Skotnikov L.A. "The right to self-defense and new security imperatives. Международная жизнь», № 9, сентябрь 2004 г. Приводиться по «Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Статья Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН в Женеве и при Конференции по разоружению, опубликованная в журнале». www.mid.ru, 28-09-2004.
[514] Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) (Judgment) [19 December 2005] ICJ. URL: http://Www.icj-cij.org.

and contractual international law in the field of ius ad bellum, ius in bello, international human rights norms, violated Congo's territorial and resource sovereignty. But the court also considered Uganda's counterarguments, which stated that, firstly, the Congo supported or tolerated the paramilitaries operating against Uganda from Congolese territory, and secondly, the Congolese armed forces attacked the Ugandan Embassy in Kinshasa, damaging the embassy staff and State property. The Court denied Uganda's first request because Uganda had not reported the growing number and scale of attacks on its territory to the UN Security Council and had never made a statement about the need to seek self-defense in response to attacks by Congolese armed forces.[515]

There was no evidence that armed attacks on Uganda had been carried out from Congolese territory by its armed forces or had been carried out in the interests of its Government.[516]

During the court hearings, Congolese officials stated that Uganda had carried out the invasion "not to repel a Sudanese or Congolese attack, but to avoid the risk of such an attack that could occur".[517] From Congo's point of view, Uganda is endorsing the theories of pre-emptive and preventive action, and this "action is intended to radically change the rules of the UN Charter".[518]

Uganda, for its part, rejected the charge of pre-emption and justified the invasion "by the principles of State responsibility and by the duty to prevent the use of national territory by armed gangs carrying out armed actions against neighboring States".[519]

During the hearings, a document of the Supreme Commander of the Ugandan Armed Forces, published for the first time on 11 September 1998, stated that failed States could serve as a basis for action against the territorial integrity of a neighboring State; and that targets the armed forces to "prevent "genocide

[515] Ibid, paragraph 145.
[516] Ibid, paragraph 146.
[517] Ibid, paragraph 32.
[518] Ibid.
[519] Ibid, Paragraph 77.

elements" attacking Ugandan territory from Congolese territory from such actions".[520] The Ugandan Government's desire to protect its legitimate interests in this situation could only be accomplished by "depriving the Sudan of the ability to use Congolese territory" to destabilize Uganda.[521]

It is also interesting that this document "pre-empted" the provisions of the 2002 U.S. National Security Strategy on the right to warning: "... For centuries, international law has recognized that countries do not have to wait until such an attack is carried out in order to take action in legitimate self-defense against forces that pose an immediate threat of attack. International lawyers and lawyers often conditioned the legality of pre-emptive action by the presence of an imminent threat, most often in the form of undisguised mobilization of armies, navies, and air forces in preparation for an attack.

We need to rethink the concept of imminent threat, taking into account the capabilities and objectives of today's adversaries...

The United States has long ruled out the possibility of taking pre-emptive measures to counter a sufficient threat to our national security. The more serious the threat, the greater the risk of inaction - and the greater the reason for taking pre-emptive measures to defend itself, even if there is still uncertainty about the time and place of the enemy's attack. In order to prevent or prevent such hostile actions by our adversaries, the United States will take pre-emptive measures if necessary...".[522]

The statements of the Russian leadership on the possibility of preventive action against terrorist groups on the territory of foreign states, as well as the provisions of the above US national strategy voiced by US President George W. Bush on September 20, 2002, serve as confirmation of the modern commitment of

---

[520] Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) (Judgment) [19 December 2005] ICJ. URL: http://www.icj-cij.org, Paragraph 109.
[521] Ibid, paragraph 109.
[522] National Security Council. The National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: US Government Printing Office, 2002.
URL: http://merln.ndu.edu/whitepapers/USNSS-Russian.pdf. C. 16.

states, firstly, to a broad interpretation of the provisions The UN Charter; and, second, the customary right to self-defense with the preemptive use of force, which existed long before the UN Charter.

In connection with the terrorist attack in Beslan in September 2004, Russian President Vladimir Putin stated that: "... we in Russia need such ... organizing a national security system that can not only stop terrorist attacks and overcome their consequences, but also work to prevent terrorist attacks, sabotage and man-made disasters. Must work ahead and destroy criminals ... in their own lair, and if the situation requires, they will be taken from abroad."[523] Chief of the General Staff of the Russian Armed Forces Yu. Baluevsky[524] and Russian Defense Minister S. Ivanov[525] also made statements that the Russian Armed Forces will take justified preventive measures to protect the sovereignty and territorial integrity and destruction of terrorists in any region of the world.

On the basis of the need to protect the rights and freedoms of a person and a citizen, to prioritize the protection of the rights of persons at risk of terrorism, the implementation of the principle of inevitability of punishment for terrorist acts, the protection of the sovereignty of the Russian Federation, taking into account the universally recognized principles and norms of international law, the international treaties of the Russian Federation in the fight against international terrorism, taking into account the provisions of Article 51 of the UN Charter on the right to individual or collective self-defense and, in accordance with Articles 61, 80, 87 and paragraph "g" of Section 1 of Article 102 of the Russian Constitution, the provisions of the Federal Defense And Counter-Terrorism Laws, the Council of the

---

[523] Speech at an augmented meeting of the Government with the participation of the heads of the subjects of the Russian Federation September 13, 2004, Moscow, Russian Government House. URL: http://www.kremlin.ru/text/appears/2004/09/76651.shtml.

[524] Baluevsky Yu. Report at the annual conference of the Academy of Military Sciences. Published in the Балуевский Ю. Доклад на ежегодной конференции Академии военных наук. Опубликовано в Независимой газете от 21.01.2008.
URL: http://www.ng.ru/editorial/2008-01-21/2_red.html;
URL: http://lenta.ru/russia/2004/09/08/baluevski/_Printed.htm.

[525] URL: http://www.lenta.ru/terror/2004/09/09/ivanov/_Printed.htm.

Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation ruled that the President of the Russian Federation is allowed to "... in accordance with the laws of the Russian Federation, use the formations of the Armed Forces of the Russian Federation and special forces outside the territory of the Russian Federation to prevent international terrorist activities against the Russian Federation or against citizens of the Russian Federation or stateless persons permanently residing in the territory of the Russian Federation."[526]

As the researcher P. Bobitt rightly put the question: "Since we have entered a new century that creates entirely new problems in the laws of warfare, it makes sense to revise some of the most important principles relating to preventive intervention, which are not always clearly defined in public debate. For example, what is the difference between pre-emption, preventive war and war on suppression? And what is the fundamental link between humanitarian intervention, intervention to prevent the development of nuclear weapons and intervention to thwart terrorist plans? ».[527]

Pre-emptive actions of domestic and foreign authors Yuri S. Gorbunov, E.T. Zagainov, V.S. Kotlyar, Y.N. Maleev, E.S. Skakunov, A.A. Svechin, B.R. Tuzmukhamedov, N. A. Ushakov, Y. Dinstein, E. Bunn, A.K. Arend, R. Beck, W.G. Sharp, M. Schmidt, and others define a variety of terms such as "war on suppression" as well as "obstructing," "intercepting," "warning," "anticipate," "preventive," "pre-emptive," "pre-emptive" self-defense. And each such action is set with excellent special content and, accordingly, a legal justification.

For example, Professor Y. Dinstein, rejecting the term "pre-emptive self-defense," suggested the possibility of exercising "interceptive self-defense under

---

[526] Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of July 7, 2006 N 219-SF "On the use of formations of the Armed Forces of the Russian Federation and special forces units outside the territory of the Russian Federation in order to suppress international terrorist activities." Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июля 2006 г. N 29 ст. 3144.

[527] Bobbitt, Philip, see above.

Article 51 of the UN Charter": "Interceptive ... self-defense occurs when it is known that one of the parties has taken an irrevocable decision to attack."[528]

Differing from his proposed term "anticipatory" from his proposed term, he states that the first pre-emptive armed attack, which could hardly have been "foreseen" (or could only be "assumed" about its possibility), and the second ("interceptive") defense can be carried out in the event of an armed attack, which is reliably established to be "close in time" and which is virtually "impossible to avoid".[529]

There is no such distinction in Russian public military policy and, most often, the term "preventive" action is used, which is mistakenly regarded as identical to the term "pre-emptive".

At the same time, some scientists, such as Professor Y.S. Gorbunov, make this distinction: "... in international practice, preemptive pre-emptive is seen as the elimination of an imminent or near threat, and preventive action is seen as eliminating a threat that is not immediate or close, i.e., beyond the looming immediate and obvious threat. Thus, pre-emptive and preventive measures are two separate activities, including their legitimacy."[530]

American researcher R. Art singles out "imminent" attacks against which pre-emptive actions are taken; and "inevitable" attacks against which warnings are imposed, i.e., preventive action.[531]

As we can see, the distinction in the actions of the doctrine is based on the criteria of "immediateness" of the threat. At the same time, this criterion is exceedingly difficult for the use of state authorities and military administration, if it is not related to the objectives of the use of force.[532]

---

[528] Dinstein, Yoram. War, Aggression and Self-Defense, p. 190.
[529] Ibid.
[530] Горбунов, Ю.С. Упреждающие меры в свете современного международного права. С. 97-98.
[531] Art, Robert J. “To What Ends Military Power?” International SecurityVol. 4, No. 4, Spring 1980, pp. 5-6.
[532] Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы. Ч. I, II // Военная мысль. №8-9 2011; Коростелев С.В.

The solution to this problem can be found in the study of the practice of states and political and legal doctrine in the field of the use of force. In our opinion, all acts of the preemptive use of military force by states can be divided into three groups: “pre-emptive actions,” “pre-emption of intentions,” and “pre-pre-emption” (preventive, ie, prophylactic).

Characteristics of pre-emptive actions.

In 1967, Israel launched a preemptive strike against the forces of the Arab states, concentrated on its borders and posing at that moment a significant threat to it - the enemy was superior to it: in personnel - 1.8 times, in tanks - 1.7 times, in artillery - 2.6 times, in combat aircraft - 1.4 times.[533]

It is clear that Israel's actions were justified: there were deployed enemy forces, and other evidence of the inevitability and proximity of the attack. Egypt's very conduct also indicated that it might use chemical weapons against Israel, and which its air force used in 1964-1966 during the intervention in the civil conflict in Yemen.[534]

However, the situation also follows the model of pre-emption of the enemy's intentions, as Israel had information that Egypt was finishing the development of missiles whose range allowed to strike the site where the first Israeli nuclear bomb was being assembled.[535]

In any case, a pre-emptive strike involves a quick resolution of the situation but does not create conditions for resolving the contradictions for a long time; pre-emptive action is carried out only because of the inevitability of the enemy's attack, in order to prevent the enemy from gaining an advantage from striking first.

Упреждающие действия государств с позиций права, морали и политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2011. № 4(10). Часть 1. ISSN 1997-292X.

[533] Ярёменко В. Шестидневный разгром: к 40-летию начала Арабо-израильской войны 1967 г. URL: http://www.polit.ru/analytics/2007/06/05/shestdney.html (accessed: 10. 07.2007).

[534] See: Orkaby, Asher. Syria’s Chemical Weapons Might Start a New Six Day War. The Wall Street Journal. June 4, 2017. URL: https://www.wsj.com/articles/syrias-chemical-weapons-might-start-a-new-six-day-war-1496605055 (accessed: 06.06.2017).

[535] Ibid.

Characteristics of preventive (“pre-pre-emptive”) actions.

As an example, the famous Russian military theorist A.A. Svechin cites the Franco-Prussian war of 1870-71 in which France was defeated. But because she got back on her feet too quickly, and Prussia was not satisfied with the presence of a serious competitor in Europe - her general immediately planned to launch new strikes in the mid-1870s and 1880s in the absence of the threat of attack from France.[536]

As a second example of a call to preventive actions, A.A. Svechin gives the implementation of the so-called Schliffen's Plan, adopted by the German General Staff in 1906, called for the outbreak of war with Russia in 1916.

However, when German intelligence showed that the Russian industry and transport system were developing at an unexpectedly rapid rate, which gave Russia the opportunity to deploy huge, compared to German, mobilization reserves, and transfer them to the theaters of war in a noticeably short time, the German command came to the conclusion that the beginning of the war in the planned time could lead to defeat. And the war was started in 1914.

"The motivation for starting a preventive war is manifested in the perception that someone's military power and capabilities are diminishing relative to those of the developing adversary, and out of fear of the consequences of this decline." Unequal economic or technological development, indicating the possibility of future attacks on conditions favorable to the enemy, may be perceived as an undesirable change in the balance of power.[537]

“Preemptive war, as opposed to preemptive war, begins on the basis of the belief that an armed conflict, even if not imminent, is inevitable, and that any postponement of hostilities puts the contemplating state at a disadvantage. In the 20th century, preventive war was associated with unprovoked aggression. For example, the Nazi occupation of Norway was justified by the fact that if this

[536] Свечин А.А., С. 44.
[537] Levy, Jack S. “Declining Power and the Preventive Motivation for War,” World Politics. Vol. [40], No. 1, October 1987, pp. 82-107, 91.

country is not occupied, then over time Britain will invade it, thereby putting Germany at a disadvantage. The Japanese attack on Pearl Harbor was another famous example of preventive war".[538]

Thus, States' appeal to preventive war is based on the definition of the relative power of States and is carried out at a time when the aggressor State sees fit to avoid the risk of war later under less favorable conditions.

Preventive action is carried out by states against states; and since they do not involve appealing to international conflict resolution institutions, their conduct is always contrary to positive international law. Therefore, in the Russian doctrine of international law, almost always preventive war is declared aggressive, and permitted only in the case of authorization of the UN Security Council: "Preventive use of military force is permissible only collectively within the procedures provided by Chapter VII of the UN Charter, and only after non-violent means have failed."[539]

In turn, we consider it necessary to accept the point of view, which states that at present "... The practice of pre-emptive strikes has come to the fore because the nature of conflicts has changed... In the fight against international terrorism, one cannot defend yourself only by defending yourself."[540] Preventive action is given new content due to changes in the organization of the world community and become an inevitable tool of state military policy. The objective of the preventive use of force is not States now, but elements of terrorist infrastructure that are not formally linked to States.

Moreover, the world is not safe from WMD, which may end up in the hands of terrorists. It is based on this assumption that States are forced to envisage the

---

[538] Bobbitt, Philip, ibid.
[539] Бабакин А., Ямшанов Б., Дымарский В. "Белая книга" министра обороны // Российская газета – Федеральный выпуск №3335 от 31 октября 2003 г.
URL: http://www.rg.ru/2003/10/31/doktrina.html; Тузмухамедов Б. Упреждение силой и современность / Россия в глобальной политике №2, Март-Апрель 2006.
URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5550.html.
[540] Бабакин А., Ямшанов Б., Дымарский В., ibid.

possibility of preventive action, including nuclear, as the last means of protecting their national interests against terrorist infrastructure. This is evident in the doctrines stated by States on the possibility of the first use of nuclear weapons: at present only China has not rescinded its obligation not to use nuclear weapons first.[541]

A significant feature of preventive warfare is its active nature, as opposed to pre-emptive (in fact "intercepting" as defined in the above formulation of Y. Dinstein) actions, which are always relatively retroactive.

In this sense, the aforementioned statement of the Minister of Defense of Russia, when he said that "terrorists have declared war on Russia, and Russia should leave all possibilities to counter terrorist threats", is at odds with both Russian and foreign military doctrines. If war is declared and is being conducted, strikes can no longer be preventive.[542]

Such actions can be called retaliatory or counterstrikes, retaliation operations, etc. This was the focus of Russian President V Putin, who on the anniversary of the terrorist attack on September 11, 2002 issued a statement to the press, which stated to the leadership of the Armed Forces of the Russian Federation "... to report on the possibility and feasibility of strikes against credible intelligence terrorist bases during the pursuit operation."[543]

At the same time, it must be taken into account that in order to avoid the assumption of actions such as those carried out by terrorist organizations in

---

[541] See: Иванов В. Ответы на вызовы “мира растущей жестокости”. Опубликовано в НВО-НГ от 01.02.2008. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2008-02-01/2_cruelty.html.

[542] URL: http://www.lenta.ru/terror/2004/09/09/ivanov/_Printed.htm.

[543] "Russia firmly adheres to its international obligations, respects the sovereignty and integrity of other states, but demands the same attitude towards itself. If the Georgian leadership fails to establish a security zone near the Georgian-Russian border, continues to ignore UN Security Council Resolution 1373 of September 28, 2001, does not put an end to bandit attacks and attacks on neighboring regions of Russia, we reserve the right to act in accordance with Article 51 of the UN Charter, which enshrines for each member state of the UN an inalienable right to individual or self-defense... I ask the General Staff to report proposals on the possibility and feasibility of strikes on credible intelligence terrorist bases during the pursuit operation." URL: http://president.kremlin.ru/withflash/varPriorityPTemplPriorId5748.shtml. (September 11, 2002).

Moscow, Beslan, New York, it is necessary to organize anticipation for many months, or even years in advance.

Such pre-emption, even if it fails to completely eliminate the terrorist threat, could move it from the offensive to the defensive phase - terrorists would be forced to change their plans, redistribute resources; States providing them with support will have to stop it under the threat of sanctions or reprisals.

Preventive warfare may not involve pre-emptive action, which is carried out exclusively against enemy forces. Also, the conduct of preventive war can be aimed at long-term prevention of hostile actions, or intentions. From the latter point of view, preventive war is very close to pre-emptive self-defense against the hostile intentions of the enemy.

During a speech to the UN General Assembly in September 2003, the Secretary-General of the Organization, Kofi A. Annan, announced his intention to convene a high-level panel that would present a common, comprehensive view on contemporary threats to international peace and security, to examine how existing strategies and institutions have shown themselves in dealing with these threats, and to make recommendations to strengthen the UN so that it can provide collective security for all in the 21st century.

This "High-level panel on threats, challenges and changes in dealing with the acquisition, "presumably with hostile intent", of the capability to produce nuclear weapons, referred in its report to preventive actions that, in our view, are more appropriate to refer to "actions to pre-empt the intentions of the enemy" and gave the following response to the question posed by the UN Secretary-General: "Can a State, without addressing the Security Council, be a preventive matter of course. , to invoke in these circumstances the right to take action in advance in self-defense, not only pre-emptive action (with regard to an immediate or near threat) but also preventive action (against a threat that is not immediate or

close)?"[544]

«... If there is a strong case for preventive military action and strong evidence to support them, they must be brought to the attention of the Security Council, which can authorize such action if it deems it necessary. If he does not see fit, by definition, there will be time to use other strategies, including persuasion, negotiation, deterrence, and containment, and then re-examine the option of military action."[545]

It is necessary to note the considerable complexity in the process of implementation of such a procedure: legal logic is at odds with the military. If the issue is presented to the UN Security Council, it will, in fact, contradict the very logic of the use of armed force: through the procedure of legitimizing the use of force in the Security Council will be carried out informing the enemy of the intentions, and this will undoubtedly increase the price of military operation for the state.

Characteristics of pre-emption of intentions.

As a special form of pre-emption, we consider it necessary to highlight actions to pre-empt the enemy's intentions - the destruction of certain elements of the infrastructure of the enemy actor, with the notification of such actions of the world community.

A typical example of this kind of action is the bombing of the Iraqi reactor complex under construction by the Israeli Air Force in 1981. It should also be noted here that the elimination of this threat was of common interest for many States: in 1980, in the early period of the Iran-Iraq war of 1980-1988, Iran’s armed forces had already struck the site.

The question of the legality of such actions was also apparently assessed in the light of the "inevitability" of the expected attack. The reactor was under

[544] A Safer World: Our Shared Responsibility: A Report by the High-Level Group on Threats, Challenges and Change. UN Document A/59/565, paras 186-191.
[545] Ibid.

construction, so it could not be considered as an immediate and inevitable threat.[546]

Moreover, Israel's actions were not a pre-emption of the imminent threat, but nevertheless the reactor was destroyed at the most "convenient" moment of time. Had the strike been struck later, when it had already been loaded with nuclear fuel, its destruction would have caused radioactive contamination of the area.[547] Moreover, Israel's actions may be justified by the fact that Iraq was at war with Iran, in which combat poisons were used on a large scale. In this situation, in the case of Iraq's nuclear weapons, they are likely to be used against both the direct enemy and Israel to involve other parties in the conflict. Nevertheless, the UN Security Council unanimously adopted a resolution condemning Israel's strike on the nuclear reactor complex.[548]

But at the same time, this attack provoked a state-victim attack on the intensification of efforts in the development and production of WMD. And in response to these actions to prevent the development of a number of scientific programs[549] in 1993, 1996, 1998 and 2001, similar strikes were carried out against a number of Iraqi facilities already by U.S. armed forces.[550]

Also, on September 6, 2007, Israel carried out an airstrike on a Syrian nuclear facility[551] located on the territory of the agricultural research center. Earlier, the North Korean vessel delivered a cargo declared as "cement", but in fact, according to intelligence, was a nuclear device, and was moved to the center. Specialists from North Korea were also found there.

---

[546] See: Brown, Cris, ibid.
[547] Betts, Richard K. The Osirak Fallacy. The National Interest: Spring 2006, Posted On: 3/17/2006. URL: http://www.ciao.ezproxy6.ndu.Edu/olj/Ni/Ni_Sp06/Ni_Sp06c.Html (accessed: 19.07.2009).
[548] UN Document S/RES/487.
[549] Jules Lobel and Michel Ratner, “Bypassing the Security Council: Ambiguous Authorizations to Use Force, Cease-Fires and the Iraqi Inspection Regime,” American Journal of International Law. Vol. 93, No. 1, January 1999, pp. 124-154.
[550] UN Document A/56/PV.52, Pg. 24.
[551] Israelis ‘blew apart Syrian nuclear cache’: Secret raid on Korean shipment. The Sunday Times. 17 September 2007. URL:
URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/middle_east/article2461421.ece (accessed: 19.07.2009).

The international community does not explicitly recognize the validity of such a doctrine of "prevention of intent".[552] Moreover, it was the United States, which addressed it most often, and it was opposed, if it did not correspond to their interests. In 1981, the UN Security Council unanimously adopted a resolution condemning Israel's strike on the nuclear reactor complex.[553]

Also, most speakers at this meeting of the UN Security Council at all rejected the possibility of any right to prevent self-defense, as the negative consequences of addressing the doctrine of "prevention of intentions" may outweigh the benefits. In addition, the effectiveness of its use to counter terrorist threats has not yet been proven.

In its 2002 national security strategy, the United States for the first time stated its intention to "identify and eliminate threats to the point where they approach borders" and "exercise its right to self-defense through pre-emptive action."[554] By implementing the provisions of its doctrine in Iraq, it was rightly noted that the United States "does not create for other States the customary right of pre-emptive strike" because such a rule should have the properties of community and universality. But at the same time, the declaration of such a doctrine of prevention as a public element of public policy has undoubtedly become an appropriate step for legitimizing the use of military force.

This is the difference between actions to destroy elements of military or terrorist infrastructure from actions to destroy deployed enemy formations. Pre-emptive strikes are always seen by the leadership of States as a means of using force, but they are also always accompanied by cover-up activities, since the enemy should not be prepared to repel them.

That is, pre-emption of the intentions of the alleged enemy to create WMD and its means of delivery is carried out by the state with the notification of the

---

[552] See: Travalio, Greg, Altenburg, John. Terrorism, state responsibility, and the use of military force. Chicago Journal of International Law. Chicago: Spring 2003. Vol. 4, Issue 1; P. 97.
[553] UN Document S/RES/487.
[554] See: “Analysts: New Strategy Courts Unseen Dangers; First Strike Could Be Precedent for Other Nations,” Washington Post, September 22, 2002, final edition, p. A01.

world community about their goals. Such actions are also sometimes defined as "strategic pre-emption."[555]

The world has previously been given statements of the need for the forceful disarmament of Iraq in connection with the existence of the latest biological warfare program; there were also allegations that Iraq had been separated from nuclear weapons for two to five years.[556]

Thus, these circumstances did not indicate the inevitability of a close attack on the United States and its allies in the Middle East; also, the U.S. actions were not pre-emptive, as the enemy was warned of an imminent attack on it. Consequently, in the absence of evidence of an imminent threat, pre-emptive action cannot be said to be lawful. The invasion of Iraq in this case is much better than a preventive war, a war launched to prevent the enemy from being able to strike the United States using WMD on terms that could change the balance of power in Iraq's favor.

The 2003 invasion of Iraq was most likely carried out in accordance with the statements of the U.S. leadership that Iraq, Iran, and North Korea constituted the greatest threat to international security, made long before 9/11.

But, these same actions, already being called "pre-emptive", for example, in one of the statements of C. Rice, contradict the content of these same declarations, which stated that there was no immediate threat, and therefore the United States did not have to act against them immediately.[557]

The U.S. administration made no distinction between the terrorists and the states that provide them with shelter in their statements. In this sense, the "Bush Doctrine" is extremely broad. The State could have served as a safe haven for a significant number of terrorists, as was the case in Afghanistan, armed with small

---

[555] See.: Rivkiv, David B. Jr. The Virtues of Preemptive Deterrence. Harvard Journal of Law and Public Policy; Fall 2005; 29, 1; Research Library, pg.85.

[556] “Six Degrees of Preemption,” Washington Post, September 29, 2002, final edition, p. B2.

[557] See: Rice, Condoleezza. “Campaign 2000: Promoting the National Interest,” Foreign Affairs. Vol. 79, No. 1, January/February 2000, pp. 45-62. This article does not mention the inevitability of a close attack by the United States.

arms; or, on the contrary, for a small number, but having at their disposal WMD. The state can provide terrorist groups with trainers, equipment, and intelligence. At the same time, disagreeing with the presence of terrorists within its jurisdiction, the target State may not have the resources sufficient to remove them from its territory.

A similar legal justification for the "pre-emption of intentions" was carried out by the United States in 1962 in response to the Soviet Union's deployment of offensive nuclear weapons in Cuba. In response, the U.S. leadership declared a "quarantine" for the island, which was inherently an overly broad interpretation of international and international maritime law. "Quarantine" actions were declared by the United States as an act of self-defense, in fact, neither the USSR nor Cuba attacked the United States, nor did there be any imminent threat of a missile attack after the expiration of the deployment of Soviet missiles.

The U.S. leadership pre-empted a rather indistinct and not immediate threat, because in the foreseeable future the deployment of missiles did not change the strategic balance between the states in favor of the USSR. These actions, as in the later situation with Iraq, which was not in the near future able to develop a nuclear WMD and its means of delivering over long distances, in terms of the classical doctrine of pre-emption, were hasty.

These examples show that the "preventive" and "pre-emptive intention" actions of the State are addressed in the absence of evidence of an imminent and time-present attack. Their goal is to create a safe state of international relations, but not to eliminate the immediate and imminent military threat.

In contrast to the case of preemptive action, when the burden of proving the necessity of resorting to force is placed on the party using force (relying on the so-called "Bush Doctrine") declared in the 2002 US National Security Strategy, the burden of proving the illegality of proactive action is imposed by the state - Aggressor on the victim state of the attack.

It is such a state, in the opinion of the US leadership, that it is obliged to prove that it: first, did not prepare for war; secondly, it lacks WMD; third, it does not violate the nonproliferation regime; fourthly, it does not provide its territory for

terrorist organizations, etc.

As reported in the media, a secret annex to the U.S. National WMD Countermeasures Strategy was adopted, which allows the use of pre-emptive force against states and terrorist groups that are close to possessing WMD, or long-range WMD delivery facilities.[558]

And as already shown above, the main feature that distinguishes preventive actions from preemptive actions is that the former are carried out against states, and the latter are a specific military means for conducting decisive strikes against formations of enemy forces. While preemption has a more tactical nature of response to an imminent threat, prevention is, in fact, a strategic response to the development of a threat in the future.

At the same time, it should be noted that the ability of states to take preemptive action against a threat does not have to become a universally accepted doctrine of "prevention of intentions", as this may do them a disservice: it may start a pre-emptive race rather than arms race. Each state will probably strive to have sufficient reconnaissance and strike capabilities so as not to be preempted.

Limiting the influence of the provisions of the UN Charter on the inalienable right of nations to implement pre-emptive self-defense under customary law will be the reason for discussions for diplomats and international lawyers for a long time, as changes in the infrastructure of the world economy, the development of technology change the very content of the methods of warfare, cause the emergence of new objects of use of force.

The current practice of States applying article 51 of the UN Charter on the inalienable right to self-defense demonstrates that pre-emptive action on defense may be considered legitimate, or at least will not alienate the international community if:

---

[558] Alien, M., Gellman, B. Preemptive Strikes Part of U.S. Strategic Doctrine; 'All Options' Open for Countering Unconventional Amis, Wash. Post Al (Dec 11, 2002). For the full national security strategy to counter weapons of mass destruction, see: URL: http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/WMDStrategy.pdf (accessed: 19.02.2003).

- the victim State was forced to act immediately, while using considerable resources to defend against an imminent attack, and had no other means of preventing such an attack other than force;

- the State can prove that it is acting proportionately to the threat;

- the world community is presented with evidence that the potential aggressor has indeed decided to carry out an attack.

As Professor B. Tuzmukhamedov noted about the reaction of the Russian leadership to the situation in South Ossetia and Abkhazia in August 2008: "International law knows the state of necessity, being in which, the state can justify its actions, which would otherwise be considered illegal. At the same time, the state thus justifying its actions, as the International Court of Justice once pointed out, is obliged to "comply with a number of strictly defined conditions in their totality; and the State concerned cannot be the only judge who has the right to decide whether these conditions are met.

If Russia resorts to this argument, it needs to convincingly show that it had no choice but to strike decisively... that it acted proportionately to the cause of itself, its citizens and property, damage and, ... depriving the other side of the opportunity to resist ... did not cause excessive and unjustified damage."[559]

Since the UN Security Council will obviously continue to be unable to respond effectively to new types of threats in each case, States are reviewing the content of the right to self-defense on their own in accordance with evolving technologies of armed struggle. It will be necessary to determine the extent to which pre-emptive measures against new types of threats can be attributed to legitimate "self-defense".

The parameters of "attacks" discussed during the discussions at the UN Security Council and during the UN ICJ hearings are insufficient because they are used as a basis for analyzing the type of threat that was investigated during the

[559] Тузмухамедов Б. От политических деклараций – к правовым доводам: В споре с Грузией возрастает значение юридических аргументов // Независимая газета. URL: http://www.pankisi.info/media/?page=ru&id=14187 (accessed: 19.09.2011).

drafting of the UN Charter. On the other hand, the broadening of the interpretation of the right to self-defense should not go so far as to risk a return to the anarchic nature of the world organization that existed when modern legal principles for the coexistence of the system of States were just being formed.

Ideally, an agreed broad interpretation of the right to self-defense within the framework of codified international law is undoubtedly preferable to its extra-legal and unilateral interpretation, which may be consolidated later, in the process of clarifying the content of the customary rule, but at the moment will be regarded as international actors as illegitimate.

The history of discussion of acts of force in international relations demonstrates that States have never denied the possibility of circumventing the procedures of the UN Charter, and of unilaterally striking them. This is the real model of the legal organization of the security of the world community, and its inefficiency inevitably leads to an increase in the number of States wishing to acquire the means and means of deterring likely violators of their sovereign rights.

The conclusion is clear: the practice of States to carry out pre-emptive action on defense must be recognized. Therefore, in our opinion, it is hardly possible to agree with the opinion of Professor V.S. Kotlyar that: "... after the adoption of the UN Charter, with its principle of non-use of force, there is no basis in international law for either pre-emptive or preventive or pre-emptive self-defense, especially since the notion of "pre-emptive strike" is generally artificially transferred by some Western jurists to international law from the tactical arsenal and terminology of the war period, which opens a wide field for the abuse of force."[560]

For now, we can only see that, through the practice of States, the right to self-defense is complemented by a recognized world community pre-emptive component, which includes a number of criteria cited by W. Hoyer:

---

[560] Котляр, В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. С. 368.

1) the threat is directed against territorial integrity or sovereignty, not only against the "interests" of the defender, which he defines himself;

2) the threat is obvious and immediate;

3) pre-emptive defense must be highly likely to actually eliminate the threat and be proportionate;

4) all non-military capabilities to eliminate the threat must be exhausted in advance, preventive military defence remains a "last resort";

5) the right to pre-emptive defence against such a threat only applies then, only to the extent and only until the Security Council has taken its own measures; it should be informed in advance of planned self-defense measures;

(6) a State that reflects the threat by citing this new right to pre-emptive self-defense must, after an act of self-defense, prove the existence of these five criteria before the Security Council or the UN General Assembly.[561]

The above criteria for assessing the legality of pre-emptive action, proposed in the correspondence of the U.S.-British foreign relations authorities on the *Caroline* incident, have repeatedly shown their applicability in the era of nuclear warfare during the Cold War.

Only credible facts about the beginning of a nuclear attack could provide evidence of an imminent attack that required an urgent response. The essence of these criteria was precisely that they required an assessment of very specific factors, and only their joint accounting could indicate the "inevitability" of an attack, and thus serve as a pretext for resorting to self-defense.

Although the word "imminent" was not directly used in the discussions on the *Caroline incident*, the term was later used to refer to what was described as a requirement that the threat be "is instant, overwhelming, and leaving no choice of

[561] Hoyer Werner. Reform international law to preserve it. International Politics Journal, 2003, No. 6. URL: http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2004-01/article08_p.html (accessed: 19.06.2006).

means, and no moment for deliberation."[562]

For States that do not have significant military power and considerable territory, the inevitability may be the concentration of ground forces on its borders, indicating an attack in the coming days; and for nuclear powers, the criterion for the inevitability of a nuclear attack may be to establish that a ballistic missile launch has been carried out by the opposing party without warning. Is any further anti-Israeli statement by the Iranian leadership sufficient reason to unleash war, a testament to the inevitability of an attack, or is this statement simply a political ritual?

The International Court of Justice, in its 1996 Advisory opinion[563] on the legality of the threat or use of nuclear weapons, ruled that the threat or use of force, contrary to Article 2 p. 4 and which did not meet all the requirements of Article 51 of the UN Charter, was illegal. In this case, the statement, for example, of Iranian President M. Ahmadinejad at the conference "World without Zionism: "As Imam Khomeini told us, the Zionist regime must be erased from the map of the world, and with the help of divine power soon the world will live without the United States and Israel."[564]

This statement, which is compared with active actions indicating Iran's commitment to the continuation of the nuclear program that enables that State to obtain the means of mass destruction, undoubtedly poses a significant threat and can morally justify Israel's use of pre-emptive measures, especially since the International Court of Justice. cannot draw a definitive conclusion as to whether the threat of nuclear weapons or their use will be legitimate or illegal in an emergency of self-defense, where the very existence of a State is at risk."[565]

---

[562] In the original correspondence on the Caroline incident the term "inevitable" - not “imminent’ was used. See. above: Letter from Daniel Webster to Lord Ashburton.
[563] UN Document A/51/218, para. 100 (C).
[564] See: Rivkin, David B., Casey, Lee Hey. The legal side of the Iranian issue. ww.zip.org.ua, 2006-6-10.
[565] UN Document A/51/218, para. 100 (E).

The statement was made in a situation where Israel did not carry out aggression against Iran, therefore, Iran did not have the right to self-defense. Moreover, the comparison of the resource capabilities of Iran and Israel clearly shows not in favor of Israel - a much smaller territory, incomparably smaller population indicate that, provided the use of WMD, Israel cannot pose a threat to Iran's territorial integrity and political independence.

It is worth remembering that until recently there were accusations of the USSR in conducting an aggressive policy, and the state was called the "Evil Empire". Did the USSR have the right to use force in response to offensive rhetoric in an environment when the state was surrounded by military bases of the enemy, clearly superior to it in military capabilities?

For a long time, the official position of the Soviet Union, and then Russia on the use of force had a "restrictive" focus - from the high tribunes of the UN made statements of commitment to strict adherence to the norms of the UN Charter. Although in reality the policy was quite active, offensive.

For example, the entry of Soviet troops into Czechoslovakia in 1968 may also be regarded as an act of pre-emptive or preventive self-defense - "preventing the rollback of brotherly people into the camp of capitalism": "... Recently, there have been some trends in the foreign policy of Czechoslovakia, especially in The Affairs of Europe, which cause serious concerns. The facts of unacceptable attitude to the obligations of Czechoslovakia arising from the Warsaw Pact draw attention to themselves. An atmosphere was created that was totally unacceptable for the socialist countries.

In this situation, it was necessary to act, and to act with determination, decisively, without wasting time. That is why the Soviet Union and other socialist states have decided to grant the request of the party statesmen of the Czechoslovak

to provide the brotherly Czechoslovak people with urgent assistance, including assistance from the armed forces."[566]

The criteria of the above-mentioned incident have fully justified the use of force in such situations, and the discussions at the UN Security Council have shown mainly support for this position of states.

The answer is also clear: these criteria can be used by states in legitimizing the use of force in response to a terrorist threat: the criteria for the *Caroline* Incident appeared when the threat to Canada came from the territory of the United States, and it was represented by formally non-government-affiliated armed groups.

As B. Tuzmukhamedov noted: "More and more influential states are claiming to use force not only in response to the attack, but also to prevent an attack, which seems inevitable to them, and even to eliminate the conditions under which such a threat could materialize, there may be preconditions for the concept of the formation of a new normal, i.e., not enshrined in a formal code of conduct in international law."[567]

The method of justifying the use of force in interstate relations is most clearly demonstrated in the works of the American scientist W.G. Sharp.

The essence of the method of justifying the use of force is to highlight the extreme states of a process (i.e., creating a "scale of measurement of estimates by individual criteria") and setting regulatory thresholds within the thus limited range of interstate relations to be regulated. W.G. Sharp identifies two extreme states[568]

---

[566] Cit. by: «Публикация в газете Правда. 22 августа 1968 г.».
URL: http://www.svoboda.org/content/transcript/24203533.html (accessed: 29.11.2015); Мусатов, В. О "Пражской весне" 1968 г.
URL: http://www.pseudology.org/chtivo/Prazhskaya_vesna1968.htm (accessed: 29.11.2015).

[567] Тузмухамедов, Б. Право на силу: Международное право эволюционирует в том, что касается вооружённой борьбы //Гуляй-поле | Российско-Украинское обозрение. 3 July 2007. URL: http://www.politia.ru/concept/204.html?mode=print (accessed: 19.10.2009).

[568] Within this spectrum, forms of appeal to force may be expressed, for example, in statements by State officials, in doctrines, broadcasting to enemy territory, implementing economic measures, sending military advisers, providing support to opposition forces, carrying out blockades, implementing limited military measures, and full-scale military action.

in the full spectrum of interstate relations (the most convenient view of the spectrum proposed in J. Nye's study, see Figure 2[569]) - legally uncertain statuses of war and peace (see Figure 3[570]).

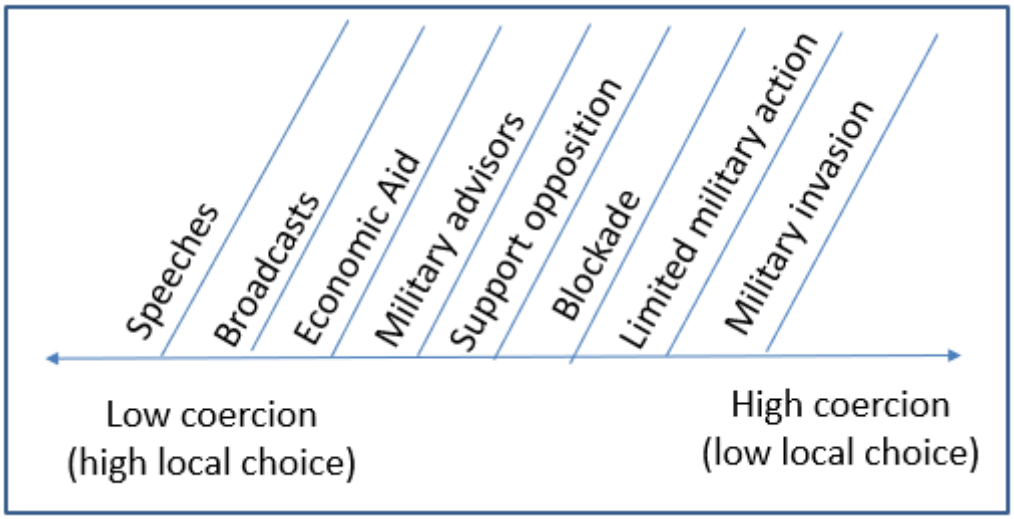
The U.G. Sharp method highlights the following thresholds for legal analysis set by the UN Charter:

— armed Attack (Article 51 of the Charter);

— threat of the use of force (Article 2 para. 4 of the Charter);

— thunderstorm to the world (Article 39 of the Charter).

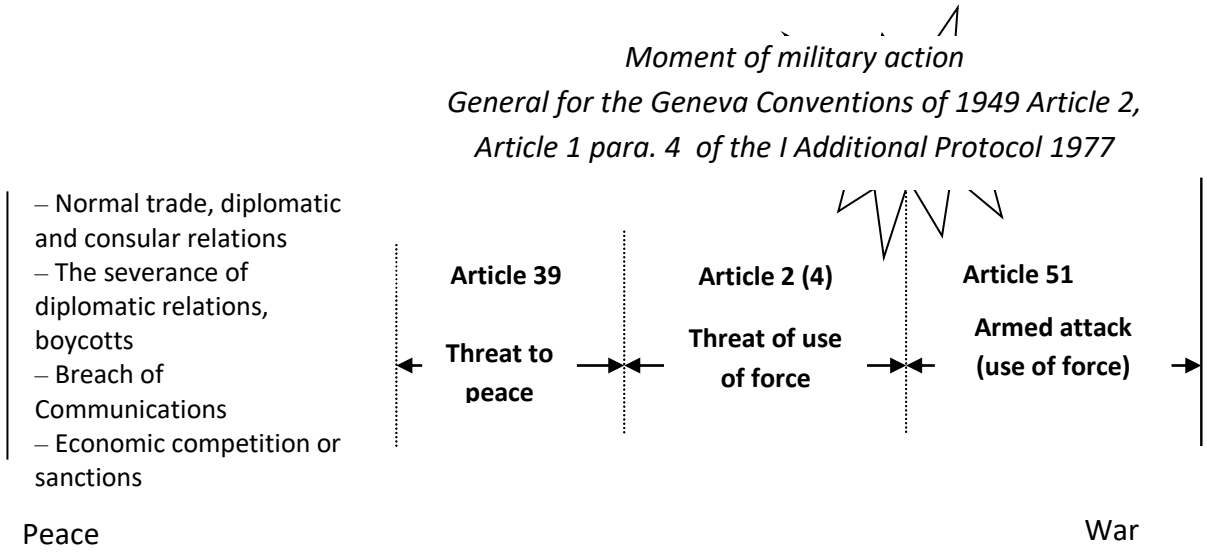
Figure 2



[569] Nye, Joseph S., Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000. P. 149.

[570] Sharp, W.G. Ius Paciarii: Emergent Legal Paradigms for U.N. Peace Operations in the 21St Century. Paciarii International, LLC, 1999. 392 p.

Figure 3



Further, W.G. Sharp proposes to find in positive and customary law, the general principles of international law, the practice of courts and legally significant actions of States, thresholds that would give States and other actors of international communication grounds for statements about the just nature of the use of force. A critical element to the proposed analysis scheme is the definition of the event of the outbreak of hostilities.

Article 2, common to all four Geneva Conventions on the Protection of Victims of Armed Conflict, is a contractual source of international law that gives any basis for the beginning of an analysis of the political and legal justification for the use of force:

"In addition to the rulings that should come into force in peacetime, this Convention will apply in the event of *a declared war* or *any* other *armed conflict* that arises between two or more High Contracting Parties, even if one of them does not recognize the state of war.

The Convention will also apply *in all cases of occupation of* the entire or part of the territory of the High Contracting Party, even if the occupation does not meet any armed resistance..."[571]

Article 1 para. 4 of the 1977 I Additional Protocol to the Geneva Conventions of 12 August 1949 on the protection of war victims (the I AP 1977), expands the list of situations involving armed conflicts, "... where peoples are *fighting against colonial rule and foreign occupation and* against racist regimes in exercising their right *to self-determination* enshrined in the Charter of the United Nations and in the Declaration on the Principles of International Law on friendly relations and cooperation among States under the Charter of the United Nations."[572]

Article 1 para. 1 of the II Additional Protocol 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949, on the protection of victims of non-international armed conflicts (the II AP 1977), complements the list of thresholds of conflict between the Armed Forces of the State and the anti-government armed forces or other organized armed groups, under responsible command, exercise such control over a part of its territory that allows them to carry out continuous and concerted military action and apply international law.[573]

---

[571] Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Вместе с «Проектом соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным») (Заключена в г. Женеве 12.08.1949). Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М., 1990. С. 512–569.

[572] Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (Вместе с «Правилами, касающимися опознавания», «Удостоверением журналиста, находящимся в опасной командировке») (Подписан в г. Женеве 08.06.1977). Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134–182.

[573] Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов. Женева, 8 июня 1977 года. URL: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm (accessed: 15.02.2016).

The beginning of armed conflict in international law is only linked *to the beginning* of human suffering, and therefore the emergence of the obligation of States to apply IHL.

That is, the moment of the beginning of the armed conflict can be established only from a State's international obligations: the Geneva Conventions of 1949 and the 1977 CDP, which establish a line of division between peace and armed conflict, determining the moment when an armed conflict commences, and the law of armed conflict initiates to apply. This threshold is in a certain relationship with the threshold of an armed attack established by Article 51 of the UN Charter.

Therefore, understanding the essence of thresholds set in IHL documents helps to determine what constitutes the use of force and what constitutes an armed attack for ius ad bellum.

The terms "war" and "armed conflict" are often used in tantamount to defining the state of armed struggle that gives rise to the application of IHL norms, with "war" refers to the state of de jure of hostilities that arises after the formal declaration of war by one of the parties, resulting in the military conflict being assessed in terms of the right of international responsibility for unleashing and waging an aggressive war by one of the parties to the conflict. Conversely, the term "any other armed conflict" refers to the state of de facto warfare resulting from the use of force by one of the parties without formally declaring war (such as Iraq's invasion of Kuwait on 2 August 1990, or the bombing of Yugoslavia by NATO forces in the spring of 1999, the entry of Russian troops into South Ossetia in August 2008).

Thus, the establishment of a "different armed conflict" is a fact-based subjective definition founded on the existence of an event of the use of force between two States. The question remains: "Can there be a state of war between the state and non-state entity, a terrorist organization, as, for example, for the first time in history, in the case of the war declared by the President of the United States in the autumn of 2001 to terrorism?"

The Commentary on the IV Geneva Convention, published by the International Committee of the Red Cross, describes the threshold for de facto warfare established by the common Article 2 as: "Any contradiction in the relationship between States leading to the invasion of armed forces is an armed conflict within the meaning of Article 2, common to the Geneva Conventions of 1949, even if one of the parties denies the existence of a state of war. The duration of the conflict or the scale of the bloodshed does not matter."[574]

The three criteria established by this commentary should be accepted, which complement the structure of factual analysis of the existence of de facto warfare: de facto military action exists and, accordingly, ius in bello is applied, when any use of force, regardless of scale, duration, or intensity, takes place between persons from the armed forces of the two States.

The international community always subjectively assesses the use of force by any independent State, and always determines whether such use of force constitutes an armed attack by assessing its scope, duration, and intensity.

Consequently, de facto hostilities exist between two states when the scale, duration and intensity of force used in their relationship reaches the level of armed attack, as defined by Article 51 of the UN Charter. This comparison does not add clarity to the scale, intensity, and duration of the use of force to exceed the threshold set by Article 2 of the 1949 Geneva Conventions.

In practice, the application of the above criterion requires taking into account all the circumstances surrounding the use of force. As noted earlier, terrorists do not operate outside the system of independent States, they can exist only using elements of national infrastructure, territory. And the terrorist safe haven state is only indirectly involved in the attack. It is obvious that a terrorist group that acts against state institutions, the population, the territory of any state becomes a party to the conflict.

---

[574] Pictet, Jean S. Commentary on the Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. PP. 17-21.

Consequently, a terrorist act is an armed attack on the state. But the normative assessment of the fact of being in a state of armed conflict applies only to one side - the victim state of the attack.

Consequently, modern international law also imposes the application of IHL norms only to this side of the conflict, at least by virtue of the principle of pacta sunt servanda.

However, do these actions give rise to the right of the victim of an attack on permissible self-defense under Article 51 of the UN Charter and customary law, if the actions of terrorists do not constitute a continuation of the policy of any state, since the UN Charter rules govern only the relationship of states?

Thus, in the absence of a de facto declaration of war, the State becomes a party to an armed conflict from the time when it is involved in the use of force in relations with another state of this magnitude, duration, and intensity, which reaches the level of armed attack defined by Article 51 of the UN Charter.

What constitutes the use of force in the scale, duration and intensity that constitute an armed attack and entail the application of the law of armed conflict is a matter of fact that is subject to subjective evaluation on a case-by-case basis in the context of all applicable law and existing circumstances. Thus, it can be argued that de facto hostilities (armed assault) exist and, accordingly, ius in bello is used, when any use of force, regardless of scale, duration, or intensity, takes place in respect of sovereignty not only by persons within the armed forces of any State, but also by persons belonging to any other organized formation to which the State is implicated.

There are quite a few problems in determining the state of "armed attack" in countering the terrorist threat. In order to justify the state's forceful response, the consequences of a terrorist act or acts in substance must be comparable to the consequences of an open armed attack. The "threshold of an armed attack" is determined by three interconnected factors: the location of a terrorist act; the duration of a terrorist act; and the severity of the consequences that are in the state.

The site of a terrorist act may be the territory of the affected State, international territories, and territories with a mixed legal regime. Although scientists do not single out this factor in general, we believe that it is a very critical parameter for establishing the "threshold of an armed attack". In view of the fact that a terrorist act within the State violates its "territorial integrity", it is natural that this act causes much more damage to the State than an act committed outside its territory.

The second factor to be assessed is the duration of terrorist acts. A terrorist act can be unrelated to others or be part of a sequence of actions. The latter, regardless of gravity and location, is much closer in level to an armed attack, as it continues to cause damage to the State.

The severity of the damage to the State depends on the diversity of such acts. At one end of a wide range of such acts, there may be those that cause little damage to the State, such as the temporary retention of individual citizens; destruction of private property of citizens, or insignificant destruction of government property. Even the murder of a sole national can be regarded as an act causing minor harm to the State - the gravity of the consequences of such an act is assessed in the context of the impact on the State.

At the other end of the spectrum are acts that cause significant damage to the State, undermining the foundations of its sovereignty. These may include the killing of a public official, the destruction of any important infrastructure, or the killing of a large group of persons because they are citizens of that State. In the case of an attack on a significant number of Citizens of the State only because of their nationality, the attack should be considered an attack on the very embodiment of State sovereignty and be regarded as causing significant damage to the State.

In assessing whether the "threshold of an armed attack" has been exceeded, parameters such as the location of the act, its duration, and the severity of the consequences should be assessed simultaneously. Because each of these factors is fickle, the assessment of whether there has been an "armed attack" will be the same variable.

For example, an attack of a certain degree of severity occurred outside the territory of the State, which cannot be equated with an "armed attack", while an attack with consequences of equal magnitude, but which occurred on state territory, may be considered as such.

In view of the fact that the act of use of force within the borders of the State clearly violates the "territorial integrity" of the State, it may be understandable to argue that the standard of "gravity of the consequences" of a terrorist act should be reduced in comparison with a terrorist act that took place outside the limits of State territory.

Similarly, a separate act that caused significant damage to the State may be so substantial as to be attributed to an armed attack, while actions that cause less damage can be considered an armed attack if they are part of an ongoing terrorist act.

On the assumption that a terrorist attack is an armed attack under article 51 of the UN Charter, an assessment should be made of whether the measures taken meet the customary legal requirements of necessity, proportionality, and whether the victim States of the attack have no other choice of means of protection and/or time to choose them.

Since the results of the use of economic and political pressures pose the least threat to the common values of mankind in public opinion, the rules of use of force should be based on the following position: the use of non-military (i.e., non-coercive ones) economic and political) measures are always preferable. That is, based on the separation of consequences, all coercive measures can be singled out into two groups - based on armed coercion, and others that infringe on the less significant values of humanity.

Thus, the scheme of analysis of the legal conditions of the use of force is as follows: close to the threshold of the "peace" are the events of international life, such as normal trade, diplomatic and consular relations, and their break; boycotts, cessation of communications, economic competition or sanctions.

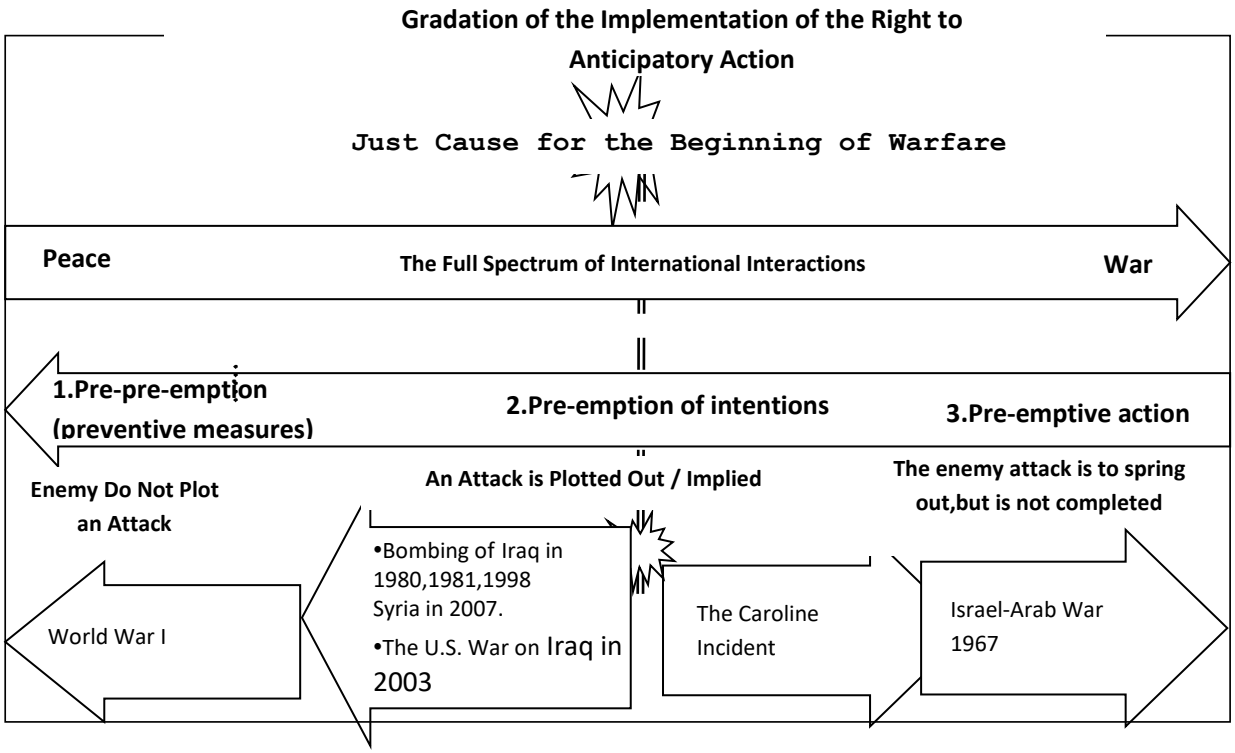
Then, with the increase in tensions in inter-State relations, it is possible to create states that are defined by the international community as a "threat to peace," "threat of the use of force," "armed attack." These states are approaching the threshold of the spectrum of international relations "war." Also, there is such a state of relations, legally strictly not defined, which states can define for themselves as a just condition for the treatment of armed violence (the moment of military action).

The State, in accordance with its national interests and established relative national power of its rivals, defines any action of the enemy as exceeding the dangerous content of the thresholds of "threat to peace", "threat of use of force", "armed attack" after which it has an "inalienable right" to self-defense. After that, a decision on the use of force is made, military actions begin, and the UN Security Council is informed. And it is in this system of rules that the state's conduct is qualified in accordance with international law.

Thus, the purpose of the method of justifying the use of force is to establish the nature of international responsibility for actions that, in a given period of time, pose a significant threat to the most significant common interests of both the entire international community, on behalf of which the UN Security Council and individual states are speaking. In a sense, in the pragmatic process of interpreting and applying the norms of the UN Charter, the interests of states are consonant, the content of international law is clarified, and conflicts and existing gaps are eliminated.

Figure 4 proposes three degrees of pre-emptive action in the full spectrum of international relations between the states of peace and war within the framework of the previously outlined methodology of W.G. Sharp: preventive actions, pre-emption of intentions, actual pre-emptive action.

Figure 4.



The ambiguity of the articles of the UN Charter and the changing nature of threats to international law and order demonstrate the existence of a grey zone in the legal regulation of the use of force in international relations. This zone clearly demonstrates the discrepancy between the "perfect" provisions of the UN Charter and the practice of its application, i.e., "legitimate" and "unlawful" appeal to force. (see Annex 7, p. 369).

Pre-emptive and preventive actions, stated in public statements by politicians in similar terms of international law but differing in object, appear to be within the scope of international law, which requires particularly subtle interpretation and application in the course of national interest protection.

Table 1 proposes in a generalized form the gradation of pre-emptive action with the juxtaposition of objects of use of force and the corresponding legal justification for the actions of States.

Table 1.

	Objective of the use of force	Legitimation
Pre-emption actions	The armed forces of the state, all elements of the military infrastructure, members of armed groups of "non-state actors"	Immediate response to the imminent threat followed by the UN Security Council. The legal justification is in the usual practice of states and Article 51 of the UN Charter. Military means are used. Untried practice.
Pre-emption of Intentions actions	Certain elements of the state's infrastructure, as well as "non-State" actors, pose a threat to the common interests of the international community: possible means of production, delivery of WMD; terrorist organizations, etc.	The international community is alerted to the intention to use force against the state. The act of use of force is preceded by a discussion in the UN Security Council: a state of threat to peace can be determined. UN Security Council resolutions may be at the heart of the legal justification. Diplomatic means are used to peacefully resolve the conflict, and only then military means. Untried/condemned practice.
Preventive actions	The state as a whole, its separate institutions.	The international community is not informed of the real motives for the use of force. Diplomatic means are used to delegitimate the enemy, not to find a peaceful solution to the conflict. Convicted practice.

The use of mechanisms of preemption of an attack is an integral part of the national security system since the war against terror is impossible without the active use of the controversial preemption doctrine.

The implementation of the rule strategy inevitably leads to the use of preventive action as the most convenient tool for preventing the emergence of an equal rival, and, consequently, ensures the "maintenance" of a state of peace that is "unfair" from the point of view of other participants in international relations.

Following the strategy of non-isolationism least assumes that the state can resort to preventive actions, as it will cause discontent of other international actors, which, in turn, will lead to a corresponding increase in the risks of use against the state WMD.

The implementation of the electoral participation strategy obviously cannot use preventive action against an adversary with equal military capabilities. Such a

pattern of conduct can be applied exclusively against States that do not have significant military resources to meet the challenges of preventing WMD from falling into the hands of failed States if its vital interests are at risk.

Implementation of the collective security strategy mandated by Chapter VIII of the UN Charter ("Regional Agreements") cannot use preventive action, except for those that may be prescribed by the UN Security Council, for example, the so-called "preventive deployment" of peacekeeping groups.

The implementation of the cooperative security strategy, implemented through the creation of multinational ad hoc coalitions to defeat the aggressor ("new challenge - new partners - new agreements"), can use preventive action against States that pose a threat to international or regional peace and security. Preventing States' efforts should focus on preventing unstable States from accumulating the means to carry out WMD aggression.

The legal component of the doctrine of pre-emptive self-defense also contributes to the complexity of the mechanism and pre-emption.

The formulas used, such as: "under the pre-emptive use of military force should be understood to counteract an imminent and obvious threat, and under preventive - the impact on its potential and projected sources", "the presence of an immediate and serious danger, threatening the vital interests of the state, leaving no choice of other means and time for reflection", "minimum intrusion into the scope of the principle of territorial inviolability", "the object of protection is human rights":[575] this basis is solely the use of force against certain objects, and legal relationships resulting from that.

[575] See, for example: Мищенко В. А. Международно-правовые аспекты принятия упреждающих индивидуальных внешних вооруженных акций государствами: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. - М., 2007; Гольцов С. Д. Международно-правовые вопросы применения вооруженной силы государствами в порядке индивидуальной самопомощи: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. - М., 2005; Пашина А. Д. Применение силы в международном праве: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. - Казань,2008;

It is clear that the development of WMD and the possibility of acquiring it by failed States and terrorist communities have led to the corresponding need to develop means of countering the threat.

At what point, for example, does the United States use its forces to address the Global Strike challenge to eliminate the "inevitable" threat "within half a day or less" based on the current[576] CONPLAN 8022-02?

The law, as an instrument of the foreign policy of the state, cannot define any element of national power of the enemy State as representing an "imminent and obvious threat" - an object of military art. Military planners use force against specific objects - enemy forces and facilities, infrastructure, and the enemy strikes are not on vital interests of the state, as well as on[577]objects.

It is thus clear that in order to determine the target of the international legal enforcement strategy for the use of armed forces, a link must be established between the use of force and the legal relations that develop in the use of force against such sites.[578]

On the face of it, the combination of contradictions arising in the implementation of material norms within the procedures of the UN Charter, which currently legitimize the use of force in international relations, is difficult to apply in practice: the first and simplest conclusion seems obvious: "the legal standards of the UN Charter are used as instruments of political manipulation by the strongest states".

---

[576] Arkin, W. Not Just A Last Resort? A Global Strike Plan, With a Nuclear Option. washingtonpost.com (Sunday, May 15, 2005; B01).

[577] Generally speaking, "... the formula for armed struggle in a conventional war can be presented in the form of the following five interconnected components: Defeat of enemy troops and military installations; Defense and protection of their troops and objects from defeat; Comprehensive enforcement of the troop's actions; Control of the forces and means of armed struggle; Information struggle". See: Капитанец И. М. Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки. Глава II. Классификация поколений войн. URL: http://militera.lib.ru/science/kapitanetz/02.html (accessed: 30.11.2013)

[578] See: Коростелев С.В. Определение частной стратегии международно-правового обеспечения применения Вооруженных Сил Российской Федерации // Морской Сборник. Том 1969. №4. Апрель 2011.

However, the apparent impossibility of making effective decisions within the framework of UN Security Council consensus procedures is not an obstacle to States taking independent action to maintain international peace and security within other constraints created by the UN system.

These legal standards, while not offering a clear basis for making an appropriate distinction between lawful and unlawful cases of use of force, but at the same time provide the basis for dialogue and appropriation of international legal responsibility to States, if not within the framework of ius ad bellum, ius in bello, that is, to raise the question, if not the need for the use of force, then at least its proportionality within the institutions of IHL.

The Geneva Conventions and the Additional Protocols to them, the Rome Statute of the International Criminal Court, regulate the conduct of military personnel in military operations when States turn to force, for example, regarding the need to distinguish between combatants and civilians, the need to use force proportionately to the threat, and the need to follow basic humanitarian principles. Violation of these obligations ius in bello is prosecuted.

The current reality shows that each State can claim the legality of its use of force in accordance with UN objectives; in exceptionally rare cases, the use of force is authorized by a UN Security Council resolution; The international legal responsibility of States to use force on the basis of Security Council resolutions is not being effectively implemented effectively.

Is it even possible to speak of a contradiction in international law of national doctrines providing for the use of armed forces in the absence of a fait accompli armed attack on States in the event of, for example, a terrorist threat, on the basis of a unilateral decision and without the authorization of the UN Security Council,

if the practice of States shows the inevitability of their resort to such use of force in the current geopolitical environment?[579]

Denial, for example, in favor of a literal (restrictive) interpretation of international law, or some political doctrines, the possibility of pre-emptive use of force generally deprives the military organization of the state of existence.

It should be accepted that the epiphenomena as "international law" exists regardless of the way States interpret it. In fact, the rule of international law in most situations of the use of force is only the basis, the starting point, for the political dialogue of States.

International law, recognizing the State's right to armed protection of its interests, is limited to this, and does not prescribe specific mechanisms for the exercise of that right. Thus, it is at the discretion of each individual State to deal with the threat, in accordance with its capabilities, especially since there is currently no prohibition in general international law on the conduct of actions by the formation of armed forces of States on the territory of other States to pre-empt terrorist activities, in particular, to destroy them, and to pre-empt the intentions of terrorist communities.

And since the restrictions on the use of force established by the UN Charter are not in fact so restrictive that States cannot use the doctrines of international responsibility and pre-emptive self-defense as a political and legal basis for action to protect their interests, and even to address the preventive actions condemned by the world community as an extreme form of pre-emption.

The political and legal justification for states resorting to acts of pre-emptive self-defense is a complex process. This process is based on custom law, that is, a right based on the practice of States. The place where the custom law in the field of

---

[579] On the "contradiction to international law" of behavior of NATO and the United States, see: Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридиче5ских наук. – М., - Дипломатическая академия МИД РФ: .2007; Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. – 2-е изд.. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008.- 480 с.

use of force is being formed is the UN Security Council. It is in the Security Council that States report on their actions, and it is there that other States assess these displays of force.

Estimates of the fairness of the treatment of force are determined, among other things, using the proposed and described methods of strategic legalism and political and legal justification for the use of force. These methods, based on the study of the actions of states described in international legal terms, the practice of the UN Security Council, the UN International Court of Justice, regional organizations, allow to bring the position of the state to other participants in international communication, reduce the resource costs of implementing its policy.

The agreement of the free states, in this case, does not take place within the strict framework of international treaties, but in the political manifestations of the positions of States on the issue of the use of force. Any action by the most active participants in international relations, affecting even the smallest extent the interests of Russia, should always be evaluated from the mouths of the first persons of the state.

It should be considered that the silence of the state on any issue is regarded as an agreement with the policy pursued by the opponent. After a certain period of silence, such practices could become the international norm, and it would be more difficult to pursue its policies against it.

It must be realized that the movement towards the acceptance of the doctrine of "prevention of intent" of action is through the denial of existing customary international law. Moreover, this movement will not be accepted by the international community for quite some time, because this approach is seen as undermining the moral foundations of the modern world order, and, consequently, behavior contrary to the tradition of just war.

The normative framework of modern international law determines that even if a State has military superiority, it does not have to act on its own.

The modern tradition of just war prioritizes the use of force in cooperation with other States since the assertion in international relations of the rule of "might

makes right" is at odds with the common interests of the world community.

The use of force by the State on foreign territory to pre-empt the threat originating from the territory of the Target State is now considered permissible (not denunciate) if four criteria are met.

First, the interests of the intervening State must be under immediate threat, in particular the citizens of the State may be at risk of death or violation of physical integrity.

Secondly, the Object of Intervention State must be unwilling or unable to counter the threat posed to members of the international community from its territory.

Thirdly, the objectives of intervention should be limited directly to the infrastructure of terrorists and targeting of terrorists. Intervention should not be used for any other activity in the territory of the State-site intervention.

Fourth, the force used in this intervention must be commensurate with the threat. Someone cannot use force on a larger scale than it takes to solve this limited problem. Such actions (if carried out in accordance with the requirements of proportionality and necessity) are not an "armed attack", do not constitute a "threat to peace" and do not create the right to self-defense among the object of the state or regional organizations, in accordance with Article 51 of the UN Charter.

As rightly noted by J. Stromseth: "Among the factors required to consider in the process of determining whether a terrorist attack is essential to justify forceful acts of self-defense are: the intention of the terrorist group and the likelihood of an attack (have they clearly demonstrated the intention to carry out an attack, is there in this case credible information supporting their plans for attack?); (2) opportunities (which is their capacity to carry out an attack, and are they on the verge of acquiring WMD?); (3) methods of attack (terrorists use deception and subterfuge, and then there will be no possibility to receive a warning in advance; thus, waiting for the moment of execution of the attack will affect the effectiveness of actions on self-defense); (4) the severity of the possible damage (based on what we know about the intentions of the terrorists and their capabilities, what is the

possible damage from the attack?); and, (5) the urgency of the threat (is there sufficient reason to believe that the likelihood of an attack is increasing and that immediate action is critical to preventing an attack?)"[580]

CHAPTER 4 FINDINGS

The doctrine of anticipatory self-defense, if applied to justify the "preventive" and "pre-emptive intentions" condemned by the world community, is a tool that "erodes" the concept of State sovereignty, that is, changes the norms on which the modern international system is based.

As was rightly noted: "There is a contradiction between the need to strengthen the international system in order to successfully wage a war on terror, and at the same time, the need to pre-empt the war on terror destroys the foundations of the system and the world order."[581]

In order to successfully fend off the threat and to justify the possibility of pre-emptive counter-terrorism operations, the following model of conduct of state authorities is proposed, which is not at odds with the existing preceding international practice.

First, it is necessary to notify all parties whose interests may be affected by counter-terrorism actions of intent to use force. This statement that a certain state of international relations, or any actions constitute a threat to peace, is either a violation of treaty obligations, or contrary to the common interests of mankind,

[580]Stromseth, Jane E. New Paradigms for the Jus Ad Bellum? The George Washington International Law Review; 2006; 38, 3 ABI/INFORM Global, pg. 568.
[581]See: Michael McGinty. That Was The War That Was: International Law, Pre-emption and the Invasion of Iraq. RUSI Journal. London: Jun 2003. Vol. 148, Iss. 3; Pg. 20.

must be carried out by the state, or a regional organization, in the UN Security Council.

Secondly, this statement should be based on an assessment:

- the objectivity of a threat;

- the possibility of resorting to force (resource limitations);

- the possibility of discriminate targeting (compliance with ius in bello restrictions);

- the ability to meet the challenges posed for the use of force (capability of military organization);

- resort to force as the last option (i.e., existing political limitations).

CONCLUSIONS

International politics is not only a struggle for superiority over the enemy measured in any quantitative criteria, but also a struggle for recognition of the legitimacy of action. The power of the State and the international recognition of the legitimacy of its actions are complementary concepts.

It is a political fact that the belief in the right/wrong cause helps to engage peoples, and thus legitimacy becomes a source of national power. If the actions of the State are considered illegitimate, its costs of implementing its policies to ensure national interests increase.

States appeal to international law and other institutions to legitimize their own policies or delegitimize the policies of their geopolitical adversaries, and this duty largely determines their behaviour and affects the outcome of actions.

The actions of participants in international relations are coordinated through acts of understanding based on similar definitions of the situation. International law is precisely the means of political mobilization by which States can communicate to the world community their ways of dealing with the protection of national interests, i.e., the language of international communication.

The criteria for assessing the fairness of the act of use of force, which were developed mainly in the 16th and 17th centuries, when the norms of nascent international law began to replace the religious, in core, the doctrine of just war, now require a different understanding, since the world is now organized in a different way and modern forms of policy, implementation of economic objectives, the achievement of technology, and the "democratization" of religious institutions make it difficult to apply the original criteria.[582]

First, the concept of legitimate power has now significantly changed its

[582] See, for example: Mark Douglas. Changing the Rules: Just War Theory in the Twenty-First Century. Theology Today. Princeton: Jan 2003. Vol. 59, Iss. 4; Pg. 529. Chapter «Historical Change and Its Impact on Just War Criteria».

content. States are required to apply for permission to apply to their citizens and to the international organizations of which they are members.

Secondly, the use of force, disproportionate to the threat in scope and use of means of defeat, may also result in the State's resorting to force in public opinion to ensure its military security no longer meet the criteria for the fairness of the use of force. The proportionality of the use of force can be achieved by the use of non-military means of combat - economic or information pressure, through the use of the resources of regional organizations, etc.

To assess the fairness of the act of addressing force, the international community has full access to information on the causes of conflict, available resources to resolve it, means and methods, etc. that was completely impossible, both in the era of the establishment of the sovereign state system and in the initial period of development of universal organizations in the field of international security.

The rules of modern international law, which States invoke when making statements about the legitimacy of their appeal to force, ensure that force is used in accordance with the requirements of necessity and proportionality and prohibits the use of force for retribution and punishment. The explanation of the necessity must be proved by the states in the UN Security Council in any appeal to force.

Also, the current situation around the criteria of a just war is determined by the existing obligations of the “victor states” and the international system as a whole in relation to the “defeated” actors: the relations between the parties to conflicts do not end after the end of the act of using force. The “winners” are obliged to create conditions that exclude the resumption of new hostilities, as well as to create decent living conditions for the population of actors who are “not states”. It is about confirming the new content of the system of norms for organizing international interactions in the field of security - the ius post bellum that best describes the state of the modern security environment.

These norms are formed mainly as a result of the collective peacekeeping practice of both the UN as a whole and groups of states that unite around common

interests. Such activities, it seems, should be aimed largely at creating civil institutions in states destroyed in the course of civil conflicts and other situations of violence, in order to assert in them the values that are important for the main international actors.

INFERENCES

The use of armed force by one State against another state is prohibited and constitutes an international crime of aggression unless it is a self-defense measure in response to an armed attack or participation in sanctions under the UN Security Council.

Meanwhile, modern international relations certainly show that the strongest States often resort to armed force for the sake of their own but not common interests.

All this undoubtedly necessitates greater cooperation in international security.

As a result of the dissertation study, the following conclusions were drawn:

1. The UN Charter not only defines the conditions under which the right to self-defense arises, but also sets limits within which the right is permitted. Moreover, the Charter puts the very exercise of the right to self-defense under international control by the Security Council.

2. Despite the prohibition of war and the enshrining of the principle of prohibition of the use of force and the threat of its use, it is now possible to report situations where use of force in international relations recognizes fair, though wrongful.

3. The UN Security Council is the body responsible for maintaining

international peace and security. In the event of a threat to peace, the Security Council may apply non-military and military measures (Article 41-42 of the UN Charter).

4. Chapter VII of the UN Charter regulates the category of lawful use of force by States as an exception to the general rule on the non-use of force in international relations, as an extreme measure that is used only when all peaceful means are exhausted to maintain or restore international peace and security.

5. With the emergence of new threats to peace, the doctrines of the legality of a "pre-emptive strike" against States and "non-State" actors, which, in the view of a State or group of States, may in the future pose a potential threat.

The emergence of new threats requires the search for new approaches to the conditions and methods of cross-border use of force. But no State can claim the monopoly right to use force against other sovereign States at its discretion. The search for new approaches must be carried out collectively, and above all within the framework of the United Nations, which, in its very idea, is designed to eliminate the unilateral use of force in international relations.

7. Self-defense is a legitimate response to an act of aggression. The UN Charter recognizes the right of a state to individual or collective self-defense in the event of an armed attack.

8. The right to self-defense of the State from external aggression is enshrined both in international law (in universal and regional agreements) and in national laws of States.

In modern international relations, there are several concepts of self-defense:

- self-defense as defense against an actual attack;

- self-defense as an exception to the general prohibition on the use of force or threat of force;

- self-defense as a circumstance that excludes the assignment of international responsibility.

10. In addition to repelling an act of aggression, the use of armed force is possible in any threat to peace and any violation of peace (if peaceful means of

resolving international disputes are insufficient). At the same time, it is possible to apply collective measures within the framework of the UN or regional organizations, as well as within the framework of interim agreements. However, such measures can also be applied only with the approval of the UN Security Council.

Thus, based on the general definitions of the political mechanism given in the study, we can describe the technology of political legitimation of acts of the use of force in international relations as an appeal to a set of political mechanisms that ensure the coordination of the wills of the subjects of international relations in the process of protecting national interests, which includes the following elements:

the goal: to maintain international peace and security by taking effective collective and individual measures to prevent and eliminate the threat to peace and to suppress acts of aggression or other violations of peace;

ways: use of force (threat of use of force);

procedures: Statement (challenging) the political and legal justification for the act of use of force within the UN paradigm;

harmonizing the content of the common values of the international community: assigning international responsibility.

The current content of the process of justifying the fairness of resorting to military means of conflict resolution can be expressed by a number of principles that determine that the use of force is fair if:

- it is used as a last resort. All non-violent means of resolving the conflict must be used before access to force can be deemed justified;

- (recognized by the government). Even just reasons cannot be grounds for the actions of individuals or groups that do not exercise authority authorized by the power that the people of the State as a whole and/or the world community considers legitimate;

- corrected to correct wrongful harm. For example, an armed attack on a State is always seen as a just reason to turn to force (in self-defense) (in this case, the legality of the enemy's reason for resorting to force is not essential, since the

appeal to force must be authorized by the UN Security Council);

-there is a significant chance of success. The loss of human and damage suffered in a knowingly hopeless attempt to change the status quo by military means cannot be morally justified;

- the ultimate goal of the just use of force is to restore peace. And, most importantly, the peace established after the war must be more perfect than the world that would exist if there were no conversion to war. The benefits of resorting to war should outweigh the possible losses;[583]

- violence used in the reciprocal use of force must be proportionate to the damage caused. States are prohibited from using the force disproportionately of the purpose of military action, which should be limited only to correcting injustice, which in turn, while uncorrected, could cause a new conflict;

- the means and methods of warfare used in the use of force enable States to conduct selective military action. Protected persons (in the definition of IHL) may not be a legitimate military target.

-the international community, and the adversary in the first place, are notified of the reasons for turning to force and the impossibility of using other "non-military" means of conflict resolution.[584]

It is obvious that these principles can be interpreted very broadly. The study of each of them, in turn, requires the study of geopolitical conditions, both related to the use of force and the resulting[585] ones.

In accordance with the UN Charter's system of principles, any use of force authorized by the Security Council is permissible. All other cases of states turning

---

[583] See: Leaning, Jennifer. Was the Afghan conflict a just war? British Medical Journal (International edition). London: Feb. 9, 2002. Vol. 324, Iss. 7333; Pg. 353.

[584] ibid.

[585] See, for example: Коростелев С.В., Пыж В.В. Современная парадигма безопасности для государств Балтийского региона // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 12(69). 2020. С. 2872-2882; Коростелев С.В., Пыж В.В. Учет геополитических факторов в процессе выбора способов разграничения морских пространств в Арктике // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 2(41). 2018.

to force, in accordance with the "restrictive theory of the use of force," are supposed to be unlawful.

The latter may include, for example, the use of force for territorial acquisitions, to correct injustices, and in support of self-determination movements. At the same time, the definition of "injustice" is always subjective. And if states are allowed to turn to force to promote their own (not universal) notions of justice, then almost any appeal to force can be legalized.

The analysis of the practice of states shows that in real international life the system of principles of the UN Charter does not impose insurmountable restrictions on the conversion of states to force and allows them to use it to restore justice in their own understanding, to carry out reprisals, to pre-empt threats to national security and even to shared common interests of world community.

In the course of the government's efforts to legitimize acts (political and legal justification) of acts of force, it is necessary not only to investigate the conceptual apparatus proposed in the UNGA Resolutions, the materials of the UN International Law Commission, and other bodies, but also to establish:

- Whether the dispute has been brought before the UN Security Council or the international judiciary in similar factual circumstances;

- what arguments were made by the parties to the dispute during the discussion of the situation in the UN Security Council, in the international judicial body, and what decisions were taken;

- what content has been identified by an international organization or international judicial authority for such categories as "breach of peace," "threat to peace," "aggression," "armed attack;

- whether the criteria for "imminence" of a threat had been investigated, as the criteria for "necessity" and "proportionality" of the use of force had been claimed;

- how the vote took place (for, against, abstained);

- whether the decision of an international organization or an international judicial body had been implemented and implemented;

- which sanctions were imposed by international organizations, or individual States, on the basis of decisions of international organizations or an international judicial body, and how they were implemented;

- has the status quo been restored after the conflict has been resolved?

On the basis of the practice studied, we have identified "political and legal restrictions", i.e., identified those "thresholds" whose excess was defined by States as non-legitimate use of force, i.e., when the use of force was declared "un necessitate" and "disproportionate".

States most often claim the legitimacy of resorting to force in the circumstances of an "armed attack" and an "imminent attack."

In the event of an "armed attack" States are allowed to use force in response under Article 51 of the UN Charter. The only limitation to this right would be the traditional requirements of necessity and proportionality.

In the event of an "imminent attack", States are expected to be allowed to use force in response to "imminent danger". It is clear that States are not required to wait for the military to be used against it before they can legitimately take defensive action.

Based on the capabilities of modern means and methods of warfare, the right of self-defense loses any importance at all if the State is required to take the first strike before it can retaliate. By accepting pre-emptive self-defense as a valid basis for resorting to force, we believe that the burden of proof falls on the State that exercised the right. The State must show that an armed attack (aggression against it) was indeed "imminent" and that its pre-emptive actions were necessary.

The "threshold of armed attack" for each State, which gives it the right to use force, is determined by it independently on the basis of a study of a number of interconnected factors, of which the most significant is the severity of the damage (in the case of pre-emption - presumably) caused to it by the internationally opposed acts of other actors.

It must be assumed that the recourse to self-defense, including pre-emptive action against "non-States" may be considered permissible in the existence of several circumstances.

First, the State may take forceful action against the perpetrator of an attack under the jurisdiction of another State if the "host State" is unable or unwilling to take any steps to suppress that perpetrator, especially in situations of humanitarian necessity. In the absence of evidence of support or sponsorship of the perpetrator of the attack by the "host State", the victim State may not use force against the objects of the "host State". The actions of the victim State of the attack may be directed solely against the perpetrator of the attack.

Secondly, the victim State has the right to use force directly against the State that provides support or sponsors the activities of the perpetrators of terrorist acts.

For an "armed attack" to be linked to a State sponsoring or supporting attackers, it is necessary that the victim State prove that the consequences of action against it have a direct link to state support.

For example, if it is proven that the State provided armament and logistical support to the perpetrators of the attack, and that these terrorists used this assistance in carrying out actions that reached the "threshold of an armed attack", then the sponsoring or supporting State may be considered to be actually involved in an "armed attack". Under the circumstances, the victim State may use force to defend against a State linked to terrorism.

The use of pre-attack mechanisms is an integral part of the national security system, since it is not possible to wage war against terrorist organizations without the active use of this doctrine of restrictive interpretation of the PROVISIONS of the UN Charter, which has been challenged by proponents.

Pre-emptive and preventive action, defined in similar terms of international law but differing in object, is evidently within the scope of international law, which requires particularly fine interpretation and application in the course of the formulation and protection of national interests.

The modern content of the legal component of the doctrine of pre-emptive self-defense contributes to the complexity of the application of pre-emptive mechanisms. The formulas used, such as: "countering an imminent and inevitable threat", "impact on potential and projected sources", "the presence of an immediate and serious danger threatening the vital interests of the State, leaving no choice of other means and time to reflect", do not give grounds for creating any political justification for the international legitimization of acts of force.

Military planners use force against specific objects - enemy forces and facilities, infrastructure, and the enemy strikes are not on vital interests of the state, as well as on objects.

The right, as just one of the instruments of the state's foreign policy, cannot define any element of the national power of the state as posing an "imminent and obvious threat" is not even a military skill, but rather a theory of national security.

It is clear that there is a need to establish a link between the use of force, the legal relations that result in the use of force against such a target (determining the nature of international responsibility) and the State's actions to legitimize the use of force.

The paper proposes a gradation of pre-emptive action with the comparison of objects of use of force and the relevant political justification for the actions of states:

- *pre-emptive action* - force is used against the formations of the armed forces of the State, all or who pose a direct threat to elements of military infrastructure;
- *actions to pre-empt*- intentions force is used against certain elements of the state's infrastructure, as well as non-state structures that pose a threat to other members of the international community: possible means of production, delivery of WMD; terrorist organizations, etc.;
- *preventive action*- force is used against the state as a whole.

The definition of objects of use of force, in turn, allows to identify the totality of legal relations that will arise between states in the tasks of protecting national interests, to determine legal restrictions on the use of force, and as a result,

to identify the contours of the strategy of legitimization of acts of use of force and its political-legal methods, considered in the work - the method of political and legal justification of the use of force, and the method of statement of the strategy - the method of strategic legalization.

The existence of such a system of rules makes it easier to legitimize acts of force with the least "reputational" losses to States.

BIBLIOGRAPHIC LIST

Normative legal acts of the Russian Federation

1. Federal Constitutional Law of 30.01.2002 N 1-FKZ "On Military Emergency Law" // Собрание законодательства РФ, 04.02.2002, N 5, ст. 375.
2. Federal Law "On Defense" of 05/31/1996 N 61-FZ. - Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/
3. The concept of foreign policy of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated November 30, 2016 No. 640. - Access mode: URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045.
4. 4. Decree of the President of the Russian Federation "On the Military Doctrine of the Russian Federation" dated February 5, 2010 No. 146 // Российская газета, N 27, 10.02.2010.
5. 5. Decree of the President of the Russian Federation of 17.12.1997 N 1300 (revised from 10.01.2000) "On the approval of the concept of national security of the Russian Federation." Российская газета, N 247, 26.12.1997.
6. 6. Decree of the President of the Russian Federation of April 21, 2000 No. 706 "On the approval of the military doctrine of the Russian Federation." Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 2000 г., N 17, ст. 1852.
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 537 of May 12, 2009 "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020" // Российская газета №88 (4912) от 19 мая 2009.
8. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation." - Access mode: URL: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html.
9. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of July 7, 2006 N 219-SF "On the use of formations of the Armed Forces of the Russian Federation and special forces outside the territory of the Russian Federation in order to suppress international terrorist activities." Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июля 2006 г. N 29 ст. 3144.

International Legal and Regulatory Acts

10. Treaty on the renunciation of war as an instrument of national policy. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. V.- М., 1930. С. 5-8.
11. Protocol Additional to the Geneva Conventions of August 12 1949

and Relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I) (Together with the "Rules concerning identification", "Identity card of a journalist on a dangerous business trip")). Geneva, June 8, 1977. Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 134–182.

12. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949 and Relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II). Geneva, June 8, 1977. - Access mode: URL: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm.

13. Geneva Conventions of August 12, 1949 and Additional Protocols thereto. ICRC, Moscow, 2005, 4th ed., 344 p.

14. Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI.- М., 1977. С. 544 – 589.

15. Convention on the Definition of Aggression (Together with the "Protocol of Signature"). Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VIII.- М., 1935. С. 27 - 31.

16. Peace Treaty between the Allied and Associated Powers and Germany (Treaty of Versailles) (Together with the "Statute of the League of Nations", "Statute of the International Labor Organization" and "Protocol"). Версальский мирный договор. - М.: Литиздат НКИД, 1925.

United Nations Documents

17. Declaration on the principles of international law concerning friendly relations and cooperation among states in accordance with the Charter of the United Nations. General Assembly resolution 2625 (XXV). - Access mode: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

18. General Assembly resolution 3314 (XXIX) “Definition of Aggression”. - Access mode: URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/3314(XXIX).

19. A / 47/277 S / 24111. Report of the UN Secretary General "Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peacekeeping" dated 2 July 1992.

20. A / 50/60, S / 1995/1. Supplement to an Agenda for Peace. Position Paper of the Secretary General on the occasion of the fiftieth anniversary of the United Nations

21. A / 51/218. Advisory Opinion of the International Court of Justice of the United Nations “Concerning the Legality of Nuclear Weapons or Their Use”.

22. A / 53 / PV.19. Transcript of the 19th plenary meeting of the 53-1 session of the UNGA

23. A / 55 / PV.23. Verbatim Record of the 23rd Plenary Meeting of the 55th Session of the UN General Assembly dated September 19, 2000.

24. A / 56/10 and Corr.1 Resolution 56/83 adopted by the UN General

Assembly [on the report of the Sixth Committee] “Responsibility of States for internationally wrongful acts” 12 December 2001.

25. A / 58/47. Report of the Open-ended Working Group on Equitable Representation and Expansion of the Security Council and Other Security Council-Related Matters

26. A / 59/565. Report of the High Level Panel on Threats, Challenges and Change. A Safer World: Our Shared Responsibility.

27. A / 63/10. Report of the International Law Commission (53rd session). General Assembly. Official records. Sixty-third session. Supplement No. 10 (Texts of the draft articles on responsibility of States for internationally wrongful acts).

28. A / 63/677. Report of the UN Secretary General "Fulfilling the Responsibility to Protect"

29. A / 64/881 Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Compliance of the Unilateral Declaration of Independence of Kosovo with International Law.

30. A / 67/997 – S / 2013/553. Report of the United Nations Mission to Investigate Allegations of the Use of Chemical Weapons in the Syrian Arab Republic regarding the alleged use of chemical weapons in the Ghouta area of Damascus on 21 August 2013.

31. A / 68/37. UN General Assembly. Official records. Sixty-eighth session. Supplement No. 37. Annex I "Preamble and Articles 1, 2 and 4-27 of the draft comprehensive convention on international terrorism" (Report of the Ad Hoc Committee established by resolution 51/210 of the UN General Assembly of December 17, 1996 Sixteenth session (8-12 April 2013)).

32. A / C.6 / 72 / L.14. Draft resolution "Measures to eliminate international terrorism". Seventy-second session. Sixth Committee of the UN General Assembly.

33. A / CN.4 / L.682. Report of the Study Group of the International Law Commission Fragmentation of International Law: Challenges due to the Diversification and Expansion of International Law.

34. A / CONF.213 / 5. Provide technical assistance to facilitate the ratification and implementation of international instruments related to the prevention and suppression of terrorism. Twelfth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. El Salvador, Brazil, April 12-19, 2010.

35. A / RES / 41/12. UN General Assembly Resolution - Forty-first Session "Israeli Armed Aggression"

36. A / RES / 41/38. Declaration of the Assembly of Heads of State and Government of the Organization of African Unity on military attack.

37. A / RES / 49/40. Resolution "Activities of foreign economic and other circles that impede the implementation of the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples in Territories under Colonial Dominance".

38. A / RES / 60/1. 2005 World Summit Outcome Document. Resolution

adopted by the General Assembly on September 16, 2005

39. GA / 9827 Press Release GA / 9827 67th Meeting.

40. PCNICC / 1999 // DP.12. Proposal of the Russian Federation submitted to the Preparatory Commission for the International Criminal Court

41. PCNICC / 1999 / L.5 / Rev.1 Annex IV. Consolidated text of proposals for the definition of aggression.

42. PCNICC / 2000 / WGCA / DP.4 Proposal from Germany submitted to the Preparatory Commission for the International Criminal Court

43. S / 17509. Letter from the Permanent Representative of Tunisia to the UN dated October 1, 1985 addressed to the President of the Security Council.

44. S / 17535. Results of voting on a draft resolution condemning Israeli aggression on October 4, 1985.

45. S / 17659 / Rev.1 Official Records of the Security Council, Fortieth Year, Supplement October-December 1985 (annexes).

46. S / 17659 / Rev.1, Official Records of the Security Council, Fortieth Year, Supplement for October-December 1985 (annexes)

47. S / 1998/780. Letter from the Permanent Representative of the United States to the UN dated August 20, 1998 addressed to the President of the Security Council.

48. S / 1998/786. Letter dated 21 August 1998 from the Permanent Representative of the Sudan to the UN addressed to the President of the Council.

49. / 1999/328. Draft resolution on the immediate cessation of the use of force against the Federal Republic of Yugoslavia of 26 March 1999

50. S / 1999/682. Military-technical agreement between the international security forces (KFOR) and the governments of the Federal Republic of Yugoslavia and the Republic of Serbia on the procedures and regime for the withdrawal of the security forces of the Federal Republic of Yugoslavia from Kosovo dated June 9, 1999.

51. S / PRST / 2010/4. Statement by the UN Security Council President on Threats to International Peace and Security.

52. S / PRST / 2010/6. Statement by the President of the UN Security Council on the supply of arms to Africa.

53. S / PV.2108. Verbatim Record of the UN Security Council Meeting of January 11, 1979

54. S / PV.2610. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of October 2, 1985

55. S / PV.2611. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of October 2, 1985.

56. S / PV.2613: Preliminary Verbatim Record of the UN Security Council Meeting of 3 October 1985

57. S / PV.2615. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of October 4, 1985

58. S / PV.2615. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of October 4, 1985

59. S / PV.2673. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of April 14, 1986.
60. S / PV.2674. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting dated April 15, 1986.
61. S / PV.2675. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting dated April 15, 1986.
62. S / PV.2676. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of April 16, 1986.
63. S / PV.2677. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of April 16, 1986.
64. S / PV.2678. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of April 17, 1986.
65. S / PV.2679. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of April 17, 1986.
66. S / PV.2680. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting dated April 18, 1986.
67. S / PV.2750. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of July 20, 1987.
68. S / PV.3988. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of March 24, 1999
69. S / PV.3989. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of March 26, 1999
70. S / PV.4011. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of June 10, 1999
71. S / PV.5839. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting dated February 18, 2008.
72. S / PV.5961. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting of August 19, 2008
73. S / PV.5969. Preliminary verbatim record of the UN Security Council meeting dated August 28, 2008.
74. S / PV.7038 Preliminary verbatim record of the UNSC meeting of 27 September 2013
75. S / RES / 0660. UN Security Council Resolution adopted on August 2, 1990.
76. S / RES / 1199. UN Security Council Resolution adopted on September 23, 1998.
77. S / RES / 1244. UN Security Council Resolution adopted on June 10, 1999.
78. S / RES / 1368. UN Security Council Resolution adopted on September 12, 2001.
79. S / RES / 1566. UN Security Council Resolution adopted on October 8, 2004.
80. S / RES / 1624. UN Security Council Resolution adopted on September 14, 2005.

81. S / RES / 1695. UN Security Council Resolution adopted on July 15, 2006.
82. S / RES / 1894. UN Security Council Resolution adopted on November 11, 2009.
83. S / RES / 1917. UN Security Council Resolution adopted on March 22, 2010.
84. S / RES / 1973. UNSC resolution adopted on March 22, 2010.
85. S / RES / 2118. UN Security Council Resolution adopted on September 27, 2013.
86. S / RES / 2166. UNSC resolution adopted on July 21, 2014.
87. S / RES / 487. UN Security Council Resolution adopted on June 19, 1981.
88. S / RES / 573. UN Security Council Resolution adopted on October 4, 1985.
89. S / RES / 612. UNSC resolution adopted on May 09, 1988.
90. S / RES / 620. UN Security Council Resolution adopted on August 26, 1988.
91. SC / 6628 3967th Meeting Press Release (Night) 19 January 1999.
92. UN General Assembly Resolution 375 (IV) "Draft Declaration of the Rights and Duties of States" of December 6, 1949

Materials of International Judicial and Arbitration Bodies

93. Case Concerning right of passage through Indian territory (Preliminary Objections) (Portugal v. India). I.C.J. Reports 1957.
94. Advisory Opinion No. 20 (PCIJ, Ser. A./B., No. 41, 1931.) Individual Opinion by M. Anzilotti pp. 16-31. - Режим доступа: URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1931.09.05_customs.
95. Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) (Judgment) [19 December 2005] ICJ. - Режим доступа: URL: http://www.icj-cij.org.
96. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Merits), [1986] ICJ Rep. 14, p. 94, para. 176. - Режим доступа: URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6503.pdf.
97. International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. Case Concerning Oil Platforms (Islamic Republic of Iran V. United States of America). Judgment of 6 November 2003. I.C.J. Reports 2003.
98. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. Case No.: IT-94-1-A. 15 July 1999.
99. Military and Paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, ICS Reports 1986, pp. 64–65 (para. 115).

100. Permanent Court of International Just ice, Series A/Judgments, no. 9, The Case of the S.S. Lotus (September 7, 1927).

101. Prosecutor v. Dusko Tadic, Judgment, Case No. IT-94-1-A.A.Ch., 15 July 1999· - Режим доступа: URL: http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf

102. Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, 1949 I.C.J. 174, 178 (Opinion of Apr. 11).

103. The S.S. Lotus, Permanent Court of International Justice (1927), P.C.I.J. Ser. A, no.10, reprinted in Damrosch et al., International Law: Cases and Materials (2001).

Dissertations

104. Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации…дис. канд. полит. наук.- СПб. 2014.

105. Козлова А.В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере…дис. д-ра полит. наук.-М, 2009. 357 с.

106. Козлова А.В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере…дис. д-ра полит. наук.-М, 2009. 357 с.

107. Нехай Р.Ш. Система обеспечения военной безопасности региона Российской Федерации: проблема функционирования и совершенствования: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.01. СПб., 2006. 202 с.

108. Пыж В.В. Геополитическая обусловленность военной политики России…дис. д. полит.наук.-СПб, 2004.

109. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: дис ...д-ра полит. наук: 23.00.01. СПб., 2000. 408 с.

110. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности: дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2003. 407 с.

111. Судаков Г.А. Применение группировок вооруженных сил зарубежных государств в локальных и региональных конфликтах на закрытых морских театрах военных действий (международно-правовые аспекты). Диссертация на соискание учёной степени канд. юрид. наук. «. – СПб.: ВМА им. Н. Г. Кузнецова, 2002 г. – 229 с.

112. Butler, Michael J. Just Causes or False Premises? Just War Theory and Western Military Intervention, 1945-1995. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy at the University of Connecticut. UMI Number: 3144572. University of Connecticut, 2004.

Summaries of Dissertations

113. Гольцов С.Д. Международно-правовые вопросы применения вооруженной силы государствами в порядке индивидуальной самопомощи: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право /С. Д. Гольцов; Науч. рук. Ю. Н. Малеев. М., 2005. 23 с.

114. Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук. – М., - Дипломатическая академия МИД РФ: 2007.

115. Мищенко В.А. Международно-правовые аспекты принятия упреждающих индивидуальных внешних вооруженных акций государствами: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право /В. А. Мищенко; Науч. рук. Н. А. Чичулин. -М.,2007. -24 с.

116. Пашина А. Д. Применение силы в международном праве: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. - Казань,2008;

117. Трохинова О.И. Легитимация непопулярных политических решений: коммуникационный аспект…дис. кан. полит. наук.-СПб, 2019.

118. Чиков П.В. Военные санкции в международном праве: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Специальность 12.00.10 - Международное право; Европейское право. - Казань, 2003. – 27 с.

Monographs

119. Коростелев С.В. Определение стратегии международно-правового обеспечения применения вооружённых сил и её методов / С.В. Коростелев. - СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009.

120. Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. – 2-е изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008. - 480 с.

121. Пыж В.В. Геополитическая обусловленность военной политики России: Монография. М.: Можайск – Терра, 2003. 420 с.

122. Пыж В.В., Нурышев Г.Н., Фролов А.Е. Геополитика и национальная безопасность России: Монография. – Череповец: Порт-апрель, – 2007. – 450 с.

123. Пыж В.В., Фролов А.Е., Козлов С.В., Кононович И.А. Национальная безопасность и военная политика государства: Монография. – Чебоксары: Новое время, – 2010. 470 с.

124. Радиков В.И. Войны - «хамелеоны»: изменение характера вооруженной борьбы в XXI веке / «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под. ред. П.А. Цыганкова, А.Ю.

125. Ушаков Н.А. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях / Ин-т государства и права РАН. - М., 1997. – 96 с.

Chapters in monographs, reports, collections

126. Коростелев С.В. Влияние свойств современной среды безопасности на определение содержания феномена «победа» и возможность применения норм международного гуманитарного права. Юридические формы переживания истории: практики и пределы : коллективная монография / Под ред. С.В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – 694 с. §3. С. 467-474.

127. Коростелев С.В., Солодченко В.С. Проблемы установления статуса комбатанта в современных боевых действиях/ Российский ежегодник международного права 2004. Специальный выпуск. – СПб.: Россия-Нева, 2005.

128. Лукашук И.И. Проблема метода международно-правового регулирования / Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982.

129. Сборник статей «Вопросы общей теории советского права» под ред. С.Н. Братуся. М., Госюриздат, 1960, 405 с.

130. Хонин В.Н. Об определении международно-правового регулирования / Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. Выпуск 15. «Вища школа», 1982.

131. Letter from Daniel Webster to Lord Ashburton (Aug. 6, 1842). Treaties and Other International Acts of the United States of America. Edited by Hunter Miller. Volume 4. Documents 80-121: 1836-1846. Washington : Government Printing Office, 1934.

Books

132. Алексеев С.С. Теория права. - М.: Издательство БЕК, 1995.

133. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и глобализация мира / пер. Ш.Нагиб, С.Костальский. М.: изд-во «Европа», 2007. 161 с.

134. Аристотель. Политика. / Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1983.

135. Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. комиссии С.Ф. Ахромеев. - М.: Воениздат, 1986.-863с.

136. Гоббс Т. Левиафан / Сочинения в 2 томах. Мысль. Т.2. 1991. 703 с.

137. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

138. Действующее международное право. Т. 2. - М.: Московский

независимый институт международного права, 1997.

139. Действующее международное право. Т. 3. - М.: Московский независимый институт международного права, 1997.

140. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II: Зарубежная политическая мысль. XX в. / Рук. проекта Г.Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997. С.

141. Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934.

142. Коломбос, Д. Международное морское право. – Москва: Прогресс, 1975.

143. Коровин Е. А. Современное международное публичное право. Государственное издательство. Москва. 1926. Ленинград.

144. Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. – 2-е изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2008.- 480 с.

145. Ларичев О.И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных Странах: Учебник. - М.: Логос, 2000. - 296 с: ил.

146. Ларичев О.И., Мошкович Е.М. Качественные методы принятия решений. Вербальный анализ решений. М.: Наука. Физматлит, 1996, -208 с.

147. Ленин В.И. Партизанская война. Полное собрание сочинений. Издание пятое, Государственное издательство политической литературы, М.: 1960, Т. 14.

148. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1988. пер. Ю. В. Семенова.

149. Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с

150. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. — М., 2004.

151. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1957.

152. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том II. Санкт-Петербург, 1883.

153. Международное право. Учебник для вузов. Ответственные редакторы — проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. — М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА : М, 1999. — 584 с

154. Михалев С. Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн нового и новейшего времени / Вступ. ст. и ред. В. А. Золотарева. М.; Жуковский: Кучково поле, 2003.

155. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА - М, 1999. – 552 с.

156. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов (под редакцией К. П. Горшенина (главный редактор), Р. А. Руденко и И. Т. Никитченко). Том I. Издание второе, исправленное и дополненное. Государственное издательство юридической литературы. Москва. 1954.

157. Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф пол наук Санжаревский И.И.. 2010.

158. Радиков В.И. Войны-«хамелеоны»: изменение характера вооруженной борьбы в XXI веке // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под. ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета. 2015.

159. Свечин А. А. Стратегия. — М.: Военный вестник, 1927.

160. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

161. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов /А. И. Соловьев. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 559 с.

162. Солодченко В.С., Скаридов А.С. Методика оценки международно-правовой обстановки в операционной зоне флота. Учебное пособие - СПб.: ВМА им. Кузнецова, 1993, 140 с.

163. Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Нью-Йорк, 2009. ISBN 978-92-1-430008-3.

164. Уэсселер Р. Война как услуга / пер. с нем. Г.Сахацкого. М.: Столица-принт, 2007. 320 с

165. Alvin and Heidi Toeffler. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. Little Brown & Co; 1993. 302 P.

166. Arend, Anthony Clark and Robert J. Beck. International Law and the Use of Force: Beyond the UN Charter Paradigm. New York: Routledge, 1993.

167. Aspremont, Jean d'. Formalism and the Sources of International Law: A Theory of the Ascertainment of Legal Rules. OUP Oxford, 15 September 2011. 266 pgs.

168. Bishop, William W., Jr. International Law: Cases and Materials. Third edition. Little, Brown and Company. Boston. 1971.

169. Bork, Robert H. A Time to Speak: Selected Writings and Arguments – 1st ed.-Wilmington, Del: ISI Books, p 554.

170. Bowett D.W. Self-defense in International Law / Derek W. Bowett. NY: Praeger, 1958. -xv, 294 p.

171. Dinstein, Yoram. War, Aggression and Self-Defense. Cambridge University Press, Fourth edition. 2005. 349 pp.

172. Franciscus De Victoria. De Indis Et De Ivre Belli Being Parts of Relectiones Theologicae XII. In the Classics of International Law (Edited by James Brown Scott), Reprinted 1964. Oceana Publications Inc., Wildy & Sons Ltd. New York, U. S. A., London.

173. Gaddis, John Lewis. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. Oxford University Press. 1982. 432 P.

174. Global Strategic Trends. The Future Starts Today. Sixth Edition.

Commonwealth of Australia. Vice Chief of Defence Force (15 November 2016), Future Operating Environment: 2035.

175. Herman, A. To Rule the Waves: How the British Navy Shaped the Modern World. Harper Collins Publishers. 2004. P. 366.

176. Kant, Immanuel. PERPETUAL PEACE: A PHILOSOPHICAL ESSAY. 1795. Third impression, 1917, LONDON, NEW YORK : THE MACMILLAN COMPANY.

177. Keohane, Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1984. doi:10.2307/j.ctt7sq9s.

178. Kissinger, H. American Foreign Policy. 3-d ed. N.-Y. : Norton, 1977.

179. Maguire, P. Law and War: an American Story. New York: Columbia University Press, 2000.

180. Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. Fourth Edition. Alfred A. Knopf Inc., New York. Forth Printing, May 1968.

181. Nye, Joseph S. Jr. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History (3rd edition), Longman, 2000.

182. Oppenheim, L. International Law: A Treatise. Vol. 1. Peace. Longmans, Green and Co. 39 Paternoster Row, London, NY and Bombay, 1905.

183. Patrick J. Cullen, Erik Reichborn-Kjennerud. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

184. PLUTARCH, Marcus Cato. LIVES. John Dryden Trans., J.M. Dent & Sons 1962. (1683).

185. Sharp, W.G. Cyber Space and the Use of Force. Aegis Research Corporation (Falls Church, Virginia). 1999. 234 PP.

186. Sharp, W.G. Ius Paciarii: Emergent Legal Paradigms for U.N. Peace Operations in the 21st Century. Paciarii International, LLC, 1999. 392 PP.

187. Sir Robert Jennings and Sir Arthur Watts (eds.). Oppenheim's International Law. London: Longman, 1992. 9th ed.

188. Stoessinger, John G. Why Nations Go to War. Wadsworth Cengage Learning, Boston, USA. 11th edition, 2011, 432 pp.

189. The Operation in Gaza. 27 December 2008 – 18 January 2009. Factual and Legal Aspects. The State of Israel. July 2009. 164 pp.

190. The Political Works of Marcus Tullius Cicero: Comprising his Treatise on the Commonwealth; and his Treatise on the Laws. Translated from the original, with Dissertations and Notes in Two Volumes. By Francis Barham, Esq. (London: Edmund Spettigue, 1841-42). Vol. 2.

191. U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy. 2nd Edition. Ed. J. Boone Bartholomees, Jr. June 2006. ISBN 1-58487-244-6.

192. Vattel, E. de. The Law of Nations IV, in Classics of International Law

Vol. 3. James Brown Scott ed. 1916.

193. Vattel, Emer de. The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature, applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns, With Three Early Essays on the Origin and Nature of Natural Law and on Luxury/edited and with an introduction by Bela Kapossy and Richard Whatmore; translated by Thomas Nugent. Liberty Fund, Inc. 2008.

194. Walzer, Michael. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations, second edition, New York, NY: Basic Books, 1992.

195. On the Law of Nations. Eight Books. Written in Latin by the Baron Pufendorf, Counsellor to His Late Swedish Majesty, and to the Present King of Prussia. Translated into English, from the best edition. Oxford. Printed by Lithfeld, et al. MDCC III.

Research articles

196. Гольцов С.Д. Вооруженная самопомощь государств и современное международное право // Сборник научных трудов Южного отделения Российской Академии Образования. Ростов-на-Дону, 2004.

197. Гольцов С.Д. Превентивная дипломатия как упреждающее средство самозащиты государства от вооруженного нападения // Вестник Московского Государственного Открытого Университета. № 2 (15). Кропоткин. 2004.

198. Гольцов С.Д., Малеев Ю.Н. Применение вооруженной силы государствами как мера превентивной самозащиты ad hoc от внешней угрозы // Московский журнал международного права. 2004. № 4.

199. Горбунов Ю.С. Упреждающие меры в свете современного международного права // Журнал российского права, №3, март 2008 г.

200. Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.03.

201. Давыдов, Ю. П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 1.

202. Загайнов Е. Т. Упреждающая самооборона в западной доктрине международного права //Московский журнал международного права. 2006. – №2.

203. Иванченко Ю. А. Интерпретация понятия правовой легитимации в юридической теории // История государства и права №4 2010.

204. Коростелев С.В. «Ответственность по защите» как политико-правовое обоснование актов применения силы в международных отношениях. Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80).

205. Коростелев С.В. Гуманитарная необходимость: проблема политической легитимации актов применения силы. Управленческое консультирование. 2015. № 3 (87).

206. Коростелев С.В. К вопросу о соотношении международной морали и международного права в процессе правового обоснования упреждающих действий // Вестник Чувашского государственного университета 2011. №2. Серия: Гуманитарные науки.

207. Коростелев С.В. К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113).

208. Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы. // Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78).

209. Коростелев С.В. О проблеме терминологической несогласованности процесса легитимации действий по противодействию террористической угрозе // Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103).

210. Коростелев С.В. Проблема классификации объектов применения силы в информационных конфликтах // Управленческое консультирование. 2020. № 8(140).

211. Коростелев С.В. Проблема определения объема суверенных полномочий государства в цифровую эпоху // Управленческое консультирование. 2020. № 6(138).

212. Коростелев С.В. Упреждающие действия государств с позиций права, морали и политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2011. № 4(10). Часть 1. ISSN 1997-292X.

213. Коростелев С.В. Эволюция взглядов на обоснование актов применения силы до начала становления современных институтов. Управленческое консультирование. 2016. № 10 (94).

214. Коростелев С.В., Качук В.Н. Характеристика метода правового обоснования применения силы в международных отношениях и его использование для обоснования упреждающих действий // Журнал правовых и экономических исследований № 1 2010.

215. Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы. Ч. I, II // Военная мысль. №8-9 2011.

216. Коростелев С.В., Кириленко В.П. К вопросу правовой квалификации силовых действий государств в практике СБ ООН // Ученые записки юридического факультета. Вып. 19 (29) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2010.

217. Коростелев С.В., Пыж В.В. Современная парадигма безопасности для государств Балтийского региона // Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 12(69). 2020. С. 2872-2882.

218. Коростелев С.В., Пыж В.В. Учет геополитических факторов в процессе выбора способов разграничения морских пространств в Арктике //

Вопросы национальных и федеративных отношений. Выпуск 2(41). 2018.

219. Коростелев С.В., Шипилов Ю.Г. Международно-правовые механизмы урегулирования статуса Каспийского моря // Время и право: Научно-практический журнал Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» №1/2013.

220. Коростелев С.В., Шипилов Ю.Г. Правовые средства предупреждения ущерба инфраструктуре морской торговли / Ежегодник морского права 2008. Юбилейное издание к 40-летию Ассоциации международного морского права / Отв. ред. А.Л. Колодкин. – М.: Линкор, 2009. -494 с.

221. Коростелев С.В. Варианты реализации принципа универсальной юрисдикции в отношении бывших глав государств и правительств // Время и право : Научно-практический журнал Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» №3/2011.

222. Коростелев С.В. Внешнее вмешательство путем информационного воздействия: проблема нормативной оценки // Пути к миру и безопасности. 2019. Т. 57. № 2.

223. Коростелев С.В. Действие метода стратегического легализма в международных отношениях / Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления. Сборник научных статей, Вып. 7 / Под общей редакцией проф. В.В. Тумалёва. – СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2009.

224. Коростелев С.В. Международно-правовое регулирование деятельности государств по противодействию проявлениям международного терроризма и пиратства на морском транспорте в рамках международных организаций и соглашений / Проблемы правового обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности: сб. науч. тр. / редкол.: С.В. Коростелев (отв. ред [и др.]–СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008.

225. Коростелев С.В. Методологические проблемы преподавания современного международного права при объяснении феномена международного терроризма / Сборник материалов научно-практической конференции. /Международный университет (в Москве), СПб филиал. – СПб.: СПбГУЭФ, 2004.

226. Коростелев С.В. Методологические проблемы присвоения статуса комбатанта в современных боевых действиях / Прокуратура и институты гражданского общества в противодействии экстремизму и ксенофобии. Международная научно-практическая конференция, 1-2 февраля 2005 г.: Тезисы выступлений. - СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2005.

227. Коростелев С.В. Об эпифеноменальном характере международного права. Управленческое консультирование. 2013. № 12 (60).

228. Коростелев С.В. Определение частной стратегии международно-

правового обеспечения применения Вооруженных Сил Российской Федерации // Морской Сборник. Том 1969. №4. Апрель 2011.

229. Коростелев С.В. Особенности политико-правового обоснования применения силы во внутренних вооруженных конфликтах при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма // Управленческое консультирование. 2018. № 4 (112).

230. Коростелев С.В. Политическая обусловленность «разумно-необходимого» толкования международных норм в сфере обеспечения международной безопасности // Управленческое консультирование. 2016. № 9 (93).

231. Коростелев С.В. Правовое регулирование применения силы в международных отношениях в период действия Статута Лиги Наций // Управленческое консультирование: Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы. 2010. №3.

232. Коростелев С.В. Проблема установления содержания объекта терроризма для целей правоприменения // Вестник ИНЖЭКОНА 2006. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 1(10). –СПб.: ИзПК СПбГИЭУ, 2006.

233. Коростелев С.В. Проблемы обоснования актов применения силы во внешней политике государства // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82).

234. Коростелев С.В. Рынок миротворческих услуг / Сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции «Фундаментальные исследования в технических университетах». Секция «Национальная безопасность» / Санкт-Петербургский государственный технический университет, Санкт-Петербург, 26–27 мая 2004 г.

235. Коростелев С.В. Современное содержание института блокады // Вестник ИНЖЭКОНА 2011. Серия: Гуманитарные науки. №4(10). –СПб.: ИзПК СПбГИЭУ, 2011.

236. Коростелев С.В. Стратегии регулирования коллективной безопасности в нормативных рамках Устава ООН // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. 13. Вып. 1 (61-62).

237. Коростелев С.В., Качук В.Н. Некоторые аспекты влияния статуса нейтральности на торговые отношения государств // Вестник ИНЖЭКОНА 2011. Серия: Экономика. №3(46). –СПб.: ИзПК СПбГИЭУ, 2011.

238. Коростелев С.В., Качук В.Н. Политико-правовые аспекты регламентации свободы судоходства в российском секторе Арктики. Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. Т. 9. Кн. 2. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. Санкт-Петербург. 2014.

239. Коростелев С.В., Качук В.Н. Проблема легитимации применения силы резолюциями СБ ООН / Проблемы права в современной России: сб. статей междунар. межвузов. научно-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-

та, 2009. Т.2.

240. Коростелев С.В., Кириленко В.П. Правовые аспекты правомерной деятельности государств по использованию по использованию вооружённых сил для защиты своих граждан на территории зарубежных государств // Время и право: Научно-практический журнал Северо-Западного (г. Санкт-Петербург) филиала ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» №2/2011.

241. Коростелев С.В., Кириленко В.П. Проблема метода заявления правомерности обращения государств к силе в нормативных рамках Устава ООН / Проблемы права в современной России: сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции. Т.2. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 2009.

242. Кремень Т. В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21).

243. Малеев Ю.Н. Превентивная самооборона в современном формате // Россия и международное право. – М.: МГИМО-Университет, 2006.

244. Малеев Ю.Н. Силовая составляющая международного права // Российский ежегодник международного права, 2005. – СПб, 2006.

245. Малинина С.А. Правовые ограничения средств массовой информации и характеристика методов агитации в избирательном процессе // Диалог: политика, право, экономика» № 1. (12) 2019.

246. Пашина А.Д. Доктрина «самообороны» в современном международном праве // Научные итоги 2011 года: достижения, проекты, гипотезы.- Новосибирск.- 2011 г.

247. Тарасова Л.Н. О легитимности в международном праве // Современное право №11 2012.

248. Тузмухамедов Б. Упреждение силой и современность // Россия в глобальной политике №2, Март-Апрель 2006.

249. Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015;(4):253-258.

250. Цыганков П.А. Безопасность: кооперативная или корпоративная. Критический анализ международно-политической концепции. - ПОЛИС. Политические исследования. 2000, N 3.

251. Цыганков П.А. Безопасность: кооперативная или корпоративная. Критический анализ международно-политической концепции. // ПОЛИС. Политические исследования. 2000, N3.

252. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.

253. Alexander, Yonah and Swetnam; Michael S. Usama bin Laden’s al-Qaida: Profile of a Terrorist Network, Ardsley, NY: Transnational Publishers, 2001.

254. Art, Robert J. “To What Ends Military Power?” International Security, Vol. 4, No. 4, Spring 1980.

255. Bjola, Corneliu. Legitimating the Use of Force in International Politics: A Communicative Action Perspective. European Journal of International Relations; June 2005; 11, 2; ABI/INFORM Global, pg. 266-303.

256. Brown, Cris. Self-Defense in Imperfect World. Ethics & International Affairs. Annual Journal of the Carnegie Council on Ethics and International Affairs, Volume 17, No. 1, 2003.Лившиц Р.З. О легитимности закона // Теория права: новые идеи. — М., 1995.

257. Barry R. Posen and Andrew L. Ross, "Competing Visions for U.S. Grand Strategy," International Security, Vol. 21, No. 3, Winter 1996/1997.

258. Bunn, Elaine M. Preemptive Action: When, How, and to What Effect? Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Strategic Forum No. 200, July 2003.

259. Chandrakala Padia. Terrorism: An Analysis. The Indian Journal of Political Science. Vol. 49, No. 3. (July - Sept. 1988).

260. Deeks, Ashley S. "Unwilling or Unable": Toward a Normative Framework for Extraterritorial Self-Defense. Virginia Journal of International Law. Volume 52 — Number 3 — Page 483.

261. Douglas, Mark. Changing the Rules: Just War Theory in the Twenty-First Century. Theology Today. Princeton: Jan 2003. Vol. 59, Iss. 4; pg. 529. Глава «Historical Change and Its Impact on Just War Criteria».

262. Franck and Lockwood, 'Preliminary Thoughts Towards an International Convention on Terrorism,' Am. J. Int'l L. 68: 69, 73.

263. Humanitarian Intervention. Legal and Political Aspects. Danish Institute of International Affairs 1999. 2nd impression 2000. 135 pgs.

264. Kantareva, Silva D. The Responsibility to Protect: Issues of Legal Formulation and Practical Application. Interdisciplinary Journal of Human Rights Law. Vol. 6:1 2011–2012.

265. Keohane, Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in World Political Economy. International Affairs 61(2), January 1984. DOI: 10.2307/2617490.

266. Ku, Charlotte, "Catholicism, the Peace of Westphalia, and the Origins of Modern International law," 1 The European Legacy (1996).

267. Leaning, Jennifer. Was the Afghan Conflict a Just War? British Medical Journal. (International edition). London: Feb 9, 2002. Vol. 324, Iss. 7333.

268. Legro, Jeffrey W. Which Norms Matter? Revisiting the 'Failure' of Internationalism. International Organization, Winter 1997, V. 51, iss. 1.

269. Levy, Jack S. "Declining Power and the Preventive Motivation for War," World Politics, Vol. 40, No. 1, October 1987.

270. Lobel, J., Ratner, M. "Bypassing the Security Council: Ambiguous Authorizations to Use Force, Cease-Fires and the Iraqi Inspection Regime," American Journal of International Law, Vol. 93, No. 1, January 1999.

271. Maogoto, Jackson Nyamuya. New Frontiers, Old Problems: The War on Terror and the Notion of Anticipating the Enemy. Netherlands International Law Review. Cambridge: Apr 2004. Vol. 51, Iss. 1.

272. Michael McGinty. That Was the War That Was: International Law, Pre-emption and the Invasion of Iraq. RUSI Journal. London: Jun 2003. Vol. 148, Iss. 3; pg. 20.

273. Murphy, Sean, 'Self-Defense and the Israeli Wall Advisory opinion: An Ipse Dixit from the ICJ?' (2005) 99 American Journal of International Law 62, 64-5.

274. Posner, Eric A. Fear and the Regulatory Model of Counterterrorism. Harvard Journal of Law and Public Policy. Cambridge: Spring 2002. Vol. 25, Iss. 2; pg. 681.

275. Rice, Condoleezza. "Campaign 2000: Promoting the National Interest," Foreign Affairs, Vol. 79, No. 1, January/February 2000, pp. 45-62.

276. Risse, Thomas. '"Let's Argue!" Communicative Action in World Politics', International Organization 54 (1).

277. Rivkiv, David B. Jr. The Virtues of Preemptive Deterrence. Harvard Journal of Law and Public Policy; Fall 2005; 29, 1; Research Library, pg.85.

278. Roberts, Guy B. The Counterproliferation Self-Help Paradigm: A Legal Regime for Enforcing the Norm Prohibiting the Proliferation of Weapons of Mass Destruction, 27 Denver Journal of International Law and Policy, Summer, 1999.

279. Root, Elihu, The Real Monroe Doctrine, 35 American Journal of International Law: 427 (1914).

280. Sederberg, Peter C. "Conciliation as Counter-Terrorist Strategy," Journal of Peace Research, Vol. 32, No. 3, August 1995.

281. Sinclair, G. F. Don't Mention the War (On Terror): Framing the Issues and Ignoring the Obvious in The ICJ'2005 Armed Activities Decision. Melbourne Journal of International Law. Volume 8, 2007.

282. Stromseth, Jane E. New Paradigms for the Ius ad bellum? The George Washington International Law Review; 2006; 38, 3 ABI/INFORM Global.

283. Travalio, Greg, Altenburg, John. Terrorism, state responsibility, and the use of military force. Chicago Journal of International Law. Chicago: Spring 2003. Vol. 4, Issue 1.

284. Vaclav Havel, Desmond M. Tutu. Threat to the Peace: A Call for the UN Security Council to Act in Burma. DLA Piper Rudnik Gray Cary US LLP, September 20, 2005.

Electronic resources

285. Блаженный Августин. Творения. – Том 3–4. О Граде Божием. – СПб.: Алетейя, 1998. Подготовка текста к печати С. И. Еремеева (оцифровка с издания: Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000). - Режим доступа: URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem=1_2.

286. Брок Л. Легитимация и критика насилия в международном праве. Политологическая перспектива. Кантовский сборник. 2013 Выпуск №4(46). -

Режим доступа: URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2c1/Brock_30-41.pdf.

287. Военная стратегия. Под редакцией Маршала Советского Союза Соколовского В.Д. Издание второе, исправленное и дополненное. Военное издательство Министерства обороны СССР. М., 1963. - Режим доступа: URL: http://www.ipmb.ru/publik/learning/Military_strategy/strateg.htm.

288. Гаврилов В. В. Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права, № 11, ноябрь 2004 г. - Режим доступа: Гарант Платформа F1.

289. Гаджиев К. С. Политология. М.: Логос, 2001. - Режим доступа: URL: http://bibliotekar.ru/politologia-2/29.htm.

290. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. Изд. 3-е без перемен. СПб., 1905. - Режим доступа: URL: http://az.lib.ru/g/gizo_f/text_1828_histoire_de_la_civilisation_en_europe.shtml.

291. Гоббс, Томас. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - Режим доступа: URL: http://www.philosophy.ru/library/hobbes/ogl.html.

292. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. - Режим доступа: URL: http://xn--d1aml.xn--h1aaridg8g.xn--p1ai/20/dogovor-o-nenapadenii-mezhdu-germaniey-i-sovetskim-soyuzom/.

293. Дугин, А. Изъяны формальной демократии // Московские новости. http://mn.ru/print.php?2006-46-22.

294. Капитанец И. М. Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки. Глава II. Классификация поколений войн. - Режим доступа: URL: http://militera.lib.ru/science/kapitanetz/02.html.

295. Кашинская Л. Ф., Саидов А. Х. Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // Журнал российского права №12, декабрь 2005 г. - Режим доступа: ГАРАНТ Платформа F1.

296. Конвенция (II) об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам (Гаага, 18 октября 1907 года). - Режим доступа: URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_444?test=4/UMfPEGznhh8RF.ZivokrLwHI4lMs80msh8Ie6.

297. Конвенция (III) «Об открытии военных действий» (Гаага, 18 октября 1907 г.). - Режим доступа: URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_b85.

298. Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств. - Режим доступа: URL: https://docplayer.ru/151742324-Konvenciya-montevideo-o-pravah-i-obyazannostyah-gosudarstv.html.

299. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика, 2004 г. - Режим доступа: URL: http://allpravo.ru/library/doc99p0/instrum2232/print2235.html.

300. Марочкин С. Ю. Международное право: 60 лет после создания

ООН // Журнал российского права, № 3, март 2006 г. - Режим доступа: Система ГАРАНТ Платформа F1.

301. Материалы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. Протокол Берлинской конференции трех великих держав 1 августа 1945 г. - Режим доступа:
URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/berlin_main.htm.

302. Ориген. Против Цельса. Книга третья. VIII. - Режим доступа:
URL: http://azbyka.ru/otechnik/Origen/protiv_celsa/3.

303. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. - Режим доступа:
URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1941.html.

304. Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации //Журнал российского права. №5, май 2006 г. - Режим доступа: ГАРАНТ Платформа F1.

305. Проект Кодекса об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. - Режим доступа:
URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/code_of_offences.pdf.

306. Проект Конвенции о предотвращении и наказании за преступление терроризма. - Режим доступа:
URL: https://dl.wdl.org/11579/service/11579.pdf.

307. Сандоз, Ив. Конвенция от 10 октября 1980 года о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Конвенция от 10 октября 1980 года). United Nations Audiovisual Library of International Law. - Режим доступа:
URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/cprccc/cprccc_r.pdf.

308. Синицына Ю.В. Критерии необходимости и соразмерности (пропорциональности) при реализации права на самооборону // Журнал международного права и международных отношений. 2010. N 1. - Режим доступа: URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5550.html.

309. Тертуллиан. Апологетик. Глава 9 (8). - Режим доступа:
URL: http://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/apologetik/.

310. Фома Аквинский. Сумма теологии. Том VII. Вопрос 40 «О войне». Раздел 1. Всегда ли греховно вести войну? - Режим доступа:
URL: http://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/40.

311. Хойер В. Реформировать международное право, чтобы его сохранить // Журнал «Международная политика», 2003, № 6. - Режим доступа: URL: http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2004-01/article08_p.html.

312. Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве; О законах. – М., 1994. - Режим доступа: URL: http://grachev62.narod.ru/ciceron/Ogl.html

313. Че Гевара. Партизанская война. - Режим доступа:
URL: http://www.akm1917.org/teo/gevara/guerillawar.htm.

314. Anderson, Kenneth. Five Fundamental International Law Approaches to the Legality of a Syria Intervention- Режим доступа:
URL: www.lawfareblog.com/2013/09/five-fundamental-international-law-approaches-to-the-legality-of-a-syria-intervention.

315. British-American Diplomacy. The Caroline Case. - Режим доступа:
URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/br-1842d.asp (дата обращения: 12.01.2015

316. Carr, Craig L., Kinsella, David. Preemption, Prevention, and Ius ad bellum. Hatfield School of Government, Portland State University. Paper prepared for presentation at the annual meeting of the International Studies Association, March 2006, San Diego. - Режим доступа:
URL: http://web.pdx.edu/~kinsella/papers.html.

317. Cohen, Richard. Cooperative Security: From Individual Security to International Stability. - Режим доступа:
URL: https://www.marshallcenter.org/en/publications/marshall-center-papers/cooperative-security-new-horizons-international-order/cooperative-security-individual-security-international.

318. Pictet, Jean S. Commentary on the Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. - Режим доступа:
URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/GC_1949-IV.pdf.

319. Emer de Vattel. The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature, applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns, With Three Early Essays on the Origin and Nature of Natural Law and on Luxury/edited and with an introduction by Bela Kapossy and Richard Whatmore; translated by Thomas Nugent. Liberty Fund, Inc. 2008. - Режим доступа: URL: http://lf-oll.s3.amazonaws.com/titles/2246/Vattel_1519_LFeBk.pdf.

320. Francisco Suárez. DE LEGIBUS. - Режим доступа:
URL: http://www.sydneypenner.ca/su/DL_1_13.pdf

321. Hamdi v. Rumsfeld, 542 U.S. 507 (2004). - Режим доступа:
URL: https://www.lawfareblog.com/hamdi-v-rumsfeld-542-us-507-2004.

322. Helmuth von Moltke (the elder). On the Nature of War. - Режим доступа: URL: http://www.bellum.nu/wp/hvm/hvmotnow.html.

323. Henry A. Kissinger. A World Restored: Metternich; Castlereagh, and the Problems of Peace 1812–22 (London: Weidenfeld and Nicolson, 1957). Цитируется по: Rostow, Nicholas. Grand Strategy and International Law. Strategic Forum No. 277. April 2012. - Режим доступа:
URL: http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-277.pdf

324. Humanitarian Intervention. Legal and Political Aspects. Danish Institute for International Studies, 2nd impression 2000, 135 PP. - Режим доступа:
URL: http://www.diis.dk/graphics/Publications/Andet/Humanitarian_Intervention_1999.pdf.

325. Independent International Commission on Kosovo: The Kosovo Report. - Режим доступа:
URL: http://www.reliefweb.int/library/documents/thekosovoreport.htm.

326. Jean Bodin. Six Books of the Commonwealth. Abridged and translated by M. J. Tooley, Basil Blackwell Oxford. Printed in Great Britain in the City of Oxford at the Alden Press Bound by the Kemp Hall Bindery, Oxford. - Режим доступа: URL: http://www.constitution.org/bodin/bodin_.htm.

327. Joint Doctrine Note 1-18. Strategy. II-8. 25 April 2018. - Режим доступа: URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540.

328. Joint Publication 1, Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. - Режим доступа:
URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jp1.pdf.

329. Kagan, R. Looking for Legitimacy in All the Wrong Places. Foreign Policy & Carnegie Endowment Special Report. - Режим доступа:
URL: http://www.ciaonet.org.ezproxy6.ndu.edu/olj/fp/fp_julaug03ab.html.

330. Treaty between the Holy Roman Emperor and the King of France and their respective Allies. - Режим доступа:
URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp.

331. Kukathas, Chandran. A Definition of the State. Presented at a conference on ‘Dominations and Powers: The Nature of the State’, University of Wisconsin, Madison, March 29, 2008. - Режим доступа:
URL: http://philosophy.wisc.edu/hunt/A%20Definition%20of%20the%20State.htm.

332. Leitenberg, Milton. Deaths in Wars and Conflicts in the 20th Century, 3rd ed. Cornell University Peace Studies Program Occasional Paper #29. - Режим доступа:
URL: http://www.cissm.umd.edu/papers/files/deathswarsconflictsjune52006.pdf.

333. Locke, John. Two Treatises of Government, ed. Thomas Hollis (London: A. Millar et al., 1764). The Online Library of Liberty. Classics in the History of Liberty. - Режим доступа:
URL: http://oll.libertyfund.org/texts/Locke0154/TwoTreateses/0057_Bk.html

334. Mao Tse-Tung. On Protracted War. The Basis of The Problem, at. 9. Transcription by the Maoist Documentation Project. HTML revised 2004 by Marxists.org. - Режим доступа:
URL: http://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/index.htm.

335. Monaghan, Sean. Countering Hybrid Warfare: So, What for the Joint Force? PRISM Vol. 8, No. 2, Oct. 4, 2019. - Режим доступа:
URL: https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/1979787/countering-hybrid-warfare-so-what-for-the-joint-force/.

336. National Security Council. The National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: US Government Printing Office, 2002. - Режим доступа: URL: http://merln.ndu.edu/whitepapers/USNSS-Russian.pdf.

337. National Security Strategy of the United States of America. May 2010. - Режим доступа:
URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_

strategy.pdf.

338. Principles of War by Carl von Clausewitz. “Translated and edited by Hans W. Gatzke. September 1942. The Military Service Publishing Company. - Режим доступа: URL: http://www.clausewitz.com/readings/Principles/index.htm.

339. Reisman, W. Michael, "International Incidents: Introduction to a New Genre in the Study of International Law" (1984). Faculty Scholarship Series. Paper 740. . - Режим доступа:
URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/740.

340. Reisman, W. Michael, “Criteria for the Lawful Use of Force in International Law” (1985). Faculty Scholarship Series. Paper 739. - Режим доступа: URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/739.

341. Rostow, Nicholas. Grand Strategy and International Law. Strategic Forum No. 277. April 2012. - Режим доступа:
URL: http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-277.pdf.

342. Schmid, Alex. Terrorism - The Definitional Problem, 36 Case Western Reserve Journal of International Law. 375 (2004). - Режим доступа:
URL: http://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol36/iss2/8.

343. Spahn, Martin. The Thirty Years War (Transcribed by Douglas J. Potter). The Catholic Encyclopedia, Volume XIV. Online Edition. - Режим доступа: URL: http://www.newadvent.org/cathen/The Thirty Years War.htm

344. The Treaty of Münster, 1648. - Режим доступа:
URL: http://www1.umassd.edu/euro/resources/dutchrep/14.pdf.

345. Thycydides. History of the Peloponnesian War. Chapter XVII. The Milan Dialogue. - Режим доступа:
URL: http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/melian.htm/

346. Wolfers, Arnold. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. - Режим доступа:
URL: https://archive.org/details/discordandcollab012923mbp.

Internet publications

347. «Террористическая угроза: власть и общество». Актуальные новости (29-30 сентября 2004 г.) URL: http:/1566/2004/09/30.php?printv=1.

348. Alien, M., Gellman, B. Preemptive Strikes Part of U.S. Strategic Doctrine; 'All Options' Open for Countering Unconventional Amis, Wash. Post Al (Dec 11, 2002).
URL: http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/WMDStrategy.pdf.

349. Betts, Richard K. The Osirak Fallacy. The National Interest: Spring 2006, Posted On: 3/17/2006.
URL: http://www.ciao.ezproxy6.ndu.edu/olj/ni/ni_sp06/ni_sp06c.html.

350. Bobbitt, Philip. In This New Age of Warfare, We Need Clearer Rules on When to Cross Borders. The Guardian. Monday 16 June 2008.
URL: http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/jun/16/terrorism.terrorism/p

rint.

351. Cohen, William S. and Shelton, Henry H. Defense Link: DoD News Briefing of August 20, 1998.
URL: http://www.defenselink.mil/news/Aug1998/t08201998 t820brfg.html.

352. Hurdaug, Ian. Bomb Syria, even if It Is Illegal. The New York Times. August 27, 2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/08/28/opinion/bomb-syria-even-if-it-is-illegal.html?_r=1.

353. Israelis ‘blew apart Syrian nuclear cache’: Secret raid on Korean shipment. The Sunday Times. 17 September 2007.
URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/middle_east/article2461421.ece.DoctineOrkaby, Asher. Syria’s Chemical Weapons Might Start a New Six Day War. The Wall Street Journal. June 4, 2017.
URL: https://www.wsj.com/articles/syrias-chemical-weapons-might-start-a-new-six-day-war-1496605055.

354. S. Korea: "Obvious" North Torpedoed Our Ship: Foreign Minister Says Investigators Have Enough Evidence to Prove North Korean Attack Killed 46 Sailors.
URL: http://www.cbsnews.com/stories/2010/05/19/world/main6498333.shtml;
URL: http://www.nytimes.com/2010/05/20/world/asia/20korea.html?_r=1.

355. Timothy W. Maier. KAL 007 Mystery.
URL: http://web.archive.org/web/20010919141246/www.insightmag.com/archive/200104171.shtml.

356. URL: http://lenta.ru/russia/2004/09/08/baluevski/_Printed.htm.

357. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=4698.

358. URL: http://news.mail.ru/politics/2236121/print/.

359. URL: http://president.kremlin.ru/withflash/varPriorityPTemplPriorId5748.shtml(11 сентября 2002 г.).

360. URL: http://www.lenta.ru/terror/2004/09/09/ivanov/_Printed.htm.

361. Арас, Дж. Терроризм: вчера, сегодня, и навеки. - Баку: SADA, 2003. URL: http://www.worldwarfour.org/blok1_6.shtml.

362. Бабакин А., Ямшанов Б., Дымарский В. “Белая книга” министра обороны // Российская газета – Федеральный выпуск №3335 от 31 октября 2003 г. URL: http://www.rg.ru/2003/10/31/doktrina.html.

363. Балуевский Ю. Доклад на ежегодной конференции Академии военных наук. Опубликовано в Независимой газете от 21.01.2008. http://www.ng.ru/editorial/2008-01-21/2_red.html.

364. Балуевский Ю. Доклад на ежегодной конференции Академии военных наук. Опубликовано в Независимой газете от 21.01.2008.
URL: http://www.ng.ru/editorial/2008-01-21/2_red.html; U

365. Боббит Ф. Войны новой эпохи требуют более четких норм, определяющих право на вторжение ("The Guardian", Великобритания). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru 16 июня 2008.
URL: http://www.inosmi.ru/translation/241986.html.

366. Брок Л. Легитимация и критика насилия в международном праве.

Политологическая перспектива. Кантовский сборник. 2013 Выпуск №4(46). URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2c1/Brock_30-41.pdf.

367. Выступление Президента России В.В. Путина на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004 г., Москва, Дом Правительства России. URL: http://www.kremlin.ru/text/appears/2004/09/76651.shtml.

368. Гареев М.А. Отвлеченные призывы и декларации не нужны. Опубликовано в НГ-НВО от 25.01.2008. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2008-01-5/5_prizyvy.html.

369. Иванов В. Ответы на вызовы “мира растущей жестокости”. Опубликовано в НВО-НГ от 01.02.2008. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2008-02-01/2_cruelty.html.

370. Котляр В. «Активная» оборона России и международное право. Опубликовано в НГ-НВО от 04.09.2009. http://nvo.ng.ru/concepts/2009-09-04/1_oborona.html.

371. Мусатов, В. О "Пражской весне" 1968 г. URL: http://www.pseudology.org/chtivo/Prazhskaya_vesna1968.htm

372. Ошибка в Google Maps чуть не привела к началу войны в Центральной Америке. URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2010/11/05/n_1567954.shtml#.

373. Публикация в газете Правда. 22 августа 1968 г. URL: http://www.svoboda.org/content/transcript/24203533.html.

374. Рейтинг военной мощи стран мира. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/global-firepower.

375. Ривкин, Дэвид Б., Кейси, Ли Эй. Юридическая сторона иранского вопроса. www.zip.org.ua, 2006—6-10.

376. Россия будет наказывать. // Взгляд. Деловая газета. URL: http://www.vz.ru/politics/2007/2/5/67213.html.

377. Румянцев Ф. Лавров терроризирует ООН. Газета.Ru. URL: http:/www.gazeta.ru/print/2004/09/28/oa_134829.shtml.

378. Саможнев А. Оплата «кровавого» счета. Опубликовано в Российской Газете (Федеральный выпуск) N4789 от 11 ноября 2008 г. http://www.rg.ru/2008/11/11/usa-livia.html.

379. Скандал с российским траулером "Электрон". URL: http://www.rg.ru/sujet/2227/.

380. Скотников Л.А. «Право на самооборону и новые императивы безопасности. Международная жизнь», №9, сентябрь 2004 г. Приводиться по «министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Статья Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН в Женеве и при Конференции по разоружению, опубликованная в журнале», www.mid.ru, 28-09-2004.

381. Сокор В. Никаких скидок на безопасность в Прибалтике ("The Wall Street Journal", США). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru 27 февраля 2004. URL: http://www.inosmi.ru/translation/208129.html.

382. Судебные процессы по иску швейцарской фирмы "Нога" к России. Справка. URL: http://ria.ru/spravka/20051116/42107336.html.

383. Террористическая угроза: власть и общество. Актуальные новости (29-30 сентября 2004 г.)
URL: http:/www.hro.org/editions/demos/2004/09/30.php?printv=1.

384. Трубников В. Россия не уступит никому свое место в СНГ. Время Новостей, N°44, 17 марта 2004. URL: http://vremya.ru/2004/44/5/94017.html.

385. Тузмухамедов Б. От политических деклараций – к правовым доводам: В споре с Грузией возрастает значение юридических аргументов // Независимая газета. URL: http://www.pankisi.info/media/?page=ru&id=14187.

386. Тузмухамедов Б. Право на силу: Международное право эволюционирует в том, что касается вооружённой борьбы //Гуляй-поле | Российско-Украинское обозрение. 3 July 2007.
URL: http://www.politia.ru/concept/204.html?mode=print.

387. Тузмухамедов Б. Право на силу: Международное право эволюционирует в том, что касается вооружённой борьбы //Гуляй-поле | Российско-Украинское обозрение. 3 July 2007.
URL: http://www.politia.ru/concept/204.html?mode=print.

388. Тузмухамедов Б. Упреждение силой и современность / Россия в глобальной политике №2, Март-Апрель 2006.
URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5550.html.

389. Удары по семье, удары по «Аль-Каиде». Жизнь Билла Клинтона: публичная и "параллельная". НГ EXLIBRIS, # 23 (324) 30 июня 2005 г.
URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2005-06-30/3_klinton.html.

390. Хойер Вернер. Реформировать международное право, чтобы его сохранить // Журнал «Международная политика», 2003, № 6.
URL: http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2004-01/article08_p.html.

391. Ярёменко В. Шестидневный разгром: К 40-летию начала Арабо-израильской войны 1967 г.
URL: http://www.polit.ru/analytics/2007/06/05/shestdney.html.

Articles in periodicals

392. Солдатов А. Кибер-сюрприз // Новая газета №40 (1260) 31.05-03.06.2007, С. 12.

393. “Analysts: New Strategy Courts Unseen Dangers; First Strike Could Be Precedent for Other Nations,” Washington Post, September 22, 2002, final edition, p. A01.

394. “Six Degrees of Preemption,” Washington Post, September 29, 2002, final edition, p. B2.

395. Arkin, W. Not Just A Last Resort? A Global Strike Plan, With a Nuclear Option. (Sunday, May 15, 2005; B01).

Annex 1

Examples of conflicts identified in the UN Security Council's practice as a "threat to peace and international security." [586][587]

	Resolution *S/RES/*	The overthrow of Democratic Government	Conflict Among Factions	Human/ Human rights violations	Refugee Overflows	*Other* (Drug Trafficking)	*Other* Other causes (HIV/AIDS)
Libya	*S/RES 1973 (2011)*			**Δ**			*the need to ban all flights in airspace*
Ivory Coast	*S/RES 1842 (2008)*			**Δ**			*the need to ensure elections*
Dem.Respub. Congo	*S/RES 1843 (2008)*			**Δ**	**Δ**		*humanitarian situationI*
Somalia	*S/RES 1838 (2008) 1844 (2008)*		**Δ**	**Δ**			*piracy and armed robbery against the courts*
Globally	*S/RES 1368 (2001) 1904* (2009) *1535 (2005*)						*acts of terrorism*
Kosovo	*S/RES 1244 (1999) 1203 (1998) 1199 (1998)*			**Δ**	**Δ**		*humanitarian situationI*
Sierra Leone	1132 (1997)	**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**		
Afghanistan	*S/RES* 1076 (1996)		**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**	
Yemen	*S/RES* 924 (1994)		**Δ**	**Δ**			
Haiti	*S/RES* 841 (1993)	**Δ**		**Δ**	**Δ**		
Rwanda	*S/RES* 812 (1993)		**Δ**	**Δ**	**Δ**		
Liberia	*S/RES* 788 (1992)		**Δ**	**Δ**			
Cambodia	*S/RES* 668 (1990)		**Δ**				
Burma		**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**	**Δ**

[586] Vaclav Havel, Desmond M. Tutu. Threat to the Peace: A Call for the UN Security Council to Act in Burma. DLA Piper Rudnik Gray Cary US LLP, September 20, 2005, P.i.
[587] Italics in the table highlight the author's additions.

In the practice of the UN Security Council, "threats to peace and international security" were also referred to (the list is not closed):

the problem of anti-personnel landmines, anti-tank landmines and explosive remnants of war;[588]

the illegal production, transfer and circulation of small arms and light weapons, and their excessive accumulation and uncontrolled proliferation in many regions of the world, with wide humanitarian and socio-economic implications, in particular for the safety of civilians, as a result of inciting armed conflict, which in turn exacerbates the risks of gender-based violence and the recruitment of child soldiers;[589]

drug trafficking and transnational organized crime;[590]

worsening of the humanitarian situation and an increase in human rights and IHL;[591]

proliferation of nuclear, chemical and biological weapons, as well as their means of delivery;[592]

deliberate attacks on civilians per se and on other protected persons and systematic, egregious and widespread violations of applicable IHL and international human rights standards in the context of armed conflict;[593]

acts of violence that pose a threat to the security of international civil aviation, [594]etc.

[588] UN Document S/RES/1917.
[589] UN Document S/PRST/2010/6.
[590] UN Document S/PRST/2010/4.
[591] UN Document S/RES/1199.
[592] UN Document S/RES/1695.
[593] UN Document S/RES/1894.
[594] UN Document S/RES/2166.

Annex 2

Examples of states' justifications for the use of force to refute the alleged misuse of armed force.[595]

Table 2.1 Affirmative Defenses Offered for Arguably-Illegal Uses of Armed Force

The actions taken were part of "the inherent right of individual or collective self-defence."	The actions were taken in response to direct aggression in the form of an "armed attack." The actions were taken in response to indirect aggression tantamount to an "armed attack." The actions were taken in anticipation of an "armed attack" to which a state has clearly committed itself and as such can be said already to have "occurred." The actions were taken to protect citizens abroad against an imminent or ongoing "armed attack."
The actions taken were not directed against "the territorial integrity or political independence of any State."	The actions were taken in response to the invitation of a lawful government or with its consent. The actions were taken as a lawful vindication of legal rights. The actions were taken to recover lawful territory. The actions were taken as reprisals in response to the illegal actions of another state.
The actions taken were "consistent with the Purposes of the United Nations."	The actions were taken as part of a lawful humanitarian intervention. The actions were taken in accordance with a Security Council Resolution.

[595] Westra, Joel H. Law, Power, and Argumentation: The UN Charter and Uses of Armed Force by Major Powers since 1945. A Dissertation Submitted to the Faculty of the Division of the Social Sciences in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Volume One. The University of Chicago, Illinois. June 2004. P. 51.

Annex 3

Arguments of the parties during a discussion in the UN Security Council on Israel's strike on the headquarters of the Palestine Liberation Organization in the Tunisian suburb of Borj Cedria in 1985. [596.]

Arguments of the victim of the attack and its supporters		The arguments of the state-perpetrator of the attack and its supporters
.... the Israeli raid is a flagrant act of aggression that violates Tunisia's territorial integrity, sovereignty and independence and a flagrant violation of the norms and norms of international law and the principles of the Charter of the United Nations. ... Failure to comply with the obligation to refrain from the use of force against the territorial integrity of any State, to refrain from resolving international disputes through peaceful means and, in particular, the use of arbitrary and disproportionate violence, under any pretext, including reprisals, is an unacceptable violation of paragraph 4 of article 2 of the Charter.		.... The PLO headquarters in Tunis was responsible for the development, planning, organization and implementation of "hundreds of terrorist attacks" against Israel, as well as on Israeli targets outside Israel and on Jews in other countries, and that Israeli forces had specifically targeted the PLO headquarters. ... Every State has an obligation to prevent armed attacks from its territory and no country will tolerate continuous attacks against its citizens by terrorists openly from its bases in another country. Moreover, sovereignty could not be separated from its consequent responsibility, and a country that did not fulfil its primary responsibility for preventing the use of its sovereign territory as a base for acts of aggression risked being held accountable for all the consequences of such evasion. ... The interests of the State in protecting its citizens may be higher than territorial sovereignty within the framework of exercising the right to self-defence in order to prevent armed attacks from other countries under Article 51 of the UN Charter.

[596] Texts of relevant statements see: S/17509 (Tunisia Letter, October 1, 1985), Official Security Council Reports, 40th Year, Supplement for October-December 1985; UN Documents: S/PV.2610: Tunisia, pages 8-11, India, pagse 23 and 24; S/PV.2611: France, page 7; Denmark, page 9; China, page 11; Turkey, pages 13-16; Australia, page 21; Israel, page 22-26, United Kingdom, page 41; Pakistan, page 57; S/PV.2613: Burkina Faso, page 21; Trinidad and Tobago, page 42; Morocco - 47 and 48, Jordan, pages 53-56; Israel, page 63 (second statement); S/PV.2615: Yugoslavia, pages 12 and 13; Indonesia, page 26; Nicaragua, page 31; Bangladesh, pages 53-56; Vietnam, page 68; Tunisia, pages 81-82 (second performance); Israel - 87 and 88 (third statement), and the United States of America - 11 and 112.

Annex 4

The arguments of the parties during the UN Security Council meeting in 2008 to discuss the legitimacy of Kosovo's unilateral declaration of independence.

Arguments of the victim of the attack and opponents of this act of use of force		Arguments of the state of the perpetrator of the attack and supporters of this act of use of force
... The arbitrary decision is a precedent that will cause irreparable damage to the international order. ... There are dozens of other Kosovos in the world, all of them waiting for the moment when the secession of Kosovo will become an acceptable norm... Kosovo's unilateral and illegal declaration of independence is a direct violation of the first principle of the UN Charter, the sovereign equality of all nations. My country asks the Security Council to take effective measures to ensure that all the provisions of the UN Charter and Resolution 1244 (1999) of the Council are fully complied with...[597] The unilateral declaration and its recognition are incompatible with the provisions of the Helsinki Final Act, which clearly enshrines the principles of inviolability of borders, as well as the possibility of changing borders in accordance with international law, peacefully and under the agreement.[598] ... Kosovo's declaration of independence did not comply with Resolution 1244 (1999). ... By setting a dangerous precedent, this event has negative consequences for international peace and security.[599] ... We had hoped that the consideration of this issue would lead to satisfactory results, ... that would then support the unity of Serbia and seal the peaceful coexistence between Serbs and Kosovars. Such a development would be a victory for the international community and a victory for the cause of peace.[600]		My Government believes that the unique circumstances of the turbulent disintegration of the former Yugoslavia and the unprecedented governance of Kosovo by the UN make this case unique and does not set precedents, a point agreed by all EU member states.[601] My country can not accept that the situation ... sets a precedent that threatens to undermine the territorial integrity of States.[602] Solution... the declaration of independence should not be considered separately from the recent history of the region or from the future prospects that both Serbia and Kosovo have had. ... Since the very beginning, Kosovo has been an exceptional case that requires special decisions.[603] Kosovo's declaration of independence was the culmination of a long, unique process generated by the disintegration of Yugoslavia, which took place on an out-of-contract basis, with violence. ... Kosovo's declaration of independence is a logical, legitimate, and legal way out of the current situation. The Declaration of Independence is fully in line with resolution 1244 (1999) and clearly recognizes that the resolution remains in force.... She recognized the unique nature of the situation in Kosovo by demanding that the SRYR withdraw its troops ... and to transfer Kosovo to the interim UN, thereby effectively abolishing Kosovo's governance system from Belgrade ... There are

[597] Speech by Serbian President B. Tadic at the 5839 UN Security Council meeting on February 18, 2008. UN Document S/PV.5839. P. 5-6.
[598] Speech by the Permanent Representative of the Russian Federation. Ibid, P. 7.
[599] Speech by Vietnam's Permanent Representative. Ibid, P 16.
[600] Statement by the Permanent Representative of Burkina Faso. Ibid, P. 18.
[601] Speech by the Permanent Representative of the United Kingdom. Ibid, P.16.

		factors that distinguish the situation from those in other parts of the conflict and which do not allow it to be seen as a precedent for other regions. We did not agree, disagree and do not accept that the example of Kosovo is a precedent for any other conflict or dispute.[604] This situation is unique because it marks the result of a special historical process: the disintegration of the former Yugoslavia in the 1990s and the subsequent period of UN-sponsored governance. The pan-European perspective offered by Kosovo and Serbia is also specific in nature and applies only to this situation.[605]

[602] Speech by the Permanent Representative of the Libyan Arab Jamahiriya. Ibid, P.17.
[603] Statement by the Croatia's Permanent Representative. Ibid, P.17.
[604] Statement by the U.S. Permanent Representative to the United Nations. Ibid, P. 21-23.
[605] Statement by the Permanent Representative of France. Ibid, P. 23.

Annex 5

Arguments of the parties during the discussion in the UN Security Council when discussing the situation in South Ossetia in 2008.

Arguments of opponents of this act of use of force		Arguments of the implementing state and supporters of this act of use of force
Recognizing the independence of Abkhazia and South Ossetia, the Russian Federation has violated and continues to violate the principles of the equal rights of peoples to self-determination, non-interference in the internal affairs of other states and respect for human rights and fundamental freedoms enshrined in the UN Charter and the Helsinki Final Act, which are the fundamental principles of international law... The unilateral declaration of independence and its recognition are incompatible with the provisions of the Helsinki Final Act, which clearly specify the principles of the inviolability of borders and the territorial integrity of States and allow the possibility of changing state borders only by peaceful means on the basis of international law and with the consent of the parties.[606] "Russia's recognition of South Ossetia and Abkhazia as independent states is incompatible with the UN Charter and runs counter to numerous Security Council resolutions. Just five months ago, on 15 April this year, the Security Council adopted Resolution 1808 (2008), which, as in many previous resolutions, contained the following wording of the first paragraph of the ruling: "The Security Council reaffirms the commitment of all Member States to Georgia's sovereignty, independence and territorial integrity within its internationally recognized borders..." This simple statement, which cannot be misinterpreted, was unanimously supported by all members of the Security Council and has now been unilaterally ignored by the Russian Federation."[607]		... The members of the Security Council are reminded of the importance of respecting Security Council resolutions and respecting the principles of territorial integrity. And where are you ... were when we discussed Kosovo with you? In November 2007, the Security Council adopted a resolution reaffirming the principle of the territorial integrity of the States of the former Yugoslavia. Why did you not reaffirm this principle a few months later, when the Ahtisaari plan was presented to the Security Council? How about respecting resolutions? And what to do with respect for Resolution 1244, which directly prevents Kosovo from unilaterally declaring independence, since the UN's control over Kosovo is established, and it still exists in terms of Resolution 1244, nor to recognize Kosovo's declaration of independence in the event of a unilateral declaration. Where was and is your respect for international law in this case?[608]

[606] Speech by the representative of Georgia. UN Document S/PV.5969, P. 4.
[607] Speech by the U.S. Permanent Representative. Ibid, PP. 16-17.
[608] Speech by the Russian Permanent Representative. Ibid, P. 19.

Annex 6

Arguments of the parties when discussing in the UN Security Council U.S. missile strikes on objects located in the territories of Sudan and Afghanistan in 1998.

Arguments of the victim of the attack and its supporters		The arguments of the state-perpetrator of the attack and its supporters
... The Tran was the victim of an act of air aggression by the United States, which launched a missile attack on the drug and veterinary equipment manufacturer Al-Shifa Pharmaceutical Plant. ... The U.S. Government stated that it was responsible for this illegal act of aggression, which is a flagrant violation of the sovereignty and territorial integrity of the UN member state, as well as a violation of international norms and customs, the UN Charter and the norms of civilized behavior... ... The U.S. government, which does not maintain diplomatic relations with Sudan, has never stated through diplomatic channels any suspicions about the plant... ... Repeated attempts by the U.S. Government to accuse Sudan of involvement in international terrorism have no evidence or evidence. The U.S. government has never provided concrete evidence to support its accusations against Sudan... ... The Government of Sudan ... repeatedly asked the U.S. government to cooperate with him by presenting any evidence and data ... The U.S. administration justifies its aggression by citing self-defense and Article 51 of the Charter. Sudan considers such an excuse naive, illogical and devoid of any justification, as it has not committed any acts that could be regarded as aggression or threat to the United States...[609]		In accordance with Article 51 of the UN Charter ... The United States exercised its right to self-defense in response to a series of armed attacks on embassies and citizens of the United States ... - both in order to prevent their recurrence and as a deterrent - the U.S. military today attacked a number of camps and facilities used by Bin Laden to support terrorist attacks against the United States and other countries. In particular, the U.S. military has attacked a chemical weapons facility in Sudan and training camps and terrorist bases in Afghanistan. These strikes were carried out only after repeated attempts to convince the Government of the Sudan and the Taliban regime in Afghanistan of the need to curb these terrorist activities and to end their cooperation with Bin Ladin ... The United States had no choice but to use armed force to prevent a recurrence of such attacks... The choice of targets for which the strikes were carried out, as well as the timing and methods of their infliction, was motivated by a desire to minimize the likelihood of harm to civilians and to comply with international law, including for reasons of necessity and proportionality...[610]

[609] A letter from the Permanent Representative of the Sudan to the United Nations dated 21 August 1998 to the President of the Security Council. UN Document S/1998/786.
[610] A letter from the U.S. Permanent Representative to the United Nations on August 20, 1998 addressed to the President of the Security Council. UN Document S/1998/780.

Annex 7

The "grey zone" in the legal regulation of the use of force in international relations: the discrepancy between the "perfect" provisions of the UN Charter and the practice of its use, i.e., "legitimate" and "unlawful" treatment of force[611]
(UN Charter Standards on the Use of Force)

Table 2
UN Charter Standards for the Use of Force

Legitimate	'Gray Zone'	Illegitimate
Self-defense against invasion, bombardment, blockade, or an armed attack of another state	Armed reprisals in times of peace	Interventions for facilitating self-determination
Protection of a state's territory, military and political independence	Protection of nationals abroad	Preventive interventions
Protection against the actions of a state which has made available its territory for perpetrating an act of aggression	Interventions to combat terrorism and acts of aggression committed by non-state actors	
Protection against acts of aggression committed by groups, irregulars or mercenaries	Capturing war criminals	
Collective interventions by or under the authorization of the Security Council	Pre-emptive actions	
	Humanitarian interventions	

[611] See: Bjola, Corneliu. Legitimating the Use of Force in International Politics: A Communicative Action Perspective. European Journal of International Relations; June 2005; 11, 2; ABI/INFORM Global, pg. 275-276.